Ю. Липс

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕЩЕЙ

105-145/72

МФ2

951648

10 ЭК.

63.5
161

Юлиус Липс

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕЩЕЙ

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Перевод с немецкого
В. М. БАХТА

Редакция и предисловие
проф. С. А. ТОКАРЕВА

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1954

63.5

JULIUS E. LIPS

VOM URSPRUNG DER DINGE

Eine Kulturgeschichte des Menschen

LEIPZIG

1952

ЦУНБ им. Н.А. Некрасова
Отдел хранения фондов

951648

105/145-72

Центральная городская
Публичная библиотека
им. Н. А. НЕКРАСОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Происхождение вещей» Юлиуса Липса — книга весьма своеобразная, и не только по своему несколько интригующему заглавию. Это — как бы попытка окинуть общим взглядом ход истории человеческой культуры и наметить основные вехи развития важнейших ее составных частей. Автор хочет показать читателю, каково происхождение тех «вещей», которые всех нас окружают.

Попытка эта представляет незаурядный интерес. Наша научная и популярная литература, к сожалению, очень бедна сочинениями, которые давали бы общее представление об истории развития хотя бы отдельных явлений и сторон культуры, особенно материальной. Если по истории искусства — отдельных его видов, — по истории религии, письменности и т. п. есть еще кое-какая литература, то по истории жилища, одежды, средств передвижения, форм хозяйства и пр. у нас нет ничего сколько-нибудь удовлетворительного. Книга Ю. Липперта «История культуры», в свое время неплохая, теперь сильно устарела, популярные книжки Коропчевского, Вейле, Левин-Дорш и др. не удовлетворяют читателя. Поэтому цель, поставленная автором этой книги, заслуживает серьезного внимания.

Насколько достигает автор этой цели? Чтобы лучше судить об этом, надо познакомиться поближе с самим автором книги. Его научная биография, развитие его взглядов представляют известный интерес.

Юлиус Липс (1895—1950) — немецкий профессор этнографии. Уроженец Саарской области, находящейся на перекрестке двух культур, немецкой и французской, он учился в Лейпцигском университете, одном из крупнейших центров этнографической науки того времени.

Будучи разносторонне образованным человеком, Ю. Липс помимо этнографии интересовался и другими вопросами общественной и культурной жизни. Среди ранних его печатных работ мы находим — «Интернациональное студенческое движение после войны» (1921), «Фердинанд Лассаль» (1924), «Отношение Томаса Гоббса к политическим партиям во время великой английской революции» (1927) и др. Его этнографические исследования

касались самых различных проблем хозяйства, быта и культуры различных, преимущественно отсталых, народов.

Несколько странно, что человек с широким научным кругозором, с такими разносторонними интересами увлекся самым сухим, узким и догматическим, самым реакционным из направлений немецкой буржуазной этнографии — «культурно-исторической» теорией Ф. Гребнера и на многие годы стал его убежденным последователем.

Как известно, это «культурно-историческое» направление оформилось около 1905 года (когда появились первые работы его основоположников — Гребнера, Фоя, Анкермана). Название этого направления способно лишь ввести в заблуждение, так как на деле в этом направлении нет ни культуры, ни истории. Оно представляет собой попытку свести все бесконечное разнообразие конкретных проявлений общественной и культурной жизни человечества в их развитии к немногим так называемым «культурным кругам», числом не более десяти, каждый из которых — механический и искусственный набор ничем не связанных между собою «культурных элементов», причем вся «история» этих «культурных кругов» заключается в их передвижении по земной поверхности и в смешении друг с другом — «диффузионистское» понимание истории культуры. Эта мертвенно-схематическая концепция (иначе называемая «теорией культурных кругов» или, проще, гребнерианством, иногда также «кёльнской» школой) одно время вошла, особенно в Германии и Австрии, в большую моду, и у нее появилось много последователей. Причину этого понять нетрудно: в наступившую эпоху империализма многие буржуазные ученые стремились покончить с теми относительно прогрессивными идеями, какие двигали буржуазную науку предыдущего периода — с идеей развития, прогресса, исторической закономерности; они искали оружия и против марксизма, который все глубже проникал в разные области знания. Таким оружием в области этнографии и оказалось гребнерианство с его принципиальным и «теоретически» обоснованным отказом от всякой идеи исторической закономерности, от всякого прогресса, развития. Недаром философской основой гребнерианства было реакционное учение неокантианца Риккерта, противопоставлявшего «науки о культуре» естественным наукам. Недаром наиболее ревностными последователями Гребнера оказались католические патеры во главе с небезызвестным Вильгельмом Шмидтом.

Но были и другие последователи у Гребнера: люди отнюдь не реакционного образа мыслей, но не сумевшие сразу распознать реакционно-антинаучного содержания модной школы и привлеченные к ней кажущейся стройностью концепции, которая как будто вносила порядок и систему в хаотическое море фактов. Среди таких людей был и Ю. Липс. Работая в Кёльнском этнографическом музее под непосредственным руководством Гребнера,

преподавая этнографию в Кёльнском университете, он стал одним из сторонников гребнеровского метода. В этом духе написан ряд его работ, опубликованных в этот период. Но даже и в те годы широкий научный кругозор Липса не позволял ему укладывать тематику своих работ в прокрустово ложе мертвой гребнеровской схемы — в них и в тот период было много свежего материала и интересных мыслей.

К концу 20-х годов XX века относится экспедиция Липса в Северную и Западную Африку (к туарегам, народам Камеруна), где он собрал богатый материал по народному творчеству, правовым обычаям и т. п. В отличие от большинства буржуазных этнографов Липс с уважением относился к местному населению. Он прямо писал впоследствии, что «полюбил» африканских негров. Гуманным духом уважения к труду и творчеству угнетенных народов колоний, ко всей их культуре проникнуты все последующие научные работы Липса. Некоторые из них своеобразны по замыслу, среди них следует упомянуть о книге, имеющей многозначительное название «The savage hits back» («Дикарь отвечает ударом на удар»), изданной в Англии и в США в 1937 году, в которой собран материал о том, как народы колоний воспринимают и изображают европейцев и предметы их культуры. Автор пытается в ней, притом на основании строго научных фактов, показать, что угнетенные народы колоний — не безропотная и покорная масса рабов, но что они по-своему критически относятся к своим «господам», умеют их высмеять или питают к ним скрытую ненависть.

Гуманно и дружественно настроенный к угнетенным народам, ученый не мог примириться с установившимся в Германии после 1933 года кроваво-изуверским режимом нацизма. В том же 1933 году Ю. Липс слагает с себя звание профессора и уезжает за границу. За ним вскоре эмигрирует его жена и помощник — Ева Липс; ей с трудом удалось спасти от гестапо и увезти с собой ценные научные материалы мужа. Ю. Липс едет в Париж, воспользовавшись гостеприимством ученых-антифашистов Ланжевена и Риве, но уже в 1934 году, по приглашению профессора Франца Боаса, переезжает в Нью-Йорк.

В Америке Липс прожил 14 лет — 1934—1948 годы. Он преподавал этнографию в Колумбийском университете в Нью-Йорке, два года читал курс этнографии в негритянском университете Хоуорд в Вашингтоне; свои впечатления о работе в этом университете он описал впоследствии в книге «Экспедиция в сумеречный мир» (Forschungsreise in die Dämmerung, Weimar, 1950) [1]. За эти же годы он совершил несколько научных поездок

[1] См. Б. А. Липшиц и С. А. Токарев, Как американский империализм развращает негритянскую интеллигенцию, журнал «Советская Этнография», 1953, № 4.

к индейцам: к монтанье-наскапи Лабрадора, к дакотам и оджибве, живущим в резервациях США. Его особенно интересовала материальная культура этих племен, столь поразительно приспособленная к суровым условиям среды, — об этом он написал несколько интересных исследований; особенно ценна из них работа об охотничьих ловушках индейцев Лабрадора (1936), а также их обычаях, взаимопомощи, отношениях собственности.

В те годы вынужденной эмиграции Ю. Липс и его жена издали несколько книг против нацистского режима, как свидетели и жертвы его преступлений.

В 1948 году Ю. Липс и его жена покидают Америку. Липс вернулся на родину, но не в Кёльн, куда его приглашали на прежнее место работы и где он нашел на руководящих постах прежних гитлеровцев. Он предпочел свою Alma mater — Лейпцигский университет, где новый демократический режим давал широкие возможности для свободной научной работы. Он возглавил созданный при университете специальный «Институт этнологии и сравнительного правоведения» — ныне институт его имени. В 1949 году Ю. Липс был избран ректором университета. На торжественном акте он произнес речь в честь Советского Союза, освободителя и друга немецкого народа. В январе 1950 г. Ю. Липс умер.

Долголетняя борьба за науку, за справедливость, против расизма и национального гнета привела Липса в лагерь социализма. Этот путь типичен для многих прогрессивных буржуазных ученых, которым сама жизнь не позволяла останавливаться на полпути. Липс умер членом Социалистической единой партии Германии.

В последние годы жизни в научном мировоззрении ученого тоже произошел перелом. Еще оставаясь на позициях буржуазного миропонимания, он смутно чувствовал уже его ошибочность и как бы ощупью тянулся к правильному, историко-материалистическому взгляду на общественную жизнь. Но марксизма он по-настоящему не знал, и сознание его было еще загромождено непреодоленными остатками буржуазных «этнологических» и «социологических» концепций.

Хотя антиисторический дух гребнерианской «школы культурных кругов» в книге «Происхождение вещей» уже почти не ощутим, все же Липс не может еще отделаться от некоторых понятий, некритически взятых и сохраненных им из гребнеровского арсенала либо из родственных гребнерианству диффузионистских концепций. Над всем этим, однако, доминирует основная идея — вера в творческий разум человека и в то, что все люди равны, независимо от их цвета кожи, от языка и образа жизни.

Ряд страниц в настоящей книге покажется советскому читателю противоречивыми или сочетающими разные точки зрения. Но, присмотревшись, мы увидим, что главная, основная мысль

автора проходит красной нитью от начала до конца изложения. Эта мысль выражается в очень простой формуле: «первобытные народы» — истинные создатели всей человеческой культуры; все важнейшие, фундаментальные изобретения, заложившие основы нашей современной цивилизации, были сделаны еще в первобытную эпоху и вся позднейшая культурная история лишь усовершенствовала эти основы, не создав чего-либо качественно нового; поэтому и современные «дикие» (культурно отсталые) народы суть обладатели тех же самых, что и у нас, культурных ценностей, разве лишь в других формах.

Верна ли эта идея? И да, и нет. Верно то, что уже в древнейшую, первобытную эпоху были сделаны важнейшие изобретения, на которых впоследствии воздвиглась вся человеческая культура: умение добывать огонь, изготовление хотя бы простейшей одежды и первобытного жилища, открытие гончарного искусства, обработки волокнистых веществ, позже — возделывание земли и выведение культурных растений, одомашнение животных, умение добывать и обрабатывать металлы, изобретение лыж и саней, а позже колеса и колесной повозки, искусство мореплавания и освоение водных пространств. Все эти достижения культуры, к которым мы настолько привыкли, что редко даже замечаем их и не всегда ясно представляем себе их колоссальное значение, — плод труда и творческого разума наших «доисторических» предков. Этим предкам мы в буквальном смысле обязаны созданием основ всей современной цивилизации, которой по праву гордится человечество. Верно и то, что современные отсталые народы, угнетенные народы колоний империализма, отнюдь не являются невежественными «дикарями»: напротив, они обладают своей, по своему развитой культурой, нередко столь поразительно приспособленной к суровым условиям природной среды; попытки же колонизаторов «цивилизовать» народы колоний, добиться их так называемой «аккультурации» — не что иное как грубое навязывание этим народам ненужных им, непригодных в их условиях вещей; это, по сути, бесцеремонное разрушение сложившегося культурного уклада без замены его чем-то действительно высшим и лучшим; это — просто форма порабощения колониального населения.

Ю. Липс высказывается против такой политики, он вступается за права отсталых народов, требует уважения к их веками сложившейся самобытной культуре — и в этом он вполне прав. Но, борясь против великодержавного шовинизма и расизма, против угнетательской колониальной политики, против высокомерного пренебрежения к народам колоний, Ю. Липс забывает порой об исторической перспективе и сам впадает в ошибку — в идеализацию быта отсталых народов. В этой идеализации — один из главных недостатков настоящей книги. А с этим связаны и другие, менее значительные недостатки.

Можно и должно относиться с уважением к высокому мастерству «первобытных» ремесленников и художников, создавших поразительные памятники искусства, тонкой техники; можно дивиться изобретательности «первобытного» охотника, трудолюбию и наблюдательности древнего земледельца, сумевшего вывести культурные сорта растений, и т. д. В этом советский читатель вполне согласится с автором книги. Но едва ли можно согласиться с ним, когда он начинает изображать жизнь отсталых народов, еще не нарушенную империалистическим гнетом, как некую идиллию, как блаженный золотой век. Картины такой идиллии, семейного уюта и благоденствия рисуются автором в I главе (стр. 43—46) довольно художественно, даже увлекательно, но они, конечно, далеки от реальной действительности. Достаточно сопоставить эти картины хотя бы с описанием повседневной жизни папуасов, которое в свое время так мастерски, живо, правдиво сделал Миклухо-Маклай: у Маклая это описание тоже проникнуто чувством живой симпатии к «туземцам», но он рисует их жизнь так, как она есть, без малейшей идеализации. Идиллические же сценки, рисуемые Липсом, в этом смысле больше походят на сентиментальное изображение быта «счастливого дикаря» в литературе XVIII века.

Примеры такой же неумеренной идеализации можно найти и в других главах. Так, например, Липс держится мнения, что первобытная музыка, поэзия превосходят по своим художественным достоинствам наше современное искусство, что, например, австралийская тотемическая песнь-заклинание в честь цикады может служить примером того, что лирические песни «первобытных народов» не уступают «знаменитейшим трагедиям и комедиям мирового театра» (стр. 304).

Другим недостатком книги является некоторая модернизация явлений культуры и быта отсталых народов, затушевывание качественных различий между их культурой и культурой, скажем, народов современной Европы и Америки. Не сумев овладеть марксизмом, Липс не усвоил одной из важнейших частей марксистского понимания истории: учения об общественно-экономических формациях, качественно различных между собой. Для советского читателя ясно, что нельзя смешивать и отождествлять явления, например, первобытно-общинного строя и капиталистического строя, что это качественно разные, просто несоизмеримые вещи. А Юлиус Липс именно здесь делает существенные ошибки. Он, правда, местами приближается к верному пониманию глубокого, принципиального различия между доклассовым и классовым общественным строем: это ему удалось, например, в главе XII — «От племени к государству», о которой мы скажем ниже. Но в других случаях ему изменяет историческое чутье, и, увлекаясь стремлением доказать, что «дикари» ничуть не хуже нас, он приписывает отсталым народам чуждые им отношения

и понятия. Мало того, эти отношения и понятия он переносит именно в «первобытность». Так получилось, например, в главе VIII — «От раковин-денег до чековой книжки». Автор старается показать здесь, по сути дела, что между системой денежного обращения и кредита развитых капиталистических стран и примитивными «деньгами» в виде раковин и собачьих зубов нет никакой разницы, что это, в сущности, одно и то же. «Финансы», «валюта», «власть денег» и т. п. оказываются налицо, по мнению Липса, у самых отсталых народов. В английском издании книги само название этой главы нарочито подчеркивает такую мысль: «Wall street in the jungle» («Уолл-стрит в джунглях»). Это, конечно, явная и ненужная модернизация, хотя мы можем только поблагодарить автора за обилие ценного фактического материала, который он собрал как в этой, так и в других главах.

Следы гребнерианства, особенно в его «поздней» стадии, когда Гребнер в своих последних работах пытался выйти за пределы созданной им абстрактной схемы культурных кругов, видны и в других местах книги Липса.

Нет-нет да и промелькнет в книге, например, замечание, что для скотоводческих народов характерна «центробежная», а для земледельческих — «центростремительная» тенденция (стр. 328). Откуда это? Это мысль Гребнера из поздней его работы «Weltbild der Primitiven»; по его мнению, культуры оседло-земледельческих народов как бы сосредоточены в себе, обращены внутрь, а культуры кочевых скотоводческих народов, напротив, повернуты во вне, стремятся к экспансии. В основе этого обобщения лежат, конечно, реальные факты: бóльшая подвижность и «экспансивность» скотоводческих народов сравнительно с земледельческими. Но это верное наблюдение раздуто, как это обычно для буржуазной науки, чуть не во всемирно-историческое явление, дополнено сомнительными психологическими рассуждениями, напоминающими мистико-биологический бред Фробениуса о «женских» и «мужских», «хтонических» и «теллурических» культурах. Конечно, Липс, с его здравым разумом, отнюдь не склонен к подобным, далеким от науки спекуляциям, но «центробежные» и «центростремительные» свойства разных культур — это все-таки с того же поля ягода.

Остатком гребнерианства у Липса нужно считать и употребление терминов «древние культуры» (ältere Kulturen), в смысле наиболее ранних стадий развития, и «высокие культуры» (Hochkulturen), под которыми нужно подразумевать классовые общества по преимуществу древнего мира. Сами по себе эти термины могли бы не вызывать особых возражений. Но у гребнерианцев они получили особый оттенок, означая взаимно замкнутые, резко размежеванные «культурные круги», — и такой оттенок местами чувствуется и у Липса, пользующегося этими терминами.

Некритическое повторение некоторых гребнерианских построений сказалось у Липса еще в одном вопросе, правда, затрагиваемом им лишь вскользь, но очень важном: речь идет о сопоставлении культуры современных отсталых народов (охотников-собирателей, арктических охотников и пр.) с культурой эпохи палеолита, — то и другое ставится на один уровень (стр. 321—322). Для гребнерианцев такое архаизирование культуры современных отсталых народов весьма характерно: ведь патер Шмидт дошел, как известно, до того, что объявил современные «пигмейские» народы, а также австралийцев более примитивными, чем даже неандертальцы! Это, конечно, грубейшая ошибка — у патера Шмидта даже не ошибка, а тенденциозно недобросовестное искажение фактов. На самом деле, не только неандертальская (нижнепалеолитическая), но и верхнепалеолитическая стадии культуры относятся к далекому прошлому и ни одним из ныне живущих народов не представлена. Самые отсталые из них — австралийцы, как и вымершие тасманийцы, — могут рассматриваться как представители переходной стадии от палеолита к неолиту (протонеолит, мезолит), а большинство народов колониальных стран — это люди неолитической или раннеметаллической культуры.

Но откуда же взялась эта мысль — в буржуазной науке весьма распространенная, — что современные отсталые народы (по крайней мере, значительная часть их) суть представители палеолитической стадии человеческой культуры? Классовые, политические корни этой мысли вполне ясны: это тенденция, характерная для империалистических кругов, представить современные народы колоний как «дикарей», стоящих на чрезвычайно низкой ступени развития, для того, чтобы оправдать их порабощение. В чисто научном отношении эта глубоко ошибочная мысль служит обоснованием весьма неудачной, чтобы не сказать больше, терминологии: народы колоний именуются попросту, без всяких стеснений и оговорок, «первобытными людьми» (primitive men, по-немецки — Naturvölker), хотя даже и в буржуазной литературе нередко встречается законный протест против такой терминологии. Всем известно, что «первобытных» или «диких» народов на земле давно не существует. Знает это прекрасно и Липс, — по существу, ведь вся его книга является убедительным доказательством именно этого положения. И тем не менее он походя употребляет применительно к современным народам термин «первобытные люди».

Наиболее уязвимы в методологическом отношении три последние главы книги, XIII—XV, посвященные верованиям и религиозно-магическим обрядам. Они мало удачны даже в смысле простого расположения материала: во всех трех главах, а особенно в XIII и XV, повторяется часто одно и то же — представления о загробной жизни, погребальные обряды и пр.

Что касается теоретического обобщения излагаемых фактов, Липс целиком находится в плену старых чисто идеалистических представлений. Он даже не пытается как-либо объяснить возникновение религиозно-магических верований и обрядов (если не считать отдельных, вскользь сделанных замечаний). Липс, несомненно, преувеличивает роль этих верований и обрядов в жизни и сознании отсталых народов (см. гл. XIII и др.). Развитие же их он изображает как чисто имманентную эволюцию — из одних верований вырастают другие, из других третьи и т. д. Несостоятельность этого положения с материалистической точки зрения очевидна. В этих вопросах Липс не сумел подняться над средним уровнем идеалистической буржуазной науки.

Таковы недостатки книги Липса. Их в конце концов не так много, и большинство их — легко снимающаяся шелуха: неудачные формулировки, отдельные непродуманные выводы. Достоинства книги — гораздо обильнее и существеннее, и в целом книга вполне заслуживает рекомендации советскому читателю.

Прежде всего поражает обилие живого, конкретного свежего материала, наглядно иллюстрирующего ход развития человеческой культуры. Материал этот — в огромном большинстве этнографический — плод личных наблюдений и сведений, накопленных автором за многие годы работы. Особенный интерес представляют, конечно, собственные этнографические наблюдения автора, сделанные им при «полевой» работе, в экспедициях по Африке и Северной Америке. Экспедиции эти дали ему богатое «сырье» для ряда глав книги: особенно много оригинального в описании охотничьей техники лабрадорских индейцев, их мастерского изготовления лодок, сбора дикого риса у оджибве и пр.; интересны также специально собранные автором сведения об обычном праве у разных народов, об их художественном творчестве и т. д. Но и те материалы, которые взяты Липсом из исследований других этнографов, дают много нового. Конечно, эрудиция Липса не без пробелов, и местами можно найти неточности, фактические ошибки в его книге; но их мало, и подавляющая часть конкретного материала — надежные, строго проверенные факты, на которые читатель может положиться.

Разумеется, однако, не в одном изложении чисто фактических данных заключаются достоинства книги Липса. Как уже сказано, все изложение в книге пронизано одной руководящей идеей, и идея эта — если освободить ее от некоторых преувеличений — сама представляет большой интерес. Автор каждым приводимым фактическим примером хочет показать одно: богатство и разнообразие творческих сил человека, трудолюбие и изобретательность людей всех стран и времен, участие всех народов

земли в создании мировой сокровищницы культуры. Уже одно это придает книге Липса большую ценность.

Нельзя не оценить и другие интересные обобщения автора. Их так много, что трудно их и перечислить, — читатель сам найдет едва ли не в каждой главе книги свежие, оригинальные мысли, хотя бы и спорные, однако заслуживающие серьезного внимания. На некоторые из них обратим здесь внимание читателя.

Липсу принадлежит заслуга «открытия» своеобразной формы человеческого хозяйства, которой не встретить в общих работах по этнографии или по экономической истории. Это — хозяйство «народов-собирателей урожая» (Erntevölker, harvesting peoples). Липс еще в 1926—1928 годах изложил впервые свои взгляды на самостоятельное значение этой особой формы хозяйства. «Народы-собиратели урожая» — это не земледельцы, они не обрабатывают земли и не возделывают культурных растений. Но это и не примитивные собиратели, круглый год скитающиеся по тропическим и субтропическим лесам и степям в поисках всевозможных съедобных растений и мелких животных. Это своеобразная промежуточная форма хозяйства, основанная на регулярном, строго сезонном сборе «урожая» определенных диких плодов (орехов, желудей, колосьев риса и пр.). Нельзя сказать, что Липс в буквальном смысле открыл здесь нечто никому прежде неведомое. В советской этнографической литературе почти одновременно, или даже несколько раньше, отмечалось существование такой промежуточной формы хозяйства: проф. А. Н. Максимов в статье «Накануне земледелия» (Ученые записки Института истории РАНИИОН, т. 3, 1929, статья была написана несколькими годами раньше) описал ее у австралийцев и сделал несколько имеющих общее значение выводов. Но надо сказать, что австралийцы — не особенно типичный пример для подобной формы хозяйства: недаром сам Липс несколько непоследовательно приводит австралийцев то в качестве иллюстрации к термину «народа-собирателя урожая», то в качестве примера примитивных охотников-собирателей. Другие же, более типичные, примеры (как калифорнийцы, некоторые алгонкинские племена) под этим углом зрения никем не анализировались, и, во всяком случае, никто до Липса не сделал выводов общеисторического значения.

Очень интересна мысль Липса относительно охотничьей ловушки, которую он рассматривает как древнейшую «машину», изобретенную человеком. В истории технических изобретений имеет очень большое значение вопрос о том, как, когда, для какой цели человек впервые создал и применил самодействующие приборы, то есть заставил работать на себя те или иные силы природы без непосредственного применения своей собственной мускульной силы. Есть мнение, что такой «первой машиной»

в истории была водяная мельница (см. W. Ruben, Die Mühle — älteste Maschine der Menschheit, Berlin, 1952). Но, конечно, охотничья ловушка имеет бесспорный исторический приоритет перед водяной мельницей.

В вопросах, касающихся истории общественного строя, Липс, быть может, менее оригинален. Однако и здесь мы находим в книге Липса немало интересного. Заслуживает большого внимания, например, его мысль, хорошо им обоснованная, что у отсталых («первобытных») народов вся общественная жизнь подчинена строгим правилам, что она регулируется нерушимыми нормами обычного права. Во внутренней жизни общин никогда не было анархии, необузданного своеволия «дикаря»; во внешних же делах, в межплеменных отношениях преобладали не военные столкновения, а формы мирного общения, обмена, взаимных хозяйственных услуг, угощений. Этот вывод имеет важное значение потому, что на обывательских, далеких от действительности представлениях о якобы постоянных войнах между «дикими» народами была построена чисто фашистская теория о том, что война будто бы исконное и нормальное состояние человечества. На этом же предрассудке о постоянно господствующей будто бы у «дикарей» анархии и усобицах построено и оправдание угнетательской политики колонизаторов.

Большой интерес представляет XII глава книги — «От племени к государству». Хотя здесь очень много спорного и хотя основная закономерность процесса разложения первобытно-общинного строя и образования общественных классов и государства остается, конечно, недоступной для буржуазного ученого, однако нельзя не поставить автору в большую заслугу, что он сумел, повидимому, самостоятельно сделать целый ряд глубоких и верных наблюдений. Так, он ясно видит и убедительно показывает зависимость обычного права разных народов от условий материального производства: у охотничьих народов оно одно, у земледельцев другое и т. д. Он хорошо видит глубокую принципиальную разницу между организацией общественной власти в доклассовом и в классовом обществе. Он прекрасно, наглядно показывает демократический характер всех общественных учреждений при первобытно-общинном строе, столь резко противоположный классовым угнетательским законам капиталистического общества. Немало и других интересных наблюдений найдет читатель в этой главе: взять хотя бы его оригинальные и, видимо, правильные соображения о различии взглядов на племенную территорию у охотников, с одной стороны, «собирателей урожая» и земледельцев — с другой (стр. 306—309, 313—315).

В целом — повторяем еще раз — книга Липса даст советскому читателю очень много. Ценность ее — не только в обилии чисто

познавательного материала. Она имеет и воспитательное значение: она учит уважать народы независимо от того, на какой стадии развития они находятся, уважать их труд, их творчество. Очень хорошо написал об этом сам Липс в предисловии к первому английскому изданию своей книги:

«...Я чувствую, что обязанность этнографа, особенно в наши дни, работать в области своей специальности на пользу взаимопонимания между народами с их разными культурами. То наследие, которое мы получили от первобытного человека, принадлежит всем расам и нациям. Общая основа всех народов, которая обнаруживается данными этнографии, должна в конце концов способствовать созданию неделимого мира. Мы не можем разделить древних изобретателей и создателей человеческой культуры по их цвету кожи, национальности и религии: они остались безымянными. Но для человеческого благополучия они сделали больше, чем современные политические деятели».

«Эта книга написана, чтобы содействовать пониманию того, как развивалась человеческая культура, и чтобы внести вклад в дело взаимного сотрудничества между народами. Она написана в надежде, что поможет созданию Единого Неделимого Мира, к которому мы стремимся».

Настоящий перевод сделан с немецкого издания 1952 года. Автор издал свою книгу, еще находясь в эмиграции, в 1947 году, поэтому издал ее на английском языке (The origin of Things, N-Y, 1947; то же London, 1949). Посмертный перевод на немецкий язык сделан Евой Липс, женой и многолетней сотрудницей ученого. Она сделала некоторые, впрочем, немногие, изменения в тексте, — местами несколько сократив, чаще, наоборот, расширив изложение путем внесения дополнительного материала, вероятно, из оставшегося научного наследства Ю. Липса.

Характерно, что в немецком издании 1952 года сравнительно с английскими изданиями 1947—1949 годов уточнены некоторые формулировки, имеющие политическое значение: там, где в английском тексте стоит «у нас», «в нашем обществе» и т. п., в немецком издании сказано — «в капиталистических государствах», «в капиталистическом обществе» и пр. «Белые люди» в английском издании заменены в немецком издании «белыми империалистами» — и т. п. Эти изменения правильны и законны — они соответствуют тем взглядам Ю. Липса, к которым он пришел к концу своей жизни.

При редактировании настоящего издания русский перевод, сделанный с немецкого текста, в то же время тщательно сверен с английским оригиналом. В случаях расхождений между немецким и английским текстами редакция в каждом отдельном случае выбирала лучшее: все фактические дополнения сохранены; неточности немецкого перевода исправлены по оригиналу; неудачные дополнения теоретического характера, имеющиеся в немец-

ком тексте (заимствованные у Менгина или из других мало доброкачественных источников), изъяты без специальных оговорок, но уточнение формулировок в направлении большей научной и политической четкости сохранено.

Изменений или сокращений текста против английского оригинала редакция не считала возможным делать, даже при наличии явных неточностей или ошибок у автора; в этих случаях сделаны лишь подстрочные примечания. Сделаны также примечания разъясняющего или дополняющего характера, чтобы облегчить понимание книги советскому читателю.

Даваемая автором библиография по главам целиком сохранена и дополнена соответствующей русской литературой.

Рисунки, сделанные Евой Липс в немецком издании, полностью воспроизведены в настоящем издании.

Помимо предметного указателя, имевшегося в английском и в немецком изданиях, в настоящем издании добавлен также географо-этнографический и именной указатели.

С. Токарев.

Глава I

ДОМ И ОЧАГ

В слове «до́ма» на всех языках кроется священный смысл. Борьба за существование «вне дома» означает нескончаемый поединок с окружающим миром. Холод, жара или дождь, влияние вещей и людей непрестанно ставят под угрозу планы, надежды и дела человека. Дома же человек чувствует себя в безопасности среди своих близких, он имеет возможность отдохнуть у своего уютного очага. Нет ни одного народа на земле, который бы не почитал за благо родной дом, каким бы скромным тот ни был. А когда наступает ночь, люди всех стран и рас смыкают глаза, отходя ко сну. Независимо от их мировоззрения все они ищут отдохновения от «мира», и об этом так говорится в старинных стихах:

Господи, разгони хорошей метлой
Домовых и оборотней
И не допусти, чтоб нам привиделись
Злой длинноногий зверь
И вещи, которые падают с грохотом.
Избави нас, господи, от всего этого!

Стремление найти защиту от неведомых сил развито у первобытных народов, живущих в мире одушевленных вещей и вездесущих духов, в гораздо большей степени, чем это может представить себе цивилизованный человек.

Чем древнее и примитивнее народ, тем большее пространство занимает то, что он считает своим домом. Так, домом примитивнейших племен является скорее вся обширная территория племени, а не сооруженное по большей части лишь на время убежище, где семья укрывается от ветра и дождя и где она проводит ночь. Чужеземец, осмелившийся непрошенным ступить на эту священную землю, карается смертью. Не место, случайно выбранное для стоянки, а земля племени — вот дом семьи. Земля принадлежит всем, и все принадлежат земле племени.

Что же, собственно, представляло собой древнейшее человеческое жилье? Был ли пещерный человек действительно первым домохозяином, каким его часто изображают на современных карикатурах?

Конечно, нет. Тот факт, что множество древнейших предметов человеческой культуры было обнаружено в пещерах, где

Центральная городская
Публичная библиотека
им. Н. А. НЕКРАСОВА
105/145-72

нередко они сохранялись в течение тысячелетий, привел людей несведущих к ошибочному предположению, что пещера была первым решением существовавшей, быть может, уже в доисторические времена жилищной проблемы. Но такое предположение основывается на недооценке человеческой изобретательности и не учитывает влияния климата и географических условий на выбор жилища.

Наличие пещер в той или иной местности отнюдь не было предпосылкой для возникновения человеческих поселений. Напротив, в местностях, где нет никаких пещер, было обнаружено больше свидетельств о существовавших там доисторических поселениях, чем в странах, изобилующих пещерами. Выбор в качестве жилищ пещеры или грота всегда обусловливался такими особыми причинами, как суровость климата в разгар ледникового периода (например, в так называемую мустьерскую эпоху) или условиями охоты на диких зверей, которыми изобиловали некоторые горные районы [1]. Человек европейской «костяной культуры» [2], главной добычей которого был пещерный медведь (*Ursus spelaeus*), преследовал этого медведя вплоть до высоких Альп, где человек поэтому и устраивал свое жилище. Наиболее высоко расположенным поселением такого рода является так называемая пещера Драхенлох в Веттисе (Швейцария), находящаяся на высоте 2445 метров над уровнем моря.

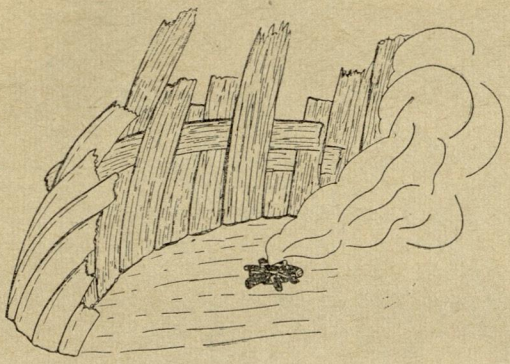
Но современники этого альпийского охотника, которые охотились на животных, водившихся на равнинах, жили не в пещерах. Так, например, нет никаких указаний на то, чтобы в пещерах жили когда-либо племена ледниковой дошельской культуры. Троглодизм (пещерная жизнь) был либо временной необходимостью, либо, что было чаще, лишь побочным явлением наряду с жизнью в жилищах, построенных рукой человека. Наиболее известные из

---

[1] Отмечаемый Липсом факт подтверждается всеми новейшими археологическими данными. Использование пещер и навесов под скалами началось, видимо, только с ашёльской эпохи, а бо́льшая часть обитаемых доисторических пещер была заселена только в позднепалеолитическое время (мадлен), в эпоху последнего оледенения. См. об этом П. П. Ефименко, Первобытное общество, изд. 3-е, Киев, 1953, стр. 97, 273—274, 279—281. — *Прим. ред.*

[2] Термин «костяная культура» в советской археологической науке не употребляется. Его изобрел и пытался ввести в науку реакционный археолог-расист Освальд Менгин («Weltgeschichte der Steinzeit», 1931), который, примкнув к гребнерианской «культурно-исторической школе», стремился путем крайне искусственной и произвольной группировки материала доказать, что уже с самого начала человеческой истории развитие культуры шло будто бы разными путями и что в ней с начала и до конца было якобы три параллельных линии развития: «культура отщепа», «культура ручного рубила» и «костяная культура», приведшие впоследствии к появлению трех разных типов культур: «городской культуры господ», «крестьянской сельской культуры» и «пастушеской степной культуры». Конечно, Ю. Липс далек от такого расистского и антинаучного понимания истории культуры, но употребление им термина «костяная культура» — непреодоленный пережиток его прежнего увлечения гребнерианством. — *Прим. ред.*

доисторических пещер, которые были открыты и описаны современными учеными, например пещера Мустье в долине Везера, Фон-де-Гом — в Дордони, Мас д'Азиль — в Арьеже и Ориньяк — в департаменте Верхняя Гаронна, так же как древние итальянские и испанские пещеры, указывают на тот интересный факт, что их использовали главным образом не в качестве семейных жилищ, а в качестве общественных помещений или, если будет уместно употребить это слово, в качестве церквей. В то время как помещения, расположенные поблизости от входа, играли



Ветровой заслон тасманийцев.

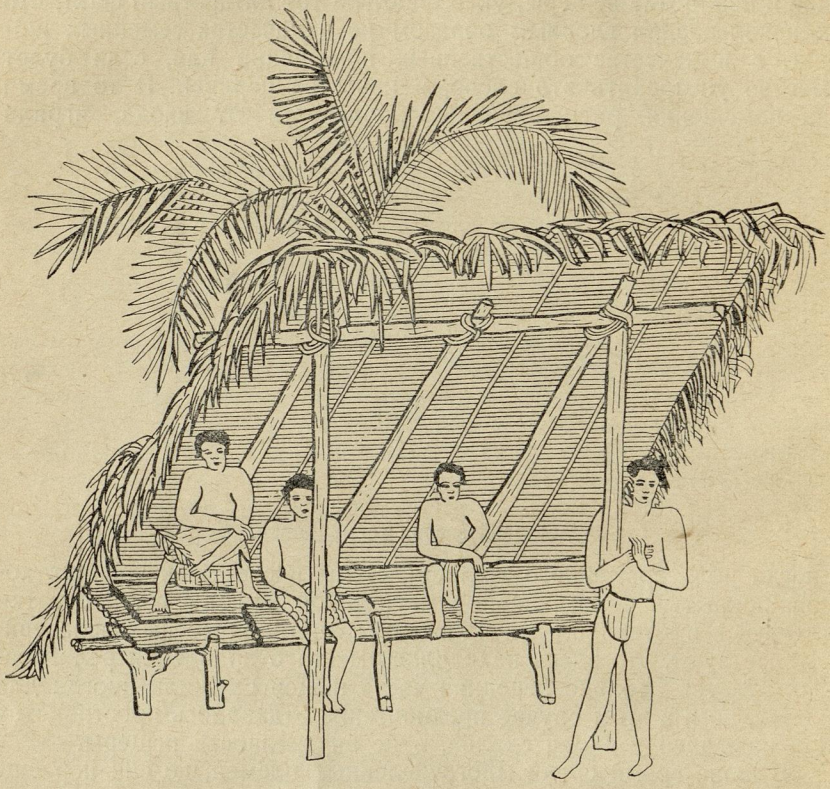
иногда роль временного жилища, стены и своды внутренних ходов, покрытые религиозной и магической живописью, и остатки алтарей с выставленными напоказ черепами животных ясно свидетельствуют, что здесь находились места отправления религиозных культов. Только передняя часть пещер служила иногда для жилья, но и в этом случае предпочтение отдавалось пространству под нависшей у входа скалой, а не внутренности пещеры.

В наше время среди многочисленных племен, до сих пор еще находящихся на стадии каменного века, только ведды на Цейлоне и тоала на Целебесе предпочитают пещерные жилища по той простой причине, что в районах обитания этих племен имеется много пещер. Другие же племена, находящиеся на той же ступени культурного развития, живут под прикрытием ветровых заслонов — этих древнейших «домов» обитателей жарких стран. Ветровым заслонам очень часто оказывали предпочтение также и современники пещерных людей эпохи палеолита. Подверженный гниению строительный материал не мог, конечно, сохраниться на протяжении тысячелетий, но все же Форреру удалось обнаружить остатки одного такого древнечетвертичного ветрового заслона в Эльзасе близ Шпихерна.

Ветровой заслон состоит из сучьев, ветвей и кусков коры, которые втыкаются в землю по прямой линии или полукругом. Это простое каркасное сооружение переплетается затем ветками

кустарника, конопатится листьями, мхом или травой и дает хорошую защиту от ветра и дождя.

Ветровой заслон служит жилищем племен, чья экономика, основанная на собирательстве и охоте, вынуждает их непрестанно



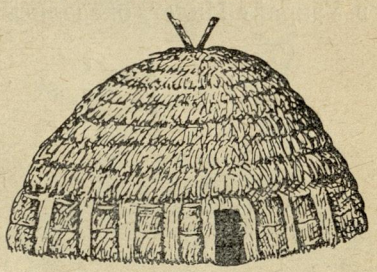
Ветровой заслон андаманцев.

бродить по обширным пространствам. К таким племенам относятся австралийцы, вымершие тасманийцы, ведды, негритосы, бушмены и некоторые индейские племена [1]. Этим племенам, которые кочуют вслед за дикими животными и постоянно заняты поисками пищи — собиранием трав, кореньев и ягод, — требуются

[1] Ю. Липс в данном случае некритически передает односторонние и тенденциозные сообщения некоторых путешественников, которые виденные ими временные шалаши и ветровые заслоны охотничьих племен принимали за обычный тип их жилища. В действительности у австралийцев, до того, как они были вытеснены английскими колонизаторами в пустынные области, были и гораздо более солидные постройки — хижины полусферической или прямоугольной формы, иногда довольно больших размеров, на несколько семей. Ветровыми же заслонами пользовались только на кратковременных остановках или при ночлеге. — *Прим. ред.*

жилища, которые можно быстро воздвигать и столь же быстро разбирать. В тех случаях, когда несколько семей охотятся совместно, они очень часто строят свои ветровые заслоны один около другого. Бушмены во время своих охотничьих экспедиций строят еще более простые убежища, сплетая так называемые «босье» из ветвей дикорастущих кустов. Ветровые заслоны, сооружаемые ими в пустыне Калахари, представляют собой более солидные конструкции. Племена Чако ставят свои навесы длинными рядами и покрывают их тростником, в то время как негритосы предпочитают крыши из травы. «Дом» андаманца представляет собой простой ветровой заслон, покоящийся на четырех столбах [1]. Индейцы, например апачи, строят свои «викьюпы» из переплетенных между собой ветвей и кустарников, пользуясь ими по преимуществу летом как временным жильем.

Но уже в этой древнейшей форме человеческого жилья можно усмотреть прообраз двух основных элементов позднейших типов домов: круглой или ульевидной хижины и прямоугольного дома. Примитивные племена часто оказывают предпочтение круглой хижине, которую можно найти в Австралии и у многих африканских и американских племен. С точки зрения строительной техники, такая хижина образуется простым сплетением двух полукруглых ветровых заслонов. Прямоугольный дом восходит к двум вертикально стоящим ветровым заслонам, установленным параллельно и соединенным друг с другом крышей [2].



Ульевидная или полусферическая хижина.

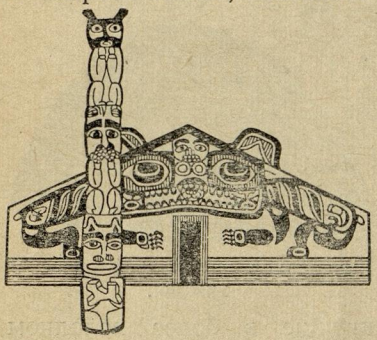
Все же ветровой заслон и развившиеся из него формы жилища обеспечивают человеку достаточную защиту только в теплых странах. Охотничьи же племена, живущие в более холодном поясе, нуждаются в доме, который можно столь же быстро сооружать, но строительный материал которого давал бы достаточную защиту от ветра и холода. Так, например, эскимосский иглу представляет собой не более, как ульевидную хижину, строительным материалом для которой служат глыбы льда и снег. Длинный, открытый в конце ход ведет из собственно жилого помещения

[1] У андаманцев, полуоседлого народа, наряду с временными жилищами на охотничьих стойбищах были и постоянные дома более солидного типа, служившие по несколько лет. Особенно характерны большие общественные дома столбовой конструкции круглого плана, достигавшие 20 *м* и более в диаметре при 7—10 *м* высоты. Ныне андаманцы почти вымерли под гнетом колонизаторов. — *Прим. ред.*

[2] Точка зрения автора весьма спорна. Более вероятно, что прямоугольный дом развился из шалаша с двумя наклонными стенками, а круглая хижина — из полусферического или конического шалаша. — *Прим. ред.*

наружу, обеспечивая доступ свежего воздуха и в то же время не пропуская внутрь ледяной арктический ветер. Общеизвестно, что в иглу эскимосов тепло и уютно, но, как сообщает Стефанссон, «новая хижина бывает теплее старой» потому, что «вновь построенный снежный дом является домом из снега, тогда как старый дом — это дом изо льда». Хотя постройка иглу занимает больше времени, чем постройка тропической круглой хижины, все же он служит для охотников лишь временным жилищем, которое приходится покидать весной, когда начинает таять снежная крыша и когда лужи на полу внутри дома превращаются в течение лета в настоящее озеро. Осенью, когда снег снова начинает твердеть, хижина опять становится годной для жилья, но она используется лишь в том случае, если ее бывшие жильцы случайно вновь оказываются в той же местности [1].

Движимые алчностью белые империалисты пытались использовать эскимосов, так же как и другие отсталые племена, на работах в шахтах и на других предприятиях, за что туземцы должны были в качестве вознаграждения вкусить сомнительные блага цивилизации и селиться в деревянных домах или бараках из рифленой жести. Последствия такого переселения, например, в Уэнрайт Инлет, оказались настолько гибельными для здоровья туземцев, что в конце концов им было предложено вновь перебраться в свои снеговые хижины. И где бы такие попытки ни предпринимались — в Арктике ли, в Южной Африке, или в другом каком-либо месте, последствия для здоровья соответствующих народов всегда оказывались губительными.



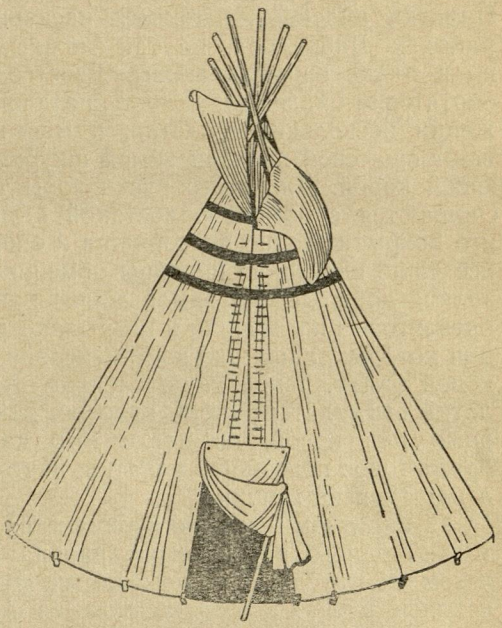
Прямоугольный дом индейцев квакиутль.

Мы видели, что ветровой заслон, это древнейшее из жилищ, сооруженных руками человека, даже в своей простейшей зачаточной форме уже содержит элементы двух основных типов домов: полукруглую форму ульевидной хижины и конструктивные черты прямоугольного дома. От ветрового заслона ведет свое

[1] Пытаясь установить основные прототипы разных форм жилища, Липс упускает из вида землянку, сыгравшую особенно важную роль в умеренном и холодном поясах. Древнейшие остатки землянок обнаружены еще в верхнем палеолите. [См. В. А. Городцов, Тимоновская палеолитическая стоянка, Труды Института Антропологии, Этнографии и Археологии АН СССР, вып. 3, 1935; А. П. Окладников, Палеолитические жилища в Бурети (Краткие Сообщения ИИМК, вып. X, 1941)]. В эпоху неолита по всей Северной Азии и Европе землянка была, повидимому, преобладающим типом жилища. В качестве пережитка она бытует еще и сейчас у многих народов. — *Прим. ред.*

происхождение и еще одно легко сооружаемое и столь же легко разбираемое жилище — палатка. Разнообразные формы палаток, сооружаемых примитивными племенами и их цивилизованными подражателями, можно увидеть прежде всего у кочевых племен, в основе хозяйства которых лежит охота или скотоводство и чьи жилища должны поэтому быть переносными в соответствии с их образом жизни.

Палатки арктических, субарктических и родственных им племен представляют собой сооружение из вбитых в землю по кругу стоек, конусообразно сужающееся кверху и покрытое, в зависимости от климата и времени года, корой или звериными шкурами. Всем нам с детских лет хорошо знакома характерная форма строения типи индейцев прерий, которое сооружается с особенной тщательностью. Ни один рассказ об индейцах не казался бы полным, если бы в нем не фигурировало типи! Но хотя нам и очень хорошо знакома форма типи, мы гораздо меньше знаем о том, каким способом оно строится. Вот как описывает Уотерман постройку типи:



Палатка индейцев прерий (так называемое „типи").

«Для того чтобы построить типи, индейцы связали вместе в форме V два шеста, скрепив место соединения шестов с помощью длинного кожаного ремня, конец которого свободно свисал. К вершине этой V-образной конструкции был присоединен еще один шест, после чего все три шеста были установлены в форме треножника. Это и был каркас палатки. К трем основным шестам было присоединено по окружности еще несколько шестов, которые женщины, ибо это является женской работой, накрепко связывали вместе с помощью свисающего кожаного ремня. Затем на каркас из шестов было надето и прикреплено колышками по кругу к земле приготовленное заранее покрытие. Эта внешняя оболочка палатки была скроена с таким расчетом, чтобы у вершины оставалось отверстие для дыма, снабженное двумя клапанами или «ушами». Такая форма палатки была обычной в

зонах распространения бизонов. Часто целое племя вместе со своими палатками следовало за стадом бизонов, и если животные меняли место своего обитания, то за ними направлялись и индейцы с палатками». При устройстве палатки с величайшей тщательностью соблюдаются все мелочи и, хотя подвижность является наиболее характерной чертой индейской палатки, ее сооружение всегда производится с необычайной точностью [1].

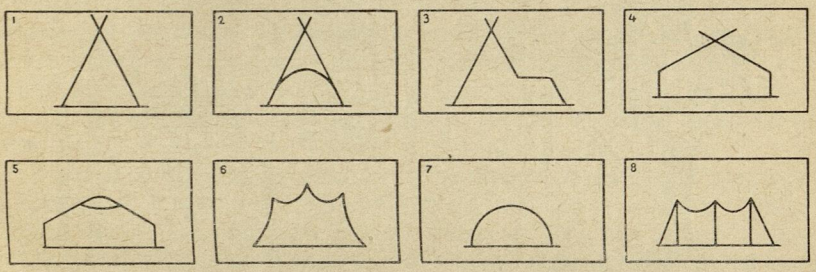
Не-специалисты часто путают типи с так называемыми вигвамами алгонкинов, живущих на атлантической стороне североамериканского континента. Но вигвам, собственно говоря, — это не палатка. Слово это означает просто «жилище». В большинстве случаев вигвам представляет собой низкое, конической формы с куполообразной крышей, строение, каким до сих пор пользуются саки, фоксы, чиппеваи и другие индейские племена. Палатки индейцев, например наскапи, живущих во внутренних районах Лабрадора, не так сложны, как типи индейцев прерий, но в плане они одинаковы. Девственная природа районов, где охотятся эти индейцы, не претерпела никаких изменений на протяжении нескольких столетий, и многие старые охотники покрывают еще свои палатки зимой шкурами карибу, а летом — березовой корой. Для этого куски коры тщательно выкраиваются и сшиваются с помощью костяной иглы и кожаного ремня, так что покрытие точно подгоняется к опорному каркасу из стоек. Но все чаще нынешние индейцы обменивают у Компании Гудзонова залива добытые ими зимой дорогие звериные шкуры на тяжелые брезентовые полотнища и покрывают ими свои палатки, конструкция которых, лишь слегка измененная наличием поперечной коньковой балки, попрежнему следует старым традициям. Такая палатка выглядит не столь красиво, как старинная покрытая шкурами или корой, но после того как первый снег запорошит брезентовое полотнище палатки, ничто в ней не напоминает более о нашем веке машин.

С палатками североамериканских индейцев сходны палатки только одного арктического народа Европы — лопарей. Однако летом обитатели так называемых «гоатта» [2] покидают их, переселяясь в легко сооружаемые из древесных стволов хижины,

[1] Переносное кочевое жилище такого же точно типа известно и у народов Северной Азии: это так называемый «чум», который еще недавно (до коллективизации и перехода на оседлость) был у многих народов Сибири основным или одним из основных типов жилища. Так было у ненцев, тавгийцев, селькупов, части хантов и манси, кетов, эвенков, ламутов, юкагиров и др. Зимой чум покрывался, по крайней мере у некоторых из этих народов, оленьими шкурами, летом — покрышкой из бересты или оленьей «ровдугой» (замшей). См. В. Н. Чернецов, Чум (журнал «Советская Этнография», № 6, 1936). — *Прим. ред.*

[2] «Гоатта» — у лопарей СССР «кюйт» (русское название — «вежа»), временная постройка, у скандинавских лопарей она имеет коническую форму, на Кольском полуострове — пирамидальную. Ныне вышла из употребления. — *Прим. ред.*

которые по форме все еще напоминают палатки. Некоторые народности в районе Амура попрежнему сооружают два ветровых заслона, соединяя их друг с другом седлообразной крышей. Покрытые войлоком или кожей юрты центральноазиатских кочевников имеют низкую, вытянутую в длину форму и часто устанавливаются над выкопанной в земле ямой. Такого рода палатками пользуются многие народы Центральной Азии вплоть до границы Тибета. Черные палатки тибетцев с войлочным покрытием, изготовленным из шерсти яка, совершенно водонепроницаемы. Вуалеобразное покрывало дает возможность свету проникнуть внутрь



Главные типы примитивных палаток:

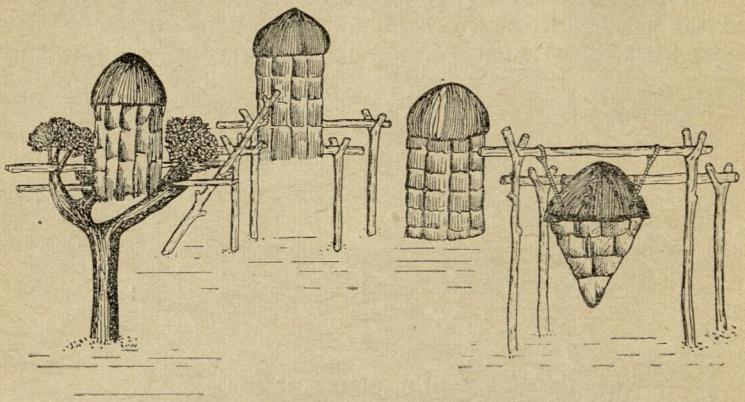
1 — Народы северной Азии и североамериканские индейцы.
2 — Лапландцы.
3 — Эскимосы.
4 — Палеоазиатские племена.
5 — Пастушеские народы Азии.
6 — Тибетские и арабские скотоводы.
7 — Племена озера Чад и Сомали.
8 — Патагонцы и арауканы.

палатки. Прямоугольные в плане палатки кочевников северо-африканских пустынь покрываются или пальмовыми листьями, или шкурами. В подобных же покрытых кожами палатках живут и южноамериканские кочевники Патагонского плоскогорья, например техуэльчи и цонека.

Несмотря на разнообразие современных вспомогательных средств, мы не сумели изобрести для быстро передвигающихся войск или охотников ничего более практичного, чем палатка. До сих пор ею пользуются солдаты, путешественники и многие туристы нашего времени, быстро воздвигающие ветровые заслоны для защиты костра или места пикника, даже не подозревая, до какой степени почтенным является возраст этого сооружения. Опытный арктический охотник, будь то индеец или белый, и теперь еще умеет сооружать укрытие в виде сплетенного из ветвей и сучьев и покрытого толстым слоем снега или льда навеса, который защищает стоянку от северного ветра.

Всем этим старым формам временных жилищ присуще то общее свойство, что они могут быть быстро сооружены из любого материала, находящегося под рукой, и столь же быстро разбираются. А как выглядели первые, более прочные сооружения? Как возник дом в том виде, в каком мы его знаем сегодня?

Удивительно, но в высшей степени примечательно то, что первые прочные сооружения служили людям не для жилья, а для хранения диких растений и плодов, от которых зависело существование племени [1]. Многие народности, особенно австралийцы и американские индейцы, питаются исключительно или частично одним или несколькими видами диких растений. Семена, корни, клубни или плоды этих растений составляют основную



Хранилища для желудей (*индейцы мивок, Калифорния*).

пищу туземцев в течение всего года. Эти «народы-собиратели урожая» [2] еще не дошли до земледелия, но их нельзя уже причислять к собирателям и охотникам. Они находят для себя пищу на обширных полях диких растений или собирают плоды, созданные для них природой на территории их племени. Это могут быть или тысячи диких съедобных кореньев, или поля дикого водяного риса, или дубравы, где растут желуди, но что бы это ни было, племена, которые собирают эти дары природы, в высшей степени заинтересованы в сохранении этих продуктов,

[1] Мысль, высказанная автором, представляет известный интерес, но он, конечно, неправ, возводя ее во всеобщий закон. В северной лесной зоне Евразии древнейшим жилищем была, повидимому, землянка — жилище постоянного типа; для хранения же припасов люди, вероятно, уже тогда пользовались главным образом свайными сооружениями; свайные «амбары» до сих пор в ходу у многих охотничьих народов Севера. Да и в странах с умеренным и жарким климатом отмечаемое Ю. Липсом явление едва ли было общим правилом. — *Прим. ред.*

[2] Понятие «народов-собирателей урожая» («*Erntevölker*») было введено Юлиусом Липсом еще в 1928 г. (см. указатель литературы) и затем обосновано его дальнейшими исследованиями в области социологии права. В английской литературе «собирателей урожая» именуют «*harvesting peoples*». Подготовленное мною издание результатов исследований «народа-собирателя урожая» — индейцев племени оджибве, производившихся Юлиусом Липсом в 1947 г., прольет свет на подробности этой формы хозяйства также и для немецкого читателя. — *Прим. Евы Липс.*

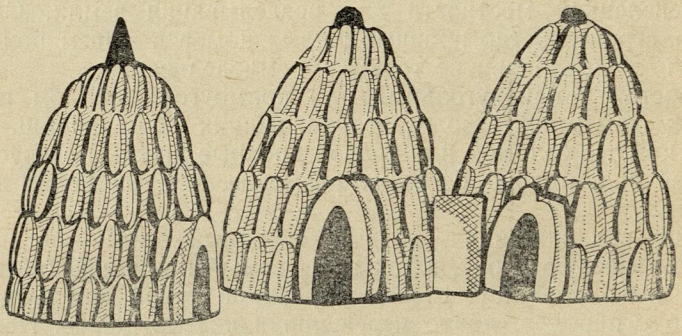
жизненно для них необходимых. Эти племена не перебиваются со дня на день случайно добытой пищей. Собирая, перерабатывая и накапливая дикорастущие плоды, люди заботятся о своем экономическом обеспечении на будущее. Поэтому вблизи полей, где собираются зерна и плоды растений, они сооружают склады и амбары для хранения драгоценных плодов, а сами попрежнему продолжают жить в самых примитивных жилищах. Так, например, амбары калифорнийских собирателей желудей представляют собой прочно построенные складские помещения с конической крышей, покрытой травой. А прочно построенный семейный жилой дом был бы для этого племени предметом чрезмерной роскоши. Постройка таких домов может иметь смысл только там, где народы поселяются на длительное время и в определенной местности для возделывания земли. Следовательно, строительство прочных жилых домов в нашем понимании могло получить развитие только у земледельцев.

Простой четырехугольный или прямоугольный дом породил со временем множество разнообразнейших форм жилищ, в частности крытые соломой или травой прочные хижины с двускатной крышей значительно больших размеров, чем их более древние образцы.

Этот вид жилища — первый «прочный» дом — возник еще в неолитическую эпоху, в так называемый кампинийский период. Среди ныне живущих отсталых народов такой дом существует обычно у народов, давно перешедших к земледелию. Необходимость дожидаться созревания посеянных и посаженных ими культур заставила их перейти к оседлому образу жизни. В местах, где смешиваются культурные влияния, дома земледельцев принимают самые разнообразные формы. В плане они бывают четырехугольными или овальными (четырехугольные дома часто имеют пирамидальные крыши); в некоторых случаях жилища сооружались на деревьях или сваях. Впервые здесь замечается стремление к украшению дома внутри и снаружи и к применению большого количества самых разнообразных материалов с целью сделать постройку более прочной. Для сооружения жилища люди уже не считают возможным обходиться двумя-тремя ветвями или стойками. Для возведения стен, которые были бы в состоянии противостоять изменениям погоды в течение всего года, тщательно смешивают землю, глину или навоз с соломой, травой или другими связующими материалами. Дом, переставший отныне быть лишь сооруженным на время убежищем, наполняется все бо́льшим количеством предметов домашнего обихода, а все более оседлый образ жизни его обитателей ведет к развитию общественной жизни. Впервые начинают жить совместно или по соседству в течение длительного времени большие группы людей. Общие интересы и все возрастающая потребность во взаимном общении побуждают людей к устройству помещений

для собраний, а затем и к строительству общественных зданий. В этих зданиях мужчины проводят совещания, а музыканты и сказители развлекают своими выступлениями собравшихся членов племени.

Вступивший в брак член западноафриканского племени пангве строит себе сразу два дома: один — для жены и будущих детей, а второй — больший — для приема гостей и других общественных функций. Здесь он и проводит бо́льшую часть дня, тогда как в доме жены пангве только ест и ночует. С увеличением семьи растет и число заселенных членами этой семьи построек, которые часто сверкают такою чистотой, что Тессман сравнивает эти постройки с «кукольными домиками, только что вынутыми из коробки».



Глиняные дома мусгу (*Камерун, Западная Африка*).

Особенно живописными и интересными формами отличаются в Африке архитектурные украшения деревянного каркаса домов, сделанные из глины или других материалов. К мастерам — строителям таких своеобразных жилищ принадлежат, например, мусгу в Северном Камеруне.

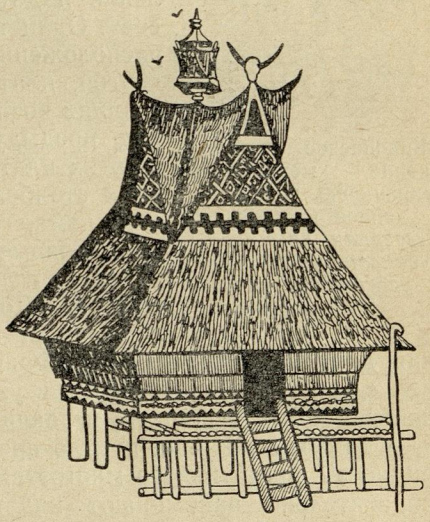
В районе Нигера предпочтением пользуются четырехугольные дома с плоской крышей, которые почти в том же виде были приняты и высококультурными народами Анатолии, Персии и жителями центральных и северо-западных провинций Индии. Уже в древнейшие времена употреблялись высушенные на солнце кирпичи, хотя первобытные земледельцы, уже знакомые с искусством обжига керамических изделий, еще не научились в то время обжигать кирпичи. Глина как строительный материал играет большую роль при постройке жилищ у индейцев Центральной и Северной Америки, в особенности у племен навахо и пуэбло.

Плодом изобретательности этих племен наряду с разумным учетом климатических и географических возможностей является почти неисчерпаемое разнообразие форм жилища. Так, поселения, расположенные близ озер или болот, часто сооружались на сваях. Но свайные постройки встречаются и в сухих местно-

стях, где их строят преимущественно для защиты от врагов и диких зверей. Просторные свайные дома на Новой Гвинее имеют привлекательный внешний вид и строятся на высоте одного, трех и более метров над землей.

Свайные постройки были известны человеку с древнейших времен, о чем свидетельствуют обнаруженные доисторические свайные поселения. В Европе они строились в то время, когда пещеры все еще продолжали служить временным убежищем. Наиболее известные из таких неолитических поселений находятся в современной Швейцарии, Германии и Италии. Эти поселения уже охранялись собаками, а именно торфяной собакой (*Canis familiaris palustris*). На прочных деревянных полах имеются узоры из березовой коры. Были найдены также остатки цыновок, а различные сохранившиеся вследствие благоприятных условий в течение тысячелетий предметы обихода показывают, что человек уже в ту эпоху жил с известным комфортом. Доисторические архитекторы сооружали свайные постройки не только в Европе, но и в Восточной Азии и в Индокитае. Такие дома строились группами, по большей части в ряд один возле другого, совсем так же, как и во многих современных поселениях океанийцев. На Борнео нередко все население деревни живет в одном доме, который достигает иногда в длину до ста метров и более. Такие же «большие дома» доисторического времени были обнаружены при раскопках и в Европе, в частности на Украине [1].

„Тукуль" (*дом с Верхнего Нила*).



Дом с остроконечной крышей у батаков (*Суматра*).

[1] Имеются в виду большие многосемейные дома так называемой трипольской культуры, преобладавшей в Правобережной Украине в III—II тысячелетиях до н. э. — *Прим. ред.*

Длинные многокомнатные дома являются обычным видом жилища у многих индонезийских и южноамериканских племен. В таком доме по большей части селится целый род, нередко до ста человек и более. Иногда же обитатели всей деревни живут в двух или трех длинных домах, расположенных вокруг центральной площади поселения. Один такой папуасский дом на Новой Гвинее имел шестьдесят метров в длину и двенадцать метров в ширину. Он состоял из «расположенного внизу главного зала, занимавшего всю длину дома и предназначенного исключительно для мужчин, и имел по обеим сторонам сложенные из камня трехэтажные жилые помещения, из которых в нижних готовили пищу, в средних жили женщины и дети, а в верхних — мужчины».

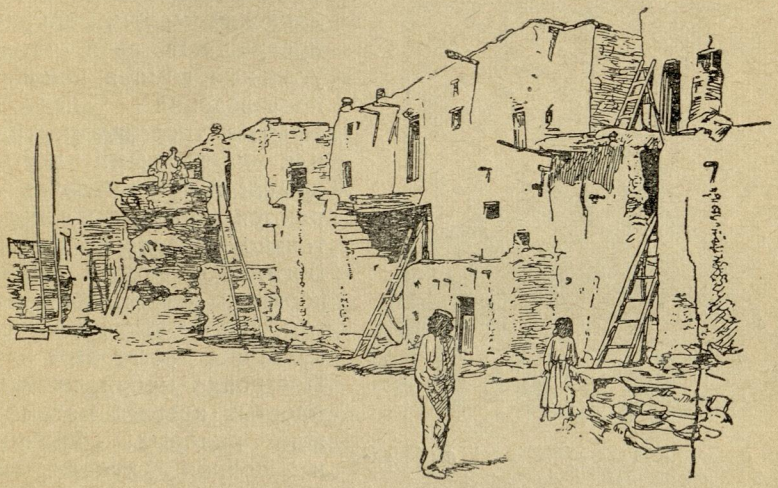
Живописное изображение медведя — украшение дома индейцев цимшиан (*северная часть тихоокеанского побережья Северной Америки*).

Индейские племена на Аляске и в Британской Колумбии жили в домах, которые были «достаточно велики для того, чтобы служить пристанищем для двух-трех поколений и двух и более общественных классов». Один такой дом состоял из нескольких расположенных концентрически, одна выше другой, платформ, из которых каждая следующая возвышалась примерно на полметра над предыдущей. Опорные стенки каждой из этих платформ состояли из длинных толстых столбов из обтесанного кедра. Подобные дома, например у тлинкитов, носили причудливые названия вроде: «Место, радующее глаз», «Место, где можно переплыть», «Дом медвежатников» и т. д. Это напоминает писавшиеся на вывесках названия домов в средневековой Франции: «Дом смеющегося шута» или «Дом прыгающей рыбы» и уж, конечно, бессмертный бальзаковский «Дом с кошкой, играющей в мяч».

Скальные жилища пуэбло представляют собой другую разновидность примитивного многоэтажного дома, и некоторые из них поразительно напоминают надстройки, сооружаемые на нью-йоркских небоскребах в качестве символа исключительной роскоши и последнего слова изобретательства. Африканским подобием жилищ пуэбло являются скальные дома медининов (Тунис), представляющие собой ряды расположенных друг возле друга, высеченных в скале жилищ. «Месы» пуэбло и подобные им древние скальные жилища в Крыму[1], конусообразные дома в

[1] Так называемые пещерные города в горной части Крыма — замечательные памятники средневековья, хотя некоторые из них — как, например, Чуфут-кале близ Бахчисарая — были обитаемы вплоть до XIX века. Самые известные из крымских пещерных городов — Эски-Кермен, Мангуп, Кермен-

Каппадокии, пещерообразные жилища Аризоны и другие, судя по их конструкции, служили главным образом для целей защиты. Если в данной местности не бывало естественных скалообразований, то возводились искусственные крепостные валы из земли или других материалов. В частности, африканские деревни бывают часто обнесены толстыми стенами или палисадами, а во времена расцвета работорговли туземцы для защиты своих деревень возводили очень сложные крепостные сооружения. У народов древней суданской культуры жилища часто целиком



Высеченные в скалах дома индейцев хопи (*древний город Вальпи*).

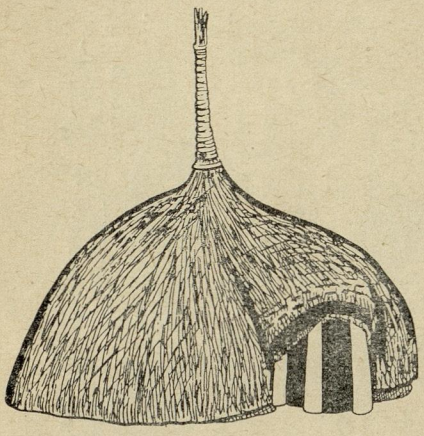
устраивались под землей. Еще и в наши дни большинство жилищ в районе Нигера — углубленные в землю. Банда во Французской Экваториальной Африке строят свои дома в стратегических пунктах для того, чтобы иметь возможность просматривать местность. Входы у этих домов столь низки, что человек может пролезть внутрь только на четвереньках.

В восточной части Мбамленда в Камеруне остатки укреплений, которые воздвигали там племена фульбе, вуте и тикар, еще до сих пор живо повествуют нам о прошлом. У палисадов этих укреплений были сооружены массивные ворота, а их толстые глиняные стены достигали в высоту шести метров. Стены снабжались брустверами, с которых защитники осыпали нападающих стрелами и копьями.

чик (Бахчисарайский район), Инкерман (близ Севастополя). (См., например, «Солнечный край», Краткий очерк о Крыме. Крымгиз, 1951, стр. 233—242.) — *Прим. ред.*

В дома на деревьях на Новой Гвинее можно попадать только при помощи веревочной лестницы, которую на ночь поднимают наверх. Там, где известны двери или похожие на двери приспособления, они снабжаются запорами, которые может открыть только посвященный. Деревянные ключи иногда достигают таких размеров, что вышедший вечером супруг не в состоянии спрятать его незаметно в карман.

Если судить о жилищах отсталых народов с эстетической точки зрения, то премия, несомненно, должна быть присуждена зодчим Полинезии. Новозеландские маори, например, превращают свои четырехугольные дома в подлинные произведения искусства. Крытые тростником, травой или пальмовыми листьями крыши в форме лодки опираются на столбы с поразительно красивой резьбой. Богатство форм подобных построек свидетельствует о том, какого высокого уровня культуры достиг этот народ. Постройки маори, начиная с простых крытых матами хижин рядовых общинников и кончая художественно украшенными домами богачей, представляют всевозможные стили и конструкции, а их «вара», то есть общественное здание, является памятником большого художественного мастерства и хорошего вкуса. Наилучшие результаты, с точки зрения архитектуры и искусства, были достигнуты местными жителями на островах Гавайи, Самоа и Ниуафу, а попрежнему овеянные тайной громадные статуи острова Пасхи и доисторические базальтовые руины острова Понапе и поныне остаются свидетельством былого величия. Пирамидальные амбары маори, в которых хранились огромные запасы съестных припасов для угощения прибывавших на праздник «хакари» гостей, достигали в высоту двадцати семи метров. Над их основанием площадью в девять квадратных метров высился ряд сужавшихся кверху, расположенных этажами хранилищ.

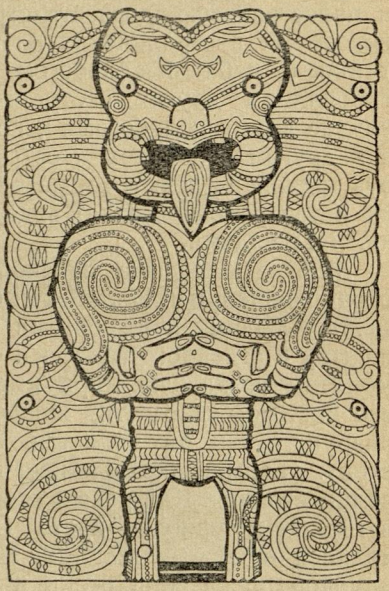


Дом племени банда (*Французская Экваториальная Африка*).

Период древних высоких культур наступил тогда, когда человек начал писать свою собственную историю. Большие группы людей соединялись в общины, которые по своему значению перерастали границы деревни. Благодаря вновь изобретенным более совершенным орудиям стало возможным употреблять для строительства жилых и общественных зданий тесаный камень.

Дворцы богатых подчеркивали кастовые и классовые различия. Так возник город. Строившиеся отныне высокие, как башни, монументы были не только свидетельством могущества и богатства: благодаря прочности своей конструкции они могли сохраняться в течение столетий.

Дома древнемексиканских ацтеков представляли самые разнообразные стили, начиная со сплетенных из ветвей хижин жарких областей и кончая каменными постройками нагорий, великолепнейшим завершением которых были величественные храмы и дворцы. Но еще более величественными были посвященные богам постройки майя в Гватемале.



Резной столб дома маори (*Новая Зеландия*).

Сооружавшиеся «навечно» постройки этих древних народов так и остались непревзойденными. Египетские пирамиды попрежнему относятся к семи чудесам света, и мы так и не научились искусству настолько точно обтесывать камни, чтобы их можно было соединять вместе без известкового раствора в постройки, могущие стоять вечно. Храмы Индии, Китая и развалины Ура — все это памятники, свидетельствующие о выдающемся техническом мастерстве и необычайном богатстве их строителей. Мы до сих пор еще не научились искусству изготовления чрезвычайно стойкого известкового раствора, который римляне употребляли для своих виадуков, дворцов и памятников. Наши каменщики употребляют мастерки точно такой же формы, как и римляне. Мастерок не удалось «усовершенствовать» даже в современную эпоху, потому что он был заимствован у древних уже в его совершенном виде.

От ветрового заслона и до многоэтажных высеченных в скалах жилищ, от хижины, построенной на дереве, и до крепости — такова эволюция сооруженных рукой человека построек, история его изобретательности, могущества и разума. И все же пригодность для жилья даже самого современного дома зависит от той стихийной силы, познанием которой боги наградили людей еще в глубокой древности, — от огня.

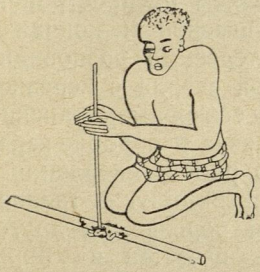
Существование дома, племени и самой человеческой жизни было бы невозможно без благословенного огня, этого таинственного брата солнца. Значение огня настолько всеобъемлюще, что нет ни одного народа на земле, который в своих сказаниях и преданиях не пытался бы объяснить его происхождение. Огонь представляется настолько большой ценностью, что, согласно большинству мифов, люди похищают его у богов, которые его ревностно оберегали и отнюдь не собирались делиться им со смертными. По греческому сказанию Прометей украл его у Зевса и понес за свою дерзость страшное наказание. По преданиям некоторых австралийских племен божественную искру принесла тайно с неба под хвостом крошечная птичка — королек. По верованиям других австралийцев огонь был украден в одном случае двумя полубогами [1], которые хотели утаить его от людей, а в другом — вороном с острия землекопалки у некоей Каракурук, одной из дев, которые впоследствии поднялись на небо, где их и теперь еще можно видеть в виде созвездия, называемого нами Плеядами.

Многие народы с писаной и неписаной историей почитают огонь священным. Индийский бог огня Агни служит посредником между людьми и их богами и переносит души приносимых в жертву с огненного алтаря к бессмертным. Парсы возносят свои молитвы создателю мира именем огня, потому что «благодаря его чистоте, светлости, живости, тонкости, плодовитости и неразрушимости он является совершеннейшим символом божества». Германские племена почитали эту стихию в праздники солнцестояния. Как рассказывается в библии, бог явился Моисею в горящем терновом кусте (неопалимой купине) и святой дух являлся в образе пламени. Неутомимая фантазия первобытных народов прославила огонь в бесчисленных мифах, которые все необычайно красивы и проникнуты духом почитания. Мауи — полинезийский божественный герой маори, который поднял их остров со дна моря, тоже принес с собой огонь. Африканские гереро связывают свой культ предков с почитанием священного огня, который горит в очаге орузо (отцовского рода) и поддерживается кусками дерева омумборомбонга (*Lombretum primigenium*), в котором живут души усопших. Девушка, поддерживающая этот священный огонь, обязана оставаться девственницей подобно римским весталкам. Горение огня отождествляется с жизнью племени. Если огонь оказывается в руках вождя — завоевателя, последний становится господином и защитником племени гереро.

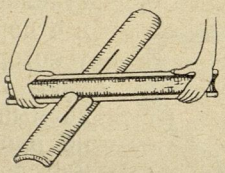
По словам Санжеева, в очаге каждой бурятской юрты живет «гали езен» — дух огня, который, хотя и имеет «облик чело-

[1] Мифические существа, которым приписывается введение огня или других культурных благ, принято называть «культурными героями». — *Прим. ред.*

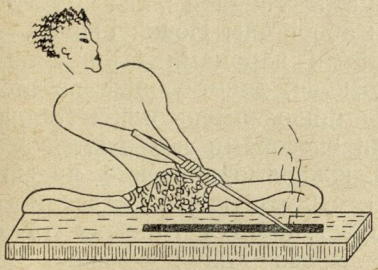
века», «но становится маленьким, когда он находится в очаге». В огонь нельзя бросать никаких отбросов и никакой грязи, потому что это оскорбительно для гали езена. Мешать огонь нельзя ни ножом, ни вообще острой железкой, так как этим можно ранить духа огня. Если бы он ослеп, он был бы не в состоянии отгонять злых духов от жилища. Дух огня первым из всех богов получает свои жертвенные дары. Огонь — это собственность и даже жизнь рода. Чужой не имеет права брать огонь из очага, и если находящийся в бурятской юрте гость разожжет там свою трубку, он обязан ее вытряхнуть перед уходом.



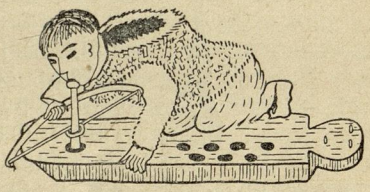
Огнивное сверло.



Огнивная пила (*Индонезия*).



Огнивный плуг (*о-ва Самоа*).

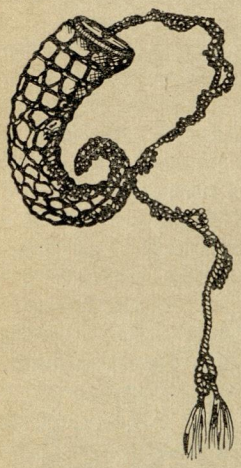


Огнивное сверло с луком для добывания огня.

Человек изобрел бесчисленное множество способов добывания драгоценной искры, дающей огонь. Наиболее отсталые в культурном отношении народы, например австралийцы, добывают огонь трением друг о друга двух кусков дерева. В одних случаях положенную и укрепленную деревяшку «сверлят» деревянной же палочкой. В других — полено из мягкого дерева «пилят» сделанным из твердой древесины бумерангом. «Сверление» или «пиление» продолжается до тех пор, пока дерево не воспламенится. Когда отделяющиеся опилки начинают тлеть, их подхватывают на трут или накрывают сухой травой, которые и воспламеняются. Так называемое огнивное сверло представляет собой круглую палочку, которую вращают в углублении,

сделанном в другом обрубке дерева. Вращение длится до тех пор, пока не начнут тлеть древесные опилки и подложенный трут, на которые осторожно дуют вплоть до появления пламени. Огнивная пила состоит по большей части из двух половинок бамбукового ствола. Одна из них, положенная на трут, снабжается поперечной зарубкой, другой пилят по зарубке. Еще одной разновидностью первобытного огнива является полинезийская огнивная терка, состоящая из заостренного куска твердой древесины, которым трут другой кусок более мягкого дерева до тех пор, пока не воспламенятся древесные опилки.

Способ добывания огня сверлением распространен по всему миру, начиная с африканских бушменов и кончая индейцами Северной и Южной Америки. Интересные разновидности представляют собой сверла с веревкой, с луком и с поршнем у североамериканских индейцев, у которых веревка и подобие веретена облегчают трудную работу сверления. Так называемый огнивный плуг — трение палочкой по продольной борозде на другой палочке или дощечке — известен на Борнео, в Полинезии и Микронезии и упоминается в финикийских мифах о сотворении мира. Различными формами огнивной пилы пользуются малайцы и аборигены Новой Гвинеи.



Футляр для трута, сделанный из хвоста броненосца (*индейцы тапьете и тоба, Южная Америка*).

Примитивными народами были изобретены также огнива, действующие по принципу удара камня о камень или металла о металл. Этими способами пользуются главным образом южноамериканские индейцы. Такие огнива существуют и у эскимосов. В ледяных пространствах Арктики трудно найти сухое дерево для добывания огня трением, и местные жители вынуждены обращаться к другим материалам. Более сложен обычный в Индии и на Борнео способ добывания огня огнивным насосом, то есть деревянным цилиндром, в котором кусок трута разогревается и сжимается с помощью точно пригнанного и передвигаемого вверх и вниз поршня до тех пор, пока не появится искра.

Многие из этих древнейших способов добывания огня были известны несколько тысячелетий назад. От того, знал ли доисторический человек эти способы добывания огня, его жизнь зависела в такой же мере, как и жизнь современных отсталых народов. В палеолитических погребениях северной Европы были найдены лежащие рядом куски медного колчедана и кремня.

Уже римляне знали о воспламеняемости серы, и они пользовались ею и кремнем для получения огня. Прошло много сто-

летий, прежде чем в 1650 году появились первые химические огнива с фосфором и серой. И лишь спустя почти двести лет после этого в Лондоне начали продавать «фосфорные склянки», за которыми вскоре последовали изобретенные С. Джонсом «спички Люцифера» и другие усовершенствованные их разновидности.

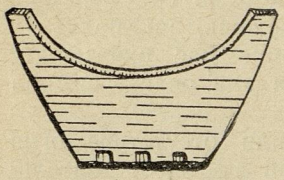
Огонь является такой же неотъемлемой частью понятия о домашнем очаге, как и защищающая этот очаг крыша. Он придает простому убежищу характер жилища и служит одним из признаков присутствия человека, как бы примитивны ни были все прочие предметы его домашнего обихода, ибо до сих пор еще ни одному животному не удалось ни разжечь, ни получить огонь — этот дар богов. Когда на чужбине нас охватывает тоска по родине, нам представляется камин или очаг — символ родного дома.

Для первобытного человека наличие или отсутствие огня равносильно жизни или смерти. Поэтому при любых обстоятельствах он старается поддержать огонь. Если огонь грозит потухнуть, индейцы вновь раздувают его с помощью духовых трубок или особых вееров, в то время как в Африке употребляют для этого разнообразные формы воздуходувных мехов. Огонь берут с собой даже в дорогу как в дальнюю, так и в ближнюю. Неозе в Восточной Боливии заворачивают тлеющие части цветка мотаку в свежие листья патаху и в таком виде носят их с собой во время кочевий. Многие южноамериканские племена устраивают постоянные «склады огня» на перекрестках своих троп в виде специально построенных хижин, покрытых крышей, предохраняющей от дождя, в которых под золой хранится тлеющий трут. В таком «складе» путник легко может получить драгоценный огонь, тогда как добывание огня трением в сырости девственного леса удается лишь с большим трудом. Когда Альберт Швейтцер рассказывал западноафриканским неграм о лесных пожарах в Европе, они поднимали его насмех: как могут гореть леса, насыщенные точно губки влагой?

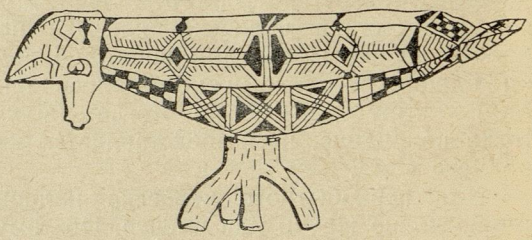
В центре палатки, в хижине или доме очаг является средоточием семейной жизни, источником тепла, местом, где приготовляется пища, защитой от тропических насекомых и источником света, вокруг которого по ночам вновь оживают древние саги и сказания.

Крыша и огонь — вот два основных элемента, составляющих домашний уют. И все же человек никогда не довольствовался удовлетворением своих элементарных потребностей, круг которых ограничивался бы огнем и крышей как единственно доступной для него роскошью. Ведь для устройства уютного домашнего очага нужны также некоторые предметы обихода, создающие жизненные удобства. Так, например, место для ночлега у отсталых народов всегда бывает приспособлено к климатиче-

ским условиям. Древнейшая постель человека состояла из настилаемых на землю толстым слоем свежих веток преимущественно хвойных деревьев. На Огненной Земле и во многих местах Северной Америки в качестве одеял употребляют шкуры. В теплом климате Австралии и большей части Африки требуются гораздо более легкие одеяла. В тропиках же одеялами зачастую совсем не пользуются. Многие африканские племена спят голыми в древесной золе, чтобы защитить свое тело от насекомых и

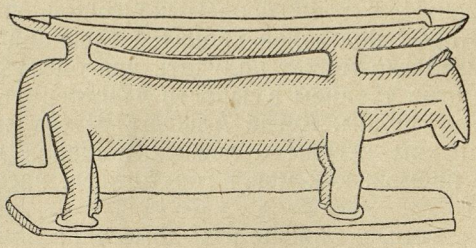


Деревянная головная скамейка (*залив Гельвинк-Бай, Новая Гвинея*)



Головная скамейка с островов Санта-Крус.

сквозняков. Большинство тихоокеанских и южноазиатских племен спят на опрятно сплетенных матах. В Полинезии, например, богатство или бедность обитателей того или иного дома определяется количеством и возрастом имеющихся цыновок.

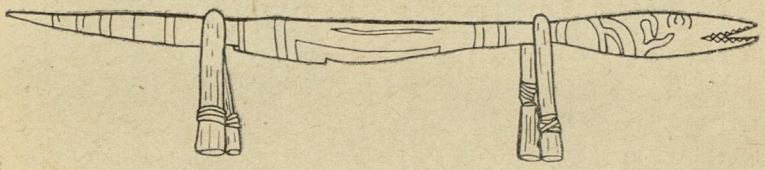


Головная скамейка кафров (*Южная Африка*).

Древнейшей «подушкой» является головная скамейка, которая может принимать всевозможные формы, начиная с простого полена и кончая художественной резной подставкой, поддерживающей и предохраняющей сложные прически туземцев. Среди головных скамеек Африки и Южной Америки встречаются наиболее красивые образцы туземной скульптуры.

Собственно постелью в нашем понимании является возвышающееся над полом место, где спит человек. Предшественницами такой постели явились сооруженные из глины или земли

нары, которые опоясывают внутренность дома в Западной Африке, Судане и у индейцев северо-западного побережья Северной Америки. Во многих жилищах племен, обитающих в южноамериканских джунглях и также в Африке, встречаются сделанные в виде возвышений деревянные постели, снабженные иногда очень удобными плетеными матрацами. Эти постели очень древнего происхождения, еще более древнего, чем другое примитивное приспособление для спанья: гамак, заимствованный моряками и современными дачниками в качестве очень практичного и удобного приспособления для отдыха. Гамак был создан аборигенами Новой Гвинеи и племенами восточных областей тропической Южной Америки. Как рассказывает Вегнер, сплетенные из древесных волокон гамаки, подобно сплетению лиан в девственном лесу, образуют почти непроницаемую сетку во внутренности хижины.



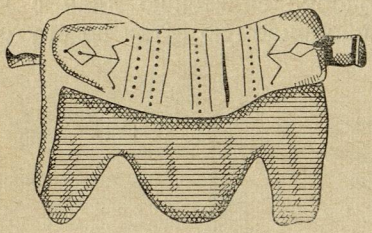
Головная скамейка племен Мамберамо (*Новая Гвинея*).

Для защиты от насекомых было изобретено множество простейших москитных сеток. У индейцев гуато такие сетки имеют форму широкого мешка, сплетенного из волокон листьев тукума. Мешок этот прикрепляется к потолку так, чтобы отверстие его приходилось точно над лицом спящего. Папуасы нор на Новой Гвинее делают из травы киран целые спальные мешки, которые принадлежат к числу самых излюбленных предметов обмена.

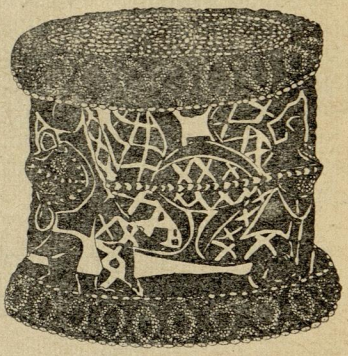
В первобытном домашнем хозяйстве столы и стулья — далеко не обязательная мебель. Члены семьи сидят по большей части на матах или шкурах, на камнях или пнях, а то и просто на голом полу. Все же простейшие скамейки можно встретить иногда и в обиходе туземцев, особенно у коренного населения Южной Америки и Африки.

Но вообще наличие стула не рассматривается как нечто увеличивающее комфорт. Однако взгляд на стул в корне меняется, коль скоро дело касается того, чтобы подчеркнуть ранг и достоинство восседающего на стуле человека. В этом случае стул становится символом также внешне отмечаемого привилегированного положения, и высокое звание общественного лица подчеркивается тем, что он выполняет свои функции, восседая на изготовленном с особой тщательностью сиденье вождя или жреца. Особо широкое распространение этот обычай получил в Африке, где прекрасные резные сиденья вождей свидетельствуют о совершен-

стве туземного искусства. Для украшения этих тронов часто употребляются драгоценные раковины каури и пестрые бусы, и художественная резьба некоторых тронов полностью скрывается под многими тысячами голубых и белых бус. Но и без громоздкой мебели большинство жилищ отсталых народов производит на посетителя впечатление уюта, так как они оборудованы всеми предметами, которые считаются жизненно необходимыми или удовлетворяют чувству красоты в соответствии с общим культурным уровнем народа. Таким образом, отнюдь не одни



Скамейка из кедрового дерева в форме ягуара (*индейцы гуарани, Восточный Парагвай*).



Резной трон африканского вождя, украшенный раковинами каури и стеклянными бусами (*Камерун*).

только практические соображения придают примитивному жилищу присущие ему характерные черты.

Предметы обстановки даже самой скромной хижины подбираются с большим вкусом и свидетельствуют об умелом выборе красок и цветов. Это относится и к окрашенным охрой деревянным сосудам, и к изящно орнаментированным сумкам австралийцев, и к великолепным керамическим изделиям, и к художественным резным ложкам Африки. Сосуды и головные скамейки океанийцев, покрытые изумительными по красоте украшениями, принадлежат к лучшим экспонатам наших музеев.

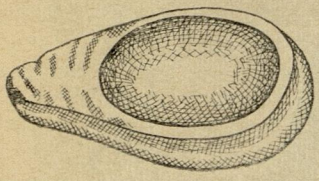
Деревянная миска (*о-ва Санта-Крус*).

Чем более оседлую жизнь ведет народ, тем больше времени может он тратить на украшение внутренних и наружных стен домов живописью или резным орнаментом. Тотемные колонны и столбы индейских домов на Аляске, африканские рельефные украшения из дерева и глины и особенно резьба полинезийских домов — все это столь выдающиеся образцы первобытного искусства резьбы, что попытки современных скульпторов подражать их техническому совершенству, нежности их красок и экзо-

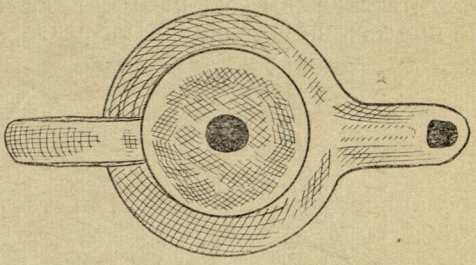
тичности их форм в большинстве случаев оставались тщетными.

Даже дома доисторического человека были оборудованы предметами роскоши, из которых достаточно будет упомянуть художественно оформленные и орнаментированные ложки, иглы, каменные ножи, режущие орудия, сверла, веретена и скребла.

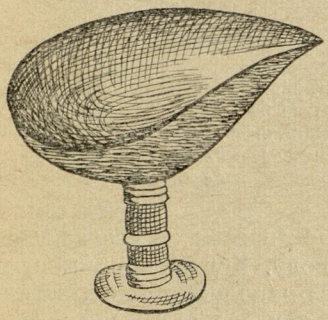
МАСЛЯНЫЕ ЛАМПЫ



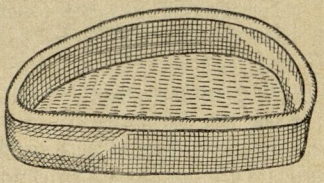
Доисторическая каменная лампа (*Мадлен*).



Римская глиняная лампа.



Африканская лампа (*Уганда*).



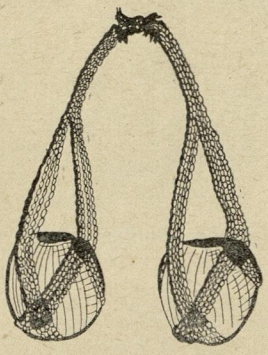
Каменная лампа эскимосов.

Лампы ледникового периода являются прообразами масляных ламп Помпеи и Рима.

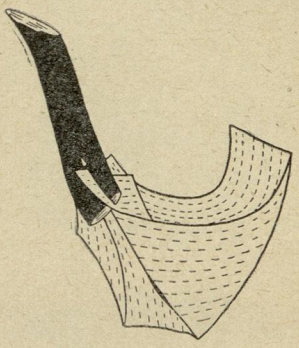
Из одной только эстетической потребности первобытный человек уже в ориньякский период делал на стенах пещер, помимо рисунков религиозно-магического характера, изображения фигур животных и людей; этой же цели служили и статуэтки из слоновой кости, украшавшие внутренность пещер. Образцы древнейшего искусства религиозного характера находят главным образом в палеолитических пещерах Испании и южной Франции. Но люди занимались и «светским искусством». Об этом свидетельствуют найденные орнаментированные сосуды, орудия, гребни и другие предметы утвари, чей возраст исчисляется многими

тысячелетиями. По стилям керамических орнаментов первобытных художников получили свое название целые культурные эпохи неолита.

Хотя не все первобытные народы дошли до умения изготовлять керамические изделия, все они употребляли того или иного рода вместилища для собирания, приготовления и хранения пищи. Наибольшее значение имели, естественно, сосуды для воды. Наличие таких сосудов позволяло племени свободно передвигаться даже в тех районах, где в непосредственной близости не имелось ни источников, ни рек.



Сосуды для воды — скорлупа кокосовых орехов на перевязи из волокон кокосовой пальмы (*о-ва Санта-Крус*).



Питьевой ковш, изготовленный из бересты и употреблявшийся в пути (*индейцы монтанье-наскапи, Лабрадор*).

Однако примитивным народам практически не всегда удается сберегать необходимую для жизни воду. Когда, например, женщины и девушки Огненной Земли наполняют свои кожаные мешки и корьевые ведра водой, то, как сообщает Гузинде, они должны как можно скорее бежать домой, так как их водопроницаемые сосуды быстро пустеют. Австралийцы часто используют для хранения запасов воды естественные углубления в скалах или впадины больших камней. Гораздо практичнее берестяные сосуды лабрадорских индейцев: тщательно сшитые и проклеенные смолой, эти сосуды столь же водонепроницаемы, как и устроенные аналогичным способом берестяные лодки. В пути эти индейцы изготовляют себе сосуды для питья из бересты, скрепляя ее деревянными скобками. У малайцев излюбленным сосудом для воды является отрезок полого бамбукового ствола. Индейцы восточного Парагвая хранят воду или в тыквах, или в толстых бамбуках (такуа рузу). Длинные стволы последних берут с собой также в дорогу, снабжая их несколькими тщательно просверленными и закупоренными пробкой отверстиями для питья. Куски

этого же вида бамбука применяются в качестве котелка. Котелок этот может долгое время служить для нагревания воды, пока его дно не обуглится настолько, что он приходит в негодность. В качестве сосудов для воды широко используются также кокосовые орехи и бутылочные тыквы — калебасы. Другими древними сосудами для воды являются мешки из звериных шкур, употребляемые в Индии и Сахаре.

При изготовлении всевозможных сосудов и мисок даже самые примитивные народы проявляют необычайную изобретательность. Так, например, австралийцы изготовляют орнаментированные деревянные корытца и сумки мелкого плетения, которые они носят с собой при собирании плодов и растений. Там, где живет хотя бы одна семья первобытного народа, непременно изготовляются тарелки и блюда из дерева, листьев и раковин. Резным черпакам, которые древнее плоской суповой ложки, часто придавали великолепную форму, украшая их художественным орнаментом.

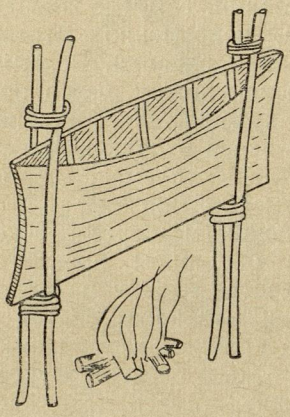
Если бы ковер-самолет перенес нас в отдаленнейшие районы мира, то, попав в хижины примитивных племен, мы могли бы наблюдать сцены самой мирной семейной жизни.

Палатки индейцев Лабрадора, покрытые березовой корой или шкурами карибу, разбросаны на обширном пространстве их охотничьей территории. Через отверстие вверху палатки поднимается дым очага. В котле, сделанном из кожи, снятой с брюха карибу, варится мясной бульон. На длинном деревянном вертеле жарится жирный хвост бобра, и тут же в богато разукрашенных берестяных коробах лежит «пеммикан» — смесь медвежьего жира с сухой черникой, — употребляемый в качестве закуски. В круглых открытых корзинах, склеенных все из той же белой и медово-коричневой коры, лежит баннок — хлеб индейцев. Когда после еды будет вымыта деревянная утварь и упряжные собаки зароются в снег перед входом в палатку, семья наскапи устраивается на толстом ковре из ветвей бальзамической пихты между связками добытой на охоте драгоценной пушнины. Шкурки норок, куниц, рысей, мускусных крыс и чернобурых лисиц — все они весной будут проданы агенту Компании Гудзонова залива с тем, чтобы на вырученные деньги можно было купить запасы на будущую зиму. В палатке, в сумеречном свете северного сияния, чуть покачивается сшитая из пестрых кусков кожи люлька и старательно поддерживается огонь. Над постелями висят приносящие счастье талисманы, и детям снится, быть может, достопочтенный дедушка-медведь, а засыпающий охотник обращается с молитвой к волшебному хозяину Севера, умоляя его не посылать снежной бури, которая может замести звериные следы и сделать непроходимыми тропы, ведущие к западням.

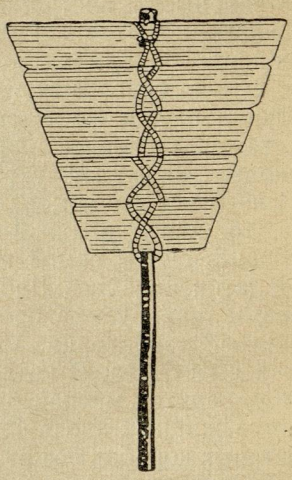
Еще дальше к северу спят эскимосы под снежным или ледяным куполом своих иглу. Сделанные из снега их кровати покрыты толстым слоем шкур оленей, медведей и мускусных быков, и

вычищенные охотничьи ножи лежат наготове. В длинном открытом проходе собаки все еще гложут кости, и в так называемой уткусиксалигмиут — жировой каменной лампе, весящей нередко до 50 фунтов, — горит тюлений жир; такая лампа, по имени которой было некогда названо все племя, дает необходимое тепло для варки пищи и для обогревания жилья.

Мир царит также в хижинах индейцев Калифорнии. В углу, отведенном под кухню, лежат каменные ножи с гладкой рукояткой, приготовлены тонко сплетенные круглые корзины для



Сосуд из коры для варки пищи (*Никобарские о-ва*).



Веер пангве для раздувания огня (*Западная Африка*).

собирания желудей, а рядом находятся деревянные ступки, сделанные из тополя, с каменными пестиками, и несколько грубо слепленных глиняных горшков древнего происхождения.

У так называемых дикарей не существует жилищной проблемы. Они не знают ни неумолимых домовладельцев, которые безжалостно взыскивают квартирную плату, ни других обстоятельств, обрекающих женщин и детей на нужду и лишения.

В джунглях восточного Парагвая находятся жилища племен пань и чирипа́, хижины которых, состоящие из жилой комнаты, кухни и спальни, также представляют приятное зрелище. Под большим гамаком, предназначенным для главы семьи, сплетенным из окрашенных в красный цвет волокон бромелии, хлопка или кокоса, на удобной цыновке из пальмовых листьев спит его жена. В комнате стоят низкие, вырезанные в виде какого-нибудь животного скамейки, и попугай — неотъемлемая принадлежность домашнего уюта — тараторит на своей стойке. В углу виднеется

типитча — метла, которой регулярно подметается плотно утрамбованный глиняный пол. С потолка свешивается удобная полка, на ней прячут от муравьев и собак кухонную утварь и съестные припасы. Наготове лежит нож, обернутый корой такуарембо, которым домашняя хозяйка разрезает овощи.

Еще богаче внутренняя обстановка в домах африканских земледельческих племен, где железные орудия, всевозможные плетеные корзины и множество других предметов домашнего обихода свидетельствуют об оседлом образе жизни и изобретательности обитателей этих домов.

Так, например, общественный дом западноафриканского племени пангве обставлен внутри скамейками, расположенными вдоль стен. Днем и ночью здесь поддерживается огонь, а на стенах висят барабаны, большой точильный камень и сети, которыми пользуются во время коллективных охотничьих облав.

Помещение украшают охотничьими трофеями — черепами, рогами и зубами. Часто в оборудование общественного дома входит кузница с наковальней, мехами и поддувалами. В маленьких семейных домах три угла главного помещения занимают скамьи для спанья, а очаг устраивается на узкой стороне. Там же расположены полки для посуды и жерди для сушки одежды, а под большим, похожим на кладовую деревянным ящиком лежат подносы для сушки и жаренья земляных орехов. На стене висят длинные корзины, которыми пользуются женщины, и всегда на месте трехногая скамейка для почетного гостя. Домашняя утварь пополнена целым рядом таких новых предметов, как терки и пестики, плетеные и резные тарелки и блюда, всевозможные ложки (различных форм для мужчин и женщин), кувшины из тыквы, метлы и многое другое. Если на площади в деревне справляется праздник, то ночью эта площадь освещается романтическим светом факелов, бросающих блики на фигуры танцующих.

Внутреннее убранство красивых полинезийских домов так же великолепно, как и внешние живописные и резные украшения. На острове Понапе[1] промежуточные пространства между резными столбами настолько густо оплетаются пестроокрашенными кокосовыми волокнами, что последние полностью закрывают дерево стен. Черные, красные и синие шнуры, украшенные кисточками и раковинами, образуют гармонические стенные орнаменты. Даже бамбуковый пол, настланный поверх каменного основания, сплетается пестрыми кокосовыми волокнами. Повсюду можно увидеть со вкусом расставленную домашнюю утварь — цыновки для спанья, калебасы из полированных до блеска скорлуп коко-

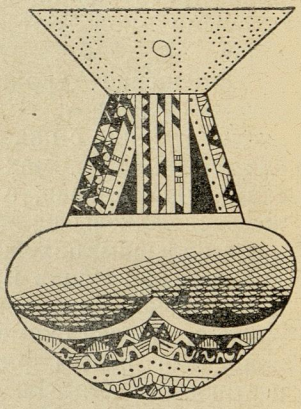
[1] Понапе — самый восточный из островов Каролинской группы, принадлежащей не к Полинезии, а к Микронезии. — *Прим. ред.*

сового ореха, пестрые тыквы, терки для орехов, каменные ступки и пестики и много других полезных и красивых предметов. В украшенных тонким орнаментом корзинах лежат ножи из раковин, орудия, вырезанные из кораллов, и изделия из рыбьей кожи. Копья, весла, разукрашенные палицы и ткацкие принадлежности женщин украшают стены, а сами дома отличаются необыкновенной чистотой. Красивые занавесы из пестротканной лубяной материи отделяют спальные помещения от жилой комнаты, а резные головные скамейки из разнообразных сортов дерева нередко снабжаются бамбуковыми ножками. Резьба и цветной орнамент отличают наиболее художественно отделанные

ФОРМЫ ЛОЖЕК ПАНГВЕ

Ложка из тыквы.

Разливательная ложка.



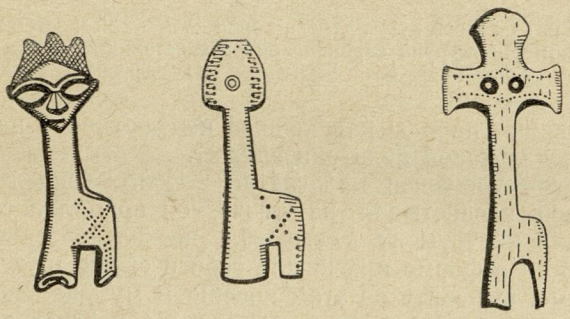
Мужская ложка.

деревянные блюда и тарелки, а материя из тапы, идущая на занавесы и предметы одежды, отделывается набивным или нанесенным красками рисунком. Веера же и маховые перья птиц, которыми отгоняют мух, услаждают жизнь обитателей этих жилищ.

Жилища высококультурных народов Старого и Нового Света свидетельствуют о том, что изобретения древнейших времен были заимствованы ими и усовершенствованы. Более высокоразвитые методы производства и специализация ремесла, характерные для этих культур, позволили добиться усовершенствований, которых не могли достичь первобытные ремесленники и строители. Так, например, в домах, которые были возведены еще до того, как появилась письменность, уже встречаются совершенно изумительные предметы роскоши. В доисторическом Абу Шахрейне, в древнем Эриду, были обнаружены великолепные, гладкие, как зеркало, полы и двери с каменными шарнирами, привезенными из далеких стран. Глубокие подвалы и круглые окна были известны уже в неолите, в период ленточной керамики. Дома

создателей древнейшей культуры Анау [1] строились из высушенных на солнце кирпичей и тоже имели дверные петли.

Где бы ни производили археологи раскопки руин древних храмов или дворцов, всюду они обнаруживали поразительные доказательства, свидетельствующие о необыкновенно роскошном образе жизни, какого наша современная цивилизация никогда не достигла и не сможет достичь. В южной Сибири, близ китайской границы, в 1946 году советские ученые откопали построенный еще до нашей эры китайский дворец [2], в котором были найдены сокровища, поражающие своим великолепием. Площадь главного зала этого хакасского дворца составляет более ста двадцати квадратных метров. Крыша, украшенная круглыми декоративными таблицами с китайскими письменами, сложена из



Флейты из слоновой кости. Подражание формам европейских ключей (*Бельгийское Конго*).

двух видов черепицы. Тяжелые бронзовые дверные ручки представляют собой изображения рогатых мифологических существ. В развалинах были обнаружены бронзовые пряжки и броши, золотые ушные подвески и столовая посуда из нефрита. Все помещения отапливались одной печью при помощи системы труб, охватывающей весь дворец.

Нашим современным архитекторам все еще не удалось освоить римский метод отопления домов снизу, из-под пола. Столь же высокоразвитая система отопления уже много сотен лет известна в Корее.

Великолепие раскопок в вавилонском Уре (ныне Эль Мукаджар), отнесенных к третьему тысячелетию до нашей эры

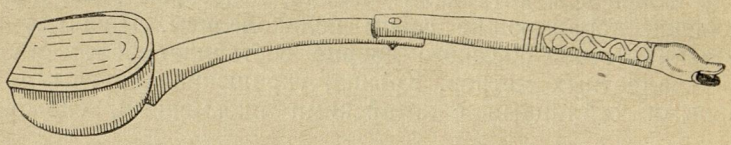
---

[1] Культура Анау — одна из высокоразвитых энеолитических культур (III тысячелетие до н. э.). Названа так по имени местности близ Ашхабада (Туркменская ССР), где обнаружены памятники этой культуры. — *Прим. ред.*

[2] Имеется в виду так называемый «дворец Ли-Линя», остатки которого раскопаны в 1940—1946 гг. близ колхоза «Сила», в 8 *км* к югу от г. Абакана (Хакасская АО). См. С. В. Киселев, Древняя история южной Сибири, Материалы и исследования по археологии СССР, № 9, М., 1949, стр. 268—272. — *Прим. ред.*

(лучшие экспонаты из них находятся в Британском музее), свидетельствует о совершенстве, перед которым должны скромно умолкнуть наши современные мастера прикладного искусства.

История культуры знает много анекдотических случаев, когда европеец, заимствовавший у первобытных народов их изобретения, чтобы приспособить последние к своим потребностям, очень часто настолько изменил форму и назначение этих изобретений,



Вырезанная из одного куска дерева копия сломанной и затем починенной при помощи шурупа европейской разливательной ложки (*Конго*).

что примитивные народы наших дней нередко даже не в состоянии узнать, для какой цели они служат.

Когда один уроженец Бельгийского Конго увидел однажды, как европеец насвистывал на ключе, он принял последний за музыкальный инструмент и вырезал несколько свистулек из слоновой кости в форме ключа для себя и своих друзей чтобы и они также могли играть на этом новейшем музыкальном инструменте европейцев. Грубо вырезанная европейская поварешка,

„Восстание вещей". Рисунок на глиняном сосуде из Валье де Чикама (*долина Чикама, Перу*).

сломанная и вновь починенная с помощью винта, произвела настолько большое впечатление на одного негра из Конго, что он изготовил такую же штуку для собственного употребления. Он вырезал в точности такую же ложку вместе с винтом, изящно выступающим из-под «сломанной» части.

Первобытный страх человека перед сверхъестественной силой сделанных им самим же вещей побудил одного древнеперуан-

ского художника изобразить восстание вещей на вазе, относимой к культуре прото-чиму [1].

По словам Крикеберга, нижний край рисунка представляет собой «изображение моря со стилизованными волнами, рыбами и тюленями... Главная же часть рисунка состоит из трех групп фигур. В каждой группе находится по одной человеческой фигуре; все же остальные изображения являются предметами, которым художник придал сходство с человеком, пририсовав им руки, лица или глаза... В верхней части рисунка парят две птицы, как это обычно бывает при изображении батальных сцен. Все предметы являются либо оружием, либо украшением воина». Мы видим тут «человека-палицу», копьеметалки, четырехугольный щит и такие военные украшения, как головная повязка с головой пумы, пояс и сумки.

По замыслу этот рисунок отражает содержание древнего мифа кичé, согласно которому наступит день, когда собаки и куры, горшки и сковородки, жернова и все другие изготовленные рукой человека предметы и прирученные животные восстанут против своих угнетателей и переложат на них бремя, которое возложил на них человек. И тогда жернова перемелют своих изобретателей, горшки сварят людей, куры зарежут их, а сковороды их изжарят. Однажды, говорится в мифе, это уже было и должно повториться вновь.

---

[1] Культура «прото-чиму» («ранних чиму») — одна из древних высоких культур побережья Перу, относимая к IV—VII векам н. э. За ней следовали культуры тиауанако, культура «поздних чиму» и наконец культура инков. — *Прим. ред.*

Глава II

В САЛОНЕ КРАСОТЫ ДИКАРЕЙ

Когда однажды в молитвенную комнату небольшой нью-йоркской негритянской религиозной секты вошли две сильно напудренные и разукрашенные всякими косметическими средствами дамы, чтобы из любопытства принять участие в совершаемых там необычных обрядах, негритянский священник при виде их поднял, к их ужасу, палец и, обращаясь к своей пастве, громко воскликнул: «Вот идут две Иезавели!» Обе непрошенные гостьи тут же с ужасом вспомнили то место из «Книги царств», где говорится, что Иезавель, которая «нарумянила лицо свое и украсила голову свою», была выброшена из окна слугами господина и растоптана на поле Изрееля, а затем псы съели ее тело.

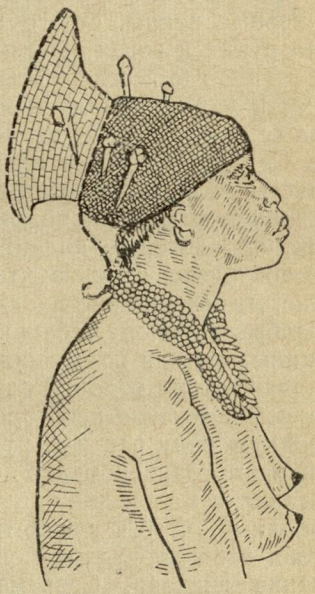
Хотя обе посетительницы и ушли оттуда в страхе, все же позднее они рассказали о своем приключении своему университетскому преподавателю (который и сам не был непричастен к этой маленькой экспедиции). В результате этого приключения развернулась длительная дискуссия, главной темой которой был вопрос: почему многие считают «грехом», когда женщина ухаживает за собой, и почему некоторые непреклонные судьи объявляют легкомысленной девушку, которая красит себе лицо и украшает голову? Неужели искусственное подчеркивание природного очарования действительно противоречит здоровому чувству?

Разумеется, десять тысяч лет назад о таком осуждении не было и речи. И во многих уголках земли, где никто никогда и не слыхал слово «косметика», женщины, а нередко и мужчины продолжают до сих пор соблюдать свои собственные первобытные законы красоты как из чисто эстетического чувства, так и из гигиенических и религиозных побуждений. Ведь во всех вопросах хорошего вкуса так называемые дикари имеют совершенно ясное представление о том, что они считают красивым и привлекательным, и не упускают случая подчеркнуть должным образом свою точку зрения в этой области. Как мужчины, так и женщины стараются придать своему телу, одежде и своему общему виду известную элегантность, и если цивилизованный мужчина по

части ухода за красотой давно уже занимает второстепенное положение, то его более отсталые братья все еще соревнуются с прекрасным полом, стремясь елико возможно превзойти женщин великолепием своего внешнего облика.

Если и в цивилизованном мире существует различное отношение к употреблению тех или иных косметических средств, то еще резче проявляется это различное отношение у первобытных народов, которые строго соблюдают свои собственные законы вкуса и не так-то легко соглашаются заимствовать моду у своих соседей.

Элсдон Бест описал, например, понятие красоты у маори. Для того чтобы выглядеть привлекательной, молодая девушка должна иметь «ноги красивой формы и гармоническое телосложение», «место, где спина переходит в седалище, должно быть изящной формы, и красавица должна держаться очень прямо». А вот нормы мужской красоты, с точки зрения женщин маори: «Он должен производить впечатление силы и зрелости, у него должно быть хорошее телосложение, лицо его должно быть привлекательным, не слишком широко расставленные большие глаза должны смотреть на людей с выражением кротости». Кроме того, этот Адонис должен быть «приветливым» и иметь «бедра красивой формы». Следовательно, общая концепция довольно близка нашему — греческому — идеалу красоты.



Любимая жена негритянского вождя из Конго.

Многие североамериканские индейцы, как, например, хопи, требуют, чтобы красивая девушка пудрила себе лицо маисовой мукой и подвязывала волосы так, чтобы получалась прическа в виде бабочки.

Все эти понятия красоты отнюдь не являются произвольными. На различных стадиях человеческой культуры вырабатывались свои собственные законы красоты, которых старались строго придерживаться мужчины и женщины соответствующих племен. Наряду с различием во взглядах относительно применения косметических средств все народы земли, повидимому, сходятся в своих вкусах в одном пункте: исключительная опрятность всюду является непременным условием красивой внешности. Поэтому ни один благовоспитанный дикарь не пренебрегает правилами физической гигиены. Замечание: «Ты моешься, как белый!»

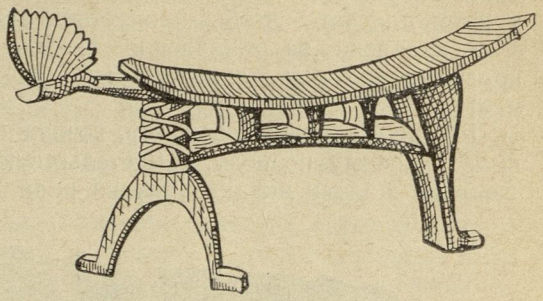
(белые, живя у «дикарей», часто моют себе только лицо и руки) — является одним из худших оскорблений, какое только может нанести один обитатель джунглей другому.

Европейцев, которым приходилось жить среди примитивных народов, часто поражало сильно развитое у них стремление к опрятности. О'Коннэл, который прожил среди туземцев острова Понапе несколько лет, рассказывает, что они купались по два или три раза в день и что все члены племени, которые пренебрегали чистоплотностью, «лишались своего общественного положения, опускались и подвергались бойкоту». Индеец племени крик должен ежедневно купаться хотя бы один раз, а зимой по четыре раза вываливаться голым в снегу. Старый исследователь Адейр рассказывает, что тех, кто не принимал эти ежедневные ванны, строго наказывали, царапая у виновного кожу на руках и ногах зубами змеи.

Там, где всегда имеется вода, туземцы стараются по возможности поддерживать чистоту своего тела мытьем и купаньем. Но даже там, где вода является предметом роскоши, как, например, в Сахаре, туземные племена очищают свои тела сухим песком пустыни, и в религиозном законе корана содержится точное предписание относительно ритуального омовения песком перед молитвой, которое должно заменять в пустыне омовение водой. В арктических и субарктических странах, где омовение водой или снегом невозможно иногда из-за климатических условий, туземцы изобрели паровую баню. С этой целью строят специальные хижины, где для получения пара сначала раскаляют камни, а затем поливают их водой. Голые посетители такой бани, попарившись в ней в течение некоторого времени, часто прыгают затем в холодную воду рек или ручьев. Эти «турецкие» бани часто обслуживают одновременно большое число купающихся, но существуют и маленькие баньки на одного или двух любителей. Даже больные, чтобы избавиться от лихорадки, нередко подвергают себя этой процедуре под аккомпанемент молитв или заунывное пение знахаря. Современные спортсмены Скандинавии, которые в условиях холодного климата все еще придерживаются этого древнего обычая и принимают паровые ванны, приписывают свою физическую силу благотворному влиянию этой традиции.

Действие на человеческую кожу горячего пара, холодной воды, а в тропических странах — жарких солнечных лучей вызвало необходимость в создании новых методов гигиены. Так, например, во всем мире едва ли найдется хотя бы один народ, который не употреблял бы жира или масла для очищения и смягчения своей кожи. Поэтому изготовленный из бутылочной тыквы горшочек для масла является одной из неотъемлемых косметических принадлежностей. И мужчины, и женщины стараются как можно чаще натираться самыми разнообразными видами

«кольдкрема». Многие африканские племена употребляют масло пальмы рафиа исключительно для косметических целей, ибо оно предохраняет также и от насекомых. В Океании содержащие жир косметические вещества добываются главным образом из кокосового масла, которое ведь входит и в состав большинства современных косметических препаратов. Туземцы изобрели много разнообразных способов, чтобы раскалывать и растирать кокосовый орех.



Скамейка для скобления кокосовых орехов со скребком из раковины *Cardium* (*Марковы о-ва*).

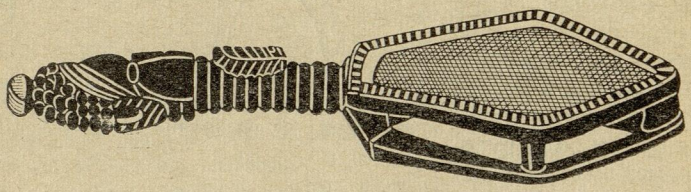
Иногда мелко растертое ореховое ядро подвергается на солнце процессу брожения. При этом выделяется масло, которое смешивается затем с другими косметическими веществами. К этим веществам относятся в большинстве случаев пальмовое масло, касторовое масло, животный жир и даже коровье масло с добавкой красного дерева, имбирного корня, трав или металлической пыли. Приготовленные таким образом мази хорошо предохраняют не только от воздействия солнечных лучей и укусов насекомых, но, как указывают многие исследователи, также помогают и от холода и сквозняков. Косметическими пастами натираются либо отдельные части кожи, либо все тело, и многие из этих средств гораздо удобнее и здоровее для туземцев, чем дешевое хлопчатобумажное тряпье, которое ухитряются навязывать им в качестве платья торгаши-пройдохи из цивилизованного мира.

Обычай смешивать жир с краской для получения косметического средства чрезвычайно широко распространен в особенности среди австралийских и африканских племен, которые сумели оценить двоякую пользу таких препаратов, используемых ими в качестве кожного крема и как средство для украшения тела.

Жир плюс краска? Да ведь перед нами уже готовый рецепт грима, который можно найти на наших туалетных столиках и в театральных гардеробах. Таким образом, мы вновь вынуждены вернуться к «Иезавелям». Искусство грима, основанное на употреблении окрашенных жирных паст, отнюдь не является капризом легкомысленной моды данного момента или признаком современного «декадентства». Еще за тысячи лет до начала нашей эры мужчины и женщины оценили притягательную силу некоторых нанесенных на человеческую кожу красок и применяли их

с большим искусством. Знание пригодных для этого химикалий и рецептов их смесей принадлежит к древнейшим завоеваниям человеческого разума. Обладание красящими веществами имеет настолько большое значение для племени, что даже чрезвычайно строго соблюдаемые права владения определенной территорией, часто карающие нарушение границы смертью, иногда отменяются для того, чтобы пропустить чужие племена, прибывающие издалека за «жизненно необходимыми» косметическими красками, которые можно добыть только в одном определенном месте.

Рудники красящих веществ, возникновение которых относится к ледниковому периоду, свидетельствуют, что даже древнейшие люди не жалели никаких усилий ради добычи сырья для своих



Палитра для грима (*Западная Африка*).

косметических средств. Относящиеся к эпохе палеолита находки свидетельствуют, что доисторические люди, так же как и современные первобытные народы, знали собственные точные рецепты изготовления косметических веществ. Краски для них хранились в украшенных орнаментами костяных и шиферных сосудах и размешивались на красиво оформленных палитрах. Почти во всех обнаруженных при раскопках жилищах ледникового периода были найдены большие запасы таких косметических средств. Даже мертвых в их могилах снабжали гримом для путешествия в потусторонний мир. В период более поздней эпохи человеческой истории, начиная с неолита, мы находим все больше вещественных доказательств, свидетельствующих о наличии у первобытных людей чувства красоты, но нас поражает, однако, не столько многочисленность этих доказательств, сколько богатство их красок. Как показало специальное исследование Дешелетта, в доисторические времена употреблялось, по крайней мере, 17 различных красок для грима, среди которых самыми излюбленными были белила (мел, мергель, известь), черная краска (древесный уголь и марганцевая руда) и целая гамма оттенков охры (от светло-желтого до оранжевого и красного).

То же самое сырье и те же краски и поныне еще употребляются с той же целью первобытными народами, находящимися на самых различных ступенях культуры, и применяются в искусстве этих племен. Красиво вырезанные маски с полуострова

Газели и из других областей Меланезии свидетельствуют о явном предпочтении к белому, черному и красному цветам, к которым иногда добавляются еще зеленые растительные краски и синий кобальт. Другие народы добавляют к этим основным цветам иные оттенки, но почти всегда предпочтение отдается какому-нибудь одному цвету или определенному сочетанию цветов.

Иногда некоторым цветам у нас придается особое символическое значение, которое, однако, в корне отличается от значения, придаваемого им первобытными народами. Так, например, у западноафриканских пангве белый цвет означает не цвет невинности, а, напротив, — цвет дьявола; его демонстрируют во время «злых» лунных обрядов, но все же он считается самым красивым цветом. Почти столь же часто употребляют пангве и черную краску, которая, по словам Тессмана, является «цветом ночи и всего неприятного, страшного и ужасного», тогда как радостный красный цвет считается цветом жизни. У этого племени лиловый цвет есть цвет смерти, и туземные названия всех растений с лиловыми цветами содержат в себе слоги «кун» или «бокун» (что означает «душа»). Синеватые тени деревьев считаются излюбленным местом пребывания душ усопших. Существа же и вещи «демонического» белого цвета все же слывут за самые красивые. Туземцы почти не замечают великолепных пестрых птиц, которые водятся в местах обитания пангве, тогда как вид простой белой цапли *(Bubulcus ibis)* вызывает у них громкие возгласы восхищения. В противоположность им атхуабо в Португальской Восточной Африке считают черный цвет «цветом радости».

Число цветов, различаемых каким-либо первобытным народом, часто можно установить по словарному составу языка народа. У чама в восточном Перу имеются специальные слова для желтого, фиолетового и «бананово-оранжевого» цветов, тогда как синий и зеленый они обозначают одним и тем же словом. В то же время индейцы сипайя употребляют особые названия для красного, желтого, оранжевого, темносинего и темнозеленого, голубого и светлозеленого, коричневого, серого, черного и белого цветов.

Обычай придавать определенным цветам символическое значение можно отметить у всех высококультурных народов. В древних кодексах ацтеков четыре части света символизировались четырьмя цветами: восток — красным, запад — синим, север — желтым, а юг — зеленым [1]. В то же время древние китайцы и персы представляли себе восток — синим, юг — красным, запад — белым, а север — черным. Демоны в храмах тибетских лам всегда

---

[1] Не только у ацтеков, но и у многих племен Северной Америки было распространено почитание четырех стихий, четырех стран света, и связанных с ними четырех символических цветов. Отсюда и обрядовое значение креста (как схемы четырех стран света) у многих индейских племен. — *Прим. ред.*

окрашиваются в красный цвет, и многие тибетские божества сидят на красных цветках лотоса, тогда как белый цветок предназначается для Чжанразига — высшего Бодисатвы, а голубой для Тары — «мадонны Тибета». Даже стихии имеют свои определенные цвета: дерево — зеленый, огонь — красный, земля — желтый, железо — белый и вода — синий. Каждый слог знаменитой молитвы OM MANI PADME HUM (О ты, сокровище в лотосе, аминь!) характеризуется особым цветом: обращенный к небу OM — белым; MA, обращенный к миру *asuras*, — синим; № I, обозначающий мир людей, — желтым; PAD, обозначающий мир животных, — зеленым; ME, обращенный к миру *pretas*, — красным и заключительный священный слог HUM, замыкающий ворота ада, — черным.

История высоких культур Египта, Индии и Китая знает слишком много соответствующих аналогий, чтобы о всех них здесь можно было бы упомянуть. Подобного рода символика цветов господствует и в христианских обрядах. Еще до сих пор церкви украшаются в знак траура или радости по случаю больших праздников красными, белыми, зелеными, фиолетовыми, черными и другими полотнищами. Строго предписываемая уставом одежда католических священников и монахов так же восходит к этим древним представлениям, как и различные цвета, носимые разными народами во время траура. В Корее, например, в знак траура надевают коричневую шляпу.

Эту символику цветов можно отметить даже в нашей повседневной речи. Мы говорим о «синем» понедельнике и о «желтых» профсоюзах, о том, что невесту одевают в «цвет невинности». Существует также понятие «черного» коварства, и, к сожалению, слишком хорошо известно значение «черного» рынка.

Хотя палитра первобытных народов и не столь богата, как наша, все же они умеют с большим искусством выставлять напоказ излюбленные ими немногие цвета. Исстари рассказывается, что североамериканские индейцы раскрашивали в красный цвет свою кожу во время военных походов, почему первые посетившие их «бледнолицые» и прозвали их «краснокожими». Индейцы до сих пор носят с собой красную и черную краски в расписных сумках из кожи серны, а женщины и дети и теперь еще иногда раскрашивают свои лица. Папуасы нор на Новой Гвинее любят красную краску кекевак, которую они обжигают, смешивают с кокосовым маслом, а затем раскрашивают ею свое тело. Для украшения лица, рук и ног папуасы нор употребляют желтую землю, добываемую на реке Сепик, а грудь и бедра расписывают белой краской, которая встречается близ одного серного источника.

Часто обычай предписывает обоим полам различную моду на краски и различную технику раскрашивания. Например, женщины индейских племен мискито и суму на атлантическом побережье Гондураса и Никарагуа украшают себя изящными узорами,

при помощи краски, получаемой из красных семян растения *(Bixa orellana L.)*, тогда как мужчины просто намазывают все не прикрытые одеждой части тела растопленной черной смолой, поверх которой они еще наносят слой скипидара. Женщины племени тириние из Восточной Боливии также предпочитают красный цвет и раскрашивают свои лица, за исключением носа и век, светящимся веществом уруку, которое женщины племени ноэзе из той же области употребляют только для щек и лба.

Индейцы папаго смешивают черную, красную и белую краски с костным мозгом и наносят их толстыми слоями на кожу для защиты от «обжигающего» ветра. Многие австралийские племена, а также южноафриканские банту мажутся жирными мазями, содержащими охру. Иногда в состав косметических средств входят самые необычные ингредиенты. Например, коровий навоз и коровья моча составляют основу грима и косметических средств многих африканских пастушеских народов, которые настолько уверены в целебной силе мочи рогатого скота, что употребляют ее даже для промывания глаз и с удовольствием моют в ней руки.

У большинства народов мира мы наблюдаем особое предпочтение, оказываемое красной краске, которая добывается из самых различных материалов. Хотя лабрадорские индейцы монтанье и наскапи и не раскрашивают свои лица, они неоднократно заявляли мне, что красный цвет — самый красивый в мире и не сравним ни с каким другим цветом. Они добывают чистую киноварь в «священной» горной расселине, из которой окись ртути выступает наружу, и окрашивают ею сани, лодки, орудия и части одежды.

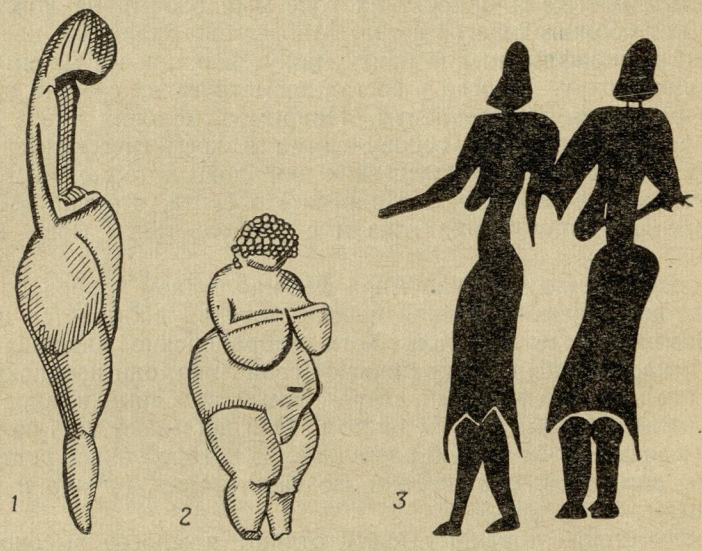
Предпочтение красному цвету отдают и многие высококультурные народы. И по сей день индусские женщины раскрашивают себе лоб красной краской кумкум, и на лбу покрытого цветами трупа Махатмы Ганди во время последней торжественной церемонии установки катафалка был нарисован красный знак его касты, а лицо было намазано пастой из сандалового дерева. Мир ислама предпочитает употреблять для красного грима краску, добываемую из ветвей кустарника хны *(Lawsonia inermis)*. Этой краской окрашиваются в красный цвет ладони, подошвы и ногти в знак радости и как признак изнеженности.

Один из якобы наисовременнейших атрибутов красоты — палочка губной помады, тоже красного цвета, восходит к ледниковому периоду. Во многих доисторических пещерах были найдены палочки губной помады портативных размеров и заостренные так же, как наши. Уже на заре человечества «дамы» пользовались этим средством, чтобы усилить цвет своих «розовых» губ.

Чтобы продемонстрировать должным образом свой излюбленный цвет, издавна существовал обычай наносить краску на кожу лица и тела в виде геометрических фигур. Форма этих тради-

ционных узоров часто определяет положение их обладателя в обществе, его принадлежность к тому или иному племени, достижение им половой зрелости, профессию, отвагу и т. п. Иногда выкапывают даже кости мертвецов и раскрашивают их цветными узорами, и многие доисторические произведения искусства, как, например, знаменитая «Виллендорфская Венера», сохраняют отчетливые следы красной краски. Этот обычай существовал еще до

ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖЕНЩИН



1 — Фигурка женщины из грота Лепюг (*департамент Верхняя Гаронна, Франция*). *2* — „Виллендорфская Венера" — статуэтка из известняка. *3* — Танцующие женщины. Наскальное изображение в Когуле (*Испания*).

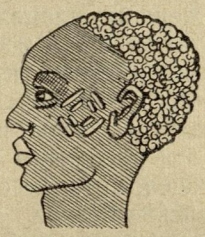
классических времен, как свидетельствуют об этом покрытые орнаментом руки фригийской матери с ребенком на вазе, находящейся в Британском музее. Аммиан Марцеллин (330—400 годы н. э.) рассказывает об агафирсах, которые раскрашивали свое тело и окрашивали волосы на голове в синий цвет.

Фантастический вид, который часто приобретал человек с нанесенными на его кожу цветными узорами, привел к появлению обычая устрашать врага этим «психологическим оружием». Даже на Цезаря произвела глубокое впечатление синяя боевая окраска бриттов, которая придавала им устрашающий вид: «Omnes vero se Britanni vitro inficiunt, quod caeruleum efficit colorem, atque hoc horribiliores sunt in pugna aspectu» («Действительно, все британцы красят себя вайдой, отчего они становятся синими и это

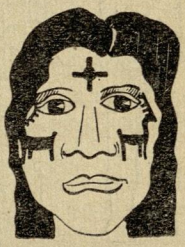
придает им более страшный вид в бою») [1]. Похожие на призраков войска раскрашенных германцев-гариев видел и Тацит [2].

Чтобы добиться бóльшего пластического эффекта, первобытные народы обклеивают иногда цветные узоры на коже дополнительными веществами, как это делают, например, туземцы Центральной и Северной Австралии. Последние обрамляют черные узоры на лицах венчиками из белого или красного пуха, что выглядит в высшей степени оригинально. Различные племена североамериканских индейцев употребляют маисовую муку или разноцветные семена для достижения подобного же эффекта.

1



2



3

1 — Татуированная девушка чороти (*Гран Чако*). *2* — Татуировка рубцами у яо (*Восточная Африка*). *3* — Раскраска лица у индейцев реки Томпсон (*Северная Америка*).

Желание увековечить излюбленный узор на лице привело к изобретению глиняных штампов или пинтадер, как их называли ацтеки, при помощи которых можно было отпечатать на коже желаемый узор. Как показывают раскопки, такие штампы были известны уже в ледниковый период; в наше время ими пользуются племена Гран Чако. Племена даяков с острова Борнео часто накладывают узор на кожу лица или тела с помощью штампа и затем используют его как рисунок для татуировки.

Недостатком красиво нанесенного краской узора было то, что он не мог противостоять действию воды и солнца. Чтобы превратить однажды избранный орнамент в постоянное украшение, была изобретена татуировка — обычай, распространенный по всей земле.

Однако в наколотый или вырезанный на коже узор не всегда добавляется красящее вещество. В этом случае речь идет о «татуировке рубцами» (рубцевании), которая была обычным явлением в древнетасманийской культуре и до сих пор еще

[1] Caes., De bello Gall., V, 14.

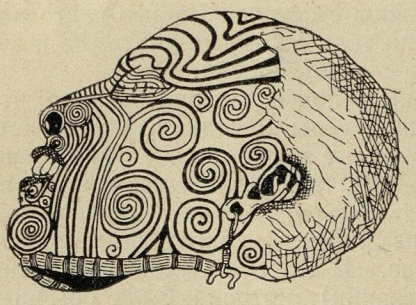
[2] Тацит, Германия, 43 (см. «Древние германцы», Сборник документов М., 1937, стр. 79). Вопрос о том, был ли сам Тацит в Германии, или только пользовался сведениями, которые проникали оттуда через торговцев и военных, еще не вполне ясен. — *Прим. ред.*

широко употребляется, главным образом, на африканском континенте.

Члены одного из родов в Убанги — банда — украшают себе грудь, тело, спину и руки симметрично расположенными кожными рубцами. Пангве тщательно вырисовывают желаемый узор сажей на тех местах тела, которые должны быть украшены, и затем прорезают его ножом, после чего раны натираются жженой смолой; таким образом почти все тело покрывается узорами из рубцов. Пангве считают неприличным украшать таким образом верхние части бедер и считают бесстыдными женщин племени яунде, которые украшают себе также и эти места. Туземцы из Хартума татуируют знаки своего племени на щеках совсем еще маленьких детей. Они втирают в резаные раны смесь из селитры, золы и трав. Через несколько дней места эти распухают и остаются затем в виде широких рубцов, которые служат характерным признаком суданских негров.

Татуировка рубцами на резной человеческой фигурке (*Западная Африка*).

Иногда татуировка рубцами сочетается с татуировкой цветным орнаментом. Так как последняя производится более тонким способом, она позволяет наносить более четкие линии, более сложные орнаменты и обеспечивает более симметричное расположение частей орнамента. Наилучших результатов в этом отношении добиваются в Океании, и прежде всего следует упомянуть маори в Новой Зеландии, чьи замечательные спиральные орнаменты придают даже искусственно препарированным и благоговейно почитаемым головам мертвых выражение вечной красоты. Резные фигуры, которыми столь богата культура маори, наглядно воспроизводят эту характерную татуировку[1] иногда в гигантски увеличенном виде.



Голова маори со спиральной татуировкой.

Таким же орнаментом было украшено все обнаженное тело статуи мадонны, которую вырезали для церкви несколько крещеных маори. Каждый маори вплоть до высшего сановника гордится своей типичной татуировкой, которая служит обозначением племенной принадлежности и ранга,

[1] См. рисунок на стр. 33.

а также выражением индивидуальности и достоинства. Однажды некий белый художник с гордостью передал старому маори очень удачный его портрет, но модель с презрительной усмешкой отложила его в сторону. На вопрос художника, как же он сам себя мысленно представляет, старик с достоинством нарисовал узор татуировки, украшавшей его лицо, и сказал: «Вот это я. А то, что ты написал, это чушь» [1].

Английский моряк О'Коннэл на острове Понапе женился на дочери вождя и в знак своей принадлежности к этому знатному семейству должен был подвергнуться мучительной процедуре татуировки всего тела. Лишь значительно позднее он узнал, что узоры, покрывающие его кожу, представляют собой своего рода хронику с именами умерших вождей и великих представителей племени. Сам процесс татуировки продолжался целую неделю, в течение которой две мастерицы этого ремесла вгоняли в предварительно нарисованный узор шипы татуировальных дощечек, а затем обрабатывали раны маслом и древесным углем.

Многим племенам североамериканских индейцев также знаком обычай татуировки; иногда этим занимаются только женщины, как, например, у племен камиа и тюбатулабал, а иногда, как, например, в Южной Аляске, представители обоих полов делают себе татуировку знаков племени.

Этот обычай переняли и высококультурные народы. Видимые на бенинских бронзовых пластинах вертикальные линии над бровями и на груди изображенных фигур представляют собой татуировочные узоры. Завоеватели современной Японии, к своему удивлению, обнаружили там мужчин и женщин, у которых все тело было покрыто татуировкой фигур богов и людей, цитатами из классиков, сценами из излюбленных пьес, цветами и птицами.

Чем больше частей тела окрашивается или татуируется, тем настоятельнее требуется удаление волос, имеющихся на теле. Существует, однако, много народов, которые не раскрашиваются и не татуируются и все же рассматривают как эстетическую потребность удаление с тела волос, кроме растущих на голове. В связи с этим существуют многочисленные способы удаления нежелательной растительности. В качестве пинцета применяются деревянные палочки, иногда действуют ногтями или металлическими щипчиками, или же волосы выщипываются с помощью двух раковин, что, по словам О'Коннэла, совершается «с такой же быстротой, как и ощипывание рождественского гуся». Индуизм и ислам — религии высококультурных народов — превратили удаление растущих на теле волос в священную обязанность.

Но многие народы считают некрасивыми также и волосы, растущие на лице. Многие индейцы с отвращением относятся

[1] В настоящее время обычай татуировки лица вышел у маори из употребления. — *Прим. ред.*

ко всякому признаку бороды и потому втирают в щеки и подбородок древесную золу, чтобы придать лицу желаемую степень гладкости. Так как природа почти вовсе лишила индейцев бороды, они могут для очищения лица довольствоваться одним лишь выщипыванием бровей. Индейцы, папуасы и некоторые африканские племена иногда выбривают или выщипывают себе растущие на лбу волосы, стремясь сделать свой лоб высоким.

Борода — символ мужской красоты или мужского уродства — представляет собой, как показывают это менявшиеся в течение веков моды, одну из самых увлекательных областей истории человеческой культуры. Если мы вспомним, что историки одной только современной высокой культуры различают пятнадцать типов бороды, то мы легко можем себе представить, сколь бесконечно велико количество первобытных форм бород, из которых возникли последующие. Начиная с австралийской окладистой бороды и штопорообразной бородки многих папуасов и кончая «ассирийскими» формами бород в Африке и «голыми» лицами индейцев, преобладающие разновидности почти не поддаются исчислению. Что касается моды на бороду в период нашей цивилизации, то древнейшие изображения классического периода показывают, что в начале предпочтением пользовалось бритое мужское лицо.

По данным Метефиндта, первые античные бороды появились в конце критомикенской эпохи. Самую интересную форму бороды представляет собой полукруглая «фреза», обрамляющая гладко бритое лицо. Это так называемая «классическая борода», которая известна нам по афинскому кладбищу послемикенского периода и по олимпийскому рельефу, относящемуся к VII веку до н. э. Ее можно увидеть также на рельефах храма в Ассосе, такую бороду носили Зевс и его почитатели (Акрополис). О том, что эта мода сохранялась неизменной в течение многих столетий, свидетельствует относящаяся к 966 году миниатюра английского короля Эдгара, на которой король изображен украшенным «фрезой». Точно такую же форму бороды носят до сих пор туземцы Южной Аравии, побережья Сомали, сингальцы на острове Цейлон и туземцы одиннадцати различных районов Океании. Ацтекские боги Кецалькоатль и Тексистекатль всегда изображались с бритой верхней губой и с «фрезой» на подбородке. Приблизительно около 500 года н. э. в культурных областях Средиземноморского бассейна «фреза» была вытеснена модой на окладистую бороду и спустя сто лет почти вовсе исчезла.

Метефиндт, который детально изучал историю бороды, различает три явно выраженные стадии появления «фрезы»: первую и древнейшую, когда мода на нее была характерным признаком одного определенного семитского племени, но вскоре была заимствована народами Ближнего Востока, лишь только они завязали отношения с этим племенем. Вторая стадия началась спустя

тысячу лет, когда «фреза» уже не считалась признаком семитов, а ее носили все народы Малой Азии. Египтяне во время XVIII и XIX династий считали каждого носившего такую бороду уроженцем Ближнего Востока. Лишь в период третьей стадии «фреза» впервые предстает независимо от каких-либо этнических групп и является произвольным продуктом меняющейся моды. В наши дни ее носят не только многочисленные примитивные народы, но и многие крестьяне и рыбаки в Европе.

Чем дальше вглубь веков, тем больше становится ясно, что едва ли найдется такой атрибут красоты, который нельзя было бы возвести к древнейшим временам. И некоторые моды, которым мы сейчас следуем, в силу своего внезапного возрождения дают возможность проникнуть в нашу внутреннюю психологию, ибо мода всегда является выражением определенного умонастроения, и мы чувствуем себя до некоторой степени родственными эпохам, от которых мы воспринимаем, копируем ее образцы в наших «новейших» творениях.

Особенно наглядно это проявляется в стилях женских причесок. Формы причесок, которые носили различные народы как в доисторические, так и в последующие времена, исчисляются легионами. Поэтому, когда появляется «новая» мода, наблюдатель, сведущий в вопросах истории культуры, может сделать на основании своих наблюдений в высшей степени интересные выводы, так как внешняя смена форм выражения человеческого тщеславия в большинстве случаев свидетельствует и об общем изменении умонастроений.

Конечно, решающую роль в установлении моды играют климат и экономические условия жизни. Сложная прическа требует времени и роскоши и более или менее созерцательного образа жизни, свойственного народам, занимающимся земледелием, между тем как кочевой образ жизни собирателей и охотников не дает им возможности тратить много часов на сооружение такой прически. Можно различить три основных типа волос: короткие и курчавые (пигмеи и негроидные расы), волнистые и полудлинные (австралийцы, ведды и белые), длинные и гладкие (монгольские расы). Однако это разделение настолько общо, что оно совершенно не принимает во внимание многочисленные промежуточные разновидности. Но и в этом случае более наглядное представление можно получить, лишь учитывая степень культурного развития, которой достигли те или иные народы.

У австралийцев, часть которых все еще находится на самой нижней ступени первобытного общества, мы почти не встречаем искусственных причесок. Если мы захотим увидеть что-либо необычное в этой области, мы должны обратиться прежде всего к земледельческим племенам Западной Африки.

По сравнению с прическами этих народов модные прически, которые носили, например, при дворе Марии Антуанетты, должны

казаться будничными и лишенными всякой оригинальности. Прическа в Западной Африке — это произведение скульптуры, которое создается месяцами и скрепляется при помощи глины, животного жира и тому подобных веществ. Целые монументы парикмахерского искусства часто сооружаются с помощью каркаса из жилок листа, сердцевины пальмы или наростов из мха и украшаются бусами, раковинами каури, медными узорами, пуговицами и перьями. Готовое произведение мастерства, на

Западноафриканская шлемовидная прическа.

Прическа, скрепленная коровьим навозом (*Камерун*).

сооружение которого уходят многие месяцы, сделано столь искусно, что его можно уподобить жесткой шляпе или шлему. Часто эти своеобразные прически продолжают жить в скульптурных изображениях племени спустя много времени после того, как устареет сама мода или вымрет соответствующая группа туземцев. Это позволяет этнографам, знающим прически Африки, с известной точностью устанавливать эпоху того или иного «недатированного» произведения искусства. Иногда вместо сложных оригинальных причесок мужчины и женщины Западной Африки носят парики, настолько хорошо сделанные и настолько прочно приклеенные к голове, что распознать в них имитацию настоящей прически можно только с самого близкого расстояния. Тессман у одних только пангве обнаружил двадцать пять различных стилей причесок и париков, каждый из которых имел свое особое название. Мангбету в Северном Конго оказывают предпочтение длинным узким формам затылка (это достигается еще в раннем детстве искусственным путем при помощи сдавливания черепа между досками), и их выдающиеся далеко назад прически еще более подчеркивают эти формы своеобразным расположением волос на затылке.

Многие прически папуасов не уступают по своей эксцентричности африканским. Причудливые сооружения из волос у мужчин, помимо эстетического назначения, выполняют еще подсобную роль, служа опорой для огромных масок, которые мужчины надевают во время священных танцев. У этих племен часто только мужчинам разрешается носить искусно сделанные прически, тогда как женщины и дети просто коротко обстригают свои волосы. Полинезийские прически в общем значительно проще. Волосы гладко зачесываются назад и закалываются узлом на затылке. Часто волосы на голове даже сбриваются наголо, чтобы увеличить пространство для татуировки, которая здесь высоко ценится и считается наилучшим способом украшения тела [1].

Большинство индейцев Северной и Южной Америки обрезают себе волосы до плеч или несколько короче, а иногда стригутся в скобку. Некоторые племена, например апачи, носят валики из волос или широкие локоны на середине головы, тогда как эскимосы, которые обычно ходят с непокрытой головой, скалывают иногда свои гладкие волосы узлом.

На основании этих примеров можно заключить, что наша современная цивилизация, как на прошлых культурных стадиях, так и сейчас, заимствовала и заимствует большинство причесок первобытных народов, исключая, быть может, некоторые особенно экстравагантные образцы западноафриканской моды. У других высококультурных народов победное шествие той или иной моды сдерживалось иногда строгими религиозными предписаниями. Так, например, современные стриженые женские прически ни разу не проникали в магометанский мир. У индусов же они рассматриваются как традиционный признак вдовства, а не как выражение светской элегантности.

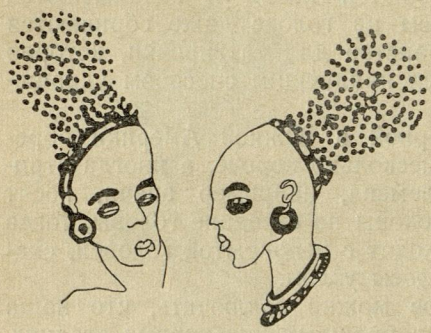
Когда наши дамы красят свои волосы хной в салонах красоты, то это отнюдь не является одним из изобретений современной утонченности. Североамериканские индейцы камиа усиливают черный цвет своих волос, окрашивая их отваром черной смолы, получаемой из коры дерева меските. Все же это представляет собой исключение, так как в большинстве случаев люди стремятся сделать более светлыми темные от природы волосы, или обесцвечивая, или окрашивая их. Так, например, многие полинезийские [2] племена красят свои черные курчавые волосы известью или щелочным раствором в красноватый или желтоватый цвет. Не довольствуясь полученными результатами, они припудривают, кроме того, волосы растертой в порошок охрой,

---

[1] Обычай татуировки и старинные прически сейчас вышли из употребления. — *Прим. ред.*

[2] Видимо, случайная обмолвка: автор имеет в виду, конечно, папуасо-меланезийцев. — *Прим. ред.*

что в контрасте с их темнокоричневой кожей производит очень своеобразное впечатление. Обычай этот настолько широко распространен, что исследователь Росс, обнаруживший не окрашенные волосы у племен горы Хаген на Новой Гвинее, отмечает этот факт как достойный удивления. Английский ученый Бальфур основывает целую теорию на особенностях моды крашенья волос на Соломоновых островах. Он пытается разрешить старый научный спор о происхождении древнего населения острова Пасхи, утверждая, будто гигантские каменные красные цилиндры, которые увенчивают колоссальные статуи острова Пасхи[1], представляют собой не что иное, как изображение окрашенных волос, и что прибывшие с Соломоновых островов первые обитатели острова Пасхи увековечили в этих колоссальных памятниках свои собственные изображения.



Прически замужних зулусок.

Искусственные сооружения из человеческих волос, естественно, требовали целого ряда туалетных принадлежностей, которые встречаются по всей земле, принимая самые разнообразные формы. Уже в палеолитических могилах были обнаружены костяные гребни, и даже такие примитивнейшие народы, как, например, обитатели Огненной Земли, расчесывают свои волосы зазубренными челюстными костями дельфина. Деревянные или вырезанные из бамбука гребни встречаются у первобытных народов в самых разнообразных формах, какие только можно себе представить.

Возможно, что самой распространенной формой гребня являлась плоская связка жестких травяных стеблей или деревянных, или бамбуковых лучинок, которые связывались, образуя удобную ручку. Во все времена были известны и шпильки самых разнообразных форм.

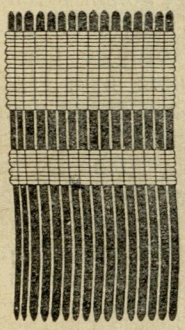
Выбор различных средств для мытья волос зависит от рода прически и наличия тех или иных веществ. Такие народы, как полинезийцы, любящие воду, часто моют волосы во время купанья. Многим американским индейцам известны своего рода шампуни, получаемые из соков растений, главным образом из пальмовой лилии (юкка). Такой способ мытья головы не пригоден для африканских причесок, но все же и такие прически

[1] О происхождении культуры острова Пасхи см. работу A. Métraux, Ethnology of Easter Island, 1940. См. рецензию в журнале «Советская Этнография», № 4, 1946. — *Прим. ред.*

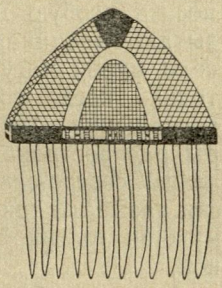
можно предохранить от грязи и нежелательных мелких насекомых, постоянно смазывая волосы маслом, втирая в них известь и обрабатывая коровьей мочей.

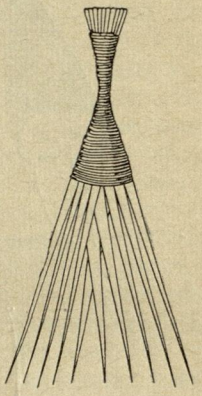
Принимая во внимание большое значение, придаваемое первобытными народами тому, какой вид имеют волосы на голове, можно было легко прийти к выводу, что наряду с прическами должно было возникнуть множество самых разнообразных форм

ГРЕБНИ ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ



Западноафриканские гребни.





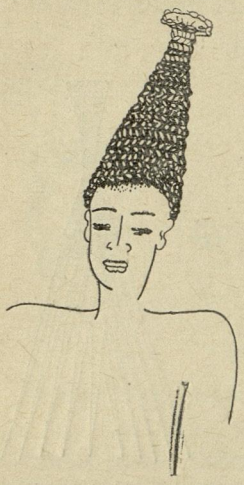
Полинезийский гребень (*о-ва Самоа*).

головного убора. Однако этого не случилось. Несмотря на жгучие лучи тропического солнца, падающие на головы многих первобытных народов, большинство этих народов не видит необходимости в головном уборе, а там, где его носят, головной убор является по большей части выражением ранга и достоинства. Он приобретает даже магическое значение, далеко превосходящее его полезность. Сложные головные уборы многих африканских вождей являются знаком их достоинства (так же как и зонтик, который у первобытных народов служит отличительным признаком знатного лица или вождя). Этот взгляд на головной убор сохранился до нашего времени, о чем свидетельствуют и должностные головные уборы китайских сановников и фуражки военных, на которых золотые украшения умножаются вместе с повышением чина. Другим примером служат шляпы и тиары католического духовенства.

В холодных краях, где климат диктует ношение шапок и меховых капюшонов, головные уборы имеют простые, удобные формы, тогда как для жителей тропиков шляпа является предшественницей короны. К внушающему благоговение и страх имуществу европейских завоевателей Африки принадлежали и их

шляпы, служившие в глазах туземцев отличительным признаком повелителей.

У некоторых племен, особенно в Океании, подросшему юноше дается в знак его зрелости шляпа — отличие, которое он должен заслужить предварительными тяжелыми испытаниями. У кабири на Новой Гвинее такая шляпа называется «диба». Она имеет коническую форму, обмазывается известью и иногда украшается перьями и цветами. Мужчины приклеивают ее к голове и даже ложатся в ней спать. Молодые люди племен горы Хаген на Новой Гвинее, «как только у них появляются волосы на подбородке», получают право носить особую шляпу, которую они называют «воинна» или «кан ку». Их соседи мурик могут надевать такие шляпы только после торжественной церемонии посвящения. Аналогичные головные уборы распространены по всему свету. Индейцы северо-западного побережья Аляски называли такой предназначенный для мужчин головной убор «облачной» шляпой.



Приклеенный к голове остроконечный головной убор или „диба" племени кабири (*Новая Гвинея*).

Эта своеобразная коническая шляпа играла мистическую роль на протяжении истории. Со временем она утратила свое значение как признак ранга и достоинства и превратилась в головной убор, который носили в средние века ведьмы и волшебники. В XI веке евреям в Европе было предписано ношение остроконечной желтой шляпы, и на так называемых саксонских «еврейских пфенигах», датируемых 1444 годом, можно видеть человека с бородкой и в остроконечной шапке. У Лесажа Жиль Блаз наблюдал в Толедо костер, приготовленный для сожжения еретиков, и приближающиеся жертвы были одеты в «так называемые карочи, то есть остроконечные шапки из картона, разрисованные языками пламени и изображениями чорта». И по сей день эта древняя остроконечная шапка служит отличительным признаком театральных ведьм и цирковых волшебников. Значение такой шапки настолько пало, что теперь ее, в виде похожего на сахарную голову бумажного колпака, надевают в Америке, наказывая набедокуривших школьников. Однако почетное прошлое этой формы головного убора лишний раз показывает, как интересна зачастую бывает попытка проследить происхождение повседневных обычаев и предметов домашнего обихода.

Различия в представлениях о хорошем вкусе у отдельных народов земли бывают часто просто поразительными. Так, в выс-

шей степени условно представление о том, что белые зубы украшают человека, хотя и существуют народы одинакового с нами мнения. Африканское племя нуэр, например, употребляет древесную золу и коровий навоз, чтобы поддерживать чистоту и белизну своих зубов. Пангве являются настолько ревностными сторонниками тщательного ухода за зубами, что, по словам Тессмана, ходят повсюду с украшенной латунью тростью, верхний конец которой расщеплен в виде щетки. Праздный гуляка любит порой остановиться, чтобы с помощью такой щетки пополировать себе зубы.

В противоположность этому дусуны с острова Борнео считают, что главное достоинство красивого рта — черные зубы. Исследователь Стааль подробно ознакомился со сложным способом, применяемым для чернения зубов. Он настолько «священен», что чернить зубы разрешается только накануне большого праздника демона Мегинакан. Для приготовления черной краски листья квавы измельчаются в порошок и смешиваются с древесной золой, после чего полученная смесь намазывается на зубы. Чтобы краска не стерлась, зубы покрывают полоской бананового листа и держат ее около 40 часов. Сняв полоску, зубы натирают корой одного ползучего растения, смешанной с известью, и когда краска просохнет, зубы становятся черными. Члены этого племени любят «обезглавливать» свои зубы, то есть стачивать их до корня при помощи камня. При этом, как утверждает Стааль, дусуны не страдают от зубной боли, потому что все они жуют сирих — великолепное средство, предохраняющее от зубной боли.

Обычай стачивания зубов представляет собой лишь один из многочисленных способов их уродования, которым многие первобытные народы занимаются по самым разнообразным причинам. Часто стачивание зубов носит характер символического действия, связывается с лунной магией и применяется при церемониях посвящения в знак достигнутой половой зрелости. Некоторые племена, как, например, нуэр, которые выламывают нижние резцы у своих шести- семилетних детей, говорят: «Мы это делаем, чтобы показать этим различие между человеком и животным» (В. Шмидт). Иногда при помощи долота выбиваются только передние зубы. У юин, племени юго-восточной Австралии, эту церемонию совершает один из старейшин племени, который, по словам Шмидта, наряжается при этом, как «высшее существо». Во время операции молодые люди не должны показывать виду, что чувствуют боль. Тессман очень наглядно описывает метод уродования зубов у пангве:

«Операция производится следующим образом: «пациент» ложится на спину и крепко прикусывает передними зубами деревянный валик. Зубной мастер накладывает на зуб маленькое железное долото, берет кусок дерева в качестве молотка и

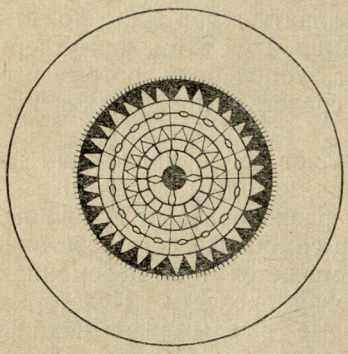
откалывает от края мелкие кусочки. При этом боль бывает довольно значительна...»

Туземцы очень оригинальным образом объясняют иногда этот обычай уродования зубов. Так, например, Линдблом рассказывает, что акамба говорили ему: «Мы меняем форму своих зубов, так как благодаря этому мы можем более искусно плевать». Один человек из западноафриканского племени мачако рассказал тому же исследователю следующую историю, которую тот дословно записал:

«Три девушки отправились подпилить свои зубы. Зубы были подпилены. Одна девушка вырвала себе два зуба, а шесть подпилила, но красивее всего были заострены зубы третьей. Все три сказали: «Посмотрим, у кого из нас лучше вытащены и подпилены зубы». Затем они сказали: «Давайте плюнем», — и плюнули. Та, у которой зубы были подпилены лучше всего, могла плевать гораздо дальше, чем две другие. Последние возревновали и бросили эту девушку в воду, где она утонула.

Таков конец этой истории».

Существует еще один своеобразный способ калечения зубов, который, однако, наблюдается главным образом у более культурных народов, — это инкрустирование зубов драгоценными камнями или металлами. Даяки и батаки, например, высверливают в передних зубах отверстия и заполняют их кружочками из меди, золота или перламутра. Майя на Юкатане подобным же образом украшали свои зубы золотом и драгоценными камнями. Некоторые племена Индии и Эквадора и до сих пор придерживаются такого же обычая. Хотя во всех этих случаях речь идет об украшении зубов, все же и это проявление человеческого тщеславия представляет собой лишь один из способов их уродования.



Нагрудное украшение мужчины — орнаментированная пластинка из черепахового щита, наложенная на диск из раковин (*Новая Ирландия*).

Но калечение зубов отнюдь не является самым странным капризом моды. Более известно и распространено вдевание украшений в проткнутую носовую перегородку. В только что проделанное отверстие вначале продевают травинку, вместо которой затем вставляют более крупные украшения, например перья, кости, деревянные или металлические кольца и подвески. Этот обычай очень широко распространен в Австралии, тогда как полинезийские маори разрешали такую роскошь только знатным. Когда над одним из высокорожденных детей совершалась указанная

операция (в большинстве случаев при помощи кости убитого врага), это служило поводом для большого празднества. Папуасы нор, кроме носовой перегородки, протыкают и правое крыло носа, также служащее для подвески украшений. Высококультурные индусы переняли этот обычай, заменив, однако, зубы свиней и бамбуковые палочки золотыми носовыми кольцами с драгоценными камнями. У папуасов мурик стремление к украшению себя заходит еще дальше: мурик просверливают себе также ушные раковины и украшают глаза вокруг радужной оболочки кольцом из наколотых черных точек.

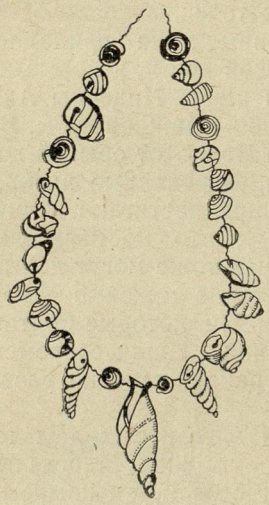
К наиболее причудливым украшениям лица принадлежат колышки или диски из дерева или слоновой кости, которые носят в отверстиях верхней и нижней губ или ушей. Индейцы Аляски носили такие диски или «втулки» в середине нижней губы. В Западной Африке, особенно в районе озера Чад, этот обычай достиг чрезвычайно широкого распространения. Деревянные диски, которые носят там в отверстиях губ женщины, достигают величины блюдца. Можно не удивляться поэтому, что местным дамам неизвестен вкус поцелуя. Отверстия в ушах тоже могут достигать огромных размеров, когда в них носят такие тяжелые «украшения», как, например, деревянные цилиндрики, которые болтаются на обвислых ушных мочках, как на резинке. Наши современные серьги почти не напоминают даже этой ранней ступени развития ушных украшений.

Розовый и красный лак для ногтей элегантных дам также не является плодом изощренной моды наших дней. Многие первобытные народы тщательно подпиливают себе ногти камнем или сланцем и окрашивают их затем в яркокрасный цвет. Об этом обычае, столь излюбленном в Китае и древнем Египте, можно получить наглядное представление при осмотре мумий, выставленных в Британском музее.

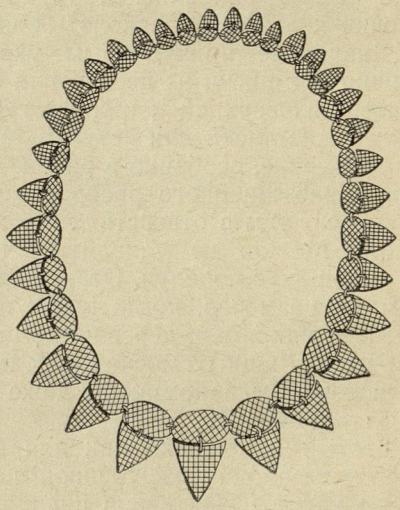
Все эти способы украшения человеческого тела находят свое завершение в изготовленных руками человека всевозможных предметах, вроде ожерелий, браслетов, украшений из перьев — все в самых разнообразных формах. Начиная с обыкновенного сухожилия с нанизанными бусами из птичьих костей, которое носят на Огненной Земле, или простого украшения из раковин и кончая хохолками какаду и хвостами райской цапли, красующимися в волосах полинезийцев, или тяжелыми латунными щитами и нашейными цепями африканских племен, человечество навешивает на себя невероятное множество украшений, которые оно считает красивыми и драгоценными за их форму или материал, из которого они сделаны.

В природе едва ли найдется такое вещество, которое не применялось бы для украшения человеческого тела в доказательство хорошего вкуса и богатства его обладателя. Клыки кабанов, зубы летучих мышей, кружки из яичной скорлупы, кости змеи,

раковины улиток, сушеные ягоды, птичьи клювы, слоновая кость, узоры черепашьего щита, кованые кольца и цепи из железа, серебра и золота — все это лишь немногие примеры. Но и здесь на выбор орнамента влияют религиозные и магические представления данного племени. Так, например, у матриархальных народов [1], исповедующих культ луны, встречаются типичные овальные серпообразные украшения из перламутра, черепах и самых разнообразных металлов, воспроизводящие форму ночного



Доисторическое раковинное ожерелье из грота Кроманьон.



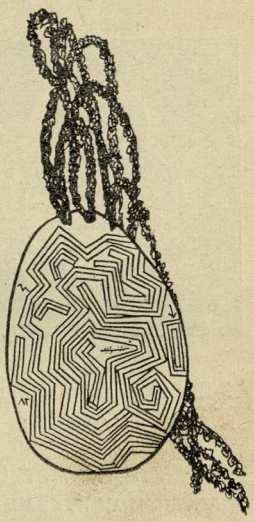
Ожерелье каменного века из выгравированных галек.

светила (форму, которая до сих пор играет значительную роль у высококультурных народов, исповедующих ислам). В отличие от этого у кочевых патриархальных народов — почитателей солнца — предпочтение оказывается кругу, который в качестве предмета украшения отделывается замечательной резьбой или накладным орнаментом.

Хотя количество видов сырья, используемого для изготовления предметов украшения, неограниченно, среди них имеются все же материалы, которым одинаково отдают предпочтение в самых различных районах земного шара. Раковины каури украшают руки, шеи и прически людей на всем пространстве

[1] Мысль о том, что «матриархальным» народам присущ культ луны (или «лунная мифология»), а «патриархальным» — культ солнца («солнечная мифология»), принадлежит Гребнеру и основана на его искусственном разграничении «культурных кругов». Объективными данными этот взгляд не подтверждается. — *Прим. ред.*

от Африки до Австралии[1]. Такой же большой популярностью пользуются многие виды штампованных кружков из раковин (Океания) и кружочков из скорлупы страусового яйца (Африка). Начиная со средних веков цветные бусы поступали в Африку в таком огромном количестве, что они превратились в составную часть туземной культуры. Ими покрывают не только тела людей, но часто и ценную резьбу, как это мы уже видели при описании трона вождя[2]. В более позднюю эпоху такими же бусами стали пользоваться индейцы, у которых в наше время бусы почти полностью вытеснили старинное искусство орнаментировки изделий окрашенной щетиной дикобраза. Однако многие племена крайне разборчивы в отношении расцветки бус. Выбор цвета, которому они отдают предпочтение, целиком зависит от меняющихся капризов моды. Так, некий исследователь на реке Шингу пытался предложить туземцам в качестве средства обмена голубые бусы, бывшие там несколько лет назад вполне современными. К своему ужасу, он вскоре убедился, что ни одна элегантная индейская дама не носила в тот момент никаких других бус, кроме красных.



Украшение из раковины с нацарапанным орнаментом, в который втерта красная охра (*Виндхэм, северо-западная Австралия*).

Некоторые племена, как, например, камиа в юго-восточной Калифорнии, считают определенные виды раковин мужским украшением, в то время как женщины носят свои собственные «голубые бусы», которые изготовляются из приберегаемых для украшения голубоватых раковин. Австралийцы оказывают предпочтение двум видам раковин: *Melo diadema*, которую носят в Квинсленде, в западной части Центральной Австралии и в северо-восточной части Южной Австралии, и жемчужной раковине (*Meleagrina maxima*), которая служит украшением преимущественно на западной половине континента. Эти раковины часто снабжаются нацарапанными и окрашенными охрой рисунками и носятся на груди. Они могут обладать магической силой и употребляются отвергнутыми влюбленными для того, чтобы «заставить дрожать от возбуждения красавицу», как пишут об этом Спенсер и Гиллен.

---

[1] Употребление раковины каури (ужовки) в качестве украшения на одежде либо как амулета было широко распространено прежде и у народов СССР: в Поволжье, на Кавказе, в Сибири и др. — *Прим. ред.*

[2] См. стр. 40.

Металлические украшения африканских мастеров могут достигать необыкновенных размеров. Но даже самые тяжелые из таких цепей, ручных и широких ножных браслетов, ожерелий бывают обработаны так же тонко, как и изящные, обмотанные медной проволокой браслеты из козьей шерсти. Чем выше культурный уровень народа, тем более ценные (в нашем смысле) материалы используются ювелирами для выделки украшений. К таким материалам принадлежит акори или «голубой коралл» Бенина. Бенинские рельефы на древних бронзовых пластинах изображают людей, чьи руки, шеи и лица до такой степени покрыты нитками голубых кораллов, что открытым у них остается едва лишь только рот для дыхания. Из древнего Перу происходят «зеленые жемчуга» из хризокола и великолепные камни — содалиты, которые добывались в рудниках Серро Сапо еще до эпохи инков. Гири, служившие для отвешивания золотой пыли у племени ашанти, часто делались из этого благородного металла в форме зверей, украшались орнаментом и символами. Завоеватели Перу нашли там туземные дворцы, в которых вся домашняя утварь была из чистого золота. Тому, кто, может быть, подивится, что сталось с исчезнувшими золотыми слитками Старого и Нового света, следует лишь побывать у североафриканских красавиц пустыни, чьи ручные и шейные украшения почти целиком сделаны из золотых монет Европы и Азии [1].

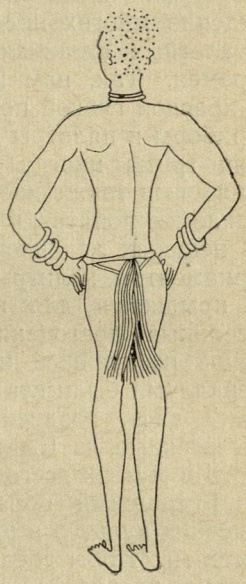
Золотое кольцо для носа (*Чиму, Перу*).

Все эти украшения носятся либо прямо на теле, либо поверх платья, потому что обычай носить украшения, по меньшей мере, столь же древен, если не еще древнее, чем ношение одежды. Конечно, в данном случае решающую роль играет климат. Тот, например, кто знаком с климатическими условиями жаркого сырого лета в Нью-Йорке, знает, что в июле и в августе мужчины и женщины, осужденные ходить по улицам в модных костюмах, отдыхают у себя дома в одежде, которая едва ли уступает одежде живущих в тропиках «дикарей».

Мужской костюм Запада, который состоит из брюк, жилета и пиджака, ведет свое происхождение от одежды арктических народов. К числу древнейших одежд принадлежит свободно сви-

[1] Конечно, автор здесь шутит. Ему прекрасно известно, что золото европейских валют находится сейчас не на шеях африканских красавиц, а покоится в подвалах нью-йоркских банков, которые после двух империалистических войн превратились в ростовщиков капиталистического мира. — *Прим. ред.*

сающий с плеч меховой плащ, который завязывается кожаным ремнем или лыком и поддерживается поясом. Такой плащ до сих пор носят жители Огненной Земли и некоторые австралийские племена. У индейцев Лабрадора, которые живут охотой на пушного зверя, плащ из норки, например (такой плащ в Нью-Йорке служит выражением величайшей элегантности), отнюдь не является предметом одежды, достойной зависти. По мнению лабрадорских индейцев, самым шикарным, что только может носить человек, являются толстые шерстяные одеяла, так называемые *«point blanket»*, которые продает индейцам Компания Гудзонова залива, — еще одно доказательство относительности понятия моды.



Женский костюм. Озеро Леопольда II (*Бельгийское Конго*).

В Океании у так называемых народов-собирателей урожая[1] характерная одежда состоит из прикрытия для *penis'a* из коры или листьев, нередко украшаемого перьями, и эластичного пояса из луба или коры. Другим видом модной одежды являются похожие на юбку передники из волокон и дождевые плащи из листьев пандануса. Однако все эти формы одежды или отсутствие ее, так же как различного рода обувь отдельных народов и эпох, служат не столько для украшения, сколько в той или иной степени для защиты тела. Исключение в этом случае составляет такой, казалось бы, весьма современный предмет женской одежды, как бюстгальтер. Бюстгальтер ведет свое происхождение от шнура, которым взрослые девушки подвязывали себе груди. Когда патер Шульен увидел такие шнуры в Португальской Восточной Африке у ачвабов и стал добиваться объяснения этого обычая, то ему ответили: «Господин, груди трясутся. Когда мужчины это видят, они воспламеняются». Этот кокетливый шнур носят многие африканские девушки, иногда заменяя его полоской материи «для того, чтобы груди не колыхались при ходьбе».

Если все члены племени носят почти в точности одинаковую одежду, то едва ли можно говорить собственно о моде. Мода может развиваться только там, где обилие различных материалов позволяет изготовлять индивидуализированные варианты одежды,

[1] Автор не совсем точен. Все народы Океании знакомы с земледелием, поэтому к ним неприменимо понятие «народов-собирателей урожая». — *Прим. ред.*

где материи украшены расписными, набивными и тканными узорами и где имеется возможность отделать одежду пуговицами и другими не столь уже необходимыми предметами. Ведь подлинное чувство красоты находит свое выражение в индивидуальном вкусе [1].

Еще один атрибут искусства обольщения — духи́ — чаще встречается только у народов более высокой культуры, так как большинство тропических цветов не имеет запаха, а древнейшие народы не были знакомы с искусством химии. Все же происхождение многих предметов, которые мы видим на современных туалетных столиках, можно проследить до самых древнейших времен. Так, нам известны палеолитические костяные баночки с красной губной помадой. К этой же эпохе относятся некоторые приборы и палитры для грима. Маленькие лопаточки для нанесения грима иногда в форме человеческой руки с вытянутыми пальцами также восходят к ледниковому периоду. Позднее точно такие же лопаточки делались в Египте из благородных металлов. В пещерах ледникового периода были обнаружены украшенные орнаментом палитры из шифера, флаконы из костей и баночки с крышками для кожного крема. Известные японские инро, усеянные драгоценными камнями, являются, таким образом, лишь позднейшей имитацией все тех же форм. Древнейшими зеркалами были гладкая раковина или полированный металлический диск, позднейшие великолепные разновидности которых, вывезенные из Египта, Китая, Византии и Греции, можно увидеть в музеях всего мира.

Роскошный образ жизни, достигнутый народами древних высоких культур в различные эпохи до нашей эры, поистине удивителен. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на украшения древнего Египта и на раскопки Ура (приблизительно 2500 лет до н. э.). Всем нам известно великолепие косметического искусства времен Клеопатры, римского *arbiter elegantiarum* и инков Перу. Византийская императрица Феодора (всем нам это известно от Дана) являла собой живое произведение искусства — от золотой пудры на ее голубоватых волосах и арабского стимми на ресницах до розовых ногтей на пальцах ног. Ее подушки, обтянутые китайским шелком, были набиты пухом понтийского журавля. Сотни флакончиков и косметических приборов покрывали ее туалетный цитрусового дерева столик, мыло ей привозили из Испании, а ее ванна была вырезана из терпентинного дерева.

В наше время все эти предметы роскоши не имеют смысла. С появлением новых религий установилась и новая жизненная

[1] Здесь Ю. Липс, конечно, неправ. Наши «моды», распространившиеся особенно в эпоху капитализма, означают как раз отрицание индивидуального вкуса и рабское следование готовым образцам, притом постоянно меняющимся, при полном пренебрежении к индивидуальным вкусам. — *Прим. ред.*

этика, изложенная в Третьей книге Моисея, глава 19, стихи 27—28: «Не стригите головы вашей кругом и не порти края бороды твоей. Ради умершего не делайте нарезов на теле вашем и не накалывайте на себе письмен. Я Господь» [1].

Однако та часть человечества, которая еще не проникла в тайну писаного и печатного слова, не восприняла этого завета, и поэтому мужчины и женщины во всем мире, которых мы из чувства высокомерия любим называть «примитивными», попрежнему продолжают радоваться ярким цветам и украшениям, которыми дарит их природа, и попрежнему пытаются усиливать очарование естественной красоты с помощью искусственных средств, знание которых сохраняется тысячелетиями.

---

[1] Ю. Липс, видимо, считает, что христианская религия и другие «новые религии» вели борьбу с роскошью и украшением человеческого тела. Это справедливо только в отношении ранних христианских аскетов и некоторых позднейших пуританских сект, стремившихся к патриархальной простоте жизни. Официальная христианская церковь — католицизм, православие — никогда не боролась с роскошью, напротив, князья церкви, высшее духовенство, сами обычно подавали пример крайней роскоши. — *Прим. ред.*

Глава III

ПЕРВЫЕ МАШИНЫ

Жизнь живого существа в условиях девственной природы необычайно тяжела. Но человек, в отличие от своего собрата из животного мира наделенный умом, изобретая различного рода орудия и приспособления, с самого начала пытался создать себе лучшие жизненные условия, чем те, в которых находились остальные живые существа. Ведь именно изобретение орудий и инструментов является одной из главных характерных черт, отличающих человека от животных. С самого начала человек использовал разнообразные вспомогательные средства для того, чтобы облегчить свой труд. Вот если бы, — мечтал он, — потереть волшебную лампу духа изобретений, то, быть может, тогда появился бы джин, которого можно было бы заставить работать вместо себя. Но вопреки мечтам человек жил не в мире сказок! И если человек в конце концов оказался обладателем технически одаренного раба, то ему пришлось изобрести его самому и изготовить его собственными руками. Таким рабом могла быть только машина, первый ро́бот, созданный рукой человека.

И как же нуждался человек в такой волшебной машине! Больше всего, конечно, она была необходима племенам, которые не знали еще земледелия и поэтому никогда не были уверены в том, что завтра у них будет пища! Их однообразная и изнурительная жизнь заключалась в постоянных поисках пищи — собирательстве и охоте — и не давала возможности для размышлений и изобретательства. Нередко долгие часы приходилось затрачивать на то, чтобы отыскать гнездо диких пчел высоко на вершине дерева и с большим трудом достать оттуда мед. Нелегко было также убить птицу в лёт, подстеречь, спрятавшись в зарослях, дичь или стоять в воде с копьем наготове, чтобы успеть молниеносно пронзить плывущую рыбу. Все эти способы добывания пищи требуют большой выдержки и необыкновенной ловкости. Часто проходило несколько суток, прежде чем удавалось подобраться к зверю и убить его; а так как человек тогда еще не понимал, что в дни изобилия следует думать о грядущих днях нужды и накоплять пищу впрок, то он часто оказывался в крайне тяжелом положении.

Это-то обстоятельство и толкало древние народы к изобретению более совершенных орудий лова, чем те, которыми они пользовались первоначально. Вместо дубинки и камня человек стал пользоваться при охоте на зверя стрелой, гарпуном, лассо, бола, накидной сетью и петлей, набрасываемой рукой человека. Но все эти усовершенствованные орудия лова попрежнему требовали непосредственного участия и напряженного внимания самого охотника. Они как бы удлиняли руки человека и помогали ему удерживать раненого или пойманного зверя до тех пор, пока охотник в состоянии был им овладеть полностью. Некоторые изобретенные им орудия давали возможность охотнику одновременно убивать нескольких животных. Так, группа охотников, совместно участвующих в облаве, могла сообща набросить сеть на нескольких зверей сразу или на целый выводок птиц — прием, употребляющийся со времен фараона Харемхеба и по сей день. И поныне еще люди ловят перепелов и других птиц, загоняя их под натянутую сеть, прикрепленную по краям камнями. Даяки Борнео ловят подобным способом диких оленей, загоняя их в полукруг из натянутых сетей, а восточноафриканские вашамба таким же образом охотятся на антилоп и газелей. Этим же приемом пользуются эскимосы Берингова пролива для ловли кроликов. Во всех случаях, указанных выше, охотники загоняют животных сначала в сети, а затем убивают их. Такой способ охоты представлял собой значительный шаг вперед по сравнению с более древней и трудной охотой на одиночных животных, однако он, как и прежде, требовал личного участия в охоте самого охотника и его помощников.

Очень широко распространена ловля птиц силками. Сибиряки ловят таким образом диких гусей, а эскимосы Юкона таким же способом, при помощи лососевых сетей охотятся на белую куропатку. Охотничьи облавы с сетью велись несколько иначе. Так, например, североамериканские индейцы прерий обычно загоняли стада бизонов между рядами сходящихся изгородей к крутому обрыву, в который падали животные.

Некоторые примитивные приемы охоты, в особенности при ловле птиц, сохранились вплоть до наших дней. Так, мы до сих пор приманиваем призывными криками диких уток и других птиц. Охотник, спрятавшись за кустом или деревом, при помощи веревки приводит в действие механизм, который захлопывает корзинку, клетку или силки, и животное оказывается пойманным.

В то время как различные усовершенствования увеличивали шансы на успешную охоту, главная проблема, а именно возможность добиваться таких же результатов в отсутствие охотника, все еще оставалась неразрешенной. Действительно облегчить труд охотника можно было бы лишь в том случае, если бы удалось освободить его от необходимости поджидать добычу, приводить в действие орудия лова, удерживать пойманную дичь,

то есть если бы удалось заменить человека механизмом. Изобретение такого механизма позволило бы охотнику заниматься другими делами, в то время как для него ловилась бы дичь. Кроме того, он мог бы ловить животных одновременно в нескольких местах. Освободившееся таким образом время охотник мог бы использовать на изготовление предметов домашнего обихода, улучшающих его быт, или на отдых, пение, танцы и развлечения.

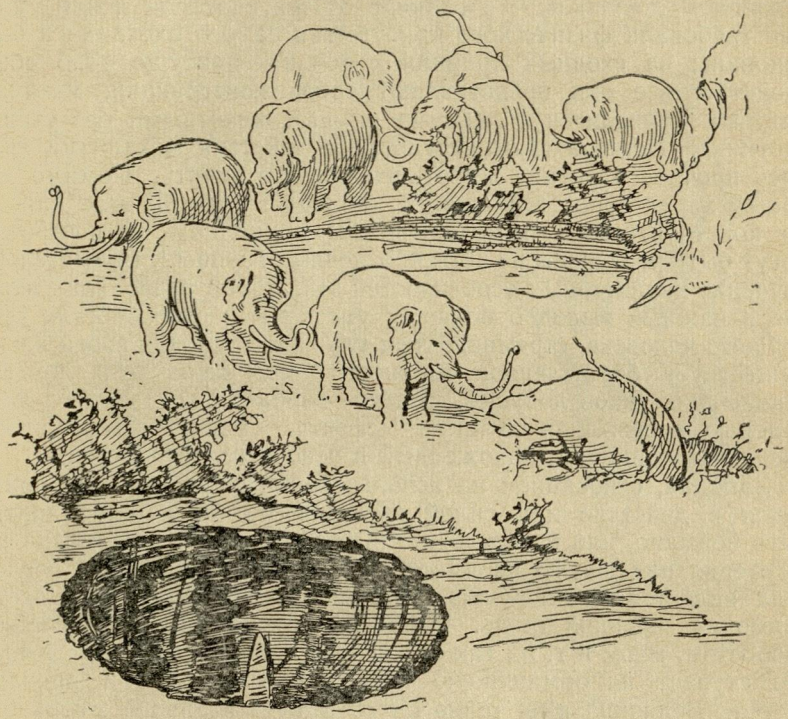
И действительно, наступил день, когда, наконец, это долгожданное, совершившее целый переворот изобретение было сделано: человек впервые сконструировал машину, которая работала в его отсутствие, человеческий ум изобрел ро́бота, заменявшего его с механической точностью. Таким волшебным изобретением явилась ловушка для зверей.

Настоящая ловушка заменяла накидную сеть, дубинку или аркан, а также спущенную с тетивы стрелу, причем действовала вернее и давала лучшие результаты. Кроме того, механизм ловушки обладал гораздо большей силой, чем человеческая рука. Благодаря конструкции остроумно устроенного пускового механизма, основанного на принципе рычага, ловушка при малейшем прикосновении развивает значительную, часто даже огромную силу, достаточную, чтобы справиться с силой животного, которое должно быть ею поймано.

Хотя первобытный изобретатель не обладал знанием основ физики и не знал причин механических явлений, все же он внимательно наблюдал все то, что происходит в природе, и механически старался подражать тому, что он видел. Учителями физики у первобытного человека были: случайно отогнутая ветка дерева, стремительно возвращавшаяся в свое естественное положение, сила падения древесных стволов, вырванных бурей и скатывающихся вниз по склону, опасность, которую таит в себе яма, прикрытая листвой. И первобытный человек умно использовал все, чему он научился от своих «учителей». Убедившись в том, что изобретенные им механизмы, основанные на действии используемых им сил природы, действительно работали, первобытный человек не удовольствовался изобретением лишь одного вида ловушки. Он сочетал приобретенные им сведения о механике со знанием своего климата и повадок животных и стал изобретать сотни видов ловушек, каждая из которых была исключительно точно приспособлена к особым условиям окружающей среды.

Стремясь сделать своего ро́бота более эффективным, человек использовал быстрины потоков, скользкую гладь льда, знание повадок животных джунглей, которые, стремясь удовлетворить свою жажду, пробираются к водопою, пристрастие медведя к сладкому, хищнический инстинкт совы, боязливость ночных животных и гордость рыси, которая, попав в западню, прыгает только один раз, и, если ей не удается таким образом освободиться, покорно ожидает смерти. Прекрасно зная все свойства и

особенности окружающего его животного мира, человек не забывал о тончайшем чутье зверей и тщательно устранял всякие следы своего прикосновения к ловушкам, подпаливая дерево, из которого делалась ловушка, употребляя естественные склеивающие и связывающие вещества и кладя в ловушки приманку, пахнувшую смолой, кровью или бобровой струей и вытеснявшую



Ловчая яма для слонов у готтентотов.

запах человека. Чтобы ввести зверя в заблуждение, человек маскировал расставленную ловушку ветвями, загородками, а листвой и дерном покрывал глубокие ямы-ловушки.

Начиная с маленьких бамбуковых цилиндров, служивших для ловли мышей, и кончая гигантскими сооружениями для поимки жирафов и слонов, первобытные народы изобрели сотни способов поимки зверей, которые и по сей день все еще вызывают у ученых чувство изумления, а иногда и растерянности. Во многих музеях хранятся целые коллекции ловушек, доставленных туда исследователями; встречаются части ловушек, которые иногда бывает трудно даже признать за таковые и тем более — правильно их собрать. Для распознавания и реконструкции нередко гениально сконструированных ловушек первобытных наро-

дов требуются солидные специальные знания. Во многих случаях это удается лишь после тщательного изучения всей культуры данного племени с учетом особых климатических условий или зоологических особенностей данного района.

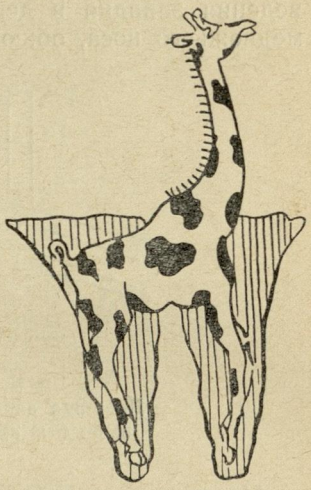
Хотя при постройке первого робота люди пользовались самыми различными принципами техники, все же всем созданным человеком ловушкам — в отличие от тех способов ловли, которые требовали физического присутствия самого охотника и были основаны на сходных принципах ловли — присуще одно общее свойство: все они представляют собой конструкции, механизм которых приводится в действие самими животными без участия охотника. Немедленным результатом действия механизма являлось прочное пленение животного или его смерть. Помимо этой общей характерной особенности, ловушки первобытных народов по конструктивным и механическим принципам их построения могут быть разделены на четыре основные группы [1]. Внимательное изучение характерных особенностей этих групп позволяет сделать очень важный вывод о больших умственных способностях древнейшего человека, стремившегося улучшить условия своей жизни. Существует бесчисленное множество вариантов этих четырех главнейших типов ловушек. Многие варианты создавались лишь с целью достижения лучшего эффекта. Однако всегда можно распознать принцип, положенный в основу их устройства.

Западня, основанная на использовании силы тяжести, приводится в действие или силой веса животного, которое должно быть поймано, или в результате высвобожденной животным силы тяготения падающего предмета. Единственной западней первого рода является яма-ловушка, которая, как правило, вырывается прямо на звериной тропе. Отверстие ямы закрывается листвой, хворостом, мхом и т. п., так что ничего не подозревающее животное ступает на обманчивую поверхность настила и проваливается. Величина ямы точно соответствует величине животного, для которого она предназначена. Чтобы не дать жертве ускользнуть, принимают самые различные меры предосторожности. Например, чтобы животное не выпрыгнуло из ямы или не выкарабкалось, яму делают либо очень глубокой, либо сужающейся книзу. В последнем случае животное при падении оказывается зажатым в яме силой собственной тяжести. Иногда в дно ямы вбиваются острые колья, пронзающие или ранящие животное.

---

[1] В русской охотоведческой литературе встречается следующая классификация типов самоловных аппаратов: 1) петли (силки); 2) приспособления, давящие своей тяжестью; 3) приборы ущемляющего типа; 4) приспособления, ранящие или убивающие животное; 5) приспособления для поимки живьем, без повреждений; 6) отравы. См. А. А. Силантьев, Обзор промысловых охот в России, СПБ. 1898. См. также: П. Н. Третьяков, Первобытная охота в Северной Азии (сб. «Из истории родового общества на территории СССР», М.—Л., 1934). — *Прим. ред.*

Бушмены устраивают для поимки жирафов яму-ловушку, в центре которой оставляется большой вертикальный столб земли. Пойманное животное беспомощно висит на этом земляном столбе, не будучи в состоянии вытащить из ямы свои длинные ноги. Такие ямы часто устраиваются в большом количестве на определенном расстоянии друг от друга вдоль изгороди для загона зверей или на тропах, по которым животные ходят на водопой. К ямам также часто ведут сходящиеся углом изгороди значительной длины.



Ловчая яма для жирафов (*кафры, Южная Африка*).

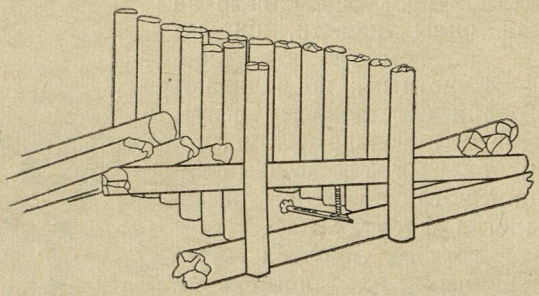
Такие же ловушки, основанные на использовании силы тяжести, широко применялись во время второй мировой войны. «Животным, проваливающимся благодаря собственному весу», был современный динозавр — танк, который проваливался в хорошо замаскированные противотанковые рвы, имевшиеся на многих фронтах.

У второй группы ловушек этого типа, основанных на применении свойств силы тяжести, в качестве движущей силы используется сила тяготения освобожденного самим животным камня, древесного ствола или совокупности тяжелых предметов. То обстоятельство, что первобытный человек искусственно создавал определенную высоту падения, свидетельствует о том, что он знал уже, что падающий камень или падающее бревно развивают ударную силу, величина которой возрастает вместе с высотой падения. Простейшей из таких ударных ловушек является камень, удерживаемый в неустойчивом равновесии с помощью палки. Палка, поддерживающая камень, является одновременно пусковым механизмом с приманкой: животное, теребя приманку, вызывает падение камня, то есть высвобождает силу тяготения, убивающую само животное.

Этот род пускового механизма оказывается, однако, несостоятельным при очень большой тяжести падающего предмета, потому что в этом случае груз, сосредоточенный лишь на одной опоре, снижает действенность ловушки или делает ее вовсе неэффективной. Животное может съесть приманку, не приведя в действие ловушки. Первобытному человеку пришлось поразмыслить над тем, как бы уменьшить силу, достаточную для приведения ловушки в действие, и тем самым повысить ее эффективность. Это было достигнуто с помощью системы ослабляющих силу рычажных передач и привело к созданию зажимов и

давилен. Подобного рода ловушки сооружаются во всем мире и прежде всего — народами арктических культур.

Чем большая тяжесть наваливалась на ударное бревно, тем в большей степени возрастала сложность конструкции пускового механизма. Достигнутые результаты прямо поразительны. Индейцы монтанье и наскапи на Лабрадоре, например, строят медвежьи западни, которые обрушивают на животное четыре-пять тяжелых древесных стволов, и все-таки для немедленного приведения западни в действие достаточно легкого прикосновения медвежьего носа, обнюхивающего приманку.

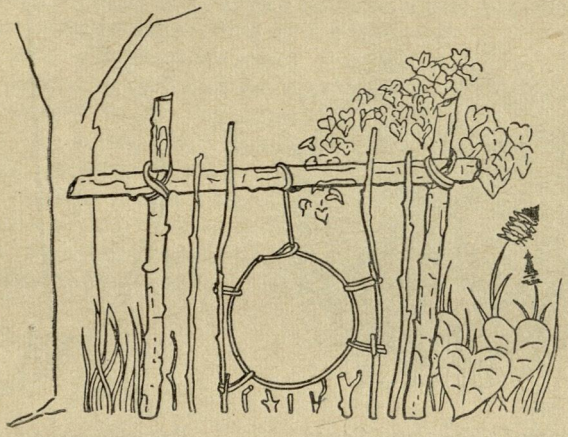


Ловушка давящего типа для медведей, волков и выдр (*индейцы талтан, Северная Америка*).

После того как ловушка, основанная на использовании силы тяжести, достигла своего технического совершенства, первобытный охотник начал изучать другие законы природы. Так, например, он обратил внимание на то, как животные девственного леса запутывались иногда в густой сети лиан и погибали, задушенные в естественно образовавшейся петле. В силках первобытных народов последовательно используется этот принцип. Пусковым и силовым принципом простого силка является движение животного, стремящегося из него освободиться. Чаще всего силки устанавливаются в вертикальной плоскости, так как охотник стремится использовать наступательное движение животного. Наиболее уязвимым местом большинства животных является шея. Поэтому силок ставится на звериной тропе с таким расчетом, чтобы голова зверя прошла через петлю, после чего силок крепко, как лассо, охватывает его шею.

Для установки и закрепления силка применяются различные вспомогательные приспособления: силок либо настораживают свободно на предполагаемом пути животного, как это делается у нас на «галочьих тропах», либо его прикрепляют к каким-либо стойкам, которые удерживают петлю открытой. В большинстве случаев силки устанавливаются вместе со специальными изгородями для дичи, в отверстиях которых настораживаются петли.

Одним из видов силков, которые до сих пор употребляются во многих частях Старого света, является так называемый «самолов» (*Tretfalle*). Для устройства такой ловушки в кольцо, сплетенное из растительных волокон, втыкают снаружи множество заостренных эластичных палочек, которые сходятся своими остриями в центре. Такая ловушка прикрепляется к находящемуся на звериной тропе дереву или столбу, часто поверх небольшой ямы. Едва жертва, чаще всего антилопа, наступит на такую



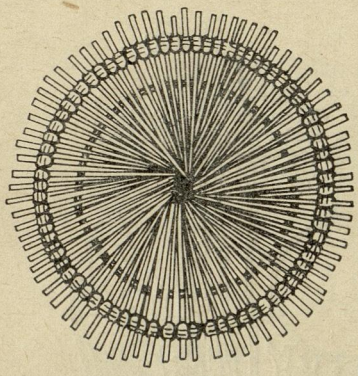
Ловчая петля индейцев Лабрадора.

ловушку, эластичные острия втыкаются в ее чувствительные бабки, и тем глубже, чем больше животное старается освободиться. «Самолов» часто комбинируют с петлей, которая не дает животному уйти.

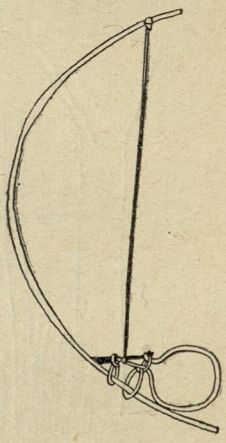
К третьему основному типу ловушек принадлежат пружинные ловушки. Такие ловушки до сих пор еще в ходу у многих племен Африки, Азии и Америки. Пружинная ловушка основана на использовании пружинящей силы отогнутой ветки или самого дерева. Используемой механической силой является при этом инерция или упругость пружинящего материала, который стремится занять свое исходное положение. Применение пружины эффективно лишь при установлении непосредственного взаимодействия ее с приспособлением, захватывающим добычу. У пружинной ловушки таким приспособлением почти всегда бывает силок. Такого рода ловушки чаще всего встречаются у земледельческих племен, которые пользуются ими для ловли мелких животных. Их оседлый образ жизни позволяет им тщательным образом устраивать эти ловушки и всевозможными способами усовершенствовать пусковой механизм. Современный инженер, занимающийся, например, проблемами теории движения или

пусковыми приспособлениями для машин, без труда распознает в пружинных ловушках первобытных народов первое реле, позднейшие формы которого играют в современной технике исключительно важную роль.

Использование пружинных ловушек, действующих на основе силы упругости, не ограничивается только ловлей животных. Энергия, развиваемая при распрямлении искусственно пригнутой книзу ветви или дерева, может быть использована и в других



„Самолов" (*Камерун, Западная Африка*).



Вздергивающая ловушка для крыс, сделанная из одного прута (*яунде, Западная Африка*).

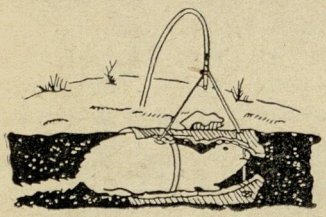
областях. Так, например, в Центральном Конго рабов и военнопленных казнят при помощи дуговой пружины. Туземцы Борнео и Хиндустана употребляют дуговую пружину для приведения в действие мехов, обслуживающих железоплавильные печи, — способ, который можно еще наблюдать и в северной Европе, где крестьяне раздувают таким образом свои печи. В Восточной Азии с помощью дуговой пружины часто приводятся в действие туземные ткацкие станки.

Иногда пружинные ловушки применяются для ловли рыбы, причем в этом случае силок заменяют крючком или вершей.

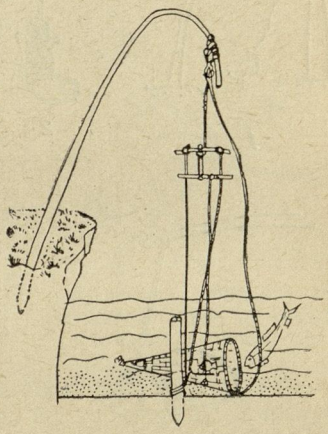
Другие способы применения дуговой пружины помогли усовершенствовать охотничьи приемы, военное оружие, а также предметы, служащие для мирных развлечений, ибо пружинная ловушка является предшественником не только лука и арбалета, но и смычка и всех струнных инструментов. Тетива, натянутая на каком-либо резонирующем предмете вроде, например, полой тыквы, стала музыкальным луком, который, после того как к нему добавили другие струны, превратился в струнный инстру-

мент — предшественник нашей современной скрипки, виолончели и т. д. Охотничий лук и арбалет, ставшие оружием, также произошли от пружинной ловушки. В Китае арбалет был известен уже в XII веке до н. э. Какой переворот в методах ведения войны в древности оказало появление этого оружия — известно каждому человеку, знакомому с историей. Утверждение, что могущество Римской империи было бы невозможным без лука, отнюдь не является преувеличенным. Но создать это оружие было бы невозможно без знания примитивных ловушек, построенных на том же принципе, что лук и арбалет.

Последний, наиболее важный тип ловушки — крутильная ловушка (кляпцы) — основан на применении иного силового принципа. Человеку стало известно, что упругий материал, будучи скрученным вокруг своей оси, стремится вновь возвратиться в первоначальное положение и, если ему в этом препятствовать, развивает значительную силу. При



Вздергивающая ловушка для сурков (*у эскимосов*).



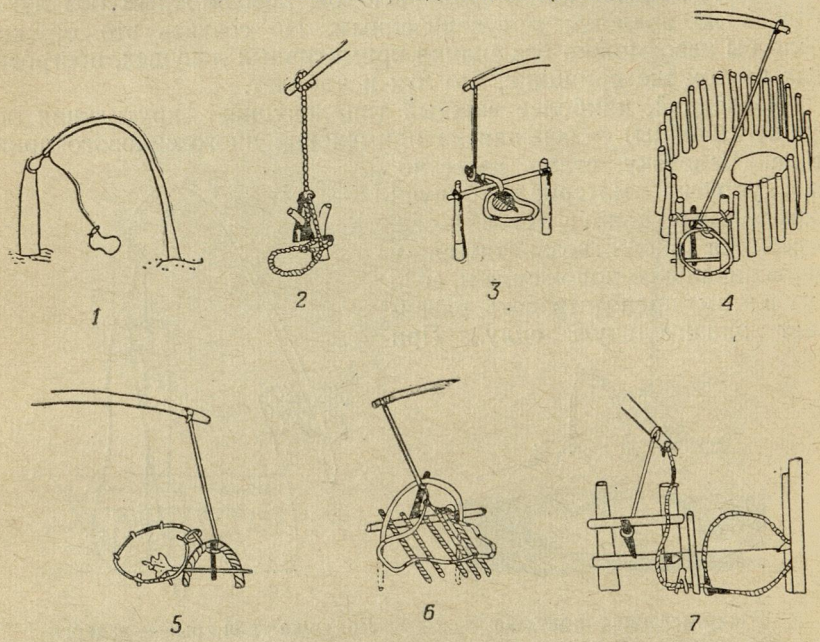
Ловушка для рыб — вздергивающая ловушка с вершей (*бангонго, Западная Африка*).

кручении укорачиваются такие материалы, как сухожилия животных, корни или растительные волокна. Действие развиваемой при этом силы бывает тем эффективнее, чем большее напряжение достигается при помощи соответствующих вспомогательных средств. Для приведения ловушки в действие сила кручения с помощью системы рычагов передается на ударный механизм. Это может быть и утыканная острыми костями или железными гвоздями доска, которая обрушивается на животное с огромной силой, может быть и приведенная в действие вращающимся движением рамка, нередко соединенная с сетью, которая зажимает или захватывает животное. Все крутильные ловушки имеют небольшой радиус действия. Действенность такой ловушки ограничена только очень небольшим расстоянием.

Этот тип ловушки появился у высококультурных народов Азии и Африки, откуда он распространился в зоны влияния этих

культур. Там, где примитивные племена, как, например, эскимосы и чукчи, применяют этот род ловушки, он является вторичным, заимствованным, элементом культуры, а не плодом собственного изобретения этих народов. По конструкции эти ловушки похожи на современные стальные капканы и отличаются от последних

ПУСКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗДЕРГИВАЮЩИХ ЛОВУШЕК



1 — Виннебаго (*Северная Америка*). *2* — Квакиутль (*Северная Америка*). *3* — Макуши (*Гвиана, Южная Америка*). *4* — Река Померун (*Гвиана, Южная Америка*). *5* — Бушонго (*Западная Африка*). *6* — Араваки (*Гвиана, Южная Америка*). *7* — Пангве (*Западная Африка*).

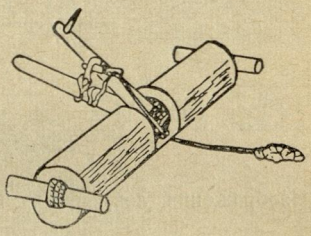
только материалом, из которого они сделаны. Все стальные капканы, начиная с мышеловок и кончая медвежьими капканами, продаваемыми Компанией Гудзонова залива, представляют собой настоящие крутильные западни, отличающиеся от первобытных моделей только материалом.

Греки заимствовали принцип кручения у восточных народов, а римляне усовершенствовали его при конструкции своих огромных катапульт и баллист. В качестве упругого материала использовались крученые сухожилия животных, точно такие же, какие применяются до сих пор эскимосами Нортон-Саунда при устройстве западни для волков и лисиц. Баллистические крутильные машины классической эпохи настолько эффективны, что различные европейские правительства еще во время первой мировой

войны извлекли их из музеев и поставили на вооружение своих армий в качестве минометов.

Нельзя отрицать большого значения, какое имели для развития нашей современной техники изобретенные первобытными народами ловушки. Изобретение первой ловушки имело в истории человеческой культуры большее значение, чем даже изобретение колеса. Дальнейшее использование физических знаний, приобретенных в результате устройства звериных ловушек, имело гораздо более далеко идущие последствия, чем все другие изобретения в области техники.

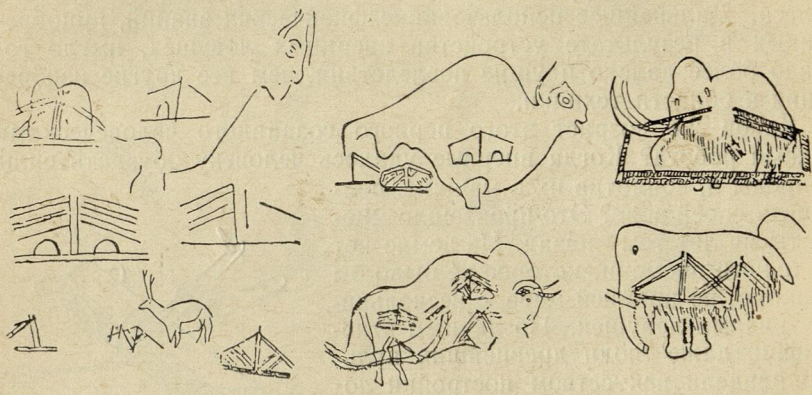
Каков же возраст этого первого созданного человеческими руками робота? Когда впервые удалось человеку обуздать силы природы и, воплотив их в машине, подчинить своей воле? Это произошло много тысяч лет тому назад. На земле нет ни одного племени, которое не было бы знакомо, по крайней мере, с несколькими видами ловушек. По данным этнографии, даже люди древнейших культур владели искусством постройки ловушек. Как показывают находки ледникового периода, люди уже в то время умели строить западни для зверей, и мы даже в наши дни можем установить различия и распознать некоторые из применявшихся ими моделей.



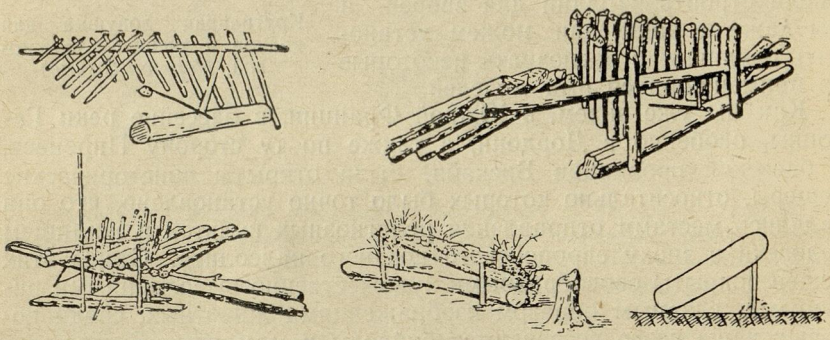
Крутильная ловушка для волков и лисиц (*у эскимосов, Нортон-Саунд*).

Как мы уже знаем, в Южной Франции, в бассейне реки Гаронны, особенно в Дордони, а также по ту сторону Пиренеев, в баскской провинции Бискайя, были открыты доисторические пещеры, относительно которых было точно установлено, что они являлись местами отправления религиозных культов и жилищем человека в эпоху европейского позднего палеолита. Стены этих пещер покрыты своеобразными художественно выполненными рисунками, главным образом изображениями животных, среди которых чаще всего встречаются буйволы и мамонты. Оригинальная окраска этих рисунков — красно-коричневая и желтая, типа охры, — прекрасно сохранилась на протяжении тысячелетий. Рисунки отличаются загадочным сочетанием натуралистических образов животных с совершенно определенными линейными символами, которые в некоторых случаях оказываются вписанными даже в контуры животного. Особенностью этой живописи является то, что она никогда не встречается поблизости от входа в пещеру, а лишь далеко внутри, вдали от дневного света, где ее можно увидеть лишь при искусственном освещении. Стремление первобытного человека укрыть, спрятать эту живопись от посторонних глаз ясно показывает, что она отнюдь не была своеобразной выставкой искусства ледникового периода, и в течение мно-

гих лет ученые тщетно пытались разгадать ее смысл. В этих усилиях ученым помог целый ряд обстоятельств. Во-первых, было установлено, что охота являлась главной формой хозяйства ледникового периода и что поэтому поимка зверя была в центре внимания человека. Во-вторых, до сих пор еще существуют племена, такие, как, например, бушмены Южной Африки, большинство



Изображения ловушек давящего типа, относящихся к ледниковому периоду.



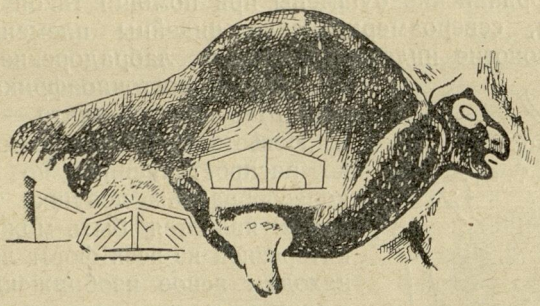
Ловушки давящего типа аналогичной конструкции, употребляемые первобытными народами в наше время.

аборигенов Австралии и племена, населяющие Арктику, хозяйственный уклад которых в точности соответствует экономике людей, живших в ледниковый период; именно обычаи и традиции указанных выше племен позволяют нам сделать ряд выводов о соответствующих формах культуры в доисторические времена.

Еще и теперь африканские бушмены и австралийские племена собираются во главе со жрецом накануне крупной охоты, для того чтобы обеспечить ее успех выполнением таинственных обрядов и магических танцев. Крайне натуралистически нарисованное

изображение животного, на которое собираются охотиться, будь то антилопа или кенгуру, выписывается либо на песке, либо наносится охрой на скале. Охотники собираются вокруг этой магической картины, чтобы «проколоть» и «убить» своими копьями и другим охотничьим оружием символическое изображение животного. Эти народы твердо убеждены в том, что без такой церемонии они не сумеют добыть никакой дичи. Ибо в представлении примитивных народов не существует никакой разницы между предметом и его изображением. Для них животное и его изображение тождественны. Согласно их верованиям, им удается убить животное уже накануне, когда они прокалывают его изображение, и охота, которая совершается на другой день, представляет уже собой простую формальность.

Поэтому вполне логично мнение, что стенная живопись доисторических пещер, в которых жили люди, стоявшие на одинаковой ступени культуры и имевшие те же формы хозяйства,



Изображение бизона с ловушками давящего типа.
Рисунок ледникового периода (*Грот Фон-де-Гом*).

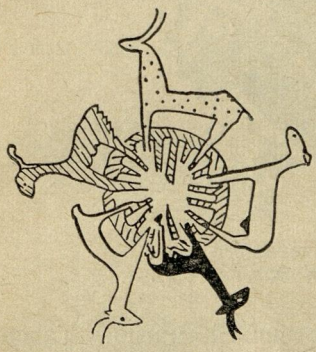
является выражением имитативной охотничьей магии. Такое объяснение становится еще более убедительным, если мы обратим внимание на изображенные рядом с животными фигуры танцующих жрецов, которые выступают в тех же масках и делают такие же движения, какие мы можем наблюдать у ныне живущих отсталых народов во время их танцев плодородия, посвященных умножению дичи.

Но как же охотник ледникового периода с его примитивным охотничьим оружием мог убивать столь огромных животных, как буйвол или мамонт? Современная наука в состоянии ответить и на этот вопрос. Своеобразные геометрические рисунки, которые можно наблюдать в пещерной живописи рядом с изображением животных и которые некогда назывались учеными *signes obscures* (неясные знаки), получили теперь, наконец, свое правильное объяснение. Ученые всех стран в настоящее время больше уже не сомневаются в том, что эти «неясные знаки» представляют

собой не что иное, как изображения звериных ловушек, которые тысячелетия назад были настолько натуралистически изображены древними обитателями Европы в испанских и французских пещерах, что даже в наши дни можно различить детали их конструкций и многообразие их форм. Таким образом, мы можем сказать, что первый робот человека, его первая машина — звериная ловушка — существует уже десять-двадцать тысяч лет. Пещерная живопись относится к третьему ледниковому периоду и к послеледниковому периоду, которые, как было доказано наукой, охватывают период с 20000 до 8000 года до н. э.

Теперь мы без труда можем различить на этих доисторических стенных рисунках ловушку, сконструированную по принципу использования силы тяжести, которая, например в пещере в Фонде-Гом, вписана в тело огромного бизона и конструкция которой ничем не отличается от ловушек и поныне употребляемых первобытными народами.

Южноафриканские бушмены при помощи такой же ловушки ловят гиен, североамериканские индейцы племени талтан — волка, черноногие индейцы — шакала, лабрадорские индейцы — медведя и восточноафриканские племена Макондского плато — антилопу.



Газели, попавшие в наступательную ловушку. Настенная живопись из древнеегипетского могильника (*Гиераконполис*).

Известная еще в древности и широко распространенная по всему миру колесообразная ловушка типа «самолова» является, быть может, наиболее интересной из всех форм ловушек. Мы находим ясное изображение этой ловушки во многих доисторических пещерах, а также в египетских гробницах; в качестве примера можно указать на стенную живопись Гиераконполиса. Шведский ученый Герхард Линдблом проследил и установил, что она имеется в Африке и Азии, границы ее распространения доходят до Каракорума, Эцингола и даже до Амура.

Фробениус опубликовал изображение этой ловушки, обнаруженное им среди доисторических наскальных рисунков в Феццане, а рисунки Брейля из Табел Бала свидетельствуют о ее широком распространении в Сахаре.

Какой бы странной ни казалась эта мысль тому, кто не знаком с историей возникновения первой машины человечества, все же мы знаем наверное, что четыре принципа механики, на которых основана главным образом наша современная техника, были достоянием безвестных анонимных изобретателей ледникового периода, живших на земле за много тысячелетий до нас. Задолго

до рождения Архимеда познали они законы рычага и их применение в сложных механизмах реле и пусковых приспособлениях, которые в принципе остались неизменными, хотя, конечно, и были усовершенствованы и модернизированы.

Конструктивный принцип ловушки, основанный на использовании силы тяжести, был известен уже египтянам и применялся ими в своеобразных «автоматах» со священной водой, изображение которых известно нам по рисунку Герона Александрийского. Брошенная в такой «автомат» монета падала на пусковой механизм «ловушки», который открывал находившийся у крана клапан и отпускал оплаченное количество воды. И поныне мы используем еще конструктивный принцип такой ловушки, опуская монету в автомат, чтобы в обмен на нее получить булочку, почтовую марку или шоколадку. С точки зрения техники, брошенная монета играет здесь роль животного, сила веса которого, регулируемая высотой падения, приводит в действие пусковой механизм. Игральные автоматы, автоматы для монет в метро, музыкальные автоматы, а также различные газовые счетчики — все сконструированы по этому же принципу.

Фетиш ловца (*Северное Борнео*).

Впрочем, две современные ловушки не имеют примитивных прообразов: это так называемый «электрический глаз», селеновый фотоэлемент, светящийся луч которого, будучи прегражден тенью приближающегося человека, автоматически открывает дверь, и сенсационная электронная крысоловка, имеющая аналогичный фотоэлементный механизм. Обе они представляют собой настоящие ловушки, а не иллюстрируют «способы ловли, подобные ловушкам», потому что для приведения их в действие не требуется присутствие человека. Оба аппарата являют примеры магической силы исследованных в XX веке электронов. Но претворение в жизнь первобытной мечты об изобретении робота, который бы в образе машины самостоятельно работал за человека в отсутствие хозяина, восходит к ледниковому периоду.

Глава IV

ПЛОДЫ ЗЕМЛИ

С незапамятных времен плоды земли имели для людей величайшее значение. Хлеб, мясо, рыба, фрукты и овощи, составляющие основу нашего питания, служили пищей уже древнейшему человеку. Даже в век атома эти основные виды пищи не заменяются другими, и для разрешения экономических проблем мы не можем изготовлять в наших современных лабораториях ни нектара и амброзии, ни каких-либо чудо-пилюль. Наш мир тем временем стал меньше, а человечество более, чем когда-либо, несмотря на войны, представляет собой единую семью, все члены которой зависят друг от друга. Как установлено теперь, для производства необходимых для человека съестных припасов пригодно менее одной седьмой части поверхности земли, и это при нынешней общей численности населения приблизительно в 2200 млн. человек [1].

Если в наше время засуха губит пшеницу в Аргентине или Канаде или урожай риса в Бирме и Сиаме или если в результате падежа гибнут стада рогатого скота в странах, экспортирующих мясо, то призрак голода начинает угрожать всем континентам точно так же, как некогда в районах обитания первобытных народов наступала ужасающая нужда, если стада бизонов уходили из прерий, если карибу не появлялись в охотничьих угодьях канадских индейцев, если в засушливые годы не разливался плодородный Нил, обрекая землю Египта на истощение, если муха цеце уничтожала восточноафриканские стада, если сибирский олень перекочевывал на крайний север, если

[1] Эта глубоко ошибочная, чисто мальтузианская мысль, противоречащая всему мировоззрению Липса, высказана им, видимо, случайно. Липс видел огромное зло, причиняемое империализмом порабощенному населению колоний, но он, видимо, не дошел до ясного понимания того, что единственная в наши дни причина нужды и бедствий сотен миллионов людей — это бесчеловечная система империализма, бесполезно расточающая и разрушающая производительные силы человечества. Эти производительные силы сами по себе и при нынешнем их состоянии (даже не учитывая будущего огромного их развития, которое принесет с собой коммунизм) были бы более чем достаточны, чтобы гарантировать обеспеченное существование всем людям на земле. — *Прим. ред.*

жара иссушала дикорастущие дыни бушменов или если в Австралии огонь уничтожал семена нарду, съедобного папоротника марсилья или плоды бунья-бунья.

Время шло, и человечество научилось с помощью постоянной и планомерной обработки земли создавать необходимые материальные условия для существования непрерывно возрастающих этнических групп, однако наши способы добывания пищи в принципе остаются теми же, что и в первобытные времена. Точно так же как и у наших предков, жизнь наша попрежнему находится в зависимости от наличия одних и тех же растительных и животных питательных веществ. Как и тысячелетия тому назад, земледелие и скотоводство продолжают служить основой хозяйства человека, и, подобно своим примитивным предкам, человек XX столетия еще в значительной мере зависит от господствующего климата.

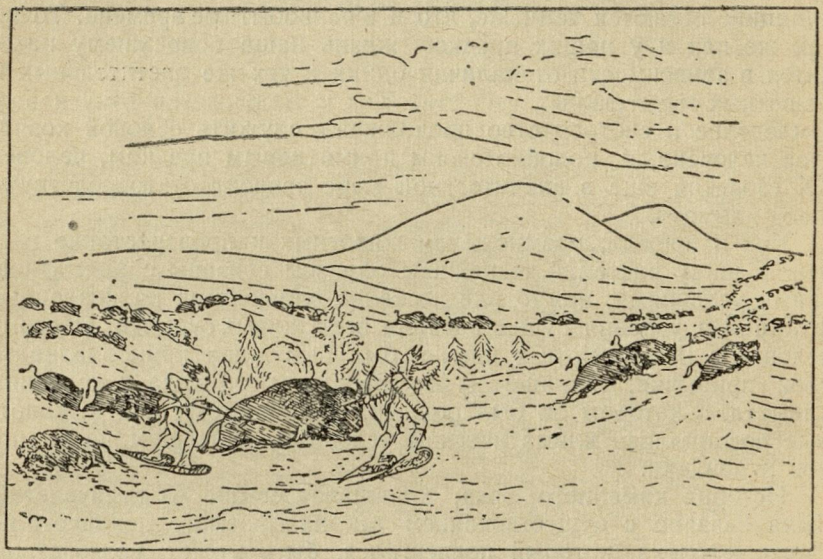
Как и прежде, размножение животных и произрастание годных в пищу растений теснейшим образом связаны с климатическими условиями, прямо или косвенно влияющими на жизненные функции и условия существования всех живых существ. Поэтому человек с незапамятных времен был вынужден приноравливать свои привычки, жилище и все предметы обихода к условиям климата, в котором он был рожден, подобно тому как и животные подчинялись климатическим условиям, влиявшим на их норов и повадки.

История каменного века, длившаяся свыше 75 тысячелетий, была связана с существованием так называемого неандертальского человека, который подвергался, быть может, воздействию очень резких климатических колебаний и вместе с тем был свидетелем столь же резких изменений флоры и фауны. И все же первобытные люди с успехом приспосабливали и свою экономику и свою культуру к вечно изменяющейся окружающей среде. Неандерталец еще не научился земледелию и скотоводству, но именно это обстоятельство, быть может, и дало ему возможность выжить, несмотря на постоянно менявшиеся природные условия, когда ему приходилось попросту перебиваться со дня на день.

Коллективная охота на зверя была характерной для раннепалеолитической эпохи формой хозяйства человека.

Сбор растительной пищи — ягод, плодов и семян — дополнялся охотой, в пищу шло мясо убитых зверей — обыкновенных и шерстистых носорогов, мамонтов, северных оленей, зубров и пещерных медведей. Примитивное оружие и охотничьи приспособления людей того времени наглядно свидетельствуют о том, что в одиночку, без участия в охоте своих соплеменников, охотник никогда бы не мог убить таких огромных животных и что коллективная охота была вызвана необходимостью. Человек-одиночка не мог существовать вне коллектива. Поэтому формы хозяйства ледникового периода были неразрывно связаны

с объединением людей в родовые и локальные группы. Кроме того, количество мяса от убитого сообща животного намного превосходило потребности одной семьи и создавало необходимость распределения мяса между членами всего общества. Этот общественный обычай отнюдь не вызывался филантропией или гуманностью. Распределение добычи между всеми членами



Охота индейцев на бизонов.

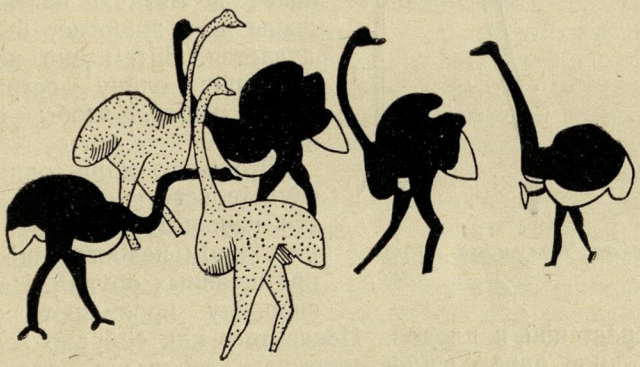
коллектива было лишь естественным следствием огромных размеров убиваемых сообща животных. Такое распределение имело еще то преимущество, что все соплеменники получали пищу даже в том случае, если одной группе охотников везло меньше, чем другой. Знание же приемов охотничьей облавы, которым располагали эти народы, привело их к изобретению первого робота — звериной ловушки.

Описанная форма хозяйства раннего палеолита, являясь древнейшей формой человеческого хозяйства, отнюдь не исчезла. Ее можно наблюдать и в наши дни у тех примитивных народов, которых мы обыкновенно называем собирателями и охотниками. Они рассеяны по всей земле живя в самых разнообразных географических условиях. К ним относятся и пигмеи, живущие в тропических районах Африки, и ведды Цейлона, семанги и сеноi Малайского полуострова, кубу с Суматры, племена южной Азии и многочисленные локальные группы южноамериканских

племен «же» [1]. К собирателям и охотникам субтропических равнин и пустынь принадлежат также южноафриканские бушмены и многие австралийские племена. Их субарктическими собратьями являются жители Огненной Земли у южной оконечности южноамериканского континента. Хозяйство этих народов вполне соответствует климатическим условиям мест их обитания. Важнейшей особенностью охотничье-собирательского хозяйства является кочевой образ жизни, вызванный постоянным недостатком пищи. Для того чтобы поддерживать свое существование, даже незначительные группы людей непрестанно перекочевывают с места на место, часто переходя на огромные расстояния.

Австралийский охотник.

Но уже на этой ранней ступени общественного развития выработалась определенная система разделения труда, при которой женщины занимались главным образом сбором растений — плодов, клубней, кореньев и семян, в то время как мужчины были заняты добычей необходимого им мяса и рыбы. У женщин, добывающих из земли



Охотник, замаскированный под страуса, подкрадывается к стае страусов (рисунок бушменов).

клубни и коренья, орудием труда являлась простая палка-копалка, изготовляемая по большей части из заостренного сука.

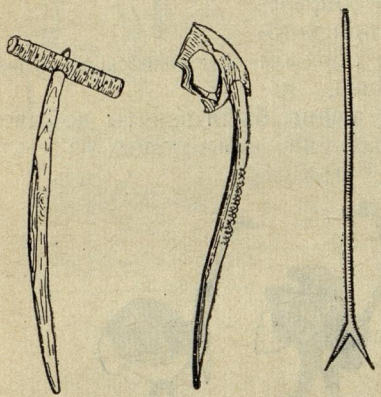
[1] Племена «же» («жес») — условное собирательное название многочисленных племен Восточной Бразилии, языки которых не входят в крупные языковые семьи караибов, араваков и тупи-гуарани. Многие из них не знали земледелия, а занимались охотой и собирательством. В числе этих племен — ботокуды (боруны), шаванты, бугре, каинганги и др. В материалах русской экспедиции 1820-х годов имеются сведения о части этих племен (см. Г. Г. Манизер, Экспедиция акад. Лангсдорфа в Бразилию, Географгиз, 1948). — *Прим. ред.*

Охотничье оружие мужчин составляли копья, дубинки и в некоторых случаях лук и стрелы.

Ловкость, с какой действуют этими примитивными орудиями, часто бывает поразительна. Эти собиратели и охотники чувствуют себя «хозяевами леса», как пишет исследователь Зейверт относительно багиелли, одного из пигмейских племен Камеруна. Несмотря на их малый рост, пигмеи безбоязненно нападают на шимпанзе, горилл, леопардов, бизонов и даже на могучих слонов. Один из способов охоты на слонов, описанный тем же ученым, позволяет сделать представляющие интерес соображения относительно охоты на мамонта в ледниковый период:

«Сначала они намазывают себе все тело свежими слоновьими испражнениями, для того чтобы животное не чуяло опасности, а чувствовало только свой собственный запах, когда люди осторожно к нему приближаются. Ползя на животе, если не представляется иной возможности, они медленно подкрадываются к ничего не подозревающему животному, пока не окажутся под ним, и внезапно со всей силой втыкают сильно отравленное копье в мягкую часть живота, после чего животное быстро сваливается. Затем они немедленно отрубают слону острыми ножами хобот, чтобы он истек кровью».

ПАЛКИ-КОПАЛКИ



Британская Колумбия Гран Чако.

Это всего лишь один пример, свидетельствующий о способности первобытных людей восполнять умом недостаточность своих примитивных орудий. Неменьшую сноровку проявляют они при сборе растений и плодов. После того как собрано все съедобное в одной определенной местности, люди переходят в новый район, нередко удаленный на много километров от первого, и так же тщательно его исследуют. Со сменой времен года меняются и виды собираемых растений. Так, например, бушмены в засушливое время стаскивают в пески Калахари тысячи диких тыкв, которые заменяют им отсутствующую здесь воду.

Но собиратели и охотники едят не всякое растение, которое выглядит более или менее съедобным: они прекрасно умеют отличать полезные растения от вредных. Открытие нового съедобного растения равносильно для них важному изобретению. Двоюродные братья Саразин выяснили, что одни только ведды относят к годным в пищу продуктам сорок видов растений и двадцать

видов различных животных. Еще более обширны ботанические сведения австралийцев. По словам Томаса, им известно около трехсот различных съедобных растений.

Число членов отдельных групп охотников и собирателей зависит от плодородия данной местности. Чем скуднее пища, тем уже круг тех, кто хочет быть сыт за счет этих скудных даров природы. В Тасмании, Австралии и в областях Арктики люди объединяются для поисков пищи лишь в очень небольшие группы. Как указывает Х. Л. Рот, в Тасмании такие общины в большинстве случаев состояли из обитателей трех-четырех хижин, в каждой из которых проживало три-четыре человека. Наибольшая группа, которую Мартин наблюдал на Малаккском полуострове, насчитывала двадцать семь человек, в то время как Зелигман обычно встречал у веддов общины, включавшие от одной до пяти семей. По словам Малиновского, большинство австралийцев кочует по своим угодьям, объединяясь группами по две-три семьи, то есть в общей сложности по шесть-девять человек. Лишь с улучшением экономических условий увеличиваются и размеры групп. Так, например, Хауитт встретил в Южной Австралии группу курнаи, состоявшую из восьми семей, и группу вурунджери — из шести семей. В области расселения бушменов Пассарге видел двенадцать сооруженных один подле другого ветровых заслонов, где проживало сравнительно большое число людей, а андаманцы объединяются в группы численностью около пятидесяти человек.

Но если даже мы и рассматриваем собирателей и охотников как представителей древнейших форм хозяйства человека, то все же образ их жизни уже далек от подлинных истоков первобытной культуры. Их разнообразные технические познания, их оружие, ловушки и охотничьи приемы, их уменье добывать огонь — все это указывает на пройденный ими длительный путь развития. В отличие от животных, организм которых должен был приспособиться к пище в ее природном виде, древнейшие племена первобытных людей давно уже научились обрабатывать природные питательные вещества так, чтобы они удовлетворяли потребности человеческого организма. Для этой цели древнейшие люди пользовались огнем. С помощью огня мясо и растения становились более пригодными в пищу, приобретали приятный вкус и легче усваивались.

Вопрос о том, как это древнейшее, основанное на присвоении даров природы хозяйство собирателей и охотников развилось в более высокие формы хозяйства земледельцев и скотоводов, издавна принадлежал к наиболее увлекательным научным проблемам. Ответ на этот вопрос пытались найти еще ученые Греции, различавшие три различные формы хозяйства: собственно греческое, основанное на земледелии; хозяйство кочевников-скотоводов, которое существовало у границ греческого мира, и третье, основанное на присвоении, — хозяйство собирателей и охотников.

Но представители этой теории делали коренную ошибку, устанавливая хронологическую последовательность для этих трех существовавших одновременно форм хозяйства. Из этой ошибки возникла переходившая из столетия в столетие так называемая теория трех ступеней — охоты, скотоводства и земледелия. При этом первобытная ступень собирательства и охоты изображалась либо как райский золотой век, либо как полуживотное состояние «дикарей». Эта теория трех ступеней, от которой никак нельзя было отделаться, в XVIII веке была представлена в сочинениях Руссо и Адама Смита, а в XIX веке ее отстаивали Фридрих Лист, С. Коньетти де Мартиис, французский историк-археолог Мортилье, бельгиец Лавеле и другие.

Но огромный вновь собранный этнографический материал, новые факты, ставшие известными благодаря последним экспедициям, ясно показывают, что эта старая теория не выдерживает критики. Совершенно новое освещение форм человеческого хозяйства дано, в частности, в работах Эрнста Гроссе и Эдуарда Хана [1]. Однако научный спор по вопросу о возникновении земледелия и скотоводства не закончился еще и по сей день. Отдельные ученые попрежнему еще пытаются объяснять переход от хозяйства присваивающего к хозяйству производящему при помощи психологических соображений. Так, например, Тэйлор считал, что изобретение земледелия вовсе не было «изобретением» и что собиратели и охотники вполне естественно должны были перейти к планомерному посеву или посадке известных им семян или корнеплодов. Он полагал, что благодаря такому обыкновению кочующие собиратели и охотники перешли к оседлости и поднялись, следовательно, на новую, высшую ступень культурного развития.

Но при ближайшем рассмотрении такие психологические объяснения оказываются лишь легковесными спекулятивными рассуждениями. Этнографические данные с большой убедитель-

---

[1] Исследования немецкого географа и этнографа Эдуарда Хана действительно положили конец господству упрощенной «теории трех ступеней». В своих работах (начиная с 1892 г.) он ясно показал, что примитивное «мотыжное» (ручное) земледелие гораздо древнее, чем скотоводство, и что оно развилось в разных странах самостоятельно и непосредственно из первобытного собирательства; напротив, плужное земледелие — поздняя форма, появившаяся уже после одомашнения животных и, вероятно, в одном каком-то центре. Само одомашнение животных, по мнению Эд. Хана, не могло быть достигнуто в условиях бродячего охотничьего хозяйства — оно предполагало уже прочную оседлость и наличие постоянных запасов пищи. Во взглядах Эд. Хана самое ценное — их критическая часть, направленная против упрощенных и устаревших схем. Собственные же попытки Эд. Хана объяснить происхождение скотоводства и плужного земледелия крайне слабы и построены на чисто идеалистических соображениях (религиозные мотивы одомашнения скота и обработки земли плугом и т. п.). Что касается работ Эрнста Гросса, то они вообще не имели серьезного научного значения. — *Прим. ред.*

ностью показывают, что собирателям и охотникам психологически была совершенно чужда готовность заниматься земледелием, и особенно трудно было им дожидаться созревания растений или плодов. В самых различных уголках земли делались попытки приохотить собирателей и охотников к земледелию и во всех случаях оказывалось, что народы, находящиеся на этой ступени развития, не в состоянии даже уразуметь смысл более высокой формы производящего хозяйства. В одних случаях туземцы сразу же съедали розданные им для посева семена, а в других — вырывали из земли еще незрелые молодые растения, показавшиеся на обработанных белыми специалистами полях, и тут же на месте употребляли их в пищу.

Бразильское правительство избрало для такого эксперимента племя собирателей и охотников бороро. Бороро получили пахотную землю и семена, поля были обработаны для них специалистами, присланными правительством. Членам племени были розданы съестные припасы в количестве достаточном, чтобы прожить до времени уборки урожая. И что же случилось? Едва только бороро сделались счастливыми обладателями топоров, как они начали валить деревья *пики*, на которые раньше они были вынуждены взбираться, чтобы достать их плоды. Плантации сахарного тростника приходилось охранять днем и ночью, чтобы спасти их от полного уничтожения, а плантации маниоки погибли, так как кусты этого растения были преждевременно выдернуты из земли. Женщины, привыкшие выкапывать дикие коренья, бежали на поля со своими палками-копалками и извлекали из земли еще не созревшие клубни.

Один ревностный миссионер, который пытался приобщить африканское племя собирателей и охотников васекеле одновременно к благам христианства и познакомить их с земледелием, был поднят туземцами на смех, и все его предложения отвергались такого рода аргументами: «Разве обезьяны голодают? Мы знаем и леса, и реки и ручьи. Бог желает, чтобы мы свободно кочевали, и нет его воли на то, чтобы мы взялись за мотыгу». Против этого трудно было что-либо возразить, и даже этот благонамеренный миссионер не мог помешать туземцам жить и впредь «подобно лилии в поле».

Вановерберг рассказывает, что негритосы острова Лусон отказывались учиться искусству насаждения и выращивания растений, потому что «они не желали оставаться на одном и том же месте». Этот же исследователь сообщает, что даже те племена, которых уговорили посадить несколько видов овощей, по большей части покинули район посадки еще до наступления времени жатвы [1].

[1] Здесь Липс вступает в противоречие со своей же основной идеей о необычайной изобретательности человеческого разума. Приведенные здесь несколько примеров отнюдь не доказывают «неспособности» охотников перейти к земледелию. Дело тут вовсе не в «неспособности», а в грубо администра-

Одним из лучших примеров, доказывающих полную неспособность собирателей и охотников понять смысл и задачи земледелия, является старая история о пигмеях Бельгийского Конго, записанная патером Шебеста. Эти племена гордятся своей отвагой и своим свободным образом жизни, и хотя они постоянно общаются с земледельческими негритянскими племенами, они никогда не пытались перенять образ жизни своих высокорослых соседей. В их предании рассказывается, почему пигмеи имеют право собирать бананы на плантациях негров.

«Один пигмей, бродя однажды в девственном лесу в сопровождении негра, попал вместе с ним в деревню шимпанзе. Там они впервые увидели банановые деревья с висящими на них гроздьями золотистых бананов. Полагая, что это ядовитые плоды, они не решались их отведать. Однако негр стал уговаривать пигмея попробовать бананы, пока тот не отведал их и не нашел, что они удивительно вкусны. Сам негр все же не отважился их попробовать. Так они легли спать, причем негр был в полном убеждении, что его спутник умрет, отравившись бананами. На следующее утро он первым делом вспомнил о карлике, который, к его великому удивлению, пробудился от сна здоровым и невредимым. Тогда и негр отведал бананов и тоже нашел их великолепными. Оба начали размышлять, как бы им посадить бананы и у себя в деревне. Пигмей взял с собой плоды банана, назвав негра дураком за то, что тот предпочел взять с собой дерево в качестве саженца. Карлик посадил плод, а негр — дерево, и когда спустя некоторое время листья на дереве завяли и опали, бамбути очень этому радовался. Но хитрый негр понимал, в чем суть этого дела, и пригласил пигмея зайти в деревню через несколько месяцев. Карлик же тем временем тщетно ждал, когда начнут расти его бананы. Плоды, которые он закопал в землю, сгнили и из его затеи ничего не вышло [1]. Каково же было его удивление, когда через несколько месяцев он пришел в негритянскую деревню и увидел там роскошно красующиеся банановые деревья с плодами. Теперь очередь смеяться наступила для негра, который угостил своего гостя первыми бананами. После этого карлик заявил, что он не годится в земледельцы и ему лучше

тивных методах, обычно применяемых колониальными властями и миссионерами, и в том, что охотники, которых пытаются научить земледелию, прекрасно понимают, что это делается для того, чтобы превратить их в дешевую рабочую силу для плантаторов. Вполне естественно, что они не хотят добровольно надеть на свою шею новое ярмо. Совсем другое — в мире, свободном от империалистического гнета. Опыт многих народов Советского Союза, научившихся возделывать землю по примеру русских крестьян (частью — еще до революции), служит достаточным опровержением взгляда о «неспособности» охотников к земледельческому хозяйству. — *Прим. ред.*

[1] Дело в том, что банан обычно не размножается семенами, а только отводками. — *Прим. ред.*

попрежнему заниматься охотой, в то время как негр может продолжать разводить бананы, которые он охотно будет есть.

С этого времени бамбути считают, что они имеют право на бананы, разводимые неграми, потому что негры узнали о бананах только благодаря им».

Все это лишь отдельные примеры, наглядно показывающие, что переход от собирательства и охоты к земледелию нельзя объяснить путем умозрительных рассуждений, опирающихся на специфические черты нашей современной психологии.

Столь же неудовлетворительно и предположение некоторых этнографов и экономистов, будто оседлый образ жизни является следствием перехода к земледелию. Представители этой точки зрения утверждают, что относительная оседлость была достигнута лишь с возникновением земледелия и что, следовательно, оседлость была следствием, а не предварительным условием возникновения земледелия. Но и этот взгляд является чисто умозрительным, не имеющим никакого отношения к фактам. Не подлежит никакому сомнению, что необходимым условием для изобретения земледелия должна была быть хотя бы относительная оседлость. Кроме того, изобретатели более высокой формы хозяйства должны были бы быть психологически подготовлены к необходимости ожидать созревания плодов.

Какая же, собственно, группа народов обладала необходимыми психологическими и реальными предпосылками для изобретения земледелия?

Дело в том, что существуют народы, которые в силу характера их хозяйства как бы образуют недостающее звено между собирателями и охотниками, с одной стороны, и народами с производящей формой хозяйства — с другой. Я их называю народами-собирателями урожая. Добывание пищи у них основано на собирании больших количеств одного или нескольких дикорастущих видов, которые служат главным источником их пропитания в течение всего года. Они не скотоводы и не земледельцы, но строят все свое хозяйство на планомерном, а не случайном собирательстве одного или нескольких видов диких растений.

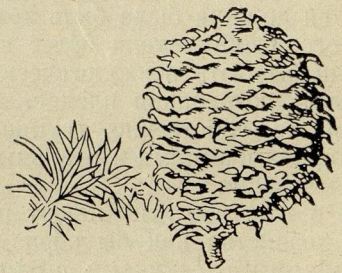
Народы, экономика которых основана на сборе урожая, жили или живут до сих пор во всех пяти частях света. Как показали многочисленные раскопки, форма хозяйства позднего палеолита вплоть до начала неолита основывалась на сборе урожая дикорастущих плодов и семян. В настоящее время в Африке не осталось больше подлинных народов-собирателей урожая, но, судя по древним сообщениям, собирание урожая дикорастущих растений и семян играло важную роль в экономике многих африканских народов. Согласно Геродоту, древние египтяне в большом количестве собирали лотос, сушили его на солнце, растирали в муку и употребляли для печенья хлеба. Он пишет, что корень лотоса — величиной с яблоко и сладковат на вкус. Котчи

сообщает, что в Кордофане собирают урожаи дикого риса и употребляют его для выпечки хлеба. Швейнфурт различает три сорта риса, которые являются преимущественной пищей в тропической Африке, хотя их никто не разводит. На базарах в Сенегалии дикий рис до сих пор остается важным предметом торговли и ценится выше, чем рис, собранный с возделываемых полей.

В Австралии народы-собиратели урожая встречаются главным образом в восточных, южных и северных областях. Они собирают по большей части коренья дикого ямса, семена нарду, корни лилии, плоды бунья-бунья (*Araucaria Bidwillii*), плоды саговников и другие.

Характерно, что собранные растительные продукты либо хранятся в их обычном виде, либо обрабатываются так, чтобы их можно было в течение целого года хранить и употреблять в качестве главного пищевого продукта. Собираемые плоды служат также предметом торговли, при этом они пользуются большим спросом.

Австралийское растение нарду.



Плод бунья-бунья, растения, собираемого австралийскими племенами-собирателями урожая.

Иногда, как, например, это делают австралийские племена, проживающие у побережья залива Карпентария, плоды консервируют, подвергая процессу квашения. В Полинезии и у некоторых арктических народов процесс квашения доведен до значительно более высокой степени совершенства. Для ряда племен юга и запада Новой Гвинеи ценным источником пропитания служит саго, добываемое из дикой саговой пальмы.

По всей вероятности, к народам-рыболовам и собирателям урожая принадлежали также, прежде чем перейти к оленеводству, и старые оленеводы Азии. Еще и по сей день в обширных районах Арктики проживают чукчи, якуты и тунгусы [1], в жизни

[1] Утверждение Ю. Липса можно принять в отношении чукчей и лишь отчасти — тунгусов (эвенков). В отношении якутов это неверно: они живут отнюдь не в Арктике, и в их скотоводческом, а теперь и земледельческом хозяйстве собирание диких кореньев и пр. играло не бо́льшую роль, чем собирание лесных ягод и орехов в хозяйстве европейских народов. — *Прим. ред.*

которых большую роль играет собирание кореньев, лука и чеснока. В частности, чукчи собирают в огромных количествах коренья и среднюю часть *Claytonia acutifolia Willd.* Это растение квасят и затем едят в течение всего года до следующего урожая.

Полинезийцы не могли бы существовать на коралловых атоллах, если бы на них не произрастали в диком состоянии так называемое хлебное дерево и саговая пальма [1]. В Гран Чако в Южной Америке собирают альгаробу (рожки) и туску, в то время как арауканцы и древние перуанцы собирали преимущественно дикорастущий картофель. Само государство инков было бы немыслимо, если бы его экономическую основу не составлял дикорастущий картофель. Занимаясь раскопками доисторических памятников перуанской культуры, Харшбергер нашел несколько клубней этого растения длиной примерно в четыре сантиметра, очень похожих на клубни дикого картофеля, который и сейчас еще растет в мексиканских горах.

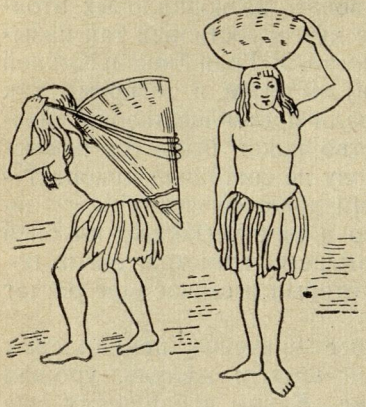
К растениям, имеющим важнейшее значение, принадлежат дикорастущий водяной рис, кедровый орех и желудь, урожаи которых собирают в Северной Америке. К ним добавляется еще ряд других растений и их плодов, в том числе стручки мескитного дерева, коренья мескаля, клубни прудового камыша и разного рода семена дикорастущих. Племена, живущие в восточной части Центральной Калифорнии, собирают главным образом желуди и кедровые орехи. До самого последнего времени эти племена вовсе не знали, что такое голод, но сейчас положение изменилось. Так, например, в 1941 году произошла подлинная катастрофа, когда погиб весь урожай желудей в долине Сан-Хоакин. В официальных донесениях по поводу этого случая говорится следующее: «До того, как белый человек навязал нам свою цивилизацию, мы имели возможность сохранять наши желуди и желудовую муку годными к употреблению столько времени, сколько нам было желательно. Теперь же в желудях часто уже через несколько месяцев заводятся черви. В каждом из нескольких сот индейских лагерей в плетеных ивовых корзинах хранятся большие количества желудей». Повидимому, быстрая порча желудей вызывается вредителями растений, которых завезли цивилизаторы.

Но самым главным продуктом является дикорастущий водяной рис, урожаи которого собирают североамериканские индейцы в изобилующих озерами районах северной части центрального запада. Еще в 1683 году патер Энепэн записал в своем дневнике:

---

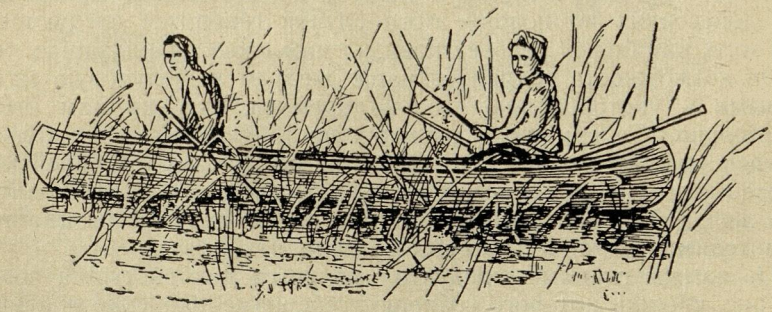
[1] Саговая пальма растет только в западных областях Океании. На островах Полинезии до появления человека было очень немного пригодных в пищу диких растений: пандануc, портулак, местами древовидные папоротники. Остальные растения, на которых основано земледельческое хозяйство народов Океании, завезены сюда ими самими: хлебное дерево, кокосовая пальма, банан, таро, ямс, батат и пр. (См. Те Ранги Хироа, Мореплаватели солнечного восхода, особенно гл. 21, М., 1950.) — *Прим. ред.*

«В озерах растет множество дикого риса, который не сеют и вовсе не возделывают. Старые индейцы рассказывали мне много интересных историй об этих рисовых полях и о том, что между сиу и чиппеваями происходили кровопролитные сражения за обладание этими дикими рисовыми полями».



Калифорнийские индианки с корзинами для воды и для семян растений.

Чиппеваи (правильнее оджибве) еще и сейчас верят в то, что Манито создал специально в пищу индейцам дикий рис, который они называют маномин, и в первый день жатвы я слышал, как они торжественно благодарили за это всевышнего. Название месяца августа у чиппеваев (Ма-ноним-э-ке-ге-сис) означает «месяц жатвы риса», а сама жатва ежегодно является важнейшим событием всей экономической жизни этих народов. В старые времена женщины связывали в пучки созревающий в озере рис, для того чтобы предохранить свободно сидящие в своем гнезде зерна от бурь и водяных птиц и в дальнейшем облегчить жатву. Сейчас это уже не принято делать, но избираемый племенем рисовый



Индейцы племени оджибве во время жатвы дикого водяного риса.

комитет строго следит за всем ходом жатвы. Комитет устанавливает день начала жатвы, а также участки произрастающих в илистом озере рисовых полей, где должна производиться жатва, и разрешает принимать участие в жатве лишь заранее определенному числу людей в назначенных для этого лодках. Когда наступает великий день, вождь с соблюдением всех церемоний призывает сборщиков жатвы собираться в путь, после чего они получают

право выехать в озеро, чтобы возвратиться в точно назначенное время. Лодки выезжают в озеро на веслах, а затем начинают медленно передвигаться по рисовым полям при помощи длинных шестов. В это время женщины двумя вырезанными из кедрового дерева палочками обивают зерна риса в лодку, не повреждая и не вырывая самих растений. Сразу же по возвращении зеленый рис сушат на открытом воздухе на больших матах из тонкой березовой коры. Затем, чтобы отделить от зерен ость и мякину, рис подогревается и поджаривается в огромном железном котле на сильном огне. Потом зерна отвеиваются в больших берестяных корзинах. Вслед за этим зерна топчут, отбивая ритм, ногами в ямах или во врытых в землю деревянных чанах. После такой молотьбы зерна риса провеивают вновь, окончательно очищая их от мякины. Готовые для употребления в пищу зерна имеют зеленовато-белый цвет и очень приятны на вкус. Многие индейские легенды пытаются объяснить происхождение этой благословенной пищи. Индейцы верят, что некогда, во время голода, Манито внял их молитвам и явился знахарю тайного общества Мидевивин, для того чтобы передать им следующее: «Собирайте семена, которые остры, как копья. Внутри их содержится сладкая пища». Одновременно он научил индейцев секрету сбора урожая и обработки зерен, которые и сейчас производятся точно так же, как и в первобытные времена.

В отличие от собирателей и охотников, которые постоянно кочуют по своей племенной территории и живут, перебиваясь со дня на день, народы-собиратели урожая в дни изобилия думают о предстоящих днях нужды и заботятся о будущем, тщательно заготовляя драгоценную пищу на голодное время года. Конструкция их жилища отличается большей прочностью, чем у народов с присваивающей формой хозяйства. Они селятся в определенных местах, то есть в непосредственной близости от жатвенных полей [1], часто простирающихся на много сотен квадратных километров. И какие бы виды растений ни добывали различные народы-собиратели урожая, огромное влияние этой формы хозяйства на их общее культурное развитие не вызывает сомнений. Для поселений этих народов чрезвычайно характерны тщательно сооружаемые тайники и добротно построенные склады для хранения собранных припасов.

Хотя народы-собиратели урожая и не дошли еще до настоящего земледельческого хозяйства, все же роль диких растений в их жизни в корне отлична от таковой у собирателей и охотников; психологически они относятся к ним почти так же, как и

[1] Употребляемое здесь Юлиусом Липсом понятие «жатвенные поля» относится, очевидно, не к возделанным человеческой рукой участкам земли, а к огромным массивам диких растений одного вида, покрывающим пространства во много квадратных миль и производящим впечатление гигантских полей. — *Прим. Евы Липс.*

земледельцы. Сбор урожая диких растений жизненно необходим для них, и они прославляют эти растения в песнях и обрядах и всячески стараются способствовать их умножению. Так, западноавстралийские племена-собиратели урожая при сборе ямса вновь закапывают в землю отдельные клубни, а у оджибве во время сбора риса падает в плодородное илистое дно их озер больше зерен, нежели в их лодки; тем самым индейцы бессознательно создают условия для получения урожая в следующем году. Если в Океании владельцы дикорастущих кокосовых пальм срубают дерево, они разрыхляют вокруг корней землю, чтобы облегчить прорастание новых побегов.

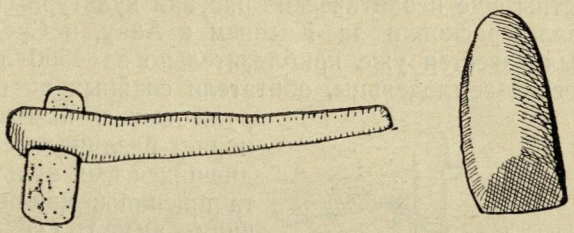
Давая возможность существовать племени, жатвенное поле является средоточием его жизни и всей его общественной деятельности. Поэтому вблизи жатвенных полей расселяется обыкновенно все больше и больше соплеменников. Члены племени селятся общинами, по размерам своим намного превосходящими общины собирателей и охотников. Так, например, виннебаго часто живут вместе группами, насчитывающими до трехсот и более человек, а на Новой Гвинее вокруг зарослей диких саговых пальм проживает в общих поселениях по тысяче человек племени оботос и вакатими. В Северной Америке расселение племен сиу и алгонкинов было связано главным образом с наличием полей дикого риса. Переселения целых народов по океаническим просторам Полинезии стали возможны только благодаря хлебному дереву.

Лишь народы-собиратели урожая, которые жнут, не сея, собирательский труд которых так сходен с деятельностью земледельцев, могли быть первыми изобретателями земледелия. Это подтверждается еще и тем, что хозяйственный уклад народов-собирателей урожая создавал предпосылки для скотоводства. У собирателей и охотников, которых нужда заставляла заниматься непрерывными поисками пищи, не могла развиться любовь к животным, на которых они охотились. Чтобы поддерживать свое существование, им приходилось сразу же убивать всякую съедобную дичь, которая попадалась к ним в руки. Напротив, припасы, собранные народами-собирателями урожая и составлявшие их основную пищу, спасали их от нужды и голода. Поэтому у народов-собирателей урожая скорее могло появиться заботливое отношение к животным.

Таким образом только народы-собиратели урожая располагали необходимыми предпосылками для развития земледелия и скотоводства. Более чем вероятно, что земледелие и скотоводство берут свое начало от этой прогрессивной формы присваивающего хозяйства. Затем, постепенно, в течение столетий в особенно благодатных местах земли примитивное земледелие в конце концов превратилось в высококультурную форму плужного земледелия. В настоящее время мы уже не можем установить, в каком

именно месте этот процесс развития получил свое начало, хотя, судя по многим признакам, можно полагать, что это происходило в Южной или Центральной Азии [1].

Так как о наличии земледелия свидетельствуют уже неолитические находки, мы можем отнести дату его возникновения примерно к пятому тысячелетию до н. э. Менгин и Хейне-Гельдерн выдвинули гипотезу о так называемой культуре валикового топора как о древнейшей неолитической форме производящего земледельческого хозяйства, которая распространилась по всей земле из своих, повидимому, древнейших районов возникновения



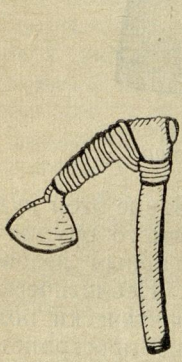
Неолитические топоры. *Слева*: находка из Сигерслевт (*Дания*). *Справа*: Каменный валиковый топор.

в южной части Центральной Азии (Китай). Название этой культуры происходит от обычно шлифованного каменного орудия — валикового топора с круглым сечением, шлифованным лезвием и округлой или конусообразной спинкой обуха. Неолитическая форма хозяйства культуры валикового топора фактически получила распространение по всей земле. Гигантские пространства охватила она на азиатском и европейском континентах, в Восточной и Южной Азии и на Меланезийском архипелаге. Хотя местные варианты культуры валикового топора нередко отличались друг от друга, их объединяло, однако, то, что носители этой культуры часто занимались приручением и разведением свиней. Там, где водились дикие свиньи, их по большей части ловили и держали за загородками до употребления в пищу, но кое-где свиней умели уже и разводить. Это объясняет нам, почему остатки культуры валикового топора находят в большинстве случаев вместе с множеством костей дикой свиньи.

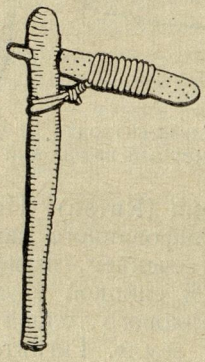
---

[1] Этот чисто диффузионистский взгляд на происхождение древнейшего земледелия из одного центра опровергается множеством фактов. Достаточно сказать, что знакомство с земледелием у индейцев Америки не могло быть принесено их предками из Азии, ибо путь заселения Америки вел через арктические широты, через Берингов пролив. Огромное разнообразие видов возделываемых растений в разных частях света — в каждой стране своих — тоже было бы необъяснимо при допущении единого центра происхождения земледелия. Этот диффузионистский взгляд, кстати, плохо согласуется с основной концепцией самого Липса, который правильно подчеркивает неистощимую изобретательность народов всех стран, которые самостоятельно делали много важных открытий. — *Прим. ред.*

В настоящее время уже нельзя с точностью установить, какие виды растений систематически разводили первые земледельцы и были ли то кустарники, клубни, коренья или деревья? По предположению Верта, в Южной Азии первым культурным растением был банан. Древнейшим культурным хлебным злаком, как утверждает Брантон, была пшеница эммер, которую египетские земледельцы сеяли уже за 5000 лет до н. э. В связи с тем, что при раскопках невозможно обнаружить следы древнейших клубневых культур, возраст земледелия легче всего можно установить, опираясь на данные о первоначальном разведении хлебных злаков. Нам известны еще неолитические рисунки культурных злаков, и, как показали раскопки за Каспием в Анау, в Средней Азии, ячмень был известен уже приблизительно за 4500 лет до н. э. Неолитические земледельцы, обитатели свайных построек, обнаруженных в нынешней Швейцарии, различали среди разводившихся ими культур три сорта пшеницы: карликовую пшеницу, эммер (*Triticum dicoccum*) и однозернянку (*Triticum monococcum*) и, кроме того, два сорта ячменя. Они разводили также метельчатое просо. Из стручковых растений сеяли (но уже в эпоху бронзового века) полевые или конские бобы, горох и чечевицу. В большом количестве разводили также лен и садовый мак. Возможно, что уже в то время лен и мак употреблялись в качестве наркотиков. Из плодовых деревьев культивировалась яблоня, которая, повидимому, была известна уже в те древние времена.



Железная мотыга с деревянной рукояткой (*Камерун*).



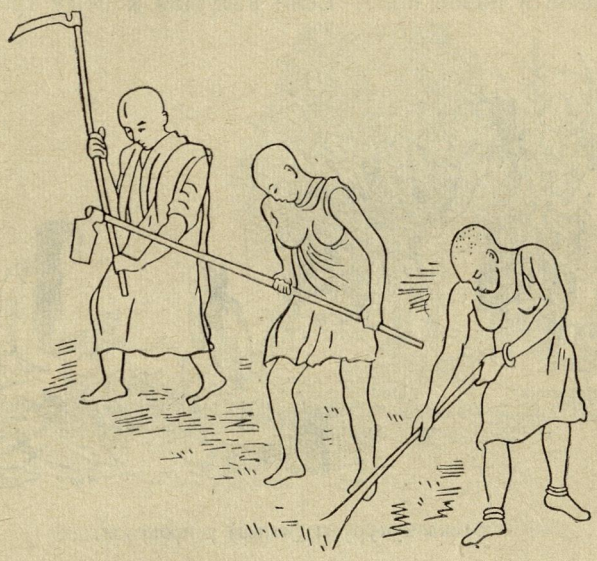
Каменная мотыга с деревянной рукояткой (*Новая Гвинея*).

Но какие бы культуры ни возделывались, точно известно, что в те времена еще не было плуга и поля обрабатывались мотыгой, а иногда даже древнейшим из известных в истории культуры орудием — палкой-копалкой.

И по сей день еще примитивная обработка земли палкой-копалкой или мотыгой встречается на обширных пространствах, особенно в тропической Африке, в Америке, Индонезии и Океании. К наиболее распространенным культурам принадлежат клубневые и корнеплоды: ямс, маниока, бататы, таро и картофель, так же как маис, рис, дурра и негритянское просо относятся к наиболее излюбленным хлебным злакам. Обычно каждое племя разводит лишь ограниченное число полевых культур. В большинстве случаев в основе всей экономики племени лежит возделыва-

ние одной культуры. Это, однако, не означает, что в дополнение к ней не выращивают некоторого числа менее важных растений, идущих в пищу. Так, например, почти всюду разводятся растения, дающие наркотики и пряности.

Если примитивным земледельцам задать вопрос относительно возраста и происхождения разводимых ими растений, то они неизменно отвечают, что, по их древним сказаниям и мифам, предки их уже с незапамятных времен возделывали те же полевые культуры. Тупи утверждают, что цветущий куст маниоки вырос однажды в далеком-далеком прошлом из одной могилы, в то



Африканские женщины за обработкой поля.

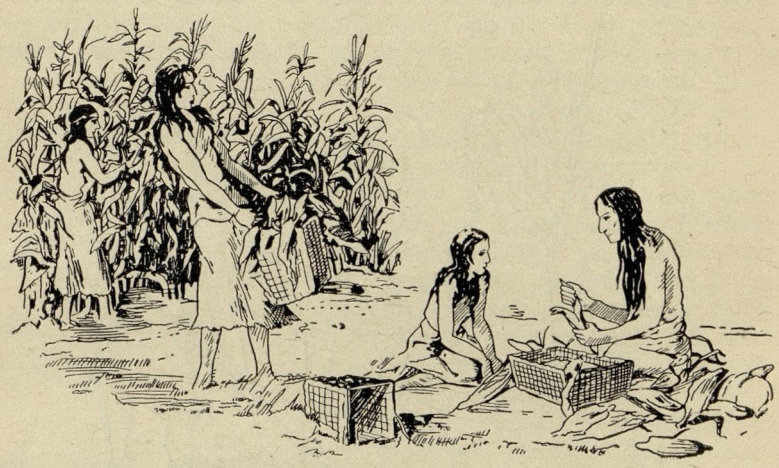
время как бакаири приписывают его происхождение рыбе богаду, которая водится в реках в области их обитания. К числу благодетелей, принесших некогда в дар человечеству сельскохозяйственные культуры, причисляют богов и духов, животных и героев.

Не подлежит сомнению, что изобретение земледелия является заслугой женщины. Уже в условиях присваивающего хозяйства на женщин возлагалась обязанность обеспечивать семью растительной пищей. Следовательно, женщины же провели в жизнь новое изобретение: сеяние и посадку растений. А мужчины продолжали заниматься охотой и после введения земледелия, несмотря на то, что благодаря земледелию охота перестала быть основным источником существования.

Поднятие целины, первая посадка или первый посев и даже выбор участка для нового поля часто служат поводом для

празднеств и разного рода церемоний, особенно там, где все население деревни сообща принимает участие в земледельческих работах.

Так, например, над'а, живущие на западе острова Флорес (Зондский архипелаг), прежде чем разбить новое поле, испрашивают совета у своего всеми чтимого оракула — бамбуковой палки, называемой «тибо». Тибо кладут на огонь и по характеру и направлению скачков палки, подпрыгивающей на огне, определяют местоположение и величину нового поля. Перед этим над'а торжественно обращаются к оракулу с такими словами: «Тибо, мы хотим разбить новое поле. Если ведущая к нему тропа и сама

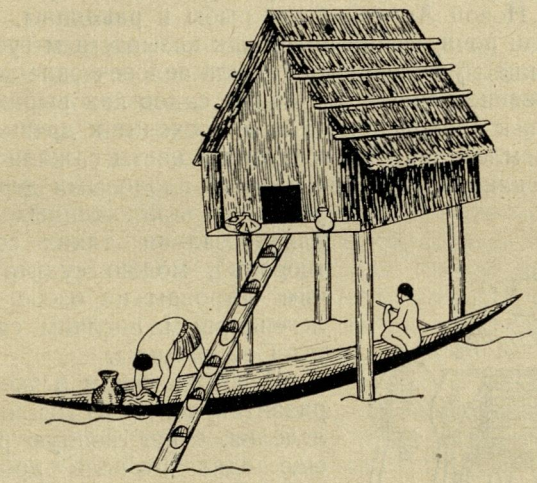


Ломка кукурузы (маиса) у ирокезов.

земля неблагоприятны для наших планов, извести нас, пожалуйста, об этом, подскочив вверх направо». По получении удовлетворительного ответа над'а немедленно же приступают к работе.

После того как племя мотыжных земледельцев определит подобным образом местоположение и величину нового поля, под руководством знахаря устраиваются песни и танцы. А на следующее утро приступают уже к расчистке участка. Землю освобождают от девственного леса, кустарниковых зарослей или степной травы. Деревья срубают каменными топорами, но корни их оставляют в земле. Сучья и кусты сжигаются, и зола рассеивается по земле в виде удобрения. Пока мужчины выполняют самую тяжелую работу, женщины заботятся о пище для членов племени. Когда же новое поле, часто требующее многих дней тяжелой работы, бывает готово, женщины приступают к посадке, сопровождая это всевозможными магическими обрядами, целью которых является обеспечение урожая плодов, необходимых для

жизни племени. Над'а, например, и в этом случае обращаются за советом к тибо и приглашают духов возделываемых растений собраться на новом поле. «Тибо, — говорят они маленькой бамбуковой палочке, — мы расчистили все поле, удалили сорняк и сожгли заросли. Земля чиста. Заставь духов, нагруженных рисом, прийти сюда, для того чтобы у нас был хороший урожай. Сделай так, чтобы склады ломились под тяжестью собранного риса и чтобы полы проваливались под ним. Обещай нам, Тибо, пожалуйста, такой урожай! Если на то будет твоя воля, извести нас об этом скачком вниз налево!» После этой торжественной церемонии женщины совершали посев.



Амбар на озере Хоро-Венуа (*Новая Зеландия*).

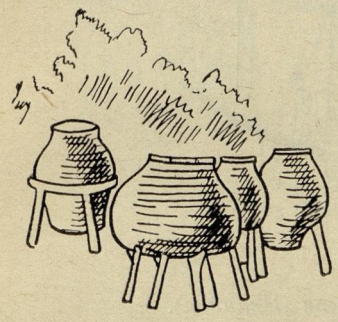
Южноамериканские индейцы сажают в землю саженцы маниоки, из которых затем вырастают кусты. Зрелые клубни собираются по мере надобности, и на место выкопанного растения тут же всегда закапывают новый черенок. Поля содержатся в безупречном порядке, который вызывал удивление у многих, имевших возможность его наблюдать. Один христианский епископ, посетивший поля туземцев близ реки Шире (Португальская Восточная Африка), заявил по возвращении: «Я думал, что смогу многому научить этих черных парней. Но теперь я убедился, сколь многому я сам могу поучиться у них».

Несмотря на такой уход за полями, у большинства народов, занимающихся мотыжным земледелием, в обычае бросать поле после сбора одного или двух урожаев и разбивать новое где-нибудь в другом месте. Однако некоторые племена Конго и многие племена Меланезии, занимающиеся мотыжным земледелием, уже перешли к регулярному севообороту. В Африке севооборот

заключается в том, что на свежевыкорчеванном поле сначала сажают бобы. После того как соберут урожаи бобов, сажают одновременно просо и кусты маниоки, собирая клубни последней года два подряд. Когда же кусты перестают плодоносить, поле оставляется под паром, а где-нибудь в другом месте разбивается новая плантация.

Многие примитивные земледельцы уже успели ознакомиться с преимуществами удобрения. Некоторые восточноафриканские племена банту удобряют свои поля навозом, получаемым от крупного рогатого скота. Еще Ливингстон наблюдал, как народы, живущие на Замбези, применяли в качестве удобрения растительную золу. Излюбленным удобрением североамериканских индейцев из Новой Англии были рыбы и раковины. Перуанские инки удобряли почву своих полей так называемым гуано, а древним мексиканцам удобрением служили человеческие экскременты.

Возникновение первых цветочных садов как выражение утонченной любви к прекрасному также восходит к древней культуре мотыжного земледелия. Часто кусты и цветы сажались по краям полей или — как у папуасов — между плодовыми деревьями. Об усилиях, приложенных человеком для создания таких совершенных творений, можно судить по плавучим островам на озере Мехико[1] и легендарным висячим садам царицы Семирамиды.



Сосуды для съестных припасов (*овамбо, Африка*).

В историческом и экономическом развитии человечества, помимо земледелия, существенную роль играла еще одна отрасль производящего хозяйства, а именно — приручение и разведение животных, главным образом крупного рогатого скота. Можно было бы предположить, что искусство приручения животных и разведения рогатого скота ведет свое начало от земледелия. Но это не так. Древнейшие из имеющихся данных о приручении домашних животных, а также и весь строй земледельческих культур свидетельствуют против этого предположения. Материальная и духовная культура скотоводов и земледельцев в корне раз-

[1] «Плавучие острова» или «плавучие сады» (чинампы) древней Мексики были собственно не столько цветниками, сколько огородами. Поселившись на озерах долины Мехико, древние ацтеки расширили полезную культурную площадь путем осушения части топких берегов озер и островов, вычерпывая грязь и ил со дна и складывая их в кучи, а затем укрепляя эти кучи корнями тростника и деревьев. Остатки этих изумительных памятников труда и искусства древних мексиканцев сохранились до сих пор (См. Дж. Вайян, История ацтеков, М., 1949, стр. 98—99). — *Прим. ред.*

лична. Мы и теперь еще можем иногда встретить множество прирученных животных в некоторых сельских общинах, население которых занимается мотыжным земледелием. Но это вовсе не означает, что там разводят животных. В большинстве случаев это бывают животные, пойманные в диком состоянии и затем прирученные.

Вполне возможно, что куры и свиньи, которые не принадлежат к кочующим животным, занимают особое положение. Как мы уже видели, судя по неолитическим находкам, диких свиней и птиц до употребления в пищу держали в большом количестве за загородками. В тех же местностях, где у земледельцев обнаружены следы настоящего животноводства, оно было заимствовано у скотоводческих народов.

Собака — это древнейшее домашнее животное — была спутником человека уже в мезолите. Предком ее был волк. Собака появилась в Европе еще во время ледникового периода. В Америку же она была ввезена в уже прирученном состоянии первыми обосновавшимися там поселенцами.

Разведение лошадей, рогатого скота и овец происходило в тех областях земли, где чаще всего встречаются дикие разновидности этих животных. Так было главным образом на высокогорных плато Центральной Азии, расположенных между высокими горными хребтами и к северу от них. Повидимому, первоначальная область скотоводства простиралась от западного Туркестана до Тибетского плоскогорья. И действительно, современные способы разведения яков в Тибете обнаруживают все характерные черты очень древней пастушеской культуры. Древнейшим из известных видов прирученного рогатого скота была длиннорогая порода, восходящая к первобытному виду азиатского зубра. Одомашнивание овцы и позднее козы, повидимому, тоже происходило в этой же части мира.

Культура коневодов и верблюдоводов развивалась к северу от районов одомашнения рогатого скота в Алтайских горах, Казахстане и в Барабинской степи. В дальнейшем ареал культур этих народов чрезвычайно расширился. Его границы достигли юго-восточных русских степей и Кавказа на западе и пустыни Гоби — на востоке. Несмотря на то, что лошадьми и верблюдами издавна пользовались в качестве вьючных животных и рассматривали их в то же время как молочный скот, никакой специфической формы хозяйства на этой основе не возникло, ибо такая основа часто не обеспечивала прокорма животных. Поэтому разведение верховых и вьючных животных почти всегда включается в систему хозяйства народов-собирателей урожая, земледельцев и скотоводов.

Все же культуры скотоводческих народов распространились по всему миру, нередко в сравнительно чистом виде, как в активной форме — при переселении самих народов, так и в пассивной

форме, когда заимствовались только формы хозяйства или культуры номадов. Особенно яркий свет на культуру скотоводческих народов пролили археологические раскопки в Анау, описанные Помпелли. В Анау, среди развалин города, расположенного в оазисе близ Ашхабада, на глубине сорока пяти футов были обнаружены почти в неприкосновенном виде остатки скотоводческой культуры, которая существовала примерно за 3500 лет до н. э. Но одновременно с остатками этой древнейшей, сравнительно точно датируемой скотоводческой культуры были обнаружены в качестве культурных растений ячмень и пшеница. Это указывает на то, что мы, по всей вероятности, имеем здесь дело уже со смешанной культурой и что скотоводство как таковое должно быть еще древнее.

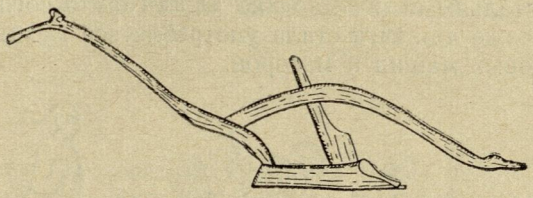
Распространение скотоводческих культур путем активного переселения племен шло от мест первоначального возникновения этих культур преимущественно на юг. Европа и Восточная Азия хотя и заимствовали самый принцип разведения крупного рогатого скота, однако не восприняли пастушеской культуры. В качестве самого южного форпоста скотоводов в Азии в горах Нильгири, в Южной Индии, и по сей день еще живет племя тода, в то время как основной поток скотоводов двинулся в Иран, Месопотамию, Сирию и Африку. В самой Африке пришедшие с северо-востока пастушеские народы прошли через Египет, после чего меньшая их часть распространилась по всей Северной Африке вплоть до Канарских островов, тогда как основная масса их хлынула через Восточную Африку, минуя тропическую Центральную Африку, на самый юг. Эти народы разводили главным образом крупный рогатый скот.

Таким образом, в Африке основой хозяйства является разведение крупного рогатого скота, а в Азии, кроме того, — овец и яков. Все эти народы использовали главным образом молоко, волос, шерсть и навоз и лишь в значительно меньшей степени — мясо, потому что стадо рассматривается ими обычно как богатство и его поголовье стараются не уменьшать путем убоя, если для этого нет особых причин.

Итак, обе главные отрасли производящего хозяйства — земледелие и скотоводство, — по всей вероятности, развились во многих местах земли из хозяйства народов-собирателей урожая. На обширных пространствах земли они сталкивались и смешивались. Но все необходимые предпосылки для экономического освоения земли могли создаться лишь при окончательном слиянии земледелия и скотоводства. К тому же до изобретения плуга экономическая эксплуатация огромных пространств была бы неосуществимым делом и было бы невозможно прокормить постоянно растущее население земли. Лишь изобретение плуга и наличие тягловой силы прирученных животных — главным образом крупного рогатого скота и позднее лошадей — позволили человеку создать

обширные поля и вместе с тем заложить основу для подлинно продуктивного земледелия.

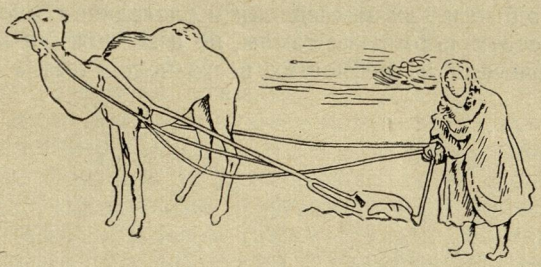
В техническом отношении плуг представляет собой комбинацию принципов, на которых построена мотыга и специальная, развившаяся из палки-копалки лопата. Древнейшая известная нам находка плуга датируется третьим тысячелетием до н. э.



Примитивный плуг.

Плуг был известен уже земледельческим народам так называемой культуры ленточной керамики в Придунайских областях; одновременно с ними плугом уже пользовались индоевропейцы.

Впервые плуг был изобретен в каком-нибудь одном месте земли, откуда он затем распространился по ее обширным пространствам. Весьма вероятно, что место его изобретения находилось в областях распространения переднеазиатских высоких культур. Древнейшие плуги были сделаны из дерева. В некоторых европейских странах даже и теперь еще применяются примитивные деревянные плуги.

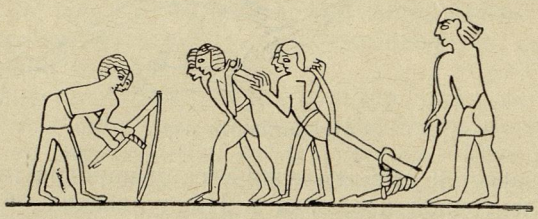


Деревянный плуг кабилов.

Выдвигаемое часто предположение, что изобретение колеса или повозки было в той или иной мере связано с изобретением или распространением плуга, ошибочно. Первоначально употреблялся бесколесный плуг. И сейчас еще плуги батаков на Суматре, так же как и плуги китайцев и японцев, не имеют колес.

Американским индейцам плуг был неизвестен, очевидно, потому, что у них не было тяглового скота. У высококультурных народов Мексики и Перу земледельческое хозяйство получило развитие в форме садоводства и террасового земледелия.

Главными отличительными признаками плужной культуры являются систематическое удобрение почвы и развитие сложных оросительных сооружений. Лишь к концу XVIII века старая форма плуга была модернизована благодаря изобретениям, которые означали подлинный переворот в сельскохозяйственной технике. Деревянные части тогда впервые были заменены железными или стальными и несколько плугов было соединено в один агрегат. Позже для тяги стала употребляться механическая сила в виде паровых машин и моторов.



Древнеегипетский плуг с рабами, служащими тягловой силой.

На этом кончается история возникновения земледелия и скотоводства — важнейших факторов, которые впервые сделали возможным существование на земле непрерывно возрастающего рода человеческого. Возникновение скотоводства и изобретение плуга не только позволили народам, располагающим большими площадями, пригодными для земледелия и разведения многочисленного поголовья скота, кормиться самим, но и возложили на них заботу об экономических потребностях всего человечества.

Глава V

ИЗОБРЕТЕНИЯ И РЕМЕСЛА

В «Фаусте» Гёте говорится, что «в тайны природы не может проникнуть ни одно наделенное умом творение создателя», — но эти слова теперь уже, очевидно, неверны. Возможность в наши дни запечатлевать на фотографии рост клеточки и наши недавние открытия и сведения о движущих силах мироздания позволили нам раскрыть некоторые основные тайны природы.

Разница между прежними эпохами и современностью заключается в том, что в настоящее время человек ведет планомерные научные исследования, стремясь господствовать над силами природы. В прошлые времена, напротив, природа была всемогущим господином и учителем человека, знания и навыки которого были плодом его наблюдений над явлениями окружающего мира. Человек же был лишь учеником окружавших его более могущественных сил природы. Но и тогда уже деятельность его мозга давала ему такое духовное и материальное преимущество, которое было совершенно недоступно для его собратьев из мира животных и благодаря чему он по праву мог носить название *homo sapiens* (разумный человек).

Правда, животные тоже дают доказательства поразительного ума. Так, например, видели слонов, которые срывали хоботом ветви и отбивались ими от преследовавших их собак. Всем хорошо известно строительное искусство бобров, этих хитроумнейших архитекторов, мы знаем также, что один из видов маленькой американской осы пользуется в качестве настоящего орудия галькой, которой оса заботливо утрамбовывает слой земли, прикрывающей ее яйца. Но можно ли считать эти проявления ума у животных результатом последовательного мыслительного процесса? Является ли остроумное использование природных материалов доказательством подлинной изобретательности?

Животные, как бы умны они ни были, пользуются материалами в том самом виде, в каком их создает природа. Животные не в состоянии изготовлять из них орудия, которые после обработки приобретали бы новые формы и создавали бы новые возможности для их применения. Животные могут быть потребителями продуктов природы, но они не могут быть изобретателями.

Человек же со времени ледникового периода научился превращать найденные им необработанные материалы в орудия, которые позволили ему повысить уровень жизни и поставили его над животным миром.

До нас не дошли имена древнейших изобретателей. Мы не знаем, кто были предшественники Аристотеля, Вольта, Эдисона или Рентгена, и уж, конечно, первый каменный топор, первая плетеная корзина, первый ветровой заслон или первый меховой плащ были результатом творчества не какого-нибудь одного человека. Все эти изобретения были звеньями одной цепи, которая выковывалась путем постепенного усовершенствования опыта многих поколений неизвестных изобретателей, все они были плодом многих, самых разнообразных комбинаций. Было бы ошибочно полагать, что каждый доисторический человек был гением и обладал даром самостоятельно создавать любой необходимый ему предмет. Ничего нет бессмысленнее поговорки: «Нужда была матерью изобретения», потому что к решающим факторам, способствовавшим или мешавшим распространению технических знаний, относятся в первую очередь климатические условия, психологическая готовность человека к восприятию новых идей и миграция элементов культуры и народов. Нельзя было изобрести в джунглях лыжи и сани, а доменную печь — в Арктике, где нет железа. Как бы ни был велик гений бушменов, он был не в состоянии придумать склада для съестных припасов или ткацкого станка, а способ валяния войлока не мог быть изобретен в Австралии, точно так же, как идея гамака не могла, конечно, возникнуть у эскимосов. Хотя обладание всеми этими вещами способствовало бы обогащению культурного наследия соответствующих племен, однако природа не предоставила им на их территориях необходимого сырья для изготовления этих вещей или, что еще важнее, такое изобретение было бы совершенно чуждо их складу ума. Если бы даже этим народам и разъяснили необходимость обладать всеми этими искусствами и научили бы их такому мастерству, то они все равно быстро бы его забросили и позабыли подобно более отсталым пигмеям, которые смотрят свысока на своих земледельцев-соседей, высокорослых негров.

Самостоятельное изобретение какого-либо элемента культуры или заимствование изобретения из другой культуры требуют одинаковых предпосылок, а именно, чтобы соответствующий народ по своему складу ума был психологически подготовлен к восприятию этих изобретений. В противном случае изобретение не может быть ни создано самостоятельно, ни откуда-либо заимствовано. Разница между самостоятельным изобретением и заимствованием заключается только в том, что изобретение требует творческого мышления, а заимствование — восприимчивости. Эту разницу лучше всего можно проиллюстрировать несколькими примерами. Так, общий характер японской цивилизации вполне

подходил для восприятия некоторых элементов западной культуры, начиная с индустриализации и кончая современным оружием, в то время как, например, культуры бушменов и аборигенов Австралии или Огненной Земли в силу слишком большого своеобразия всего их жизненного уклада никоим образом не могли воспринять указанных выше элементов.

С другой стороны, примитивные народы заимствовали некоторые культурные блага цивилизации, не уразумев их подлинного назначения. Так, например, в Африке английскую булавку часто носят вместо ушного украшения, а граммофонная пластинка воспринимается как материализованный хор духов. В искусстве многих примитивных народов циферблат часов европейца фигурирует в качестве декоративного орнамента. Важное значение имеет также научно установленная, главным образом Норденшельдом, разница между изобретением и изменением (модификацией) при заимствовании того или иного элемента культуры. В то время как изобретение представляет собой нечто новое, модификация является лишь усовершенствованием того, что уже существует.

Часто бывает очень трудно, если не невозможно, установить — где было сделано то или иное раннее изобретение. Ведь многие элементы культуры настолько широко распространились по земле, что в настоящее время мы встречаем в самых различных частях света культурные центры, где почти совершенно одинаковы не только утварь, дома и орудия, но схожи и религиозные, этические и социальные институты, а также формы хозяйства.

Большинству технических достижений нашей современной цивилизации предшествует непрерывная цепь изобретений, начало которой скрыто в глубокой древности. Хотя многие древние технические изобретения были усовершенствованы благодаря современным достижениям техники, существует еще множество предметов обихода, которыми и по сей день пользуются в том же виде, в каком ими пользовались тысячелетия назад. Значительное число этих орудий и утвари служило первобытным народам задолго до того, как о них узнали европейцы.

К открытиям, которые были сделаны индейцами Северной и Южной Америки до прибытия туда завоевателей, Норденшельд относит в первую очередь знакомство и употребление в пищу таких растений, как маис, маниока, картофель, подсолнечник, артишоки и бобы. Кроме того, индейцы занимались разведением ламы, альпаки, мускусной утки и индюка. Им были известны хлопок и кокаин. К их изобретениям нужно отнести гамак, резиновый мяч и способ изготовления водонепроницаемых веществ. Они приготовляли также яды, вроде знаменитого кураре, и во время военных походов применяли отравляющие вещества в виде паров кайенского перца.

Задолго до того, как Куэ открыл метод самовнушения, знахари джунглей излечивали подобным способом своих пациентов. В то время как еще на рубеже XIX и XX столетий у наших хирургов гибло при трепанации черепа девяносто процентов оперируемых, североафриканские врачеватели уверенно вскрывали черепа своих пациентов, не зная при этом почти ни одного смертного случая. То же можно сказать и о кесаревом сечении. За несколько столетий до того, как Вагнер-Яурегг получил нобелевскую премию за свой метод лечения сифилиса малярией, восточноафриканские знахари посылали своих больных сифилитиков «в болота», где те заболевали лихорадкой.

В Африке задолго до века электричества пользовались телефоном из тыквенных чаш и крысиных шкурок, а эскимосы до сих пор сносятся по «телефону» с помощью обтянутых шкурами сосудов на довольно большие расстояния. Охлаждаемые воздухом башни на Бахрейнских островах, которые Марко Поло описал как «искусственные легкие в форме четырехугольных небоскребов», и по сей день принадлежат к древнейшим сооружениям. Наши современные очки-консервы, защищающие глаза от солнца и снега, имеют своих предшественников в вырезанных из кости защитных приспособлениях для глаз, которые делают эскимосы и индейцы Арктики. В Меланезии, Полинезии и Южной Америке до сих пор употребляют тканые козырьки для глаз, в то время как в Тибете с этой же целью носят тонкие войлочные покрывала в виде наглазных повязок.

В наши дни всевозможнейшие предметы обихода, сделанные из всех видов сырья, какие только можно себе представить, свидетельствуют о нынешней роскоши. Однако обилие изделий подобного рода стало возможным лишь благодаря усилиям сотен живших до нас поколений ремесленников с их изделиями из камня, дерева, костей, растительных волокон и звериных шкур. Поэтому представляет интерес знакомство с хотя бы только важнейшими из примитивных методов производства, при помощи которых были созданы многие вещи, совершенно необходимые, с точки зрения современного культурного человека.

Рассматривая коллекции в этнографическом музее и находясь в окружении массы самых разнообразных предметов из различнейших материалов, не-специалист обычно задает вопрос: «Какие же ремесла и какие виды сырья являются древнейшими в истории человеческой культуры?»

Тот факт, что в силу особо благоприятных обстоятельств некоторые предметы культуры сохраняются в неприкосновенности целые тысячелетия, часто заставляет нас предполагать, что именно они-то и являются самыми древними. Мы нередко забываем, что важнейшие формы проявления человеческой жизни и бо́льшая часть предметов материальной культуры обречены на то, чтобы вновь обратиться в «прах», — будь то тело самого

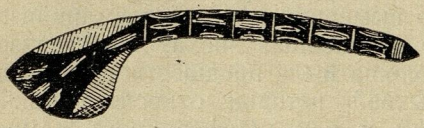
homo sapiens или предметы его обихода, изготовленные из растительных волокон, животных материалов или других бренных веществ. Задолго до так называемого каменного века на земле имелось изобилие дерева, которое так же, как и теперь, шло на изготовление более или менее недолговечных предметов. Наблюдая потомков доисторического человека, которые и сейчас еще живут в позднем палеолите, например австралийских собирателей и охотников или их недавно вымерших соседей тасманийцев, нетрудно прийти к выводу, что древнейшая эпоха, характеризовавшаяся обработкой дерева, должна была предшествовать позднейшим периодам. К первобытной истории относятся такие века, как железный, бронзовый и век шлифованного камня. Однако сейчас мы можем с достаточной уверенностью утверждать, что предшествовавшие им век тесаного камня и век дерева охватывают значительно более длительный период времени. Впрочем, это не означает, что в последующие периоды дерево было полностью вытеснено другими материалами. Как показывают предметы нашей современной материальной культуры, дело обстояло как раз наоборот. Мы хотим только сказать, что дерево было древнейшим из имевшихся в распоряжении человека материалов и что оно легче всего поддавалось обработке примитивными инструментами того времени.

Подобно тому как это наблюдается и по сей день во многих районах земли, в древнейшие времена преобладающим ремеслом было производство деревянных предметов. А так как при помощи имевшихся тогда инструментов нельзя было изготовлять цельнодеревянные предметы различного рода, то при сооружении таких крупных объектов, как ветровой заслон или лодка, большую роль играла легче поддающаяся обработке кора. Инструментами служили раковины, зубы животных, кости и камни. Экскурсия по этнографическому музею дает возможность ознакомиться с поразительными результатами, которых при помощи таких же примитивных средств и поныне еще добиваются некоторые отсталые народы, не знающие ни металлических резцов, ни гвоздей.

Многие построенные примитивными народами, в том числе и достигшими несколько более высокого уровня культуры, дома все еще скрепляются путем связывания столбов, кровли и других частей конструкции. Отличающиеся поразительной прочностью предметы из коры сшиваются сухожилиями или волокнами либо склеиваются клеем или мастикой. Большие полости барабана или лодки-однодеревки выдалбливаются из древесного ствола или выжигаются огнем.

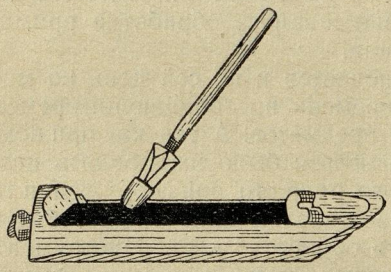
Как мы уже видели, палка-копалка — это неотъемлемое орудие собирателей и охотников — принадлежит к древнейшим человеческим орудиям. Она представляет собой или вилообразный сук, или заостренную внизу, обожженную на огне палку. От нее же ведет свое происхождение охотничье оружие — деревянное

копье. Обожженное на огне острие такого копья часто бывает настолько твердым, что по прочности превосходит даже каменные или металлические острия. Азиатский способ предварительного вымачивания бамбукового копья в масле с последующей закалкой его в горячей золе дает острия, не уступающие по твердости металлическим. И по сей день в освободительных войнах на крайнем юго-востоке Азии употребляются такие бамбуковые копья, которые с успехом конкурируют с современным оружием ближнего боя.

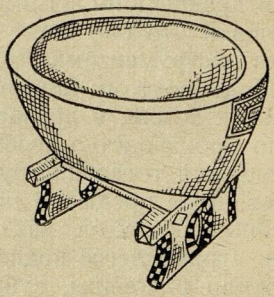


Палица лиль-лиль (*западная часть Нового Ю. Уэльса, Австралия*).

Щит возник из палки, поднятой кверху, чтобы отбить удар при самообороне. В ходе последующего развития щитам придавали самые разнообразные формы, делая их из самых различных материалов, о чем, например, свидетельствуют кожаные африканские щиты. Различные формы принимает и оружие в виде деревянной палицы, встречающейся у всех первобытных



Деревянное корыто для толчения листьев кассавы (*Западная Африка*).

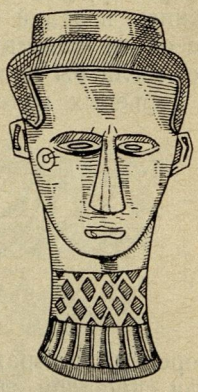


Деревянная миска для еды (*о-в Трук, Каролинские о-ва*).

народов во всех видах, какие только можно себе вообразить, начиная с простого сука или корневища и кончая великолепными океанийскими палицами для обрядовых танцев, расписанными и украшенными резьбой, кисточками, бахромой и перьями. Даже у австралийцев имеются прекрасно вырезанные палицы, богато украшенные рельефным узором. Их возвращающаяся палица, или бумеранг, основан на применении сложного физического закона винта: концы обеих лопастей бумеранга, выгнутые в форме серпа, лежат в разных плоскостях.

Большинство примитивных предметов домашнего обихода почти ничем не отличается от наших, разве только тем, что часто они бывают тщательнее отделаны и имеют более красивые формы. Особенно это верно в отношении столовых и разливательных ложек, сосудов для питья, тарелок и мисок. Для еды

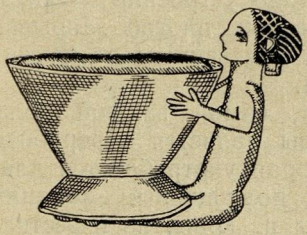
употреблялись даже деревянные вилки, хотя они были распространены лишь в определенных областях и в большинстве случаев являлись обрядовыми предметами. Так, типичная океанийская трехзубая вилка применялась каннибалами только для человеческого мяса. В домашнем хозяйстве калифорнийского племени юрок встречаются чаши для ополаскивания пальцев, подносы и красивые ящики из красного дерева. Почти во всех частях земного шара можно найти самые разнообразные головные скамейки, скамейки для сиденья и хранилища для припасов. Искусно вырезанные сандалии африканского племени тикар во многих случаях бывают элегантнее и красивее нашей пляжной обуви. Великолепно отделанные столбы домов, танцевальные маски, барабаны, деревянные миски и застежки для одежды в Полинезии также делаются без металлических инструментов с помощью одних только раковин, крупной рыбьей чешуи, песка и пемзы.



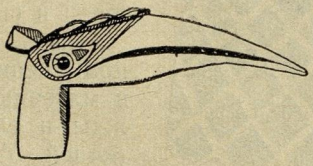
Деревянный кубок в форме головы (*Южное Конго*).

Африканские народы еще задолго до появления европейцев освоили искусство изготовления железа. Образцы их прикладного искусства — миски, столбы домов, изображения богов и троны вождей — находятся на грани такого совершенства, что белые посещают художественные школы этих диких племен, чтобы изучить их мастерство и научиться им подражать.

Хотя техника обработки дерева и усовершенствовалась у высококультурных народов, особенно благодаря изобретению



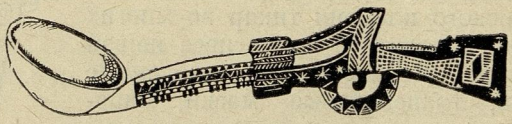
Деревянная миска для еды (*Южное Конго*).



Резной деревянный крючок для платья (*Океания*).

рубанка и искусству соединения отдельных частей дерева, в принципе она все же не изменилась. Деревянные западни первобытных народов, их луки и стрелы и многие другие предметы их культуры служили не только объектом подражания для современной промышленности, но и образцом для изделий, которые стали изготовляться позднее из других материалов.

Среди различных древесных материалов кора поддается обработке легче всего. Из коры был сооружен древнейший дом человека — ветровой заслон. Многие племена изготовляют из коры корзины и различные сосуды, и существуют обширные культурные области, где кора является важнейшим материалом. Так, например, у индейцев Лабрадора почти все предметы, за исключением изделий из кожи, для чего употребляются шкуры убитых на охоте животных, делаются из дерева и коры. Но и кожу они не могли бы получить, если бы у них не было деревянных саней и корьевых лодок. Почти вся их домашняя утварь делается из



Деревянный черпак (*Золотой берег, Африка*).

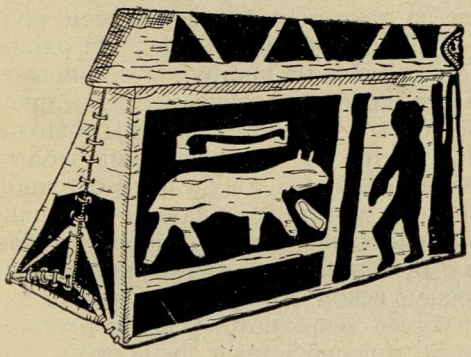
бересты, которая изящно выкраивается и сшивается. Орудием для сшивания служит зуб бобра, а нитью — тонкий кожаный ремень, сухожилия животных или волокна расщепленного корня ели. Посуда и вместилища делаются водонепроницаемыми при помощи кипящей смолы или рыбьего клея и украшаются скобленым орнаментом — чаще всего фигурами животных, мифическими символами, растениями или геометрическими рисунками. Цветовые контрасты украшений от бежевого до шоколадно-коричневого очень приятны на вид. Сгущенная черничная пастила, медвежий жир и знаменитый пеммикан надежно хранятся в прочных, весьма удобно устроенных берестяных коробах, снабженных плотно закрывающимися крышками для защиты от насекомых, грязи и сырости.

Корзина из коры (*о-в Батерст, Австралия*).

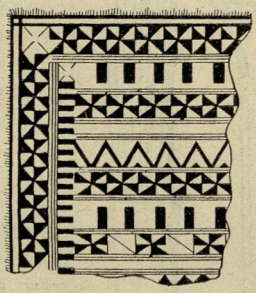
Быть может, самой важной областью применения коры является переработка ее в материю, которая употребляется для одежды и служит полноценным заменителем тканей. Материя из коры, не известная собирателям и охотникам, представляет собой признак более высокой культуры. Ее изготовляют в Африке и на Мадагаскаре, но главным образом — в Индонезии и Полинезии, где она известна под названием тапы [1]. Умение изготовлять материю из коры, повидимому, проникло из Океании в Северную и

[1] Тапа у народов Океании выделывалась, собственно, не из коры, а из камбия, то есть луба (гибкого подкоркового слоя). — *Прим. ред.*

Южную Америку, а в Азии и Европе это искусство было известно еще в доисторические времена. Тапа изготовляется из коры деревьев с большим содержанием луба: хлебного, фигового или тутового. После обдирки коры со ствола дерева и размягчения ее, кору обрабатывают при помощи специальных дубинок или колотушек до тех пор, пока она не превращается в легкий и гибкий материал. Конечный продукт, то есть сама материя, часто бывает тоньше иной ткани. В Полинезии тапу украшают многоцветными, четко выполненными орнаментами, либо расписывая



Берестяной короб для пеммикана, украшенный выскобленным орнаментом (*индейцы монтанье-наскапи, Лабрадор*).



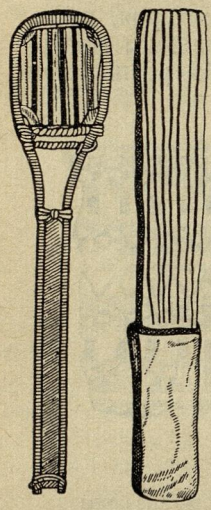
Тапа, материя из коры (*о-ва Фиджи*).

ее красками, либо отпечатывая узор с помощью деревянных или бамбуковых штампов. В Африке при выделке тапы в качестве колотушек часто употребляют кусок слоновой кости, а для раскраски — растертое в порошок красное дерево. Индейцы северо-западной части Америки отдирают кору от кедров с помощью костяных орудий и обрабатывают ее костяными колотушками. Их великолепно разрисованные танцевальные покрывала в большинстве случаев изготовляются из кедровой коры, а спальные одеяла, изготовляемые из собачьего или козьего волоса, часто бывают переплетены лубяными волокнами.

Выделка тапы путем расплющивания лубяных волокон положила начало бумажному производству, изобретенному древними китайцами. Древнейшие сорта китайской бумаги состояли из смеси волокон тутового дерева и других растений. Сходной была и технология производства египетского папируса, изготовлявшегося из обработанных колотушками и проклеенных волокон тростника.

Наряду с деревом и корой человек уже в доисторические времена употреблял также в качестве своих орудий кости, рога и раковины. Целые доисторические эпохи получили свое название от особенностей употреблявшихся в то время костяных орудий.

Жир и краски хранились в сосудах, представлявших собою части костей. Челюстные кости пещерного медведя, с их большими зубами, применялись как весьма действенное орудие, и наконечники для гарпунов, шилья, скребла для шкур и иглы уже в доисторические времена изготовлялись из костей точно так же, как это и поныне делается многими современными первобытными народами.



Колотушки для изготовления материи из коры. *Слева*: из центрального Целебеса. *Справа*: с островов Санта-Крус.

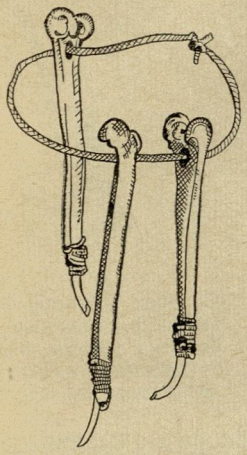
Австралийцы употребляют костяные шилья для изготовления корзин из спиральных жгутов, на островах Санта-Крус шьют иглами, сделанными из свиных ребер, и на всем пространстве от Лабрадора до Калифорнии одним из важнейших рабочих инструментов является скребло для шкур, изготовляемое из бедренных костей убитых на охоте животных. Ножи из бедренных костей обезьян с заячьими зубами вместо лезвия обычны в джунглях Восточной Боливии. Такого же типа ножами с деревянными ручками и клинками из бобровых зубов вооружены охотники канадских охотничьих племен. С течением веков эти орудия почти не изменились и по сей день употребляются в таком же виде, как и в первобытные времена.

Уже так называемые ручные рубила нижнего палеолита (обработанные путем оббивки куски кремня миндалевидной, овальной или дискообразной формы) представляют собой настолько хорошо обработанные орудия, что мы должны рассматривать их как результат длительного периода развития. Слово «палеолит» является не чем иным, как производным из греческих слов: παλαιός (древний) и λίθος (камень), — словом, означающим «древний каменный век», в то время как «неолит» (или новый каменный век) уже в своих древнейших формах характеризовался, как мы это видели [1] ранее, так называемой земледельческой культурой валикового топора, причем в период мотыжного земледелия для обработки земли употреблялась мотыга с уже шлифованным лезвием.

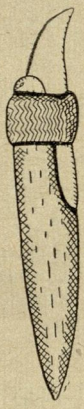
Древнейшие из неполированных каменных орудий отличаются чрезвычайным многообразием форм раковистых отщепов. И сейчас еще по их форме легко установить, для чего они предназначались. Так, мы без труда различаем самые разнообразные скребла для шкур, проколки, ножи и другие орудия, деревянные ручки которых, конечно, не могли сохраниться в течение тысячелетий. Каменные наконечники для стрел относятся к более

[1] См. стр. 109.

позднему времени. Каменными ножами и сейчас еще пользуются многие племена эскимосов и индейцев. Такие ножи либо изготовляют из одного куска с концом, отполированным для захвата рукой, либо прочно скрепляют каменный клинок с деревянной рукояткой. Так, индейцы Калифорнии употребляют кварцевые или обсидиановые ножи первого вида для снятия шкур с убитых



Костяные ножи индейцев сирионо (*Восточная Боливия*).



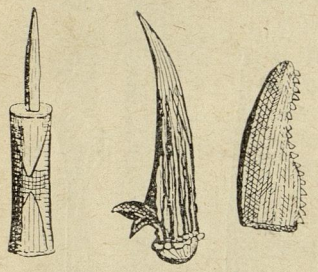
Нож для раскалывания кокосовых орехов с лезвием из куска раковины тридакны и деревянной рукояткой (*Меланезия*).

Нижнепалеолитический деревянный наконечник копья, найденный в Клактон-он-Си.

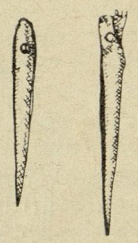
Палеолитический костяной кинжал.

на охоте крупных животных, в то время как более мелкими каменными клинками с деревянными рукоятками пользуются в домашнем хозяйстве. Древние ацтеки для человеческих жертвоприношений пользовались каменными ножами из обсидиана. Об этом древнем обычае до сих пор еще напоминают каменные ножи, применяемые многими народами при обряде обрезания. При археологических раскопках в Южной Америке были найдены каменные топоры. У современных нам первобытных народов и теперь еще встречаются каменные пилы, в точности похожие на пилы, обнаруженные при раскопках доисторических свайных построек в Швейцарии. Такие пилы состоят из деревянного основания с вставленными в него каменными осколками. Даже высококультурные народы Индии до сих пор пользуются каменными сверлами. Каменные топоры первобытных народов соединяются с деревянной рукояткой при помощи мастики или смолы и привязываются к рукоятке шнуром.

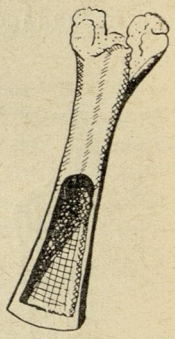
На еще одну важную область применения камня в домашнем хозяйстве указывают ступки и зернотерки, употребляемые первобытными народами всего мира. Основанием зернотерки служит большой плоский камень, по которому двигают меньший круглый



Костяные орудия огнеземельцев.



Неолитические костяная игла и костяное шило.



Скребок для обработки шкур, сделанный из бедреной кости карибу (*индейцы монтаньенаскапи, Лабрадор*).

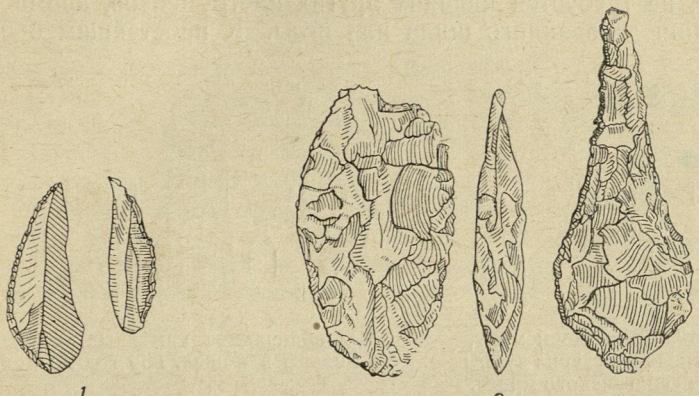
камень, предназначенный для растирания или размалывания зерен или овощей. Такого рода каменные ступки и зернотерки употребляют как народы-собиратели урожая в Северной Америке, так и земледельческие племена Африки и Океании.

Обсидиановый нож для человеческих жертвоприношений (*Мексика*).

Многие народы изготовляют также из камня предметы украшения. Так, туареги и племена Западного Судана носят браслеты из черного мрамора чрезвычайно красивой и правильной формы. Необычайным великолепием отличаются также церемониальные палицы океанийцев. Изготовляемые из базальта, нефрита и полудрагоценных камней, часто украшаемые разными узорами, они являются символом власти вождя. Скипетры маори из темнозеленого нефрита принадлежат к наиболее художественным образцам, представленным в наших музеях.

Каждого, кто рассматривает этнографические коллекции, поражает чистота и красота форм сплетенных первобытными народами вееров, сумок и корзин, которые часто намного превосходят наши современные изделия. Хотя искусство плетения из растительных волокон известно во всем мире, все же лучшие образцы его дают Африка и Океания. В арктических же районах

из-за отсутствия необходимого для плетения растительного материала местное прикладное искусство часто находило иные формы выражения.

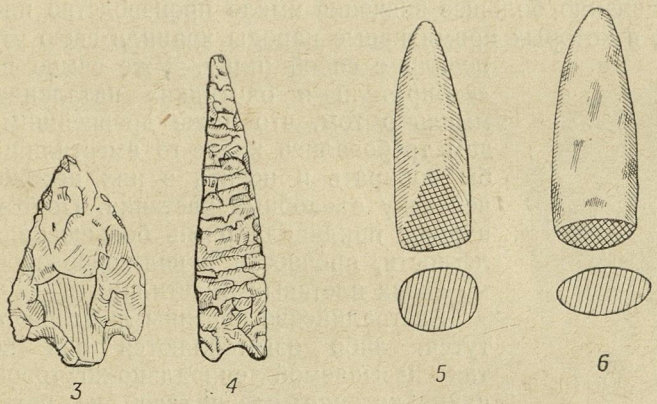


1 — Верхнепалеолитические ножевидные пластинки.

2 — Нижнепалеолитические ручные рубила.

НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ОРУДИЯ ТРУДА



3 — Нижнепалеолитические.
4 — Верхнепалеолитические.

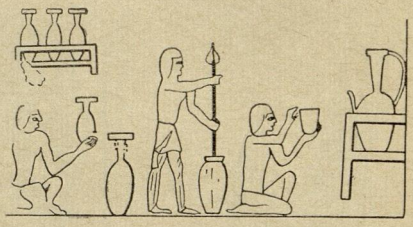
5 — Цилиндрический топор.
6 — Валиковый топор.

Искусство плетения принадлежит к древнейшим ремеслам человечества, и мы можем с точностью проследить последовательные ступени его развития. Из простого сплетения пальмовых листьев, лубяных волокон и стеблей травы в конечном итоге развилось ткацкое искусство со всеми его различными видами тканей, изготовленных на ткацком станке. В то время как искусство плетения было распространено во всем мире, ткацкий станок

появился только в период расцвета земледельческих культур как признак более высокой ступени цивилизации.

Для изготовления вместилищ, цыновок, сит и других предметов, изготовляемых из симметрично сплетаемых растительных волокон, не требуется никаких других инструментов, кроме костяного или деревянного шила или иглы. К простейшим образцам

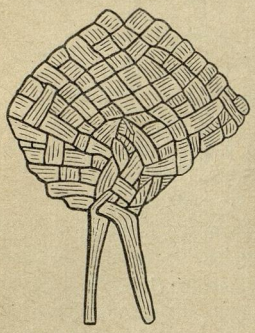
Женщина племени мору, растирающая зерна дурры или негритянского проса.



Выдалбливание каменных сосудов. Рельеф в Фивах, 650 год до н. э.

такого рода искусства принадлежит сплетенный из отдельных волокон одного перистого пальмового листа веер, который пользуется большой популярностью в Океании и Южной Америке.

Несравненно большее значение имело производство плетеных коробок, в которых примитивные народы хранили свою утварь и носили с собой пищу. Уже самое понятие «собиратели и охотники» наталкивает на мысль о том, что даже древнейшим народам требовались какие-то вместилища, чтобы собирать и носить в них необходимые человеку съедобные растения. Поэтому эти народы придавали очень большое значение легкости, прочности и целесообразной форме своих плетеных вместилищ.

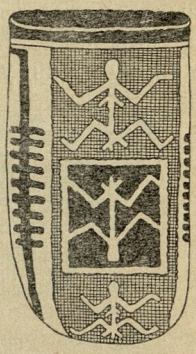


Плетеный веер из листьев кокосовой пальмы (*о-ва Санта-Крус*).

Австралийские корзины либо просто плетутся, либо изготовляются при помощи так называемой спирально-жгутовой техники, которая развивалась из петельного плетения. Жгут, сделанный из тростника или травы, оплетается лубяными волокнами, и отдельные жгуты затем сшиваются. Большинство корзин для собирания снабжается длинными шнурами с тем, чтобы их можно было вешать через плечо, оставляя руки свободными для палки-копалки. Некоторые австралийские племена, например туземцы земли Арнгем, украшают свои плетеные корзины фигурками людей или животных (главным образом ящерицами, крокодилами

и игуанами), сделанных в стиле типичного для них искусства «рёнтген».

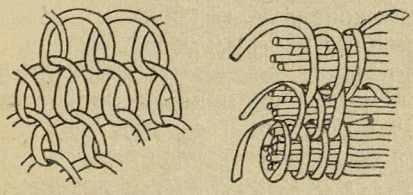
Африканские бамбути (вамбутти) плетут корзину сразу же после того, как убьют животное, на которое они охотились, для того чтобы отнести домой его мясо. Как указывает Дж. Дэвид, это делается следующим образом: «Если вамбутти нужно разрезать дичь на куски и унести ее, он тут же на месте делает себе корзину, взяв за образец конструкцию своей круглой хижины. Когда это маленькое плетеное сооружение, в точности похожее на хижину и имеющее в высоту около одного метра, оказывается достаточно плотным, его вытаскивают из земли, опрокидывают, наполняют мясом и потрохами, и ноша бывает готова».



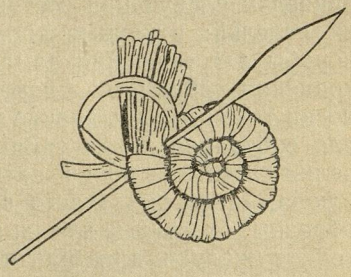
Плетеная сумка (*р. Аллигатор, Земля Арнгем, Австралия*).

Как указывает Гузинде, яганы (Огненная Земля) знают четыре способа плетения корзин, каждый из которых имеет особое название.

У американских индейцев искусство плетения корзин достигло высокого совершенства, так что они часто плетут даже такие предметы, которые другими народами изготовляются из дерева или глины. Они до сих пор еще пользуются плетеными тарелками, мисками, детскими люльками, горшками для варки пищи и сосудами для воды. В частности калифорнийские индейцы, чье искусство плетения Кребер считает «развитым до высшей степени ремеслом», плетут домашнюю утварь и сосуды, отличающиеся красивыми формами, гладкостью и прочностью; эти предметы бывают



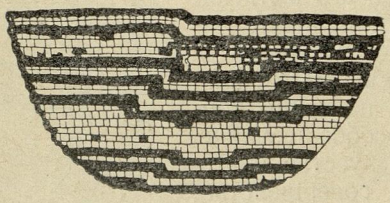
Плетение петлями (*Огненная Земля*).



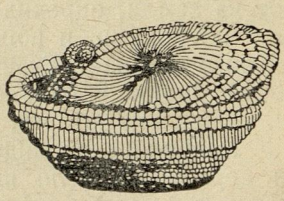
Образец плетения жгутовым способом и шило.

нередко украшены геометрическими орнаментами и выглядят очень красиво благодаря применению различных красящих материалов. В то время как индейцы северной Калифорнии — юроки и их соседи — почти совершенно отказались от древней техники спирально-жгутового плетения, все корзины племени

майду (Южная Калифорния) плетутся именно этим способом. Материалом для плетения всегда служат жгуты, состоящие из трех очищенных от коры ивовых прутьев, либо неочищенных веток красного дерева. Орудием для сшивания жгутов служат костяные шилья или деревянные иглы. Корзины майду бывают обычно двухцветными (сочетание коричнево-красного и белого цветов) и могут вполне соперничать с изделиями других калифорнийских корзинщиков, хотя они и не так красивы, как плетеные изделия племени помо. Одним из их наиболее интересных орудий является плетеная из ивовых прутьев колотушка для семян, которая у этих народов-собирателей урожая играет очень



Плетеная корзина (*индейцы юки, Калифорния*).



Корзина с крышкой (*йоруба, Африка*).

важную роль при обработке собираемых ими дикорастущих семян и плодов. К излюбленнейшим предметам обихода калифорнийских индейцев принадлежат плетеные тростниковые цыновки. Они служат в качестве подстилок для сиденья, постелей, кровельных покрытий и дверных занавесок.

Чтобы дать хотя бы только приблизительное представление о многообразии плетеных изделий калифорнийских племен, мы приведем следующий составленный Кребером перечень основных их изделий: кухонные корзины для желудевого пюре, высокие коробы для хранения домашней утвари, огромные корзины для хранения собранных плодов, остроконечные корзины для переноски тяжестей, маленькие украшенные пестрым узором корзинки для собирания диких семян, колотушки для семян, блюда и тарелки самой различной величины, маленькие орнаментированные блюда, табакерки (часто с крышкой из кожи серны), воронкообразные корзины для хранения каменных ступок, в которых толкут желуди для приготовления муки, корзины, с которыми исполняют танцы, женские шляпы, приспособления для ношения маленьких детей. Но этот список далеко не полон и его можно было бы значительно увеличить, перечислив плетеные изделия, изготовляемые, например, племенами помо, юроки и лассик.

Другие племена американских индейцев, например апачи, плетут очень прочные и тонкие корзины, которые обладают почти абсолютной водонепроницаемостью даже без последующей

обработки. Для изготовления их женщины апачи собирают ивовые прутья, которые замачиваются в воде для придания им большей гибкости. После этого их расщепляют вдоль, дочиста отскребывают и сплетают в корзину кругообразно на каркасе из твердых жердочек. Небольшие оставшиеся отверстия заплетаются по большей части тонкими полосками из кожи серны. Готовое изделие представляет собой большой короб для припасов с широким отверстием. Плетеный кувшин для воды, или *тус*, емкостью около десяти литров, перед употреблением смазывается снаружи и изнутри разогретой кедровой смолой.

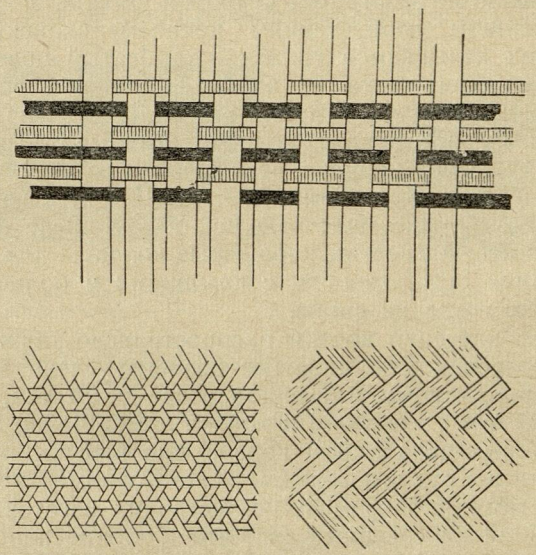
К важнейшим изобретениям южноамериканских индейцев относится так называемое типити — трубчатый пресс для отжимания несъедобного сока из клубней маниоки, раздробленных для приготовления муки. Трубка эта сплетается из диагонально расположенных растительных волокон, которые стягиваются, если тянуть трубку за оба конца, в результате чего из мучной кашицы удаляется весь сок. Кроме типити на р. Шингу изготовляют еще множество других плетеных изделий, в том числе большие корзины из пальмовых листьев, крошечные колчаны для стрел, веера для раздувания огня, коробки с крышками и большие корзины для переноски груза на спине.

Искусство плетения корзин распространено также в Индонезии и на островах Океании, где известно очень много технически усовершенствованных видов этого искусства, начиная со спирально-жгутового способа и кончая чрезвычайно тонкой обработкой плетеных сандалий и корзин для переноски грузов. На островах Санта-Крус эти корзины богато орнаментируются, украшаются кистями и бахромой, искусство их изготовления достигает такой степени совершенства, что плетение напоминает тканую материю, хотя корзины и сплетены голыми руками. Эти изделия, столь же прочные, как и мягкие, плетут так называемым безузелковым способом. Океанийские повара плетут большие, похожие на палатки колпаки, которыми они накрывают огонь, если внезапно начинает идти дождь. Такой же тонкостью работы отличаются и прославленные цыновки, изготовляемые этими народами для сиденья и спанья.

Слава о высоком качестве африканских корзин разошлась по всему миру. Целые тома заполнены описанием их форм и орнаментов. Высокоразвитое мастерство и неисчерпаемая фантазия вызывает к жизни образцы, о многообразии которых лучше всего можно составить представление, попав в этнографический музей. К наиболее интересным образцам изделий такого рода принадлежат огромные, сплетенные из травы изгороди, корзины для носки тяжестей из мягких лиан, множество предметов домашнего обихода: миски, сита, лубяные тарелки и квадратные навесы, служащие для защиты от солнца спящих грудных детей. В Камеруне и других местах из густо сплетенных матов делают крыши,

и даже целые деревенские улицы огораживаются прочно сплетенными, как бы тканными стенами.

Еще одной важной областью применения растительных волокон является изготовление шнуров или веревок, которые играют важную роль в быту первобытных народов и употребляются для связывания различных материалов. Из шнуров делаются также сети и силки, а опорные столбы при постройке дома связываются с помощью скрученных растительных волокон. Волокна употребляются для изготовления веревок либо в их природном



Техника плетения (*Индонезия*). *Вверху*: рогожное плетение. *Внизу*: образцы корзиночного плетения.

состоянии, либо подвергаются сложному процессу гниения, благодаря которому связующий материал приобретает чрезвычайную прочность. Так, сети для ловли акул, изготовляемые туземцами островов Санта-Крус, достаточно прочны, чтобы удержать эту огромную рыбу.

В рассказанной нам Тессманом прелестной истории пангве говорится о том, что в силки и сети попадается так много зверей и рыб из-за беззаботности самих животных. Последние упустили случай уничтожить плантации человека, на которых произрастают растения, волокна которых идут на изготовление лёсок, силков и сетей. Племя тикар в Камеруне разводит специальный сорт конопли для выделки веревок, из которых вьются канаты и плетутся сети, а также хлопок в качестве сырья для тонкотканых передников и поясов, употребляемых для переноски тяжестей.

На изготовление веревок и плетений идет даже человеческий волос. Австралийцы плетут из волос человека и опоссума[1] пояса, нашейные и головные повязки, и если зять попросит у своей тещи волос для изготовления шнурков, то она не вправе отказать ему в этой просьбе. Жители Новой Каледонии украшают головные уборы своих вождей длинными шнурками из человеческих волос, в то время как обитатели Ассама украшают человеческими волосами свои копья. На островах Мельвиль (Австралия) из человеческих волос, переплетенных с перьями и растительными волокнами, делают пояса, браслеты и другие украшения, а воины вешают себе на шею шнурки из человеческих волос с желтыми шарами из перьев, которые они закусывают во время боя, подобно тому как современные боксеры во время схватки зажимают между зубами мундштук.

Все эти тканые и плетеные предметы создаются человеческими руками без всяких вспомогательных приспособлений, самое большее с помощью шила или иглы. Но для некоторых плетеных изделий требуются специальные приспособления: например, маленькая дощечка, при помощи которой ячейкам сети придаются необходимые формы и размеры, или специальная деревянная рама, на которой держится плетение во время работы. Такой рамой пользуются, например, лабрадорские наскапи при изготовлении своих замечательных спальных одеял из шкурок белого зайца, как бы связываемых из нарезанных косыми полосками смоченных меховых валиков. Готовое изделие представляет собой толстое, легкое и теплое покрывало, которое кажется сделанным из одного цельного куска, хотя на самом деле одеяло представляет собой огромную сеть из переплетенных друг с другом полосок.

Меховые одеяла калифорнийских майду по красоте далеко уступают одеялам из меха белого зайца, которые я видел на Лабрадоре. Индейцы майду связывают полоски меха в одну длинную полосу, которая пропускается между рядами вертикально натянутых на раму меховых полос по принципу штопки. Техника же лабрадорских индейцев значительно тоньше, так как они связывают свои меховые валики при помощи деревянной иглы в крошечные квадраты, которые, располагаясь близко один возле другого, образуют большое настоящее покрывало, чрезвычайно теплое благодаря имеющимся в нем невидимым воздушным отверстиям. Другие индейские племена Калифорнии плетут спальные одеяла из растительных волокон, подвязывая к ним для украшения перья.

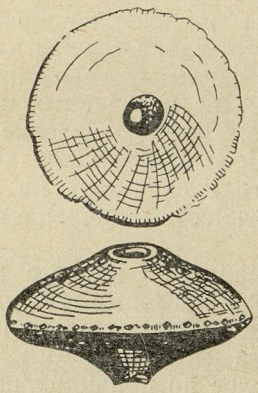
---

[1] Настоящие опоссумы (Falangista trichoglossus vulpecula) водятся в Южной Америке, а не в Австралии. В Австралии под этим названием известны виды кускуса. — *Прим. ред.*

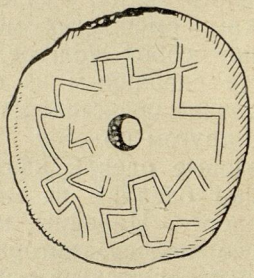
Все эти плетеные изделия отличаются симметрией, эластичностью и чистотой исполнения и представляют собой подлинные произведения прикладного искусства. Но настоящее ткачество могло возникнуть только при наличии более тонкой и длинной нити, которая должна была заменить короткие сплетаемые волокна или шнуры народов древнейшей культуры.

Потребность в длинной тонкой нити, равномерной по толщине, привела к изобретению нового орудия — веретена. Техника отделения, очистки и «трепания» растительного волокна была известна уже многим народам, но настоящее прядение требовало, по словам Хупера, «равномерного натяжения чесаных волокон и их сплетения в чрезвычайно тонкую или, наоборот, грубую нить». Этот же автор приводит следующее определение веретена: «Если к нити, которая прядется, подвесить снабженное наверху крючком и утяжеленное внизу деревянное приспособление, то можно добиться равномерного сцепления волокон путем непрерывного вращения утяжеленной палочки или, как принято называть это приспособление, веретена».

С переходом племен к оседлости веретено становится одним из важнейших орудий ремесла, и вполне оправдано утверждение, что изобретение земледелия и появление веретена как элемента культуры тесно связаны между собой. Уже древнейшие находки



Неолитическое пряслице из Кносса.

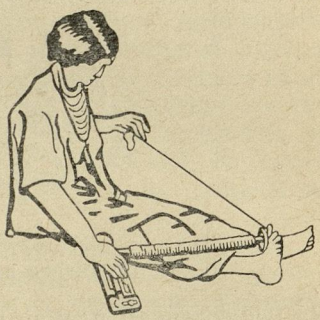


Доисторическое пряслице (*культура Сескло, Фессалия*).

показывают, что в домашнем обиходе доисторических земледельцев искусство прядения и тканья было делом общераспространенным. В самых нижних культурных пластах Анау были обнаружены глиняные пряслица, которые хронологически можно отнести, по крайней мере, к 3500 году до н. э. Такие же пряслица были найдены в развалинах Эриду, в так называемой культуре Сескло доисторической Греции, а также при раскопках критского неолита. Особенно много пряслиц и ткацких

грузил было найдено в местах бывших свайных поселений в Европе, где, несмотря на прошедшие тысячелетия, сохранились даже части ткацких станков, ткацкие рамы, прялки, а также куски тканых цыновок и льняных тканей. Применяемые и до сих пор примитивные веретена в точности похожи на веретена далекой древности, а также на веретена древнего Египта, Индии и Перу. Когда знатная перуанка выходила из дому, чтобы навестить свою соседку, то за ней всегда следовала рабыня, неся корзиночку с веретеном и другими принадлежностями рукоделия.

Как показывают факты, ткацкий станок, ведущий свое происхождение от техники плетения, также был изобретением женщины. Лишь начиная со времени более поздних культур, когда наметилось уже обособление ремесла, ткацкое искусство стало достоянием мужчин. Свою форму ткацкий станок заимствовал у рамы для плетения с ее параллельно расположенными нитями основы, через которые пропускается рабочая нить, или уток. И ныне еще жители Меланезии и население южноамериканских тропиков, так же как и многие североамериканские индейцы, ткут свои головные повязки и разного рода пояса на таких же простых рамах при помощи костяной или деревянной иглы для плетения сетей, которая была предшественником челнока.



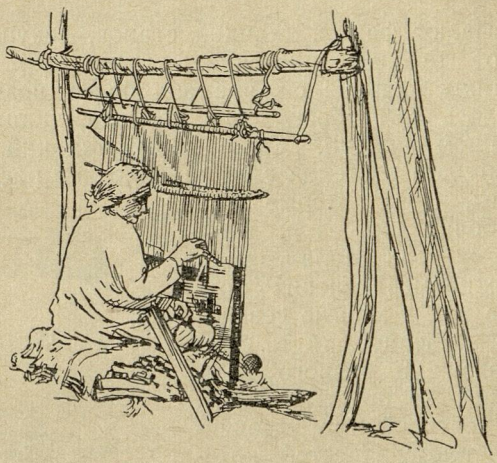
Прядущая индианка из племени чимане (*Боливия*).

Разновидностей примитивного ткацкого стана такое множество, что они могут дать материал для специального исследования. Этнографы Чэппл и Кун делят их по принципу механического действия на три основные группы: станок с одним деревянным брусом (навоем), подвешенным между двумя стойками; станок с двумя брусьями, имеющий подножку (в большинстве случаев горизонтальный), у которого основа натягивается между двумя неподвижно укрепленными брусьями; станок с двумя брусьями высококультурных народов древности; благодаря применению вращающихся валов (навоев) он позволяет изготовлять материи неограниченной длины. Этот третий вид обладает таким большим количеством усовершенствований, что его можно рассматривать уже как прообраз современного фабричного ткацкого станка.

Однако из древних ручных ткацких станков выходили настолько замечательные ткани, что многие из них значительно превосходят изделия современной промышленности. Поразительная

прочность и красота этих материй объясняется тем, что их изготовляли не спеша. Они замечательны своими древнейшими тканными орнаментами и удивительно нежными натуральными красками.

Распространение ткацкого станка сравнительно ограничено определенными районами, так как он появился на довольно позднем этапе развития человеческой культуры. Ткацкий станок остался неизвестен на всей территории распространения полинезийской культуры, высоко развитой во всех прочих отношениях.



Индианка племени навахо, ткущая ковер.

За исключением племен пуэбло и навахо, чьи тканые покрывала и одежда славятся по всему миру, ткацкий станок остался неизвестным североамериканским индейцам. Не знают его также и племена Южной Африки, степные народы Азии и арктические племена, которые заменяют ткани войлоком и шкурами животных.

Тот факт, что ткацкое искусство начало развиваться из искусства плетения, подтверждается перечнем древнейших употреблявшихся для тканья материалов. Это были по преимуществу растительные волокна — банановый луб, волокно крапивы, хлопок и конопля. Шерстяные ткани начали ткать намного позднее [1].

Лучшими африканскими ткачами являются тикары из Камеруна, чьи хлопчатобумажные набедренные повязки, окрашенные красным деревом, необыкновенно красивы. Вожди племени хаусса и их соседей носят великолепные пестро-полосатые длинные

[1] Нет никаких оснований предполагать, что прясть и ткать шерсть люди научились позже, чем стали обрабатывать растительные волокна; напротив, имеющиеся факты говорят скорее об обратной последовательности. — *Прим. ред.*

одежды, а хлопчатобумажные «фригийские» колпаки жителей Западной Африки отличаются необыкновенной тонкостью работы.

Из ткацких изделий меланезийцев (чьи плетеные спальные цыновки, а также цыновки, служащие даже единицей обмена, отличаются очень хорошей отделкой) следует упомянуть в первую очередь набедренные повязки, сотканные из банановых волокон и отделанные бахромой и кромкой с мережкой.

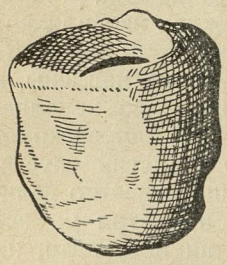
Ткани, которые создавали на своих станках древние высококультурные народы, представляли собой шедевры искусства и тщательной работы. Так, у перуанцев в эпоху, предшествовавшую Колумбу, их «солнечные девы» ткали предназначавшиеся для жертвоприношения богам туники и накидки, узоры которых воспроизводили целые легенды, изображающие демона-ягуара, зигзагообразную змею и т. д. На их древних одеждах изображены копьеметалки и стаи летящих птиц, а их рубашки, пояса и отделанные бахромой платки, остатки которых были найдены в доисторических могилах, отличаются такой тонкостью исполнения, что, по мнению Вегнера, во всех отношениях превосходят французские гобелены, изготовлявшиеся много столетий спустя. Благодаря находкам в Долине царей нам хорошо известно великолепие производившихся в Египте тканей и, несмотря на все современные попытки, нам так и не удалось ни превзойти, ни хотя бы скопировать китайскую камку, персидский бархат и коптские ткани «фротте́». А ведь все они были сотканы на ручном ткацком станке.

Однако вопреки всем новейшим открытиям, сделанным в современных лабораториях в области текстильного производства, самой дорогой тканью в течение многих столетий неизменно оставался шелк, ради которого люди рисковали и жертвовали жизнью, лишь бы выведать у китайцев хранимую ими в течение тысячелетий тайну его производства. В древние времена цари и высшее жречество облачались в знак своего достоинства в блестящие шелка, и до сих пор еще слова «чистый шелк» служат для выражения такой красоты и такого высокого качества, с каким не может сравниться ни современный нейлон, ни другие подобного рода ткани. Приблизительно за 200 лет до н. э. корейцы узнали способ разведения шелковичного червя, и вести о «божественной ткани» и сведения о технике ее изготовления стали медленно распространяться через Японию и внутренние районы Азии в Персию и Тибет. Лишь в VI веке н. э. при Юстиниане Византия ознакомилась с искусством шелкового производства, которое только после этого перешло к грекам. Ни одному первобытному народу не удалось открыть способ изготовления шелка. История шелка — это история народов высокой культуры.

Как мы уже видели, изобретение ткацкого искусства восходит к древним ремеслам — плетению и корзиночному производству.

Но от тех же первобытных ремесел произошло и еще одно важное древнее ремесло, которое было изобретено женщинами позже — искусство керамики, производство горшков и сосудов из глины. Хотя для плетения и гончарного дела необходимы совершенно различные материалы, способы изготовления изделий и в том и в другом случае очень сходны между собой.

Так, один из наиболее древних способов изготовления гончарных изделий — производство сосудов из глиняных валиков — непосредственно восходит к спирально-жгутовой технике плетения. Это, однако, не означает, что народы, знакомые с древнейшей техникой плетения, должны были уже знать этот вид гончарного производства. Как и ткацкий станок, гончарное дело впервые появилось у тех народов, которые уже освоили земледелие. У кочевых племен при их бродячем образе жизни, то есть на более ранней стадии развития хозяйства, не было ни времени, ни возможности развивать свои сведения в области керамики. К тому же, постоянно меняя место своего пребывания, люди просто не могли носить с собою хрупкие сосуды.



Грубовылепленный глиняный сосуд из кургана близ Лоди (*Калифорния*).

Существует целый ряд теорий, пытающихся так или иначе объяснить изобретение гончарного производства. Так, например, высказывалось предположение, что, быть может, оно произошло от обычая придавать водонепроницаемость плетеным сосудам с помощью обмазки их глиной и что пользование такими сосудами в непосредственной близости от огня навело человека на мысль изготовлять сосуды из одной только глины, без плетеного каркаса. Такое предположение может вполне соответствовать действительности. Но сейчас мы уже не в состоянии воссоздать точную картину зарождения гончарного производства. И если данная гипотеза может дать удовлетворяющее объяснение происхождения сосудов, сделанных из высушенной глины, то весьма сомнительно, чтобы подобным образом можно было объяснить возникновение глиняных сосудов, обожженных на огне. Такой крупный ученый, как Норденшельд, именует эту теорию попросту «чепухой». Он поясняет, что такие «случайно» обожженные, обмазанные глиной корзины должны были бы превращаться не в прочные глиняные сосуды, а в «груду черепков обожженной глины», и высказывает предположение, что умение смачивать и формовать гончарную глину в маленькие грубо слепленные сосуды должно было предшествовать возникновению способа налепа, применяемого при производстве больших сосудов.

Народы, занимавшиеся гончарным делом, выработали самые разнообразные приемы обработки глины в зависимости от

свойств имевшегося в их распоряжении сырья. Глина очищается, сушится и из нее при помощи просеивания удаляются инородные тела. Если глина слишком жирна, ее смешивают со связывающими веществами — песком, отрубями, золой, мелкими кусочками дерева или травы. Добавление к глиняной массе кусочков губки является специфическим изобретением южноамериканских индейцев. Когда «тесто» становится достаточно мягким и податливым, можно приступать к собственно гончарной работе.

По Плишке, в различных местах земного шара можно насчитать пять основных способов производства керамики, из которых четыре являются примитивными, а пятый следует относить исключительно только к высоким культурам.

Простейший способ заключается в изготовлении из одного комка глины грубого сосуда, середина которого выдавливается, а наружные стенки формуются рукой. При этом для облегчения работы внутрь сосуда часто кладется камень. Таким способом папуасы Новой Гвинеи изготовляют значительную часть своих сосудов; впрочем они знакомы и с иной техникой гончарного производства.

При спирально-жгутовой технике из глины изготовляют длинную колбасу, из которой сначала, свертывая ее спиралью, делают дно сосуда, а затем укладывают по спирали вертикально, пока сосуд не достигнет желаемой высоты. Вслед за этим внешние и внутренние стенки сосуда выравнивают камнем или деревяшкой. С этим способом сходен способ изготовления сосудов из нескольких глиняных колец, из которых каждое следующее бывает шире предыдущего, так что самое узкое кольцо образует дно, а самое широкое — верхний край сосуда. В заключение неровности внутренних и внешних стенок сосуда также сглаживаются.

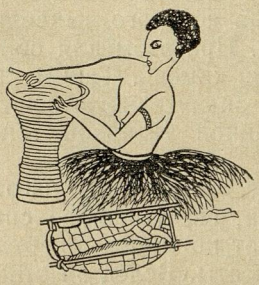
При четвертом способе лепки гончарной посуды сначала формуют круглое дно со свисающими вниз боковыми пластинами. Затем, медленно поворачивая сосуд, эти пластины отгибают вверх и соединяют вместе.

Пятый способ формовки керамических сосудов, характерный для высококультурных народов, основан на применении нового усовершенствования — гончарного круга. Гончарный круг, как и все колеса вообще, был революционным нововведением, так как основан на принципе, не имеющем своего прообраза в природе. Изобретение колеса является подлинным триумфом человеческого разума, потому что ни колесо, ни вращающийся круг не копируют никаких природных явлений, наблюдаемых человеком. В Египте гончарный круг был известен уже в начале третьего тысячелетия до н. э.; критские ремесленники пользовались им уже в древнейшие периоды бронзового века. Знали гончарный круг также и во многих районах Индии. В Европе — во Франции и Германии — он появился впервые за 500 лет до н. э. Что

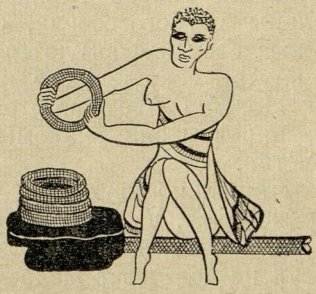
же касается коренного населения американского континента, то оно так и не знало гончарного круга вплоть до прибытия туда европейцев.

Изделия примитивного гончарного промысла обжигаются на открытом огне и нередко украшаются нацарапанным орнаментом или росписью. Глазурь также принадлежит к изобретениям уже высококультурных народов.

Некоторым западноафриканским племенам известен очень интересный способ орнаментировки глиняных сосудов. Они вырезают геометрический орнамент с острыми гранями на деревянной палочке, которую затем прокатывают по мягкой верхней поверхности глиняного сосуда, так что узор равномерно на ней



Спирально-жгутовая техника изготовления гончарных изделий (*юго-восточный берег Новой Гвинеи*).



Изготовление сосуда из глиняных колец (*племя байла, Северная Родезия*).

отпечатывается. Для получения более сложного узора деревянную палочку вдавливают в сосуд крест-накрест. В Камеруне орнаментируемые таким образом горшки и миски сначала сушат несколько часов на воздухе, а затем в течение ночи обжигают на огне. Эти керамические изделия отличаются большой красотой и прочностью. В Западной Африке глиняные сосуды делают самых различных размеров — от маленькой миски до огромного круглого горшка для варки пищи.

В Северной Америке хорошие гончарные изделия изготовляют только индейцы пуэбло. Однако за последнее столетие их мастерство сильно деградировало. Древние крашеные керамические изделия, найденные в покинутых поселениях племени хопи, представляли собой произведения искусства; часто они бывают украшены замечательно эффектным черным орнаментом. У калифорнийских индейцев гончарное дело принадлежит к забытым ремеслам, и современные поколения индейцев вынуждены узнавать у находящихся еще в живых дедов о том, как делали глиняные сосуды, которыми они пользуются до сих пор.

Южноамериканские индейцы являются изобретателями сосудов с вогнутым краем. В местностях, бедных камнем, они изготовляли глиняные шаровидные сосуды, которыми пользовались для варки пищи вместо применявшихся ранее раскаленных камней. Эти племена выделывают также глиняные курительные трубки оригинальной формы. Впрочем, исследование курительных глиняных трубок, изготовляемых различными народами, заставило бы нас охватить весь мир, начиная с джунглей и кончая курительными комнатами старой Голландии.

Кувшин для воды *(Перу)*.

Совершеннейшие экземпляры гончарного искусства происходят из стран с высокой древней культурой, главным образом из Персии, Индии, Египта, Мексики и Перу. В гробницах Перу были найдены особенно замечательно сделанные кувшины для воды, которым часто придавалась форма человеческой фигуры подобно современным английским *«Toby jugs»* (пивным кружкам).

В археологии целые области различных культур получили свои названия по различным формам гончарных изделий. Если мастера эпохи палеолита, принадлежавшие к собирателям и охотникам, не имели возможности развивать гончарное искусство, то неолит — век древнейшего земледелия — уже изобиловал керамическими изделиями и три важнейших периода неолита получили свое название по преобладавшим формам гончарных сосудов. Мы имеем в виду неолитические культуры «шнуровой керамики», «колоколовидных или поясных сосудов», называемых также *vase a campana*, и культуру «ленточной керамики». Находки, иллюстрирующие эти культуры, были обнаружены главным образом в Центральной Европе, на Пиренейском полуострове, в Италии, Франции, Великобритании и в древних центрах дунайской культуры.

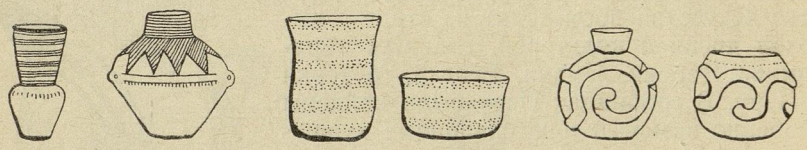
Однако даже в древнейшие времена из глины изготовляли не только посуду, но и человеческие фигурки, которые в Центральной Европе были обнаружены уже в так называемый ориньякский период. Неолит изобиловал статуэтками животных и людей (главным образом женскими фигурками), встречающимися параллельно с великолепно орнаментированными горшками, разукрашенными пряслицами, глиняными штампами и другими предметами обихода.

В древнеегипетских гробницах были найдены всевозможные изделия художественной керамики, назначением которых было служить мертвым в потустороннем мире. В Британском музее

можно видеть сотни таких изделий, в частности символические фигурки и амулеты, а также крошечные тарелочки, наполненные плодами и овощами.

Вершины своего развития гончарное искусство достигло, когда был открыт способ изготовления фарфора; это открытие представляет собой еще один вклад высокой китайской культуры в материальное богатство человечества. Историю фарфора можно проследить до VII века н. э. Изобретение фарфора явилось результатом стремления найти замену для дорогих тарелок и мисок

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ



Шнуровая керамика Колоколовидная керамика. Ленточная керамика.

из нефрита, изготовлявшихся в более древние времена. В самых ранних своих изделиях из фарфора китайцы старались по возможности имитировать форму и цвет этих изделий из нефрита. Поэтому древнейший фарфор был не белым, а имел зеленый, серый или голубоватый цвет нефрита. Посуда из тонкого и хрупкого фарфора приобрела особую ценность значительно позднее, тогда, когда на новый материал перестали смотреть как на имитацию нефрита и когда фарфоровая глина сама по себе стала рассматриваться как ценное сырье для изготовления из него высокохудожественных изделий.

Еще и сейчас самым ценным в мире фарфором считается фарфор, изготовляемый в мастерских Цзиндэчжэня (провинция Цзянси). Во все века фарфор почитался благороднейшим украшением стола. Во время второй мировой войны японцы, едва успев вступить в провинцию Цзянси, сразу же постарались вывезти из Цзиндэчжэня в качестве трофеев как можно большее количество художественных изделий; когда китайский народ вновь обрел свою свободу, правительство, чтобы отметить возрождение былой славы Китая, поручило художникам Цзиндэчжэня изготовить несколько особенно великолепных фарфоровых сервизов в честь праздника победы над разгромленными захватчиками.

Впрочем, для изготовления художественных изделий и предметов обихода человечество использует не только минералы и растения. Обогащению культурного наследия человечества в значительной степени способствовал также животный мир. Мы уже знаем, что скребла для шкур, ножи для их снимания и тому

подобные орудия принадлежат к предметам доисторической древности, и не подлежит сомнению, что умение снимать с животного шкуру и обрабатывать ее следует отнести к древнейшим трудовым навыкам человека.

Если самые примитивные племена еще не были знакомы с процессами дубления, промывания и протравки кож, то все же австралийцы, живущие в более холодных районах, делают меховые плащи из звериных шкур, которые они сшивают сухожилиями кенгуру. Грубые меховые плащи носят также и туземцы Южной Африки, а на Огненной Земле меховые плащи и спальные одеяла из шкур гуанако считаются предметами первой необходимости. Всевозможные звериные шкуры употребляются на изготовление множества всякого рода предметов и частей одежды на всем восточноафриканском побережье от южной оконечности континента и до лесов Экваториальной Африки, так что целые районы Судана могут рассматриваться как «кожевенные провинции».

Но если на всех континентах в обычае использовать шкуры зверей, то способы обработки шкур или кож у разных народов совершенно различны. Особенно больших успехов в этом отношении достигли пастушеские народы, но и арктические и субарктические охотники, а также племена Центральной Азии, прекрасно умеют обрабатывать кожи. Для изготовления более грубых изделий, как, например, сосудов для воды, покрытий для палаток, носильных мешков и т. п., мясо и сухожилия попросту отскребываются с внутренней стороны шкуры. Но если требуется более мягкая кожа для изготовления одежды, мокасинов, головных уборов и т. д., то тогда с кожи приходится удалять и волосы. Очистка производится при помощи каменных, костяных, шиферных или раковинных скребл, причем обычно это делается на бревнообразной подставке, после чего шерсть удаляется путем выдирания волос или размягчения кож в соответствующих растворах.

Для удаления волос кожи подвергают предварительной обработке. Способы такой обработки весьма многочисленны. В Африке кожи зарывают в землю вместе с золой или листьями, а в Калифорнии шкуры замачивают в растворе юкки или пальмовой лилии. Жители Арктики часто вымачивают кожи в моче — способ, который был известен также в Греции и Риме. После такой обработки волосы легко отделяются от кожи и их либо без труда выщипывают, либо, как это делают во многих районах Африки, сдирают при помощи трения о туго натянутый канат. Лабрадорские индейцы племени наскапи натягивают шкуру на вертикально установленную раму и соскребывают волосы бедреной костью медведя или зубом бобра.

Хотя искусство дубления кож при помощи солей, квасцов и других минералов изобретено высококультурными народами,

примитивным кочевникам также известно немало способов вымачивания и размягчения кож. Они втирают в сырую кожу рыбий жир, различные виды мхов, мозг или печень животного и затем размягчают кожу катанием, колочением, выжиманием и тому подобными способами. Все это более чем оправдывает слова старого исследователя Мэзона о том, что «при обработке кож у примитивных народов главным ингредиентом являются человеческие мускулы».

Не менее многочисленны и способы окраски выделанных кож. Чрезвычайно мягкая бархатистая кожа карибу, которую индейцы монтанье и наскапи употребляют для изготовления мокасин, приобретает после чистки и обработки белоснежный цвет. Для того чтобы обувь, сшитая из этой кожи, не загрязнялась бы сразу же, мягкие кожи сшиваются вместе в форме мешка и подвешиваются над ведром, наполненным тлеющими стружками. От этого кожа приобретает красивый светлокоричневый цвет. Черноногие индейцы окрашивают в темный цвет свои мокасины и кожаные гамаши, прокапчивая сырую кожу тлеющей дубовой корой. По цвету обуви это племя и получило свое название. Эскимосы умеют окрашивать кожу в красный цвет, разжевывая ее после очистки и размягчения вместе с соком пурпурной улитки. Индейцы омаха получают синюю окраску, смешивая кору белого клена с желтой охрой, тогда как индейцы прерий часто употребляют для изготовления красок для кож сок кактуса. Темнокрасная краска африканских племен хаусса и мандинго добывается ими из коры мангрового дерева [1].

Перечисленные здесь способы обработки касаются лишь выделки кож. Но существует и другое важное ремесло — производство войлока, которое связано с обработкой срезанных с кожи волос. Особенно важное значение имеет производство войлока для народов Центральной Азии и Судана. Высшей степени совершенства оно достигло в Тибете. Необходимый для производства войлока волос дает як, а недубленые кожи этого же животного идут на изготовление обуви, седел, упряжи и других предметов обихода. Для получения необходимого для производства войлока сырья тибетцы стригут живых животных. Волосы яка имеют на конце крошечные крючочки и после соответствующей обработки хорошо сваливаются. Чесаная шерсть расстилается, смачивается и крепко спрессовывается, в результате чего получается прочный и водонепроницаемый, похожий на ткань материал. Тончайшие сорта тибетского войлока тонки, как вуаль. Если при изготовлении зимних покрытий для палаток, подседельников, стелек для обуви, половиков и тому подобных предметов требуется более толстый войлок, то его спрессовывают из нескольких слоев.

---

[1] О мангрове см. прим. на стр. 163. — *Прим. ред.*

Любопытно, что большинство народов, занимающихся обработкой шерсти, не перерабатывает животное волокно в пряжу и ткани и что производство войлока значительно древнее искусства изготовления шерстяных тканей [1].

Таким образом, сырье для древнейших ремесел поставляли растения, животные и минералы. Но разум человека этим не удовольствовался и сумел обнаружить сокровища, скрытые в земле. Человек открыл медь и железо и проник в тайну золотоносного речного песка; в результате сплавления различных металлов были получены новые металлы, и среди девственной природы выросли доменные печи. Возникшая из этой новой области знания возможность изготовлять металлические орудия дала новый толчок унаследованному от более древних ступеней культуры мастерству и породила новые способы созидания и завоевания. Новые изобретения, новые отрасли промышленности и бóльшая независимость от капризов природы придали человеку новые силы и открыли перед ним новые возможности развития.

Железный век, одним из поздних периодов которого является наш век стали, начался в Европе приблизительно три тысячи лет назад, когда в область Средиземноморья проникло искусство получения железа. В Китае этот металл знали, как свидетельствуют официальные документы императора Яо [2], уже в 2357 году до н. э., а в Египте — даже в 2800 году до н. э., хотя там еще в 1600 году до н. э. на железо смотрели как на своего рода диковинку.

Несмотря на свой почтенный возраст железо представляет самую позднюю отрасль металлургии. Веку железа предшествовал век бронзы, возникший благодаря знакомству человека с медью.

Древнеегипетский золотоплавильщик.

Когда мы начинаем размышлять о металлических изделиях древнейших народов, наша фантазия рисует картину серебряных и золотых сокровищ, найденных в Египте, Уре, Боливии и Колумбии, и наша мысль останавливается на сказочных богатствах минувших царств и царей, чья великолепная утварь была обнаружена при раскопках в Долине фараонов, в Персии, Греции и Мексике. Хотя эти высококультурные народы древности и

[1] Это не совсем так. Простейшие формы ткацкого стана были знакомы всем известным нам кочевым скотоводческим народам не в меньшей степени, чем умение выделывать войлок. — *Прим. ред.*

[2] Император Яо — легендарная личность. В китайских исторических преданиях императорам Яо и Шуню приписываются идеальные качества государя, а их время изображается как своего рода золотой век. — *Прим. ред.*

обладали богатствами, каких не знает наша эпоха, не надо забывать, что их золотые сосуды и столовая посуда, их ожерелья, носовые и ушные кольца, изображения богов и прочие предметы роскоши отнюдь не были свидетельством общего высокого уровня жизни всех граждан этих народов, а представляли собой привилегию немногих избранных, сокровища которых создавались трудом бедняков. Ювелиры племен чибча, из чьих мастерских выходила серебряная и золотая утварь для дворцов богачей и которые умели украшать золотые маски и наряды своих заказчиков напаянной золотой проволокой, были так же бедны, как и рабы, добывавшие благородный металл из золотых рудников египтян.

Крылатый горный козел. Ручка серебряной вазы, IV век до н. э.

Однако всех этих шедевров искусства нельзя было бы создать, если бы не было необходимых для их изготовления инструментов. Древнейшими металлами, из которых делались инструменты, были медь и бронза. Бронзовый век начался в конце неолита, когда человек научился сплавлять медь и олово в новый сплав — бронзу — искусство, которое было известно на Крите еще в конце IV тысячелетия до н. э. Но так как выплавкой бронзы занимались во многих местах земного шара, в настоящее время не представляется возможным установить место, где она раньше всего появилась.

На плоскогорье Потоси, в районе древней Боливии, где выделывалась бронза, находилось пять тысяч плавильных печей. В Китае, в период династии Шан (1766—1122 годы до н. э.) [1] бронза изготовлялась уже в соответствии с правилами древней традиции. Извлеченные на поверхность земли из китайских гробниц тысячелетней древности, эти бронзовые изделия все еще сохраняют классическую патину, которой покрываются только совершенно чистые бронзовые изделия при соприкосновении с водой или воздухом, приобретая таким образом или «чистый синий цвет, подобный перьям зимородка», или «чисто зеленый цвет, подобный арбузной корке».

[1] Бронзовое литье было известно в некоторых странах Америки до появления европейцев. Больше всего бронзовых вещей найдено на плоскогорье Перу и Боливии, а также в соседних странах Андийской области. В собственно Центральной Америке бронза не была известна. Вопрос о том, знали ли бронзу древние мексиканцы, — считается спорным, однако новые исследования Поля Риве и Арсандо решают его в положительном смысле. (См. P. Rivet et H. Arsandaux, La métallurgie en Amérique précolombienne, Paris, 1946, pp. 14—19). — *Прим. ред.*

Все же, когда речь заходит о металлургическом производстве у примитивных народов, мы невольно обращаемся к Африке, так как со времен открытия «Черного континента» лучшие изделия примитивной металлургии были получены именно оттуда. Если мы станем рассматривать бронзовые браслеты, орудия и украшения, производимые теперь народами Адамауа, Нигерии и Того, то увидим, что все эти изделия являются лишь слабым отблеском совершенства, достигнутого некогда в африканскую эпоху техники *à cire perdue*, то есть отливок по восковой модели. Наилучшими произведениями этой эпохи были найденные в Бенинском дворце бронзовые рельефы и фигуры людей и животных. Судя по одежде европейцев, которых часто изображали с такими изделиями, эта западноафриканская промышленность, повидимому, достигла своего расцвета в XVI и XVII веках.

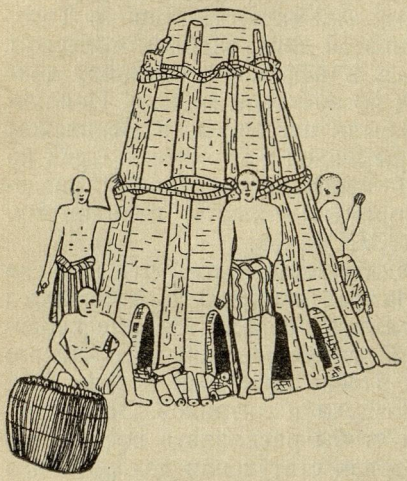
Техника литья *à cire perdue* заключается в том, что вначале изготовляют восковую модель фигуры, которую намереваются отлить (при отливке крупного предмета добавляется еще глиняное ядро) и затем покрывают модель слоем порошка из толченого кирпича или сернокислой извести. После просушки в этом слое просверливаются отверстия для воздуха и литников. Затем модель нагревают на огне, для того чтобы расплавить воск, и наполняют ее жидким металлом. Готовая статуя или декоративная пластинка не имеет никаких швов, затем ее тщательно отполировывают при помощи напильников, молотков и пунсонов. Для всех бенинских изделий характерен, кроме всего прочего, необычайно тонко выгравированный фон, состоящий по большей части из изображений растений или геометрических фигур. Как указывает Лушан, бенинская бронза вызывала зависть даже у величайшего мастера искусства *a cera perduta* эпохи Возрождения — Бенвенуто Челлини.

Но самой интересной отраслью африканской металлургии является все же производство железа. Хотя многим африканским племенам, включая бушменов и пигмеев, искусство железоплавильного дела неизвестно, следует думать, однако, что в Африке с ним познакомились, по всей вероятности, раньше, чем в Европе. Производство железа может по праву считаться достижением народов Африки. Правда, многие ученые все еще придерживаются взгляда, что знание железоплавильного дела проникло в Африку из Южной или Малой Азии, но такие выдающиеся исследователи, как, например, Лушан, настаивают на его африканском происхождении[1]. Как бы то ни было, мы, во всяком

---

[1] Теория африканского происхождения железной металлургии остается до сих пор чрезвычайно спорной. Ей противоречат факты, свидетельствующие о знакомстве народов классического Востока с железом уже в середине II тысячелетия до н. э., причем железо привозилось в Египет, видимо, из Малой Азии, а не из Африки. — *Прим. ред.*

случае, можем считать Африку классической страной примитивного производства железа. Африканские племена начали сооружать свои железоплавильные печи еще задолго до начала писаной истории. Но наличие железоплавильной печи отнюдь не являлось необходимым условием для получения железа у первобытных народов. Отдельные племена до сих пор еще плавят железную руду в горнах, похожих на первобытные земляные печи с нагревавшимися в них для варки пищи камнями.



Доменная печь (*Танганьика, Восточная Африка*).

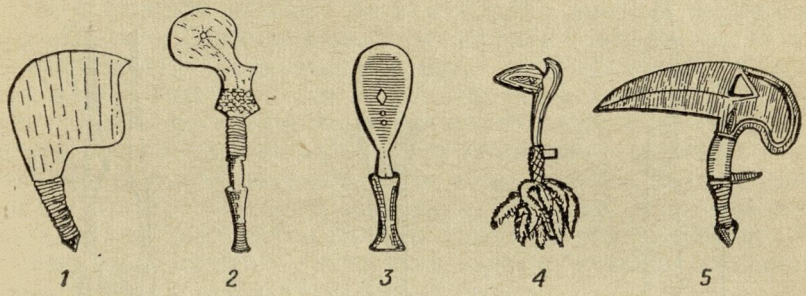
Но такая техника требует все же наличия некоторых совершенно необходимых вспомогательных средств и в первую очередь мехов, древнейшими предшественниками которых были веер и воздуходувная трубка. Последняя положила начало, от которого ведут свое происхождение два главных вида мехов: мехи с трубкой и поршневые мехи. Вот как описывает этот исследователь мехи с трубкой: они «состоят из трехугольного, чаще всего сшитого из одной шкуры мешка, у вершины (переднего конца) которого находится трубка, а у основания широкого и открытого (заднего) конца — деревянные планки. Плавильщик и кузнец приводят мехи в действие при помощи этих планок; приподнимая мешок, они одновременно впускают в него воздух, а сжимая его, закрывают и прогоняют воздух через трубку в огонь». Поршневые или насосные мехи состоят из сосуда, через который воздух нагнетается в горн и плавильную печь при помощи поршня. Европейские ручные мехи представляют собой комбинацию обеих этих систем.

Профессиональное оборудование примитивного кузнеца предельно просто. Молотом и наковальней служат ему камни или слитки металла, а клещами — две деревянные палки или грубые железные щипцы. При помощи этих незатейливых приспособлений изготовляется множество предметов, начиная с орудий, необходимых для земледелия и ремесла, военного оружия и всевозможных украшений вроде широких железных ножных и ручных браслетов, железных ожерелий, железных бус и т. п. до косарей самой разнообразной формы, необходимых для корчевки и собирания урожая, копьевидных «денег» и многих других орудий и предметов домашней утвари. В Восточной Африке куются

особенно хорошие железные цепи, и даже приемы волочения проволоки в XX веке в основных чертах одинаковы с технологией африканских волочильщиков проволоки. Плавильные печи Гурма, Того и Иоруба достигают высоты в пять метров. Кузнецы народов фульбе и мандинго принадлежат к лучшим ремесленникам. Штольни железных рудников западных банту имеют в длину до двух километров. Одним словом, Африка действительно является железным континентом.

Одной из интереснейших проблем, связанных с производством железа, является общественное положение кузнеца. В Западном

АФРИКАНСКИЕ НОЖИ



1 — Нож вождя (*кариссме*). *2* — Сечка (*байянси*). *3* — Сечка (*Убанги*). *4* — Метательный нож (*бассейн Конго*). *5* — Косарь (*Южный Камерун*).

Судане, где на него смотрят как на любимца царей и вождей, кузнец занимает привилегированное положение, подобное положению жреца. В противоположность этому во всей Северной Африке к нему относятся как к опасному и презираемому парии. Штульман объясняет такое отношение к кузнецу тем, что переселившиеся в Африку в более позднюю эпоху светлокожие племена — хамиты и другие — обнаружили, что негры являются обладателями бывшей им самим до того не известной тайны этого искусства и, движимые завистью, старались изобразить негров презренными существами.

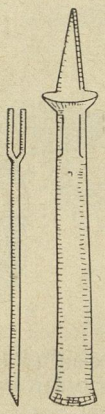
В других районах земного шара, например в Тибете, кузнецы также относятся к низшей касте. Это объясняется причинами религиозного характера; мясники, убивающие «священный» рогатый скот буддистов, и ремесленники, кующие необходимые для этого ножи, являются, по тамошним представлениям, низшими существами, которые не могут возвыситься до положения ламы. Это не значит, однако, что правоверные буддисты всегда воздерживаются от «греховной» мясной пищи. Так, в Лхасе нашли остроумный ответ на этот сложный вопрос совести: над намеченным к убою быком лама совершает богослужение, обеспечивая тем самым возрождение животного и избавляя кузнеца, поставляющего нож, от кары на том свете.

У других азиатских народов, например у бурят, кузнецы принадлежат к высшему классу общества; их освобождают от уплаты налогов и их считают как бы сродни богам [1]. Монгольские дархаты — это кузнецы в звании, соответствующем рыцарскому.

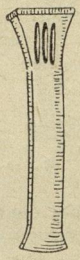
Признание значения железа нашло свое отражение и в библии. Так в Первой книге царств (Самуила) в главе XIII мы читаем:

«Кузнецов не было во всей земле Израильской; ибо филистимляне опасались, чтобы евреи не сделали меча или копья.

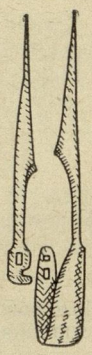
ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ ОРУДИЯ ТРУДА



Бронзовое долото.



Поперечное долото.



Щипцы, состоящие из двух частей.

И должны были ходить все израильтяне к филистимлянам оттачивать свои сошники, и свои заступы, и свои топоры, и свои кирки...» (ст. 19, 20).

Уже в то время обладание железом решало исход сражений и определяло ход мировой истории, как об этом можно прочесть в Книге судей (гл. I, ст. 19 и гл. IV, ст. 3):

«Господь был с Иудою, и он овладел горой. Но жителей долины не мог прогнать, потому что у них были железные колесницы... И возопили сыны Израилевы к господу. Ибо у него [царя Ханаанского] было девятьсот железных колесниц, и он жестоко угнетал сынов Израилевых двадцать лет».

Трудно переоценить значение металлических орудий для древних высококультурных народов. Как правильно замечает Флиндерс Петри: «Тысячи писателей описывали скульптуры Парфе-

[1] Суеверное отношение бурят к кузнецам, подтверждаемое старыми этнографическими описаниями, относится, конечно, к прошлому. — *Прим. ред.*

нона, но ни один из них не уделил внимания орудиям, которые служили для их изготовления». В своем интересном исследовании, посвященном металлическим орудиям древнего мира, тот же исследователь констатирует, что форма долота была доведена до совершенства уже 2500 лет назад и что египтяне уже 6000 лет назад для ломки кварца употребляли пилы и сверла с зубьями из корунда и драгоценных камней. И действительно, совершенство многих первобытных орудий не только никогда не было превзойдено, но с течением времени изготовление их даже ухудшилось, а то и вовсе оказалось позабытым. В частности, это относится к египетским пинцетам, состоявшим из двух частей, и к египетским серпам, которые были необычайно хороши и практичны.

За пределами Африки, Азии и Европы вначале железо не было известно. Единственное индейское племя, которое умело выплавлять железо — перуанские кампа, — научилось этому у европейцев. Вся Тихоокеанская область не знала металлов. Североамериканские индейцы в эпоху, предшествовавшую Колумбу, так же как и их соседи, так называемые «эскимосы — желтые ножи», изготовляли иногда орудия из меди, встречавшейся на их племенной территории. Но они обрабатывали эти орудия путем холодной ковки, так как не были знакомы с процессом плавки. Однако, по мнению Норденшельда, южноамериканские индейцы самостоятельно открыли тайну изготовления бронзы.

В Африке процесс плавки железа нередко рассматривается как важное событие и сопровождается религиозными церемониями. Так, гангуелла, которые роют плавильную яму, обязаны длительное время воздерживаться от пищи и половых сношений. В яму бросают священные корни и окропляют ее кровью жертвенной курицы, произнося при этом слова: «Мы убиваем тебя не для того, чтобы съесть, а для того, чтобы получилось железо».

Пангве также не приступают к этой важной работе до тех пор, пока знахари не изготовят необходимых для этого дорогих снадобий. Во время плавки необходимо присутствие знахаря, который продает разрешение на плавку железа лишь за очень дорогую плату, составляющую пять овец, пять кур и пять кусков латунной проволоки. В маленький горшочек складываются магические ингредиенты — пучок листьев, «священная» кора, яд и кусочек мозгового вещества предка, который должен «наблюдать» за ходом плавки. Горшочек ставится в плавильную яму и закрывается древесным углем, железной рудой и еще одним слоем древесного угля. Затем в яму кладется кусок раскаленного угля, и работники, обслуживающие мехи, начинают свою работу под звон железного колокола знахаря, танцующего под аккомпанемент песен и воплей и исторгающего пронзительные звуки из рога антилопы.

У азиатских бурят кузнецом может стать только человек, среди предков которого уже были кузнецы. Обыкновенный же

человек не может так попросту взяться за это священное ремесло. В то же время человек, отвечающий всем необходимым требованиям, но отказывающийся от высокой чести стать кузнецом, должен умереть. В одном древнем бурятском мифе рассказывается о тяжелых временах, когда человечество, не зная еще железа, влачило жалкое существование. Но вот однажды «тенгри», или добрые духи, решили послать на землю бога Божинтоя и его девять сыновей, чтобы те научили людей священному ремеслу. Сам бог вскоре вернулся на небо, а его сыновья женились на дочерях человека, и их первые ученики стали предками всех будущих кузнецов. Каждый из девяти сыновей бога имеет свое индивидуальное имя и является покровителем какого-нибудь кузнечного орудия. В их честь регулярно устраиваются религиозные праздники, на которых, как рассказывает Санжеев, шаман исполняет священное песнопение, где встречаются такие слова:

О вы, девять белых кузнецов Божинтоя,
Которым принадлежат разлетающиеся искры,
Громко звенящие орудия,
Твердая стальная наковальня,
Скрежещущий визжащий напильник!..
Когда вы спускались на землю,
Вы спускались, словно на холм,
Хотя это были Саянские горы...
В вашей кузнице
Находятся ваши сильные чары,
В ваших мехах
Ваши чудесные чары...
Вы расплавили черное железо,
Вы заставили кипеть синее железо,
Вы спаяли черный котел,
Вы прокатали синий котел,
Вы изготовили стальной котел.
Таковы вы!

Велико значение железа, но еще более могущественна изобретательность человека.

Обозревая всю историю примитивного ремесла, мы обнаруживаем, что уже в самые древние времена существовало логическое и вполне продуманное разделение труда между полами. Уже у пигмеев и африканских бушменов, у австралийцев и огнеземельцев женщина считается домашней хозяйкой, в то время как на мужчине лежит ответственность за охотничье оружие и за все связанные с охотой работы (у пигмеев в том числе и за приготовление яда для стрел). На Цейлоне женщина веддов выкапывает корни ямса и варит для семьи пищу, тогда как мужчина приносит домой убитых им на охоте животных.

Исследователь Мэн производил интересные наблюдения над разделением труда у андаманцев и установил, что в обязанность мужчины входят следующие виды деятельности: охота, рыбная

ловля, ловля черепах, собирание дикого меда, постройка лодок и прочных хижин; кроме того, они изготовляют луки, стрелы и большинство предметов домашнего обихода; в то же время на женщине лежит ответственность за ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, собирание растительной пищи, приготовление ее, поддержание огня, постройку легких шалашей и изготовление сосудов и украшений. В обязанности домашней хозяйки входят, кроме того, бритье членов семьи и украшение их кожи рубцами и татуировкой.

У племен древнейших культур каждый член племени сам изготовляет потребные для него и для его семьи орудия и инструменты. Ремесло же впервые получает свое развитие в условиях земледельческих культур, причем мужчины нередко перенимают те профессии, которыми до того занимались исключительно женщины. Так, в Восточном Мбамленде, в Камеруне, гончарным делом занимаются женщины, а плетением — мужчины. Напротив, в Того керамические изделия изготовляют мужчины. На островах Санта-Крус рыболовство, земледелие и приготовление пищи лежат почти целиком на обязанности женщин, мужчины же изготовляют почти все предметы материальной культуры, за исключением тапы, выделкой которой занимаются женщины. Плетение высокоценимых матов и изготовление орудий и оружия является опять-таки делом мужчин, которые часто работают группами в своих общественных домах. Исключительно женским занятием является в Меланезии гончарное производство.

Бест выяснил, до какой степени многосторонни технические познания юношей маори. Молодой человек начинает свое обучение с изготовления орудий из диорита и костей, копий и лопаток, а затем учится делать искусно украшенные мотыги и более мелкие сельскохозяйственные орудия, необходимые для обработки таро. Усвоив все это, он постигает затем тайны сооружения домов, хижин, кухонь, складов и высоких подмосток для хранения пищи, после чего обучается строительству ветровых заслонов, навесов и целых поселков. Попутно его учат искусству обрабатывать дерево каменными долотами двух различных видов, применять колотушки и клинья, которыми расщепляют ствол для получения строительного материала. Юношу обучают также обращению с каменным резцом и сверлом, искусству резьбы по дереву и орнаментальной росписи. «Дальнейший курс обучения, — пишет Бест, — посвящен строительству лодок и всему, что с ним связано, в частности изготовлению рыболовных крючков».

Случается, что производство каких-нибудь орудий ограничивается крайне узким кругом специалистов. Столь узкая специализация влечет нередко серьезные жизненные неудобства. Это имеет место главным образом в Африке, где правом на изготовление какого-либо орудия пользуется часто только один ремесленник, у которого все, кто нуждается в этом орудии, обязаны его покупать.

Тессман пишет, например, о пангве, что у них один человек делает столовые ложки, но отказывается делать разливательные черпаки, что скамеечник не делает ничего, кроме скамеек, а специалист по самострелам делает только самострелы. Мужскую сумку можно приобрести только у специалиста по изготовлению таких сумок, и так далее. Не удивительно, что членам племени нередко приходится совершать далекие путешествия, чтобы раздобыть какой-нибудь предмет, например простое приспособление для ношения детей, сшиваемое из двух полос кожи. Каждый мог бы сделать такое приспособление сам, но он должен приобрести его у ремесленника-специалиста.

У высококультурных народов возросшая тяга к специализации вызвала образование ремесленных групп и каст, достигших своего наивысшего развития в форме гильдий европейского средневековья.

У первобытных народов, как и у нас, чрезмерная специализация может привести к ограничению индивидуальных способностей. Все же многие ремесленники XX века пытаются вновь возродить престиж ручных изделий, чтобы вновь изготовлять высококачественные товары, не уступающие изделиям первобытных народов, для которых производство «предметов высшего качества для всех» не составляло особой проблемы.

Глава VI

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Собираясь принять участие в каком-нибудь праздничном вечере, мы должны сделать для этого ряд приготовлений. Кроме необходимости одеться соответствующим образом и прибыть вовремя на место, требуется еще в одном случае — получить входной билет, в другом — подготовить к приему гостей свой собственный дом. И эти сложные и обязательные приготовления часто, помимо нашей воли, портят нам до некоторой степени естественное предвкушение удовольствия.

В этом отношении первобытные народы значительно счастливее нас. За немногими исключениями они не знают, что такое кропотливая подготовка общественных развлечений. Природная жизнерадостность примитивных людей поддерживает в них своего рода состояние внутреннего равновесия, подобное ощущению прочного благополучия, хотя живут они далеко не в раю и у них имеется немало забот. Они настолько сжились со своим тесным и полным опасностей мирком, что привыкли с философским спокойствием относиться к несчастью, болезни или разочарованию. Когда наступает трудное время, дитя природы оптимистически ждет скорого улучшения обстоятельств, и если ему улыбается счастье, он тоже улыбается и не спеша наслаждается хорошими временами. Для него не существует понятие времени, и в первобытном лесу никто и никогда не приходит «слишком поздно».

Чем же скрашиваются часы досуга? Древнейшим народам не были известны еще ни табак, ни алкоголь. Да они и не требуются для того, чтобы привести в веселое настроение собравшееся общество. Люди собираются совершенно свободно, потому что назначаемые заранее на определенные дни праздники — это традиция более поздних культур. Если есть пища и погода и состояние тропинок и дорог также благоприятствует, то люди просто и без заранее обдуманного намерения собираются то ли в хижине или общественных домах, где они проводят время в болтовне с соседями, то ли приходя друг к другу в гости целым племенем, как это бывает у народов-собирателей урожая, гостеприимно приглашающих друг друга разделить изобилие пищи, которую щедро дарит им природа.

Все общественные сборища зависят главным образом от наличия необходимой для этого пищи, ибо нигде в мире голод не способствует гостеприимству. Но если было убито достаточное количество дичи, или в изобилии запасены дикие плоды, особенно скоропортящиеся, или, наконец, удалось загарпунить кита, то гостей всегда принимают с большой охотой.

Стол дикарей отнюдь не однообразен, хотя климат оказывает, конечно, очень большое влияние как на состав пищи, так и на способы ее приготовления. На Огненной Земле, например, где, по словам Гузинде, холодные, сырые леса являются только что не «мертвыми», будучи покрыты бóльшую часть времени «снежным саваном», главную пищу поставляют морской берег, море и равнина. Около прибрежных скал туземцы убивают водяных птиц — диких гусей, пингвинов, корморанов и чаек, в то время как море дает людям тюленей, моржей, китов, раковины, улиток, крабов и морских ежей. Жаркое из мяса гуанако, который водится на равнине, — любимое блюдо огнеземельцев. Перед употреблением в пищу мясо всегда либо варят, либо жарят, используя для этого горячую золу или пламя костра. На Огненной Земле из-за холодного и сырого климата почти нет растительной пищи, если не считать барбариса, и все же огнеземельцы, несмотря на бессолевую пищу, живут в здоровье и достатке. В отличие от нашей современной витаминомании, эти народы прекрасно обходятся без овощей, и один старый индеец наскапи на мой вопрос по этому поводу ответил мне следующее: «Медведь ест голубику, а мы едим медведей, с какой же стати мы должны заботиться о плодах и овощах?» Как неоднократно подчеркивал Вильялмур Стефанссон, пища эскимосов, состоящая только из мяса и рыбы, является, по всей вероятности, самой здоровой пищей на земле.

У кочевых охотничьих племен Восточной Боливии, например у сирионов, пища отличается значительно большим разнообразием. Плоды различного рода пальм, обычно поджариваемые на огне, представляют собой хорошую пищу, причем яства весьма разнообразятся благодаря убиваемым тапирам, аллигаторам, диким свиньям, черепахам, белкам, броненосцам, змеям, насекомым и даже червям, которых в большинстве случаев готовят в пищу в горячей золе.

Но даже в самых негостеприимных областях земли существуют любители особо лакомых кусков. Так, аборигены юго-восточной Аляски приготовляют для угощения гостей своего рода мороженое из давленых плодов мыльного ягодника (*sapindus saponaria*) и умеют также готовить острое кушанье из замороженной икры. До прибытия исследователей индейцы Аляски не употребляли в пищу соль, зато в их распоряжении было много ароматных ягод и овощей и в первую очередь смородины, брусники, так называемых лососевых ягод (*salmonberries*), земляники, черники, а также дикого сельдерея, щавеля и очень пахучего белого луба

молодых елей. Столь же разнообразна и их мясная пища. Они охотятся главным образом на тюленей, серн и медведей. Существенным источником питания служат также пять видов лососей, которые здесь водятся. Рыбу едят либо в сыром виде, либо сушат сначала на ветру или на огне. Почетных гостей угощают своеобразным деликатесом — головами лосося или палтуса, которые предварительно закапывают на несколько дней в землю и едят, когда от них уже сильно попахивает душком. Сушка мяса и рыбы на ветру — способ хранения продуктов, заимствованный у эскимосов. Значительно вкуснее копченые продукты, которые играют особенно большую роль в жизни лабрадорских индейцев. За обычай замораживать рыбу в кучах и есть ее затем в сыром и слегка подпорченном виде, эскимосы заслужили себе прозвище «сыроедов», которым окрестили их соседи-индейцы [1].

Огромное количество плодов, запасаемых народами-собирателями урожая один раз в году, не только гарантирует им экономически обеспеченное положение, но и позволяет им оказывать самое широкое гостеприимство. В период созревания корней дикой лилии, бунья-бунья и семян нарду австралийцы приглашают к себе целые соседние племена. Они устраивают танцы, организуют театральные представления, и так как пищей обеспечены все присутствующие, то все они могут целиком отдаваться веселью, царящему на таких праздниках. В Северной Америке племя камиа обменивает часть собранного им урожая желудей на арбузы, выращиваемые соседними племенами диегуэньо. У апачей к числу самых радостных событий года относятся празднества, устраиваемые соплеменниками, занимающимися сбором урожая кедровых орехов. Такие же празднества повторяются, когда наступает время собирать клубни мескаля. Индейцы разбивают лагерь в холмистой местности, беспрестанно угощаются и развлекаются различными историями, песнями, танцами и соседскими пересудами. Хотя реки и ручьи местности, где обитают апачи, изобилуют прекрасной форелью, индейцы никогда не едят эту рыбу, так как согласно древней легенде, она вредна для здоровья. Как указывает Риген, по рассказам апачей, предки их заболели однажды, после того как отведали форели. Кожа их «покрылась пятнами, подобными пятнам на чешуе у рыбы», и вскоре все, кто ел форель, умерли. С тех пор ни один апач не ест форель, и знахари предостерегают каждого, кто хотел бы попробовать форель, о связанной с этим «опасностью для жизни».

Помо (Калифорния) уверены в сверхъестественном происхождении рыб и желудей. Согласно их мифам, земля создавалась заново пять раз и четыре раза уничтожалась стихийными катастрофами. В период третьего сотворения мира бог Марумба

---

[1] «Эскимосы» — название, взятое из языков алгонкинских индейцев и означающее буквально «поедатели сырого мяса». — *Прим. ред.*

явился к людям и научил их рвать желуди и приготовлять из них пищу. «Рвите их и приготовляйте из них кашицу», — сказал он женщинам и показал, как нужно сушить желуди, растирать их, отбивать у них горький вкус и перерабатывать в муку. Приготовив первую трапезу, гостеприимные женщины помо хотели пригласить на нее своего благодетеля, но когда стали его звать, то он уже исчез. Женщины утешили себя, решив, что Марумба находится у других племен, чтобы также ознакомить их с питательными свойствами желудей. Из желудевой муки варят, по большей части, кашицу; кроме того, из нее пекут хлеб и приготовляют похожий на кофе напиток.

Женщины племени банту за приготовлением муки и теста.

Больше всего кухонных рецептов можно найти, конечно, у земледельцев, которые умеют готовить самые разнообразные блюда из возделываемых ими растений. И у них имеются свои особые деликатесы, которые высоко ценятся туземными гурманами. Так, гуарани в Парагвае приготовляют род сыра, закапывая в болотистую почву корни маниоки, где они подвергаются процессу брожения. Но по большей части кашицу из маниоки сушат на солнце и растирают в муку, из которой пекут затем очень вкусные лепешки, так называемые «мандио-мбеджу». Свежие очищенные клубни часто варят в воде или дробят, растирают после сушки в порошок и жарят в жиру в виде так называемых «попис». Неочищенные клубни маниоки часто пекут в горячей золе очага.

Основной пищей в Океании, Африке и Индонезии служит таро (*colocasia*), который нуждается в тщательной обработке, прежде чем его можно употреблять в пищу; молодые же, похожие на шпинат листья таро едят, как зеленые овощи. Кремер-Баннов наглядно описал способ обработки клубней таро домашними хозяйками Меланезии. Клубни таро приносят с поля в корзине на спине, и женщина, разведя большой огонь, начинает чистить клубни своим раковинным ножом. Завернутые в банановые листья клубни обвертывают затем толстым слоем крупных листьев таро и связывают в пучок с помощью лиан. Количество связок равно числу членов семьи и присутствующих гостей. Кроме того, из шкурок, остатков и листьев такие же связки приготовляются

для свиней. Когда огонь в очаге затухает, женщина вынимает из него раскаленные камни и кладет в горячую золу связки с таро, покрывая их сверху этими камнями и слоем песка. Через два часа, когда клубни пропекаются, с них снимают слои горелых листьев, после чего овощи готовы к употреблению в пищу. Свиньи с нетерпением дожидаются своей доли. Свиньи бывают настолько хорошо упитаны, что, по словам того же исследователя, жаркое из меланезийской свиньи «не уступает по нежности телятине».

Другой важной питательной пищей Океании является саго, которое добывают из сердцевины саговой пальмы. Пальму срубают и раскалывают, причем расколотые половинки ствола служат корытом для размельчения сердцевины. Саго просеивают, промывают и отжимают в реке, с тем чтобы вода унесла растительный мучнистый осадок, оставив лишь кусочки идущего в пищу саго. После этого размельченные кусочки сушат и либо пекут из них жесткие плоские лепешки, либо варят студнеобразное пюре.

Такое же значение пищевого растения, какое имеют в различнейших районах мира маниока, таро, а также плоды хлебного и мангрового деревьев [1], имеет в Африке банан, или писанг, который по праву можно назвать негритянским хлебом. Бананы часто жарят или приготовляют из них суп или соус. Зеленые плоды очищают от кожуры, режут на куски, давят и перерабатывают в муку. Добавив перец, соль и другие специи, из муки делают клецки, которые затем варят в воде или жарят в масле. Кроме того, африканская кухня изобилует всевозможными мясными продуктами, начиная с мяса, рыбы и птицы и кончая насекомыми, крысами и крокодилами. Особенно высоко ценится в Африке мясо страусов и слонов.

В Африке обедают по большей части вечером, когда спадает дневная жара. Шиллуки всегда едят лишь после захода солнца, так как они считают неприличным принимать пищу при дневном свете. Часто группы людей, соединенные узами дружбы, едят вместе, и обыкновенная трапеза превращается у них в праздник с танцами, драматическими представлениями и музыкой. После того как стемнеет, рассказчики начинают ткать причудливый узор своих сказок, и порожденные их фантазией образы превращают ночь в красочную сцену.

К своеобразнейшим африканским деликатесам принадлежит так называемая съедобная земля — род жирной глины, которая

---

[1] Тут, видимо, неточность. Мангрова — это не дерево, а вид прибрежных зарослей, состоящих из деревьев манге (Rhizophora mangle), сириуба (Avicennia nitida) и др., с густой сетью воздушных «дыхательных» корней. См. о мангрове Л. Родин, Пять недель в Южной Америке, изд. 2-е, М., 1952, стр. 159—166. Быть может, Липс имеет тут в виду дерево манго (Mangifera indica), широко распространенное в тропических странах и дающее вкусные плоды. — *Прим. ред.*

особенно ценится как лакомство в районах, граничащих с Суданом. Землю эту либо добавляют к кушаньям как пряность, либо растирают ее в муку, либо пекут из нее своего рода хлебцы. Плишке рассказывает, в частности, что высокие сановные лица нередко съедают в день по три таких хлебца.

Впрочем, употребление в пищу земли, или геофагия, — это распространенный по всему миру обычай, наблюдающийся главным образом в Южной Америке, Китае и Индонезии. Каппорнийские тату смешивают свою желудовую муку, растертой в порошок красной глиной. В голодные времена даже в Германии и России ели так называемое «глиняное масло» или «муку рудоков», а в XVII веке знатные дамы Испании проявляли столь большое пристрастие к вкусной земле Эртемоса, что в это дело вмешалось государство и церковь, установившие тяжелое наказание за этот «порок».

О наиболее известном из съедобных минералов — поваренной соли — знают далеко не все народы. Многие племена собирателей и охотников обходятся совсем без соли и приправляют свои кушанья растительными приправами или ароматной золой, получаемой при сжигании ароматной древесины.

В Африке соль всюду ценится очень высоко, и в районах, где ее нет, за солью предпринимаются далекие торговые экспедиции. Кроме того, туземцы при помощи очень сложного процесса получают из болотных растений заменитель соли.

Но ни один народ не может совершенно обходиться без воды. Для изготовления вкусного напитка к воде нередко, особенно на увеселительных сборищах, добавляют пряные или возбуждающие вещества. Из ароматических растений, наиболее часто добавляемых к питьевой воде, можно указать на чай. Полагают, что чай был ввезен в Китай из Ассама. В Китае он приобретал все более широкую популярность особенно начиная с IV века н. э. Однако был найден древний, датируемый 56 годом до н. э. документ, в котором в юмористических стихах ленивому рабу приказывают «сварить, наконец, чай и принести чайный прибор».

Вначале чай употребляли для медицинских целей. В случае заболевания предписывали добавлять чайные листья к рису, имбирю, соли, апельсиновым коркам или молоку и даже варили чай с луком.

Благодаря своим возбуждающим свойствам и приятному вкусу чай является одним из наиболее любимых средств наслаждения, широко применяемых особенно на общественных собраниях. Церемонии, связанные с приготовлением чая, принадлежат в Азии к числу наиболее высокоразвитых культурных традиций. Любимый чай парагвайцев, известный под неправильным названием «мате», получил такое наименование от тыквы, из которой чай высасывают при помощи трубочки, так называемой бомбильи.

Это очень сильно действующее возбуждающее средство, без которого не обходится ни одно сборище индейцев.

До чего вкусным может быть кофе — еще один горячий напиток, получивший распространение во всем мире! Об этом знает только путешественник, которому приходилось его пить в Африке, то есть на континенте, откуда ведет свое происхождение этот напиток. Кофе получил свое название по месту своего происхождения — от южноабиссинской провинции Каффа. В настоящее время существуют около пятидесяти сортов кофе, которые разводят почти во всех тропических областях земли. Первые сведения о кофе проникли в Аравию и на Яву в XV веке. Спустя двести лет о кофе уже знали в Южной Америке и во всем мире.

Тщательность, с какой приготовляется кофе в Африке, вполне можно сравнить с ритуалом приготовления чая в Японии. Тот, кому довелось когда-либо наблюдать группу одетых в бурнусы арабов, собравшихся для того, чтобы насладиться «божественным» напитком, долго не забудет торжественного настроения, которое обычно царит на таком собрании. Сначала жарят зеленые кофейные бобы в чашке, наполненной раскаленным древесным углем. Потом каждый боб в отдельности вынимают из чашки деревянным пинцетом и тщательно его осматривают. Жареные бобы растирают затем железным пестиком в деревянной ступке в мельчайший порошок. Точно отмеренное количество кофе-порошка сыплют в воду, которую затем медленно доводят до кипения. Вскипевший напиток сливают в глиняный горшок, наполняя последний еще тремя-четырьмя порциями сваренного таким же образом кофе. Лишь после этого наполняются чашки гостей, и тогда к вящему восторгу собравшихся знатоков начинает распространяться вокруг аромат, словно в сказке из «Тысячи и одной ночи».

Такой же популярностью пользуется во всем мире получаемый из бобов какао шоколад, «открытый» индейцами Центральной Америки. Бобы какауатль произрастают на кусте какао (*Theobroma cacao L.*). Когда завоеватели вторглись в страну толтеков и ацтеков, они не только обнаружили там новый напиток, но и видели, что бобы какао употреблялись там в качестве монет. И сейчас еще индейцы Гватемалы пользуются порой вместо денег бобами какао.

Для приготовления шоколадного напитка древние мексиканцы жарили бобы какао, растирали их в мелкий порошок и приправляли ванилью или перцем. Сахара они не добавляли, и только богачи могли позволить себе подсластить свой шоколадный напиток медом или соком агавы.

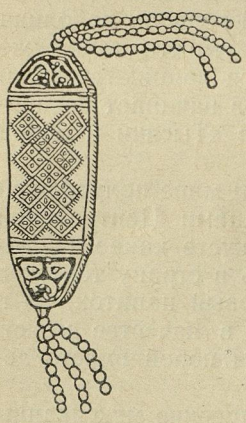
Сведения о какао проникли в Европу в 1520 г. через возвращающихся испанских завоевателей. Примерно через сто лет какао проникло из Испании в Италию и Францию, где этот новый напиток получил огромную известность. Но сладкий пищевой

продукт, известный под названием шоколада, завоевал мировой рынок лишь после того, как голландец Ван Хоутен изобрел способ удаления из порошка какао трудноперевариваемых масел, что позволило приготовлять значительно более вкусный напиток.

Хотя какао является классическим напитком Центральной Америки, его родины, и хотя какао-бобы разводятся сейчас во многих тропических странах, все же употребление какао в качестве напитка воспринято лишь немногими примитивными племенами, и знакомство с какао не оказало почти никакого влияния на культуру первобытных народов. Лишь инициатива и предприимчивость европейцев обеспечили шоколаду то место, которое он занимает сейчас на мировом рынке.

Многие народы находят такое же удовольствие в жевании возбуждающих веществ, как и в потреблении ароматических напитков. Примитивным предшественником современной жевательной резинки был прежде всего бетель, добываемый из ореха арековой пальмы и высоко ценимый как возбуждающее средство жителями Меланезии, Микронезии, Ост-Индии и Малайского полуострова. Индийские купцы ввезли это возбуждающее средство в Восточную Африку, где оно до сих пор широко распространено.

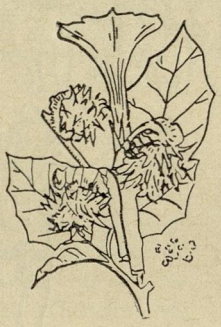
У жующих бетель народов всегда принято угощать желанного гостя бетелем в характерном пакетике, состоящем из свежего листа бетелевого перца с завернутой в него смесью из растертых в порошок орехов арековой пальмы, извести или кораллового порошка. Вещество это имеет освежающий горьковатый вкус, но обладает тем недостатком, что окрашивает зубы людей, постоянно его жующих, в черный цвет и придает деснам неприятную коричневую окраску. Пакетики бетеля хранятся в коробочках самой разнообразной формы, украшенных красивой резьбой или как-либо иначе.



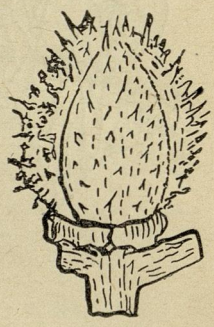
Коробочка для бетеля (*Тимор*).

Древние чибча в Колумбии всегда носили с собой такие же коробочки с другим возбуждающим средством — кокой. Задолго до того, как современная наука открыла свойства куста *Erythroxyloncoca* и добываемого из его листьев кокаина, туземцы Колумбии, Боливии и Перу жевали смешанные с растертой в порошок известью горькие листья коки, хорошо зная их возбуждающее действие. Лишь позднее стал добываться более сложным способом чистый кокаин, который стал производить в мире свою опустошительную работу, положить пределы которой пытаются законодательства всех цивилизованных народов.

К наиболее опасным наркотикам, оказавшим гибельное влияние на здоровье целых народов, принадлежит прежде всего добываемый из семян мака опиум и получивший известность со времен Марко Поло в качестве «ключа к раю» гашиш — вещество, добываемое из конопли. Английское и французское слово *«assassin»* (убийца) произошло от названия «гашишинов»: несколько столетий тому назад старый Шейх-аль-Джебель, одурманивая гашишем своих фанатичных послушников, заставлял их убивать его врагов. Для тех, кто интересуется этим вопросом, лучшим описанием причудливых грёз, возникающих под действием гашиша, послужит книжка Бодлера «Paradis artificiels» — произведение большого поэта, который погубил свое здоровье, злоупотребляя этим наркотиком.



Наркотическое растение датура.



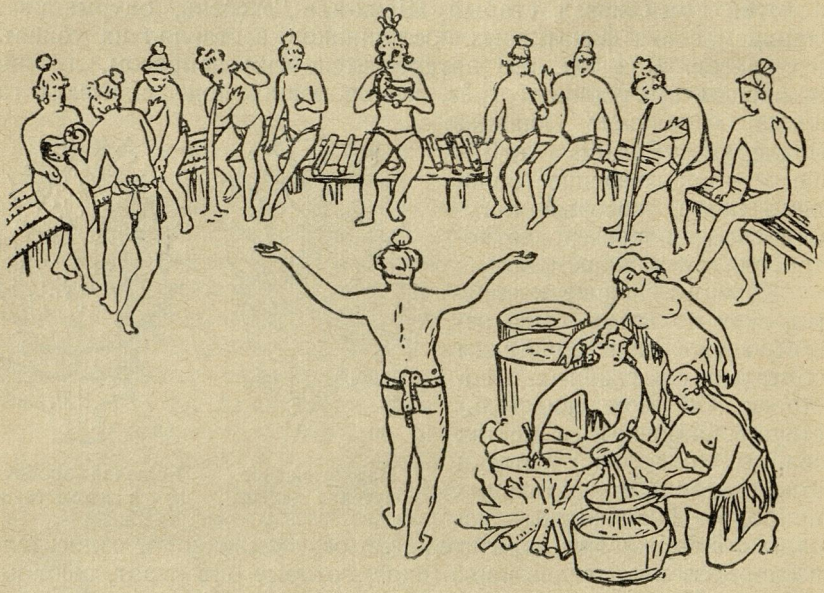
Колючая коробочка куста „джемстаун".

Курение гашиша и опиума, судя по всему, было известно уже доисторическим обитателям свайных построек. Об этом свидетельствуют найденные в местах свайных поселений остатки этих растений и курительных приборов. Первобытные народы обнаруживают поразительную осведомленность относительно определенных видов наркотиков, которые они курят, пьют или нюхают. Но побудительные причины, заставляющие их употреблять эти средства, в корне отличаются от тех, какие мы наблюдаем в цивилизованном мире. В большинстве случаев эти побудительные причины носили религиозный характер. Собираясь с ритуальными целями, люди сообща наслаждались галлюцинациями, возникающими под действием того или иного наркотика. У некоторых племен состав наркотического средства бывает известен только знахарю, у других — таинственными наркотиками подбадривают воинов перед сражением. Среди народов собирателей и охотников только некоторым австралийским племенам известно наркотическое действие *Duboisia Hopwoodii,* растения из семейства пасленовых, которое содержит саланин и называется туземцами «питьюри».

Аборигены Новой Гвинеи «во время большого возбуждения» употребляют гриб, известный под названием нонда.

Особенно обширными познаниями о наркотических средствах обладают индейцы. Так, зуньи приводят себя в состояние искусственного транса с помощью семян кустарника толоачи или джемстауна *(Datura tatula L.)*. Мексиканцы, индейцы прерий и другие племена индейцев приготовляют наркотики из кактуса пейотль.

Некоторые индейские наркотики, как, например, нюхательный табак, добываемый из *piptadenia*, флоридский «черный напиток» (из *Ilex cassine)* и опасная марихуана *(Canabis sativa L.)* распространены даже теперь в современной Америке и пагубно влияют на людей, вызывая увеличение преступности, особенно среди молодежи.

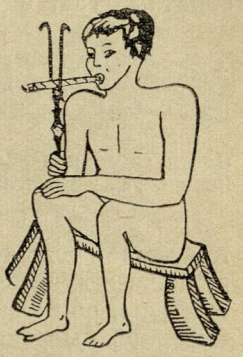


Церемониал „черного напитка" у индейцев Флориды.
Рисунок, относящийся к XVI веку.

При употреблении этих вредных возбуждающих средств имеют существенное значение такие факторы, как умеренность или, напротив, излишества, что прежде всего находит свое выражение в выборе соответствующих наркотиков. Так, в наше время только непреклонные фанатики могут еще отрицать наслаждение, доставляемое людям древнейшим возбуждающим средством человечества — табаком, голубоватый дымок которого всюду поднимается там, где собираются вместе друзья или где одинокий мыслитель отдается своему творческому вдохновению.

Современные ученые до сих пор еще расходятся во взглядах о происхождении обычая курения. Хотя Линдблом писал в 1947 году, что «почти все сходятся теперь во мнении, что табак был завезен в Америку из Старого Света», многие специалисты попрежнему разделяют точку зрения Норденшельда, считавшего, что «нюхательный табак, сигареты, сигары, вилообразная подставка для сигар и курительные трубки были изобретены индейцами».

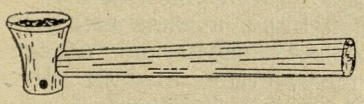
Первые европейцы, посетившие страны Нового Света, удивлялись обычаю туземцев «пускать дым из свертка листьев, засунутого в рот» и, возвратившись в Европу, ознакомили с этим обычаем своих соотечественников. В начале XVI века табак рассматривался в Европе преимущественно как лекарственное растение, обладавшее целебными свойствами, прежде всего против зубной боли, подагры и других заболеваний. Французский посланник при португальском дворе, Жан Нико, познакомил с табаком в первую очередь знать и прославился как человек, открывший «целебную траву» *nicotiana*, листья которой, растертые в порошок, прописывались в качестве лекарства сыну Екатерины Медичи.



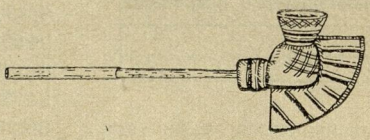
Индеец тукано с сигарой и подставкой для сигары.

Курение листьев табака распространилось в Европе много позднее. За истекшие с тех пор столетия мнения относительно табака разошлись, так как одни считают его «травой дьявола», а другие — «дыханием богов». Но как бы то ни было, один из лучших знатоков истории табака, Шталь, все-таки прав, когда он пишет, что «ни одно растение не оказало на экономическую и культурную жизнь человечества такого большого влияния, как табак».

ТРУБКИ ДЛЯ КУРЕНИЯ ТАБАКА

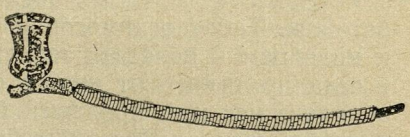


Деревянная трубка пангве (*Западная Африка*).



Черная каменная трубка чероков.

Трубка якутов.

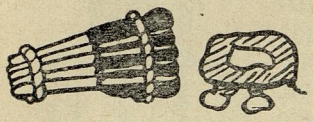


Глиняная трубка пангве (*Западная Африка*).

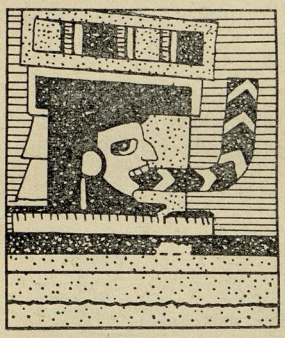
Как свидетельствует о том индейская «трубка мира», курение первоначально было всегда лишь религиозным обрядом, совершавшимся по случаю каких-либо торжественных церемоний. И до сих пор еще все индейские племена чтут как святыню камено-

ломни Пайпстоун (штат Миннесота), где добывается красный трубочный камень, и которые, по верованиям индейцев, были некогда созданы Манито для краснокожего человека.

Способы употребления табака в Америке чрезвычайно разнообразны. Так, в Южной Америке в рот засовывают огромные свертки из табачных листьев. Сигары индейцев тукано настолько велики по размерам, что при курении приходится пользоваться вырезанными в виде вилки подставками. Впрочем слово «сигара» — центральноамериканского происхождения и является производным от слова «сифар». Среди многих племен, в том числе среди калифорнийских чукчанси, гашову, тачи, вукчами, яуданчи и яудельмани, распространен обычай есть листья табака. Племена, обитающие в северной части тихоокеанского побережья Северной Америки, смешивают при этом листья табака с измельченной в порошок раковинной известью. Иногда табак мочат в воде и пьют получаемую таким образом настойку. Калифорнийские чукчанси верят, что, выпив этот напиток, они могут узнать колдуна. Когда индейцы Лабрадора убивают медведя, они разжигают трубки и выпускают над ним несколько клубов дыма в честь душ своих «вождей». Индейцы не заключают никаких договоров и не ведут переговоров о мире, прежде чем они не проделают всех церемоний, обеспечивающих присутствие Манито. Чтобы вызвать Манито, собравшиеся с соблюдением всех необходимых церемоний набивают трубку горьким табаком «кинникиник» и делают по нескольку затяжек. Табак эскимосов носит название «атамаойя». Но если к индейцам и попадает теперь фабричный табак, то все же они всегда предпочитают ему, в особенности во время религиозных обрядов, местный приятный богам табак из нарезанной ивовой или еловой коры. Часто индейцы сами разводят табак и курят его наряду с дикорастущими сортами. Табак выращивают даже юроки, вообще не занимающиеся земледелием.



Пачка сигар и пепельница. Рисунок из Флорентинского кодекса (*Мексика*).



Мексиканский курильщик. Рисунок из Венского кодекса.

В районах, где табак первоначально не был известен, туземцы очень по-разному реагировали на ввезенную европейцами «курительную траву». Так, на Новой Гвинее табак курят и жуют все: мужчины, женщины и дети. Это растение пользуется здесь большим спросом, его покупают или разводят на полях, также свер-

тывая иногда огромные сигары. В отличие от этого, как указывает О'Коннэл, жители острова Понапе «так и не могли постигнуть наслаждения, которое доставляет курение». Другие островитяне Океании смотрят на табак лишь как на «приправу», которую они добавляют при жевании к туземному бетелю. В то же время туземцы Африки стали прямо-таки фанатическими приверженцами табака, и Альберт Швейцер называет область Ламбарене «страной хронического отравления никотином», отмечая при этом, что женщины курят там еще больше, чем мужчины. Злоупотребление табаком вызывает у туземцев хроническую бессонницу, но даже ночью они успокаивают свои возбужденные нервы все тем же курением. Вот что писал один служащий англо-американской табачной компании своей фирме о восточноафриканских кавирондо: «Мы пакуем сигареты в пакетики по четыре штуки, потому что кавирондо всегда курят по четыре сигареты зараз, держа по одной в каждом из углов рта и в каждой ноздре.

Пангве разводят четыре различных сорта табака. Нуэры «улучшают» вкус табака, добавляя к нему золу и коровий навоз, и курят эту смесь из огромных глиняных трубок с тыквенными головками.

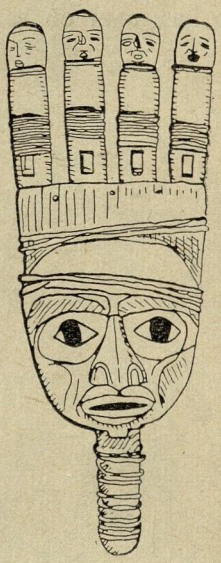
Курящий жрец майя. Каменный рельеф из храма Паленке.

Существует бесчисленное множество изготовляемых первобытными народами трубок и головок к ним, начиная с красных и черных каменных трубок, высеченных североамериканскими и канадскими индейцами из «священного» трубочного камня и кончая разукрашенными богатой резьбой глиняными, сланцевыми и деревянными трубками, которыми пользуются различные народы земного шара, курящие табак. В многочисленных мифах Африки рассказывается также о «божественном» происхождении табака, и ни один негритянский праздник немыслим там без наслаждения, доставляемого курением.

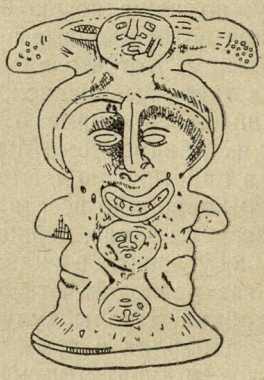
К наиболее интересным формам трубок высококультурных народов принадлежит кальян, распространенный главным образом в Индии, Иране и Аравии. Кальян состоит из наполненного водой резервуара (обычно из полого кокосового ореха, или из страусового яйца, или из глиняного либо фарфорового сосуда), в который вставляется трубка, снабженная наверху головкой. Курильщик тянет охлажденный, очищенный водой дым через мундштук, также соединенный с резервуаром. Мужчины мусульман-

ского мира особенно любят проводить прохладные вечера в неторопливой беседе, сидя друг подле друга и наслаждаясь курением из кальяна. Иногда из одного наргиле (от персидского наргиль — кокосовый орех) курит целая группа людей, причем каждый пользуется своим собственным мундштуком. Индийский и арабский кальян, или хука, заимствован многими примитивными племенами, главным образом африканскими.

Немыслимо все же представить себе группу курящих и бесе-



Деревянная головка трубки (*индейцы хайда*).



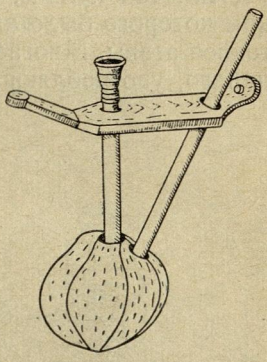
Глиняная головка трубки (*Северный Камерун*).

дующих мужчин без алкогольного напитка, который также способствует поднятию настроения у собравшихся. Алкоголь никоим образом не является продуктом цивилизации. Подаваемый в парижских кафе аперитив, водка, которую пьют русские, виски в английских клубах, мозельвейн, рейнвейн, красное вино и шампанское — все это по существу лишь более усовершенствованные разновидности пива и вина примитивных земледельцев, либо алкогольных напитков, приготовляемых пастушескими народами из перебродившего молока.

Для приготовления любого алкогольного напитка требуется знание процесса брожения, который первобытные народы всегда имели возможность наблюдать. Могло статься, что какой-нибудь человек крошил кусок хлеба в сосуде с водой, а на следующее утро замечал, что из жидкости поднимаются пузырьки, тогда как на дне сосуда образовывалась плотная масса. Он пробовал эту «воду» и, обнаружив, что она приводила его в необычайно веселое настроение, решал готовить такую «воду» и впредь. Или могло случиться, что человек рубил агаву, пил ее сок, а остаток уносил

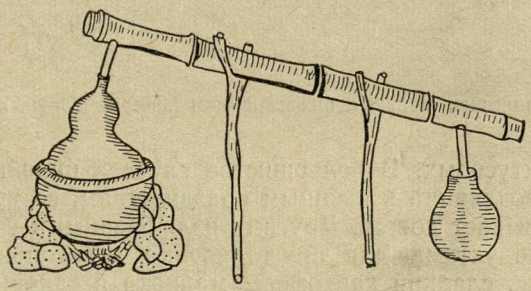
домой в своей калебасе. Пробуя этот сок позже, он находил, что напиток стал значительно вкуснее, и отныне начинал готовить этот напиток постоянно и в большом количестве.

Все алкогольные напитки делятся на две основные группы: вино, в котором алкоголь образуется из сахара, и пиво, в котором алкоголь образуется тоже из сахара, но при добавлении крахмалистых веществ. Отдельный вид представляют собой алкогольные напитки, изготовляемые пастушескими народами из молочного сахара.



Кальян, или хука (*Африка*).

Из вин первобытные народы чаще всего приготовляют пальмовое вино. Срубив ствол пальмы, его устанавливают в наклонном положении кроной вверх. На протяжении всего ствола через определенные промежутки делают надрезы и собирают в калебасы скопляющийся в надрезах сок. При этом под стволом часто разводят небольшой огонь. Собранный таким образом сок сливают в большой сосуд, а затем оставляют его бродить в закрытом сосуде. Через три-четыре дня вино уже можно пить, и, значит, можно устраивать и пирушку. В тропических местностях сок, собран-



Перегонный аппарат для пальмового вина (*Молуккские о-ва*).

ный утром, часто к полудню уже начинает бродить, так что пена переливается через край сосуда. Брожение вызывают находящиеся в воздухе дрожжевые грибки, которые превращают содержащийся в соку сахар в спирт и углекислоту. Осаждающаяся на дне сосуда плотная масса — не что иное, как дрожжи.

Некоторые африканские племена приготовляют пальмовое вино, не срубая дерева. Они влезают на него вечером и просверливают верхнюю часть кроны, откуда появляются молодые ростки. Собранный в калебасы сок можно пить уже на следующее утро,

и полные сосуды манят к себе жаждущих прохожих так же, как манит нас вывеска гостиницы. Тессман, которому приходилось пить желтоватое, похожее на шампанское пальмовое вино пангве, говорит о его «своеобразном приятном вкусе, который невозможно забыть».

Напиток пульке, приготовленный индейцами, предшественником которого было ацтекское октли, добывается из большого цветоноса агавы. Многие североамериканские индейцы, как, например, папаго, употребляющие для этого плоды сагуаро,—приготовляют

Женщины, занятые пивоварением (*Бельгийское Конго*).

вино из кактусовых. В большинстве случаев индейцы приурочивают свои возлияния к пышным празднествам, во время которых знахарь вызывает дождь. Другими излюбленными у первобытных народов продуктами для приготовления алкогольных напитков служат маис, сладкий картофель, маниока и сахарный тростник.

Кхонды в Индии выгоняют особенно хорошее вино из сока пальмы *Salopogaxo*, которая в период цветения дает в день до двадцати пяти литров вина. Этот счастливый период года, когда туземцы «только и делают, что пьют», отмечается танцами и всевозможными сборищами. Наиболее важной составной частью праздника мегинакан на Борнео является питье рисовой водки — насси. Во время этого праздника богачи приглашают к себе друзей, при этом поедается невероятное количество свиней и птицы.

Еще в большей степени, чем вино, распространено у первобытных народов пиво, которое во многих местах земного шара играет весьма значительную роль. В частности, в Африке пива потребляют во много раз больше, чем вина. Тот, кому доводилось

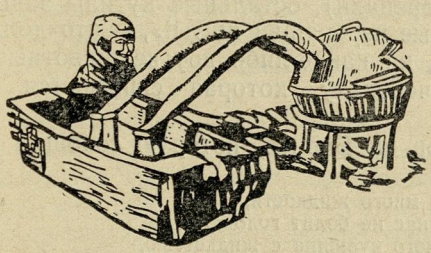
путешествовать по «Черному континенту», долго не сможет забыть своих собственных веселых воспоминаний о вечерах, проведенных с туземцами за пивом. После того, как сварят свежее пиво, на веселую пирушку обычно собирается все население деревни.

Пиво является также излюбленным напитком апачей, которые варят его из клубней мескаля и сердцевидных листьев агавы. Дикий мед, маис или пальмовая лилия служат сырьем для пива, приготовляемого восточноболивийскими неозе. Некоторые племена ускоряют процесс брожения, замешивая составные части сусла, другие готовят сусло из предварительно размельченной растительной массы.

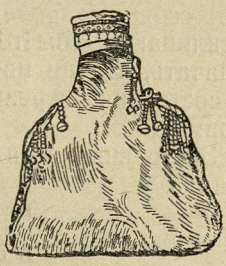
Изображение пивной в средневековой Европе.

Излюбленное пиво примитивных гималайских племен называется «марува» и варится из проса и других злаков. Его тянут через тонкие трубки из колен бамбукового ствола, снабженных крышками из банановых листьев и заменяющих туземцам пивные кружки. Когда сосуд наполовину опорожнится, его снова наполняют горячей водой, и так до тех пор, пока напиток не утратит своих возбуждающих свойств. Мастерами-пивоварами такого пива были буддийские монахи, которые, как и их коллеги в других частях света, являются великолепными знатоками своего искусства.

В наше время уже нельзя с точностью определить, когда и где был изобретен процесс перегонки, который позволяет изготовлять



Перегонный аппарат киргизов.



Мешок для кумыса из лошадиной кожи (*якуты*).

более крепкие алкогольные напитки. По всей вероятности, было замечено, что из наполненного вином сосуда, если его оставить греться под лучами тропического солнца, начинают выделяться капли значительно более концентрированного напитка, чем содержимое сосуда. Как бы то ни было, перегонный аппарат возник

в результате удлинения крышки и присоединения к аппарату охлаждающей системы для паров алкоголя. Конечным продуктом является, например, коньяк, получаемый туземцами Молуккских островов из пальмового вина путем перегонки. Благодаря дальнейшим техническим усовершенствованиям были созданы, главным образом на Яве, Цейлоне, в Сиаме и на Малабарском побережье, очень сложные перегонные аппараты, при помощи которых можно выгонять различные виды водки.

Еще в 1253 году миссионеры, объехавшие огромные районы от гор Центральной Сибири до северного Тибета и Киргизии, сообщали, что они познакомились там с очень крепким алкогольным напитком, который называется «кумыс» [1]. Пробовал его и Марко Поло. Абуль-Гази описывал его в 1251 году как «прозрачную жидкость, похожую на хлебную водку, дважды подвергнутую перегонке». Кумыс изготовляют из верблюжьего и ослиного молока, вызывая его брожение при помощи комков масла.

В многочисленных мифах и сказаниях первобытных народов прославляются попойки и веселые пьяницы. Поговорка хайя: «Голые варят пиво, хорошо одетые его пьют» — выражает уже известное чувство социального протеста, ибо означает, что богатые наслаждаются тем, что приготовляют им на потребу бедняки.

Когда у кпандо в Того калебасы совершают круговую, пьющие любят говорить друг другу комплименты. Если сосуд опорожняется, то последние капли из него выливают на землю, и участник пирушки именует себя специально придуманным для попойки прозвищем, вызывая этим вежливые ответные реплики своих приятелей. Так, если он, как рассказывает Брейткопф, выдает себя за *«Da tso mo»* (змею, пересекающую дорогу»), его друзья отвечают: *«Medzina kpo o»* («она не боится палки»). Если он называет себя *«klongo»* («щит черепахи), остальные кутилы задорно восклицают: «Мы тоже старые черепашьи щиты!», — что должно означать, что ни насекомые, ни какие-либо другие животные не в состоянии перехитрить черепаху, которая скрывается под своим щитом.

Застольная песня дусунов на Борнео, которую сообщил нам Стааль

Там снаружи много жидкости,
Но от нее у нас не болит голова, —
А от маленького кувшина с жидкостью,
находящегося дома,
Голова у нас трещит...

---

[1] Здесь недоразумение. Кумыс — освежающий и слегка опьяняющий напиток из перебродившего кобыльего или верблюжьего молока — явно спутан с молочной водкой (арака, у бурят — тарасун), знакомой издавна тем же скотоводческим народам. См. «Казаки», Сборник статей Антропологического отряда Казакстанской экспедиции Ак. Наук СССР, Л., 1930, стр. 177—192. Кроме того, ссылка на Абуль-Гази, историка, жившего в XVII в., является, видимо, ошибкой. — *Прим. ред.*

заключает в себе мудрую мысль, что, скажем, из пруда можно пить воду без всяких для себя последствий, в то время как находящийся дома сосуд с вином легко может привести к опьянению.

Как свидетельствуют песни Анакреона и Ли Тай-пе, высококультурные народы во все времена также прославляли наслаждение, доставляемое вином. Бог ацтеков Шипе величался «ночным пьяницей», и в древние времена право пить пульке имели только почтенные «мужчины и женщины преклонного возраста», в то время как для всех остальных мужчин, женщин и детей исключение делалось только во время большого праздника Текуилуитонтли, когда они могли пить пульке вволю.

Около 2500 года до н. э. в Египте было уже известно четыре сорта пива, а о «божественном» происхождении пива упоминается в письменных памятниках, относящихся еще к IV тысячелетию до н. э. В иероглифической надписи на древней каменной плите содержится следующее предостережение по адресу молодых людей: «Никогда не пей слишком много пива, ты падаешь и ломаешь себе кости, и никто не протягивает тебе руки, твои же друзья продолжают пить и говорят: «Вышвырните вон этого пьяницу!»

В эти слова вложен тот же смысл и предостережение, которое я слышал в церкви одной маленькой негритянской секты: «Берегитесь, чтобы господь не взял нож для открывания консервных банок и не обнаружил внутри у тебя ничего, кроме пива».

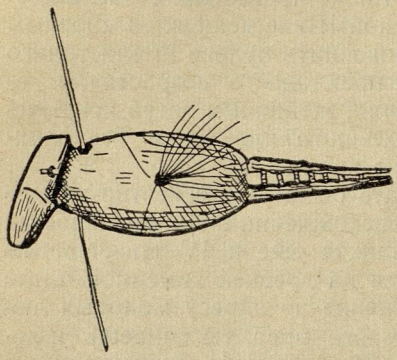
Среди египетских студентов чрезмерное потребление пива было, повидимому, вполне заурядным явлением, потому что задолго до начала нашей эры один ученый писал своему ученику: «Я слышу, что ты забросил книги и предаешься удовольствиям. По вечерам ты бродишь по улицам, и запах пива заставляет людей держаться от тебя подальше и причиняет вред твоей душе. Видели даже, как ты перелезал через стены и вламывался в дома. Ты вызываешь у людей отвращение и причиняешь им зло».

Было бы несправедливо, однако, причислять к общественным развлечениям человечества только еду, курение и питье. Важную роль играют такие безвредные и даже полезные развлечения, как танцы, спорт и игры. Жизнерадостность первобытных народов ярко проявляется в величайшем множестве забав, которые носят по существу здоровый характер.

В этом отношении стараются удовлетворять и запросы детей. Все народы мира изобретали забавные игрушки для развлечения и воспитания своих детей. У детей африканских пангве распространены игры с шарами, сделанными из круглых камней, они играют также в кегли пальмовыми орехами. Их родители делают им куклы, трубы, волчки, марионетки, ходули, волшебные игрушки и игры-загадки и дают им для игр маленькие луки, звериные западни и барабаны. Маленькие пангве также «тянут

канат» и бегают взапуски, короче говоря, у них есть все, что нужно для счастливого детства.

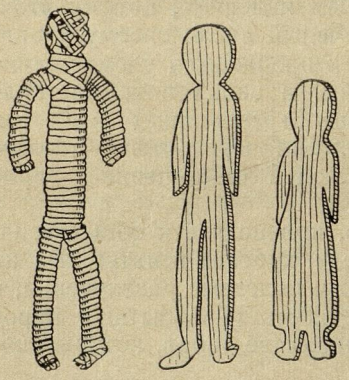
Куклы примитивных народов принимают нередко интереснейшие формы. Наибольшим своеобразием отличаются куклы боливийских индейцев чороти. Головы у этих кукол иногда бывают настолько маленькими, что их с трудом можно разглядеть. Поэтому татуировка лица переносится на все тело. Дети этих племен привыкли к наготе, и поэтому куклы их обладают весьма реалистическими деталями.



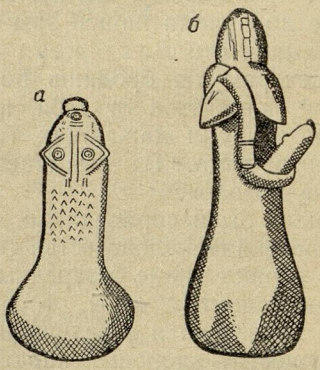
Деревянная птица, „танцующая“ на тетиве. Игрушка с островов Санта-Крус.

Чрезвычайной реалистичностью отличались также куклы древнего Египта с подвижными руками и ногами. У некоторых из них были парики из человеческих волос с вплетенными в них маленькими глиняными шариками — подражание шарикам из жира, которые носили в волосах нубийские девочки. Одной из любимейших игрушек был

КУКЛЫ ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ



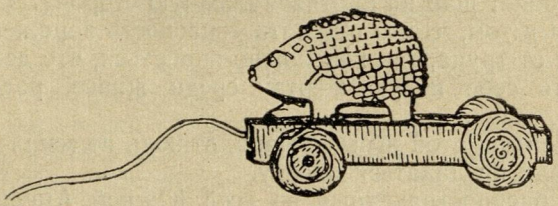
Куклы из коры вяза и ивовых ветвей (*индейцы оджибве, Северная Америка*).



Глиняные куклы индейцев чороти: *а* — женщина; *б* — женщина с грудным ребенком (*Рио Пилькомайо, Боливия*).

«работающий пекарь» — фигурка на подставке с двигающимися руками и ногами. Когда тянули за прикрепленный к пекарю шнур, тот начинал «месить тесто», передвигая своими руками

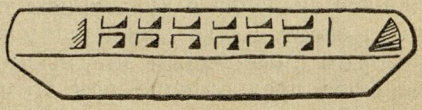
взад и вперед комочек глины. В распоряжении девочек были прелестно отделанные кукольные домики, меблировка которых представляла собой точную копию в миниатюре меблировки настоящих домов, начиная с настенного зеркала и кончая выдвижными ящиками шкафов и комодов. Особенно забавны были египетские и ассиро-вавилонские игрушки-животные, как, например, крокодилы с двигающимися челюстями или ежи на маленьких тележках с привязанным к ним шнуром.



Еж (игрушка) из развалин города Сузы, 2000 год до н. э.

Для развлечения маленьких египтян приручали также животных и птиц — обезьян и, любимых за их хохолок, удодов.

Общественные игры взрослых отличались и отличаются чрезвычайным разнообразием, причем наиболее широко распространенным выражением жизнерадостности и общительности являются, повидимому, танцы. Но даже очень примитивные племена, как, например, австралийцы, развлекаются борьбой, состязаниями в метании копья, играми в мяч и особенно широко известной в Полинезии, Америке, Африке и многих других районах мира игрой в веревочку. Почти для всех современных общественных игр можно найти их примитивные прототипы, начиная с головоломок и кончая играми на доске и азартными играми. В азартные игры в первобытные времена проигрывалось не меньше ценностей, чем, скажем, на наших тотализаторах. Такова, например африканская игра манкала, получившая распространение на всем «Черном континенте».



Игральная доска пангве (*Западная Африка*).

Племена Убанги являются фанатическими приверженцами игры кука, предаваясь которой, они проигрывают невероятное количество раковин каури, заменяющих им деньги. Но в игре принимают участие только мужчины, а женщины, как сообщает Лейдер, «не играют: для этого у них нет времени».

Даже погребения служат у некоторых народов поводом для азартной игры, причем считается, что выигравшему благоприятствует дух умершего. Особенно широко распространен этот

обычай среди южноамериканских индейцев. О том, как протекают подобные игры, рассказывает этнограф Карстен:

«Остаток ночи проводится за азартной игрой в горящие факелы-шары из хлопка. Поперек тела умершего индейца кладут доску, а на нее шар из хлопка, который затем зажигают. Игроки сидят по правую и по левую сторону трупа и дуют на горящий шар, так что он все время находится в движении. Когда шар оказывается поблизости от какого-нибудь игрока, он тотчас же, дуя на него, отгоняет шар на противоположную сторону. Смысл игры заключается в том, чтобы отогнать «опасность заражения», которая исходит от трупа, так как можно опасаться, что демон смерти будет искать себе новую жертву среди живых родственников умершего».

Жуткий смысл этой игры, однако, отнюдь не мешает ее участникам всецело предаваться азарту.

Широко распространенный во всей Южной Америке обычай превращать поминовение умерших в праздник для живых можно наблюдать и сейчас еще в современных крупных городах. Нет почти никакой разницы между обычаем индейцев Эквадора, говорящих на языке кечуа, отмечать «день поминовения усопших» большими пирами и современным обычаем мексиканцев продавать в этот день на уличных перекрестках разукрашенные сахарные головы, причем влюбленные дарят друг другу такие головы, украшенные своими инициалами.

Наряду с играми, восходящими к древнейшим обычаям, величайшее значение в культурном творчестве всех народов издревле имел спорт. К его древнейшим предкам относится птичий спорт, которым с особенным энтузиазмом занимаются в Океании. Наибольшее предпочтение при этом оказывается фрегату *(Fregata aquila)* — птице, отличающейся необыкновенной стремительностью полета. Человек, ухаживающий за фрегатом, носит особый знак отличия — браслет из перьев — и считается священным лицом, своего рода мистическим «супругом» птицы. Подобно этому дожи Венеции обручались некогда с морем, бросая в него кольцо. Хотя птицу-фрегат чтут как «птицу душ усопших», связанный с ее культом обряд превратился в настоящий спорт, выдающимися мастерами которого, как сообщает А. Кайзер, являются обитатели острова Науро. Сначала птицу приходится приручать. На хвосте и крыльях пойманного фрегата вырезают знаки собственности, для того чтобы владелец мог опознать свою птицу во время полета. Успешное приручение нового фрегата становится настоящим праздником для всей деревни. «Он просит теперь корма!» «*Oréita ména*!», — восклицают радостно люди. Владельцы фрегатов кормят своих птиц рыбой и поят водой из своего собственного открытого рта. Когда птицы становятся достаточно ручными и не пытаются больше покинуть хозяев, им вновь возвращают свободу и дают возможность участвовать в состязании с другими

птицами. Во время этих состязаний фрегатам присуждаются призы за высоту полета и другие успехи.

Жители этого острова владеют искусством приручения почти всех многочисленных видов птиц, встречающихся на их острове, и прежде всего ночных *éderakui*, название которых служит прозвищем для ночных гуляк этого племени. Среди разного рода развлечений на острове Науро наиболее популярны петушиные, свиные и рыбьи бои. Дети приручают даже стрекоз, хотя эти насекомые считаются воплощением душ умерших, и держат их на деревьях поблизости от своих хижин, откуда ручные стрекозы к великой радости их владельцев нападают из засады на пролетающих мимо диких стрекоз.

Такие развлечения с прирученными животными занимают промежуточное место между спортом и игрой и имеют ограниченное распространение. Иначе обстоит дело с такими видами спорта, когда в состязании участвует сам человек. Эти виды спорта известны на всей земле.

Первобытные народы лишь в редких случаях относятся к ходьбе и бегу, как к подлинному спорту, потому что бег и ходьба для них слишком обычны, чтобы побуждать к состязаниям. Даже в тех случаях, когда пешеходы, часто тяжело нагруженные, покрывают огромные расстояния по труднопроходимой местности, затраченная ими энергия не рассматривается как некое спортивное достижение. То же можно сказать и о скоростном беге, который для австралийцев, бушменов и готтентотов, способных загнать до смерти преследуемое ими животное, является одним из необходимых условий, обеспечивающих им успех при добывании пищи. Петер Кольб писал в 1719 году, что один всадник не мог угнаться за охотящимся готтентотом. Тарахумара, живущие в горах Сьерра-Мадре в Северной Мексике, добились столь поразительных успехов в беге, что живущие по соседству с ними племена называют их «раламари», то есть «бегуны». Тарахумара пробегают без всякого отдыха по двести миль. Живущие на острове Тибурон в Калифорнийском заливе сери могут загнать до смерти сильного оленя и быстро нагнать скачущую галопом лошадь. Они с раннего детства упражняются в скоростном беге, к которому прекрасно приспособлены их стройные, отличающиеся хорошими пропорциями тела́ и их традиционная страсть к спорту.

Лазание, с точки зрения первобытных народов, также не является спортом, несмотря на то, что ловкость, достигнутая ими в этой области, подчас прямо поразительна. Однако собратья по племени все же признают и высоко ценят рекорды, достигаемые при влезании на особенно труднодоступные деревья, с тем чтобы достать с них плоды, яйца или пчелиные соты.

Напротив, мастера по прыжкам в высоту всегда привлекают толпу восторженных зрителей, и многие племена, например

восточноафриканские высокорослые стройные ватусси, рассматривают рекорды в этой области как выражение мужского достоинства. Юноша, прыжок которого не превышает высоты собственного тела, не считается взрослым. В качестве трамплинов ватусси используют невысокие термитники и кочки и без труда достигают высоты прыжка в два с половиной метра.

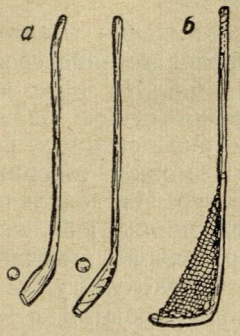
Метание является излюбленным спортом многих племен, которые пользуются для этого древнейшим диском — плоским камнем. Благодаря твердости руки и особенностям их оружия эти отличные охотники оказываются подготовленными к данному виду спорта с самого раннего детства. У североамериканских индейцев при упражнениях такого рода зрители-эксперты придают больше значения проявляемой метателем грации и ловкости, чем физической силе. Часто устраиваются групповые состязания по метанию, в которых противостоят друг другу две партии, точно придерживающиеся установленных правил и употребляющие для метания части стеблей сахарного тростника, зубы бобра, орехи или глиняные шары. Метательная игра индейцев зуньи — шовиальтове — носит религиозный характер, и все принадлежности игры перед ее началом торжественно освещаются на алтаре бога войны, который считается патроном шовиальтове.

Древняя принадлежность спорта и охоты австралийцев — бумеранг — встречается и в других частях земного шара. Помимо некоторых племен североамериканских индейцев, бумеранг можно найти также в Индии и в Египте, где еще в конце XIX века бумеранг находился на вооружении целых полков. Дуэль на копьях, к которой часто прибегают для разрешения споров между отдельными племенами, расценивается как спорт главным образом на островах Фиджи, на Новой Гвинее, в Америке и Африке.

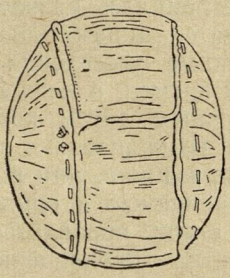
Борьба, проникшая и на наши спортивные арены, у первобытных народов также привлекает большие толпы зрителей, получив распространение во всем мире — от Австралии до Бразилии, от Африки до Финляндии, от Полинезии до Кавказа и от Юго-Восточной Азии до Японии, где борцы-сумотори рассматриваются как национальные герои.

Не менее популярен и бокс. На островах Тонга король превратил регулярное проведение соревнований по боксу в строго чтимую национальную традицию. Участники этих соревнований у первобытных народов либо обходятся совсем без перчаток, либо заменяют их толстой обмоткой рук. «Перчатки» для бокса жителей острова Мортлок представляют собой опасное оружие, из-за привязанных к ним акульих зубов. Побежденным здесь считается тот боксер, который падает первым. Существуют даже судьи, которые, на Гаваях например, немедленно вмешиваются при нарушении установленных правил или если матч слишком затягивается. Боксеров при этом отгоняют друг от друга палкой.

Плавание вообще не считается спортом. В Полинезии, однако, состязаются в катании на волнах прибоя на специально для этого сделанных досках. Этот своеобразный вид спорта является предметом больших состязаний. Выигрывает состязание тот, кто первым, не опрокинувшись, достигнет берега.



а — Хоккейные клюшки и мячи индейцев моно; *б* — Хоккейная клюшка индейцев пассамакводдн.



Ножной мяч индейцев мандан.

Быть может, самым популярным в мире видом спорта является игра в мяч, в которую с незапамятных времен играли и играют индейцы, негры, египтяне и европейцы. Почти все из наиболее известных у цивилизованных народов игр в мяч находят свои примитивные прототипы в спорте первобытных народов, у которых игры в мяч часто и по сей день имеют магическое или символическое значение, что лишний раз говорит об их давнишнем происхождении.

Когда наступает китобойный сезон, индейцы мака играют в хоккей, употребляя в качестве мяча китовую кость, а в качестве клюшки — палку, копирующую по форме палицу бога войны.

В древних ацтекских кодексах боги света и тьмы изображены играющими в мяч, а наблюдение в полночь за созвездием Большой Медведицы, которое считалось «площадкой для игры в мяч у звезд», входило в круг обязанностей мексиканских владык.

У североамериканских индейцев так много видов игры в мяч, что для их подробного описания потребовались бы целые тома. Для игр с двумя воротами, например для лакросса, хоккея («*shinny*») и погатована, употребляются мячи самой разнообразной формы и величины, в большинстве случаев представляющие собой мягкие шары из оленьей кожи, набитые травой или растительными волокнами. Европейский футбол ведет свое происхождение от эскимосской игры в мяч, при которой соблюдаются те же правила и употребляется такой же кожаный мяч, по размерам похожий на европейский.

Спортивные мячи древних египтян имели в диаметре около десяти сантиметров и состояли из двух аккуратно сшитых из кожи или тонкого полотна полушарий, набитых соломой или мелко нарезанным тростником. Искусные игроки часто пользовались хрупкими цветными шарами из песчаника, чтобы доказать свою ловкость.

Таким образом, человечество на протяжении тысячелетий постоянно стремилось разнообразить суровое течение своей жизни, скрашивая ее пирами, спортом и играми. Но в то время как всевозможные увеселения и развлечения существовали с незапамятных времен, о появлении вполне определенных, приуроченных к точным датам праздников мы можем говорить только начиная с возникновения высоких культур. Национальные и религиозные праздники, дни рождения, годовщины, юбилеи и торжества, справляемые в определенные, регулярно отмечаемые дни, впервые стали проводиться только высококультурными народами, так как предвидение предстоящих событий и планомерная подготовка к ним совершенно чужды образу мыслей первобытных народов. И все же большие официальные церемонии классического и доклассического периодов содержат в себе все элементы развлечений и увеселений, которые возникли стихийно еще в недрах первобытного общества, и пышные парады, танцы, игры, пиры и попойки — все это, вместе взятое, составляет в совокупности грандиозное празднество, которое отныне санкционируется церковью, государством или обществом.

Чибча делили год на три части, из которых одна специально посвящалась празднествам. У мусульман период увеселений начинается после рамадана, у католиков он кончается с началом поста. Таким образом, праздники цивилизованных народов установлены твердо и по плану. Кто бы ни был хозяином праздника — семья, группа, клуб, церковь или правительство, распорядок наших общественных развлечений всегда регулируется официальными органами. Это, конечно, содействует лучшей общей организации наших праздников и приемов, но весьма сомнительно, чтобы празднества современных городов могли соперничать с веселостью безудержной импровизации, с развлечениями ради развлечения, столь характерными для общественных сборищ в пустыне, джунглях и прериях.

Глава VII

О ДОРОГАХ, МОСТАХ, ПОВОЗКАХ И СУДАХ

Когда сверкающие лимузины стремительно проносятся по асфальтированным дорогам и на железных дорогах ставятся все новые и новые рекорды скорости, современный путешественник часто испытывает чувство гордости по поводу достигнутого прогресса.

Всего сто лет тому назад формы связи и скорость наших нынешних средств сообщения казались бы невообразимым порождением фантазии. Между тем строительство дорог, которому эти средства обязаны своим прогрессом, принадлежит к древнейшим достижениям человечества. Только благодаря наличию дорог сокращаются огромные сухопутные расстояния и только благодаря им уже много тысячелетий тому назад стали возможны торговые сношения и военные походы. Строительство древнейших дорог было вызвано все возраставшей необходимостью передвигаться по важнейшим направлениям, являлись ли они всего лишь тропами к ближайшему источнику, или караванными путями, пересекающими пустыни и горы. Сделав путь проходимым, удалив с него камни, деревья и кустарник, люди экономили драгоценное время и, главное, физические силы, делали более доступными источники воды и склады с пищевыми запасами, до некоторой степени гарантировали безопасность путешествия, так как уменьшалась опасность заблудиться в девственном лесу, и значительно облегчали себе возможность побывать у соседа или на ближайшем рынке. Но что важнее всего, — наличие дорог создало предпосылки для огромных переселений народов и обмена культурными достижениями. В мирное время и во время войны по дорогам неустанно передвигались торговые караваны или войска, причем в соприкосновение приходили люди с самыми различными мировоззрениями. Благодаря наличию этих важных артерий с древнейших времен установились и до сих пор происходят сношения между деревнями и рынками, между побережьем и внутренними районами страны. История возникновения великих исторических путей человечества является одновременно историей цивилизации.

Африканские караваны и сафари[1] двигались от озера Чад и Тимбукту до северного побережья материка и от Нила и Нигера через Судан, где купцов привлекали Сокото, Кано и другие торговые центры. Древнейший путь из Египта к Геркулесовым столпам стал уже почти легендарным. Весь «Черный континент» от Средиземного моря далеко вглубь материка пересекала и пересекает целая сеть троп и дорог. И даже через населенную примитивными племенами Австралию тянется торговый путь вековой давности от северо-западного побережья до Большого Австралийского залива общим протяжением более двух тысяч миль.

В Европе культура придунайских стран развивалась еще в доисторические времена на берегах реки, в течение тысячелетий она служила средоточием торгового и культурного обмена. Древние европейские соляные пути, по которым соль доставлялась из копей к местам продажи, еще и по сей день повествуют об истории своего возникновения по названиям лежащих на них городов; таковы, например, Рейхенхаль и Галле, которые были исходными пунктами торговых путей, проходивших по берегам Дуная, Эльбы и Луары.

Сказки «Тысячи и одной ночи» стали незабвенным памятником важнейшего торгового пути из Багдада в Басру, а по древним крупным торговым артериям, соединявшим Урал с Каспийским морем, на протяжении всей истории переселялись из Азии в Европу все новые и новые массы людей. По древним «шелковым путям», которые вели от Самарканда к Гиндукушу и от Гоби к Пекину, совершал свои путешествия Марко Поло. По этим «шелковым путям» драгоценная китайская ткань доставлялась через Центральную и Переднюю Азию в Римскую империю. Римско-китайская торговля шелком началась около 114 года до н. э. и, как сообщает Птолемей, путешествие от тогдашней китайской столицы Ланчжоу до Памирского плато продолжалось в то время семь месяцев.

В Америке участники торговых экспедиций майя преодолевали огромные пространства. Были найдены даже карты знаменитого пути, который вел от Хикалано через девственный лес к золотоносным районам Гондураса и которым еще пользовался Кортес во время своего завоевательного похода в 1524—1525 годах.

Тропы и дороги первобытных народов не могут, конечно, соперничать в славе с этими стратегическими и торговыми артериями, хотя они не менее древни, чем последние, если не древнее. Это не столько магистрали, сколько линии направления пути: их трасса в большинстве случаев зависит от особенностей ланд-

[1] «Сафари» — слово из языка суахили (Восточная Африка), означающее путешествие или экспедицию. — *Прим. ред.*

шафта, они обходят препятствия и тянутся, в зависимости от характера каждой данной местности, через горные перевалы, вдоль рек и по наиболее проходимым местам через леса и пустыни. Знаменитые фургоны первых североамериканских пионеров катились на Запад по древним индейским тропам, и даже в наше время большие современные магистрали следуют по направлению тех же троп туземцев. Так, например, индейская тропа в штате Луизиана, ведущая от Чинубы до озера Понтчартрейн, и сейчас еще является одной из важнейших артерий, а древний «Санта-Фе Трэйл» в Колорадо был перестроен уже в современную автостраду.

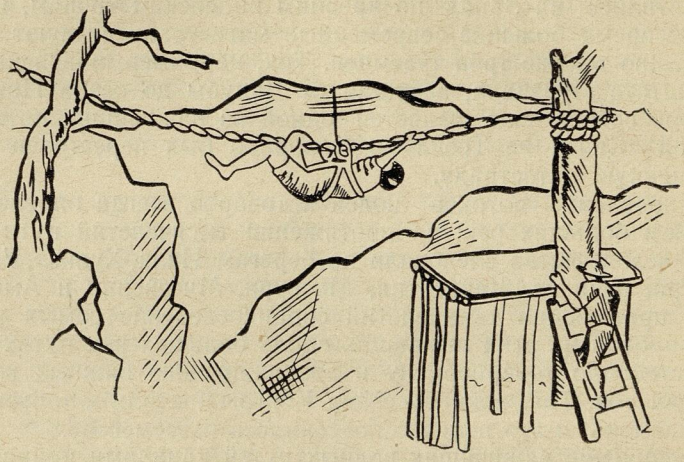
Направление потоков людей и товаров всегда определялось течением больших рек; на протяжении тысячелетий пути расселения человечества следовали по берегам Нила, Хуанхэ, Евфрата и Тигра, реки св. Лаврентия, Миссури, Миссисипи и Амазонки. И на протяжении тысячелетий соприкосновение самых различных народов на этих лежавших вдоль больших рек путях благоприятствовало товарообмену и возникновению важных культурных центров. Так, реки бассейна Конго обратили к торговле целые племена, и это явление повторялось повсеместно.

Соединение важнейших водных путей каналами принадлежит к древнейшим и значительнейшим достижениям строительной техники человечества, и история навеки сохранит память о китайском императоре Ян Ди (605—618 годы), приказавшем построить знаменитый Императорский канал. В бассейне реки Амазонки люди издавна научились предотвращать ежегодно возникающую опасность наводнений, сооружая многочисленные каналы, и современная наука твердо убеждена сейчас, что мощный водный путь между реками Ориноко и Рио Негро следует считать творением человеческих рук.

Но в то время как в истории реки и водные пути способствовали установлению связей между народами, для путешественника, желающего переправиться на другой берег, они часто представляли труднопреодолимое препятствие. Поэтому, чтобы переправляться через реки, человек изобрел мост. Даже самые примитивные племена изыскали средства и пути для преодоления этих препятствий, сооружая мосты через потоки и пропасти. Мосты различных племен и народов отличаются самыми разнообразными формами, начиная с простейших вспомогательных средств и кончая мощными сооружениями.

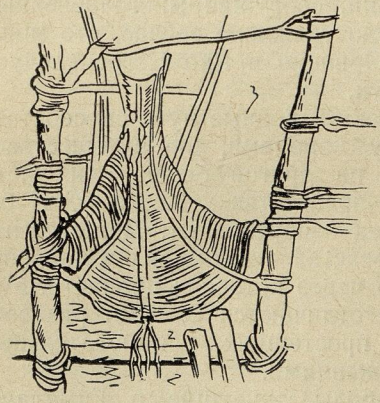
Примитивные пастушеские народы, живущие в Гималаях, высекают в скалах симметрично расположенные отверстия, в которые карабкающийся вверх или спускающийся вниз человек вставляет бамбуковые ступеньки. Через пропасти перекидываются толстые бамбуковые стволы: по ним путник перебирается через ущелье. Иногда к вершинам деревьев, растущих по обе стороны препятствия, прикрепляют сплетенный из волоса яка канат, и

путник, вися на бамбуковой палке или сидя в маленьком плетеном стульчике, перебирается по этому канату на другую сторону. Канатный мост перуанских индейцев служил надежной переправой через реки и пропасти. Южноамериканские аймара строят



Канатный мост (*Перу*).

плавучие мосты, гуари переправляются через реки при помощи уложенных поперек бамбуковых палок, а кечуа умеют уже строить консольные мосты. Ботокуды же и сирионо для переправы через реку укрепляют вместо каната лианы.



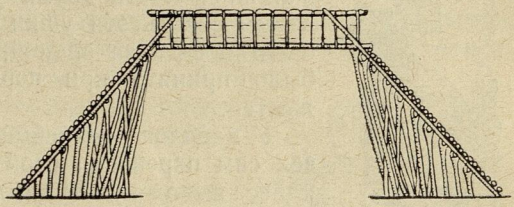
Мост из лиан (*Гватемала*).

Сложные мосты из лиан, которые строятся многими меланезийскими, африканскими, южноамериканскими, индийскими и индонезийскими племенами, представляют собой величайшее достижение примитивного строительного искусства. Эти основательно и прочно сплетенные мосты, имеющие форму вытянутой в длину полукруглой корзины и часто доходящие до высоты бедра или даже плеча человека, представляют собой надежное средство для переправы через реку или пропасть. Оба конца их прочно прикрепляются к деревьям или вершинам скал. Путник может держаться за имеющиеся по обеим сторонам перила.

Простейшим деревянным мостом является переброшенный через ручей ствол дерева, который однако, непригоден, когда

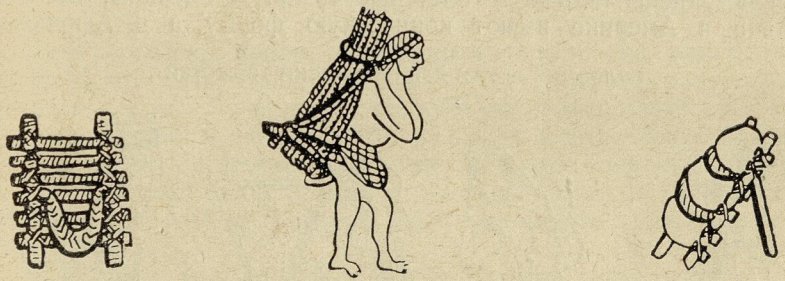
нужно переправляться через более широкую реку. В последнем случае при помощи развилин и опор сооружаются сложные деревянные мосты, получившие особенно примечательную форму в Колумбии, Меланезии и Камеруне.

Так человек, несмотря на воздвигаемые природой препятствия, научился продолжать свой путь в желаемом направлении и наверняка достигать цели своего путешествия вместе со своими товарами и багажом. Для подъема на горы пользуются посохами, которые в районах обитания замечательных мастеров-резчиков, как, например, в Африке или на Борнео, отличаются великолепной отделкой и нередко играют роль знаков ранга или магических жезлов.



Свайный мост племен чибча.

На земле не существует народа, который не изобрел бы какого-либо способа, с целью облегчить себе переноску товаров или багажа. Под груз, который носят на голове, подкладывают тканые кольца или маленькие подушки, а груз, переносимый на



Приспособления для переноски тяжести у ацтеков.

спине, поддерживают и прикрепляют при помощи ремней, головных лямок и поясов. Охватывающая голову лямка для ношения груза на спине более всего распространена в Азии, Северной и Южной Америке и Африке. Часто ее соединяют с корзиной или подпоркой, примером чего может служить мексиканская головная лямка мекапальи, к которой подвешивалось так называемое какахтли или похожее на лестницу приспособление для ношения груза на спине.

В Азии и у североамериканских индейцев матери при помощи особого приспособления часто носят грудных младенцев на

спине, тогда как южноамериканские индианки носят своих малышей по большей части в широкой тканой шали, которую мать перевешивает через плечо. В пути же грудного ребенка привязывают к похожей на лесенку рамке.

Амфора из Куско, воспроизводящая способ переноски этого же сосуда.

У инков большие сосуды для воды снабжены в нижней части двумя ушками. Благодаря продетым сквозь эти ушки веревкам сосуды можно было носить за спиной, а не на голове, как это было принято при переноске всех других тяжестей.

У народов древнейших культур каждый человек сам переносил свой груз, а господствующий класс высококультурных народов древности научился уже возлагать переноску тяжестей на людей «низших» каст. Знатные сингальцы носят в волосах круглые гребни, подчеркивая этим, что ни они, ни их предки никогда не носили тяжестей.

Простейшим приспособлением для переноски мелких предметов является употребляемая многими племенами, главным образом в Америке, сетка. В Африке и Азии сетку в большинстве случаев заменяет кожаный мешок. По всему миру распространены тканые и плетеные сумки и корзины, которые в Азии и Америке имеют коническую форму, а в Африке — большей частью четырехугольную. Все эти приспособления служат одной цели: облегчить переноску домашней утвари или хранение съестных припасов.

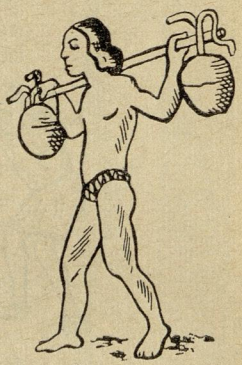
ГОЛОВНЫЕ ЛЯМКИ ДЛЯ ПЕРЕНОСКИ ТЯЖЕСТЕЙ

Северная и Южная Америка.

Аляска и Мексика.

Бельгийское Конго.

Чрезвычайно древним приспособлением для переноски грузов является коромысло: это носимый на плечах ствол или сук, который поддерживается в состоянии равновесия находящимися на обоих его концах грузами. Но для сохранения равновесия необходимо, чтобы оба переносимых груза имели одинаковый вес. Поэтому коромыслом удобнее всего пользоваться при переноске сосудов для воды или тюков одинаковой величины. Такое коромысло — «кули» ведет свое происхождение из Азии, но завоеватели Южной Америки обнаружили его уже в качестве самого распространенного среди туземцев приспособления для носки тяжестей, и Норденшельд рассказывает о страданиях индейцев, которых испанские завоеватели заставляли переносить грузы на спине, а не на привычном для них коромысле.



Коромысло мексиканских индейцев.

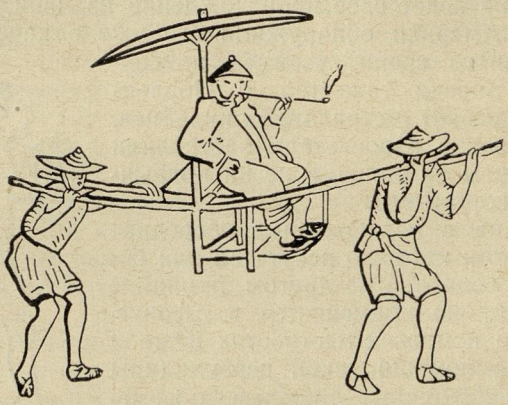
Перекладина с подвешенным посредине тяжелым грузом, которую несут два или более человека, основана на другом принципе физики и широко применяется в Африке, Азии, Океании и многих местностях Южной Америки. При помощи такой перекладины переносят всевозможные тяжелые предметы, начиная с убитой дичи и кончая тяжелым сигнальным барабаном и трупом покойника.

Для переноски привилегированных лиц иногда используется человеческая сила. Чаще всего таким образом переносят правителей или таких сановников, которые по религиозным или иным причинам должны быть скрыты от взоров толпы. Употребляемый в этом случае паланкин ведет свое происхождение от коромысла. К средней части двух или четырех перекладин прикрепляют сиденье или гамак, а концы перекладины кладутся на плечи носильщиков.

В Африке, где особенно любят подчеркивать власть и достоинство при помощи внешних атрибутов власти, паланкин и сейчас еще является излюбленным способом передвижения владык, вождей и могущественных «белых». В прежние времена ни один китайский сановник не унизил бы себя тем, что пустился бы в путь без паланкина. Особенно в Южном Китае паланкин служил признаком высокого общественного положения.

Рабы чибча носили своих господ в гамаках, подвешенных к перекладинам. В Перу царствующий Инка считался настолько священной особой, что подданным не разрешалось даже смотреть на его лицо. Поэтому Инка всегда путешествовал в закрытом паланкине, окруженном скороходами. В обязанность последних входило устранение с его пути всяких препятствий. Из этого же представления о «святости» особы владыки возник обычай

устраивать «занавес перед троном», который принадлежит к строго соблюдаемым обрядовым предписаниям в Египте, Абиссинии и в других африканских районах, включая пангве. Паланкин, скрывающий «священную» особу, из Вавилона и Египта проник в Рим классической эпохи, где в нем укрывались от взоров внешнего мира главным образом знатные дамы. После крестовых походов паланкин сделался популярным и в других странах



Китайский бамбуковый паланкин.

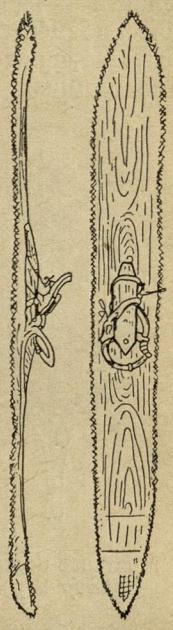
Запада, где в период преобладания стиля рококо знатные дамы пользовались почти исключительно этим способом передвижения.

Движущей силой всех этих транспортных средств является человек, в частности ноги носильщика, которые принимают на себя основную нагрузку. Тем не менее — особенно это относится к тропикам — попытки защитить голую ногу носильщика обувью были довольно редки. С другой же стороны, желание затруднить распознавание следов вызвало большое число изобретений. Старый исследователь Мэзон справедливо причисляет сандалии, мокасины и башмаки первобытных народов к древнейшим транспортным средствам, особенно необходимым там, где горячий песок пустыни или шипы и острые камни могли причинить вред босоногому носильщику. Индейцы тропической области Ророима делают себе сандалии из листьев пальмы маурициа. Южноафриканские бушмены изобрели настоящие беговые сандалии очень целесообразной формы. Эти сандалии не только предохраняют ноги бушменов от горячего песка Калахари, но и не дают ноге погружаться в песок. Беговые сандалии являются одной из непременных принадлежностей охотничьего снаряжения и позволяют бушменам до смерти загонять преследуемое животное.

Если сандалии и мокасины облегчают бег или ходьбу по земле, то коньки позволяют быстро и уверенно передвигаться по льду. В Азии и Европе коньки из кости были известны еще в

доисторические времена. «Ледовые кости» упоминаются и в Эдде. От них ведут свое происхождение голландские обитые железом деревянные коньки XIII века. Наши современные стальные коньки впервые появились в 1850 году в Америке. Эскимосские коньки, вырезанные из моржового клыка и похожие на первобытные коньки из кости, представляют собой прежде всего охотничье снаряжение, с помощью которого эскимосы преследуют дичь по льду.

Для передвижения по снежному покрову служат «снежные башмаки», или лыжи, которые ведут свое происхождение от «скользящих досок» бронзового века. Уже в древнейшие времена в Северной Азии и Северной Европе употреблялись лыжи, по форме удивительно похожие на наши современные, но нога человека опиралась на площадку из бересты, а нижняя поверхность в большинстве случаев обтягивалась шкурой северного оленя или тюленя. Уже в то время при ходьбе на лыжах необходимой принадлежностью считались две палки с костяными наконечниками и маленькими обмотанными ремнем обручами. Лыжи современных лапландцев длиннее и шире древних моделей и уже не обтягиваются снизу шкурой [1]. Таким образом, они совершенно похожи на наши современные лыжи, которые получили спортивное значение в норвежских горах Телемаркен. У американских индейцев этот тип лыж не встречается.



Лыжи, обтянутые шкурой северного оленя (*восточные якуты*).

В то время как скользящие лыжи позволяют быстро скользить по заснеженному пространству, рамные лыжи (снегоступы) дают возможность безопасно передвигаться по глубокому снегу. Эта форма лыж имеет чрезвычайно большое значение во всех районах Арктики. Мы можем даже говорить о «лыжной культуре» [2], которая, распространившись из Азии, достигла американского континента еще

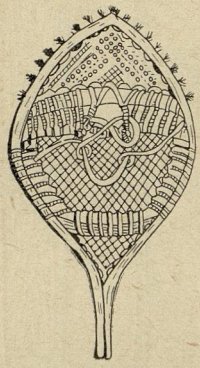
---

[1] Повидимому, случайная обмолвка: лопарские лыжи не шире, а уже обычных охотничьих, что видно и из дальнейшего текста. Лопарские узкие лыжи (описанные еще Ла-Мартиньером в XVII в.) не только «вполне похожи» на наши спортивные лыжи, но, повидимому, лопари и были изобретателями этого типа лыж, которые в новейшее время, через скандинавов и финнов, распространились по всей Европе как излюбленный вид для спорта. — *Прим. ред.*

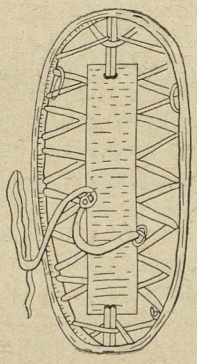
[2] Термин «лыжная культура» («культура лыжной охоты») введен датским этнографом Каем Биркет-Смитом и связан с его оригинальной концепцией о последовательных стадиях развития культуры народов Северной Азии и Северной Америки. По этой концепции, дополненной советским этнографом А. М. Золотаревым, за древнейшей (неолитической) стадией оседло-рыболов-

до того, как эскимосы расселились по северу, причем последнее ответвление этой культуры достигает Северной Калифорнии. Необходимой принадлежностью такого способа передвижения являются мокасины из мягкой кожи, которые, надев на ноги, пришнуровывают к снегоступам. Таким образом, арктические области североамериканского континента превратились в классические центры рамных лыж, с которыми никоим образом не могут соперничать более грубые европейские образцы. Производство рамных лыж североамериканских туземцев превратилось

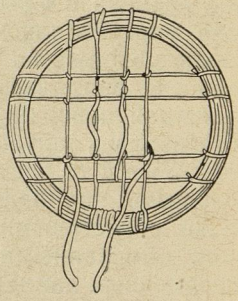
РАМНЫЕ ЛЫЖИ (СНЕГОСТУПЫ)



Монтанье-наскапи (*Лабрадор*).



Европейские Альпы.



Эскимосы (*Баффинова Земля*).

в подлинное искусство, которым прекрасно владеют обитатели Лабрадора — индейцы наскапи. При изготовлении «ашама» соблюдается строгое разделение труда: вырезывание и формовка деревянных частей является делом мужчин, а художественное плетение кожаных ремней всецело находится в руках женщин.

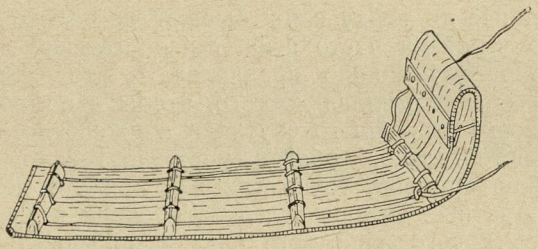
Для изготовления рамы березовую палку размягчают в горячей воде и затем сгибают ее вокруг колена в форме рамы, верхнее закругление которой распирается при помощи поперечной планки, в то время как концы, или «хвост», связываются кожаными ремнями. Лыжа наскапи имеет в длину около 36 сантиметров, а в ширину около 27 сантиметров. После просушки рамы, в верхнюю и нижнюю трети ее вставляются поперечные планки, для чего при помощи костяного сверла делаются необходимые зарубки. Таким же образом во всей раме просверливаются сим-

---

ческого хозяйства следовала, в связи с изобретением лыж, давших человеку возможность передвигаться зимой в тайге, стадия «культуры лыжной охоты». В этой теории много интересного, но чисто диффузионистское стремление Биркет-Смита вывести «лыжную» и все другие «культуры» из одного единственного центра — мало убедительно. — *Прим. ред.*

метрично расположенные отверстия, через которые женщины протягивают влажные тонкие ремешки из кожи карибу. Натягивание этих ремешков производится с чрезвычайной тщательностью, и узор, образующийся благодаря их переплетению, отличается изяществом и точностью, вызывающими восхищение у наблюдателя. В заключение в середину лыж вплетается система петель, которая прочно держит обутую в мокассин ногу лыжника.

Уже в древнейшие времена арктический охотник, снаряженный рамными лыжами, изобрел сани — еще одно важное приспособление, которое позволяло ему легко передвигать по снегу оружие, провиант и добычу. Сани возникли из древнего обычая тащить за собой груз в звериной шкуре. Доставляя домой убитого лося, медведя или северного оленя, люди узнавали, как легко



Тобогган, или плоские сани индейцев монтаньенаскапи (*Лабрадор*).

скользит по снегу шкура животного. Вскоре звериная шкура была заменена плоскими деревянными частями — так были изобретены сани. В своей древнейшей плоской форме они употребляются главным образом в арктических районах Азии, Америки и Европы (лапландцами Финляндии) [1]. Нет полозьев и у североканадского тобоггана. У индейцев наскапи тобогган является необходимейшим предметом зимнего снаряжения. На нем они перевозят по снегу убитую дичь, дрова, маленьких детей, больных, а также мертвецов к месту их погребения. В качестве строительного материала для тобоггана служит березовая древесина, которую расщепляют на тонкие доски длиной около 180 сантиметров. Две образующие основание тобоггана доски скрепляются четырьмя поперечными планками. Спереди доски загибаются вверх, для чего их предварительно парят в горячей воде, и скрепляются еще одной поперечной. Каждую деревянную часть прочно привязывают к другой кожаными ремнями, продетыми

[1] Речь идет об известной лопарской «кережке», бесполозных санях, по форме напоминающих перерубленную поперек лодку. У лопарей Кольского полуострова с конца XIX в. вытеснена распространившейся там «нартой» с полозьями ненецкого типа. — *Прим. ред.*

через нарочно просверленные для этого отверстия. Весной, когда индейцы покидают свои охотничьи территории, чтобы отправиться на лодках на летовья, они оставляют свои сани на зимовьях, тщательно запрятав их на вершинах деревьев.

Сани с полозьями, которыми пользуются эскимосы и некоторые другие соседние племена, а также самоеды, гиляки и другие народы Азии, следует считать относительно недавним изобретением, которое, согласно Норденшельду, было сделано где-то в Старом Свете. Первыми эскимосскими санями были, несомненно, сани без полозьев, употребляемые еще и по сей день у эскимосов карибу. Скандинавские народы до сих пор пользуются так называемыми «летними санями», на которых перевозят лесоматериалы по гладкой почве хвойных лесов; такого же типа санями пользовались еще древние египтяне для перевозки больших тяжестей по пескам пустыни.

Нагруженные до верху сани бывают настолько тяжелы, что силы одного человека часто бывает недостаточно для их передвижения. Поэтому можно предполагать, что человек уже в древние времена додумался до того, чтобы в помощь себе приспособить своего старейшего спутника из животного мира — собаку. И действительно, собачьи упряжки таскали сани уже в доисторические времена, точно так же, как это делается и по сей день в Арктике. Вскоре вслед за собакой в Европе и Азии в качестве тяглового животного начали пользоваться северным оленем, которого лишь позднее стали рассматривать как молочный скот и пользоваться им для верховой езды [1].

Так же обстоит дело и с крупным рогатым скотом, древнейшей одомашненной породой которого является тибетский як. Китайский буйвол был одомашнен несколько позже. В местах свайных поселений доисторических земледельцев, знавших толк в жизненных удобствах, были найдены ярма для быков или коров.

Дикие лошади известны в Европе уже со времен палеолита. Но только в конце неолита лошадь стала использоваться в качестве тягловой силы. Конская упряжь была обнаружена в местах находок культуры ленточной керамики. В III тысячелетии до н. э. лошадь из Азии через Малую Азию проникла в Вавилон и достигла Египта к концу Среднего царства. Славная традиция североафриканских мастеров-коневодов, разводивших породистых лошадей, установилась около 2000 лет до н. э. В доколумбовой Америке лошади не знали.

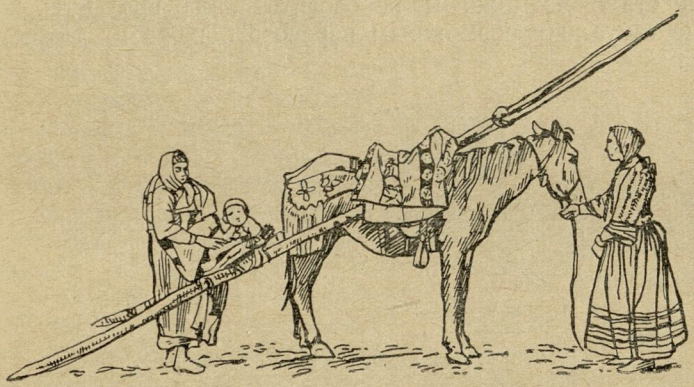
В Южной Америке задолго до прибытия европейцев домашними животными были лама и альпака, которые и сейчас еще

---

[1] Как показывают новейшие советские исследования, верховое оленеводство древнее упряжного. См. В а с и л е в и ч и Л е в и н, Типы оленеводства и их происхождение («Советская Этнография», 1950 г., № 1). — *Прим. ред.*

служат южноамериканским индейцам. В Азии с древнейших времен и по сей день к перевозке грузов приучали самых разнообразных животных, и в первую очередь собаку, яка, лошадь, северного оленя, одногорбого и двугорбого верблюда, зебу, слона, осла и даже овцу. Однако не все народы земли приучили тех или иных животных перевозить тяжести. Использование животных в качестве тягловой силы так и осталось неизвестным аборигенам Австралии, Океании, Японии и всей черной Африки.

Человек приучил животных к перевозке тяжестей значительно раньше, чем к верховой езде. И тем не менее древность азиатских «наездниче ских культур» очень глубока. При раскопках



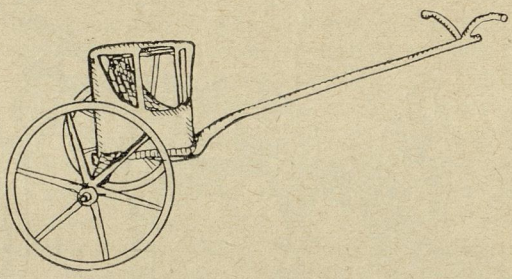
Волокуша („*travois*“) черноногих индейцев.

в Кюль-Тепе было найдено очень много относящихся к средине III тысячелетия до н. э. фигурок изображений всадников. После того как лошадь была ввезена на американский континент, у некоторых туземных племен, главным образом у североамериканских индейцев прерий и у южноамериканских племен Чако (которые пользовались набитыми соломой кожаными седлами и носили шпоры из осколков кости), развилась такая страсть к верховой езде, что они стали проводить почти всю свою жизнь, сидя верхом на лошади.

У индейцев прерий лошадь заменила собаку, которая в старые времена тащила так называемое *«travois»,* или волокушу — сооружение, состоящее из двух деревянных жердей, к середине которых привязывается перевозимый груз, и которые волочатся упряжным животным по земле. Волокуша принадлежит к древнейшим транспортным средствам, при помощи которых перевозятся дети, а также тюки, палатки, дрова и тому подобный груз. В Азии волокушей и теперь еще пользуются киргизы (и казахи)

и другие этнические группы, впрягая в нее верблюда, которым управляет сидящий на нем верхом человек [1].

Прежде чем тряские и трудноуправляемые *«travois»* уступили место более совершенным и удобным транспортным средствам, произошли события, которые повлекли за собой радикальные культурные изменения. Гениальным изобретением в области транспорта явилось колесо — достижение высокой культуры, оставшееся неизвестным первобытным народам. Изобретение колеса обеспечивало более удобное и быстрое передвижение. Кроме того, благодаря применению колеса трение между землей и повозкой значительно уменьшилось, а значит для перевозки тяжестей требовалось теперь гораздо меньше усилий. С помощью колеса стало возможным перевозить такие предметы, которые раньше считали невозможным перевозить из-за их тяжести.



Египетская повозка, 1400 год до н. э.

Первые археологические данные о колесе восходят к культуре городов Месопотамии. Предполагают, что идея колеса возникла из обычая перетаскивать тяжести при помощи подкладываемых под них древесных стволов — технический прием, применявшийся египтянами при транспортировке каменных плит, необходимых для постройки пирамид. Это предположение основывается также на том, что древнейшие колеса представляли собой попросту толстые, круглые деревянные диски, неподвижно соединенные с осью, которая двигалась с колесами. Из числа позднейших усовершенствований наибольшую важность имело изобретение ступицы и устройство в деревянном диске промежуточных сквозных выемок. Мало-помалу промежуточные пространства между деревянными частями увеличивались, пока, наконец, в бронзовом веке не образовались настоящие спицы. Колеса со спицами делали в Малой Азии уже в 2700 году до н. э.

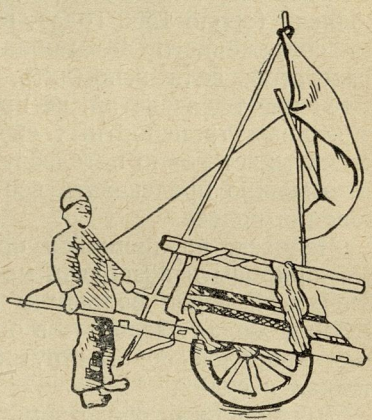
В то время как употреблявшаяся в древнейшие времена для перевозки тяжестей одноколесная тачка стала всеобщим средством передвижения, двухколесная повозка оставалась вначале

[1] У казахов волокуша употреблялась только бедняками, имевшими очень мало скота. Теперь вышла из употребления. — *Прим. ред.*

в распоряжении богов и полубогов, и когда смертные признали в конце концов преимущества двухколесной повозки, право пользоваться ею получили только владыки, а позднее — богатые. В классическую эпоху боевая колесница была спортивным и боевым оружием знати. Колесо вошло в орнаментальное искусство высококультурных народов в качестве мифического символа солнца, божественности и счастья. Об этих мифических представлениях нам до сих пор еще напоминают некоторые старинные обычаи, как, например, скатывание с горы горящего колеса в праздник солнцеворота или подбрасывание вверх деревянных дисков.

Двухколесная повозка древнее четырехколесной, а тачка с одним колесом, которую в Китае часто снабжают парусом, принадлежит к наидревнейшим транспортным средствам.

На юге Китая употребляются также паланкины, имеющие в середине одно колесо и лишь направляемые носильщиками. В Северном Китае и теперь еще употребляются так называемые большие повозки, служащие для длительных путешествий и представляющие собой похожую на палатку хижину, установленную на двух колесах. Такая повозка напоминает по своему внешнему виду знаменитые «*Covered wagon*» (фургоны) североамериканских пионеров.



Китайская тачка с парусом.

В войнах, которые вели древние высококультурные народы, обладание колесницами часто оказывалось решающим стратегическим фактором. Как нам известно из классической литературы, заграждения, сооружавшиеся из боевых колесниц, римские баллисты и катапульты на колесах играли чрезвычайно важную роль.

Ввиду того, что Китай является родиной многих важнейших изобретений, многие иностранные путешественники привыкли считать знаменитого китайского рикшу или джин-рикшу типичным восточным средством транспорта. Но это в корне неправильно, потому что и поныне еще рикша представляет для китайцев «ян-че», то есть «иностранную повозку». В действительности — это американское изобретение, насчитывающее ровно сто лет. Живший в Иокогаме баптистский миссионер Джонатан Гобль вместе с японским плотником придумал рикшу после того, как врач предписал больной супруге американца «медленное передвижение на свежем воздухе». Один предприимчивый француз,

который видел эту повозку, оценил ее возможности и импортировал ее в 1847 году в Китай, где она имела настолько большой успех у старых приверженцев паланкина, что вскоре стала предметом целой отрасли промышленности. Еще совсем недавно на улицах китайских городов между современными автомобилями передвигалось около четырехсот тысяч рикш, которые, однако, вскоре отойдут в прошлое, потому что Китайское народное правительство справедливо заявило, что профессия рикш-кули унижает человеческое достоинство.

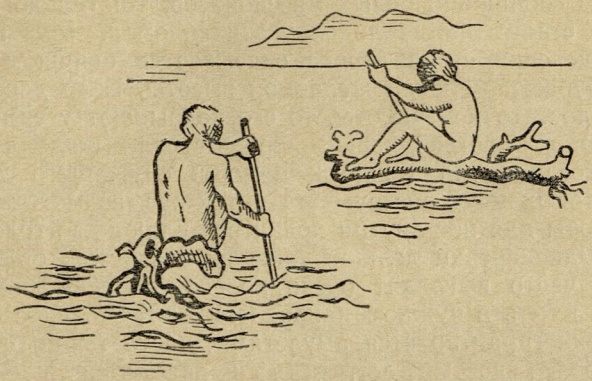
Развитие классической двухколесной колесницы в кареты и коляски (около 1500 года), в экипажи и ландо XIX века, вплоть до современного автомобиля, происходило с необыкновенной быстротой, если вспомнить, что простое колесо употреблялось в течение тысячелетий, не приводя к изобретению более комфортабельных транспортных средств. Если учесть, что автомобиль насчитывает ровно пятьдесят лет, в настоящее время совершенно невозможно предсказать все последующие возможности использования колеса.

Человек, научившийся прокладывать тропы среди девственной природы и возводить мосты через пропасти и реки, не остановился и перед большими водными пространствами. Там, где человек желал следовать в определенном направлении по созданным природой водным путям, он осваивал эти пути на своих лодках и судах.

Древнейшим средством водного транспорта был простой ствол дерева, спускаемый вниз по течению реки. Таким стволом и сейчас еще пользуются жители центральных районов Новой Гвинеи для путешествия по мощным водным потокам. Когда Финш приблизился к этому острову, судно его тотчас же было окружено множеством туземцев, которые чрезвычайно ловко плавали на древесных стволах и даже на корнях с помощью весел.

Из пловучего древесного ствола возникла затем однодеревка, которая впоследствии распространилась по всему миру. Однодеревка, у которой внутреннее полое пространство по большей части выжигается, распространена у всех первобытных народов, начиная от Австралии до архипелагов Океании и от Судана до арктических областей Азии и Европы. В доколумбовой Америке однодеревка была единственным средством водного транспорта южноамериканских бродячих племен. На своих однодеревках, часто достигавших в длину восемнадцати метров, индейцы отваживались заплывать далеко в море. Гуато и пайягуа, живущие в области Чако, плавают на своих однодеревках вдоль берегов реки при помощи длинных ланцетообразных весел, а обитатели других районов тропического леса употребляют для гребли короткие весла-гребки, похожие на костыли. Так называемая *piragua* верхнего Шингу состоит из простой деревянной доски.

Однодеревки жителей юго-восточного побережья Аляски отличаются лучшей обработкой и обычно разукрашены великолепной резьбой. Исследователь Кригер, отмечающий пристрастие этих индейцев к работам по дереву, указывает, что они «просто



Плоты из корней (*Новая Гвинея*).

одержимы искусством резьбы», описывая их длинные, выдолбленные из одного кедрового ствола однодеревки «с великолепно разукрашенным носом и кормой, которые делаются из отдельных кусков кедрового дерева. Каждый образчик такой резьбы представляет мифическое или подлинное животное, имеющее тотемическое значение; богатый орнамент обычно наносится вокруг

Однодеревка.

такого животного. Многие из этих достигавших ранее десяти-двадцати метров в длину лодок снабжаются плетеным из волокон кедровой коры парусом, но не имеют руля. Правит ими человек, который гребет, сидя на корме. Жители Ситки (остров Баранова) нередко плавали под парусами вплоть до порта Симпсон на реке Скина, удаленного от них на расстояние более ста миль». Такого рода лодки могут перевозить до пятидесяти пассажиров.

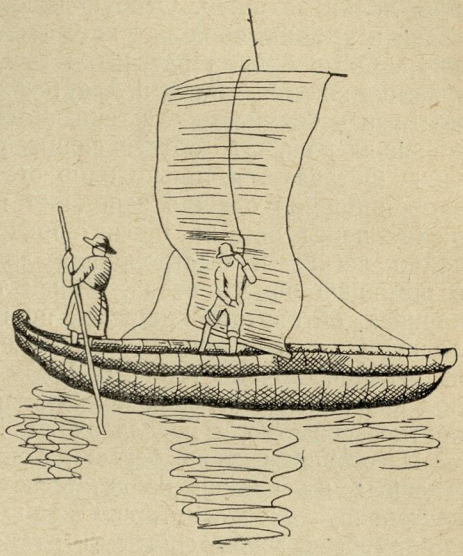
В Африке, главным образом в Камеруне, также встречаются однодеревки, отделанные богатой резьбой; значительно грубее отделаны однодеревки Судана. В Восточной Африке все рыбаки на озере Танганьика имеют собственные однодеревки, как это следует из сообщений белых миссионеров, тщательно изучавших искусство строительства лодок у этих племен. Если выбранный для однодеревки ствол дерева оказывается слишком длинным, дерево срубают лишь до желаемой высоты. Если дерево оказывается недостаточной высоты, то его подрывают у самого корня. После удаления ветвей, коры и корней ствол выдалбливают топором, часто прибегая также к помощи служащего для самых разнообразных целей инструмента — так называемого тессо. В качестве опоры для ног внутри лодки оставляют две толстые поперечины. Однодеревки делают даже из изогнутых стволов, и на воде они часто выглядят очень нелепо, впрочем, их нетрудно заставить плыть в нужном направлении. «Безопасность» готовой однодеревки гарантируется амулетами; часто такая однодеревка служит более восьми лет, хотя и находится в ежедневном употреблении. «Спуск со стапелей» новой однодеревки сопровождается большими церемониями. При этом вызываются души предков и высказываются самые страшные угрозы по адресу злонамеренных людей или духов, которые бы осмелились причинить вред новой лодке.

Однодеревки, употребляемые на севере Европы и Азии, получили там распространение, повидимому, в более поздний период, и их нельзя рассматривать как пережиток доисторических времен. В финских и севернорусских болотах, столь богатых остатками первобытных культур, не было найдено ни одной доисторической однодеревки. Сельское население Эстонии до сих пор еще строит однодеревки или, как их называют там, — леенемаа. Старый путешественник Миддендорф наблюдал такие же однодеревки на сибирских реках, впадающих в Ледовитый океан; он установил, что эти лодки строились южнее полярного круга, откуда они и были доставлены племенам, живущим на севере.

Грубоизготовленные из коры лодки примитивных народов, по всей вероятности, столь же древни, если не древнее однодеревок. Огнеземельцы ямана и их соседи (за исключением племени селк'нам), по словам Гузинде, изготовляют такие лодки из трех кусков коры, грубо сшиваемых китовым усом. На такой лодке веслом гребет всегда женщина, тогда как мужчина держит наготове копье или гарпун, чтобы сразу же пронзить добычу, едва только она покажется. Дети же сидят на корточках посреди лодки, где они заняты поддержанием огня и, кроме того, вычерпыванием воды, проникающей в плохо построенную лодку.

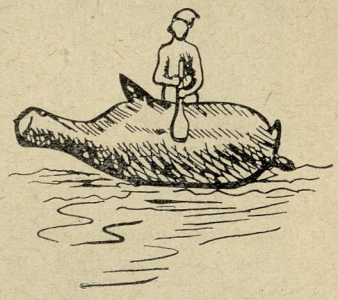
Некоторые африканские племена, главным образом центрального и восточного Судана, строят столь же древние суда — плоты из связанных вместе снопов папируса или вязанок пробкового

дерева амбач (*Herminiera elaphroxylon*). Особенно часто обе эти разновидности плота встречаются в районе Верхнего Нила. Их южноамериканской аналогией является так называемая бальса индейцев, живущих вблизи озера Титикака. На Коромандельском побережье Индии плот до сих пор еще остается самым популярным средством транспорта, а калифорнийские индейцы, особенно камиа, строят плоты из прудового тростника; длина таких плотов достигает более четырех с половиной метров, на них легко можно перевезти семь человек. Плоты племени тюбатулабал с экипажем из двух вооруженных копьями рыбаков в два раза короче, квадратны по форме и не имеют бортов.



Бальса (*озеро Титикака*).

Своеобразную разновидность плота представляет собой употребляемая в качестве парома в нижнем течении реки Колорадо «корита» — просмоленная в целях водонепроницаемости плетеная корзина. Не менее своеобразна и встречающаяся в Ассаме особая форма лодки: большой круглый глиняный горшок, в котором плавают лишь на короткие расстояния.

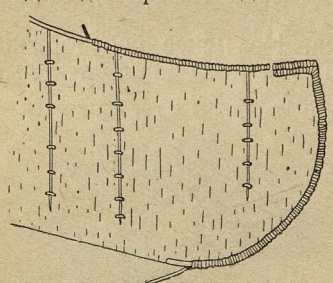


Надутая воздухом лодка из шкуры (*Северная Индия*).

К древнейшим средствам водного транспорта принадлежат также сшитые шкуры-бурдюки, которые либо надувают воздухом, либо распирают при помощи костяных и деревянных приспособлений. Такими наполненными воздухом лодками из шкур пользовались и отчасти до сих пор еще пользуются на реках Месопотамии, Нубии, Вавилона и Индии. Так называемая *bull boat* (бычья лодка) индейцев прерий сшивалась в форме круга из бизоньей кожи, натягивавшейся на деревянную раму, и своим внешним видом напоминала раскрытый дождевой зонтик. Южноамериканская пелота из бычьей кожи сравнительно недавнего происхождения. Она была введена пастухами гаучо.

Большая североазиатская лодка из шкур с ее парусами, сплетенными из кишек животного, и поплавками из надутой тюленьей кожи была излюбленным транспортным средством и в доисторической Европе. Ее последним пережитком являются лапландские лодки из шкур. Особую известность получили эскимосские каяки и умиаки, оболочка которых также сшивается из звериных шкур. Обычно каяк рассчитан только на одного охотника, хотя туземцы южной Аляски и Алеутских островов строят также двухместные и трехместные каяки. Лодка состоит из сшитых вместе тюленьих кож, туго обтягивающих раму, изготовленную из плавника. Оставляется только одно отверстие для седока, чья водонепроницаемая одежда заполняет весь люк. Гарпун со шнуром лежит перед ним на прочно прикрепленной доске. Эта необычайно легкая и быстроходная лодка приводится в движение с помощью одного весла. Умиак тоже состоит из деревянного каркаса, обтянутого шкурами, но представляет собой открытую лодку. Он менее древен, чем каяк, и происходит, повидимому, из северовосточной Азии. В Гренландии умиак, известный там под названием «женской лодки», употребляется лишь как транспортное средство, а не для охоты.

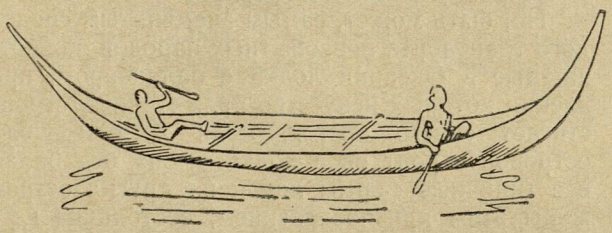
Изготовляемые из бересты челноки субарктических и родственных им племен представляют собой чрезвычайно прочно построенную лодку, которую никоим образом нельзя сравнивать, например, с грубо сшитыми из коры лодками огнеземельцев. Индейцы строят лодки из коры канадской или так называемой бумажной (*Betula papyrifera*) березы, которая сшивается с подлинно профессиональной ловкостью. Построенные без помощи металлических инструментов и гвоздей челноки являются шедевром примитивного прикладного искусства.



Нос челнока, „сшитого" из бересты (*индейцы монтанье-наскапи, Лабрадор*).

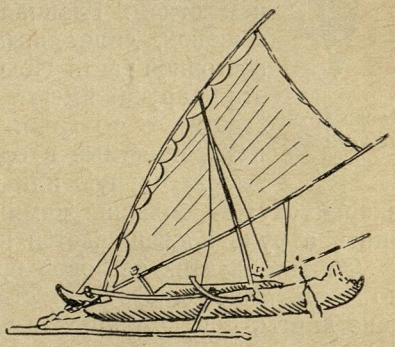
Отыскав подходящее для постройки лодки дерево, на его верхнем и нижнем концах делают при помощи топора из бобрового зуба два глубоких кольцеобразных надреза, соединяемых затем вертикальным надрезом. После этого кора осторожно сдирается с дерева. Пока мужчина выполняет эту работу, жена его вырывает много длинных и тонких еловых корней, растущих на поверхности, сдирает с них черную кору и расщепляет белую внутреннюю древесину на длинные тонкие полосы, которые затем кипятят и вымачивают в воде, для того чтобы они сохранили необходимую гибкость при употреблении их в качестве нитей. Отодрав кору от ствола и собрав все необходимые для постройки лодки материалы, мастер выбирает подходящую строи-

тельную площадку, так называемую «постель», почва которой должна быть твердой, но в то же время песчаной. Кора укладывается на эту постель наружной стороной к земле. Посреди куска коры кладется предварительно сооруженная из кедрового дерева рама, после чего края коры медленно и осторожно загибаются вверх и зажимаются снаружи второй рамой, состоящей из двух длинных согнутых реек. Прочно укрепив внутреннюю раму, внутрь лодки набрасывают много тяжелых камней, чтобы растянуть кору и придать ей постоянную форму. Выступающие края коры



Лодка „мон" без балансира (*Соломоновы о-ва*).

осторожно отрезают, и выкроенные таким образом части сшиваются женщинами. Для этого острой костью карибу просверливают симметрично расположенные пары отверстий, через которые протягивают «нити» из еловых корней. Соединив прочными, симметрично расположенными стежками все части, в лодку, попрежнему наполненную камнями, вставляют верхнюю раму. Только после того, как эта важная конструктивная часть будет накрепко закреплена и пришита, из лодки выбрасываются камни. Следующий рабочий процесс — просмаливание швов смесью из кипящей смолы и рыбьего клея — выполняется опять-таки женщинами. Однако постройку лодки заканчивают мужчины, которые придают челноку его окончательную форму и большую прочность, вставляя в него точно подогнанные продольные и поперечные ребра. Готовый челнок имеет круглое днище, лодка абсолютно симметрична и столь же красива, как и прочна.

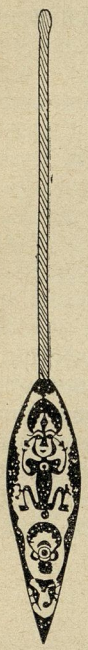


Лодка с балансиром и парусом (*Мадурский пролив, Индонезия*).

Лодка играет в жизни этих индейцев не менее важную роль, чем сани, так как является единственным транспортным средством, позволяющим им передвигаться по узким водным путям

центральных районов Лабрадора к их отдаленным охотничьим территориям. В большинстве случаев у каждой семьи имеется по нескольку таких лодок, в которых они весной перевозят добытую за зиму ценную пушнину к местам их летних резиденций и сбыта, а осенью, нагрузив лодки провиантом, возвращаются на свои охотничьи территории.

Только тот, кто своими глазами видел, как строятся и употребляются индейские челноки, в состоянии представить себе красоту этих лодок, на которых индейцы путешествуют по озерам и рекам Лабрадора.



Весло (*Соломоновы о-ва*).

Но, быть может, самым знаменитым средством водного транспорта первобытных народов являются сооружаемые в Океании лодки с балансиром, при изготовлении которых искусство примитивных строителей достигает своего апогея. Если жители Соломоновых островов строят свои лодки «мон» без балансира, то все типичные формы лодок на других островах снабжены этим приспособлением, состоящим из лежащей поперек корпуса судна конструкции, которая поддерживает судно в равновесии. У больших полинезийских лодок, предназначаемых для дальнего плавания, выступающий сбоку балансир часто заменяется отдельной маленькой лодкой, пристраиваемой к основной, — конструкция, которая происходит из Индонезии. На такой маленькой лодке часто строится настоящая хижина, в которой для удобства путешествующих находятся кокосовые орехи, снаряжение для ловли рыбы, наполненные водой калебасы и очаг с разведенным в нем огнем. Главная лодка оснащается парусами из цыновок, сплетенных из листьев пандануса. В юго-восточной части Новой Гвинеи на островах Санта-Крус эти паруса имеют известную форму «ласточкиного хвоста», в то время как меланезийские паруса, часто прикрепляемые к одной или двум мачтам, имеют четырехугольную или эллиптическую форму. В качестве якорей служат большие камни или наполненные камнями корзины, а руль подвешивается на петле на корме лодки.

Обитатели этих островов приобрели очень большие познания по части мореходного искусства и имеют даже настоящие морские карты, при помощи которых точно вычисляют направление своего пути [1]. Досконально изучив время отлива и прилива и

[1] Мореходное искусство островитян Океании действительно достойно изумления; но всего выше стояло оно не у меланезийцев (из которых только фиджийцы достигли очень высокого мастерства в этом деле) и не у микронезийцев, а у народов Полинезии — самых смелых и искусных мореплавателей прошлого. См. Те Ранги Хироа, Мореплаватели солнечного восхода, Москва, 1950. — *Прим. ред.*

особенно хорошо ориентируясь по звездам, они могут без всякого риска заплывать далеко в море. На Каролинских островах в Могемог, Улеай и Полуат и на Маршалловых островах в Джалуит и Арно существуют настоящие туземные школы навигации. Северный курс они прокладывают, руководствуясь Полярной звездой, Южный Крест указывает юг, а восточного и западного курса они точно придерживаются благодаря множеству известных по именам звезд, как доказал это Хамбрух в своем исследовании, посвященном искусству навигации океанийцев.

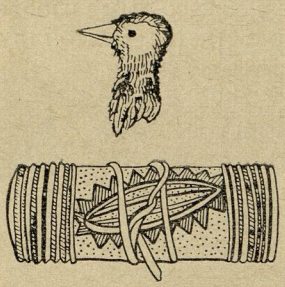
Таким образом, первобытные народы изыскали средства для передвижений по суше и морю, используя для этого географические условия и имевшиеся в их распоряжении сырьевые материалы. Мы, пользующиеся ныне благами цивилизации и считающие себя хозяевами дорог, рек и морей, несмотря на наши современные транспортные средства, давно уже лишились возможности передвигаться самостоятельно и перевозить свой груз. Пассажир наших поездов и пароходов-люкс не в состоянии сам управлять «чудом техники», на котором он путешествует.

Только с наступлением века воздушного транспорта древние сухопутные и водные пути лишились до некоторой степени своего преобладающего значения, и, летая в небесах, мы изобрели ковер-самолет, который до сих пор еще остается мечтой путешествующих дикарей.

Глава VIII

ОТ РАКОВИН-ДЕНЕГ ДО ЧЕКОВОЙ КНИЖКИ

Когда валютные кризисы, инфляции и дефляции ставят под угрозу экономическую жизнь капиталистического мира, то у некоторых людей появляется стремление отрешиться от веры в деньги как мерило стоимости, и некоторые мечтают, освободившись от финансовых треволнений нашего времени, укрыться на каком-нибудь идиллическом острове Океании. Однако, если бы такое желание и осуществилось, мы были бы вынуждены вскоре признать, что даже «простодушным дикарям» тоже приходится сталкиваться с финансовыми проблемами. Едва ли существует какая-либо разница между обращением кредитного билета и пользованием раковиной каури, также служащей в качестве мерила стоимости.



Резной кошелек из рога лося и „монета" — головка дятла у индейцев хупа.

Раковины каури.

Выписывая чек, чтобы оплатить счет, мы делаем приблизительно то же, что и индеец хупа, вытаскивающий из своей кожаной сумки резной кошелек, дабы извлечь оттуда «монету» в виде головки дятла.

В разных частях света форма платежных средств может быть различной, но хлопоты, связанные с обладанием денег или, напротив, безденежьем, одинаковы у всех народов.

К самым распространенным мерилам стоимости первобытных народов принадлежат прежде всего деньги, представленные в раковинах улиток и моллюсков. Так, круглые и гладкие раковины каури в течение нескольких столетий были и остаются «валютой», распространенной чуть ли не по всему миру. Раковины каури добывают, бросая в воду листья кокосовой пальмы

и вновь собирая их, после того как на них насядут моллюски. До сих пор еще торговцы многих национальностей пользуются этим древним платежным средством, область распространения которого простирается до Китая, Японии и Индии. Большинство ввезенных в Европу раковин каури было вывезено с Мальдивских островов — принадлежащего Великобритании архипелага в Индийском океане — и с восточноафриканского острова Мафия. Еще в XIII веке Марко Поло видел «деньги» каури в китайской провинции Толоман и описал их как «фарфоровые раковины, подобные раковинам, употреблявшимся ранее для украшения собачьих ошейников».

Но с течением времени у народов древних высоких культур право гражданства получили другие мерила стоимости, и раковины каури были заменены в Китае серебряными и медными монетами, а в Тибете — серебром. Но в Африке, например, деньги из раковин каури до сих пор широко распространены, и курс их поднимается тем выше, чем более удалена от побережья данная племенная территория. Во внутренних районах Африки раковинами каури можно оплатить почти любой товар и возместить стоимость любого имущества, и даже миссионеры охотно взимают свои сборы этими раковинами. Ибн Батута, совершивший в 1352 году путешествие по царству Мелле (Северо-Западная Африка), обнаружил там валюту в виде раковин каури с точно вычисленным курсом. Этой же валютой пользовались в древней Дагомее, и с нею же столкнулся итальянский путешественник Кодамосто в 1455 году в негритянском царстве Сонгай, расположенном к югу от Тимбукту. Деньги-каури получили распространение в Западной Африке задолго до прибытия туда европейцев. Так, например, суданское племя ибо разработало любопытную, основанную на каури, платежную систему. Согласно этой системе, стоимость товаров в деньгах-каури определялась по десятичной системе, тогда как счет раковин каури производился в «единицах», состоящих из шести раковин, по созданной для этого особой двенадцатиричной системе. В наше время у племени бубока топор стоит сто пятьдесят каури, а штука индийской хлопчатобумажной ткани — около шестисот каури. За два куска европейского мыла или за пакетик сушеных кузнечиков платят сто каури. У бассари за женщину платят пять тысяч раковин каури и одну корову, что составляет огромную сумму для будущего мужа. Художественно вылепленный глиняный фетиш можно получить за триста каури, что эквивалентно пятидесяти пфеннигам. Налоги и денежные штрафы, съестные припасы и надгробные камни — все это оплачивается раковинами каури, и обладатель каури может обанкротиться столь же легко, как и обладатель марок, долларов или фунтов стерлингов.

Еще один вид раковины — *Dentalium edulis* — служил платежным средством у древних индейских племен, обитавших между

Аляской и Пьюджет-Саунд. Эти раковины женщины выкапывали на берегах реки Ванкувер. Их стоимость колебалась в зависимости от блестящего белого цвета и от симметричности формы раковины, похожей на слоновый клык в миниатюре.

В Океании в качестве денег пользуются не одними только раковинами каури или только раковинами денталиум, причем здесь не употребляют в качестве денег раковины в их естественном виде. Раковины, признанные за мерило стоимости, должны подвергнуться предварительной обработке и быть нанизанными на шнурок и представляют в целом продукцию настоящих, специально предназначенных для этого «монетных дворов». Х. Петри в своем замечательном исследовании о «видах денег Океании» подробно описывает этот вид денег.

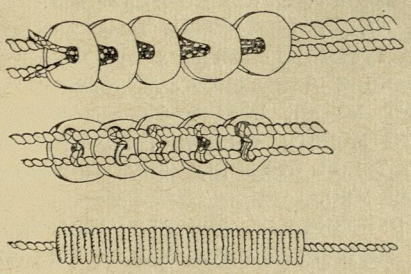
Самым распространенным меланезийским мерилом стоимости являются знаменитые деньги-насса, известные под названием «диварра» или «тамбу». Они изготовляются из имеющих бугорок раковин *Nassa-Camelus*, величина которых редко превышает один сантиметр. Туземцы, живущие на берегу Наканай, достают эти ценные раковины при помощи сетей со дна моря и хранят их у себя в хижинах, не обращая внимания на зловоние от разлагающихся тел моллюсков. Изготовление денег-насса требует большой ловкости и считается привилегией вождей, в которой совершенно отказывают женщинам.

Едва только минует период юго-западного муссона, как экспедиции собирателей денег покидают полуостров Газели, бухту Талили и соседние острова и на своих лодках с балансирами вылавливают моллюсков, которых туземцы именуют «пала-тамбу». Перед началом экспедиции совершаются религиозные церемонии, потому что диварра или тамбу считаются священными. Уже в первом благословении, которое получает новорожденный, провозглашается: «Да будешь ты большим и сильным, чтобы быть в состоянии часто ездить на Наканай и собирать много тамбу». Экспедиция продолжается около месяца.

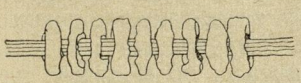
Обладание раковинами тамбу ценится островитянами больше, чем здоровье и даже жизнь. Уже само слово «тамбу» означает «большой и священный». На тамбу можно приобрести себе даже бессмертие, ибо после смерти на Наканай, в священную страну тамбу, могут попасть только души богатых.

Чтобы раковина стала деньгами, она вдавливается снизу в отверстие, вырезанное в скорлупе кокосового ореха, а «верблюжий горб» раковины стачивается при помощи острого инструмента, сделанного из раковины же, благодаря чему образуется отверстие, необходимое для нанизывания раковины на шнур. После этого раковина тщательно очищается и для получения желаемого белого цвета подвергается отбелке. В заключение тамбу нанизываются сперва на полоску коры для устранения еще оставшихся желтоватых пятен, а затем уже окончательно на усик

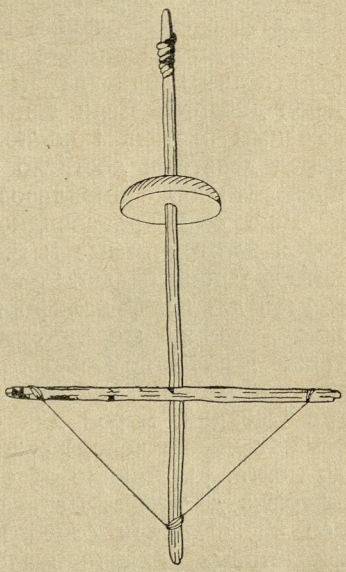
лианы, служащий денежным шнуром. Из предосторожности в хижинах никогда не держат «наличных денег» в количестве большем, чем это требуется для покрытия ежедневных расходов. Свой основной капитал богатые «депонируют» в подлинную казну, какой является скрытый в чаще и неустанно охраняемый общественный дом тамбу. Денежные снизки сплетаются в кольца, часто достигающие величины колеса повозки, завертываются



Раковинные денежные снизки „бакиау" и „саписапи" (*юго-восточная Новая Гвинея*).



Раковинные деньги тамбу (диварра) (*п-в Газели*).



Сверло для изготовления раковинных денег (*Новая Гвинея*).

в листья панданyса и крепко перевязываются бечевками из ротанга. Такое кольцо или обруч, несколько смахивающий на автомобильную шину, содержит около пятисот денежных снизок диварра, длиной по 180 сантиметров.

Подобно цивилизованным скупцам, эти островитяне любят вновь и вновь пересчитывать свои богатства, и их часто можно застать в хижинах за перемериванием снизок тамбу, с которыми они неохотно расстаются, прежде чем доверить свои сокровища казне. Деньги-диварра играют здесь настолько большую роль, что без них едва ли возможно обойтись в любом случае жизни. Деньгами-диварра оплачиваются не только товары, но и дети и невесты (которые стоят от десяти до пятнадцати денежных снизок). Жен заставляют неустанно и прилежно работать, для того чтобы их мужья могли накопить как можно больше денег-диварра и тем самым усилить свою власть и влияние. Во время войны драгоценные снизки тамбу закапываются в землю. Богач,

обладающий наибольшим числом денежных снизок, называется «лулуаи» или «патуан» («вождь», «великий господин»), а бедняк — «лувеан» («бедняга»). Деньгами-диварра можно возместить даже неосязаемые ценности. Каждое преступление можно искупить уплатой денег-диварра. Так, например, нарушение супружеской верности «стоит» три-пять денежных снизок, кража — двадцать, убийство — пятьдесят. Величайшим, почти несмываемым преступлением является кража диварра. Оно карается очень большим штрафом, уплачиваемым теми же деньгами-диварра. Тайные общества туземцев иногда злоупотребляют религиозным фанатизмом верующих для вымогательства у них денег-диварра. Если вспыхивает война, вождь обязан платить союзным племенам полноценной монетой-диварра. Преклонение перед деньгами достигло здесь такой степени, какую не может превзойти даже цивилизованный мир.

Еще одну разновидность раковинных денег представляют собой изготовляемые тысячами маленькие кружочки из раковин, которые нанизывают на шнур, достигающий нередко многих метров длины. У калифорнийских индейцев этот вид денег служил платежным средством при покупке невесты и употреблялся также в качестве монеты при усыновлении, похоронах, во время игр и даже при заключении мирных договоров. Как и у островитян Океании, мерой для определения длины денежных снизок служат члены человеческого тела, начиная от кончика пальца до локтя, расстояние от одного соска на груди до другого или от плеча до плеча. Деньги-вампум у североамериканских индейцев представляли собой кружочки, вырезанные из белых или фиолетовых раковин куахауг. Их носили по большей части на себе в виде пояса, они служили также в качестве юридического документа при заключении договоров.

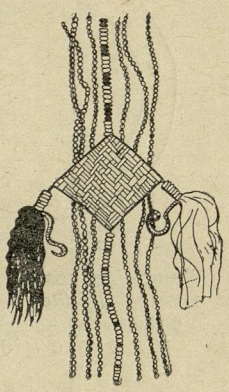
Кроме «священных» денег-диварра, в Океании изготовляются, в большинстве случаев женщинами, снизки «денег» из плоских раковинных кружочков. Наиболее известные «монетные дворы» этого платежного средства находятся на Соломоновых островах, на островах пролива Бугенвиль, на островах Банкса и других близлежащих островах. Жители островов, расположенных у полуострова Газели, называют такие денежные снизки «пеле», и нередко обменивают их на раковины насса, которые служат для изготовления денег-диварра. На побережье Буин острова Бугенвиль, по сообщению Турнвальда, покупная цена вдовы, а также свиньи составляет двадцать снизок (длина снизки — около 1,83 метра), в то время как стоимость молодой девушки может подниматься до ста пятидесяти снизок раковинных денег.

Кружочки имеют различную расцветку, главным образом белую, черную и фиолетовую или, как на острове Понапе, — красную. Употребляющиеся в качестве сырья большие раковины разбиваются на маленькие куски, прижимаются к деревянной

доске и полируются камнем с обеих сторон. Затем они просверливаются при помощи примитивного сверла и нанизываются на шнуры из кенафа. Готовые снизки обтачиваются пемзой, с тем чтобы величина дисков была одинаковой.

На островах Трук и Мортлок кружочки делаются иногда из скорлупы плодов, а аборигены Марианских островов изготовляют красивые денежные снизки из щита черепахи.

Тот факт, что деньги из раковинных кружочков принадлежат к древнейшим платежным средствам, подтверждается находками в местах доисторических погребений, так как вместе с покойниками в могилу клали и все его «состояние».



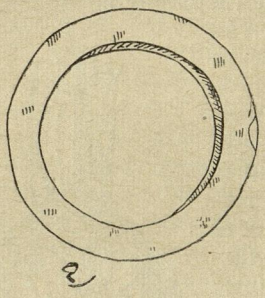
Часть снизки свиных денег (*Меланезия*).

Другим высоко ценимым платежным средством являются так называемые «свиные деньги» — комбинация из раковинных кружочков и других ценных предметов. «Свиные деньги» служат мерилом стоимости преимущественно на острове Новая Ирландия. Деньги эти состоят из раковинных кружков, число которых часто достигает двадцати тысяч связанных вместе со стеклянными бусами, собачьими зубами и сплетеными из полос ротанга вставками. К нижнему концу «свиных денег» всегда привязаны один или несколько свиных хвостов. Этот вид денег употребляется главным образом для покупки свиней и женщин. Но за женщину приходится приплачивать еще дополнительно две снизки собачьих зубов.

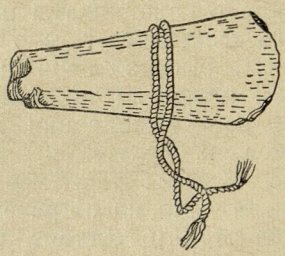
Описанный Петри образец «свиных денег» длиной почти в двенадцать метров состоял из длинной снизки бело-черных раковинных кружков с нанизанными через определенные промежутки более крупными «монетами», роль которых выполняли кружки из плодовой скорлупы. В центре находился сплетенный из черных и оранжевых полос ротанга и украшенный по углам раковинными кружками и свиными зубами квадрат, к которому были привязаны снизки белых раковинных кружков, две параллельные снизки горизонтально расположенных раковинных кружков, снизка белых и оранжевых кружков вперемежку с бусинами из кокосовой скорлупы, четыре собачьих зуба, еще одна снизка белых раковинных кружков и восемь белых раковинных ниток. К нижнему концу квадрата были прикреплены три свиных зуба и большая перламутровая раковина.

К числу других разновидностей раковинных денег принадлежат великолепные браслеты, вытачиваемые в Микронезии по большей части из раковины *Conus millepunctatus*, а в Меланезии — из *Tridacna gigas*. Согласно Петри, за двадцать колец

из тридакны можно приобрести одну хижину или лодку. Жители острова Тумлео платят одно такое кольцо за меру саго или за большую желтую райскую птицу, два кольца — за сторожевую собаку и десять — за свинью. Наиболее ценными считаются кольца из раковин с желтыми крапинками. Они вырезаются из большой раковины при помощи пилообразного инструмента, состоящего из деревянной дуги и лубяной тетивы. На западных и центральных Каролинских островах, а особенно на Понапе, такие



Денежное кольцо из раковин *Tridacna gigas* с желтыми крапинами (*Соломоновы о-ва*).



Деньги из перламутровой раковины „джар" (*о-в Яп*).

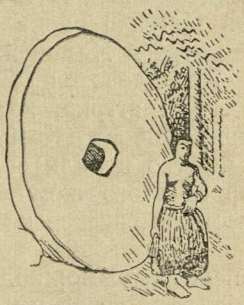
кольца делают из конусовидных раковин переднежаберных моллюсков. Подобные браслеты были известны и в доисторические времена.

Другим платежным средством, имеющим хождение главным образом на Каролинских островах, является «джар», или деньги, изготовляемые из перламутровой раковины [1]. При этом раковины стачиваются в форме лопатки, полируются и нанизываются на шнур из кокосового волокна. На острове Яп этот вид денег имеет хождение исключительно только среди женщин и называется «женскими деньгами», тогда как мужчины употребляют совершенно другие «монеты», а именно каменные деньги.

Эти знаменитые каменные деньги, или «феи», острова Яп представляют собой похожие на жернова диски из арагонита — камня известняковой породы, месторождение которого находится на островах Палау. Для того чтобы добыть эти камни, мужчины острова Яп время от времени отправляются в экспедицию за много сот миль. Как и в случае с диварра, это мерило стоимости служит деньгами не там, где его добывают, а у далеко живущих племен. Большие глыбы арагонита отламываются с огромным трудом без помощи каких-либо металлических инструментов и

[1] Разные виды денег на острове Яп («сар», «феи» и др.) описаны в свое время Миклухо-Маклаем. См. Н. Н. Миклухо-Маклай, Собрание сочинений, т. III, ч. I, 1951 г., стр. 260—262. — *Прим. ред.*

доставляются на остров Яп на плотах, которые лодки тянут за собой на буксире. Эти круглые плоские, просверленные в центре каменные диски достигают огромных размеров. Стоимость их повышается вместе с увеличением диаметра и уменьшением толщины. Некоторые диски-феи достигают пяти метров в диаметре. По всей вероятности, это самые большие деньги на земле. Измеряются они пядями. В 1900 году за феи шириной в три пяди можно было купить мешок копры [1] или набрать товаров общей стоимостью в десять долларов. Большой феи эквивалентен стоимости женщины, лодки, свиньи и значительного количества различных плодов.



Так называемые деньги-феи с острова Яп.

Размеры этой «монеты» затрудняют, конечно, пользование ею при повседневной торговле. Поэтому деньги-феи просто выставляются перед хижиной их владельца. Если же он продает что-либо другому далеко живущему человеку, то он лишь тщательно знакомится с качеством и видом его феи, но оставляет эту «монету» стоять там, где она стоит. В результате некоторые туземцы нередко обладают состоянием из денег-феи, разбросанных по всему острову. Если туземец острова Яп должен уплатить налог или штраф, правительственные чиновники просто помечают его деньги своими печатями или своими инициалами. В случае, если деньги меняют своего владельца, то пометки счищаются и вместо них делаются новые. В Китае и Индокитае были найдены такие же каменные деньги, датируемые неолитом, что свидетельствует о большой древности этого мерила стоимости.

На острове Изабель и на Ново-Гебридских островах в качестве денег имеют хождение мраморные кольца. У туземных охотников за черепами такое кольцо эквивалентно стоимости человеческой головы, «очень хорошей» свиньи или юноши среднего роста. На юге Новой Гвинеи в качестве мерила стоимости признаны изготовляемые из вулканической породы церемониальные топоры, которыми торгуют начиная к западу от Муруа и до залива Папуа, уплачивая ими за свиней, съестные припасы, лодки и землю. В этой же валюте получают вознаграждение за свои услуги и знахари.

На наш взгляд, самыми ценными денежными «камнями» являются, конечно, «монеты», изготовляемые из драгоценных и

---

[1] Копра — сушеная мякоть кокосового ореха — составляет один из главных предметов колониальной торговли в Океании, на торговле копрой наживаются скупщики и плантаторы. Она идет на выделку технических масел. — *Прим. ред.*

полудрагоценных камней. Но ввиду их редкости такие деньги чаще употребляются в качестве сокровищ, чем в качестве настоящих денег, хотя в некоторых районах земли они играют роль настоящей «валюты». В древнем Китае в качестве монеты в торговле употреблялись куски нефрита, а агат на Борнео до сих пор еще представляет собой вид денег. Агат наряду с яшмой имеет хождение в качестве монеты и среди населения Учичи. Караибы при покупке рабов платили за них нефритом, а в Кордофане, Дарфуре и Индии жемчуг до сих пор еще играет роль денег.

Исследователь Браун сообщал в 1624 году о «мистическом жемчуге аггри», который он видел в употреблении на плоскогорье Амбоси (Камерун). Местные жители называли его «абуг» и высоко ценили его в качестве денег. За две или три полные горсти этого жемчуга можно было купить человека. В мифах туземцев рассказывается, что жемчуг аггри добывался в руднике в стране Бонье, но что рудник обвалился и достать жемчуг теперь невозможно. Этим объясняется его высокая стоимость. Обладать деньгами аггри могли только вожди и их жены.

Белые путешественники и торговцы распространили по всему миру в качестве платежного средства европейские стеклянные бусы. В некоторых странах эти бусы представляют собой настолько общепризнанную «валюту», что изменение моды или вкуса способно вызвать серьезную «биржевую панику». Южноамериканский индеец, вложивший свое состояние в старомодные голубые бусы, может превратиться в нищего, если внезапно модными станут красные бусы, и его былое богатство сразу же обесценится, как это случалось с некоторыми акциями в 30-х годах XX века.

Особенно в Африке деньги из стеклянных бус получили настолько широкое распространение и до такой степени оказались подвержены превратностям моды, что предпринимались разного рода попытки для «стабилизации валюты». Однако ввиду того, что ввозились все новые и новые сорта бус, попытки эти наталкивались на непреодолимые препятствия. Король Уганды Суна попытался сделать свою страну независимой от европейского импортного товара, приказав засеять поля бусами, однако его надежды на хороший урожай не оправдались. На либерийском побережье Кру находятся в обращении деньги из стеклянных бус, которые, согласно верованиям местных жителей, добывались в рудниках их предками и «росли» в земле.

На островах Палау в качестве денег ценится некая «священная» земля, известная под названием аудоут. Эту крайне редкостную монету старательно прячут, и еще шестьдесят лет назад иностранные купцы оценивали такую деньгу в четыре тысячи долларов. Но ввиду ее высокой стоимости она не находится в обращении и чужеземцам ее почти не показывают. Как утверждает Петри, эти деньги оказывали «решающее влияние на всю жизнь племени».

Широко распространенным мерилом стоимости являются так называемые деньги-зубы; в большинстве случаев такими деньгами являются редкостные звериные зубы. Для того чтобы эти зубы получили значение монеты, иногда предпринимают специальные меры, чтобы во время роста зубов у определенного животного придать им желаемую форму, как это делают, например, с клыками кабана, служащими в качестве денег. Эти клыки ценятся особенно высоко, если они, вырастая, загибаются в форме настоящего кольца. Для получения такой «идеальной» формы у молодых кабанов вырывают верхние клыки, вследствие чего нижние вырастают через несколько лет, загибаясь концом вниз, чем и достигается желаемая кольцевая форма. Этот вид денег особенно высоко ценится папуасами, которые носят эти кольца в виде браслетов.

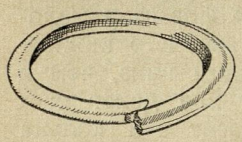
Еще шире область распространения денег из собачьих зубов, которые имеют хождение в качестве монеты не только на Новой Гвинее, но и в северной части Меланезийских островов. В качестве денег ценятся только четыре собачьих клыка, нанизываемых на параллельные шнуры и употребляемых как платежное средство при покупке свиней, пищевых продуктов и гончарных изделий. Женщина или юноша стóят примерно сто собачьих зубов. На Новой Гвинее этот вид денег является важным средством обмена между отдельными племенами. Шмидт сообщает, что папуасы нор делают браслеты, обмениваемые ими в Дальманхафене на табак, за который в Кисе они получают собачьи зубы. На эти зубы папуасы покупают в Ватаме драгоценную красную землю, которую обменивают в Васкулине на саго и сумки. Этими товарами, в свою очередь, «уплачивают» за гончарные изделия, за которые папуасы нор получают длинные цепочки денег из собачьих зубов.

На Новой Гвинее имеются также деньги из зубов кенгуру и опоссума, в то время как на Северном Бугенвиле и на других островах в качестве денег имеют хождение так называемые «реки», или зубы летучей мыши, и «байу», или зубы дельфина. Последние являются общепринятой валютой также в Сан-Кристобале и Маланте. Туземцы островов Банкса предпочитают кольца из кабаньих клыков, в то время как жители островов Фиджи и Гильберта изготовляют монеты из зубов кита. В относительной ценности денег-зубов имел возможность убедиться один европейский исследователь, которому африканское племя хаусса предложило тонну слоновой кости за два отреза хлопчатобумажной материи стоимостью в пятьдесят центов [1].

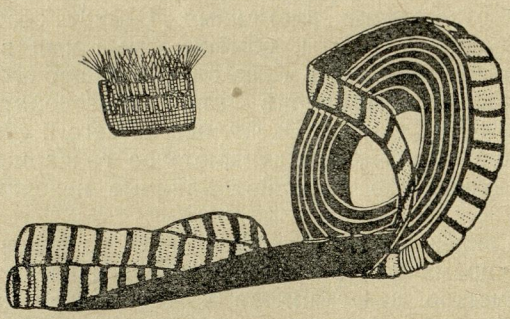
Но перечень денег «животного» происхождения не исчерпывается одними «монетами» из зубов. Одним из важнейших видов

[1] Автор намекает на то, что слоновая кость — тоже разновидность «денег-зубов». — *Прим. ред.*

денег, особенно в Океании, являются деньги из перьев, которые употребляются в самых различных формах. На островах Санта-Крус в качестве мелкой монеты употребляются перья, воткнутые в куски тканой ленты, в то время как свидетельством большого богатства служит обладание крупными денежными свертками, на которых ленточки с перьями располагаются подобно черепице. В таком свертке содержится около двух тысяч отдельных ленточек с перьями. Стоимость его, как указывает Шпейзер, соответствует стоимости девушки или двух свиней. Свертки тщательно заворачивают в материю из коры и подвешивают над очагом, чтобы предохранить их от насекомых. Их с гордостью показывают почетному гостю. Денежные свертки наследуются из поколения в поколение и теряют свою ценность лишь после того, как изнашиваются находящиеся в них красные перья. Очень богатые члены племени сооружают для хранения драгоценных денежных свертков укрытые в лесу собственные «сейфы». По случаю праздников богатство всего племени развешивается иногда между бамбуковыми столбами. Для того



Денежное кольцо из кабаньего клыка (*Новая Гвинея*).



Мелкая разменная монета из перьев и рулон из денег-перьев (*о-ва Санта-Крус*).

чтобы изготовить такой сверток, нужно убить много сотен птиц, чем и объясняется высокая стоимость этих денег. Наибольшим спросом пользуются перья голубей и колибри, но высоко ценятся также и мягкие перья, растущие вокруг глаз курицы. Изготовлением этих денег занимаются женщины.

На островах Банкса из обращающихся в качестве денег пучков маленьких красных и белых перьев делают ожерелья. На островах Санта-Крус носят иногда сделанные из денег-перьев пояса. Наивысшего совершенства деньги и украшения из перьев достигли в Полинезии. Еще в 1777 году Кук установил, что жел-

тые и красные перья попугаев играют там роль ценных монет. Полинезийцы богато разукрашивают перьями своих идолов и изображения богов, и знаменитые мантии их вождей, художественно вытканные из цветных перьев, принадлежат к числу ценнейших экспонатов наших музеев.

Жители островов Виллаумез и Французских островов употребляют в качестве денег перья и бедренные кости казуаров, которые особенно высоко ценятся там потому, что казуары на этих островах не водятся.

Ожерелье из денег-перьев (*о-ва Банкса*).

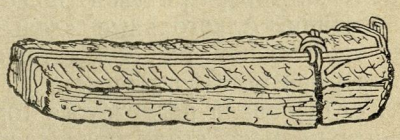
У различных племен в качестве денег ценятся также черепа. Так, чрезвычайную ценность в качестве «монет» представляют собой коровьи черепа в Ассаме и человеческие — у охотников за головами на острове Борнео.

К весьма своеобразному, но все же широко распространенному виду денег примитивных народов относятся съедобные «деньги».

В Африке одним из наиболее распространенных мерил стоимости является соль, нередко имеющая обращение в виде брусков каменной соли.

Пангве употребляют, кроме того, в качестве «монеты» так называемые «канк», представляющие собой свертки с вареным пюре из маниоки. Никакое ведомство здравоохранения не запрещает жителям Ниаса пользоваться «монетой» из сушеной свинины. В древней Мексике самой мелкой денежной единицей были бобы какао, которые и до сих пор считаются деньгами в отдаленных местностях.

Во многих китайских провинциях были чрезвычайно широко распространены деньги из так называемого кирпичного чая. Они состоят из чайных листьев, спрессованных в форме кирпича.



Деньги из каменной соли (*Эфиопия*).

На Суматре и у игоротов в качестве монет служат определенные меры рисовых зерен, и во многих азиатских районах еще и до сих пор жалованье и налоги уплачивают рисом. В Ост-Индии известны деньги из саго, на Никобарских островах в качестве денег служат соединенные парами маленькие орехи, а в Тибете — грецкие орехи. Другими растительными видами денег являются сушеная кожура бананов и куски корня куркума на Каролинских островах. В Лапландии до сих пор еще пользуются «деньгами из сыра».

Во многих местностях в денежное достоинство возводятся также возбуждающие средства. Так, в Ниасе и у народов Восточной Сибири в качестве монет служили листья табака. Этим же товаром расплачиваются иностранные купцы в Западной Африке. По сообщению Альберта Швейцера, в Ламбарене один лист табака равен стоимости двух ананасов, и почти все услуги оплачиваются там табаком. Семь листьев образуют «табачную головку», равную по стоимости семи французским франкам. Альберт Швейцер дает всем путешествующим по Африке полезные советы относительно этого торгового обычая.

«Отправляясь в путь, берут с собой для покупки продовольствия гребцам не деньги, а ящик с листьями табака. А для того чтобы негры не опустошили по дороге этот ценный ящик, на него садятся во время путешествия в лодке. Этот «товарообменный табак» значительно крепче употребляемого европейцами... Во время путешествия в лодке трубка переходит изо рта в рот. Тот, кто хочет быстро доехать, должен обещать своей команде по два листа табака на душу, и тогда он может быть уверен, что приедет на место на один-два часа раньше обычного срока».

Деньги из кирпичного чая со знаком „му“ (означающим дерево, древесину) в качестве штемпеля (*Центральная Азия*).

Значительно опаснее была опиумная валюта, обращавшаяся в свое время в китайской провинции Хайнань [1]. Не менее вредны спиртные деньги туземцев берега Лоанго, которые отмеряются стаканами или бутылками в зависимости от размеров уплачиваемой суммы. В дождливое время года одно яйцо стоит там полстакана рома, а в засушливый период — целый стакан. Козу можно купить за три бутылки рома и кусок хлопчатобумажной ткани. Айны платят за товар рисовой водкой, которую они импортируют из Японии. Алкогольные «деньги» тем более вредоносны, что они побуждают их обладателя в буквальном смысле слова упиваться своим богатством.

Когда начала развиваться торговля каучуком, многие примитивные племена стали признавать за деньги каучуковые шары, которые в Того временами вытесняли даже традиционные деньги-каури.

Под наше понятие денег больше всего подходят металлические деньги примитивных народов, которые в качестве мерила стоимости имеют хождение наравне с вышеупомянутыми «моне-

[1] Речь идет об острове Хайнань, не являющемся особой провинцией; он входит в провинцию Гуандун. — *Прим. ред.*

тами». Чаще всего это можно наблюдать в Африке, там, где смешение различных культур привело к одновременному употреблению различных видов денег. Однако эти металлические деньги не похожи на нашу разменную монету и в большинстве случаев представляют оружие или инструменты.

Туземцы округа Табора в Восточной Африке называют свою страну «Уньяньембе» («страна мотыги»), потому что лет шестьдесят тому назад жители Уссинджа доставили туда сто пятьдесят тысяч железных мотыг, которые и употребляются в качестве денег. К этой валюте добавились копья, ножи и ружья. В 1906 году пангве стабилизировали цены всех своих важнейших товаров. Хотя главными деньгами пангве являются железные наконечники копий, однако в результате проникновения к ним других элементов культуры и хозяйства, у пангве в ходу и ряд других мерил стоимости, что весьма затрудняет перерасчет цен их товаров, стоимость которых определена в наших деньгах на цены в туземной валюте.

В 1926 году, по сообщению Тессмана, пангве, пожелавший жениться, должен был уплатить за свою невесту следующие предметы:

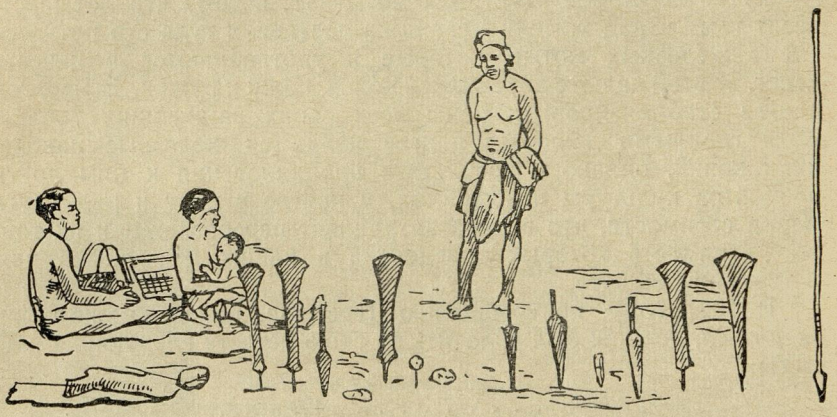
6000 копий	420	немецких марок
12 ружей	120	„ „
2 бочонка пороха	4	„ „
70 клыков	70	„ „
2 овцы	50	„ „
2 железных котла	8	„ „
10 отрезов полотна	40	„ „
5 шляп	10	„ „
13 котелков соли	26	„ „
2 ножа	2	„ „
2 пакета бус	2	„ „
2 курительные трубки . . .	0,50	„ „
2 пакета кремней	0,50	„ „
1 шляпу пуговиц	0,50	„ „
Итого	753,50	немецких марок

Это весьма значительная сумма, отсутствие которой обрекает многих молодых пангве на длительную холостяцкую жизнь.

При изготовлении металлических денег африканские народы никогда не зависели от европейского импорта, ибо они уже давно, еще до проникновения к ним европейцев, научились плавить и ковать железо.

Наиболее употребительны железные деньги в форме традиционных видов оружия и инструментов, которые в качестве мерила стоимости часто изготовляются в миниатюре. Так, например, старинные железные деньги пангве имеют форму маленьких

топоров, прикрепляемых веерообразно к шнуру из растительных волокон. Две такие связки стоят примерно четверть доллара. Но это древнее мерило стоимости стало теперь редкостью. Современные деньги пангве представляют собой преимущественно наконечники копий, стоимость которых зависит от их величины и качества. Такое копьецо стоит около двух американских центов,



Металлические деньги, выставленные во время торговых переговоров (*Конго*).

а самое большое — около двадцати пяти центов. Эти деньги нужны главным образом для покупки жен. Слоновый клык стоит приблизительно двести наконечников копий, птица-носорог — десять, большая крыса — десять, трубка — только один наконечник копья, суповая ложка — два, европейская винтовка — от ста до двухсот и усы леопарда — десять наконечников копий.

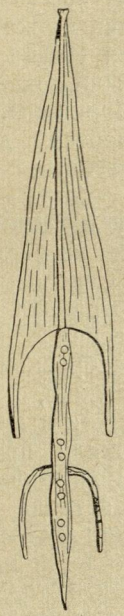
Восточноафриканское племя васандави также ведет счет на деньги-копья, в то время как западные банту предпочитают в качестве мерила стоимости наконечники копий и топоры, а базонго — метательные ножи. Африканские пигмеи покупают себе товары у соседних племен на железные ножи и наконечники копий. У них в обычае так называемый «немой обмен», при котором продавец и покупатель раскладывают предметы обмена в условленном месте, не встречаясь друг с другом.

В верхнем течении Бинуса в качестве денег обращаются иголки и гвозди, а калифорнийские индейцы помо расплачивались гладко отполированными конусами из доломита и магнезита.

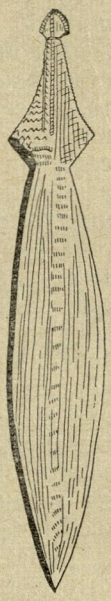
У африканских народов высоко ценится в качестве платежного средства одна старая европейская монета — так называемый талер Марии Терезии. Этот талер попал на «Черный континент» с Ближнего Востока и из Судана, распространился по всей Северной Африке и Западной Аравии и проник к югу даже за экватор. Он стал одним из популярнейших африканских платежных

средств потому, что туземцам очень нравится представительный бюст австрийской императрицы, украшающий одну из сторон талера, ибо худощавость как выражение красоты отнюдь не отвечает африканскому идеалу.

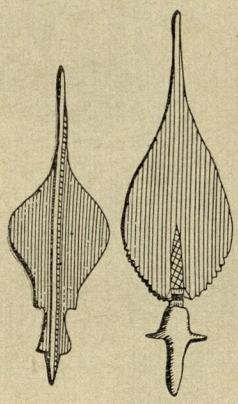
К другим принятым отсталыми народами иностранным монетам относятся прежде всего признанный в качестве мерила стоимости на всем Дальнем Востоке мексиканский серебряный доллар, а также индийская рупия, которая высоко ценится в качестве валюты в Восточной Африке и даже в такой высококультурной стране, как Тибет. В некоторых районах Абиссинии в качестве мелкой разменной монеты принимают патронные гильзы. Ценной «монетой» в Конго были медные слитки в форме андреевского креста. Тяжелые медные полукольца обращаются в качестве денег в Стэнли Пул. Эти медные полукольца в Западной Африке красиво орнаментируются. В государстве Бенин они служили главным платежным средством и часто изображались в виде «*manillas*» (кольца, браслеты) на знаменитых бронзовых плитах, восходящих к XVI и XVII столетиям.



Африканское железное копье, служащее в качестве денег (*Северное Конго*).



Медная „монета“ (*Конго*).



Наконечники копий, служащие в качестве денег у племени фанг (*Западная Африка*).

В древнем Китае находились в обращении металлические деньги самой разнообразной формы и из самых различных материалов. Древнейшая китайская металлическая монета имела форму тонкой бронзовой лопатки со втулкой и с четырехуголь-

ным черенком. Уже около 300 года до н. э. в Китае делали деньги в виде бронзовых колокольчиков. Эти «звонкие» монеты, или цяоцянь, отличались серповидной формой, прекрасной обработкой и красивой орнаментировкой и назывались «лунными» или «мостовыми» деньгами. Китайское слово «цянь» — деньги, буквально означающее «лопата», все еще напоминает о древнейшей форме находившихся там в обращении металлических денег.

В Юго-Восточной Азии функции денег выполняют также гонги. Ими уплачивают главным образом денежные штрафы, а также вносят выкуп за женщин. У различных же племен западной части Индии в качестве валюты были признаны металлические барабаны. Островитянам Целебеса деньгами служили латунные кольца, африканским банту — железные бусы, а у племени базонго — украшения из меди и медных сплавов. Североамериканские хайда употребляли в качестве денег красиво орнаментированные, своеобразной формы медные пластинки, которые одновременно, как и диварра в Океании, служили предметом религиозного почитания. Такие же медные пластинки находились в обращении и у квакиутль.

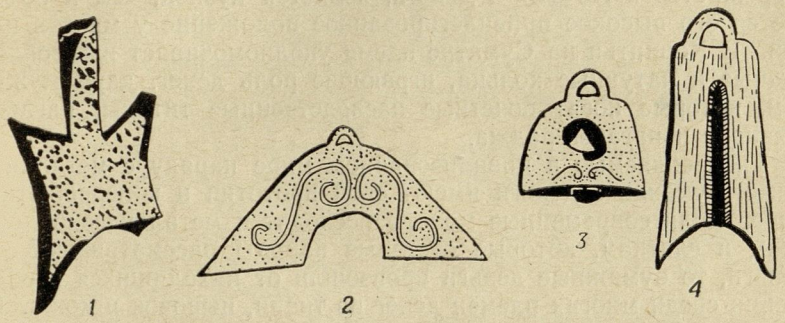
Купец с денежным кольцом („манилья"). Бронзовая плита XVI в. (*Бенин, Западная Африка*).

Едва ли найдется на земле хоть один народ, который смог бы устоять перед блеском золота. Несмотря на то, что первобытные народы и не изготовляли таких золотых монет, как мы их себе представляем, все же у многих племен золотые слитки и определенные мерки золотого песка были известны как полноценное платежное средство. Покупательная способность золота подвержена очень большим колебаниям. Во многих странах при обычных сделках предпочтение оказывается серебру, а золото употребляется только для покупки особенно ценных или роскошных предметов. На африканском Золотом Береге и у ашанти употреблявшийся в качестве платежного средства золотой песок отвешивался при помощи знаменитых золотых гирь, имеющих форму причудливых зверей или предметов утвари. В Китае и Индокитае золотой песок также выполнял функции денег, но

главным платежным средством он служил все же в древней Мексике, этой прославленнейшей стране золота.

В странах современной цивилизации в качестве общедоступного мерила стоимости употребляются уже не золотые слитки,

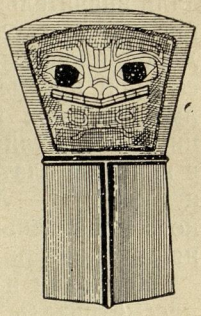
ДРЕВНЕКИТАЙСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ДЕНЬГИ



1 — Деньги в виде лопатки. *2* — Цяоцянь — мостовые или лунные деньги. *3* и *4* — деньги-колокольчики.

а чеканные золотые монеты, которые, однако, тоже исчезли из обращения. Но где бы ни появилась хотя бы одна из исчезнувших золотых монет, в нашем ли современном городе, или в африканской пустыне, всюду будет признана ее ценность и всюду на нее будут взирать с удивлением. Если же у кого-либо возникнет вопрос, что же сталось с бывшими европейскими и американскими золотыми монетами, то для этого ему следует отправиться в оазисы Западной Сахары, где их еще и сейчас демонстрируют, показывая свое искусство, маленькие танцовщицы племени улед-наил — кочевников пустыни. В своих узких, построенных из высушенной глины хижинах эти танцовщицы перебирают струны гитар, а когда они поднимают свои руки, то на них можно увидеть целые цепи из золотых монет всех стран, полученных ими от их друзей и клиентов [1].

Фигурка вождя квакиутль со священной денежной медной пластинкой в руке.



Гравированная медная денежная пластинка племени хайда.

[1] См. прим. к стр. 74. — *Прим. ред.*

Как у цивилизованных народов изготовление национальной валюты в виде государственных монет принадлежит государству, так и у отсталых народов в большинстве случаев изготовление платежных средств разрешается только избранной категории мужчин и женщин. В Африке единственным человеком, которому разрешается изготовлять деньги, является кузнец, чем и объясняется его высокое привилегированное положение у многих племен. В Коринтьи на Суматре племя уполномочивает изготовлять медные и латунные кольца, играющие роль денег, двум мужчинам, которые носят почетные наследственные титулы: пагавей-джананг и пагавей-раджа.

Употребляемые в цивилизованном мире наряду с металлическими бумажные деньги имеют свой прототип и в первобытном мире. Если современные монеты восходят к металлическим орудиям и слиткам, которые отсталые народы рассматривают как деньги, то бумажные деньги произошли от находящихся в обращении среди многих племен денег из ткани, цыновок и кожи. На островах Самоа и в юго-восточной Меланезии мерилом стоимости служат тонко сплетенные цыновки. На острове Яп тоже известны деньги-цыновки, впрочем, несколько более грубые, чем в Меланезии. Цыновки скатываются в рулоны и обвязываются шнурами из волокон.

У индейцев северо-западной Америки «деньги-одеяла» обладали значительной покупательной способностью, и до сих пор они продолжают служить платежным средством во время «танцев дароприношения» у чиппевеев и для уплаты вступительных взносов при приеме в «корпорацию» знахарей. У некоторых североамериканских индейцев в качестве признанной денежной единицы служили бобровые шкуры, тогда как южные племена в качестве платежного средства часто употребляли шкуры енота, а тлинкиты — лося. В странах, где в обращении находятся такого рода деньги, в большинстве случаев функции денег выполняют также разнообразные ткани.

Как один из примеров употребления «меховых денег» можно рассматривать освященную древним обычаем церемонию ежегодной продажи пушнины индейцами Лабрадора. Последние летом доставляют добытые ими зимой шкуры на фактории Гудзоновской компании, с тем чтобы выменять эти шкуры на необходимые для предстоящей зимы запасы. Еще совсем недавно стоимость доставленных индейцами связок шкур определялась в так называемых единицах «*made beaver*» (*MBr*), или в «бобрах», что являлось пережитком со времени хождения «бобровых монет» («*beaver coins*»), употреблявшихся компанией в ее торговле с индейцами. Такая бобровая монета была эквивалентна по стоимости первосортной шкурке бобра.

В Судане и Верхней Гвинее в качестве платежного средства признаны полотно и хлопчатобумажные материи. В Тибете для

оплаты счетов служит исключительно шелковая ткань — хадак. В древней Японии тканями платили главным образом поэтам — обычай, известный всем читателям «Тысячи и одной ночи». Как и пестрые стеклянные бусы, эти ткани-деньги часто бывают подвержены капризам моды и, следовательно, колебаниям цен: один сорт ткани охотно принимается, тогда как другой с пренебрежением отвергается. Туземцы Северной Сенегамбии определяют подлинность принимаемой ими в качестве денег индийской кубовой хлопчатобумажной ткани по запаху апретуры, отвергая все имитации как фальсификации.

Еще один шаг на пути развития бумажных денег представляет собой официальное штемпелевание европейскими чиновниками принимаемых за деньги цыновок. Так поступали, например, в Анголе португальцы, которые признавали штемпелеванные цыновки законными деньгами и принимали их при уплате налогов как полноценные деньги.

От этих плетеных из волокон денег до настоящих бумажных денег — главного платежного средства цивилизованного мира — всего лишь один небольшой шаг. Уже в XIII веке Марко Поло обнаружил в обращении у Великого хана бумажные деньги, сделанные из волокон тутового дерева. Вот что он пишет об этом: «Вся эта бумага изготовляется и обрабатывается с большой тщательностью государством, как если бы это было литое серебро или золото, и каждая такая бумажка снабжается не только именами, но и казенной печатью специально для этого существующего корпуса чиновников. После того как на бумажке будут поставлены подписи в соответствии с официальным служебным порядком, уполномоченный на то его величеством высший монетных дел мастер окунает свою печать в красную краску и прикладывает ее к бумажным деньгам. Таким образом они превращаются в настоящие деньги, и фальшивомонетчик, который пытался бы их скопировать, карается как тяжкий преступник».

В Китае в период династии Хань чеканились кожаные монеты причудливой формы, которые, однако, затем были заменены так называемыми деньгами-талонами, соответствующими примерно употребляемым игроками фишкам и обмениваемыми на настоящие деньги. В Китае до сих пор еще имеются такие деньги-заменители из глины, фарфора или лаковой массы, которые во время церемонии китайских похорон символически сжигались в качестве «денег усопшего», причем духов, жаждавших этих денег, обманывали, сжигая вместо настоящих бумажных денег клочки простой бумаги. В Южной Америке европейские трамвайные компании выпускали вместо обычных билетов гуттаперчевые, которые употреблялись туземцами в качестве денег.

Как и все жизненно важное, древние виды денег окружены мифическим ореолом, который ставит мерило стоимости в связь с богами, предками и духами природы. Это верование способ-

ствует повышению стоимости денег и одновременно предохраняет их от посягательства воров. «Цивилизованный» преступник, ограбивший банк, подвергается лишь тюремному заключению, в то время как его примитивный коллега предается проклятию и на него обрушивается гнев богов. Страх перед таким «вечным» наказанием приводит к тому, что у большинства первобытных народов почти не бывает денежных краж.

Как и многие другие племена, туземцы островов Папао приписывают своим деньгам небесное происхождение. По их представлениям деньги были созданы мистическими птицами и рыбами и положены на берегах таинственных островов. Если какая-нибудь монета меняет своего владельца, за это взимается небольшой налог, чтобы «умилостивить» монету.

Особо почитаемые монеты и бумажные деньги считаются талисманами. Так, многие женщины, совершающие паломничество в Мекку — святыню ислама, — берут с собой часто талисман в виде старой венецианской монеты с изображением Христа и святого Марка. В Тибете таким же образом поступали с индийской рупией, причем популярности этой монеты способствовало кажущееся сходство между изображенным на монете портретом королевы Виктории и Далай-ламой.

Каждая из упомянутых нами выше «священных» медных пластинок индейцев северо-западного побережья Северной Америки имела свое собственное имя и хранилась в своем «собственном доме», где ей ежедневно подавали даже кушать. Женщинам строго запрещалось переступать порог этого священного хранилища. Согласно верованиям туземцев, эти медные пластинки вели свое происхождение от человека на луне, который подарил их своим соплеменникам. Некоторые племена объясняют происхождение этих денег как дар могущественного вождя, замок которого находится на дне моря.

Люди бережливые и расточительные встречаются не только в цивилизованном, но и в примитивном мире. Меланезиец, например, либо легкомысленно расточает свое богатство, либо заботливо бережет его в охраняемом денежном доме деревенской общины. Владельцу диварра столь же тяжело, как и нам, расставаться со своими с трудом заработанными деньгами. Забота о деньгах во всем мире всегда одинакова, будь то покупатель, пришедший в город Салага и таскающий с собою в мешке из волокна свои двадцать тысяч раковин каури в виде «мелкой монеты», или пангве, на руке у которого висит плетеная сумка с железными деньгами, или абиссинец, который вытаскивает свои «монеты» — пустые патронные гильзы — из европейского патронташа. У африканских бассари можно потерять свое состояние в азартной игре, если подброшенная вверх раковина каури упадет «не той» стороной, столь же легко, как и в Монте-Карло, когда лопатка крупье загребает ставку в банк.

Даже мертвые в могилах не могут считать себя в безопасности от своих кредиторов. Так, родственники умершего мужчины племени эве покрывают его тело раковинами каури и предлагают всем законным кредиторам взять причитающуюся им долю. Но особенно большой ущерб имуществу всех смертных, где бы они ни жили, наносят налоги. В Борну каждый житель мужского пола должен уплатить налог в тысячу раковин, за каждого вьючного быка платится налог также в тысячу раковин, а за каждого раба должен быть уплачен сверхналог в размере двух тысяч раковин.

Почти в каждой стране имеется свой собственный финансовый гений. В Африке король Нассакама продал свою страну «Африканской компании» за триста тысяч каури ежегодной пенсии. Но самые умные спекулянты играют на разнице валют, и в примитивном мире также встречаются чрезвычайно продувные специалисты по валютному делу. В 1860 году один ашанти оказался настолько проницательным, что продал все свое состояние в каури по курсу один доллар за восемьдесят пять денежных снизок. Он прождал тридцать шесть лет, когда за один доллар можно было купить двести шестнадцать денежных шнурков, чтобы снова выменять свои доллары на каури и стать таким образом самым богатым человеком в племени.

В Кордофане в 1820 году в качестве официальной валюты была введена железная монета, известная под названием «гашаш», благодаря чему многие местные спекулянты превратились в набобов. Один туземный султан в районе моря Зулу стабилизировал валютный курс обращавшихся там в качестве денег хлопчатобумажных тканей, с тем чтобы стоимость их была устойчивой, независимо от увеличения или уменьшения их импорта.

Если изменение моды или чрезмерно возросший импорт новых ценностей начинают угрожать экономической стабильности какого-нибудь племени, то спасти состояние жителей можно бывает только разумной финансовой политикой. Так случилось, например, в 1840 году, когда шах Омар в государстве Борну объявил основными официальными ценностями талер Марии Терезии и испанский доллар, а каури — разменной монетой, чем устранил опасность инфляции, вызванную другими «побочными видами денег».

Но экономическому благосостоянию племени может угрожать также и дефляция. Интересный пример подобного рода, относящийся ко времени второй мировой войны, приведен в официальных голландских сообщениях о Голландской Ост-Индии, где говорится:

«Индонезийцы этой отдаленной страны не ценят золота и серебра, так как их признанной валютой являются красивые пестрые морские раковины, доставляемые издалека по опасным горным тропам. Эти раковины хрупки, и поэтому запас денег,

естественно, приходится время от времени пополнять. Но побережья, где находят эти особые раковины, захвачены сейчас японцами. В результате возникла опасная ситуация. Всей области угрожает дефляция, и из-за острого недостатка денег начинает подрываться вся экономическая жизнь населения. Чтобы помочь положению, голландские правительственные чиновники данного округа отправились в Австралию в надежде найти выход. Голландская Ост-Индская комиссия командировала многих людей на побережье Австралии на поиски желаемых денежных раковин, но, к сожалению, безрезультатно. Но однажды в помещение комиссии явился один из уполномоченных с радостным возгласом: «Конец дефляции! Я нашел раковинные деньги!»

Он повел изумленных чиновников в главный универсальный магазин Мельбурна, где эти блестящие раковины продавались в качестве игрушек для австралийских детей. Таким образом голландским правительственным чиновникам удалось возвратиться в свой округ с мешками, наполненными раковинами, и вернуть народу радость и благосостояние». Конечно, все это говорится в официальном правительственном отчете, а события, происшедшие с тех пор в Индонезии и имевшие своим результатом освобождение народа от колониального ига, говорят сами за себя.

Лишь очень немногие народы на земле живут сейчас, не имея ясного представления о деньгах и о их стоимости. К ним, в первую очередь, относятся австралийские собиратели и охотники, которым не ведомы ни бедность, ни богатство. Но едва только отходят в прошлое производственные отношения первобытного общества, как возникает понятие денег вне зависимости от того, являются ли деньгами раковины, камни, шкуры или куски металла, так как это в большей или меньшей степени обусловливается вопросом развития и географического положения. Лишения, связанные с нищетой, и власть богатства возникают всегда там, где человек, преследуя частную выгоду, занимается куплей и продажей.

Глава IX

ОТ СИГНАЛЬНОГО БАРАБАНА ДО ГАЗЕТЫ

Во время своих поездок по еще не исследованным районам путешественники не раз удивлялись тому, что народы пустынь, прерий и джунглей, которых они посещали, встречали их без особых признаков удивления и часто еще до прибытия экспедиции заготовляли для ее участников пищу и пристанище. Если же путешественники осведомлялись у жителей, каким образом те узнавали об их прибытии, то получали на это уклончивые ответы: «Да уж мы знали» или «Нам об этом сказали». Каким же образом эти люди, жившие в самой глуши девственной природы и не имевшие современных средств связи, могли получать известия о прибытии путешественников?

Многие белые австралийские овцеводы удивлялись тому, что некоторые из их наиболее преданных туземцев-работников внезапно исчезали на целые дни и столь же внезапно возвращались и вновь принимались за выполнение своих обязанностей. На вопрос, чем это было вызвано, туземцы отвечали, в конце концов, после долгого колебания: «Нас призывало наше племя, и нас покарали бы смертью, если бы мы не последовали призыву». Какому призыву? Каким образом доходил он до них в их уединенности, среди диких зарослей австралийских кустарников?

Путешественник, отваживающийся отправиться в область, населенную первобытными народами, должен учитывать то, что окружающие его племена, не имеющие письменности, уже много столетий тому назад изобрели и применяют совершенную систему беспроволочной телеграфной связи. Их приемы и средства связи безошибочны, и помешать их действию не могут ни короткие замыкания, ни метеорологические помехи. Борьба за существование среди девственной природы крайне сурова, и скорость, с какой получаются и распространяются важные известия, часто является вопросом жизни и смерти. Путешественник едва ли может надеяться на то, что ему удастся проникнуть во все тайны примитивной сигнальной системы, но во время своего путешествия у него бывает достаточно возможностей убедиться в ее сложности и действенности. И то, что ему приходится наблюдать в этой области, достойно всяческого удивления.

Простейшим средством человеческого общения является, конечно, язык, употребление которого привело к другим акустическим методам передачи сведений. Последним противостоят оптические средства связи, достигшие своего наивысшего развития с началом письменности. К этим же двум категориям средств информации принадлежат в цивилизованном мире радио и газета, то есть получение известий на слух или с помощью зрения. Хотя в нашем мире возможности двух этих способов информации чрезвычайно разнообразны, все же они представляют собой в точности те же оба принципа, которые с сотворения мира служили для одной и той же цели. Установлено, что среди отсталых народов акустические способы — язык и звук — применяются теми племенами, которые заселяют относительно ограниченное пространство, в то время как оптические средства предпочитают главным образом народы, занимающие обширные территории.

Тесная связь земледельческих народов с деревней как с крупнейшей политической единицей привела к развитию средств общения, основанных главным образом на звуке. В отличие от них пастушеские народы и родственные им племена, часто отделенные друг от друга огромными расстояниями, в основном полагаются на оптические средства связи. С течением времени у народов древних высоких культур оптические методы передачи информации привели, судя по нарисованным изображениям, к изобретению письма.

Лишь в условиях высокой культуры стало возможным усовершенствовать как оптический, так и акустический методы настолько, чтобы из них могли развиться средства осведомления современного цивилизованного мира. Искусство письма было, по всей вероятности, изобретено жрецами как тайное средство, служившее их собственным целям .Однако это вовсе не означает, что все способы передачи сообщений носили первоначально религиозный характер. Уже с самых древнейших времен можно отчетливо различить две параллельно развивающиеся тенденции в передаче известий: одна — преследующая рациональные цели, и другая — основанная на религиозных представлениях.

В принципе разница между нашими современными средствами связи и средствами связи первобытных народов отнюдь не столь велика, как это можно было бы предполагать. Несмотря на свое огромное влияние, ни телеграфные, ни газетные, ни радиосообщения не распространяются немедленно среди всего населения. И в наши дни в деревне иногда еще пользуются приемами информации, весьма похожими на таковые же у первобытных народов. Так, во многих районах до сих пор еще колокол сзывает на собрание жителей деревни, чтобы объявить им последние постановления бургомистра или старосты, тогда как на Новой Гвинее, в Африке и в Южной Америке ту же роль выполняет деревенский барабан. И посыльная отдаленной деревни, обозначающая у себя

в записке заказанные товары грубым изображением редиски, пакетов с мукой и предметов домашнего обихода, ничем не отличается от каллиграфов североамериканских индейцев, которые, пользуясь приемами мнемотехники, увековечивают в сериях рисунков историю своего племени и войн, свои песни и родословные.

Но эти аналогии идут еще дальше. Старые обычаи, имеющие целью: не забыть о взятом на себя поручении, завязав узелок на носовом платке; ношение траурной повязки на рукаве в качестве уведомления о смерти близкого; установление указателей на перекрестке дорог; удары гонга, созывающего людей к трапезе; обычаи ломать палку над осужденным или зажигать на горах ивановы огни — все это имеет свои параллели в аналогичных традициях первобытных народов. Так, австралийцы носят при себе особые резные памятные палочки, тасманийцы красят себе лицо в траурный цвет, сибирские племена втыкают на перекрестках ветки, указывающие направление, судья в Лоанго при объявлении приговора вырывает пучки трав, а огневые или дымовые сигналы индейцев прерий, пуэлче, австралийцев и папуасов возвещают общине о важных событиях. Все эти знаки служат вестниками, которые всегда правильно понимаются и толкуются населением данной местности.

Как нам известно, язык является древнейшим средством человеческого общения и во всем мире нет ни одного безъязычного народа. Но язык отнюдь не ограничивается одними артикулируемыми словами. Он может использовать в качестве сигнальных средств любые формы выражения, на какие только способна человеческая гортань. Так, например, ведды Цейлона и пигмеи Центральной Африки передают известия с помощью своеобразного монотонного шопота. Маргарет Хастингс, бывшая военнослужащая американской армии во время второй мировой войны, очутившись из-за аварии самолета в одной долине на Новой Гвинее, услыхала внезапно «странную, непрерывно усиливавшуюся волну звуков, походившую на прерывистое дыхание большой собачьей своры». Как она узнала позднее, это был сигнал туземцев, созывавший к месту катастрофы группы членов племени для оказания помощи. Племена Новой Гвинеи пользуются такими звуковыми сигналами самыми различными способами и часто сообщают с одной вершины горы на другую важные вести, передаваемые далее через тщательно оборудованные промежуточные станции.

Исследователь патер Вановерберг установил у негритосов Северного Лусона пять различных видов «уведомительных криков», которые он описывает следующим образом:

«1. Очень высокий, протяжный, пронзительный крик без изменения тона. Обозначает: «Где ты?» — и употребляется по большей части в лесу.

2. Похожий на предыдущий, но несколько более низкий крик. Означает: «Что случилось?», «Что тебе нужно?» — и часто служит ответом на первый сигнал.

3. Похожий на предыдущий, но гораздо более короткий крик, за которым через краткие промежутки следует другой очень короткий и низкий крик. Это означает: «Приходи!», «Иди сюда!» — и т. п. Такой сигнал употребляется в лесу, а также людьми, приближающимися к жилью или месту встречи.

4. Очень протяжный пронзительный крик, начинающийся с очень высокого тона, постепенно затем понижающегося. Такой крик испускают все присутствующие, когда внезапно гремит гром или налетает неожиданный порыв ветра.

5. Пятый крик носит «эмоциональный характер».

Гуроны и ирокезы еще издали возвещали протяжными, так называемыми «скальпными криками» о числе убитых в сражении врагов. Суонтон сообщает, что индейцы племен крик «пользовались в качестве сигнала особым кашлем», и устанавливает различие между «смертным кашлем» и «кашлем воина победителя, возвращающегося со скальпом домой после сражения».

Корбетт наблюдал у отсталых племен Индии обычай предупреждать соседние деревни сигнальным криком о тиграх, угрожающих и людям и животным:

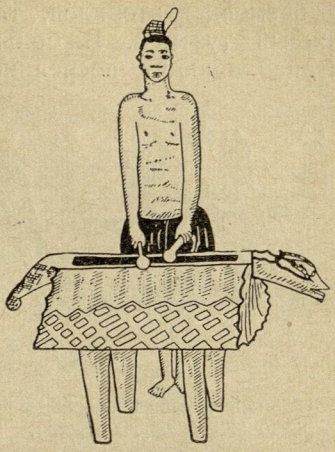
«Стоящий на командном посту (скале или крыше) человек испускает громкие крики, чтобы предупредить жителей соседней деревни, и затем громким голосом выкрикивает им свое известие. Это известие в невероятно короткий срок передается от одной деревни до другой. Указанным способом весь район узнавал о нападении тигров-людоедов тотчас же после их появления».

Но как бы ни был хорошо выбран сигнальный пост, радиус досягаемости человеческого голоса остается относительно небольшим. Поэтому было вполне логично увеличить силу его звучания специально сконструированными для этого инструментами, с тем чтобы все заинтересованные могли отчетливо услышать известие. Западноафриканские банту изобрели для этой цели очень сложную систему дудок. К обычным средствам распространения известий в Восточном Судане и Северном Камеруне принадлежат сигналы, подаваемые при помощи флейты. Этой же цели служат сигнальные рога и раковинные трубы, распространенные главным образом у вуте в Камеруне, у суэва и караибов в Южной Америке и у жителей Адмиралтейских и Каролинских островов. Сигнальные трубы наших современных войск восходят к этим первобытным средствам сигнализации.

Все же при акустическом способе информации важнейшим сигнальным инструментом является барабан, в частности так называемый прорезной или сигнальный барабан, представляющий собой типичный элемент культуры примитивных земледельцев Западной Африки, Южной Америки и Новой Гвинеи. Он состоит из

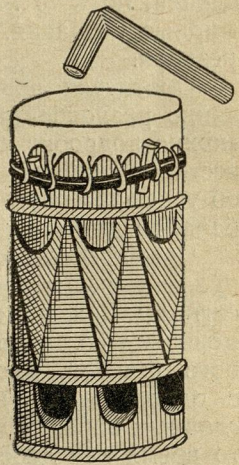
части или целого древесного ствола, полностью выдолбленного, за исключением обоих концов. В средней части барабана наверху сделана длинная, относительно узкая прорезь, в которую вводится одна или две колотушки, издающие в зависимости от их размеров и силы барабанщика звуки различной высоты. При помощи барабанных ударов различной силы оказалось возможным разработать чрезвычайно разнообразные сигнальные системы.

Сигнальный барабан племени бансса (*Камерун, Западная Африка*).



Барабан племени авунгура (*Бельгийское Конго*).

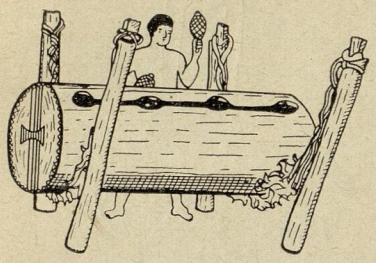
Встречаются цилиндрические барабаны и несколько меньшего размера, иногда им придают иную форму; в качестве примера можно указать на барабаны в форме ящиков, распространенные у многих африканских племен. У банда, одного из племен Убанги (Французская Экваториальная Африка), имеются два точно определенных типа барабана: линга и окпоро. Линга представляет собой большой полый внутри древесный ствол, лежащий на четырех ножках. По нему бьют двумя разного размера колотушками с резиновыми шарами на концах. Окпоро меньше размером, имеет коническую форму, и бьют по нему рукой или легкой палочкой. Он употребляется главным образом во время погребальных церемоний.



Военный барабан с колотушкой из сердцевины пальмы рафия (*пангве, Западная Африка*).

При помощи этих барабанов сообщаются и распространяются всякого рода известия как официального, так и обрядового характера. Таким же способом извещают о приближающихся сафари. Когда исследователи Хайвс и Ламли подходили к одной деревне в Нигерии, им предшествовали сигнальные барабанные призывы, которые объявляли всем, кто имел уши, чтобы слышать: «Приходите без страха на рыночную площадь! Пришел белый человек и хочет с вами

говорить! Это не военное совещание! Приходите!» Этот слышимый на расстоянии нескольких километров сигнал время от времени повторялся, так что его мог правильно разобрать каждый туземец. В большинстве случаев большие барабаны устанавливаются посредине рыночной площади и играют роль телеграфа, от которого исходят все важные новости для окружающего населения.



Сигнальный барабан индейцев тукано (*Южная Америка*).

У южноамериканских индейцев имеются подобные же барабаны, которые нередко снабжаются опущенными в прорезь языками. Этими барабанами, часто называемыми по древнемексиканским и центральноамериканским образцам «тепонатцли», пользуются суэва в Колумбии; они известны также кара в Эквадоре и хиваро и тукано в области Ориноко и Амазонки. Удары их слышны на очень большое расстояние, и бьют по таким барабанам колотушками, обтянутыми резиной. Барабаны извещают о приближении врага и созывают население для строительства оборонительных укреплений, но в то же время они приглашают жителей деревни на мирные собрания. Барабаны часто украшаются художественной резьбой.

Обитатели полуострова Газели также разработали чрезвычайно разнообразную систему сигналов, при помощи которой можно подробно сообщать всевозможные новости, начиная с известия о прибытии корабля или чужеземца и кончая сообщением об успешной охоте на свиней. Почти в каждом доме имеется свой барабан для «телефонной связи» с соседями.

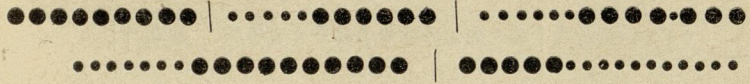
Совершенно особый интерес представляет барабанный код папуасов нор (Дальманхафен, Новая Гвинея), которые подают свои сигналы при помощи большого прорезного барабана дёбён и меньшего по размерам ручного барабана воагён, богато украшенного резьбой, имеющего форму песочных часов и обтянутого с одного конца кожей ящерицы. Последний барабан служит главным образом для аккомпанемента во время танцев и песен, в то время как дёбён употребляется для распространения важных известий. Выдающийся знаток папуасов нор патер Иозеф Шмидт уделил особое внимание языку барабанов этого племени и записал много сигналов папуасов нор при помощи системы точек, величина которых соответствует силе звуков. Приведенные ниже примеры заимствованы из его собрания.

Если, например, голодный супруг возвращается вечером домой и убеждается, что его жена все еще удит рыбу

в лагуне, то он призывает ее домой следующим барабанным сигналом:

Последние шесть точек обозначают «личную подпись» супруга Сайяма.

Свой особый сигнал или «мотив» тревоги имеет, впрочем, не только каждый отдельный человек, но и весь род, так что слушатели могут тотчас же установить, «разговаривают ли по телефону» между собой только два отдельных лица, или весь род обращается ко всем жителям деревни. Такая родовая «подпись» называется «мёрёб». Если, например, слишком долго находятся в отлучке не только жена Сайяма, но и все женщины деревни, то теперь уже не каждый отдельный муж обращается к своей жене, а весь род требует возвращения женщин с помощью одного сигнала «мёрёб»:



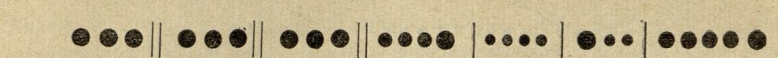
Все индивидуальные барабанные сигналы и сигналы мёрёб имеют свои названия, что облегчает деревенским кумушкам обсуждать последние новости. Если, например, несколько старух слышат «ганкабарет», то они уже знают, что заказанные товары доставлены в определенный дом, но что посланный никого там не застал, вследствие чего он дает знать о себе отсутствующим клиентам при помощи «ганкабарега»:

Такое гласное объявление частных новостей делает весьма затруднительной деятельность вора, который, услышав «набоарём», узнает, что вся деревенская община приглашается сделать ему хорошую взбучку. В данный момент он может находиться в надежном укрытии, но «набоарём» предупреждает его наперед о предстоящих неприятных вещах:

Таким путем все племя узнает о радостных или печальных событиях дня.

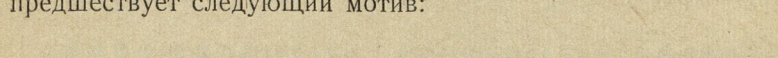
К хорошим вестям относится прежде всего приглашение в общественный дом, передаваемое сигналом «табачного барабана» —

«сакеин дёбён» (*sa̍ke̍in dȍbȍn*). Как показывают точки, сигнал этот дается четырьмя различными тонами:



Меланхоличная монотонность сигнала «браг ата́н» (*brag atán*), название которого означает «дух говорит», несет печальную весть о смерти взрослого человека:

Сложный характер этих сигналов требует, чтобы их тщательно слушали. Для того, чтобы облегчить это, самому известию предшествует позывной сигнал, соответствующий позывным радиостанции. Так, каждому сигналу «мёрёб» или родовому сигналу предшествует следующий мотив:



Разнообразие барабанных сигналов этого племени почти неограниченно. К традиционным сигналам принадлежат в первую очередь: сигнал предостережения, сигнал созыва общины, сигнал ореха бетель (все мужчины должны прийти в общественный дом с орехами бетель), сигнал кокосового ореха, сигнал свиных или собачьих зубов (эти деньги должны быть принесены для торговых целей, например для покупки лодки) и многие другие.

В то время как людей созывают барабаном, достоинство духов требует иной формы приглашения, а именно звуков браг-флейты, священного инструмента, на котором имеют право играть только мужчины. Искусство игры на браг-флейте принадлежит к числу главных предметов, которым обучаются юноши во время церемоний инициации. Мужчина, который не умеет достаточно хорошо играть на флейте, не может стать влиятельным человеком. Папуасы считают звук браг-флейты голосом одного священного духа, которого можно заманить туда, где звучит флейта. Если искусство игрока на флейте его удовлетворяет, браг-дух сам проникает во флейту и позволяет увести себя в специально построенный браг-дом для дальнейших обрядов.

Все же оптические системы оповещения пользуются более широким распространением, чем акустические. Начало этому способу общения кладут движения человеческого тела. Подобно тому как язык является простейшим акустическим средством выражения, первоначальной формой оптических сигнальных систем является жест. Часто жест выражает определенные условные слова, цифры,

вещи, настроения или страны света, но может иногда превратиться в подлинную замену речи, причем чередование мимических форм выражения или жестов используется для составления целых предложений.

Примерами первого рода являются обозначаемые жестами цифры у тикаров Камеруна или слова-знаки индейцев прерий, которые выражают, например, слово «женщина» движением руки, расчесывающей волосы, слово «палатка» — соединением пальцев в форме конуса, слово «смерть» — оборонительным жестом обеих рук, слово «солнце» — кругом, слово «дерево» — изображением «ветвей» и другие такие же понятия — аналогичными жестами. Второй вид языка жестов — чисто мимическое изображение целых предложений — позволяет воспроизводить связную речь без произнесения хотя бы одного звука. Хорошее описание этой языковой системы приводит старый исследователь Адейр:

«Современные американские индейцы, по крайней мере, такие же знатоки пантомимы, какими были, например, древние греки или римляне. Элементы их искусства можно наблюдать еще и сейчас в языке глухонемых цивилизованного мира. Они умеют выражать жестами, действиями и мимикой самые разнообразные вещи. Два живущих далеко друг от друга индейских племени, ни одно из которых ни слова не понимает на языке другого, могут прекрасно разговаривать друг с другом и даже заключать между собой договоры без помощи переводчика. Происходит это прямотаки с невероятной точностью».

Овладев языком жестов, первобытные народы разрешили проблему, которая всегда чрезвычайно затрудняла сношения между народами на протяжении всей истории человечества, начиная с постройки вавилонской башни и кончая сложной и длительной процедурой перевода, принятой в Организации Объединенных наций, и которую цивилизованный мир до сих пор не сумел разрешить столь же просто. В наше время еще многие американские и африканские племена пользуются языком жестов — этим эсперанто первобытного мира.

Лишь после относительно недавнего изобретения радио оптические сигналы перестали превосходить акустические сигналы в отношении радиуса досягаемости. Но до изобретения радио дальность действия зрительных сигналов была значительно больше. В связи с этим были хорошо разработаны способы увеличивать дальность видимости человеческих жестов с помощью других форм зрительных сигналов, прежде всего — дыма и огня.

Если, например, индеец замечал приближающееся стадо бизонов, он спешил подняться на возвышенность, находившуюся в пределах видимости его соплеменников, поднимал свое покрывало обеими руками над головой и затем медленно его опускал — сигнал, который поднимал на ноги всю общину. Этот «сигнал Морзе», заключавшийся в поднимании и опускании покрывала

размеренными движениями, был затем усовершенствован путем попеременного открывания и закрывания дымящегося костра, что позволяло передавать известия на значительно более далекие расстояния. Если под рукой не оказывалось огня, для передачи сигнала точно таким же образом поднимали облако пыли. Когда семинолы охотились группами, рассеянными на большом пространстве, они сообщались друг с другом при помощи дымовых сигналов. Суонтон сообщает, что они раскладывали костры в стратегических пунктах и через определенные промежутки времени прикрывали дым одеялами, чтобы соответствующий сигнал можно было отчетливо разобрать на большом расстоянии. У южноамериканских пуэлче и ранкеле такие дымовые и огневые сигналы применяются главным образом во время войны для передачи приказов. Аналогичными методами пользовались и галлы во время своих войн с Цезарем.

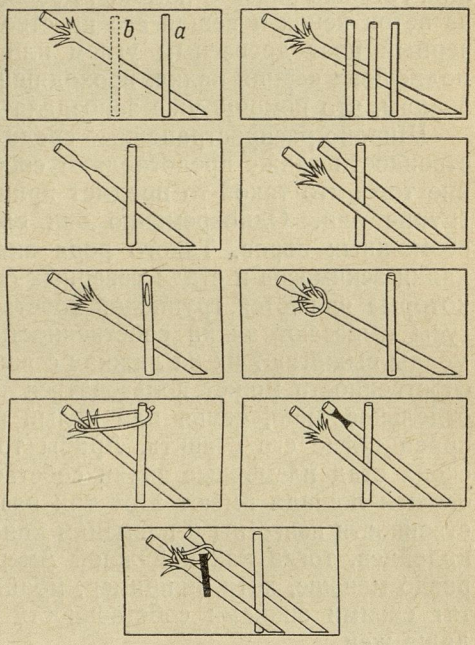
Ту же цель преследуют и световые сигналы. Ими пользовались, например, индейцы сибику, когда в 1902 году новый управитель в сопровождении отряда сибику спускался по горному хребту, который вел в их долину. Как рассказывает Риген, сопровождавшие его индейцы начали подавать своим соплеменникам множество сигналов, посылая в долину через определенные промежутки времени солнечных зайчиков при помощи маленьких зеркал. Вскоре из долины был получен ответ. Он гласил: «Все мы находимся в добром здоровье. У нас есть достаточно пищи». Когда под конец группа прибыла к сибику, она «застала собравшимися всех индейцев в полном составе, потому что они были созваны сигналами».

Во избежание постоянного повторения определенных стереотипных сигналов первобытные народы изыскивали пути и средства для придания такого рода сигналам более или менее постоянного характера в форме, например, указателей дорог, знаков предостережения, сигналов бедствия и, в известной степени, знаков собственности.

Так, шошоны воздвигали на грудах камней сигнальные столбы, указывавшие точное направление места, где находится вода. Эскимосы киатексамют указывают путнику направление при помощи палок с пучками травы, которые следуют друг за другом через определенные промежутки. В Африке главными специалистами по обозначению троп в джунглях являются живущие в Того эве. «Правильная» дорога оставляется свободной, тогда как «неправильную» закрывают листьями и травой. Тунгусы предупреждают путника относительно расставленных западней, срубая молодое деревцо и укрепляя на нем стрелу с острием, направленным вниз. Если стрела повернута вверх, это означает, что человек, расставлявший западни, покинул эту местность.

Но указатели пути ставятся не только для того, чтобы облегчить путешествие. Часто они имеют также значение предупреди-

тельных сигналов, запрещающих вступать на какую-нибудь определенную территорию. Если, например, в каком-нибудь месте свирепствует эпидемия, то апачи выставляют на ведущих к этому месту тропах мертвую сову или ее вырезанное из дерева изображение в качестве «сигнала смерти». Когда у апачей вспыхнула эпидемия оспы, на всех дорогах, ведущих в их страну, были выставлены изображения совы, и так как ни один индеец не отважился проникнуть на эту территорию, то болезнь не распространилась за пределы весьма небольшого района.



Сигнальные столбы индейцев монтанье-наскапи (*Лабрадор*).

Главная цель такого рода знаков — предохранить путника от несчастья и направлена к его благу. Но существуют и другие сигналы, подаваемые для того, чтобы призвать на помощь и направить желающего оказать эту помощь в точно обозначенное место. Такие знаки я наблюдал на Лабрадоре у индейцев монтанье-наскапи, которые живут в условиях субарктического климата на огромной, пустынной охотничьей территории, часто на расстоянии многих миль от своих ближайших соплеменников. Вследствие чрезвычайно трудных жизненных условий эти индейцы разработали целую систему сигналов для оказания взаимной помощи. На всякий призыв о помощи, обращенный к неизвестному путнику, должен прийти каждый, кто увидит сигнал, ибо уклонение от этого карается как тяжкое преступление. Кодекс чести пустыни повелевает немедленно спешить на помощь даже к ненавистному врагу, и это действительно всегда соблюдается. Сигналы о помощи подаются следующим образом: устанавливаются столбы с зарубками на перекрестках дороги и указывается точное направление палатки больного или нуждающегося в помощи. В большинстве случаев взывающему о помощи грозит голодная смерть. Проходящий мимо и заметивший такой знак либо немедленно спешит к месту несчастья, либо, если у него нет при себе никаких средств для оказания помощи или съестных припасов, прикрепляет к

столбам знак, сообщающий, что он достанет необходимое и вернется позднее, или призывающий другого путника, который будет проходить мимо, к оказанию совместной помощи. По таким сигнальным столбам можно прочитать все необходимые подробности: узнать не только местоположение палатки, которую посетило несчастье, но и число заболевших и характер болезни. Обо всем этом можно узнать по форме и глубине сделанных зарубок. Путник, готовый оказать помощь, добавляет другие сведения, сплетая из веток венок и вешая его на ствол. Если зарубки окрашены в черный цвет древесным углем или если к сигнальному столбу подвешена черная палка, проходящий мимо может узнать по этим знакам, что помощь уже запоздала и что больные умерли.

Широко распространенные среди отсталых народов знаки собственности также представляют собой не что иное, как объявление того, что такой-то предмет принадлежит такому-то лицу или группе лиц. Одновременно они служат предостережением для возможных воров. Такого рода знаками собственности метятся каяки эскимосов и стада северных оленей лапландцев и тунгусов, которые являются групповой собственностью. Лапландцы и тунгусы вырезают знаки собственности на ушах животных, а самоеды выжигают их на ляжках северных оленей. Каждым знаком собственности может пользоваться только его владелец, будь то отдельное лицо, семья или целый род. Никто другой не имеет права нигде его ставить. Арабы тоже выжигают на животных своих стад племенные знаки собственности, и все их верблюды, овцы и лошади имеют этот так называемый «васм». Знаки собственности известны и племенам канадских и североамериканских индейцев, тогда как в Южной Америке они распространены гораздо меньше, хотя, например, мбайя́, ашлуслай и чиригуано метят своими знаками собственности животных, рабов, орудия и даже жен.

Современные скотовладельцы цивилизованных стран заимствовали для своих животных этот древний обычай как наиболее удобный. Так, например, на беговых лошадях выжигается герб их конюшни. К подобной же категории знаков относятся, по сути дела, и метки на нашем белье, чемоданах и портфелях.

Другая категория средств информации направлена не столько к широкой публике, сколько к определенному лицу или точно обозначенной группе. Такие сообщения, как, например, купеческий приказ, могут носить частный характер, либо иметь политическое или дипломатическое значение.

Сюда относятся резные жезлы австралийских вестников, которые, впрочем, имеют скорее мнемотехническое значение, так как требуют истолкования нанесенной на жезлах резьбы передающим лицом. Вырезанный на жезлах текст является своего рода памяткой для вестника и содержит либо приглашение на праздник или на обряд инициации, либо торговое поручение. Такой резной жезл,

посланный с гонцом «фирмой» Песочных людей в адрес «фирмы» Кенгуру, может, например, сопровождаться посылкой наркотического растения питьюри с просьбой срочно уплатить за него копьями и бумерангами.

Так называемые «дипломатические пакеты» или «дипломатические жезлы», посылаемые отдельными племенами друг другу, имеют международный характер. Так, например, североамериканские индейцы послали правительству США пакет с украшенным

Жезл вестника (*Кимберлей, Западная Австралия*).

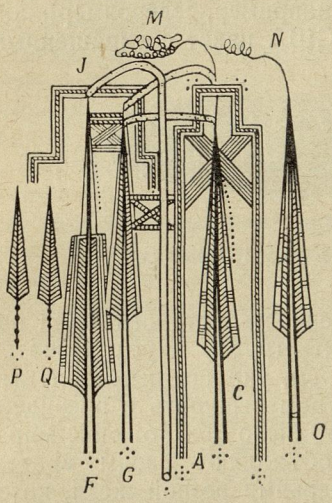
перьями початком маиса, полая внутренность которого была наполнена табаком (предложение выкурить трубку мира). Початок был обвит посередине шерстяным шнуром, украшенным желтыми перьями. Весть эта означала: «Мы готовы выкурить с президентом трубку мира». Другими словами, это было предложение мира.

Когда луцзу Восточного Тибета объявляют своим врагам войну, они посылают им утыканный перьями резной жезл, который означает, что в пути уже находится много сотен воинов, готовых со скоростью птицы вторгнуться во вражескую территорию. Африканские ньямньям при объявлении войны кладут на тропу врага початок маиса и куриное перо, а над ними привязывают к ветке стрелу. Это значит, что каждый, кто отнесется с пренебрежением к этим знакам, умрет от стрелы, особенно же, если он попытается начать грабить поля или убивать кур.

Послания или письма такого рода могут иметь иногда крайне интимное содержание и представлять собой нечто вроде любовного письма. К этой группе относится известное письмо девушки юкагирки, нацарапанное (повидимому, не без европейского влияния) на куске березовой коры, — один из излюбленных «тосов» [1], составлением которых с особым пристрастием занимаются юкагирки. Между прочим, оно было расшифровано Вейле и содержит в себе печальные вести о любовном разочаровании. Обманутая девушка, автор письма (*C*), сидит у себя дома (*A*). Пересекающиеся линии означают печаль. Точки наверху справа от *C* — коса

[1] Юкагирские «тосы» — совершенно самобытное явление, развившееся без всякого «европейского влияния». Их хорошо описали и расшифровали русские исследователи Шаргородский и Иохельсон (а не Вейле, как несколько ниже пишет Липс). См. С. М. Шаргородский, Об юкагирских письменах («Землеведение», 1895, кн. 2, 3); В. И. Иохельсон, Одульский (юкагирский) язык (Языки и письменность народов Севера, III, Л., 1934). — *Прим. ред.*

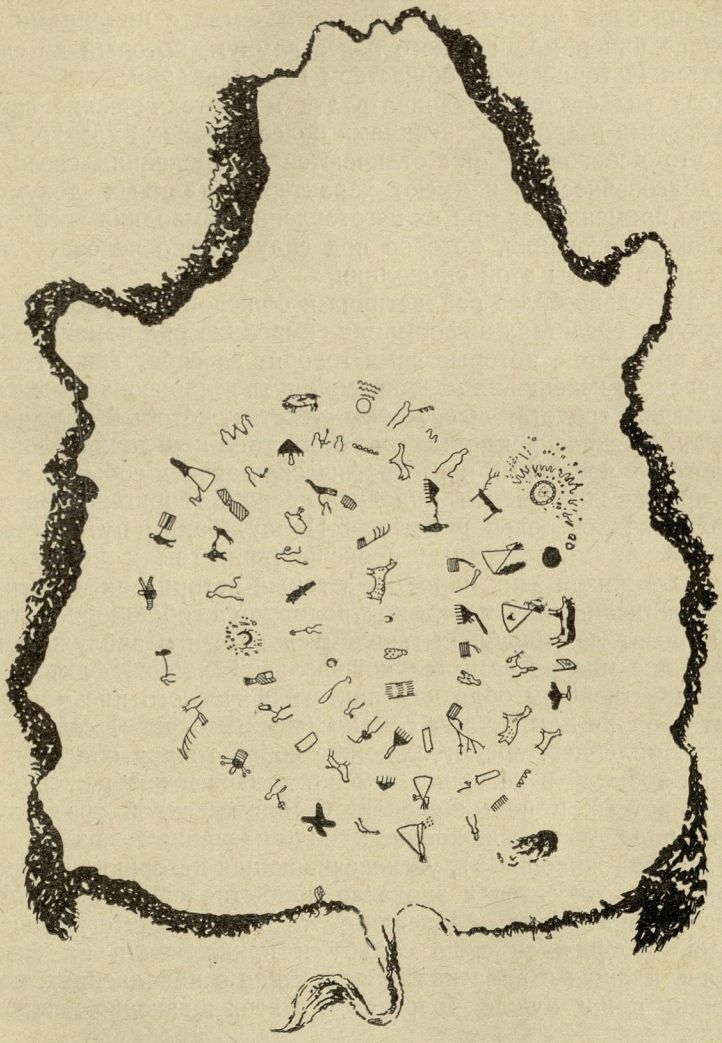
девушки. Ее соперница *F* — русская в юбке и с косой. *G* — неверный возлюбленный, чьи отношения к русской выражены пересекающимися линиями в верхней части рисунка. Линия *J*, ведущая от соперницы к *A*, пересекает линии любви, ведущие от *A* к автору письма. *M* — мысли покинутой о преданности, *O* — юкагирский поклонник, который пытается завоевать ее расположение. *P* и *Q* — дети неверной парочки *F* и *G*. Вот, в целом, приблизительное содержание письма: «Ты меня покинул ради этой русской, которая запрещает тебе вернуться ко мне. Возможно, вы даже произведете на свет детей. Я буду продолжать хранить тебе верность и никогда не утешусь, хотя меня любит другой человек».



Любовное письмо юкагирки.

Другим вариантом таких личных или общественных сообщений, использующих приемы мнемотехники, являются облегчающие запоминание счетные коробки, шнуры узлового письма и пояса вампум. Чтобы «записать» число или событие, эквадорские кара отсчитывают гальки различного цвета и формы и хранят их в маленьких деревянных ящичках. Такими же коробочками пользуются на перуанском побережье в статистических целях. Но более известны знаменитые кипу, или квипу, — шнуры с узловым письмом, найденные в могилах древних перуанцев. Они употреблялись главным образом для «записи» официальных данных сумм, собранного налога и тому подобных административных бухгалтерских записей. Состоят они из сложно расположенных, завязанных узлами шнуров, прикрепленных к резной деревянной палке. Таким узелковым письмом были написаны даже стихи и другие литературные произведения. Но главным его назначением было наряду с живой речью облегчать запоминание. Цвета, в которые окрашены отдельные шнуры, означают, к чему относится запись (к какой провинции, племени, группе человеческого общества и т. п.), в то время как цифры обозначаются формой узлов. Делались даже «примечания» путем присоединения дополнительного шнура. Архивы кипу охранялись специальным правительственным чиновником — «кипу камайох». Но узловое письмо было знакомо не одним только обитателям Перу. Письмо кипу было известно также в древнем Китае и в находившихся под его влиянием странах, и им до сих пор еще, хотя и в упрощенной форме, пользуются различные индейские племена Южной Америки.

Употреблявшиеся иногда вместе с рисунками пояса вампум североамериканских индейцев представляли собой главным образом официальные документы и договоры. Вначале правильно



„Зимний отчет“ вождя „Одинокая собака“, нарисованный на шкуре бизона (*индейцы сиу*).

«прочитать» их «текст» могли только обе договаривающиеся стороны. Но в дальнейшем, когда посторонним стал известен порядок расположения раковин квохауг и символическое значение их

белого и фиолетового цветов, вампум превратились во всеобщее средство информации. Фиолетовые раковины ценились выше белых, и тканые пояса вампум имели среди туземцев высокую денежную стоимость. В 1682 году Вильям Пенн в Шакамахоне заключил свой знаменитый договор о земле с индейцами ленни и ленапе при помощи такого пояса вампум, который до сих пор хранится Историческим обществом Пенсильвании.

Если мы станем сравнивать эти мнемотехнические средства с звуковыми и «радио» сигналами более древних культур, то увидим, что в основном они отличаются от последних своей большей долговечностью и имеют характер подлинных документов. Однако применяемая при их изготовлении символика требует правильного толкования, которое под силу только человеку, посвященному в тайны этой символики.

Значительно более реалистична и общепонятна употребляемая при других средствах информации символика при помощи образов самих предметов, которые сами говорят за себя. Так, от оптических средств извещения идет прямой путь к нарисованным изображениям как средству выражения «текста», который должен быть записан. Прекрасным примером такого типа передачи информации являются, в частности, пиктографическая запись событий и живопись арктических племен, индейцев прерий, аборигенов Западных Каролинских островов и острова Палау. Таким путем «записываются» как повседневные происшествия, так и чрезвычайные события в жизни этих народов, а также история их племен. Точность записанных текстов контролируется общиной, и тяжкие кары грозят летописцу, пытающемуся ввести в заблуждение общественное мнение сознательной фальсификацией фактов.

К известнейшим образцам пиктографического письма принадлежат хроники или «*winter counts*» (зимние отчеты) североамериканских индейцев, представляющие собой точное описание важнейших событий в истории племени, данное в изображениях людей, животных и целых сценок. Самой красивой среди хроник такого рода является хроника под названием «валам олум» («правдивая живопись»), увековечивающая историю индейцев делавар. Она относится к эпохе до прибытия европейцев. Многие племена, прекрасно владевшие техникой пиктографического письма, изображали свою судьбу и приключения на бизоньих шкурах, плащах и палатках, рассказывая о наводнениях, войнах, изобилии пищи, нужде, болезнях и о всех жизненно важных событиях.

Специалисты читают такие образные рукописи как интересную газетную статью. Если мы станем, например, рассматривать эскимосский репортаж об охоте на тюленей, то увидим в двенадцати составляющих его рисунках чрезвычайно живое описание фактов. Слева стоит «автор статьи», который на подобие церемониймейстера правой рукой указывает на себя, а левой — в направлении,

где происходила вся история. Стоящий рядом с ним человек показывает веслом путь охотничьего каяка. Его сосед справа поясняет, сколько времени прошло, пока охотники достигли первого этапа пути (правая рука у головы: спать; вверх поднят один палец левой руки: следовательно, одна ночь). Кружок с двумя точками — первая остановка: остров, на котором имелись две хижины. Рядом с островом вновь появляется автор, чтобы пояснить,

Охота на тюленей. Пиктографическое письмо эскимосов.

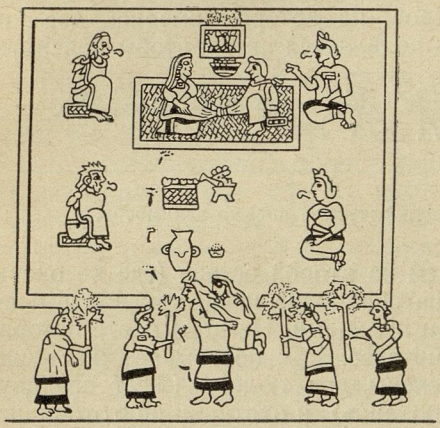
что охотники отправились затем на второй остров (где не оказалось никакого жилья); там они спали две ночи, как показывает это человек с двумя поднятыми пальцами. На этом месте история приобретает захватывающий интерес. Как показывает жест следующего человека, были замечены два тюленя (жест его двух вытянутых пальцев означает «тюлень»), и охотники приготовились бросать свои гарпуны. Оба тюленя изображены символически одним рисунком. Но они были убиты не гарпуном, а стрелой, выпущенной из лука. После того как цель охоты была таким образом достигнута, охотники стали собираться домой (лодка с двумя людьми, весла которых обращены вниз) и, наконец, смогли отоспаться в своих постоянных зимних домах, представленных на последнем рисунке в изображении иглу. На этом заканчивается история тюленьей охоты, «написанная» талантливым репортером.

Но какими бы живыми ни казались подобные «репортажи», все же они представляют собой лишь в большей или меньшей степени мнемотехническое средство, которое по-настоящему можно понять только тогда, когда серия рисунков будет пояснена либо одним из участников, либо, хотя и посторонним, но хорошо знакомым с искусством эскимосов человеком. Показывать же такие рисунки просто без пояснения значило бы предоставить толкование их целиком фантазии. Во всяком случае оно могло бы дать лишь самое общее представление о «тексте», изложить который намеревался рисовальщик.

В странах, где коренное население издревле привыкло к начертанию и чтению таких серий рисунков, белые завоеватели часто использовали талант этих народов, прежде всего заставляя туземных художников изображать в форме таких пиктографических серий христианское вероучение. Так, например, в Мексике католические священники заставили написать весь катехизис на огромных полотнищах, которые показывались верующим во время богослужения.

Длинная цепь развития привела от натуралистического рисуночного изображения мысли или происшествия к появлению чисто

линейных абстрактных символов, которые мы называем буквами. Перейти от нарисованного изображения одним скачком к азбуке было невозможно, и лишь в очень постепенной последовательности сменяли друг друга символически изображаемое предложение, нарисованное слово, нарисованный слог и, наконец, те фонетически точно очерченные группы звуков, которые составили азбуку. О письме мы можем говорить лишь в том случае, когда одинаково изображаемые символы имеют неизменное значение, которое каждый умеющий читать может немедленно перевести на разговорный язык. Письмо является характерным признаком высокой культуры. Тенденция развития письма идет от натуралистически выполненного изображения к абстрактному символу, от индивидуального образа к обобщенному знаку, первообраз которого уже невозможно бывает установить из-за длительного и сложного процесса развития.



Изображение брачной церемонии в древнемексиканском кодексе. После официальной церемонии бракосочетания, заключающейся в связывании в один узел концов плащей у вступающих в брак, жених несет невесту на спине во внутренние покои в сопровождении четырех женщин с факелами.

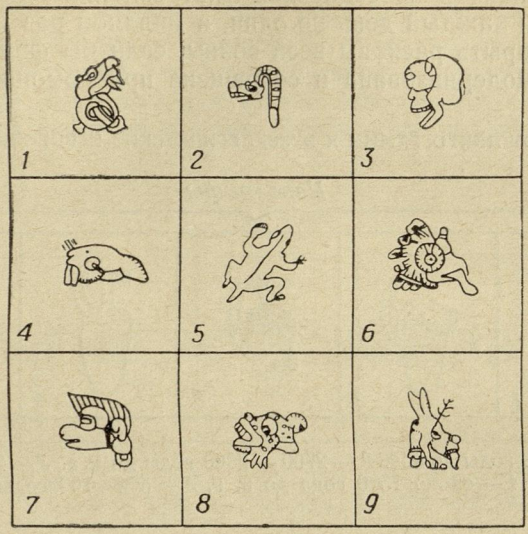
Прекрасными примерами отдельных стадий такого развития служат, в частности, письменные знаки китайской, шумерской, вавилонской, ассирийской и египетской высоких культур.

Большинство египетских иероглифов можно в точности вывести из первоначального наглядного изображения предмета, которое преобразовалось затем в позднейший «абстрактный» письменный знак. Так, изображавшийся еще натуралистически около 2900 года до н. э. каменный кувшин после восьми последовательных метаморфоз превратился, наконец, около 400 года до н. э. в знак «*hnm*», а употреблявшийся для выражения абстрактных понятий знак «*md3.t*» получил развитие из натуралистического изображения свитка папируса.

Даже в современных китайских письменных знаках можно еще узнать крайне упрощенный первоначальный образ изображаемого предмета или мысли.

Ассирийская же клинопись очень рано отошла от натуралистических рисунков, и лишь специалист способен теперь распознать в позднейших клинописных знаках их первообраз.

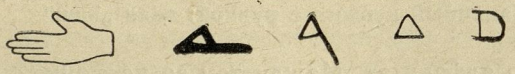
Наша собственная азбука восходит к финикийской, сохранившись почти неизменной в течение многих столетий. Современные



Древнемексиканские календарные символы, имевшие также значение письменных знаков.
Девять из двадцати дней недели:

1 — Куатль (змея) — *Болонский кодекс*
2 — Куатль (змея) — *Ватиканский кодекс B*
3 — Микицтли (смерть) — *Гамбургский кодекс*
4 — Точтли (кролик) — *Кодекс Нутт*
5 — Куэтцпалин (ящерица) — *Гамбургский кодекс*
6 — Куахтли (орел) — *Кодекс Нутт*
7 — Оцоматли (обезьяна) — *Кодекс Нутт*
8 — Оселотль (ягуар) — *Ватиканский кодекс B*
9 — Мацатль (олень) — *Болонский кодекс*

скептики, вроде, например, Джорджа Бернарда Шоу, объявили ее, однако, непрактичной и слишком растянутой. Бернард Шоу

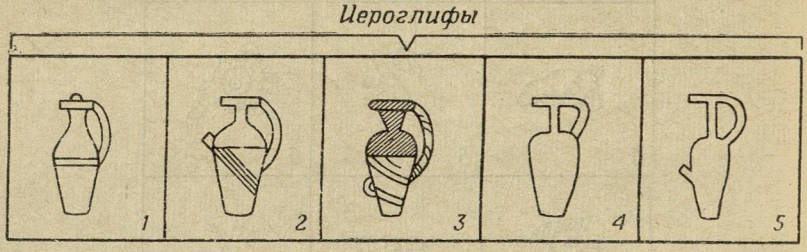


Развитие буквы „D". *Слева направо*: египетский иероглиф, египетская буква, финикийская буква, греческая буква, латинская буква.

неоднократно обращался к английскому правительству с заявлениями, чтобы побудить его ввести новую фонетическую англий-

скую азбуку, в которой каждый звук выражался бы одним письменным знаком. Во время второй мировой войны он вычислил, что «сэкономленная» в повседневном употреблении одна буква экономилась бы каждый день не один, а миллион раз и что «можно было бы покрыть расходы всей войны, если бы финикийская азбука была модернизована и сокращена при помощи семнадцати

ОТ ПИКТОГРАММЫ К БУКВЕ. ЕГИПЕТСКИЕ ИЕРОГЛИФЫ



1 — 2900—2800 годы до н. э. *2* — 2700 — 2600 годы до н. э. *3* — 2000—1800 годы до н. э. *4* — около 1500 года до н. э. *5* — 500—100 годы до н. э.

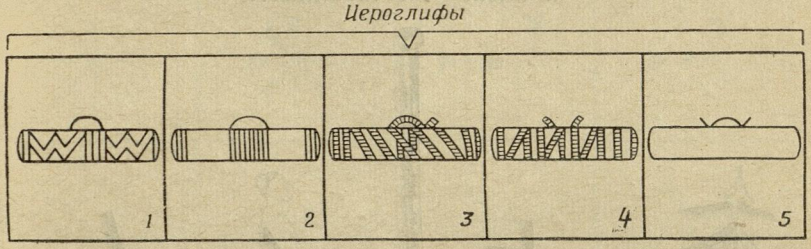
1 — около 1500 года до н. э. *2* — около 1900 года до н. э. *3* — около 1300 года до н. э. *4* — около 200 года до н. э. *5* — 400—100 годы до н. э.

Каменный кувшин с ручкой: знак „hnm"

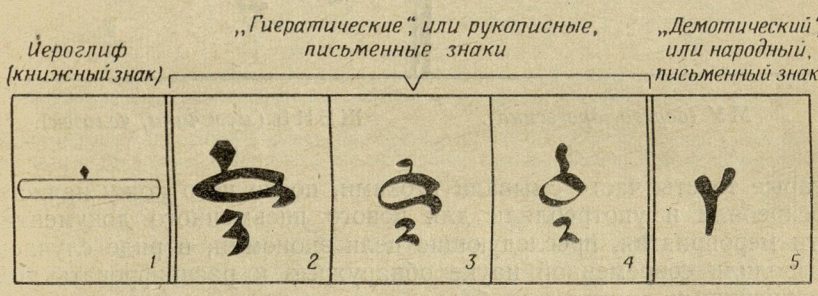
букв греческого алфавита». Между тем за истекшие тысячелетия эта азбука вполне доказала свою пригодность.

Если бы человечество вознамерилось сейчас воздвигнуть памятник гениальному изобретателю письма, это оказалось бы фактически невозможным, потому что заслуга эта не принадлежит какому-нибудь отдельному человеку. Все же можно сказать, что жречество древних высоких культур сыграло важную роль в деле развития и усовершенствования письменности своих народов. Зна-

ние искусства письма, способность увековечить произнесенное или запомнившееся слово означали могущество, и это могущество в начале истории ревностно охранялось представителями политических и духовных властей, ибо с этим знанием начался новый век — эпоха письменной истории. С этих пор стало возможным записывать традиции, законы, вероучения и великие произведения классической литературы, и записи эти тщательно хранились в храмах и библиотеках владык. Простой же подданный не допу-



1 — 2900—2800 годы до н. э. *2* — 2700—2600 годы до н э. *3* — 2000—1800 годы до н. э. *4* — около 1500 года до н. э. *5* — 500—100 годы до н. э.



1 — около 1500 года до н. э. *2* — около 1900 года до н. э. *3* — около 1300 года до н. э. *4* — около 200 года до н. э. *5* — 400—100 годы до н. э.

Свиток папируса: знак „md3.t"

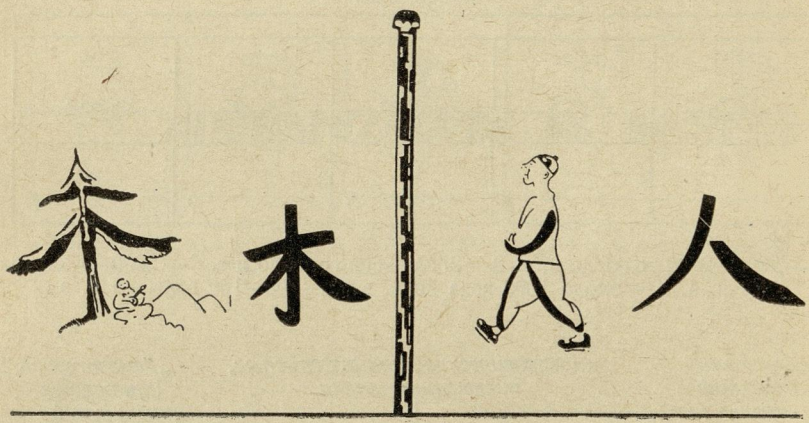
скался к знанию письма, которое составляло привилегию жрецов и некоторых высших государственных чиновников.

При составлении письменных документов большую роль играл имевшийся в распоряжении материал. К древнейшим «книгам» принадлежат употреблявшиеся вавилонянами и ассирийцами таблички из обожженной глины. Египтяне употребляли главным образом папирус, а в Индии ему соответствовали связки из пальмовых листьев. Уже в III тысячелетии до н. э. в Египте разрезали стебли папируса (*Cyperus*), склеивали и перерабатывали их в

свитки. Приблизительно около 1400 года до н. э. папирус был заменен пергаментом [1], изготовлявшимся из очищенных от волос химическим путем, размягченных и разглаженных пемзой кож животных. В результате отпала необходимость в свиткообразных «книгах» из папируса и возникла новая, прямоугольная форма книги.

Но пергамент был очень дорогим материалом, с которым приходилось обращаться очень экономно. Вследствие этого более

КИТАЙСКОЕ СЛОГОВОЕ ПИСЬМО



МУ (*дерево, древесина*). ЖЕНЬ (*мужчина, человек*).

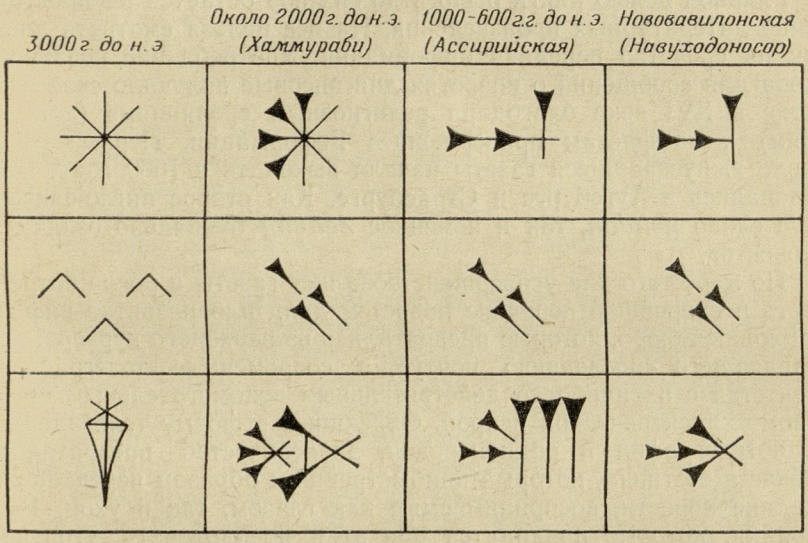
старые тексты часто смывали губками, после чего кожу начисто соскребали и употребляли для нового письменного документа. Эти мероприятия, преследующие цели экономии, в ряде случаев позволили современной науке обнаружить и расшифровать под позднейшими рукописями более древние и сделать доступными для нас тексты этих «палимпсестов» (от греческого πάλιν ψέστος — «соскребанный»). К числу самых знаменитых древних пергаментов, которые удалось прочесть таким образом, относится хранящийся в Британском музее очень ценный «палимпсест»: на нем в XI веке был написан сирийский текст поверх римского, относящегося к IX веку, который, в свою очередь, перекрывал третью рукопись Грания Лициана, написанную в VII веке унциальным письмом.

---

[1] Египтяне писали на коже мало. Усовершенствование этого материала было сделано гораздо позже — в III в. до н. э., в эллинистическом царстве Пергаме (откуда и название пергамент), с того времени он широко вошел в употребление. — *Прим. ред.*

О значении имевшегося в наличии материала для развития современной книги можно судить также по такому лингвистическому факту: латинское слово *liber* («книга») буквально означает «луб», а греческое слово βίβλος — «папирус», то есть материал, на котором были написаны древнейшие книги [1].

КЛИНОПИСЬ



Верхний ряд: слог ан (звезда, бог, небо, наверху). *Средний ряд*: слог кур, мат или шад (горы, страна). *Нижний ряд*: идеограмма и письменные знаки слова „кинжал".

Вследствие дороговизны материала и трудоемкости процесса написания и переписывания старых рукописей обладание книгой было привилегией лишь немногих избранных. Только изобретение бумаги и книгопечатания сделало возможным широкое распространение записанного текста. Бумага, по всей вероятности, была изобретена китайцами во II веке, и мы даже знаем имя ее изобретателя. Человеком, который предпринял первые попытки изготовить бумагу из коры, тряпок, конопли и рыболовных сетей был Цай Лунь. Через китайских военнопленных сведения о бумаге проникли в VIII веке н. э. в Туркестан. В Багдаде в 794 году правительством была построена первая бумажная фабрика. Через арабов искусство изготовления бумаги проникло в Европу,

[1] Более правдоподобно, что греческое βίβλος, βίβλιον (книга) происходит от названия финикийского города Библоса (Библа), где впервые, еще во II тысячелетии до н. э., было введено буквенное письмо, заимствованное впоследствии, как известно, греками. — *Прим. ред.*

где бумага была впервые изготовлена фабричным способом в 1340 году в Фабриано (Италия). Приблизительно сто лет спустя Иоганн Гутенберг изобрел книгопечатание (что уже было сделано еще в XI веке китайским кузнецом Би Шеном). Это изобретение в значительной мере помогло проложить путь для современной книги и сделать сокровища литературы доступными для каждого стремящегося к знанию.

Главной целью книги было и до сих пор остается распространение литературных произведений. На нее нельзя смотреть лишь как на средство передачи информации. Употребление печатного слова для сообщений о новостях дня впервые получило свое развитие в XVI веке благодаря религиозным «реляциям» (донесениям) и памфлетам приверженцев Реформации. Первые регулярно выпускавшиеся газеты начали выходить в 1609 году. Они издавались в Аугсбурге и Страсбурге. Как старое англо-саксонское слово *getidan*, так и немецкое *Zeitung* буквально означают «новость».

По мере того как усовершенствовались газеты и росла потребность в скорейшей передаче новостей дня, шло развитие информационных бюро, которые превратились из верхового курьера, доставлявшего «последнюю почту», в современные телеграфные агентства с их наиболее действительным вспомогательным средством — электрической искрой. Облекшись в форму телевидения, радиотелеграфии и радиопередач, электричество превратилось сейчас в вестника, который наибыстрейшим образом передает последние новости, воспринимаемые как глазом, так и ухом. Расстояния, которые приходится при этом преодолевать, утратили всякое значение, и как акустический, так и оптический способ передачи информации действуют с одинаковой скоростью.

Но несмотря на сложную систему наших современных средств связи, цивилизованный мир продолжает попрежнему пользоваться множеством первобытных средств сигнализации. Ракеты, выпускаемые потерпевшими кораблекрушение, световые сигналы на железных дорогах, зрительные сигналы флота и армии — все это слишком напоминает дымовые и огневые сигналы и «азбуку» светосигнализации первобытных народов. Сирена и азбука Морзе очень близки к барабанному «языку» дикарей. Радио вещает, но даже и сейчас оно доступно лишь небольшой части населения земного шара.

Глава X

ШКОЛЫ БЕЗ УЧЕБНИКОВ

Образование и знание принадлежат к числу важнейших понятий нашего времени. Одним из предрассудков отживающих общественных форм было то, что человек без академического образования считался менее полноценным, чем имеющий таковое. Прогрессивное же человечество давно уже признало, что систематическое умственное образование должно быть доступно всем способным людям независимо от их материального положения. Тем самым будет достигнуто идеальное состояние «равных возможностей» — состояние, которого стремится достичь наше современное воспитание и которое издавна известно первобытным народам. У первобытных народов стремление к традиционным знаниям и их приобретение совершенно обязательны для каждого члена племени. У них не бывает «неграмотных» (если только это слово применимо к народам, не имеющим письменности), в то время как в цивилизованных странах обязательное школьное обучение было впервые введено в Германии в 1642 году, во Франции — в 1806 и в Англии в 1876 году. Эти даты наглядно показывают, как много времени потребовалось нам для того, чтобы понять, что знания, которые ранее были доступны лишь немногим счастливцам, должны стать всеобщим достоянием.

В мире первобытной культуры преподавание и обучение не зависят от наличия денежных средств, сосредоточенных в руках отдельных людей. Каждый человек имеет право овладеть теми же знаниями, что и всякий другой. Школам первобытных народов неведомы также спешка и механистичность преподавания, которые у нас часто уже в юности служат препятствием для свободного развития личности. Именно потому, что каждый ребенок вырастает под постоянным присмотром родителей, в пустынях, степях и саваннах у первобытных народов отсутствует преступность среди несовершеннолетних; это — проклятье капиталистических стран.

Будучи духовно ничем не связанным, первобытный человек имеет нечто общее с животными: не угнетаемый материальной нуждой, он может обучать своих детей тем навыкам, какие им необходимы для существования. Находясь в тесном общении с

природой, человек наблюдал, например, как австралийский медведь коала обучает своих детенышей влезать на эвкалипт — их древо жизни, как самка енота терпеливо заставляет своих детенышей очищать пищу в воде, прежде чем ее есть, и как тюлень при обучении потомства берет на себя роль учителя плавания. Точно так же действует и первобытный человек в роли умного наставника своих детей. И хотя эти «отрасли знания», связанные с поведением во внешней среде, нельзя назвать образованием в нашем понимании, все же они, несомненно, не лишены духовной ценности.

Во всем мире нет ни одного народа, который не считал бы воспитание своего потомства своей важнейшей обязанностью. При этом идеал воспитания всегда имеет два аспекта: один, заключающийся в передаче необходимых для существования технических знаний в рамках данной культуры, и второй, представляющий собой важную и выполняемую с большой тщательностью задачу ознакомить ребенка, подростка и, наконец, юношу и девушку с основами этических, духовных и социальных ценностей, составляющих базис общественной жизни.

Средства, при помощи которых достигаются эти цели, так же разнообразны, как и оттенки кожи различных народов или диалекты и языки, на которых они говорят, но сами цели одинаковы. Именно это чувство внутренней ответственности по отношению к будущему поколению и отличает человека от животного. То, что у первобытных народов печатная книга в качестве средства воспитания заменяется устной речью, и тот факт, что профессиональный учитель в нашем понимании этого слова им неизвестен,— все это не так уж существенно: ведь у них отцы и матери, и в первую очередь, почтенные старцы, мудро и с достоинством ведут корабль воспитания по руслу устных традиций племени.

К какого же рода жизни подготавливают своих юных учеников воспитатели народов, не имеющих писаной истории? Хотя они и не знают большинства приборов и оборудования, которые мы считаем «необходимыми», их мир все же во многих отношениях богаче, полнее и сложнее стандартизованной жизни цивилизованного мира. Чем ближе общественный уклад к колыбели первобытного человечества, чем он древнее и изолированнее, тем дальше все представления этого мира от нашей современности, от нашей узко специализированной мысли.

Так, прежде всего, почти не существует границ, отделяющих видимый мир от невидимого. Камни, скалы, растения и животные, луна и звезды — все это живые партнеры человека и носители дружественных ему или враждебных сил, чье милостивое влияние приобретается человеком благодаря неустанной бдительности и колдовству. Даже употребление предметов повседневного обихода, палок-копалок, западней, жерновов или корзин зависит от определенных магических традиций и от табу, которые могут нам

казаться ненужными, но которые для первобытного человека представляют такую же реальность, как день и ночь, рыба и дичь или зерно дикого растения. В обществе, которое в целом чувствует себя ответственным за поступки каждого принадлежащего к нему человека, несоблюдение таких неписаных, но все же жизненно важных законов нередко влечет за собой смерть нарушителя.

У зуньи, например, все вещи и предметы пользуются уважением и считаются «хо'и», или «живыми существами». Калифорнийцы тюбатулабал не отважились бы выкопать ни одного корня «священного» растения Джимсон (*Datura meteloides*), не обратившись к нему предварительно с краткой приветственной речью. На всех членов племени кри обрушилось бы несчастье, если бы какая-либо женщина или девушка пренебрегла хотя бы одним из дней уединения, ежемесячно посвящаемых луне. Вера в то, что нарушение священных правил племени из-за небрежности одного человека может поставить под угрозу безопасность всего общества, превращает обязанности воспитания у первобытных народов в дело, жизненно важное для всего племени. Опасности, грозящие человеку со стороны природы, и неугасимая жажда мести, которой охвачены бесчисленные духи, заставляют первобытных людей воспитывать молодое поколение в духе покорности и в сознании своей ответственности, — качества, неизвестные нашей современной цивилизации.

По одной этой причине в детях первобытных народов уже с самого раннего возраста воспитывают заботливое и почтительное отношение к силам окружающего мира. Если новорожденный кажется достаточно жизнеспособным, сразу же по окончании строго соблюдаемых обрядов, сопровождающих рождение ребенка и наречение его имени, его колыбель и тело при помощи талисманов, молитв и добрых пожеланий поручаются милости невидимых сил. Но за развитием души следят еще более тщательно, чем за развитием тела. Шаг за шагом подрастающему ребенку передается мудрость древних времен. С самого младенческого возраста ребенка мать неустанно носит его с собой, продолжая выполнять свои повседневные обязанности, связанные с собиранием дров и растений, посевом и уборкой урожая и изготовлением предметов домашнего обихода. Путешествует ли он с ней, сидя верхом на ее бедре, как это обычно для Африки, или знакомится с миром из-за ее спины со специальной подставки, какую употребляют индейцы для ношения детей, ребенок принимает участие во всех движениях и во всей деятельности матери и вскоре начинает тянуться ручками к орудиям, которыми она работает. Широко открытыми глазами следит он за ее движениями во время священного танца и за тем, как она обращается с обрядовыми предметами, и слушает ее беседы с духами и покойниками.

В самом нежном возрасте ребенок первобытного народа всецело принадлежит матери, которая называет его всякими ласковыми

именами и всячески проявляет свою любовь к нему. Индейцы чикасоу в Оклахоме укладывают, например, спать мальчиков на шкуру пантеры, чтобы к ним перешли ум и сила этого зверя, а маленьких девочек — на шкуру серны, чтобы они были такими же «нежными и грациозными».

Индейский ребенок на спине у бабушки (*индейцы монтанье-наскапи, Лабрадор*).

Первобытные народы почти вовсе не применяют телесных наказаний к маленьким детям, но зато они располагают целым рядом других дисциплинарных мер. К таким безобидным, но действенным средствам принадлежит, например, обычай пангве заставлять звучать около дома «голос» могущественного духа (который воспроизводится мальчиками или мужчинами при помощи «волчка») для того, чтобы внушить непослушным детям уважение и страх перед Эдзибонго, пожирателем детей. Иногда снаружи бухают по земле деревянным шестом, причем кто-нибудь таинственно шепчет: «Злой человек... он пришел...» Такие воспитательные методы уже у самых маленьких детей вызывают представление о могуществе неведомых духов. Такой же обычай существует и у индейцев чиппеваев, грозящих непослушным детям лапой медведя, которая «придет и унесет их». Угрозу иногда претворяют в жизнь, при этом в палатку снаружи просовывают старый мокассин, привязанный к палке, что наводит на маленьких преступников невероятный ужас.

Иногда для «убедительности» прибегают к легким шлепкам, которые, однако, никогда не превращаются в тяжелые телесные наказания. Своеобразное телесное наказание, имеющее место у племени кри, состоящее в том, что мать царапает ноги и бедра непослушного ребенка двухзубой челюстью морской щуки до крови, основано на веровании, что такое «кровопускание» полезно ребенку. Едва ли здесь нужно особенно подчеркивать, что дети всех племен приучаются к соблюдению общепринятых гигиенических правил. Стремление приучать детей к телесной чистоте особенно сильно выражено у эскимосов и у различных индейских племен, дети которых уже в самом юном возрасте парятся в банях и купаются в реке, даже если для этого предварительно приходится делать во льду прорубь для купанья.

Как и у наших детей, лучшим учителем у первобытных народов считается хороший пример, особенно при соблюдении этикета, благопристойности и такта, которые вообще подчинены крайне сложным представлениям. Так, например, чувство стыда ни у одного человека не является прирожденным, что доказывают

совершенно различные проявления этого чувства в различных местах земного шара. Маленькая папуаска нор на Новой Гвинее отнюдь не стыдится своей наготы, но красавица зардеется от безграничного смущения, если кто-нибудь случайно увидит ее без клочка материи, который свешивается с головы у каждой, соблюдающей приличия обитательницы деревни. Различные африканские и южноамериканские племена, которые с достоинством разгуливают в совершенно нагом виде, страшно стыдятся, если их увидят за едой.

О весьма свободомыслящих западноафриканских пангве Тесман сообщает, что у них слово «озон» (стыд) не сходит с языка и что они презирают за «невоспитанность» белого исследователя, не понимающего их тонких намеков — таких, например, как: «Мне нужно сходить за дровами», или «Я быстренько сбегаю посмотреть западни», к которым они прибегают для выражения их естественной нужды. Если такой благовоспитанный пангве приходит в другую деревню, он тотчас же тактично осведомляется о «жилище хозяина деревни» или спрашивает: «Куда я могу обратиться в случае, если меня будут преследовать?» Все эти обороты являются выражениями «образованного человека», заменяющими неприятное слово «эдук» — «отхожее место», — слово, которое никогда не произносит тактичный пангве.

Столь сильно развитое чувство благопристойности распространяется иногда даже на мир птиц. Так, например, огнеземельцы ямана верят в то, что их предки когда-то, много лет назад, оскорбили крайне обидчивую птицу лахува (появление которой возвещает наступление весны) своими громкими возгласами: «Пришла весна! Вон летит лахува!»; обиженная такими возгласами птица наслала вместо весны запоздалую зиму, от снега и льда которой погибли многие ямана. Поэтому теперь потомки этих неосмотрительных соплеменников при виде птицы лахува застывают в молчаливом почтении и остерегаются некстати разгневать ее каким-либо шорохом.

Еще большей осмотрительности требует у первобытных народов соблюдение сложных обычаев приветствия, так как, по их представлениям, несоблюдение их может навлечь несчастье, болезнь или войну. Некоторые племена при виде чужого человека до тех пор остаются сидеть на корточках, пока тот не приблизится и не заметит их миролюбивой позы. Другие свидетельствуют свое глубокое почтение, становясь на колени или падая ничком на землю. Для приветствия снимают головной убор, обувь и другие предметы одежды, а в некоторых случаях чувство уважения к пришельцу повелевает избегать его взгляда и повертываться к нему спиной. Многие племена считают невоспитанным даже хотя бы заговорить с чужим человеком, они приглашают его жестами принять участие в трапезе и заговаривают с ним лишь после того, как он отдохнет. Когда Стефанссон сделал визит

одному племени в районе Маккензи, приветствовать его явилась вся локальная группа, и каждый член племени поочередно выходил из толпы, обращаясь к исследователю с такими словами: «Меня зовут так-то. Я тебе друг. У меня нет при себе ножа. Как тебя зовут?» Одна из самых распространенных форм приветствия заключается в том, что двое встретившихся друг с другом трутся носами. Этот обычай часто служит также выражением расположения и любви. Мискито Гондураса «целуют» своих маленьких детей носом и называют это «слышать их запах». Один исследователь, который долго жил среди этого племени, нашел, что «наша манера целоваться вызывает у них отвращение и рассматривается как смягченная форма каннибализма».

Ребенок, естественно, с самого раннего возраста наблюдает все эти обычаи и перенимает их без дополнительных наставлений. Подрастая, он в первые годы еще пользуется преимуществами своего нежного возраста, потому что многие народы годы детства и юности вплоть до половой зрелости считают ангельским состоянием, когда с человека нельзя требовать какой-либо ответственности за свои поступки. Ребенок просто не может совершить беззакония, и ему быстро и охотно прощают его шалости. У многих западноафриканских племен, например, детство, по словам Тессмана, рассматривается «как предварительная стадия человеческого состояния, подобная стадии гусеницы, которая позже превращается в бабочку». Пангве делят всех людей на «хороших» (бебин) и «плохих» (бонгус) и, не колеблясь, относят всех детей к категории бебин. Тот же исследователь сообщает, что даже двадцатидвухлетние юноши пытались оправдывать совершенные ими нарушения существующих этических законов, утверждая, что они «еще дети, а дети всегда хороши». Такое же представление присуще и индейцам, что подтверждается выступлениями на священных церемониях зуньи так называемых клоунов-койемчи, которых представляют взрослые, но которых считают «сказочными детьми».

Когда же подходит к концу золотое время раннего детства, сыновья выходят из-под нежного попечения матерей и льнут к отцам, чтобы научиться у них искусству охоты, устройства ловушек, рыболовства и ведения войны. Врожденное чувство почтения к отцам вызывает у них с ранних лет мечту получить игрушечные оружия и орудия, подобно тем, которыми пользуются отцы, желание научиться ими владеть. Они ловят кузнечиков и мышей в крошечные западни, представляющие собой точные копии больших западней отцов. Наряду с этим прекрасными научными пособиями для молодого поколения служат рыболовные снасти, земледельческие орудия, мешки для добычи, самострелы, барабаны и множество других маленьких предметов. В результате подрастающий мальчик быстро овладевает под присмотром

отца и его друзей всеми техническими навыками, необходимыми для жизни.

Так же обстоит дело и с девочками, которые, сначала играя, а затем побуждаемые чувством честолюбия, учатся у матерей искусству шить мокассины, собирать желуди, прясть, ткать и т. п., вплоть до проникновения в косметические тайны с целью украшения своего лица и тела. Нет такого племени, где родители бы беспрестанно не старались как можно раньше посвятить своих детей во все материальные и духовные области знания, обучая их не только ремеслам и прикладным искусствам, но в первую очередь внушая им почтение к предкам, знакомя их с духами, населяющими окружающий мир, и со всеми основами их традиций и верований.

Так, постепенно дети выходят из «ангельского» состояния невинности и вступают в сложный возраст полового созревания. И точно так же, как и в нашей общественной среде, им приходится отныне бороться со всякими проблемами, которые находят свое выражение в разного рода поступках и неуравновешенности, столь типичных для этого возраста. Их игры становятся не столь невинными, и их поступки начинают отражать этический уровень племени. Иногда они становятся чрезвычайно робкими и замкнутыми или, напротив, подражают поступкам взрослых, будучи еще в таком возрасте, когда развлечения должны бы носить более невинный характер.

Дети многих африканских, меланезийских и других племен развиваются особенно быстро, в то время как другие еще долго предпочитают симулировать состояние невинности, из которого они уже вышли. В этом возрасте дети часто кощунственным образом копируют священные церемонии взрослых. В то время как, например, родители пангве с великим почтением хранят черепа предков в деревянной бочке, их дети сооружают из пальмовой сердцевины маленькие бочонки, куда прячут обезьяньи черепа; при помощи их они копируют священные танцы с черепами, исполняемые их родителями во времена бедствий, чтобы вымолить помощь у умерших.

Да и сами родители начинают постепенно менять свое отношение к детям. Им уже не так быстро прощают их шалости и пока они не принадлежат еще к избранному кругу тех, кто прошел установленные для молодежи церемонии инициации, с ними обращаются уже менее нежно. Они лишаются своих привилегий детства и в то же время их еще не принимают за взрослых.

В семьях иногда изрядно злоупотребляют этим переходным состоянием, возлагая на подростков неприятные обязанности. Старшие братья и сестры заставляют их оказывать всякого рода услуги, но им попрежнему не разрешают пользоваться преимуществами взрослых. Так, например, юноша племени юалайи (Восточная Австралия), еще не принятый в племя как мужчина,

не имеет права зажигать огонь, что считается проявлением мужской силы. У индейцев племен крик мальчики-подростки должны были «зажигать трубки, приносить дрова, готовить черный напиток воинов и выполнять всю тяжелую работу на деревенской площади». Старый исследователь Суон высказал мнение, что подневольный труд «подстегивал их честолюбие, так что они презирали всякие препятствия, лишь бы только раздобыть скальп или, как они говорили, принести домой волосы» — подвиг, после совершения которого они считались мужчинами.

У большинства племен достижение юношами и девушками половой зрелости служит официальным поводом для торжественного принятия их в общество взрослых. Отсутствие церемоний инициации является не правилом, а исключением. Но даже там, где такие торжества как будто не приняты, как, например (по данным Тюркетиль), у эскимосов Гудзонова залива и (по данным Вугелина) у калифорнийских тюбатулабал, — мы знаем, что молодые девушки калифорнийских индейцев «регулярно обучались матерями и бабушками всем женским делам», а старейшины племени часто делали «юношам сообщения об охотничьих обычаях и общем поведении». А об эскимосах сообщают, что девушки по достижении ими половой зрелости меняли одежду и носили такие же шапки, «как и взрослые женщины».

Но устраивается ли официальное празднество, или нет, известно одно: у всех племен именно ко времени половой зрелости юношей и девушек усиленно обучают техническим навыкам взрослых и посвящают в моральные и религиозные представления, и девушка или юноша только тогда признаются полноценными членами общества, когда они овладевают ремеслом и знают заповеди и запреты взрослых. Там же, где в обычае «конфирмация» или церемония инициации молодежи, ей всегда предшествует строго определенный период систематического обучения, причем предметами этого обучения являются главным образом физическая закалка и посвящение в тайные правила религиозного ритуала. Этот период обучения завершается обрядом инициации.

Об этом важном празднестве, во время которого молодые люди официально принимаются в племя как взрослые, очень много говорилось и писалось. К числу лучших знатоков в этой области принадлежит в первую очередь швейцарский исследователь Феликс Шпейзер, который предполагает, что в основе примитивного обряда инициации лежит причащение важнейшей пищей племени. Ибо эти совершенно необходимые для существования растения и животные охраняются мистическими силами, которые оделяют своими дарами только тех, кто стал достойным этого, пройдя через церемонию инициации. Ребенок, которого кормили его родители, теперь вырос. Но перед тем как стать взрослым, он должен сначала добиться милости могущественных

демонов плодородия, чтобы они предоставляли ему необходимую пищу. Поэтому в период подготовки, между детством и обрядом инициации, молодой человек не смеет прикасаться к этим важнейшим видам пищи, они являются для него табу.

Этими колдовскими силами, распорядителями съедобных растений и пригодных в пищу животных, являются у народов древнейших культур духи предков, — чем отчасти объясняется церемонное почитание предков, которое сохранилось в религиях многих высоких культур. В земледельческих культурах роль предков переходит к демонам плодородия, хотя предки продолжают играть важную роль в качестве посредников между этими демонами и смертными. Именно предки помогают подрастающему молодому человеку снискать милость могущественных духов, и они же наделяют физическими способностями, связанными с превращением его во взрослого человека. Для того чтобы заслужить милость духов, ребенок должен сначала умереть, чтобы затем возродиться взрослым, — превращение, символически инсценируемое на всех церемониях инициации. Предшествующий заключительному обряду инициации ход подготовки получил свое логическое развитие именно из этой идеи: она начинается с пищевых табу, после чего «ребенка» похищают духи предков, которые должны руководить его суровой подготовкой; эта подготовка заключается в отделении его от остальных соплеменников и в тщательном обучении его старейшинами, которые носят маски духов. Среди изучаемых предметов важное место занимает учение о пище и ее приготовлении. Тело подростка подвергается строжайшей дисциплине до тех пор, пока, наконец, юноша не будет подготовлен к «причащению» под руководством одного из «духов», представляющих душу предка. По окончании торжественного обряда инициации отменяются наложенные на пищу табу, и взрослые мужчины признают новопосвященного равным себе.

Но такого рода церемониям подвергаются не только мальчики. В частности у народов первобытных культур, у которых охота (ею занимались мужчины) имела в жизни племени такое же значение, как и (выполняемое женщинами) собирание диких растений, оба пола должны были проходить такого рода подготовительный период во время полового созревания. У народов же земледельческих культур, у которых возделываемые растения имеют несравненно большее значение, чем добываемые на охоте животные, обряды посвящения девушек часто затмевают обряды посвящения юношей.

Юноши во время подготовки должны прежде всего представить доказательства того, что они вполне обладают подобающей мужчине физической силой. Они подвергаются всякого рода испытаниям на храбрость, и символическая «смерть» ребенка перед его возрождением в виде взрослого часто принимает формы

настоящей пытки. Длительный период физических и духовных испытаний проводится в уединенном месте, среди девственной природы, вдали от домашнего уюта и в изоляции от другого пола. Под руководством стариков, играющих роль духов, юношам приходится проходить чрезвычайно суровый курс обучения. Своего кульминационного пункта период подготовки достигает с раскрытием священного мифа о происхождении племени, тайны которого никогда не открывают женщинам. Познавшие этот миф юноши считаются готовыми к священному причащению.

Никакого возрастного ценза для сдачи такого «экзамена» не устанавливается. Кандидаты могут иметь девять или десять, пятнадцать или шестнадцать лет. Иногда им приходится ждать, пока не составится достаточно большая группа учеников для подготовки. В других случаях обряд инициации ускоряется или задерживается иными причинами, например, климатом или наличием съестных припасов.

Как же совершается эта церемония? Узнать о том, каким образом протекают подготовка и «причащение», чрезвычайно трудно, потому что они относятся к самым священным проявлениям общественной жизни племени и совершаются под покровом полной тайны. Для постороннего человека обряды эти совершенно недоступны, вследствие чего приезжему исследователю их почти невозможно описать. Поэтому тайны обрядов инициации могут быть открыты нам только такими исследователями, которые провели среди данного племени долгие годы и у которых, кроме того, имеется необходимое этнографическое образование, то есть учеными, вроде, например, англичанина Хауитта, который был принят в члены австралийского племени курнаи и сам подвергся обряду инициации, или патера Гузинде, которому довелось пережить и испытать то же самое среди огнеземельцев селк'нам на крайней южной оконечности южноамериканского континента. В частности, личный опыт и сведения, полученные Гузинде среди селк'намов, дают чрезвычайно интересный материал о сущности обряда инициации у примитивных народов.

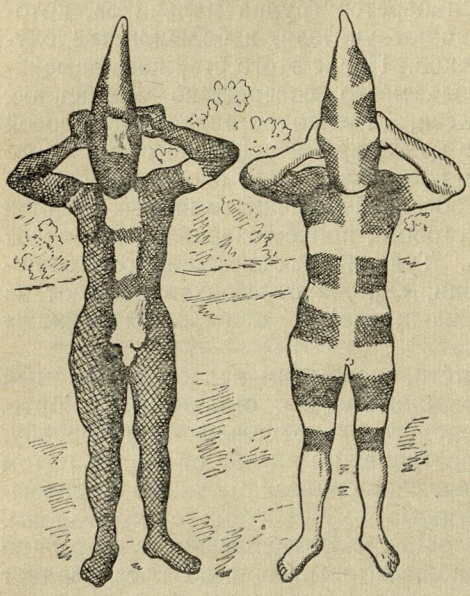
Лишь после длительных совещаний старейшины племени решаются выполнить «тяжелую обязанность», то есть назначить дату для периода испытания, во время которого юноши должны быть посвящены в интимнейшие тайны племени, прежде чем им будут предоставлены привилегии взрослых. При этом также не устанавливается никакого возрастного ценза, а допускаются лишь только мальчики, которые достигли необходимой степени духовной и физической зрелости, находящей свое выражение в линии поведения — в сдержанности по отношению к женскому полу, в силе воли и главное в способности нерушимо хранить вверенную тайну. Гузинде приводит слова стариков: «Мы наблюдаем за юношей, чтобы установить, способен ли он молчать, достаточно ли он уже отошел от игр маленьких детей и

освоил ли он уже предстоящую ему в будущем работу. Если он не удовлетворяет нашим требованиям, мы заставляем его ждать до следующего праздника». Если результат наблюдения оказывается благоприятным, юношу принимают в «клóкетены», то есть в посвящаемые. Как только наберется группа мальчиков, которых нужно обучать, им назначают учителя, в большинстве случаев отца старшего из участников. После этого старики подыскивают подходящее для «школы» место, совершенно уединенное, предпочтительно у опушки леса, отделенное широкой полосой пампы от стоянки племени и в то же время недалеко от морского берега, там, где можно найти достаточное для охоты количество гуанако и диких гусей, чтобы обеспечить учеников пищей. Юноши прощаются тогда со своими семьями, причем женщины начинают громко плакать и причитать. Туловища клокетенов раскрашиваются красной краской, и они, «дрожа от страха» следуют за своим учителем по направлению к «ха'ин» — «большой хижине» или школе.

Едва успеют они туда прийти, как к ним является знакомый им уже с детства замаскированный «дух», страшный Шо'óрте, который вызывает каждого клокетена в отдельности на борьбу. Когда ученик, изнемогая, с проступившим на лбу от страха пóтом отказывается от сопротивления, собравшиеся мужчины приказывают ему снять собственноручно маску Шо'óрте с его головы. Сделав это, он, к своему безграничному удивлению, видит лицо одного из своих соплеменников, который обычно представляет «духа». Под угрозой смерти в случае нарушения тайны ему сообщают тогда, что Шо'óрте, чей пугающий образ должен наводить страх на женщин и детей, является таким же смертным, как и он сам.

Установленный порядок ежедневного обучения чрезвычайно суров. Предписывается даже, какие позы следует принимать, находясь в священной хижине-школе. Ученик не смеет ни разговаривать, ни смеяться, взор его всегда должен быть опущен долу. Пища его ограничивается до минимума, и он должен довольствоваться лишь несколькими часами сна. Днем и ночью, всегда под руководством старейшины, совершаются длинные экскурсии по лесам и горам. Чтобы овладеть стрелой и луком, каждый клóкетен должен регулярно упражняться в стрельбе по заданной цели, и когда он, усталый, наконец возвращается в «большую хижину», ему приходится стоя, как установлено, на вытяжку, выслушивать длинные лекции о поведении, морали и истории племени. Основным содержанием этих «лекций» являются «трудолюбие, верность долгу, уважение к старшим, повиновение родителям и родственникам, альтруизм и готовность к оказанию помощи, обходительность и супружеская верность», а их целью — воспитание «настоящих мужчин и верных защитников племенных традиций». После того как клóкетен усвоит

духовные основы, его посвящают в мифологические тайны племени. Он узнает, что не только Шо'о́рте, но и все «духи», которых женщины и дети считают сверхъестественными существами и чтут их, являются всего лишь переодетыми мужчинами, красящими свои тела в красный, белый и черный цвета и надевающими на голову маску. Самыми могущественными «духами» являются Ха́лпен (появляющаяся, к смущению женщин, в «женском образе») и ее супруг Шо'о́рте.



„Духи" в масках, пугающие посвященных во время церемонии инициации (*племя селк'нам, Огненная Земля*).

Может пройти несколько месяцев, прежде чем курс обучения достигнет своего кульминационного пункта — раскрытия испытуемым священнейшей тайны мифа о происхождении племени селк'нам. Этот миф, рассказываемый старейшинами, начинается следующими словами: «В старое время на Исла Гранде (Большом острове) было уже много людей. В то время солнце и луна, звезды и ветры, горы и реки бродили здесь еще в образе людей, подобных нам...» Согласно этому мифу, господствующее положение в племени ранее принадлежало женщинам. Но женщины обманывали мужчин, и те восстали против них. Во время этого восстания животные, солнце, луна и другие силы природы приняли свой нынешний образ и бежали туда, где они пребывают теперь. Вслед за этим ради безопасности своего собственного будущего мужчины приняли решение сочинить легенду о замаскированных духах, которых с тех пор изображают сами мужчины. Тот, кто выдаст тайну, будет тут же убит, — однако в этом никогда не было надобности, потому что мужчины племени селк'нам берегли свою тайну на протяжении столетий и берегут ее и по сей день; и поныне они в последние дни подготовительного периода при свете луны медленно и торжественно выходят из «большой хижины» в пампу, чтобы внушить женщинам почтительный страх, и в сопровождении новых хранителей тайны, бывших кло́кетенов, возвращаются в ха'ин.

Если мы вспомним, что селк'намы принадлежат к примитивнейшим собирателям и охотникам, то нам остается только поди-

виться их глубочайшей серьезности и тому, какое воспитательное значение они придают моральным ценностям. В сравнении, например, с нашим «энциклопедическим» школьным обучением, при котором воспитанию моральных качеств придается несравненно меньшее значение, воспитание у селк'намов далеко не столь «дико». Столь же серьезное впечатление производят и методы обучения, которые наблюдал Хауитт у австралийского племени собирателей и охотников.

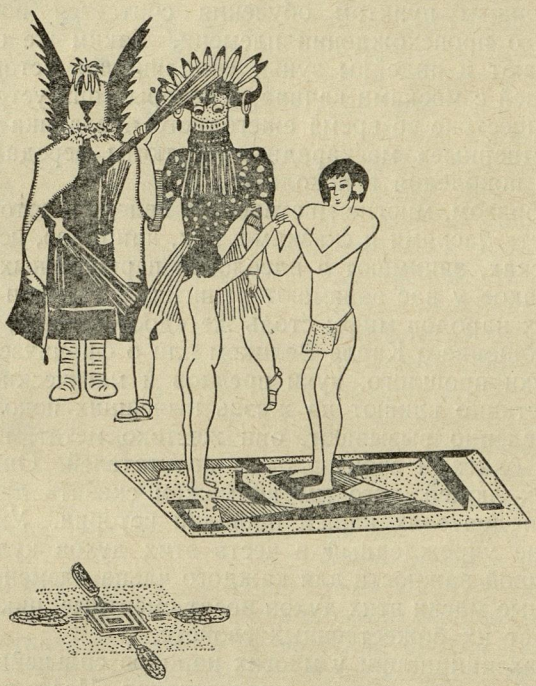
У всех племен, у которых имеют место обряды инициации, кульминационным пунктом обучения считается посвящение в тайну мифа о происхождении племени. Таким же образом, например, узнают и индейцы зуньи «подлинную» историю их священных связей с масками качина, в которых они устраивают торжественное шествие во время ежегодного праздника плодородия. Эти «божественные» маскарадные костюмы передаются по наследству из поколения в поколение.

Таким образом, многие мистические явления, которые мы привыкли считать баснями и сказками, как, например, истории о священных масках, занимают в идеологии первобытных народов то же место, какое у нас занимают религия, история и этика. Для первобытных народов мифы столь же «достоверны», как для нас, скажем, сообщение о Карле Великом или о французской революции, ибо духи прошлого, духи предков и магические силы природы непрестанно влияют на жизнь нынешних поколений. Если их легкомысленно вызывают, они жестоко мстят, но зато осыпают всеми благами своих верных почитателей. Они живы для первобытных людей, чего мы не можем сказать даже о самых выдающихся деятелях нашей прошлой истории. Уже по одной этой причине учрежденный в честь этих духов культ является делом огромной важности для каждого члена племени. Тот факт, что священные маски этих духов носят смертные, никоим образом не принижает их божественных свойств.

В обрядах инициации у многих народов сильнейшим образом подчеркивается мотив смерти и воскресения. Часто во время проводимого в уединении периода подготовки посвящаемые с головы до ног покрываются белой краской, чтобы показать, что в этот промежуточный период они не принадлежат уже к живым (их детство умерло) и что до приобщения их к демонам плодородия они являются не людьми, а духоподобными существами. А перед завершающим испытанием на зрелость не только их ум возбуждают чрезвычайными откровениями, но и тело их иногда подвергают настоящим пыткам.

Особенно жестоки в этом отношении ежегодные обряды инициации у индейцев мандан. Ранее в их ритуал входил обычай так называемого похк-хонг — «раскачивания на крюках». У посвящаемых надрезали в нескольких местах кожу, чтобы через надрезы можно было пропустить крюки. Эта операция производится

неизвестным для юноши замаскированным человеком. Исследователь Маклеод так описывает этот обычай: «Священный дом индейцев мандан покоится на четырех столбах. Продетые сквозь кожу жертвы крюки связывают канатами, на которых испытуемого подтягивают в висячем положении к вершине одного из четырех столбов. Тело юноши обнажено, но в руке он держит сумку с лекарственными снадобьями. Щит его качается на одном из продетых сквозь его кожу крюков. Как только

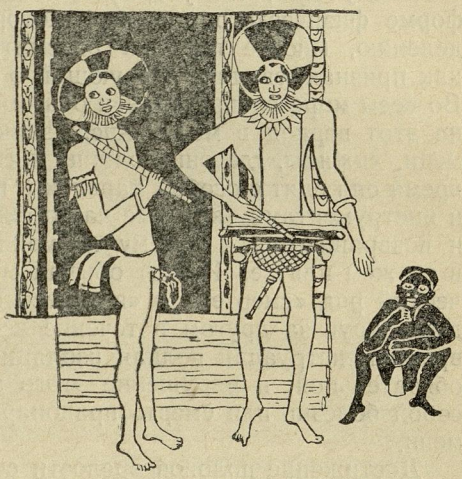


Инициация у индейцев хопи. Бичевание посвящаемого.

юношу подтянут к вершине столба, помощник начинает его вращать вокруг столба в парящем положении, в результате чего испытуемый теряет сознание. Когда он лишается чувств, присутствующие восклицают: «Умер!» — и его спускают вниз и укладывают на землю. Потерявшему сознание после раскачивания на крюках запрещается оказывать какую-либо помощь. Его оставляют лежать вне священного дома на том месте, где он упал, до тех пор пока он либо умрет (что, однако, случается крайне редко), либо очнется сам. Участники этого представления верят, что великий дух либо «забирает его (то есть дает ему умереть), либо пробуждает к новой жизни».

Перенеся такую пытку в честь великого духа, посвящаемый должен принести ему в жертву еще мизинец левой руки.

Почти столь же жестоки и описываемые Тессманом пытки, которым подвергают молодых пангве. В «священный дом» приносят двести гнезд особенно злых муравьев. Помимо их укусов, посвящаемый должен еще вытерпеть прикосновение каких-то ядовитых стручков, от которых на коже образуются волдыри, причем все время выкрикиваются слова: «Мы убиваем тебя!» Перед началом периода уединения голые тела юношей раскрашивают в белый цвет смерти. Их половые органы прикрывают футлярами, украшенными перьями, и они ходят со специальными ксилофонами, звук которых заставляет соплеменников убегать подальше от них. Когда их, наконец, принимают в племя, признав их мужчинами, они возвращаются домой, окрашенные в красный цвет жизни и радости.



Выкрашенные в белый цвет посвящаемые во время церемонии инициации с ксилофонами для предупредительных сигналов (*пангве, Западная Африка*).

Фантазия первобытных народов совершенно неисчерпаема по части измышления различных способов пыток, цель которых дисциплинировать посвящаемых. Так, нуэры в районе Нила делают юношам поперечные надрезы на лбу; папуасы нор Новой Гвинеи прокалывают своим юношам *membra* острыми травами и бьют их колючими розгами. Чрезвычайно широко распространенный при посвящении обряд обрезания, который некоторые ученые называют «символической кастрацией», представляет собой в сущности не что иное, как еще одну форму символической смерти.

Выдержав все эти тяжкие испытания, юноша и в самом деле чувствует себя новым человеком. Длительный пост, полученные уроки, познание мистических тайн племени, разрушивших представления его детства, и к тому же чувство, что он пережил муки посвящения, преисполняют его гордым сознанием своего мужского достоинства, которое не покидает его уже в течение всей его последующей жизни. В этом гордом сознании он воспитывает и своих собственных сыновей и делает все от него зависящее, чтобы и им дать такую же выучку для подготовки их к посвящению — этому величайшему событию в их жизни.

Как видно из этих фактов, у первобытных народов не может быть и речи о совместном воспитании детей обоего пола. Суровая дисциплина при испытании мужества, полное различие между предметами, преподаваемыми мальчикам и девочкам, строгие правила полового общения и в первую очередь магическое значение «лекций», читаемых в «университетах» джунглей, — все это заранее исключает возможность совместного обучения мальчиков и девочек. В течение этого периода девушкам, как и юношам, доверяются тайны, связывающие их на всю жизнь, на строгом соблюдении которых покоится вся духовная жизнь племени. Эти тайны требуют полной изоляции полов, особенно во время обрядов инициации, когда формируются тело и душа.

Ввиду того, что у девушек половая зрелость проявляется в форме физического процесса, который поддается точному определению, многие племена рассматривают первую менструацию как признак, свидетельствующий о достижении зрелого возраста. Во всем мире распространен обычай запирать девушек и женщин на этот период в маленькие, изолированные от остального племени, хижины, где они должны жить в полном уединении. В это время они едят с особых тарелок и пользуются особыми орудиями и инструментами (которые часто сжигаются после употребления) и возвращаются к своему племени после очистительной ванны в свежем платье. И этот обычай можно толковать как символический ряд «смертей» и «воскресений», которые непрерывно следуют друг за другом в течение всех лет половой зрелости. Во время менструации полная изоляция от мужского пола является обязательной, и нарушение этого закона могло бы повлечь за собой болезнь или смерть правонарушителя или даже всего племени.

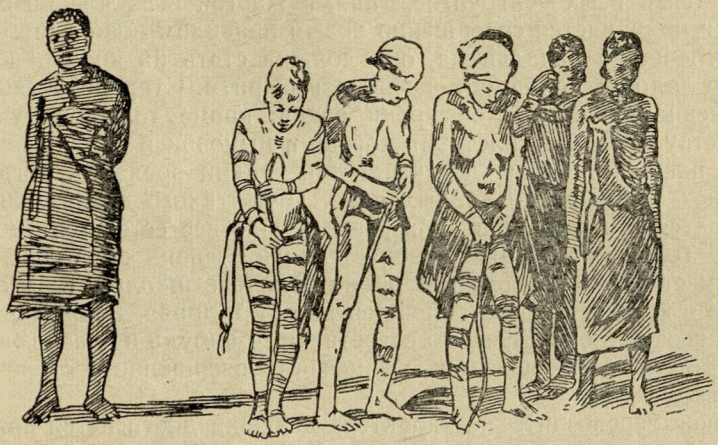
Достижение половой зрелости считается радостным событием и, в частности, в Африке отмечается как праздник, с песнями и танцами. Брейткопф рассказывает, например, о таком празднике у кпандо в Того, которые пели в честь девушки по имени Дзодзеафефое такую песнь:

«Свежий овощ! Свежий овощ! Дзодзеафефое празднует свою половую зрелость. Я отправился ее посмотреть. Ее отец так же богат, как и ее мать. В честь ее они сварили курицу и кашу из окро».

На Новой Гвинее девушку по случаю первой менструации одаривают такими подарками, как, например, новый набедренный пояс, браслеты и ожерелья, сделанные из драгоценных собачьих зубов. Но прежде чем получить эти дары, она должна пройти сложный курс, посвященный главным образом искусству ведения домашнего хозяйства и знакомству с историей племени. По окончании периода обучения на ее грудях наносят надрезами священные символы лунного серпа, и она должна отправиться к лагуне, где все подвергающиеся обряду инициации ложатся

в неглубокую воду, и старые женщины расхаживают по их распростертым телам.

Теоретическое обучение часто длится более месяца. У индейцев мбайя в Парагвае девушку обучает ее мать. Североамериканские индейцы также считают достижение половой зрелости у девушки важным периодом жизни. У апачей, например, церемонии посвящения девушек отличаются значительно большей



Церемония инициации девушек у племени ваньемба (*Нконго, Центральная Ангола*).

сложностью, чем церемонии посвящения мальчиков. Соплеменницы гоняют девушку, бьют ее и подвергают строгому экзамену, после чего она под аккомпанемент барабана, преследуемая шутами и замаскированными демонами, должна танцевать на новом одеяле.

С ростом влияния женского пола у народов так называемых матриархальных земледельческих культур празднование достижения девушками половой зрелости приобретает все более торжественные формы. Так, в Западной Африке устраивают чрезвычайно сложные празднества для прославления девушек, достигших половой зрелости. Практикуемая народами более примитивных культур временная изоляция девушек в течение подготовительного периода приводит к развитию узких объединений в форме тайных обществ женщин, которые иногда даже захватывают в свои руки законодательную власть и держат мужское население своего района в страхе и беспокойстве. Чем больше власть таких объединений, тем строже бывают предписания посвящения, предшествующего окончательному приему в сообщество.

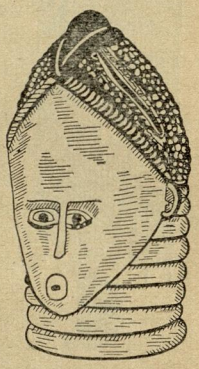
В «пансионатах» Йевхе на Золотом и Невольничьем Берегах послушница обязана прежде всего сбрить волосы со всего тела. Она принимает холодную ванну, после чего ее натирают «священным» маслом. Старую одежду снимают и заменяют белой хлопчатобумажной, которую послушница получает от верховной жрицы. В качестве еще одного знака, свидетельствующего о «смерти» ее прежнего естества, она получает новое имя (пользование старым сурово карается). К тому же она должна изучить новый язык — агбуигбе, тайный жаргон всех членов общества, и подчиняется совершенно новым правилам поведения. Если ей встречается начальница, она должна стать на колени и хлопать в ладоши, соблюдая своеобразный ритм. Старшие женщины ежедневно преподают ей уроки пения; кроме того, она учится искусству прядения, плетения корзин и цыновок и другим вещам, пока, наконец, она не достигнет той стадии зрелости, когда ее обучают составлению тайных ядов. Цель такого воспитания заключается в стремлении «убить в девушке все естественные чувства». Только после достижения высшей степени самообладания она имеет право на короткое время покидать школу, чтобы заботиться о хозяйстве Йевхе, приносить воду и дрова. Если во время таких выходов она случайно встретит кого-нибудь из членов своей семьи, она должна обойтись с ним как с совершенно посторонним человеком.

Такое перевоспитание характера девушки достигается при помощи угроз и строгих наказаний. Когда, по мнению верховной начальницы Йевхе, девушка достигнет, наконец, высшей степени зрелости, она имеет право покинуть тайное общество и возвратиться в семью в качестве нового человека. Ее отпущение стоит в центре торжественной церемонии, называемой «деде ле Йевхе ме» (отпущение из Йевхе) или «деде ами ме» (отпущение из священного масла). Жрица, окропив девушку кровью только что зарезанной курицы и украсив перьями и цветами, отправляет ее домой к родителям. Дома ее принимают с великой радостью. Но еще целых четыре месяца она не может пользоваться родным языком и должна говорить на тайном языке агбуигбе.

Хотя ее пребывание в «пансионате» тайного общества носит лишь временный характер, все же тот факт, что благодаря полученному ею образованию она принадлежит к «просвещенным», оказывает большое влияние на всю ее последующую жизнь. Это влияние оказывается иногда настолько сильным, что девушка принимает решение навсегда связать себя с тайным обществом. В этом случае она возвращается к сестрам Йевхе и обязана пройти еще целый ряд испытаний, в результате которых она может добиться очень влиятельного положения внутри этой группы. Даже если она потом и покидает тайный союз, чтобы выйти замуж, она в любое время может прибегнуть к авторитету этого общества, с тем чтобы союз, например, в случае супруже-

ских раздоров, оказал ей помощь и установил ее права. В доме Йевхе она всегда находит защиту и приют, жрицы во всех спорных случаях становятся на ее сторону и могут заставить супруга обиженной сестры внести значительный выкуп за ее возвращение к нему.

Следовательно, такие тайные женские общества не создаются лишь на короткий срок для совершения обрядов инициации и не распускаются затем, как это было у народов более примитивных культур, а существовали до подготовки к инициации и продолжают существовать после ее завершения. Своим покровительством, оказываемым ученицам и после их отпущения, эти общества в значительной мере способствуют повышению роли женщин в семье и в обществе и росту их влияния. В Африке имеются сотни таких тайных женских союзов, как, например, общество Ниенго (это слово означает «водяная нимфа») в Южном Камеруне, общество Лезиму у бакоко и общество Санди у вей. Занимаясь официальными делами, члены общества имеют право сохранять инкогнито, прибегая к характерным черным деревянным маскам со специально устроенной резной деревянной прической. Чтобы подчеркнуть «сверхъестественные силы» замаскированной, маска дополняется косметикой и фантастическим костюмом.

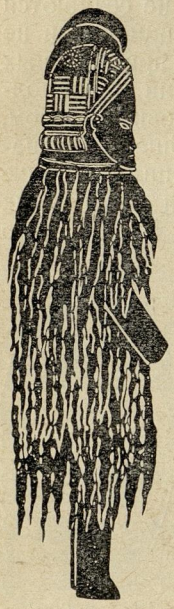


Маска послушницы тайного общества Бунду (*Западная Африка*).

К числу наиболее известных тайных женских союзов принадлежит союз Бунду в Мендиленде (Нигерия); члены его подразделяются на три ранга: ранг послушниц или прислуживающих, именуемых дигба, которые участвуют также в качестве помощниц в религиозных церемониях; рангом выше их стоит нормех или дьяволица Бунду, которая выполняет приказания высшей повелительницы — совех. В то время как дигба занимают более или менее подчиненное положение, носительницы высших рангов осуществляют власть настоящего тайного судилища. Все личные приметы исчезают под панцыреподобной маскарадной одеждой черного цвета. Руки и лица покрываются белилами, и резная черная маска закрывает целиком всю голову. Эти женщины обладают достаточной властью, чтобы наказать и даже убить каждого мужчину, проникшего на их священную территорию. Онемевший и застывший от ужаса, стоит он перед «магической» личностью совех. Если он все же отказывается уплатить требуемую с него сумму отступного, то в таком случае его либо продают вне пределов племени как раба, либо молчаливо указующий на него скипетр совех обрекает его на немедленную смерть.

Если даже дигба сдаст экзамен и возвратится к своим, опыт, приобретенный ею в союзе Бунду, будет и в дальнейшем

способствовать ее чрезвычайно влиятельному положению в племени. Для того чтобы защитить себя от отнюдь не «слабого пола», мужчины тоже прибегли к мерам самообороны и со своей стороны стали образовывать тайные общества, в которых юноши надлежащим образом обучаются, чтобы обезопасить себя от угроз женщин. Эти тайные общества мужчин представляют собой настоящие клубы, в которых каждый член всегда является желанным гостем [1].



Ведьма Бунду (*Западная Африка*).

Влияние таких клубов, «пансионатов» и «университетов» джунглей ослабевает только тогда, когда возникают различные организации высококультурных народов. Государство принимает на себя функции исполнительной власти, в то время как духовенство ограничивается воспитанием юношей и девушек, главным образом, в религиозном духе. Сложный характер тайных обществ утрачивается, и отдельные элементы культуры, на которых строилось могущество союзов, распадаются на различные специальные области. В качестве современных пережитков тайных обществ можно назвать студенческие корпорации, объединения и бесконечное множество рассеянных по всему миру клубов и лиг.

Воспитательные учреждения древних высококультурных народов почти не отличаются от наших, хотя разнообразие изучаемых предметов, тесная связь обучения с определенной религией и суровая дисциплина обеспечивали более широкое образование, чем это наблюдается в наше время. В связи с тем, что, например, у инков, ацтеков и египтян образование было привилегией лишь высших классов и каст, оно достигло чрезвычайно высокого уровня [2]. Это же относится и к религиозным «университетам» ислама, буддизма и ламаизма. Люди в современном капитали-

---

[1] Мысль Липса, что мужские союзы являются лишь формой своеобразной реакции на более ранние женские союзы, — оригинальна и интересна, но очень спорна. Обычно считают, что, напротив, женские союзы возникли как своего рода самооборона против мужских союзов, более широко распространенных и имевших более важное историческое значение как орудие борьбы против матриархата и как органы власти отслаивающейся имущей верхушки. — *Прим. ред.*

[2] Здесь Липс, как уже говорилось, идеализирует прошлое — на этот раз, правда, не «первобытные» народы, а народы древних «высоких культур». Едва ли можно согласиться с тем, что у этих древних народов уровень образования и морального воспитания был (хотя бы для привилегированных групп) выше, чем у современных народов. Липс поддается влиянию романтической тенденции некоторых буржуазных историков приписывать древним египтянам, древним мексиканцам и т. п. какую-то необычайную мудрость и недоступные нам теперь знания. — *Прим. ред.*

стическом обществе стремятся заработать как можно скорее побольше денег сразу после сдачи экзамена. Такой жажды денег не было у избранных групп богачей, имевших возможность получить высшее образование. Помимо того, они особо заботились о том, чтобы остальная часть населения продолжала находиться в полном невежестве. Как указывает Хёльткер, во времена Ицкуатля, четвертого короля Мексики, правившего с 1427 по 1440 год, было публично сожжено множество священных кодексов, так как было «слишком много экземпляров» этих кодексов и король считал опасным, если бы «слишком много людей, особенно рабов» овладело «знанием черного и красного» (черных и красных рукописей).

Так, изобретение письма служило обогащению немногих, составлявших правящий класс, и отнюдь не было благом для всего народа. В течение столетий, предшествовавших изобретению книгопечатания, знание и образование было ревниво оберегаемой привилегией избранной группы, члены этой группы с презрением и свысока смотрели на людей, лишенных знания, численно намного их превосходивших, и тщательно старались держать их подальше от премудрости, запечатленной на каменных плитах, на папирусах или на великолепно иллюстрированных средневековых пергаментах. В сокровенной тибетской книге мертвых имеется типичная для книг такого рода рекомендация не раскрывать сокрытые в ней тайны народу, ибо «какого добра можно ожидать от простого человека?»

Такие суждения резко противоположны идеалу «равных возможностей», который присущ подлинно демократическому обучению первобытных народов. Знание одного человека является у них общим знанием, и каждому члену племени доступна мудрость общества. Этот идеальный принцип был уничтожен с образованием классов и каст у народов высокой культуры. Воспитание и образование стали привилегией богатых. Нераздельное могущество общественного мнения оказалось расколотым, и каждый класс или каста установили свой собственный уровень образования, свои правила поведения или этикета. С ранних лет внимание подрастающей молодежи обращали на различия между отдельными классами и больше не принуждали ее стремиться к общепринятым, освященным традицией идеалам поведения и знания.

Благодаря такой социальной несправедливости, распространяющейся на методы воспитания народов высокой культуры, и ограничению числа образованных лишь небольшой группой, которая противостояла большинству лишенных знания, уровень знаний этой небольшой привилегированной группы мог достигнуть очень большой высоты. Физическим трудом заниматься не приходилось, и в доме, полном обслуживающего персонала, можно было стать высокообразованным, культурным человеком. Родители

были в состоянии весьма тщательно заниматься подготовкой своих детей к тому руководящему положению, которое им предстояло занять в будущем.

Это вовсе не означает, однако, что система воспитания, принятая в этом кругу, приводила к изнеженности молодежи. Напротив, как пережиток древних жестоких обрядов посвящения, и теперь большую роль в воспитании юношества играли телесные наказания и железная дисциплина, имеющая своей целью умерщвление плоти. В честь богов родители и дети прокалывали себе языки шипами, обрезали уши и подвергали себя самым различным формам самоистязания, как свидетельствует об этом обозначающее полночь ацтекское слово «нететекитпан» — «время самобичевания». Величайшим грехом у ацтеков считалась ложь. Губы лживого ребенка прокалывали шипами, непослушных мальчиков секли крапивой, а на ноги маленьких девочек, которые слишком часто уходили из дому, надевали цепи. Уроки этики, которые преподавались родителями своим детям, свидетельствуют об удивительной моральной чистоте и по сути намного превосходят наши этические воззрения. Так, например, сообщаемые Хёльткером, по данным Клавихеро, следующие наставления мексиканских отцов для своих сыновей составляют основу основ всякого хорошего воспитания:

«Почитай всякого, кто старше тебя, и никого не презирай. Не будь глух к бедным и несчастным, а утешь их. Почитай всех людей, но особенно твоих родителей, к которым ты обязан проявлять послушание, уважение и услужливость. Не следуй примеру безбожных детей, которые, подобно неразумному скоту, не почитают родителей, не слушают их наставлений, не повинуются их предостережениям и не считаются с наказаниями. Не насмехайся, сын мой, над стариками и калеками. Не презирай того, кто совершит глупость или ошибку. Не упрекай его за это. Больше всего остерегайся ошибок, которых ты не можешь переносить у другого. Не ходи туда, где тебя не желают, и не вмешивайся в то, что тебя не касается. Старайся также во всех словах и поступках и внешне проявлять благовоспитанность. Ешь за столом без особой жадности; не показывай, если тебе что-либо не по вкусу... Если тебе что-либо дарят, принимай это с благодарностью. Если подарок большой, не кичись этим; если он маленький, не пренебрегай им. Если станешь богатым, не становись высокомерным. Кормись собственной работой, тогда пища будет казаться тебе вкуснее... Никогда не говори неправды. Ни о ком не говори плохо. Не будь поставщиком новостей. Не затевай вражды... Если тебе предложат должность, то сначала подумай о том, что, быть может, этим предложением тебя хотят только испытать. Поэтому не принимай ее сразу, даже если ты знаешь, что к этой должности ты более пригоден, чем кто-либо другой. Принимай ее лишь после того, как тебя станут упрашивать. Тогда

ты заслужишь себе уважение. Не будь расточительным. Не кради и не предавайся игре, в противном случае ты навлечешь позор на твоих родителей... Я желаю этими добрыми наставлениями укрепить твое сердце. Не колеблясь, прими их с охотой. От этого зависят твоя жизнь и счастье».

Матери, подготавливая своих дочерей к жизни, тоже дают им подобные добрые советы:

«Прилежно пряди и тки, шей и вяжи. Не предавайся слишком долго сну; не ищи постоянно тени, а отправляйся на свежий воздух и там отдыхай. Женское жеманство влечет за собой праздность и другие пороки. Во время работы не предавайся дурным мыслям. Если тебя позовут родители, то не дожидайся повторения, а сразу же иди выслушать их желания. Не отвечай что-либо наперекор. Не показывай, если ты что-либо делаешь неохотно... Никого не обманывай. Живи со всеми в мире. Люби всех, чтобы они тоже любили тебя. Не слишком кичись своим имуществом... Не водись с распутными, лживыми и праздными женщинами. Заботься дома о семье. Не уходи из дому по всякому пустяку и не показывайся часто на улице и рыночной площади, ибо в этих местах тебя ждет погибель. Лишь в самом крайнем случае заходи в чужой тебе дом, чтобы не могли подумать или сказать что-либо в ущерб твоей чести. Если ты приходишь в дом родственников, сразу же старайся быть полезной, берись за прялку или за что-либо иное. Итак, довольно, дочь моя, да благословят тебя боги!»

После полученного в родительском доме воспитания юная девушка могла поступить в одну из двух предназначенных для нее школ: лицей, обучаясь в котором она оставалась жить у родителей, или школу при храме, где она пребывала под строжайшим надзором и направлялась туда либо на время, как в пансионат, либо навсегда, чтобы стать жрицей.

Образование ацтекских юношей носило значительно более многосторонний характер. Когда сыновья высокопоставленных семей достигали возраста двенадцати-тринадцати лет, их отдавали под присмотр жрецов в жреческий дом, где, кроме религии, их обучали всем видам физического воспитания, а также астрономии и истории. После сдачи экзамена они переходили в дом песни и танца, который, вопреки своему названию, был не местом развлечения, а учреждением, созданным для военной подготовки.

Такого же рода образование получали молодые люди всех народов древних высоких культур; к ним надо причислить, в первую очередь, спартанцев, чья система воспитания отличалась особой выдержкой и дисциплиной.

Прошло много столетий, прежде чем постепенно стал вырисовываться идеал высшего образования для всех. Лишь появление печатной книги, общественные школы и выделение профессионального учительского сословия, освободившегося от

господства духовенства, стали постепенно удовлетворять задачам современных методов воспитания и способствовать частичному их претворению в жизнь.

Но хотя сейчас и изучается значительно больше научных дисциплин, чем в древние времена, все же умственное развитие и воспитание характера в империалистическом мире не идет ни в какое сравнение с тем, что получала молодежь у народов первобытной культуры. Преобладание профессионального обучения ведет в условиях несовершенного капиталистического строя к стремлению прежде всего заработать деньги и вместе с этим — к искажению и уродованию этических и моральных идеалов.

С преодолением «суеверий» каменного века многие современные люди утратили чувство близости к природе, свойственное примитивным людям, и их уважение не только к другим людям, но и ко всему живому. По мере совершенствования нашего идеала воспитания, должно углубляться и наше понимание добродетелей, судьбы, мастерства и дел тех, кто жил и боролся до нас на нашей земле.

Глава XI

ПЕРВЫЙ ТЕАТР

«Когда герой То Мармаки подал знак к началу праздника, птицы выстроились парами для танца. Позади всех встали две совы, а перед ними две вороны и два скворца. Еще ближе расположились парочка белохвостых орлов, два ястреба, два голубя, две кукушки, два карликовых попугая и два какаду. Впереди же всех встали два благородных попугая.

Танцы открыли совы. Они грациозно двигались мимо других танцоров по направлению к зрителям. Когда они проходили мимо бивших в барабаны музыкантш, женщины эти сказали:

— Вы только поглядите на этих двух. Неужели можно терпеть их, с этими провалившимися внутрь глазами, окруженными безобразной белой бахромой?

А между тем это были очаровательнейшие совы, каких только можно себе представить!

Когда начали танцевать вороны, женщины сказали:

— Боже мой, до чего же они черны! И до чего они безобразны!

И все же это были две удивительно красивые вороны. Потом пришел черед скворцов, но женщины, которым ничем нельзя было угодить, шептали друг другу:

— До чего ж они отвратительны с их желтыми клювами и белыми пятнами на оперении!

Когда мимо них в танце прошлись гордые белохвостые орлы, женщины заворчали:

— Кому охота глядеть на их грязножелтый цвет?

А когда начали танцевать ястребы, было слышно, как женщины говорили:

— Вы только посмотрите! У них белые шеи и красно-коричневые перья. Уж они-то особенно мерзки!

За ними последовали изящные голуби.

— Молокососы, — кричали им женщины, — неужели они действительно воображают, что танцуют? И кому только они могут нравиться?

Следующей парой были кукушки, которых женщины тоже осыпали насмешками:

— До чего противны их пятнистые перья! На них просто невозможно смотреть!

Затем исполнили свои танцы какаду и карликовые попугаи. Но женщины продолжали высмеивать их грациозные движения и насмехаться над пестрой раскраской их перьев. Во все время представления единственное удовольствие доставляла им их собственная злобная болтовня.

Заключительным был танец благородных попугаев, но и их женщины осыпали оскорблениями. Вдруг попугаи взмахнули своими крыльями, и тогда стали видны их прекрасные фиолетовые перья. Окраска была настолько великолепной, что у женщин испарилась вся их злость, ибо фиолетовые перья сверкали на солнце как драгоценные камни, и каждому, кто их видел, хотелось их потрогать, чтобы убедиться в подлинности их существования.

Стараясь скорее добраться до птиц, женщины отбросили барабаны и побежали вслед за танцорами. Это напугало актеров, и, с сильным шумом развернув крылья, птицы поднялись в воздух, чтобы уйти от человеческой злобы».

Это описание не заимствовано из какой-либо балетной программы и не является пояснением к *bourreés*, *grands jetés* или *rondes de jambe* из «Золотого петуха». Это отрывок из ненаписанного либретто к пляскам примитивных папуасов Океании.

В этом либретто налицо все элементы театрального представления первобытных народов: танцы, маски, музыка и действие. Оно неопровержимо свидетельствует о глубоком художественном чутье этих народов, об их эстетическом вкусе и понимании театральных эффектов, об их необыкновенном умении проникнуть в сущность образа, об их вкусе к краскам и об их индивидуальном восприятии.

Несмотря на тысячелетнюю историю развития театра, несмотря на утонченные сценические трюки наших современных представлений, несмотря на наши постановки, насчитывающие десятки невидимых помощников из закулисного мира, основы театральных представлений, средства выражения и драматическое действие как таковое почти не изменились. Все важнейшие элементы современной сцены уже можно встретить, пусть в их зачаточном состоянии, в театре первобытных народов.

Роясь в больших библиотеках в поисках литературы о зарождении театра, мы найдем там множество данных, например о средневековых мистериях и, если заглянуть далее вглубь истории, о греческих трагедиях и их предшественниках — хорах сатиров. Но на этом в большинстве случаев оканчивается писаная история театра, в то время как первые драматические представления человечества остаются пребывать в тумане неизвестности.

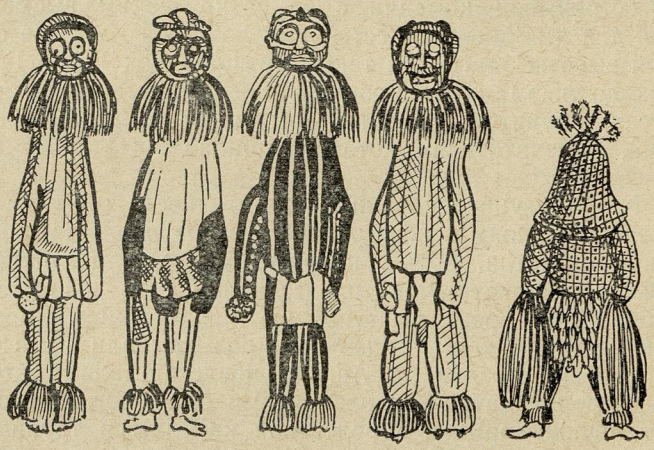
Все же и из этих источников мы узнаем, что уже классическая Греция знала две формы театрального представления, совершенно различные по настроению и содержанию, и, однако, в самом начале дававшиеся одновременно: священную пышную классическую драму и основанную главным образом на шутовской импровизации легкую сатирическую комедию, так называемый мим. В качестве пролога, интермедии и эпилога мим непрерывно нарушал патетическое развитие большой трагедии и играл роль антракта между возвышенными декламациями. Эта форма остроумной комедии с ее сатирическим высмеиванием событий дня и видных общественных деятелей достигла особенно большой высоты благодаря таким авторам, как Герод Греческий (III век до н. э.), часть произведений которого, записанных на папирусах, хранится в Британском музее, и римлянин Децим Лаберий, к почитателям которого принадлежал даже сам Цезарь.

Во Франции унаследованные от античности трагедия и комедия пережили эпоху нового расцвета в средние века, когда христианские братства, вроде, например, актеров *Confrérie de la passion* (братства страстей) представляли свои религиозные мистерии; в то же время выступавшие при стечении народа «Беззаботные дети» (*Enfants sans souci*) разыгрывали полные юмора легкие пьески. Позднее в Англии представителями этих двух основных форм театра — с элементами серьезного и веселого — были мальчики-хористы королевской капеллы и труппы странствующих актеров (*Strolling Players*). Влияние аттического мима красной нитью проходит также и через бессмертные драмы мировой литературы — от шекспировских клоунов и шутов до мольеровских веселых слуг и ведьм гётевской Вальпургиевой ночи; все они — позднейшие потомки древнегреческих шутов, выступавших вместе с серьезными трагическими актерами драмы. Эти образы нужны для того, чтобы сделать наглядным различие между двумя основными направлениями театра — трагедией и комедией. Когда в дальнейшем церковь запретила представление этих веселых исторических демонов, объявив их бесовским порождением, а в магометанских странах на театр и вовсе было наложено религиозное табу, старую традицию легкого развлечения продолжал воскресивший дух мима театр теней у яванцев и турок. Пережитком этого периода развития является наш современный кукольный театр.

Из каких же источников заимствовали греки свои сатирические драмы? Из чего возник остроумный сатирик, который появлялся в своей легкой обуви между обутыми в котурны трагическими персонажами? Как выглядел театр в своем зачаточном состоянии? Каково было содержание первых театральных представлений? Какие роли в них исполнялись и какие у них были сцены? Кто сидел в зрительном зале и каковы были герои?

Ответы на эти вопросы можно получить, только занявшись изучением театра первобытных народов. В настоящее время мы имеем возможность определить древнейшие основы и греческого мима и современного театра.

Конрад-Теодор Прейс, сопоставив греческий театр с древнегерманским, доказал нам, что оба они ведут свое происхождение от мистерий в честь демонов плодородия, изображавшихся во время фаллических церемоний первобытных народов. Древнейшие формы представлений, которые в дальнейшем получили

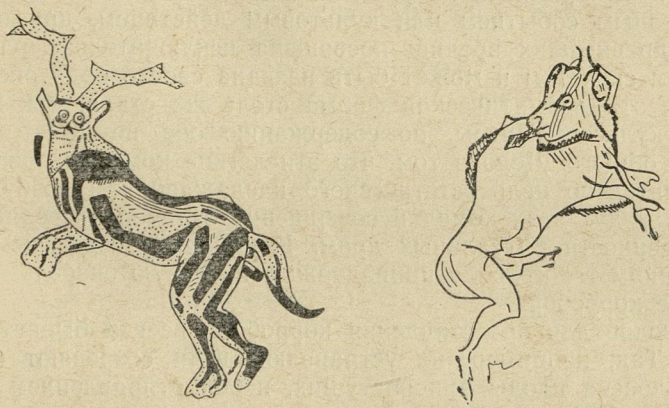


Древние маски плодородия (*фумбам, Западная Африка*).

известность под названием мимов, далеко не всегда были гротескно-шутовскими комедиями. Комедийный жанр был представлен лишь выступавшим в них клоуном или скоморохом. Пляски в честь Диониса и маскированные хоры аттических комедий можно уподобить древнемексиканским костюмированным демонам плодородия, которые во множестве выступали на религиозных праздниках, чтобы содействовать произрастанию важнейших сельскохозяйственных культур. Но уже у высококультурных народов древности, в том числе и у мексиканцев, связь между мимом и религиозной драмой была настолько велика, что первоначальный демонический мим выродился в ярко выраженный сатирико-гротескный жанр. Жанр этот все более мельчал и часто принимал форму непристойно-шутовского водевиля.

Фаллическая церемония плодородия считалась обязательным обрядом, которым не только отмечался праздник ежегодного обновления природы, но он как бы способствовал этому обновлению, вызывая дождь — залог урожая — и побуждая богов плодородия приносить новые плоды полей. На этих праздниках высококультурных народов древности прославлялись «смерть» и «вос-

кресение» природы. Имена Озириса, Адониса, Таммуза, Аттиса, Деметры и Диониса были не чем иным, как названиями богов плодородия, смерть и воскресение которых праздновались на указанных церемониях. В задачу исполнителей, которые надевали маски этих богов во время пантомимических танцев, входило способствовать плодородию полей, промысловых и домашних животных. Эти мимические танцы были источником возникновения драмы. Они столь же древни, как и само человечество. Уже в доисторических пещерах палеолита мы находим стенную живопись, которая должна была способствовать плодородию



Танцующие шаманы в масках животных. Грот трех братьев (*Арьеж, Франция*).

таких животных, как бизон, дикая свинья, медведь и олень. Эти рисунки чрезвычайно натуралистичны; главное действующее лицо в них — знахарь или шаман в различных масках, изображающих промысловых животных.

Подобные мимические танцы до сих пор еще исполняются примитивными племенами, стоящими на уровне культуры палеолитического человека, как, например, австралийцами, веддами, огнеземельцами и бушменами. Все они подобным образом «способствуют» урожайности собираемых ими растений и удачливой охоте. При помощи театральных средств они символически осуществляют связь с силами, которые покровительствуют различным животным, растениям и т. д. При этом актеры тщательнейшим образом изучают повадки, движения и прыжки изображаемых ими животных и в точности их копируют. Белые исследователи, которым, например, приходилось наблюдать танец кенгуру у австралийцев, всегда с удивлением отмечали натуральность представления и необыкновенные мимические способности танцоров.

Помимо игр плодородия, эти древнейшие племена разыгрывают уже и исторические пьески, посвященные главным образом устным преданиям о переселении предков на нынешнюю территорию племени. Друзья и родственники актеров раскрашивают последних цветным гримом и обклеивают их перьями, так что получаются настоящие маскарадные костюмы.

Другие символические и мимические танцы австралийцев связаны со смертью и воскресением, любовью и ревностью, дружбой и враждой. Определенная идея лежит в основе каждого танца.

Но в то время как все эти танцы связаны так или иначе с серьезным событием или культовым действием, другая категория древнейших зрелищ посвящена исключительно развлекательным сюжетам и может быть названа своего рода опереттой. И хотя эта драматическая форма столь же стара, как и религиозно-культовые игры, по содержанию она не имеет с ними ничего общего. Дело в том, что эти легкие комедии преследуют исключительно цель эстетического наслаждения и возбуждения чувств, и дух этих комедий совершенно отличен от религиозной возвышенности ритуальных драм. К наиболее известным представлениям такого рода принадлежат, в первую очередь, австралийские корробори.

Поводов для представления корробори всегда бывает достаточно. Так, например, их устраивают, если созревают важные для человека плоды дикорастущих, перед отправлением воинов в бой, чтобы отпраздновать успешную охоту, при встрече с приглашенным соседом и в особенности, чтобы скрепить заключенный мирный договор.

Если во время культовых представлений в исполняемых песнях и декламациях придерживаются точного текста, то слова, которые поют или произносят во время представления корробори, являют собой остроумную импровизацию. Каждая веселая мысль претворяется в шутку или пантомиму и к удовольствию слушателей повторяется хором в виде припева.

Несмотря на рыхлую композицию таких инсценировок, в каждой из них имеется тщательно подготовленный кульминационный пункт, и ярко раскрашенные актеры в высшей степени эффектно появляются и исчезают в лунном свете, причем ритмические звуки невидимого оркестра ударных инструментов подстегивают нервы публики. Эти австралийские корробори достигают иногда высокохудожественного уровня и в зависимости от повода бывают остроумными, поэтичными или драматическими.

Но, как мы уже видели, греческий мим развился не из таких чисто развлекательных пьес, но был характерной чертой обрядово-религиозных представлений. Зачатки мима мы находим уже у народов первобытной культуры.

Если религиозная мистерия затягивалась, начиная чересчур угнетающе действовать на психику зрителей, то у последних появлялось желание передохнуть. Из этого желания и возник драматический образ, который своим внезапным гротескным появлением нарушал возвышенное настроение, навеянное священным магическим зрелищем, и вызывал у присутствующих приступ неудержимого смеха, что резко противоречило драматичности религиозного представления. Этот-то герой шуток, богатый на выдумки весельчак и является предком остроумных актеров греческих мимов, шутов и клоунов. Не подчиняющийся никакой цензуре, он прыгает и танцует вокруг исполнителей ролей демонов в священной драме, восхищая публику своими необузданными импровизациями.

Если появляется такой размалеванный, разукрашенный перьями комедиант, то даже старики, сидящие в своих «ложах» в австралийских кустарниках, забывают о своем достоинстве. Они хохочут до слез и утверждают, что «живот у них лопнет от радости», ибо они считают диафрагму органом наслаждения.

Эти шуты изображают в карикатурном виде не только людей, но и, в первую очередь, характерные повадки животных. Во время тасманийского танца кенгуру танцоры очень точно подражают неуклюжим прыжкам этих сумчатых животных; танец эму имитирует типичные толчкообразные движения, которые делают эти птицы во время еды, или лошадь и повозка европейца с поводьями и кнутом проезжают рысью по сцене, причем танцоры так же, как лошадь, качают головами, испуская время от времени громкие крики в подражание ржанию.

Этот шутовской развлекательный элемент проникает иногда даже в крайне строгие церемонии инициации, чтобы дать передышку посвящаемым между тяжелыми испытаниями. Подобного рода гротескной интермедией является огнеземельский танец тюленей, во время которого сидящие на корточках мужчины покачиваются из стороны в сторону в ритм песни. Опытные охотники, находящиеся в «зрительном зале», трясутся от смеха, когда эти «тюлени» неуклюже подвигаются вперед, чешут себе «плавниками» грудь и руки и приветствуют друг друга хриплым лаем. Лучших актеров награждают бурными аплодисментами. Столь же верно копируется и морская птица карапу. Ее медленная походка, характерное поднимание и опускание крыльев, своеобразный крик, с каким птичья стая опускается на землю, — бывают настолько похожи на повадку живой птицы, что даже европейцы с величайшим интересом следят за представлением. Популярную сцену борьбы двух коршунов из-за куска мяса, разыгрываемую двумя шутами-яганами, зрители сопровождают взрывами смеха.

Тот, кому лично приходилось наблюдать умение создавать иллюзию, кто видел остроумие и оригинальность примитивного театра, знает, что глубочайшее впечатление, производимое

сценическими эффектами, не зависит ни от сложных технических приемов, ни от знаменитых авторов, ни от боготворимых «звезд». Занимательность хорошего драматического представления целиком зависит от фантазии. Там, где ее нет, проваливается даже самая великолепная пьеса; но там, где она властвует, сцена превращается в царство чудес.

Танцевальная палица с островов Санта-Крус.

Меланезийская танцевальная маска.

Пантомимы и оперы, о которых мы говорили выше, разыгрываются народами первобытной культуры, собирателями и охотниками с присваивающей формой хозяйства. С развитием же земледелия и скотоводства для людей все большее значение приобретают мистические силы, которые распоряжаются дождем и засухой, урожаем и неурожаем, болезнями и здоровьем домашних животных. Поэтому самое существование примитивного земледельца зависит от его способности ублаготворить танцами и представлениями таинственные силы, снабжающие его пищей, и тем самым добиться от них милости и помощи.

Говоря о культурах этих примитивных земледельцев, главным образом африканских и океанийских племен, мы очень часто имеем дело с настоящей «культурой масок», ибо маски, которые надеваются во время обрядов и представлений этих народов, принадлежат к важнейшим элементам их материальной культуры. Героем их представлений является маска сама по себе, а не тот случайный актер, который ее надевает. Маска является действующим лицом, а не его отображением. У народов этих культур маска — это действительно дух мертвого или представляемое животное, а не символ этих сил, потому что сами эти силы живут в ней. Этим объясняется то религиозное благоговение, какое внушают этим племенам танцы масок.

Но и здесь наряду с религиозными драмами можно увидеть настоящую легкую комедию, сюжетом для которой служат повседневные события, история и мифология племени.

Любопытным примером такого типа легкой комедии служат игры индейцев маки, именуемые дуквалли. Эти индейцы верят, что некогда все ныне живущие на земле существа принадлежали к человеческому роду и что они были вынуждены принять свой нынешний образ вследствие несчастья, небрежности или преступлений. Игры дуквалли воспроизводят в драматической форме эти «несчастья». Отдельные маски снабжены небольшими шторками, которые в самом драматическом месте инсценировки опускаются и показывают пораженной публике глаза, рот или нос актера. Таким же приспособлением пользуются эскимосы, чтобы в неожиданный момент развеселить или напугать зрителей, реакция которых совершенно тождественна нашей; наградой за имевшую успех пьесу бывает овация, что побуждает постановщиков часто ее повторять, в то время как пьесу, не сумевшую завоевать благосклонность у публики, освистывают и она быстро сходит со сцены.

Маска „бусла-матла" (*северо-западная Америка*).

Но наряду с этими чисто развлекательными пьесами весьма многочисленные культовые танцы и представления подчеркивают всемогущество демонов плодородия. Для культовых танцев употребляются строгие, религиозного характера маски. Цель подобных представлений заключается в неустанном напоминании как самим исполнителям, так и публике о назначении этих игр: о необходимости использовать сверхъестественные магические силы для благополучия племени. Но так как эти религиозные драмы затягиваются часто на целые недели, их также прерывают время от времени вставкой шуточных интермедий из обычной жизни, которые, конечно, бывают гораздо занимательнее продолжающихся до бесконечности культовых церемоний. Такие разыгрываемые вперемежку культовые игрища и занимательные интермедии в обычае особенно у пуэбло, манданов и ирокезов.

Ритуал зуньи, одного из племен пуэбло, включает шесть главных религиозных церемоний, важнейшей из которых является культ качина. Качина — это сверхъестественные, нашедшие свое отражение и в изобразительном искусстве и в виде масок существа; каждая такая маска обладает своими четко определенными, индивидуальными свойствами и является настолько точным отображением соответствующего бога, что зуньи полностью ее с ним отождествляют. Все эти многочисленные маски надеваются в честь коко — богов дождя, столь могущественных, что

люди, увидевшие их, должны умереть. Как сообщает Банзель, коко, чтобы защитить своих индейских друзей, дали им право «исполнять танцы масок, обещав при этом быть поблизости от масок в виде дождя».

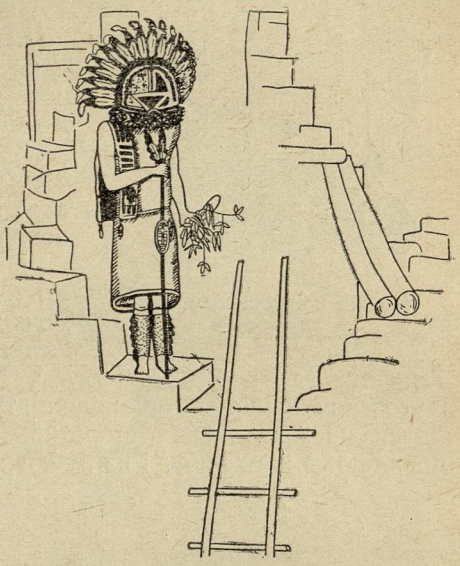
Все мужчины деревни состоят членами общества качина и имеют право носить старые великолепные маски, из которых каждая имеет свое название и отличается от других некоторыми деталями и цветом.

Танец медведей гризли (*индейцы сиу*).

Другая важная церемония, которую исполняют хопи (одна из групп индейцев пуэбло) называется «памюрти»; она начинается появлением Паутива — бога солнца, маска которого, надеваемая на голову, украшена символами дождя. Он — устроитель и главный герой праздника, возвещающий о начале игр и сзывающий отдельных исполнителей, среди которых находятся бог огня, ястреб, серый сокол, утка и орел. Исполнители этих ролей собираются где-нибудь поодаль от деревни, где они облачаются в свои костюмы, после чего Паутива ведет их торжественной процессией к «сцене». К вечеру они прибывают на место, где великолепные краски их костюмов вспыхивают и переливаются в лучах заходящего солнца. Обладатели птичьих масок машут руками вверх и вниз, эффектно выставляя напоказ пестрые перья своих костюмов. Их товарищи в своих шлемоподобных масках начинают петь и бить в трещотки — игра начинается. Сооружаются алтари, на которые подается пища для качина, расписанные кулисы образуют задний фон, а пол сцены часто разукрашивают великолепными по своим цветам рисунками из песка.

И во время поваму — праздника бобовых растений — появляется также множество качина, символически изображающих возрождение и очищение земли, причем центральным пунктом всего действия является «возвращение качина».

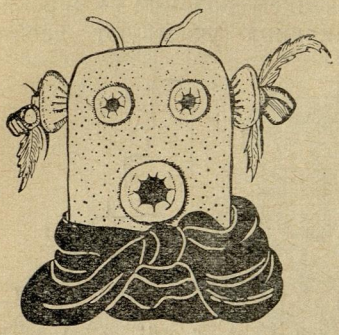
Эти церемонии прерываются появлением койемчи — мирских актеров интермедии; в церемонии качина участвуют десять койемчи, имеющих каждый свое название и свой особый костюм, которые всегда выступают группой. Уже одной своей легкой, состоящей из опояски, одеждой они резко отличаются от качина, облаченных в тяжелые костюмы. Они следуют за своим избранным из числа жрецов руководителем или «отцом». Тела их окрашены розовой краской, а лица их скрываются за шлемоподобными масками шутовского вида. Единственным предметом их одежды служит черная набедренная повязка, которую они и вовсе снимают в особо комические моменты действия. При этом обнажаются их обвязанные шнуром половые органы, что, однако, никого не шокирует, потому что, как говорят индейцы: «койемчи могут преспокойно быть голыми, ведь они же дети». Они обладают мифологической привилегией считаться детьми — несмысленышами. Они бегают за актерами, носящими священные маски, и шутливо передразнивают их движения, что иногда ведет к явным непристойностям. Хотя они и являются официальными шутами, все же они пользуются чрезвычайным уважением. Вот что пишет о них старый исследователь Кашинг:



Бог солнца Паутива спускается вниз, чтобы созвать маски качина (*индейцы пуэбло*).

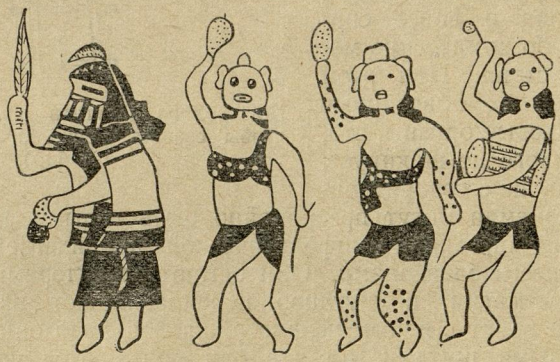
«Они могут казаться дурачками, но, тем не менее, они обладают мудростью богов и верховных жрецов; подобно слабоумным и сумасшедшим, они среди бессмыслицы изрекают мудрые пророчества и являются одновременно и слугами и покровителями высокоценимых танцевальных представлений ка-ка (коко) и даже их толкователями и переводчиками. Называются они нечеловеческими именами, а какими-то, повидимому, лишенными смысла прозвищами».

Стоит им только появиться, как сразу же они вносят в представление веселье и занимательность. Так, например, какой-нибудь койемчи внезапно выскакивает между рядами серьезных танцоров, чтобы позабавить зрителей таким возгласом: «Моя жена удрала с другим мужчиной. Сегодня ночью я и сам предприму небольшую вылазку!» Кроме того, они выступают в роли талантливых жонглеров и фокусников. Они сжигают перья, а потом после глубокого выдоха вытаскивают их изо рта или, чтобы развеселить публику, заставляют предметы исчезать и вновь появляться.



Маска койемчи (*индейцы пуэбло*).

Их помощники виччина бросают в публику шарики из глины или комочки земли, стреляют в нее крошечными стрелами, которые они выдают за пчелиные укусы, или орудуют ветками как шутовской палкой — еще один атрибут клоуна, который сохранился на протяжении столетий. Если эти примитивные шуты попадают в кого-нибудь из публики, то «этим они снимают беду».



Серьезная маска качина со свитой из масок койемчи (*рисунок индейцев пуэбло*).

Шутовской палкой клоуны пользуются и у других племен, например, у селиш, нутльматль и навахо. У навахо встречаются даже «шпагоглотатели», которые умеют показывать, как у них в глотке исчезает украшенная перьями палка.

На церемониях пуэбло настоящими актерами являются только койемчи, в то время как носители масок качина только исполняют строго предписанные ритуалом серьезные танцы. Таким образом, оба вида этих масок, с одной стороны, религиозных

качина, а с другой — мирских коймечи должны рассматриваться как выполняющие совершенно отличные друг от друга функции. Эти функции не смешиваются между собой, хотя оба вида масок имеют культовое происхождение.

Коймечи славятся своим обжорством и охотно принимают съедобные дары. Поэтому исполнять роли шутов стремятся главным образом бедные индейцы, которые не в состоянии справить себе дорогие костюмы богоподобных серьезных масок. Вследствие этого на коймечи принято смотреть несколько свысока. Влиятельный, зажиточный член племени никогда не станет претендовать на роль коймечи.

Окихеде, бизоний демон, появляющийся во время весеннего праздника у индейцев мандан.

С импровизациями коймечи во многих отношениях сходны мирские интермедии, устраиваемые во время плясок солнца у индейцев прерий. Так, например, шутовскую роль клоуна играет демон Окихеде, выступающий во время священной церемонии окипа у мандан. На голове он носит шапку, украшенную черным петушиным гребнем, а лицо свое закрывает маской из шерсти с белыми кругами для глаз и «зубами» из хлопка. На животе у него нарисовано солнце, а на спине луна. Со свисающим сзади хвостом бизона бегает он по прерии и своим внезапным появлением пугает деревенских жителей, у которых он выпрашивает подачки. Он обыскивает их хижины и предлагает свои услуги по истреблению насекомых-паразитов.

Такие же шуты-комедианты имеются и в Африке. К самым знаменитым принадлежит мукиш — клоун бассейна Конго. Во время обрядов инициации он забирается в толпу серьезных масок, чтобы прогонять воображаемые привидения. Особенной популярностью он пользуется как фокусник. Иногда он появляется на ходулях, на которых он скачет с ловкостью акробата. Если у него самого нет охоты участвовать в театральном представлении, он уполномочивает своего друга облачиться в его костюм. Его главные свойства — подвижность и артистическую разносторонность — мы находим у клоунов всех народов земли, и его образ всегда можно увидеть там, где требуется прервать серьезную драму веселыми импровизациями.

Характерное пристрастие шутов к съедобному и их вкус к кулинарным изделиям сохранились как отличительные признаки клоуна и у народов высоких культур. Начиная со средних веков и кончая Гаргантюа и Фальстафом, шут всегда славился как обжора. Даже его современные прозвища у различных народов указывают на это его пристрастие. Так, французского клоуна

Клоун мукиш (*Западная Африка*).

Мукиш на ходулях (*вачивоке, Западная Африка*).

зовут «Жан Шоколя» (шоколад), немецкого — «Ганс Вурст» (колбаса), английского — «Джек Пудинг» (пудинг), итальянского — «Маккероне» (макароны) и голландского — «Пиккельхеринг» (копченая селедка).

Маски клоуна и его атрибуты столь же разнообразны, как и фантазия отдельных племен и народов. Стоит ему появиться, как ни у кого уже не остается сомнения, что сейчас начнется веселая интермедия, все равно, будет ли он, как австралиец, только размалеван и утыкан перьями, или на его голове будет сложное украшение и художественно вырезанная маска; будет ли он придавать «осязаемость» своим шуткам только ветками и глиняными шариками, или пользоваться для этого настоящим реквизитом фокусника.

Иногда клоун примитивных народов использует для своих шуток «сумасшедшие» обычаи белых. Так, шуты ирокезов подражают лыжникам и паровозам; шутники Новой Гвинеи со вре-

мени второй мировой войны прыгают с деревьев, подобно «парашютистам», с распростертыми руками, а хопи изображают в изумительно мастерской карикатуре белого ученого, который «записывает свой материал на листке бумаги». Точно так же и в Африке самые популярные клоуны (например, у йоруба) добиваются поразительных результатов, копируя и высмеивая «дикие обычаи» европейцев.

У различных племен калифорнийских индейцев должность клоуна или хили'идака переходит по наследству от отца к сыну и является предметом особой профессиональной гордости. Эти племена не устраивают похорон, предварительно не совершив церемонии омовения лица в присутствии клоуна. У апачей, которые лечат своих больных священными танцами, всегда наряду с «божественными» демонами-чеден обязательно присутствуют и выступают бесы-клоуны.

У высококультурных тибетцев религиозные танцы навьюченных всякими символами ламаистских богов и демонов также сопровождаются появлением шутов. Они гротескно копируют медленную поступь священных масок, вызывая этим взрывы смеха. В отличие от сверкающих золотом, увешанных черепами исполнителей ролей богов, клоуны эти бывают одеты в костюмы скелетов с нарисованными костями. Происхождение этих образов объясняется одним анекдотом. В древние времена, как рассказывают, несколько аскетов настолько глубоко погрузились в свои размышления, что даже не заметили, как вор содрал с них кожу. С тех пор выступающие в память этих аскетов клоуны являются заклятыми врагами воров и обладают даже способностью отыскивать их и опознавать — свойство, которое приписывается также койемчи у пуэбло.

Таким образом, хотя клоуны в представлении народа и являются пересмешниками и шутами, однако они обладают определенными интеллектуальными способностями, в которых нет ничего смешного. Над ними не следует слишком смеяться, потому что, как говорят зуньи: «койемчи опасны».

Гениальное искусство импровизации не изменило клоунам и в их современном прибежище — цирке. Только они одни продолжают сохранять яркий грим примитивного прошлого, и только им одним разрешается позволять себе остроумные вольности в отношении высокопоставленных лиц. Но и их выходки нередко сопровождаются каким-нибудь приличествующим случаю философским изречением или вставной сценкой из трагедии, которые напоминают о их почетном прошлом, когда они были партнерами священных демонов.

Из образа первобытного клоуна, его труппы и его шуток вырос и получил свое развитие мим народов высоких культур Старого и Нового Света. История его развития восходит к мимическим танцам собирателей и охотников, к обрядам плодородия

и фаллическим пляскам земледельцев и достигает своего наивысшего развития в народном театре, в мимах греков, от которых ведет свое происхождение великий театр, распространенный во всем мире, театр нашего времени.

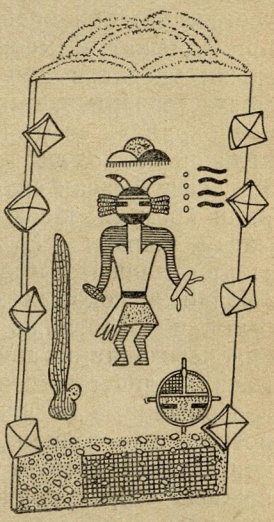
Первоначальный образ клоуна с течением времени потерял свое прежнее значение. Он перестал контрастировать образам священных демонов, богов плодородия, дождя, растений и животных, или это его назначение, по меньшей мере, исказилось и стало истолковываться по-другому. В первую очередь это произошло у народов древних высоких культур, где вновь вводившиеся государственные религии, хотя и заимствовали старые священные обряды от древних времен, старались к выгоде жрецов искоренить некоторые «языческие» пережитки и дать новое направление религиозным чувствам верующих. Так, в частности, было утрачено первоначальное значение древних обрядов плодородия, уступивших место официально введенным мистериям, в которых допускались лишь единичные проявления первобытной интермедии, как, например, это было в элевзинских мистериях греков. Вследствие этого клоуна, весельчака, выступавшего в интермедиях во время священных церемоний плодородия, не могли уже ценить и воспринимать в его подлинной роли веселого прерывателя серьезного представления. Он вдруг олицетворил собой всю «языческую» систему, частью которой он некогда был, и его стали ошибочно считать самим демоном плодородия.

Все же в ходе дальнейшего развития зрелищ и театра клоун, вообще говоря, вернул себе свое первоначальное значение занимательного шута. Подобно зрителям первобытных религиозных обрядов, посетители современных драм всегда рады увеселительному перерыву в середине возвышенного действия. Поэтому, если пьеса слишком серьезна или слишком трагична, умный драматург и в наше время вплетает в нее контрастирующую с ней веселую сценку, либо разыгрываемую особым клоуном, либо состоящую в оригинальной режиссерской выдумке. Гёте в антрактах между действиями «Фауста» заставлял выступать дрессированных пуделей, а Лессинг поручал развлекать зрителей канатным плясунам.

Значение режиссера признавалось уже в древнейшие времена, все равно, руководил ли своими действующими лицами сам автор, или, как это бывает у зуньи, хопи и большинства калифорнийских племен, плавное развитие действия шло под присмотром специально для этого назначенного танцмейстера Он считается «хозяином игр», и сам иногда исполняет роль шута. Под этой маской он имеет возможность, например, критиковать плохо выполняющего свои обязанности вождя и предостерегать его. Когда он, пятясь в танце задом, «мелет вздор», ему иногда настолько удается убедить стариков в неспособности главы пле-

мени руководить ими, что они решаются избрать нового, лучшего вождя.

Древнейшая сцена представляла собой свободную площадку среди девственной природы. Но даже такие примитивные племена, как, например, огнеземельцы, очень точно рассчитывают наиболее эффектное местоположение такой площадки и наилучшее расстояние ее от мест, занимаемых зрителями, которых они держат на определенной дистанции от актеров. Священная хижина, в которой хранились костюмы масок, превратилась в строящийся нарочно для этой цели танцевальный дом, принятый, например, у эскимосов и других племен. Пуэбло и родственные им племена устраивают свои представления на традиционной открытой сцене.



Расписанная кукла с изображением Алозака, идола рогатых жрецов (*индейцы хопи*).

У народов высоких культур пропилеями служили рыночная площадь или вестибюль храма или же представление устраивалось в королевском дворце. Сагун и патер Акоста, описавшие театр ацтеков, рассказывают, что он представлял собой «открытое возвышение в форме квадрата, обычно находившееся посреди рыночной площади или вблизи особого павильона. Сцена была достаточно высокой, чтобы предоставить зрителям свободную видимость со всех сторон». В донесениях Кортеса содержится описание ацтекского театра в Тлалтелолко, построенного из камня и извести. Театр «был расположен на высоте тридцати футов и длина каждой его стороны составляла тридцать шагов».

Вход на сцену разрешается даже у народов первобытной культуры только актерам, и правило «Вход запрещен!» не разрешает любопытным переступать порог страны чудес даже там, где нет ни двери, ни запретительной надписи.

Костюмы масок могут быть собственностью исполнителя роли. Бывает и так, что актер имеет право только на какую-либо одну определенную форму костюма. Отказываясь от участия в каком-нибудь представлении, он может его в таком случае сорвать, если, кроме него, ни у кого нет права надевать принадлежащий ему одному костюм. Но в большинстве случаев священные церемониальные маски являются собственностью всего племени. Иногда поставщиками их бывают специалисты по костюмам из других племен, как, например, это наблюдается у племени маки, которое заказывает свои лучшие костюмы индейцам ниттинат,

чьи мастера прекрасно умеют вырезать маски и шить к этим маскам соответствующие одежды.

Зуньи делят свои маски качина на две группы: «жрецов качина» — у них старые и неизменные костюмы, которые носят «боги» и которые принадлежат всему племени, и «пляшущих качина» — маски, которые надевают во время групповых танцев и которые может добыть себе любой, достаточно богатый для этого индеец. С костюмами жрецов качина, как рассказывает Банзель, «обращаются с чрезвычайным благоговением. Считается, что они опасны». Характерно, что маски коймчи тоже принадлежат к маскам жрецов качина. После представления маски уносят в дом хранителя, где они и находятся. Каждая маска «завертывается в оленью шкуру или кусок материи, чтобы предохранить ее от пыли, и либо подвешивается внутри к кровельной балке, либо хранится в большом глиняном сосуде. Все «опасные» маски складываются в глиняный сосуд. Маску нельзя ни в коем случае хранить на полу. Во время каждой трапезы маску «кормят». В хранилище масок отправляется доверенное лицо с пищей, которую он предлагает маскам. Люди говорят: «Войди и покорми дедов». «Опасные» маски жрецов качина были, по верованию индейцев, подарены им самими богами, и они переходят по наследству из поколения в поколение. Все эти маски, олицетворяющие силы природы, не натуралистичны, и изображенные на них символы облаков, дождя, растений и животных в состоянии толковать только сами индейцы. Искусство «читать» их требует специальной подготовки. Поэтому одну из важных сторон обучения при инициациях составляет театральное дело.

Права собственности, связанные с масками, распространяются и на тексты и песни, исполняемые актерами, так что в этом случае можно говорить о настоящем примитивном «авторском праве». Так, например, как рассказывает Шмидт, маски ваим-нор, которые носят в Мурике (Новая Гвинея), могут изготовлять только жители определенной деревни под названием Джанеин. «Все прочие деревни должны получать их оттуда. Маски же лауэн могут изготовлять только в Карау».

Точно так же обстоит дело и с песнями и с текстами, которые являются исключительной собственностью строго определенных родов. Это ярко выраженное «авторское право» существует уже у народов наиболее примитивных культур, как, например, у австралийцев северо-западного побережья, где, по сообщению А. П. Элькина, «при вырезании орнамента на перламутровой раковине поют специальную песнь. Правом выцарапывать этот орнамент обладает лишь тот, кто знает эту песню», то есть ее «владелец». В этой же местности пляски и песни называются по именам своих создателей, и «авторские» права на них охраняются строго установленными правилами. Владелец песни

может уполномочить «помощника» петь ее вместе с ним, как это бывает, например, у камиа в юго-восточной Калифорнии, у которых «владеть» песнями могут только мужчины. Это «авторское право» передается по наследству из поколения в поколение.

Песни и тексты можно продавать или наследовать, и они составляют настоящий источник дохода, потому что каждый, кто пожелал бы их «взять на прокат», должен заплатить за это владельцу определенный гонорар. Эта глубоко укоренившаяся мысль, что человек, желающий воспользоваться текстом, обязан за это заплатить, настолько прочно усвоена зуньи, что они просто не могли понять, как это христианские миссионеры, распространявшие новую религию, раздавали библии бесплатно. Наверно, содержавшиеся в библии рассказы не имеют «большой цены».

Если, как например, у виннебаго, какой-нибудь человек, не имеющий прав автора (то есть всякий, кроме самого автора или «владельца»), рассказывает историю, не являющуюся его «собственностью», то такого «обманщика» считают вором и лжецом. Рассказываемая же им история или исполняемая песня рассматривается как «подделка», хотя бы она и соответствовала слово в слово оригиналу. Маунтфорд сообщает из Центральной Австралии, что рассказы и пьесы, касающиеся отдельных местностей, «принадлежат» только племенам, обитающим в данной области.

Хотя некоторые пляски и песни входят в постоянный театральный репертуар первобытных народов, само представление то и дело подвергается различным изменениям. Многие сцены все время меняются, сокращаются или дополняются. Репертуар обогащается новинками. Иногда представления и танцы заимствуются у соседних племен, но так как на них распространяется авторское право, это бывает возможно лишь в том случае, если за них заплатят. Право на постановку покупается, причем владельцем может быть один человек или целое племя, и ни один режиссер, увидевший пьесу при посещении чужой племенной территории и наизусть заучивший ее сцены и текст, не осмелился бы включить ее в свой репертуар у себя на родине, не заплатив предварительно за право на постановку.

В торжественных случаях пляски и песни можно преподносить также в подарок. Так автору этой книги, присутствовавшему в общественном доме чиппеваев на обрядах перед началом сбора урожая дикого водяного риса, довелось видеть, что вначале был исполнен военный танец сиу, который был «подарен» чиппеваям вместе с необходимым для этого танца большим барабаном после того, как эти старые враги заключили, наконец, мирный договор между обоими племенами.

Важнейшую роль в театре первобытных народов играет, так же как и у нас, публика, то есть все племя и, кроме того, приглашенные соседние племена. Театр является делом каждого

члена племени, который интересуется каждым представлением. Благодаря этому театр первобытных народов представляет собой очень действенное средство выражения общественного мнения. Денег за вход платить не надо, так же как нет необходимости заботиться о высоких гонорарах для актеров и драматургов. В отличие от наших пьес, успех или провал которых зависит от благосклонной или отрицательной критики профессионального рецензента, у первобытных народов публика сама дает ясно понять, имела ли у нее пьеса успех, или нет.

Драматические представления первобытных народов немыслимы без музыки. Даже если пьеса как таковая и не может рассматриваться как оперетта, все же моменты наибольшего напряжения в ней оттеняются музыкальными эффектами, которых достигают при помощи самых разнообразных инструментов — трещоток, «звучащих палочек», барабанов, флейт, музыкальных луков, арф, гитар и труб.

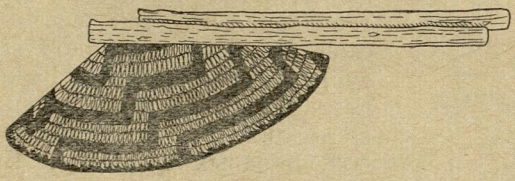
В отличие от современной, в примитивной музыке наибольшее значение придается ритму, и ритм этот значительно сложнее, разнообразнее и богаче, чем даже в наших симфониях. Примитивное искусство переплетать различные ритмические темы настолько поразительно, что наши музыканты, как указывает Хорнбостель, не в состоянии «постигнуть за один раз всю сложность ритма примитивной музыки». Бунт формалистической музыки против системы традиционной гармонии означает не что иное, как возвращение к ритму, который, как в музыке первобытных народов, ставится выше мелодии.

Примитивная музыка построена не на гармонии и метре, как наша, а на мелодии и ритме. Теория Демокрита, будто желание человека подражать пению птиц побудило его заниматься музыкой, правильна лишь отчасти. У первобытных народов существуют песни, напоминающие пение птиц, но музыкальное искусство как таковое родилось не из этого стремления. К подражанию человека побудили не «мелодии» птичьих песен, а их веселые трели и синкопы, которые претворились в «человеческие» песни.

Древнейшим музыкальным инструментом является человеческое горло. Песни первобытных народов всегда бывают одноголосыми, даже если параллельные октавы, неизбежные при различии между голосовыми регистрами певцов, и производят иногда впечатление многоголосия. Древнейшие «оперные либретто» состоят из текста, исполняемого предводителем хора, и коротенького припева, часто в виде бессмысленных, изобилующих гласными слогов, которые повторяет хор. Когда исполнявшийся предводителем хора текст принял форму вопросов, на которые отвечали другие певцы, то это положило начало попеременному пению или песенному диалогу, который с усложнением аккомпанемента из многочисленных инструментов превратился в подлин-

ное оперное либретто, хотя «партитуры» его и не печатались, а хранились в памяти исполнителей.

Хорнбостель различает четыре группы инструментов, которыми располагают постановщики примитивной «оперы» и в основу которых положены твердые тела, натянутые мембраны, натянутые струны и колебания воздуха [1]. К категории «твердых тел» принадлежат ударные инструменты, простейшим из которых является сопровождающее танцы и пение хлопанье в ладоши.



Домашняя корзина индейцев юма, служащая в качестве резонатора, с двумя звучащими палочками из канадского тополя.

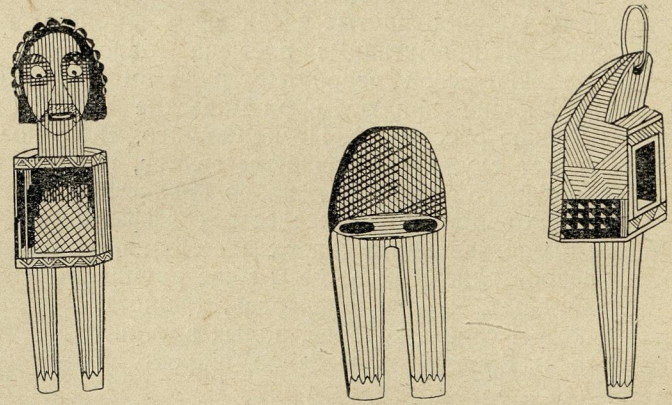
Но уже у народов первобытной культуры, как, например, у австралийцев, для получения большего ритмического эффекта употребляются «звучащие палочки», трещотки и тому подобные «инструменты», для усиления звучания которых используют такие резонаторы, как калебасы, дуплистые деревья и др. Индейцы юма и папаго, которые трущими движениями извлекают звуки из парных «звучащих палочек», усиливают их звук при помощи простых опрокинутых вверх дном домашних корзин. Таким же образом примитивные племена Малайского полуострова употребляют свои свернутые рулоном цыновки для сиденья. Возникающие при этом ритмические звуки бывают слышны на большое расстояние. Познание того, что полое деревянное тело может служить источником звуков, привело к изобретению деревянного барабана, разнообразные возможности которого позволяют добиваться желаемых эффектов во время танцевальных представлений и «сверхъестественных» магических обрядов. К распространенным во всем мире ритмическим инструментам принадлежат, в первую очередь, трещотки, изготовляемые из тыкв, копыт серны, коконов, полых внутри палок, дерева, глины, железа и бронзы, и особенно широко применяемые в

[1] Это деление музыкальных инструментов на четыре группы по принципу извлечения звука может считаться сейчас общепринятым. Из известных и расклассифицированных 298 типов музыкальных инструментов разных народов к первой группе («идиофонов», где звук вызывается вибрацией самого тела инструмента) принадлежит 108 типов; ко второй группе («мембранофонов», со звучащей натянутой мембраной) — 36 типов; к третьей («хордофонов», то есть струнных инструментов) — 82 типа и к четвертой «аэрофонов», где достигается звучание воздушного столба) — 72 типа. — *Прим. ред.*

Западной Африке металлические колокола. Прямой путь развития ведет от свисающей с дерева звучащей палочки к музыкальному треугольнику и цимбалам народов высокой культуры.

Африканский барабанщик.

Следующая группа примитивных — мембранных — музыкальных инструментов основана на принципе звучания натянутой мембраны. Древнейшей ее формой является так называемая «гуделка» (употребляемая и по сей день в качестве детской игрушки у народов высоких культур), которая особенно важную роль играет во время мистических церемоний австралийцев и считается ими «голосом» божественных существ [1]. Видеть ее запрещается женщинам и юношам, не прошедшим еще испытаний посвящения. Соответствующим ей африканским инструментом является мирлитон, который при столь же торжественных обстоятельствах служит для того, чтобы изменять звук и тон человеческого голоса. Смотреть на мирлитон тоже строжайше воспрещено женщинам и детям. Главное его назначение заключается в том, чтобы сделать неузнаваемыми голоса певцов во время священных обрядов. Его современный



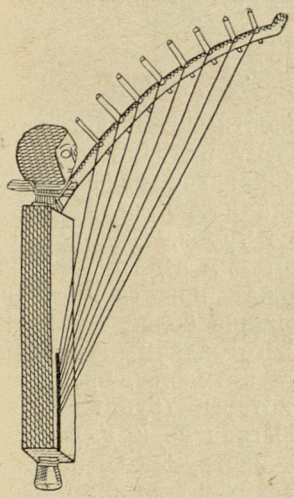
Мирлитоны пангве, обтянутые оболочкой яйцевого кокона одного из видов паука и служащие для изменения звука человеческого голоса.

преемник казу (*kazoo*), который также употребляется при пении, наглядно свидетельствует о своем древнем происхождении.

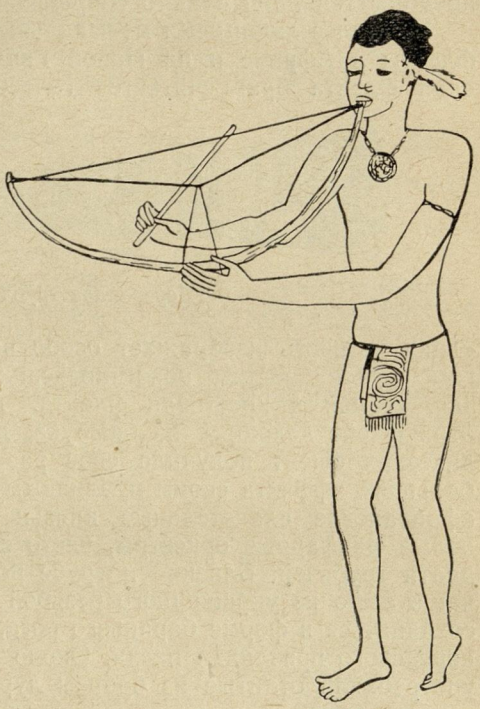
[1] Здесь неточность: австралийская «гуделка» принадлежит к группе идиофонов, а не мембранофонов. — *Прим. ред.*

Важнейшим инструментом этой группы является обтянутый шкурой барабан, которым пользуются во всех земледельческих районах земного шара.

Проникновенные звуки струнных инструментов могли служить аккомпанементом к театральным представлениям первобытных народов только там, где уже был изобретен лук, от которого они ведут свое происхождение. Сам же лук, как мы уже знаем, восходит к древнейшему ро́боту человека — к ловушке. Древнейшим струнным инструментом является однострунный музыкальный лук, или монохорд. После постепенного увеличения числа струн и добавления резонатора музыкальный лук эволюционировал с течением времени в арфу, лютню, лиру, цитру, гитару, скрипку, виолончель со всеми их разновидностями.



Арфа пангве.

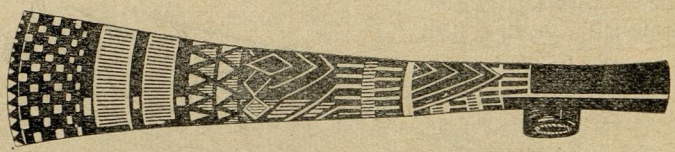


Музыкальный лук (*п-в Газели*).

Звук духовых инструментов, звучащих при вдувании в них воздуха, колеблется от нежнейшей вибрации до мощных фанфар. Поэтому духовые инструменты пользуются особенной популярностью во время сопровождаемых музыкой представлений первобытных народов. Формы дудок и флейт крайне разнообразны, начиная с флейты, вырезаемой из толстого птичьего пера, и кончая чрезвычайно широко распространенными деревянными, бамбуковыми и металлическими флейтами и дудками. На Малаккском

полуострове известен эоловый орган, состоящий из комбинации подвешенных к дереву дудок, из которых проносящийся мимо ветер извлекает сладкие звуки. Применение различных соединенных вместе дудок привело к развитию так называемой пановой флейты, употребляемой первобытными народами в разных формах, начиная с маленькой, ручной и кончая гигантской, достигающей двух метров в высоту. Последнюю можно считать предшественницей нашего современного органа.

Наиболее любимыми музыкальными инструментами являются флейты в Африке и на Новой Гвинее. Священная новогвинейская флейта браг считается голосом всемогущего духа Браг,



Деревянная труба пангве.

«лик» которого изображает особо высокочтимая маска. К другим разновидностям новогвинейских флейт принадлежит носовая, губная и крестовая флейта. Африканские разновидности этих флейт делаются из бамбука, дерева и железа. Из металлических флейт получила свое развитие труба. Для придания большего эффекта своим публичным шествиям и представлениям африканские владетельные князья держат при своих дворах целые фанфарные оркестры, часто состоящие более чем из тридцати трубачей. Близкий к трубе рог, изготовляемый в Африке чаще всего из украшенного резьбой рога антилопы, продолжает сохраняться в форме бараньего рога, в который трубят во время еврейского праздника пасхи. Около 1400 года до н. э. в Европе употребляли отлитые из бронзы луры — инструменты, игравшие позже важную роль во время скандинавских и северогерманских культовых игр.

Тот, кому довелось присутствовать на представлениях первобытных народов, не может забыть глубокое впечатление от прекрасно исполненной сольной партии на одном инструменте или виртуозного сочетания разных инструментов и голосов; в большинстве случаев эти звуковые эффекты должны указывать на присутствие сверхъестественного существа. Возможности, которые открывают даже такие простые инструменты, чрезвычайно многочисленны, и ими пользуются с величайшим искусством. От звучащих палочек австралийцев до ритмической дроби барабанов, от ксилофона, аккомпанировавшего хорам в Западной Африке, до луров и цитр древней Скандинавии и Греции — таков путь развития музыкальных инструментов. Музыка с незапамятных времен услаждала людей своим божественным дыханием,

и театральные представления на «сценах» среди девственной природы, так же как и в наших современных оперных театрах, целиком захватывали и исполнителей и публику.

Но живая речь древнее ритма, звука и музыки. «Тексты», которыми пользуются во время представлений и пения, представляют собой порядок слов, установленный традицией, и эти тексты столь же древни, если не древнее самой музыки.

Флейтист племени ньямбара (*Верхний Нил*).

Как мы уже видели, многие племена во время своих танцевальных игр прибегают к ритмическому скандированию слогов для усиления драматического напряжения.

Такой же эффект производит и повторение через определенные промежутки целых предложений; такие предложения, например, охотно декламируют носильщики африканских сафари. Вот примерный текст таких предложений: «Вон идет белый человек, владеющий многими вещами, у него есть борода и шлем; лицо его красно, его ноги слабы — ха-ха-ха!» Такой ритмический диалог носильщиков превращает их мучения в подлинное «представление». К такому же типу развлечения относится и без конца повторяемый гавайский речитатив, в котором поочередно перебираются имена всех присутствующих:

Ли-ку-хонуа, мужчина,
Ола-ку-хонуа, женщина,
Кумо-хонуа, мужчина,
Лало-хонуа, женщина и т. д.

Из сочетания непрерывного текста и драматических возгласов слагается форма «сказительства»; сказительством обычно занимается предводитель хора в Австралии, а также в Африке и в других местностях. При этом предводитель хора повествует о действии, тогда как остальные участники ограничиваются утвердительными возгласами, слогами и непрерывным повторением одной-единственной фразы.

Этот первоначальный синкретизм древнейших культур расчленяется затем у земледельческих и у высококультурных народов и дает развитие трем основным литературным формам: лирике, прозе и драме. Эти формы искусства стали позднее письменной литературой, каковы, например, драма Ольянта древних перуанцев, классические пьесы Индии, написанные на языке пракрит (около 500 года до н. э.), и относящиеся преимущественно к XII веку китайские драматические шедевры, которые и по форме и по идейному содержанию остаются и поныне непревзойденными.

И какими бы сложными ни были правила литературного искусства на дальнейших этапах развития, каждое литературное произведение должно быть основано на удачном сочетании чувства и идеи в совершенной форме. В этом отношении даже самые знаменитые трагедии и комедии великого мирового театра не могут превзойти некоторые лирические тексты первобытных народов. Это подтверждается, например, маленькой австралийской песней, которую поют попеременно певцы в честь обитающей на деревьях цикады — тотема племени, живущего к востоку от ущелья Финк. Во время ежегодного празднества, устраиваемого в одну из светлых ночей, группа восторженных участников, считающих себя потомками этой цикады, поет следующую песню:

Запевают малютки цикады,
Когда с запада вечер приходит.
Они запевают, и птицы
Замолкают в ветвях.

Молодые цикады падают
Словно мертвые в сýнбара-травы,
И солнечный зной обагряет
Слабые крылышки их.

На дереве-илумба песню
Поют молодые цикады,
И ветви его под ними
Качаются точно во сне.

Цикады покоя не знают,
Поют и стрекочут малютки,
И вскоре ночь закрывает
Темными крыльями мир.

Глава XII

ОТ ПЛЕМЕНИ К ГОСУДАРСТВУ

Если принять во внимание условия жизни первобытных народов, то нельзя не признать, что духовное и материальное достояние и культурное наследие этих народов богато и разнообразно. Их хижины и жилища носят отпечаток уюта; их ремесленное и художественное мастерство достигало порой значительного совершенства; они путешествовали и занимались торговлей, они обладали прекрасно развитой системой информации, они умели воспитывать своих детей, а их праздники были наполнены играми и развлечениями.

Обычаи и привычки первобытных народов наглядно показывали, что поступки и действия у них регулировались традиционными и общепризнанными правилами поведения. Но возникает вопрос, известны ли им право и закон в нашем понимании? Так как они не ангелы, а люди, то и у них бывают злоупотребления и преступления; как же они караются? У них нет полиции; так кто же тогда следит у них за поддержанием общественного порядка? Существуют ли у них власти, которые в интересах всего общества несли бы ответственность за соблюдение существующих норм поведения?

Во всех этих вопросах до последнего времени царила полная путаница, и лишь недавно стало возможным внести ясность в проблему политических и правовых учреждений первобытных народов. Особенно фантастически этнографы трактовали их правовые отношения. Столь же ошибочно толковались некоторыми правоведами их этнические особенности; отсутствие соответствующих специальных знаний и незнание подлинных фактов привели к безответственным обобщениям и к невольному, но все же неоправданному искажению действительных фактов.

В течение долгих тысячелетий, начиная с классической древности и кончая эпохой великих открытий, а в ряде случаев и до последнего времени «примитивных» людей изображали некиими сказочными существами либо в виде ангелоподобных обитателей некоего сентиментального рая, либо в виде полуживотных тварей и головорезов. До сознания большинства цивилизованных исследователей не доходило, что и они — такие же люди,

стремящиеся, как и мы, к достижению тех же целей, а именно к возможности жить свободно и счастливо, каковы бы ни были их представления о «счастливой жизни».

Общественные организации примитивных людей, — а их, как мы увидим, очень много — преследуют ту же цель, что и наши: обеспечивать безопасность и мир семьи, общины, локальной группы, племени и всего народа. Как в правовом, так и в общественном отношении задача органов, которым поручено поддержание общественного порядка, заключается, как и у нас, в стремлении регулировать жизнь внутри и вне общества, сплачивать группу, обеспечивать ее существование и поддерживать внутренний и внешний мир.

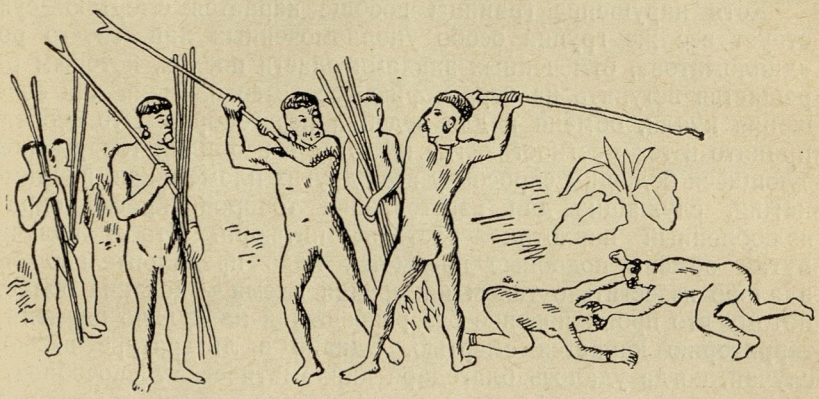
У таких наиболее отсталых племен, как австралийцы, тасманийцы, бушмены, ведды, ботокуды и огнеземельцы, юридическим лицом являлась не отдельная семья или отдельный человек, а локальная группа в целом. Территория такой локальной группы, например у австралийцев, может занимать площадь до четырех и даже до 10 тыс. квадратных миль, на которой живут всего двадцать-сто человек. Границы такой территории, которую данная группа считает «своей», точно известны не только ей самой, но и ее соседям. И если вторжение чужеземцев нарушало территориальные права этой группы, то это вызывало немедленную реакцию со стороны всей группы, а не со стороны отдельного лица или отдельной семьи.

У тасманийцев нарушение границы было равносильно объявлению войны. То же можно сказать и об австралийских собирателях и охотниках, у которых нарушение границы обязательно ведет к войне. Помимо же нарушений границы, локальная группа вступала в войну лишь в случаях убийств или похищения женщины. Но при любых правонарушениях в качестве обвинителя выступает вся группа, и привлечение виновных к ответственности никогда не являлось задачей отдельного человека или отдельной семьи.

Однако мудрость первобытного мира и сильно развитое у примитивных народов бережное отношение к человеческой жизни приводили к тому, что даже в случае нарушения границ не вели войн, целью которых было бы поголовное истребление вражеской группы [1]. Вместо этого пострадавшие договаривались с противной стороной о числе бойцов, которые должны представлять обе враждующие стороны. В большинстве случаев спор решался поединком двух мужчин, из которых каждый боролся по пору-

[1] Липс вполне правильно возражает против антинаучной — по сути фашистской — тенденции приписывать отсталым народам дикую жестокость и то, что они будто бы находятся в состоянии постоянной войны. Но, говоря о «бережном отношении к человеческой жизни» у отсталых народов, он впадает в другую крайность, в идеализацию, против которой он сам же предостерегает на предыдущей странице. — *Прим. ред.*

чению своей группы за ее права. И даже в этом случае поединок не обязательно заканчивался смертью одного из «дуэлянтов»; для решения вопроса часто бывало достаточно, если один из них выбивался из сил и оказывался на земле. Так, например, ботокуды, готовясь к таким поединкам, оставляли дома луки и стрелы и вооружались только палками. Иногда поединок все же заканчивался всеобщим побоищем, в котором принимали участие даже женщины, вцеплявшиеся друг другу в волосы.



Поединок у ботокудов для разрешения вопроса о нарушении границы.

Иногда разросшаяся локальная группа, вследствие нехватки пищи на своей территории, оказывалась вынужденной предпринять настоящий завоевательный поход на племенную территорию соседней группы. Такой случай наблюдал Фрезер у локальной группы австралийских валараи:

«Они направили официальных послов к одной пограничной группе соседнего племени просить у соседей отвести для них часть их земли. Так как просьба эта противоречила племенным правилам, она была отклонена. К тому же данный «таураи» был слишком мал для удовлетворения подобной просьбы. Тогда племя, получившее отказ, известило своих соседей, что оно явится к ним само, чтобы захватить требуемое. Соседи ответили, что если они подвергнутся нападению, то обратятся за защитой и помощью к своим соплеменникам. Обе стороны начали готовиться к войне. Но предварительно состоялась встреча сторон, во время которой произносились, как обычно, длинные и гневные речи. Все же под конец договорились, что на следующий день спор будет решен выставлением на «поединок» одинакового числа воинов с каждой стороны. Но когда день этот наступил, то каждая из сторон выставила лишь одного воина. Это обычный способ урегулирования спорных вопросов между племенами».

В современном капиталистическом мире также обсуждают спорные вопросы, затрагивающие интересы целых народов, но цивилизованные завоеватели не тратят времени на переговоры и улаживают международные споры значительно более жестоким способом, чем австралийцы. И если у первобытных народов несколько человек бьются в интересах всего коллектива, то в классовом обществе, как правило, большинство сражается за интересы меньшинства.

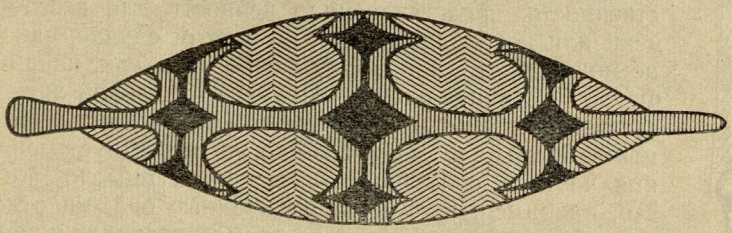
Хотя нарушение границы вообще карается смертью, существует все же группа особо уполномоченных лиц, своего рода «дипломатов», отмеченных знаками власти послов, которым разрешается вступать на территорию соседнего племени для совершения купли, обмена и для ведения переговоров. Это особенно принято в тех местностях, где имеются в изобилии товары, пользующиеся большим спросом у всех других племен, как, например, камни, служащие для изготовления топоров, краска охра и излюбленный наркотик — растение питьюри. Чтобы получить путем обмена подобные предметы, надо предварительно официально известить о таком намерении племя — хозяина области, потому что проникновение без разрешения на чужую племенную территорию карается смертью. Однако в литературе известен случай, когда удалось благодаря дипломатическим способностям австралийских старейшин племени предотвратить смерть человека, незаконно проникшего на чужую территорию.

Как рассказывает Хауитт, один член южноавстралийского племени вудтхаурунг тайно пробрался на землю племени вурунджерри и наломал себе там камней без разрешения владельца. Вслед за этим оба племени сошлись на границе их охотничьих угодий, чтобы вынести решение по этому делу.

«Во время переговоров вудтхаурунги сидели по одну сторону границы, а вурунджерри — по другую, но достаточно близко друг от друга, чтобы слышать то, что говорилось. Старики каждой из сторон сидели вместе, а более молодые стояли позади них. Бунгерим стоял позади Билли-Биллери, который предоставил ему слово. Бунгерим поднялся и спросил: «Вы посылали этого юношу ломать камень для топоров?» Предводитель вудтхаурунгов ответил: «Нет, мы никому этого не поручали». Тогда Билли-Биллери обернулся назад и сказал Бунгериму: «Скажи старикам, чтобы они запретили юноше делать впредь что-либо подобное. Если вам понадобится наломать камня, старики должны предварительно уведомить нас об этом». Бунгерим громко повторил эти слова, и старики племени вудтхаурунг ответили: «Это правильно, в будущем мы будем поступать так». После строгих внушений, сделанных юноше, укравшему камень, обе стороны вновь стали друзьями».

Этот случай наглядно иллюстрирует, какую реакцию вызывают обычно спорные вопросы, возникающие при нарушении

границы. Во всех случаях, касающихся таких спорных вопросов, общество проявляет нерушимую солидарность, что способствует единству локальной группы и возлагает на каждого отдельного члена высокие моральные обязанности. Такое положение представляется вполне логичным, если только вспомнить о том, что ни один член племени не имеет права переступать границы племенной территории без риска для жизни. Такие правила обеспечивают как внешний, так и внутренний мир, потому что и внутри общества вся жизнь основывается на взаимопомощи, целью которой является главным образом добывание средств к жизни.



Щит из юго-восточной Австралии (*р. Маррамбиджи*).

Забота о пропитании основана на взаимном обеспечении, которое санкционируется и гарантируется общественным мнением. Каждый человек знает правовые нормы своего коллектива. Распределение добычи подчиняется строгим правилам, и часть дичи, выделяемая менее удачливому охотнику, является не подарком, а лишь соблюдением установленных законом обязанностей. Как сообщает Палмер, одна задняя нога убитого охотником кенгуру принадлежит отцу охотника, другая — его дяде по отцу, хвост — сестре, лопатка — брату, а печень — ему самому. У нгариго охотнику принадлежит только голова убитого вомбата, все же остальные части животного распределяются между членами семьи и другими соплеменниками. Имеются сведения о фактах такого же, строго нормированного распределения добычи у многих других австралийских племен собирателей и охотников. Забота о пропитании — дело не только одной семьи, но всей кочевой группы. Это же относится и к другим народам-собирателям и охотникам, например, к бушменам, ботокудам и веддам. О последних братья Саразин сообщают, что найденные ими соты горных пчел распределяются поровну между всеми семьями.

Если, таким образом, охрана своей территории и распределение пищи является делом всей группы, всего общества в целом, то вполне закономерным будет вопрос: существует ли вообще у этих народов частная собственность в нашем понимании и как она регулируется? Ответить на этот вопрос нелегко, но все же можно сказать, что частной собственности в нашем современном

понимании как «абсолютного владения одним лицом какой-нибудь вещью» там не существует [1].

Если в источниках сообщается о частной собственности, скажем, на лично изготовленное оружие, орудия, украшения и одежду, а иногда и на каменоломни или месторождения охры, то собственность эта бывает отягощена столь многочисленными правами третьего лица, что можно говорить только о подобии права на собственность, то есть о представительном праве, о поручении или пользовании, но не о доминиуме. Но движимая собственность, представляющая ценность для всего племени или необходимая ему, во всяком случае, никогда не может быть личной собственностью. Так, например, Файзон и Хауитт пишут: «Понятие отдельной личности неизвестно. Она не пользуется никакими независимыми правами». Да и вообще не существует понимания частной собственности в нашем смысле, потому что, например, предметы, подаренные белыми отдельным лицам, спустя короткое время переходят к другим членам племени, которые либо отняли их у «владельца», либо получили от него.

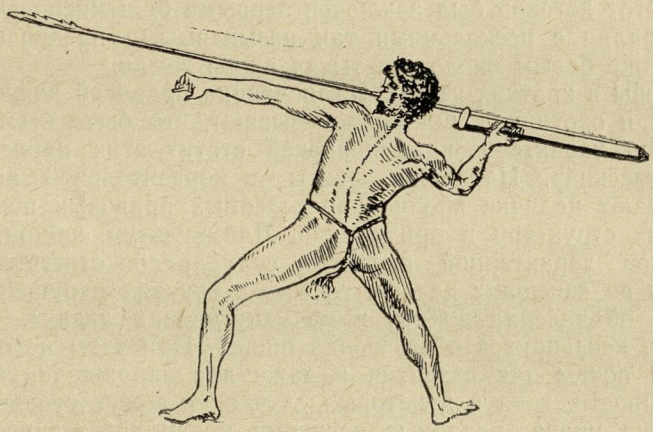
Австралийское копье.

Так вся повседневная жизнь отдельного человека находится в строгих рамках социальных и правовых норм племени, сильнейшим оружием которого для установления внутреннего мира является общественное мнение. Оно не только карает за правонарушения, но и обладает превентивными функциями; считаясь с общественным мнением, человек вынужден соблюдать правовые нормы. Каждый отдельный человек не может избегнуть суда общественного мнения, потому что он не может покинуть племя и переступить границы другой племенной территории: это означало бы верную смерть. Уже по

[1] Липс прав, придавая большое значение вопросу о формах собственности. Он законно ставит вопрос о своеобразии понятия собственности у «первобытных народов», то есть при первобытно-общинном строе. Он смутно сознает наличие качественной разницы в понятии «собственности» в доклассовом и в классовом обществе. Но буржуазная наука не располагает точными терминами для определения этой разницы. Марксистская наука строго различает частную собственность (характерную только для классового общества) и личную собственность (существующую и при первобытно-общинном строе). У Липса в английском издании книги говорится, как правило, о «частной собственности» (private property, private ownership), причем автор вполне правильно указывает на отсутствие этого явления в обычном смысле у первобытных народов. Термин «личная собственность» (personal property) он тоже употребляет, но не отграничивает ее ясно от частной собственности. В немецком тексте, который в этом месте изменен (Евой Липс, — она, возможно, использовала оставшиеся от автора заметки) больше чем в других местах, сделана попытка разграничить понятия «Privateigentum» и «persönliches Eigentum», но это разграничение не проведено последовательно. — *Прим. ред.*

одной этой причине общественное мнение является сильнейшим фактором у собирателей и охотников. Поэтому исполнительные органы могут быть совсем слабо развиты, и действительно, они существуют лишь в самом зачаточном состоянии.

Основное правило, требующее обеспечения мира внутри общества, подавляет в самом зародыше *lex talionis* — закон о возмездии, равном преступлению, нередко даже в случае тягчайшего из всех преступлений — убийства члена племени. Для большинства преступлений против существующего правопорядка установлены вполне определенные наказания. Так, у тасманийцев нарушение супружеской верности каралось избиением и прокалыванием ноги копьем. У ботокудов муж за измену избивает жену или причиняет ей ожоги. В Австралии такое же преступление искупается поединком заинтересованных лиц, который, однако, никогда не кончается смертью.



Австралиец с копьеметалкой.

Исполнительную власть общественного мнения, как правило, осуществляют старики. Умудренные жизнью и искушенные в законах племени, они не только дают молодежи разъяснения относительно границ территории локальной группы, но и знакомят ее с существующими брачными законами, следят за выполнением обрядов инициации, порядком распределения пищи и другими существующими с незапамятных времен правовыми нормами — и все это для того, чтобы сделать из молодых людей полезных членов племени. На обязанности стариков лежит также, если можно так выразиться, судопроизводство по делам, касающимся общества, и спорным вопросам между отдельными членами группы. Помимо случаев нарушения границы, они должны

выносить решение об убийстве члена рода (Hordenmitglied)[1] чужеродцем, что, как мы уже видели, всегда ведет к объявлению войны. Внутри рода на совет старейшин выносятся главным образом дела об убийствах, колдовстве, нарушении законов о браке или раскрытии тайных церемоний при посвящении юношей. Наказание в большинстве случаев заключается в том, что преступника ранят копьем, не убивая его, однако, при этом.

Институт вождей очень слаб или вовсе не существует. Более одаренный физически и умственно человек, конечно, может добиться в своей группе значительного влияния, но и он в конце концов зависит от общественного мнения. В тех случаях, когда на этой ступени культуры говорят о вождях и их функциях, речь по большей части идет о таких правах вождей, какие были искусственно созданы белыми, для того чтобы облегчить сношения с племенами. Весьма поучителен в этом отношении договор, упоминаемый Даусоном и воспроизведенный им в виде факсимиле. Этот договор был заключен первыми белыми поселенцами в Австралии с несколькими так называемыми предводителями об уступке белым около ста тысяч акров земли.

Таковы в кратких чертах установления правовой жизни собирателей и охотников. Факты показывают, что было бы в корне ошибочно характеризовать правовой статут этих народов как «анархический». Напротив, факты с поразительной ясностью показывают наличие вполне определенных правовых понятий и норм, их структуру и применение. Для культур собирателей и охотников характерной является солидарная ответственность общины во «внешних делах», то есть в случаях нарушения границы и объявления войны, и во «внутренних делах», то есть в делах, касающихся обеспечения пищей. При этом не остается никакой почвы для развития и даже для зарождения частной собственности, хотя в некоторых случаях и могут существовать отдельные права, подобные частному праву собственности, но только не на земельные владения и не на ценности, необходимые или имеющие большое значение для существования всего племени в целом. Давление извне, высокий правовой барьер, который образуется на границе племенной территории, служат сильнейшим оплотом для общественного мнения и его исполнительных органов, обязывающих к соблюдению правовых норм.

Если мы обратимся теперь к большой группе народов-собирателей урожая, хозяйство которых также присваивающее, то увидим, что их особая экономика привела к развитию совершенно иных форм права и управления, весьма отличных от тех, какие наблюдаются у собирателей и охотников. Хотя и у них локальная

---

[1] В английском оригинале текста употреблено в данном случае более точное обозначение «clan», то есть род. И в самом деле, основной общественной ячейкой у австралийцев был именно примитивный род. — *Прим. ред.*

группа считает себя владельцем определенной, имеющей свои границы территории, — ненарушимости ее земельных прав здесь нет. Пользуясь современными аналогиями, мы могли бы сказать, что абсолютная ценность земельного владения сводится к ценности лишь части принадлежащей группе территории, и именно части, необходимой для обеспечения пропитания локальной группы: к ценности жатвенного поля. Здесь следует еще раз напомнить, что под «жатвенным полем» группы собирателей урожая подразумевается «поле», не возделанное рукой человека, а созданное природой. Как главный источник существования локальной группы жатвенное поле является средоточием экономического и правового положения этой группы.

Жатвенное поле достигает порой гигантских размеров. Область произрастания бунья-бунья может простираться на семьдесят миль. Такие же площади занимают области на реке Ропер, где собираются корни лилии, и поля нарду у арунта (аранда). Место поселения локальной группы выбирается обычно по соседству с жатвенным полем, потому что такая форма хозяйства, как это было уже указано, требует относительной оседлости, а главное — наличия прочных амбаров. Вместе с тем жатвенное поле становится главным фактором, способствующим объединению людей в большие группы, и по числу членов локальная группа таких племен намного превосходит локальную группу собирателей и охотников.

Это опять-таки влечет за собой иное отношение локальной группы к внешнему миру и способствует выработке у этих народов особых правовых норм, регулирующих взаимоотношения данной группы с соседями. Если у собирателей и охотников нарушение границы означало верную смерть, то у народов-собирателей урожая этого уже нет. Нарушение границы ничем не карается. Более того, вопрос о границе часто теряет свой смысл до такой степени, что границы как бы вовсе не существует. Как сообщает Кёрр, австралийские бангеранг и родственные им племена могут взаимно искать прибежища на чужой территории, а иногда даже две различные локальные группы могут владеть сообща одним жатвенным полем. Ко времени созревания собираемых плодов разделить излишек приглашаются окрестные племена и локальные группы. Этот обычай имеет место не только в Австралии, но и в Северной Америке, что подтверждается, например, личными наблюдениями автора у индейцев-оджибве.

Такие встречи имеют разнообразные культурные и, если можно так выразиться, внешнеполитические последствия; они вызвали к жизни множество новых юридических институтов как в области международного и торгового, так и в области авторского права. Во время таких встреч особенно важную роль играет торговля, взаимный обмен изделий одной локальной группы на изделия другой. Кроме того, во время этих встреч

совместно совершаются обряды инициации. В большинстве случаев их приурочивают ко времени праздника урожая, в котором принимают участие несколько племен.

Такие встречи имеют чрезвычайно большое значение для распространения элементов культуры. Как сообщает Кёрр, каби во время этих встреч устраивают совместные корробори и игры:

«Автор познакомил со своим произведением соседние племена, которые, со своей стороны, пригласили в качестве зрителей своих друзей, а сами даже принимали участие в представлении. Таким образом это корробори получило распространение на обширном пространстве и его с воодушевлением представляли и пели даже там, где не понимали ни единого слова из того локального диалекта, на котором оно было создано. Представления такого рода иногда имели чрезвычайный драматический эффект».

В главе о возникновении театра мы уже видели, что эти народы-собиратели урожая хорошо знакомы с «авторским правом» и что они строго его охраняют.

Различные исследователи, занимавшиеся изучением культуры народов-собирателей урожая, упоминают иногда о якобы существовавших у них «нейтральных территориях». Последние не следует смешивать с встречающимися иногда у собирателей и охотников пограничными районами, покинутыми ими из страха перед враждебными соседними племенами. Напротив, они устанавливаются путем заключения, как мы сказали бы теперь, международных договоров между соседними племенами. Кёрр, касаясь племен, населяющих берега реки Грегори, сообщает, что по обоюдному соглашению они создали нейтральную территорию площадью в пять тысяч квадратных миль, предназначенную для их встреч. Создание таких территорий обусловлено как экономическими, так и правовыми соображениями. Экономическими — в том смысле, что на таких территориях, согласно взаимной договоренности, растения и животные не истребляются, а сохраняются, благодаря чему позднее они могут служить продовольственной базой для межплеменных собраний. С точки же зрения права, такое учреждение указывает на то, что создание нейтральных территорий стало возможным лишь у тех локальных групп, жизнедеятельность которых обеспечивается жатвенным полем в пределах их территории.

Не подлежит никакому сомнению, что у австралийских народов-собирателей урожая жатвенное поле является собственностью локальной группы, так же как и вся племенная территория. Во время сбора урожая отдельным семьям может быть разрешено убирать урожай на определенном участке жатвенного поля, но земля как таковая принадлежит обществу. Так же обстоит дело и у племен области Чако или у таких племен, как хьяньям в Матту Гроссу — племен, собирающих дикий картофель. В ка-

честве владельца жатвенного поля локальная группа всегда действует как одно целое. Относительно североамериканских племен оджибве, меномини и виннебаго уже такие старые авторы, как Кетлин и Скулкрафт, отмечали, что жатвенное поле принадлежит всей локальной группе, которая, однако, перед созреванием плодов каждый раз заново распределяла это поле между отдельными семьями. В 1947 году, когда мне довелось присутствовать при сборе урожая риса у локальной группы оджибве Буа-фор-Бэнд в Нетт-Лейк (штат Миннесота), я застал еще действующими все их древние законы. Любые вопросы, касающиеся собираемых плодов и жатвенного поля, разрешал прямо-таки «тоталитарным» образом избранный локальной группой рисовый комитет. Решениям рисового комитета обязаны были подчиняться все индейцы. Комитет устанавливал дату начала сбора урожая, число лодок, в которые должен был собираться урожай, и даже точное время дня, когда сборщики урожая должны были покидать озеро. Нарушения (впрочем, крайне редкие) этих законов караются конфискацией лодки вместе с находящимся в ней рисом.

Собираемые наряду с основным продуктом жатвы растения и убиваемые на охоте животные как у собирателей, так и у охотников, не всегда становятся исключительной собственностью того, кто их добыл, а распределяются, особенно если добыча очень богата, между всеми членами общества. Так, например, такие австралийские народы-собиратели урожая, как аранда и лоритья, о которых подробно сообщает Штрелов, имеют точные предписания, касающиеся распределения добычи. Иногда даже охотник вообще не имеет никакого права на свою добычу, которой распоряжаются другие. Впрочем, правом распоряжаться обладает здесь не вся локальная группа, а более узкий круг лиц — тотемная группа [1], которая в большинстве случаев играет также роль хозяйственной единицы.

Эта же хозяйственная единица несет ответственность за обеспечение пищей каждого отдельного члена своего племени и в голодное время. Так, Дженкс пишет о североамериканских собирателях риса: «Если нужда постигает честную семью, то в ее распоряжение предоставляются запасы всей группы», а вождь Покагон говорит о потаватоми: «Если нужда стучится в дверь, то наш народ делит между собой все имеющиеся в наличии запасы».

Если тотемная группа является хозяйственной единицей по обеспечению пищей, то, когда речь идет о вещах, которые можно получить, скажем, при посредстве торговли, в качестве социальной единицы выступает уже вся локальная группа. При этом

[1] Под «тотемической (тотемной) группой» надо разуметь опять-таки род. — *Прим. ред.*

вырабатываются подробные законоположения относительно личной собственности. Эта личная собственность охраняется племенем, и нарушитель наказывается; впрочем, нарушения права собственности случаются крайне редко.

Так, например, существует право личной собственности на плодовые деревья, которое строго соблюдается. У аранда собственность на такое дерево отмечается пучком травы, который кладут на ветки. Если человек найдет пчелиное гнездо, он тоже отмечает соответствующее дерево, вырвав траву вокруг его корней и прислонив к нему палки. Если кто-либо не обратит внимания на эти знаки и завладеет плодами дерева или медом, обворованный имеет право «заколоть вора копьем насмерть». Такое же возмездие ожидает того, кто без разрешения охотника присвоит себе убитую дичь. Подобным образом поступают и с преступником, который перехватит у охотника раненное последним животное. Но если пришелец испросит у владельца разрешение, то он имеет право потребовать себе часть добычи. Не так плохо приходится и вору, который украдет у своего соседа вещи, не являющиеся жизненно необходимыми. Если он принесет вещи обратно, то дело считается улаженным. Если же он откажется их отдать, обворованный имеет право проколоть ему ногу копьем или (как это делается в Австралии) пустить в него бумеранг.

Личная собственность в случае смерти владельца переходит по праву обычно к его старшему сыну, а если нет сыновей, то к ближайшему родственнику.

Прелюбодея иногда карают временным — примерно на два-три месяца — изгнанием из локальной группы. Это временное изгнание представляет особый интерес в сравнении с тем же родом наказания у собирателей и охотников, где оно означает верную смерть. Здесь же это очень мягкое наказание, и такое ограничение наказания сроком может быть впервые понято только у народа-собирателя урожая.

Организация общественной власти и исполнительных органов у этих племен представляет собой довольно ясную картину: здесь также нет ярко выраженного института вождей, хотя и имеются значительно более развитые его зачатки, чем у собирателей и охотников. Иногда можно даже говорить о наличии наследственных вождей. При этом стать вождем можно двумя путями: через тотемную группу, так как иногда (но не всегда) глава многочисленного и могущественного тотема может стать предводителем локальной группы, или благодаря незаурядным личным качествам. Однако высшая власть принадлежит общественному мнению членов локальной группы, которых иногда представляет совет старейшин или совет вождей одного клана. Часто подчеркивалось, что именно у этих тотемистических народов законоположения в сильной степени обусловливаются религией и опираются на тотемные мифы. Однако я нигде не нашел подтвер-

ждения этой точки зрения, скорее наоборот. Например, как решительно подчеркивает Штрелов, у аранда основы законов не восходят к мифическому родоначальнику племени, а получили, повидимому, свое развитие в совете старейшин, которые передавали их молодежи во время обрядов инициации.

Еще одним правовым институтом, с которым мы сталкиваемся у этих народов-собирателей урожая и который с юридической точки зрения представляет особый интерес для хода дальнейшего развития истории человечества, является право убежища и тесно связанное с ним право табу. До момента созревания жатвенное поле представляет собой табу, и табу это может быть снято лишь в определенный день вождем и советом старейшин, после чего только разрешается уборка урожая. Такие же по своему действию, но не по происхождению табу относятся к определенным местностям, которые считаются местопребыванием тотемных духов или тайниками, где прячутся священные тотемные предметы племени. Так, Спенсер и Гиллен сообщают о существующем у аранда учреждении «эртнатулунга», которое явно представляет собой убежище как для членов племени, так и для чужеземцев. Преступник или чужеземец, укрывшиеся в этом табуированном месте, пребывают там в полной безопасности и не могут быть схвачены. Под защитой табу в этом месте находится не только человек, но и животные и растения. Установление права убежища первоначально было вызвано религиозными мотивами. Но в дальнейшем оно стало играть преимущественно экономическую роль — прекрасный пример того, как изменяются цели, к осуществлению которых стремится примитивное право.

Таким образом, в отличие от правовых институтов собирателей и охотников, правовые нормы народов-собирателей урожая уже не подчинены принципу племенной территории; переход через границу племени или локальной группы уже более не карается, и табу охраняет лишь определенные части племенной территории, главным образом жатвенное поле и места, которые рассматриваются как убежища. Но и здесь социальной единицей является локальная группа, в то время как хозяйственная единица ограничивается более узким кругом людей.

Иная форма хозяйства и связанная с ней меньшая замкнутость по отношению к внешнему миру имели два очевидных последствия: скопление больших человеческих масс, состоявших при этом не только из членов своего племени, но и из людей других локальных групп. Юридическим следствием этого во «внешних делах» было установление «международных» отношений (нейтральные районы, совместные празднества), а во «внутренних делах» — потребность в более резкой дифференциации права и его норм. До какой степени значительным оказался сдвиг во внешнеполитических отношениях, свидетельствует то, что в районах рисовых полей имеются деревни, где бок о бок

мирно проживают представители четырех различных племен. Внутриполитическая организация носит более жесткий характер, чем у собирателей и охотников, но самое главное то, что — возможно, как реакция на это — бóльшее значение здесь приобрело индивидуальное право на предметы, которые не связаны с обеспечением съестными припасами всего общества. Весьма похоже, что это своеобразная реакция на укрепление политических уз внутри племени. Сюда относится, например, развитие авторского права. Но представление о частной собственности на земельные владения чуждо и этим народам.

Если мы обратимся к другой группе народов с присваивающей формой хозяйства, а именно к арктическим охотникам, или обратимся к культурам, которые подпали под их влияние, и займемся исследованием их различных институтов, имеющих целью сплочение общества, обеспечение его пищей и поддержание внутреннего и внешнего мира, то перед нами предстанет несколько иная картина.

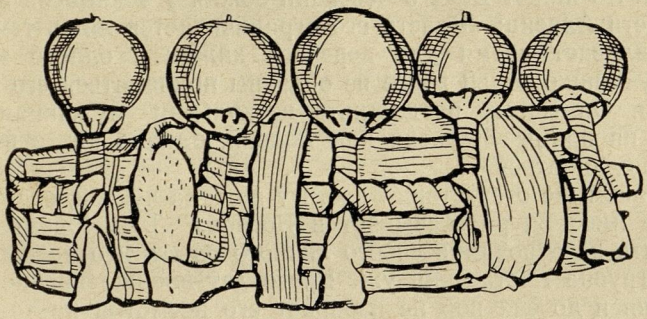
Прежде всего территориальный принцип во многих отношениях сходен с существующим у народов-собирателей урожая. Локальная группа не имеет твердо установленных границ, и поэтому переход через границу охотничьей территории не карается ни смертью, ни каким-либо иным наказанием как в пределах самой группы, так и на земле чужого племени. Так, Шренк пишет о тунгусских народностях нижнего течения Амура, что они, как правило, не придерживались границ племенной территории и охотились на чужих землях, в частности на земле гиляков, и это не вызывало никаких раздоров. Охотничья территория, первоначально принадлежащая локальной группе, может, но отнюдь не должна делиться между отдельными семьями-подгруппами. Оба эти принципа могут соблюдаться одновременно или чередоваться.

Хозяйственная единица часто бывает меньше локальной группы. Так, у береговых чукчей существует промысловая единица, «эттветьирин», байдарная артель, предводитель которой занимается также распределением добычи. У арктических народов Азии и эскимосов Аляски хозяйственной единицей является команда промысловой лодки (байдарная артель), занимающаяся охотой семья или группа таких семей — все они широко пользуются знаками собственности, чтобы сохранить за собой убитого ими зверя. Однако нет никаких указаний на применение знаков частной собственности, ибо каждый знак собственности используется всеми членами данного хозяйственного коллектива.

Забота о пропитании является прежде всего делом данной хозяйственной единицы, но в этом участвует также и вся община. Вокруг экономического обеспечения каждого отдельного члена общества сосредоточиваются все правовые нормы арктических народов, и перед этим отступают на задний план все прочие

индивидуальные права, по крайней мере в том случае, если из-за недостатка пищи оказывается под угрозой жизнь человека.

Так, например, у европейских лапландцев-оленеводов (лопарей, саамов) широко пользуются знаками частной собственности, у них имеется явно выраженная склонность точно определять свои права собственности на движимое имущество. Однако право личной собственности при известных обстоятельствах может быть нарушено. Дело здесь доходит до того, что даже кража оленей может быть признана законной, если только вор воспользовался



Магическая связка племени пауни (*Оклахома*).

украденными животными непосредственно для удовлетворения своих потребностей, например, ради получения мяса. Согласно взглядам лапландцев, это даже не воровство, хотя при этом и было нарушено ярко выраженное право личной собственности. Эта черта обычного права лопарей характерна для охотничьего права, а не для права скотоводов.

В этой же юридической плоскости лежит и другой пример, который я наблюдал у лабрадорских индейцев монтанье-наскапи. Право охотника на его угодья в любой момент может быть нарушено каждым, кому угрожает голод. Пришелец может охотиться и ставить западни, но только для того, чтобы добыть пищу себе самому, то есть для того, чтобы утолить свой голод и поддержать свою жизнь. Он может даже очистить помеченную знаком собственности постройку бобров, но исключительно только в том случае, если он нуждается. Иначе говоря, помощь оказывается ради спасения жизни, но не больше.

В частности это относится к долговому праву, по которому ни отец не несет никаких обязательств за сына, ни вдова за умершего мужа. Между членами семьи не существует никакой солидарной ответственности. Взаимопомощь обусловливается отнюдь не давлением извне, как, например, у собирателей и охотников, а к ней принуждает общественное мнение, которое в первобытном обществе проявляется более категорично, чем, например, в капиталистическом.

Общественное мнение у северо-восточных алгонкинов оказывает свое влияние не только в пределах локальной группы, но и за ее пределами и может, например, не дать пользующемуся дурной славой члену локальной группы найти себе убежище в другой группе. Во многих случаях это означает смерть в лесу. Власть принадлежит не вождю, если только таковой вообще имеется, а старикам лишь в отдельных случаях. В конечном итоге она принадлежит общественному мнению всей локальной группы.

Вот что пишет Боас о бессилии вождя у эскимосов центральной части Аляски: «Власть его ограничивается лишь тем, что он устанавливает время для переноса хижин с одного места на другое, однако семьи вовсе не обязаны подчиняться его распоряжениям. Он может предложить нескольким мужчинам отправиться на промысел оленя или тюленя, однако никто не обязан этому подчиняться».

О таком же отсутствии власти у вожака чукчей, если таковой вообще имеется, рассказывает и Богораз. То же самое я могу сообщить на основании своего личного опыта и о наскапи, у которых группа мистассини уже много лет вообще не имеет руководителя и до сих пор не избирает его несмотря на требования агента по делам индейцев.

Исключение составляют некоторые эскимосские племена на Аляске, которые, возможно под влиянием социального расслоения северо-западных американцев, наряду с племенной организацией с вождем во главе, знакомы уже и с расслоением общества вплоть до рабства включительно. Зачатки рабства мы встречаем далее у жителей Алеутских островов и у чукчей (в данном случае, вероятно, под влиянием проникших с юга скотоводческих народов) [1], которые во время войны с западными эскимосами превращали в рабов своих военнопленных. Однако это почти не коснулось расслоения общества в целом.

Старые ловцы и охотники в зависимости от личных качеств пользуются большим уважением и часто при улаживании споров в рамках племени играют роль посредников и третейских судей, но и они не пользуются абсолютной властью. Если спор не удается уладить или если одна сторона не желает подчиниться, то и старейшины оказываются бессильными. Поддержание мира, насколько это возможно, и до той поры, пока это не нарушает жизни племени в целом, — таков неизменный мотив, определяющий основы политики этих племен. В этом отношении перед общественным мнением стоит двоякая задача: во-первых, действовать

---

[1] Это не совсем точная формулировка. На самом деле зачатки рабства и имущественное расслоение у названных народов (особенно у чукчей) складывались на основе внутренних причин — у чукчей на основе развития собственного оленеводческого хозяйства. — *Прим. ред.*

в качестве органа превентивного: самим фактом своего существования оно вызывает страх преступить его; а во-вторых, активно вмешиваться во всех случаях нарушения правовых норм. Во всяком случае и здесь требуется заинтересованность всей группы и наличие обстоятельств, которые действительно угрожали бы всеобщему миру. Так, например, какого-нибудь случайного вора, очистившего западню, нарушителя спокойствия или буяна общество не станет привлекать к ответственности и предоставляет самому пострадавшему или заинтересованной стороне решить дело. При этом, как, например, в случае «песенного поединка»[1] или единоборства у эскимосов, общество играет роль более или менее беспристрастных зрителей, и даже в случае убийства оно предоставляет право кровной мести заинтересованным сторонам. Но оно всегда вмешивается, когда из-за поведения одного члена оказывается хоть в какой-то мере под угрозой экономическое благосостояние общества. Сюда относятся случаи с неисправимыми ворами, людьми, которые постоянно охотятся на чужой территории, упорными буянами и людьми, которые неизменно пускают в ход нож, короче говоря, — с нарушителями общественного порядка, как мы сказали бы теперь. Наказанием может быть: привязывание к дереву, как это делается, например, у индейцев монтанье-наскапи, наказание палками, как, например, у эскимосов Берингова пролива, изгнание из общества или смерть, когда человека пристреливают, закалывают, топят или убивают гарпуном.

Приемы судопроизводства и исполнение приговора отнюдь не однородны. У индейцев монтанье-наскапи вождь вместе с советом старейшин приказывает привести к ним преступника, уличает его путем допроса свидетелей, которых, однако, не приводят к присяге, и затем наказывает. У чукчей в этом случае действует специально назначенная группа особо уважаемых людей, или просто, без всякого судопроизводства, один человек может получить от общества поручение или молчаливое согласие на то, чтобы убить преступника. Для изобличения преступника в качестве доказательства часто пользуются присягой сторон, но от свидетелей присяги никакой не требуют. Так, например, обвиняемый чукча призывал в качестве присяжного поручителя солнце или клялся именем медведя.

Три эти большие и различные группы народов, о праве которых мы говорили в настоящей главе, в культурном отношении представляют собой древнейшие общественные формы человечества. Они находятся примерно на одном уровне с племенами и народами палеолита и сохранили много культурных черт от

---

[1] «Песенные поединки» — любопытный обычай у эскимосов разрешать споры или улаживать распри при помощи состязания в пении. Побежденный в этом состязании признает свою неправоту. — *Прим. ред.*

древнейших времен. У них присваивающее, а не производящее хозяйство. Наличие у этих племен каких-либо правовых институтов часто оспаривалось, однако это не подтверждается фактами. Законы народов с присваивающей формой хозяйства, разумеется, не устанавливаются судьями, подобно «*judge-made law*» (законам, устанавливаемым на основании судебных решений) современного англо-американского судопроизводства. Их право обосновано и установлено народом и для народа.

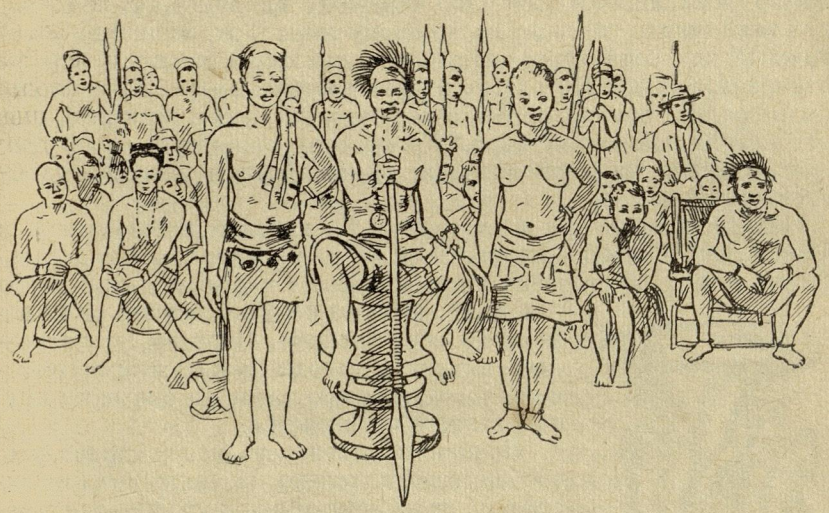
Этим первобытным правовым нормам чуждо имеющееся нередко при капитализме противоречие между чувством законности у рядовых граждан и приговорами суда — противоречие между официальным правом и справедливостью. Подобно тому, как и в других областях, в области права у этих народов первобытной культуры индивидуум растворен в обществе, в котором он живет, и поступки индивидуума отражаются на всем обществе. Как индивидуум, так и все общество в точности знают действующие правовые нормы, и для понимания их не требуется толкования ученых юристов. Никакого «теоретического» права не существует, потому что право является практическим, установленным в целях всеобщей безопасности. Толкование его обусловлено его целью, так же как и выносимый в каждом отдельном случае приговор.

При таком строе общества невозможно также изменение приговора законодательным путем или через посредство высших инстанций, потому что право авторитарно и неизменно. Разница в толковании судебных случаев иногда бывает очень значительной. Однако это не означает, что функции правового аппарата хаотичны или что их вовсе не существует. Напротив, просто поразительно, сколь сильно развито у народов этих культур представление о законности и до какой степени четко оформились определенные твердые правила исполнения законов, — правила, освященные традицией и диктуемые общественным мнением. А традиции и общественное мнение в этих бесклассовых обществах неотделимы друг от друга.

С развитием земледелия и скотоводства изменилась не только структура социальной организации, но и структура права. Однако это изменение совершилось не сразу. Так, главным образом в правовых нормах примитивнейших земледельческих народов мы обнаруживаем некоторые характерные черты права, присущего обществам с присваивающей формой хозяйства, в частности это касается обеспечения экономической безопасности индивидуума и связанных с этим земельных прав.

У примитивных земледельческих народов и прежде всего у народов Восточной Меланезии, внутренних областей Южной Америки и восточной части Северной Америки основной территориальной единицей является деревня, то есть земля самой деревни, внутри которой находятся или многочисленные хижины отдельных и больших семей или дом целого рода. Племена,

повидимому, всюду делятся на такие самостоятельные деревенские общины, возглавляемые вождем, который иногда находится в слабой зависимости от верховного вождя. Но его власть ничтожно мала. Кейссер, например, говоря о каи на Новой Гвинее, сообщает, что роль вождя выражалась лишь в том, что ему принадлежал самый большой огород, однако это большое богатство должно было использоваться для угощения деревенской общины и посторонних гостей. Его авторитет был крайне ограничен и исчерпывался простым представительством. Он не имел права распоряжаться жизнью и смертью членов общины, разве только в некоторых исключительных случаях во время войны, что можно наблюдать в Южной Америке.



Военный совет племени мангбету (*Бельгийское Конго*).

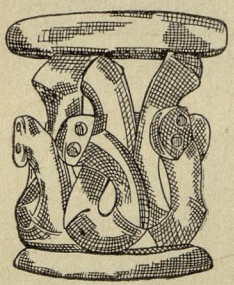
Руководящую роль играет совет старейшин. Первоначально у земледельческих народов в вопросах родства и наследования преобладало так называемое материнское право, хотя ясной картины в этом отношении нигде уже не наблюдается из-за разнообразных привходящих обстоятельств. Так, хотя в наши дни у лесных племен Камеруна семья организована по патриархальному принципу, однако ясно можно видеть, что он появился у них лишь недавно, потому что вождями у них могут быть даже женщины. У племен же, живущих в районе Кросс-ривер, у баквири, дуала и батанга, еще отчетливо проявляются черты первоначального матриархального строя.

Земельные владения первоначально являлись общей собственностью, и остается еще под вопросом, породила ли обработка земли право собственности на нее или только *usus fructus* (право

пользования). Критерием для суждения служат ограничения относительно продажи земли. «Землю, — говорили обычно ирокезы, — нельзя покупать или продавать, так же как воду или огонь». В Меланезии и Западной Африке также придерживаются взгляда, что земля не может служить предметом торговли. Зачатки родовой, семейной и частной собственности появляются только на обработанную землю.

В отличие от народов Западной Африки, Меланезии и Южной Америки, о которых все единодушно сообщают, что у них женщины в массе своей не пользовались там общественными правами либо пользовались ими как члены тайных обществ и что, следовательно, там не могло быть и речи о главенстве в общественной жизни женщин, — в Северной Америке, например, у ирокезов, развитие пошло совершенно по иному пути. Так, женщины у них каждые два года перераспределяли пахотную землю и они же избирали вождей. Но власть их распространялась и дальше: они пользовались правом вето в совете мужчин, даже если речь шла о вопросах войны или мира. Кроме того, они имели право принять в племя чужеземца путем усыновления и решали судьбу военнопленных.

Взаимопомощь при расчистке поля, нередко наблюдаемая в Меланезии, Южной Америке и реже в Африке, уже свидетельствует, что и обеспечение пищей не было частным делом и что ответственность за него в конечном итоге падала на все общество. Впрочем, это случалось только в периоды нужды и препятствовало возникновению слишком большого имущественного неравенства.



Скамейка для военного совета (*бамум, Камерун*).

Личная собственность распространялась, вообще говоря, только на движимое имущество, но не на землю; она получила наибольшее распространение в Западной Африке. Нагляднее всего это проявляется в уплате вступительных взносов теми, кто желает стать членом тайного общества, потому что в вопросах юрисдикции, особенно в Меланезии и Африке, гораздо большее значение, чем вождь и совет старейшин, имеют тайные общества, развившиеся, повидимому, из возрастных классов. Так, главенствующую роль в правовой и общественной жизни племен играют на бывшем архипелаге Бисмарка, в частности на полуострове Газели, — союзы Дукдук и Ингиет, в Южной Америке — союз Юрипари, в Камеруне, в частности в его северо-западной части у экои — тайный союз Эви-нгбе («эви» — закон, «нгбе» — общество леопарда), на юге у пангве — тайный союз Бокунг-элонг, у бакози и база — тайный союз Лозанго. У экои законодательная и исполнительная власть находится в руках тай-

ного союза Эви-нгбе, который может даже издавать и отклонять законы, регулирующие общественное право. Кроме того, этот союз является высшей апелляционной инстанцией для всех судебных дел. Прием в члены тайного союза и возведение в высший ранг зависят в большинстве случаев от уплачиваемой суммы денег. Каждый может свободно выйти из союза, однако преимущества его членов настолько велики, что случаев выхода из него почти не бывает. Для демократического, замкнутого и при этом небольшого сообщества именно такие союзы служат часто авторитетными органами правосудия, которое лишь при более прогрессивных формах социальной организации переходит в руки сформировавшейся деревенской общины, чьи интересы у этих племен защищает вождь или совет старейшин.

Ручка жезла вождя (*сонго, Португальское Конго*).

Эти тайные союзы играют большую роль в уголовных и гражданских делах. Как осуществляется ими судопроизводство, можно показать на следующем примере. Если у бакози кредитору нужно истребовать козу, которую не хочет отдавать должник, то он отправляется к членам союза Лозанго и просит их помочь ему получить его козу. Члены союза берут знак своего союза и ставят его перед хижиной должника. Обычно это тотчас же помогает. За свои услуги тайный союз получает козу с того же должника. Если же долг не уплачивается немедленно и знак союза остается стоять перед хижиной до следующего утра, то должник платит за это коровой или быком, которых съедают члены тайного общества. Поэтому каждый должник старается как можно скорее удовлетворить кредитора и тайный союз. Точно так же тайный союз выступает посредником, если кто-нибудь уведет у другого жену и не захочет за это заплатить. У база существуют тайные союзы Мунги и Ум, которые на тайных ночных собраниях выносят решения о приказах, приговорах и наказаниях — при этом почти всегда о смертной казни — и также тайно заставляют их исполнять. В таком случае говорят: «Нас судили Мунги». Нечлены союза тоже имеют право просить у него судебной помощи; это относится и к союзу Эгбо у племен, живущих на побережье.

Этим народам Старого Света, как правило, незнакомы объединения, которые выходили бы за пределы деревни; в качестве «международной» организации и действует тайный союз, который не ограничивается только деревней или только племенем, но распространяется, особенно в Западной Африке и Меланезии, на

обширные пространства, не приводя, впрочем, — и это характерно — к государственному объединению и созданию более крупных политических образований. Но тот факт, что крупные союзы не приводят к политическим объединениям, характерен только для Старого Света, тогда как в Америке у соответствующих народов мы наблюдаем как раз обратное. Лучшим примером в этом случае служит союз ирокезов. Союз в штате Нью-Йорк охватывал пять племен; их представлял центральный совет, который мог принимать решения только единогласно, а не по принципу большинства. Несмотря на наследственный характер института вождей, такая объединенная центральная власть была довольно слабой. Так, каждое племя могло самостоятельно вести войну или заключать мир, если это не было в ущерб интересам всего союза. В отличие от народов — завоевателей Старого Света, особенно Африки и Азии, в Америке даже у племен с признаками догосударственного строя или, вернее, именно у них было очень сильно развито стремление к «интернациональным» объединениям. Отчасти это могло быть связано с давлением и влиянием белых, подобно тому как чероки создали у себя систему управления по образцу США. В Старом Свете и особенно в Африке разделение общества на сословия происходило обычно в результате завоевания одного племени другим. Такой путь развития не характерен для догосударственных политических образований, возникавших на нынешней территории Соединенных Штатов. Исключением до известной степени является государство Повхатан[1], которое ко времени своего наибольшего расширения простиралось более чем на восемь тысяч квадратных миль и включало более ста пятидесяти городов. Территориальное расширение этого государства происходило главным образом путем завоеваний.

Еще одно различие между североамериканским и западноафриканским типами догосударственных образований заключается главным образом в том, как ведется судебный процесс. У лесных племен Западной Африки наряду с самоуправлением и правом апелляции к тайному союзу существует вполне определенный судебный процесс перед лицом судилища, состоящего из вождя и старейшин. Вызов в суд производится или непосредственно сторонами, или вождем. Из методов дознания известны: пытка, присяга, ордалия («испытание питьем», или ядом), свидетельские показания, осмотр на месте и документальные доказательства. Объявлению приговора предшествует тайное совещание суда, причем решение выносится большинством голосов. Процесс основан преимущественно на принципе соглашения сторон, месть и

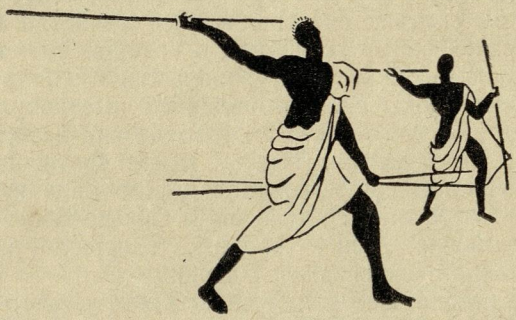
[1] Речь идет о племенном союзе Повхатан (существовавшем в XVII и начале XVIII веков). Едва ли можно называть его «государством» и считать его исключением из обычного типа племенных объединений в Северной Америке. Роль завоевания при образовании этого союза была не большей, чем в образовании союзов крик, ирокезов и др. — *Прим. ред.*

наказание предотвращаются, как правило, уплатой выкупа. У американских племен нет такого строго регламентированного судебного разбирательства. Кроме показаний, получаемых при помощи разного рода испытаний и определенных формул присяги, приносимой сторонами, другие методы ведения следствия, в частности различные формы настоящих ордалий, здесь неизвестны.

В Америке трудно найти параллель скотоводческому хозяйству номадов Старого Света — следующей крупной культурной группы народов. (Только в Перу разводили ламу и альпаку.) В большинстве случаев скотоводческое хозяйство представляет собой смешанную форму хозяйства, в которой имеются элементы хозяйства народов-собирателей урожая или хозяйства земледельцев, либо носит следы сильного влияния высококультурных народов. Вследствие этого чисто скотоводческих народов в настоящее время не встречается. Тем не менее скотоводство служит главным источником существования целого ряда народов, которые в Старом Свете тянутся полосой от Северо-Восточной Сибири, через Центральную Азию, Аравию, Северную и Восточную Африку до южной оконечности Африки.

Пастбища всегда составляют собственность всего племени, но, как и у народов-собирателей урожая, не имеют строгих границ, и пастьба на чужой территории без разрешения не влечет за собой наказания. В правовом отношении племя как таковое почти никак себя не проявляет, и преобладает большая патриархальная семья (включая братьев, племянников, сыновей и внуков). Эта большая патриархальная семья является социальной единицей, которая претендует также и на политическую самостоятельность. Во главе племени стоит выбранный или наследственный вождь. Но его влияние в большинстве случаев зависит от его личных качеств и щедрости, то есть, в конечном итоге, опять-таки от общественного мнения соплеменников. Кроме вождя, есть совет старейшин (у киргизов — это так называемые «белобородые», у гереро — «умакарере»), без согласия которых, особенно в области земельного права, вождь не может ничего предпринять. Во время войны с гереро тогдашнему германскому правительству было ясно дано понять, что вождь не есть полномочное лицо. Германское правительство заключило договоры с вождями гереро об уступке земли, но последние в глазах народа не имели на это права, и война возникла из-за явного пренебрежения к законам племени. У скотоводческих народов, особенно у верблюдоводов и коневодов с их индивидуализированным укладом, не имеется более крупных, чем племя, политических объединений. Наказание преступника, в частности институт кровной мести, является делом сторон. Соглашение и уплата выкупа первоначально не были в обычае, и их следует отнести к влияниям вторичного порядка. Для скотоводов характерно главным образом развитие личной собственности и накопление имущества в виде разводимого скота.

Это одновременно породило сословные различия и расслоение общества, однако возникшие у скотоводов зачатки иерархии вполне развились лишь при соприкосновении с земледельческими народами. В основе наследственного права большинства племен лежит право первородства (исключительное право перворожденного на наследование), и лишь под мусульманским влиянием в наследственном праве устанавливается известное равенство всех сыновей.



Воины племени шиллуков.

Ссылка на приведенные здесь несколько примеров скрещения земледельческого и пастушеского права как будто вполне обоснована. Это подтверждается, во-первых, тем, что пастушеские народы Старого Света как в Азии, так и в Африке, создав большие государства, осуществили значительные политические преобразования; во-вторых, тем, что социологию, особенно современную, сильно занимают их центробежные воинственные тенденции, находящиеся в резком контрасте с центростремительными демократическими тенденциями земледельческих народов.

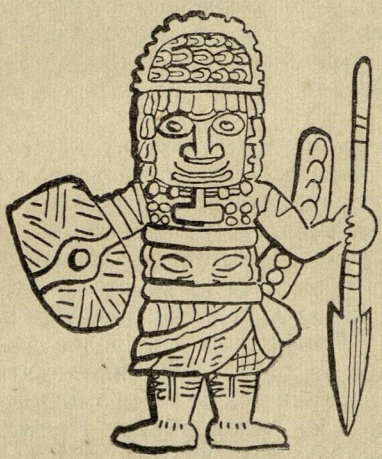
В исторические времена, еще в начале прошлого века, мы имели возможность наблюдать все этапы такого завоевания скотоводческими народами областей оседлых земледельцев — речь идет о походах фульбе с целью покорения Адамауа. Переселения фульбе объяснялись экономическими причинами. Они искали новых пастбищ для своего крупного рогатого скота — зебу, и вначале негритянские племена, среди которых они жили, их только терпели, а часто и притесняли. В течение долгого времени фульбе еще предоставляли вождям так называемых языческих племен, которыми были оседлые земледельцы, даже *jus primae noctis* (право первой ночи). Мирное проникновение фульбе превратилось в начале XIX века, после того как Шеу-Усману призвал к священной войне против язычников, в воинственный завоевательный поход. Результатом было основание большого государства Сокото между Нигером и Шари, к которому полководец

Модибо Адама присоединил названную по его имени область Адамауа. За время своего сорокадвухлетнего правления, находясь главным образом в городе Йола, он либо покорял языческие племена, либо оттеснял их в горы. После его смерти в 1847 году были совершены, главным образом сыном его Лауалом, завоевательные походы на юг, во время которых были покорены и обложены данью племена тикар, вуте и байя. Эти завоевательные походы стали возможными благодаря наличию у фульбе одетой в панцыри конницы. Это значит, что не только в Азии, но и в Африке народами-завоевателями были народы-наездники, разводившие верблюдов и лошадей, а не те народы, которые разводили крупный рогатый скот.

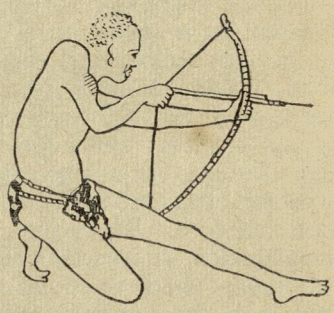
Фульбе покорили языческие племена, обложили их данью и обратили их в крепостных, а всю область Адамауа разделили на ряд деспотически управляемых государств. Народ делился на рабов (военнопленных и рожденных в рабстве), крепостных (покоренные племена), свободных (принадлежащих к собственному народу) и знать; чиновная знать вербовалась из рабов-вольноотпущенников и из класса ламидо. Наряду с этим общественным делением существовало деление по профессиям сообразно занятиям каждого. Во главе государства стоял эмир или султан, опиравшийся на многочисленную иерархическую армию чиновников, набираемых по большей части из рабов эмира. Премьер-министр в Адамауа назывался «кайгамма», верховный главнокомандующий — «сарики-н-лефидда» и церемониймейстер — «саламма». Кроме того, имелось множество чиновников, находившихся в положении подчиненных. Весь строй государства фульбе имел много сходного с феодальными государствами немецкого средневековья. Земля делилась на ряд провинций и округов, управляемых вассалами — ламидо султана. Ламидо был обязан в случае войны участвовать в ней и должен был ежегодно уплачивать дань. Представителями национальных «меньшинств» и чужестранцев при дворе были галамида, которые исполняли роль посредников и консулов между султаном и своими соотечественниками. Первоначально земля принадлежала султану, который мог посредством продажи угодий увеличивать свои доходы, состоявшие в основном из различного рода налогов, из коих весьма значительным была рыночная пошлина, взимавшаяся так называемым саррика-н-казуа (рыночным надзирателем). Судопроизводством занимался назначенный султаном профессиональный судья — алкали, а главным источником правовых норм у фульбе-магометан был коран. Большое место в уголовном праве отводилось таким наказаниям, как причинение увечий, лишение чести и свободы. Убийство, кража раба и лошади, если они совершались вторично, карались смертью, простая же кража — отсечением правой руки. Долговое право фульбе свидетельствует о развитии долгового рабства. Вместо кровной мести уплачивался

штраф, часть которого шла в пользу султана или государства.

Эта картина управления, принятого в государстве фульбе, довольно типична для народов Судана, начиная с эве на западе и кончая каффичо на востоке, а также для государственных образований монголов и гуннов в историческую эпоху. Что касается Судана, то, как можно установить, продвижение развитых форм централизованного управления шло с запада на восток, причем у каффичо, которых хабеши завоевали в 1897 году,



Африканский воин. Резьба по слоновой кости. XVI век (*Бенин, Западная Африка*).



Воин джур (*Северная Африка*).

управление носило древнеегипетские черты. Император-бог, который всегда оставался невидимым для народа, был собственником земли, источником права (для права и короля имелось одно общее слово: «тáто»), верховным главнокомандующим, самим государством, повелителем жизни и смерти каффичо. Но на деле владыка зависел от семи микиреко, членов государственного совета, которые имели право даже низложить императора.

В других районах Эфиопии и Северной Африки такой государственный совет через известное число лет после начала правления может даже вынести императору смертный приговор; приговор этот мог быть вызван также особыми причинами. Земля делилась на коронные земли и на наследственные ленные владения, причем последние предоставлялись только свободным каффичо. Официально каравшимися преступлениями были мятеж, измена, колдовство, разбой, трусость в бою, изнасилование и нанесение увечий, но не убийство, за которое отвечал весь род убийцы по праву кровной мести. Дети, женщины, лжецы, воры, разбойники и чужестранцы не могли быть свидетелями. Наказание приводилось в исполнение немедленно после вынесения при-

говора. К числу наказаний относились: денежные штрафы, бичевание, опала, калеченье, повешение, обезглавливание, сбрасывание со скалы, осуждение на голодную смерть и изгнание.

Для сравнения с этими более прогрессивными африканскими порядками, возникшими в результате смешения скотоводческих и земледельческих народов, интересно привести пример из американской жизни. Такой пример — жившее некогда на территории Соединенных Штатов и ныне вымершее племя начей (начезов). Формой правления у начезов была теократия: король «Великое солнце» был одновременно и верховным жрецом. Структура общества была основана на строгом сословном разделении, причем низший слой составляли рабы, несколько выше их находился простой народ — «стинкарды». Над ними господствовала знать, которая, в свою очередь, делилась на три ранга: на «солнце», «благородных» и «почетных» мужей. По брачному праву разрешалось вступать в брак только представителям двух различных классов и запрещалось бракосочетание лиц, принадлежавших к одному и тому же классу. Так, например, «солнца» и, следовательно, сам король и его сестры обязаны были вступать в брак только с людьми из народа. Вообще дети переходили в класс матери, но дети от брака «благородного» с женщиной из народа принадлежали к классу благородных [1]. Переход в вышестоящий общественный класс был возможен также вследствие храбрости, проявленной на войне, или особенно благодаря выполнению предписанных часто жестоких, религиозных заслуг, посвященных королю или, скажем, государству, потому что два этих понятия были тождественны. Так, например, «стинкарды» могли возвыситься до класса «почетных мужей», а эти, в свою очередь, — до класса «благородных». Но должность военачальника оставалась привилегией «благородных» и «солнц». Однако и здесь проявилась свойственная всем индейским племенам неприязнь к воплощенному в лице короля абсолютизму. Эта-то врожденная неприязнь и привела, повидимому, к установлению порядка, согласно которому по таким важнейшим вопросам, как война и внешняя политика, выносил решение совет старых вождей и воинов, но не король. Все сословия обязаны были платить королю дань, и он считался верховным распорядителем их территории.

Эти последние примеры подводят уже к развитию хорошо известного конституционного и правового строя высококультурных народов, у которых все судопроизводство: судебные разбиратель-

[1] Общественный строй начезов изучен очень слабо, так как народ этот был истреблен французскими колонизаторами уже в середине XVIII в. Их брачные правила не вполне ясны. По наиболее достоверным сведениям, дети женщин из рангов «солнц», «благородных» и «почетных» получали ранг своей матери, дети же женщин из группы «стинкард» оказывались рангом ниже своего отца. — *Прим. ред.*

ства, правовые нормы и т. п. — записаны и потому могут служить руководящим началом для живущих людей и для будущих поколений. Тем не менее народы с писаной историей не могут дать нам достаточно наглядное представление о происхождении и развитии правовых учреждений человечества. В этом отношении несравненно больше дает нам знакомство с обычным правом народов самой древней, а следовательно, и самой примитивной культуры.

Судья по имени „Волчье перо", черноногие индейцы.

Но можем ли мы все-таки говорить о существовании права и правовых норм у этих древних, первобытных племен?

Да, конечно, можем, потому что у них нет хаоса, а жизнь общества регулируется вполне определенными правовыми нормами. Правовые нормы проходят через всю жизнь этих народов. При этом самыми могущественными факторами, регулирующими поведение каждого отдельного человека и всего общества, являются давление извне и общественное мнение. Земля первоначально представляет собой коллективную собственность локальной группы, и только пользование ее плодами разрешается иногда группе семей или отдельной семье. Обработка земли сама по себе не ведет еще к собственности на землю. И даже в таких государствах, как Судан и Эфиопия, где земля принадлежала королю, она не была его частной собственностью в современном юридическом понимании, потому что король-жрец был полубогом, он был идеей, а как человеческую личность его убивали, если этого требовало благо народа. Земля принадлежала ему лишь постольку, поскольку он был олицетворением государства.

Пища первоначально также была коллективной собственностью. С этим же связана и коллективная ответственность общества за достаточное снабжение пищей каждого отдельного члена.

Зачатки развития частной собственности ясно проявляются у народов-собирателей урожая, которым присуще также более

сильное развитие «авторского» и «международного» права. Право убежища мы встречаем у народов-собирателей урожая, у скотоводов, у полинезийцев, а его последующее развитие можно проследить вплоть до права убежища в греческих и мексиканских храмах.

Деление на сословия впервые четко обозначилось у скотоводческих народов и у полинезийцев.

В области международных государственных отношений у ирокезов, алгонкинов и гуронов были созданы политические союзы, для сравнения с которыми нельзя найти ничего подобного в Старом Свете. Разве только их можно сравнить с такими вполне современными учреждениями, как Лига наций и Организация Объединенных наций. Союзы эти представляют собой полную противоположность деспотическим государственным образованиям Африки.

Одно должно быть все же достаточно ясно: именно у первобытных народов существует неразрывная связь между формой правления, собственностью на землю и хозяйственной организацией; именно здесь земля принадлежит локальной группе, племени или народу, но не отдельному человеку, и в центре проблемы обеспечения пищей также находится общество.

Для первобытных народов вечны народ, земля и право, но не индивидуум.

Глава XIII

СИЛЫ МАГИИ И МИР ДУХОВ

Мир первобытных народов — это мир магии. Их верования зиждятся на убеждении: «Вначале была сила». Эта невидимая сила вездесуща и повсеместно ощущаема, и для примитивного человека она столь же несомненна, как для современной физики твердость камня, влажность воды и эфир.

Эта сила, считаемая сверхъестественной только современными людьми, представляется первобытным народам вполне реальной и осязаемой и именуется у них самым различным образом. Малайцы и полинезийцы именуют ее «мана», ирокезы — «оренда», сиу — «вакан» и алгонкины — «манито». Поэтому постоянные стремления примитивных людей направлены на то, чтобы познать проявления этой силы, приобщиться к ней и по возможности овладеть ею. В мире первобытных народов не бывает случайностей, каждая вещь и каждое явление имеют свои причины и тесные связи, познать которые примитивный человек почитает своей задачей [1].

В нашем представлении связь между причиной и следствием вскрывается нашим логическим мышлением, опирающимся главным образом на знание естественных наук. В представлении же первобытных народов связь причины и следствия не ограничивается узкой областью видимого мира, а обусловливается силами и явлениями мира невидимого. Но для первобытных людей этот невидимый мир является чем-то вполне естественным и реальным, потому что в соответствии с их образом мыслей именно «сверхъестественное» и является конкретной реальностью. То, что мы отнесли бы к области веры, для примитивного человека является

---

[1] Подобно многим другим исследователям, Липс переоценивает роль веры в сверхъестественное в жизни отсталых народов. Непредубежденное исследование культуры целого ряда народов разных частей света показывает, что в повседневной жизни людей вера в магию, духов и пр. отнюдь не была такой уж всеобъемлющей и что в своей обычной деятельности человек чаще руководствовался стихийно материалистическим отношением к окружающему миру. Лишь в случаях, из ряда вон выходящих (смерть, эпидемия, различные бедствия, неурожаи и пр.), люди обращались за помощью к миру сверхъестественного. — *Прим. ред.*

откровением его знания. Поэтому все его мысли и поступки направлены на то, чтобы в духе этого магического мировоззрения познать все вещи и элементы, связывающие видимый и невидимый миры, и проникнуть в них. Усилия подчинить своему влиянию эти мистические силы и сделать их полезными мы называем магией.

Вера в силы магии не только распространена по всему миру, но и является древнейшей формой житейской и религиозной философии. Она пережила тысячелетия и продолжает еще давать себя чувствовать в нашей современной жизни.

Для первобытных народов каждая видимая или невидимая вещь или существо обладает известными волшебными силами и магическими свойствами. В то время как мы знаем, что одинаковые причины при одинаковых обстоятельствах приводят к одинаковым или сходным результатам, примитивный человек не признает вечных законов природы. Поэтому он объясняет некоторые явления, возникающие без видимой причины, как, например, болезнь, смерть, успех, неудачу, дождь, бурю и восход солнца, магическими причинами, определяющими поведение всех существ и вещей.

К древнейшим формам магии принадлежат те, которые связаны с заботой о пропитании. Необходимый при этом магический ритуал совершается не одним человеком, а всей отправляющейся на охоту группой, хозяйственной единицей племени с примитивнейшей присваивающей формой хозяйства. Эти племена объединяют все свои магические силы в коллективную магию. Стенная живопись в доисторических пещерах показывает, что такие церемонии совершались уже в ледниковый период. Изображение промыслового животного — медведя, буйвола, оленя — в представлении этих людей было тождественно самому животному, на которое охотились. Если изображение прокалывали копьем, то успех предстоящей охоты был уже обеспечен. Это можно наблюдать еще и в наши дни у австралийцев, у которых изображение на песке соответствует рисункам охрой доисторического человека. Эти рисунки на песке торжественно пронзают копьями, чтобы обеспечить успех охоты на следующий день. Такого же магического результата можно достигнуть, если заменить символическое изображение животного символическими жестами и если магический ритуал будет состоять в таком случае не в рисовании животного и его «умерщвлении», а в пантомимическом подражании ему. Подобного рода реалистические магические танцы в обычае, как мы видели выше, у австралийцев и у североамериканских индейцев. Оба эти способа сходны с обычаем изготовления знахарем из травы, ткани и других материалов чучела животного, которое подвешивается в хижине у шамана и «убивается» копьем или стрелой.

Сходные магические обряды служат для защиты и увеличения плодовитости растения, составляющего основную пищу племени. Так, в Австралии разыгрывают пантомимы сбора плодов и

клубней. Вместо желаемых кореньев символически выкапывают и кладут в корзины камни.

Такие магические обычаи сохранились еще и в нашем цивилизованном мире. До сих пор еще устраивают праздник майского деревца, который, однако, с течением тысячелетий утратил свое первоначальное значение. Во многих сельских местностях Германии до сих пор еще на троицу торжественно приносят из лесу молодую березу или елку. Иногда роль «дерева» берет на себя молодой человек, с головы до ног увешанный листьями и цветами. Но на таких праздниках «магическое действие» церемонии уже не служит ко благу одного или нескольких растений: майское деревцо и его разновидности превратились в символы всякого произрастания, и люди позабыли о былом благоговении перед демонами плодородия.

У первобытных народов предметами религиозно-магических празднеств являются не только растения и животные, но и величие сил природы. По их представлениям, солнце восходит или идет дождь потому, что их побуждают к тому символическими обрядами. В основе этих обрядов лежит вера в то, что пренебрежение необходимыми знаками уважения повлечет за собой прекращение их благодатного действия. Солнце не всходило бы и дождь не шел бы, если бы люди не заставляли их своими неустанными заботами выполнять их «обязанности».

Среди таких магических обрядов важнейшими по своему значению почитаются те, где огонь играет роль возбудителя силы солнца. К концу года, когда предстоит зимний солнцеворот, люди верят, что солнце устало, и пытаются оживить его силы, зажигая магические костры. Такие церемонии нередко поражают своей внушительной красотой. Так, например, у индейцев навахо с наступлением ночи зажигают гигантский костер и поддерживают его до рассвета. Участники церемонии появляются при этом праздничнo раскрашенными в белый цвет в честь солнца, с ниспадающими до плеч длинными волосами. Этих актеров называют «странствующими солнцами». В руках они держат изукрашенные перьями танцевальные палочки, танцуют они сомкнутой вереницей вокруг огня и стараются подпрыгнуть к огню как можно ближе. При этом они подражают движению солнца, двигаясь с востока на запад и обратно. Они не страшатся жара пылающего костра и все ближе придвигаются к нему, чтобы поджечь шары из перьев, украшающие концы их палочек. Если это удастся и шарик сгорает, вместо него немедленно надевают новое кольцо или шарик из перьев, который приветствуют ликующими криками как символ вновь родившегося солнца. Кульминационный момент церемонии составляет символическая инсценировка восхода солнца, которая начинается с появлением шестнадцати мужчин, несущих в корзине изображение солнца. Под аккомпанемент пения и танцев они становятся вокруг высокого столба и затем

внезапно отступают назад, в то время как изображение светила медленно подтягивается кверху, остается там в течение нескольких напряженных минут и затем так же медленно опускается и исчезает. Праздник оканчивается с наступлением рассвета, причем еще раз появляются окрашенные в белую краску танцоры, чтобы зажечь о раскаленные уголья кусок кедровой коры; танцуя, они борются за обладание им и перепрыгивают через затухший костер. Окружающая место церемонии изгородь из елей в начале праздника имеет только один ход, расположенный на восточной стороне, то есть в направлении той страны света, где восходит солнце. Но едва только настоящее солнце начинает свой путь по небу, как в изгороди устраиваются дополнительные отверстия на западной, южной и северной сторонах, чтобы показать, что лучи солнца проникают во все страны света.

Окруженное изгородью изображение солнца с четырьмя «выходами» на различные страны света является излюбленным орнаментальным мотивом, который то и дело встречается в произведениях главным образом индейского искусства. Мексиканский бог огня, например, так и называется «господином четырех стран света». Если четыре отверстия в «изгороди» соединяются линиями с нарисованным изображением солнца, то получается изображение креста. Таким образом, многочисленные символы креста, то и дело воспроизводимые в искусстве индейцев, представляют собой не что иное, как символическое изображение солнца.

Символические обряды почитания солнца, подобные обряду индейцев навахо, обычны и у многих других первобытных племен. Так, южноафриканские бечуаны в пасмурное утро торжественно призывают солнце прорезать облака. Глава «солнечного рода» зажигает при этом новый огонь у себя в хижине, и каждый член племени уносит к себе домой зажженную у него лучину.

Все культы огня восходят к почитанию солнца, хотя проявления их у различных народов высокой культуры, как, например, у парсов, у древних мексиканцев и у других народов, в корне отличаются друг от друга [1].

---

[1] Едва ли можно согласиться с этим взглядом. Он восходит к давно устаревшим построениям «мифологической школы» середины XIX века, которая, как известно, стремилась выводить все вообще верования, обряды, даже народное творчество из древних астрально-мифологических представлений, из почитания небесных явлений. Так поступали Макс Мюллер, Адальберт Кун (связывавший, впрочем, культ огня с почитанием не солнца, а молнии), Афанасьев и др. Взгляд этот, конечно, ошибочен: культ огня гораздо более древен, чем культ солнца, и имеет не небесные, а вполне земные корни, притом различные, ибо в огне чтилась и его целительная и очищающая сила (употребление огня в народной медицине), и грозная стихия, источник опасности пожара, и домашний очаг — средоточие родовой и семейной жизни, и пр. Во всех этих случаях солнце ни при чем. См. о культе огня: В. Н. Харузина, К вопросу о почитании огня («Этнографическое обозрение», 1906, № 3—4). — *Прим. ред.*

Столь же важны и различные формы магии дождя, потому что благодатное действие дождя на рост растений не менее важно, чем воздействие солнца. На передний план во время таких церемоний всегда выдвигается действие, напоминающее дождь. На землю льют воду или, как это делают некоторые австралийские племена, даже кровь, вытекающую из вскрытой жилы. Разбросанный вокруг пух символизирует облака. Иногда на женщин сыплют маленькие кристаллики кварца, и они прикрываются от «дождя» кусками коры. Земледельческие народы в периоды засухи опрыскивают водой растения или взбалтывают воду в сосуде, чтобы побудить небо к подобному же действию.

Магическая связь существует не только между вещью и ее изображением, но также и между вещью и ее названием. Даже такие философы, как Платон и Аристотель, верили, что название существа или предмета заключено в самых его недрах как невидимая сущность и что название определяет истинную сущность вещи. Лишь за истекшие две тысячи лет народы Центральной Европы пришли постепенно к мысли, что слова являются лишь символами вещей, которые они обозначают, и что существа и предметы существуют независимо от тех названий, которые мы для них избрали. Чем примитивнее культура, тем сильнее вера, что вещь и ее название составляют одно целое. Из этой веры возникла магическая формула и магическое заклинание. Так, пантомимическое подражание некоторым вещам и явлениям часто сочетается с торжественным провозглашением их названий, и различные австралийские племена «усиливают» действие своих танцев плодородия, торжественно выкрикивая названия животных, на которых они охотятся.

В то время как такие организуемые в честь различных видов пищи и сил природы церемонии носят до известной степени позитивный характер, существует другая разновидность магии, которая ставит своей целью оказать влияние на людей более или менее отрицательным способом. Эта форма магии, направленной против личности, повидимому, развилась из инстинктивно-эмоциональных жестов. Даже и у нас случается иногда, что кто-нибудь бессознательно сжимает кулаки при воспоминании об отсутствующем враге или недоброжелателе, которого, по обычаям нашего общества, нельзя потребовать к ответу. Аналогичным образом реагирует и первобытный человек, который никогда не расстается со своим оружием, производя при его помощи символические угрожающие жесты. Если после этого враг случайно заболевал или умирал, то считалось, что причиной желаемого результата были именно те самые жесты. Эта случайная связь между угрожающим жестом и несчастьем, постигающим противника, становилась уже признанным «фактом», и простой жест превращался в преднамеренно совершаемое магическое действие, целью которого было уничтожение ненавистного лица. Именно на этом

убеждении и основывается так называемая магия против личности.

Так, например, живущие на полуострове Малакка оранг-бенуа верят, что некоторые колдуны способны убить врага на расстоянии, просто подняв в угрожающем жесте кинжал или другое оружие и направив его в ту сторону, где находится вражеское жилище. Различные австралийские племена с этой же целью пускают вырезанные из человеческих костей стрелы в направлении избранной жертвы. Они верят, что такая стрела будет лететь до тех пор, пока не достигнет «осужденного» и не пронзит его тело, не оставив при этом никаких внешних признаков ранения, но причинив ненавистному человеку тяжелую болезнь или даже смерть. У других племен употребляют миниатюрное копье, которое бросают ночью, в то время как заклинатель делает глубокие вдохи и выдохи. Иногда для этого же пользуются заостренной костью или даже куском дерева, которым придают волшебную силу пением или бормотанием магических слов.

Самым удивительным во всем этом является то, что человек, чувствующий себя жертвой подобного рода колдовских чар, часто действительно умирает, потому что он сам верит в силу их действия так же сильно, как и те, кто его околдовывает. Если австралиец увидит среди своих пожитков своеобразно заостренную магическую кость, о назначении которой у него не возникает никаких сомнений, то он получит такое нервное потрясение, что заболеет, начнет отказываться от пищи и иногда под влиянием угрозы действительно захиреет физически и морально. Он чувствует себя жертвой сил, более могущественных, чем он сам и даже его враги, — он приговорен к смерти.

Подобный случай я наблюдал у индейцев оджибве, у которых знахарь на расстоянии «загубил» врага при помощи магического заклинания.

По верованиям первобытных народов, все эти вызываемые магией заболевания причиняются проникшими в тело человека инородными предметами — костью, куском дерева, камнем, раковиной и т. п. Для «пораженного» существует только одно спасение: удаление инородного тела с помощью другого могущественного знахаря, который берется за «исцеление» посредством высасывания, массирования, пения и иных способов. При этом шаманы используют все свои таинственные трюки, чтобы представить «видимое доказательство» исцеления, показав «извлеченное при помощи магии» инородное тело.

Эта древнейшая форма магии против личности породила бесчисленное множество позднейших вариантов, магическое действие которых всегда основывается на какой-либо аналогии. Часто недуги, которые хотят накликать на жертву, до мельчайших подробностей изображаются в пантомиме, с тем чтобы они точно таким же образом поразили врага.

Если на Камчатке не могут опознать вора, то в огонь бросают сухожилия животного, полагая, что соответствующие сухожилия в теле преступника стянутся таким же образом и этим его выдадут. Еще и сейчас в сельских местностях Европы обманутая девушка прокалывает в полночь портрет изменившего ей любовника или пронзает пламя стоящей возле свечи, приговаривая при этом: «Я пронзаю свет и вместе с этим сердце, которое я любила», веря, что изменивший ей умрет от такого «ранения».

Боли внизу живота часто приписываются демонам, которые коварным образом «связывают» кишки заболевшего. Поэтому лапландцы, например, избегают связывать вместе части своей одежды, так как это «побудило бы демонов» точно так же поступить и с их внутренностями. Во многих немецких деревнях до сих пор еще верят в то, что ведьмам нравится связывать внутренние органы человека и что таким образом они насылают на него болезнь.

В Аравии существует обычай изобличать преступника приемами подражательной магии. Знахарь созывает все население деревни и приказывает людям стать кру́гом, в центре которого садится он сам. Затем он предлагает всем сесть, а сам начинает вбивать в землю большой гвоздь, напевая при этом тайную магическую формулу. В заключение он восклицает: «Встаньте!» — что все и делают, за исключением одного, считающего себя виновным и верящего, что члены его «прибиты к земле гвоздями». Успех такого способа изобличения основан на твердой вере самого преступника в его действенность.

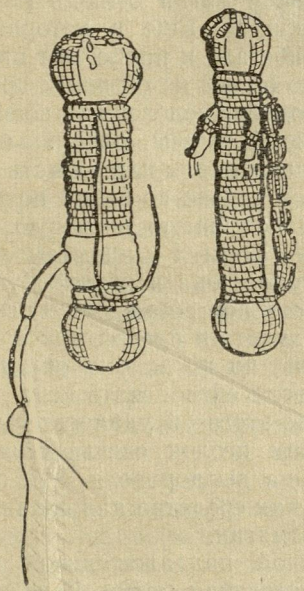
Еще одним примером подражательной магии, направленной против человека, является так называемое «дерево жизни». В этом случае будущая судьба новорожденного связывается с произрастанием дерева, посаженного вскоре после его рождения. Что происходит с деревом, то должно случиться и с человеком.

Подобного рода символические магические обряды служат, однако, не только для того, чтобы околдовать человека; как мы уже видели, они могут также спасти человека от вражеских чар или нейтрализовать их губительное действие.

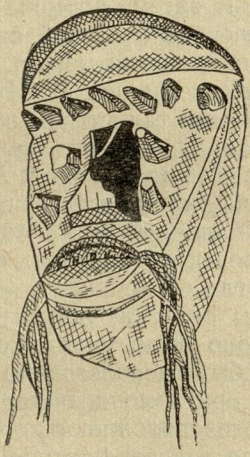
Во многих европейских деревнях перелом ноги «излечивают» тем, что кладут в лубки ножку стула. Точно так же многие из чрезвычайно широко распространенных «церемоний очищения» служат лишь цели удаления из человеческого тела проникшего туда «вражеского» инородного предмета. Поэтому, например, больные, главным образом ревматизмом, протискиваются между двумя колоннами мечети в Кайруане (Тунис), чтобы таким образом «стереть» с себя свой недуг. Во время праздников очищения японцы прыгают через обручи, сплетенные из травы, чтобы очиститься от возможных болезнетворных веществ, а на Камчатке туземцы проползают через деревянные обручи, чтобы «дочиста

обскоблить» тела и души. Христианский обряд крещения является предупредительным обрядом «очищения души» новорожденного члена общины.

Изображение добычи, которое часто находится в центре магических обрядов собирателей и охотников, у народов позднейших культур заменяется изображением человека, которое служит объектом подражательной магии. Подобным же образом используется и изображение части тела или вещи, причем с оригиналом происходит именно то, что во время магического действия символически производили над его копией. К подражательной магии



Куклы, употребляемые для магических действий (*зулусы, Южная Африка*).



Чумная маска, которую носят для предохранения от заболевания (*Либерия*).

принадлежат уже упоминавшиеся нами действия девушки, «убивающей» неверного возлюбленного. Ее магия была бы настоящей «магией по подобию», если бы она прокалывала вместо пламени свечи или портрета вылепленное из воска сердце.

Подражательная магия распространена по всему миру. На полуострове Малакка маленьким человеческим фигуркам из пчелиного воска причиняют увечья, которые хотели бы причинить их «подобиям». Если фигурке, например, прокалывают глаза, то оригинал должен ослепнуть; если пронзается голова, то следствием является головная боль и заболевания мозга; если прокалывается живот, то жертва начинает страдать язвой желудка и т. д. Если же оригиналу восковой фигурки желают смерти, то для этого необходимо проколоть всю фигурку с головы до ног

в вертикальном направлении, после чего с фигуркой обращаются так, как если бы она была телом покойника.

Различные племена американских индейцев, чтобы «убить» врага, растапливают его восковое изображение или сжигают соломенную куклу, изображающую жертву. Малайцы «расстраивают» брак двух людей, связывая спинками фигуры мужчины и женщины, так чтобы они «смотрели в противоположные стороны».

Но распространение подражательной магии отнюдь не ограничивается кругом примитивных народов. Еще в историческое время и даже в нашу эпоху к ней прибегали и прибегают цивилизованные народы. У римлян это было одним из обычных приемов отделаться от врага. Они отливали подобие человека из воска или свинца и затем, бормоча магические формулы, разрушали его. Средневековый обычай символически сжигать или вешать изображение человека можно наблюдать и сейчас во время политических демонстраций. В Штирии «околдовывают» восковую куклу при помощи таинственных магических формул и прокалывают ей «сердце», чтобы убить человека, которого она изображает. Сельское население Северной Англии до сих пор еще верит в историю женщины, которая внезапно начала худеть и превратилась в скелет. Ни один врач не мог ей помочь, но когда она обратилась к деревенскому знахарю, он посоветовал ей поискать вещи, которые могли ей причинить «зло». После этого ей удалось отыскать в своем саду проткнутое множеством иголок овечье сердце, и когда оно было уничтожено, женщина выздоровела. Это овечье сердце было использовано ее врагом как средство для причинения ей зла при помощи подражательной магии.

Противоположностью этой активной подражательной магии является предохранительная подражательная магия. Если разрушение фигурки человека или его сердца вызывает болезнь или даже смерть, то при помощи тех же средств можно предупредить или уничтожить зло. Так, в странах, где считают, что болезни вызываются злыми духами, закалывают или уничтожают изображения этих духов, часто представленных в виде животных. К этому первобытному способу изгнания демона болезни восходит библейский обычай «козла отпущения». Лишь после того как возникло понятие «греха», этот козел отпущения превратился в средство освобождения от нравственной вины. В день прощения грехов древние евреи «отягощали» козла или птицу всеми грехами своего народа и прогоняли животное в пустыню. В Индии бадага во время похорон «отягощают» молодого бычка грехами покойника и прогоняют его затем с криком и шумом.

Там, где на болезни смотрят как на наказания, ниспосланные богами, изображение больного или пораженной части тела посвящается божеству в надежде, что оно вновь вернет пораженному свою милость. К этому верованию восходят дары, приносимые

католиками по обету [1]. Для того чтобы получить исцеление отдельных членов тела или внутренних органов заболевшего, святым посвящаются всевозможные фигуры или на алтарь возлагаются изображения сердца, ног, рук и т. п. В своей балладе «Паломничество в Кевлаар» Генрих Гейне так описывает эту благочестивую магию по подобию:

Руку из воска пожертвуй —
Твоя заживет рука.
Ногу из воска пожертвуй —
Станет здоровой нога.

В Баварии люди, хронически страдающие мигренью, до сих пор еще делают из обожженной глины головы в натуральную величину и, наполнив их овсом, вешают на деревья, мимо которых проходят процессии богомольцев. В таких чудотворных местах, как Лурд, целые часовни бывают заполнены костылями и лубками для рук в виде жертвенных даров исцеленных, а в красивой церкви Нотр Дам де ла Гард, откуда открывается вид на марсельскую гавань, висят сотни моделей кораблей — это либо дары, сделанные по обету капитанами, чьи суда мадонна провела целыми и невредимыми сквозь шторм, либо дары, которые должны предохранить суда от несчастья в предстоящем дальнем плавании, — настоящая подражательная магия.

Разновидностью подражательной магии является вера в то, что тень живого существа представляет либо его самого, либо его душу. Если, например, крокодил «поймает» тень негра басуто, то человек этот должен будет умереть. На Соломоновых островах человек, наступивший на тень короля, карался смертью, а малайцы верят, что человек заболеет, если кто-нибудь пронзит его тень. По старому швабскому закону свободному человеку, которого оскорбил его крепостной, разрешалось «ударить по затылку» тень оскорбившего.

Из таких же представлений возникло и нежелание многих людей фотографироваться или писать с себя портреты. Многие первобытные народы убеждены, что человек, владеющий изображением другого, приобретает над ним магическую власть. Так, например, в алжирской казба до сих пор еще опасно фотографировать имеющих живописный вид туземцев или их жилища. У чиппеваев старые, убежденные в своем могуществе знахари охотно позволяли мне себя фотографировать, но запрещали делать снимки с грудных детей, которые были еще слишком слабы для того, чтобы «противостоять могуществу белого человека». Художник Кэн, который написал портрет одного индейского вождя, был подвергнут после этого весьма неприятному допросу, имевшему целью выяснить — не заложил ли он этим в вождя зародыш

[1] Так называемые приношения «*ex voto*», или вотивные. — *Прим. ред.*

какой-нибудь смертельной болезни. Когда же художник попытался умилостивить вождя, поднеся ему в подарок табак, то вождь ответил, что это слишком маленький подарок за тот риск, которому он подверг свою жизнь. Под конец, чтобы успокоить взбудораженное племя, художник вынужден был сделать копию портрета, которую он публично разорвал, выдав ее за оригинал.

Веруя в то, что изготовление портрета человека причиняет вред его душе, Магомет запретил изображать людей каким бы то ни было образом. Поэтому в мечетях и по сей день нет никаких человеческих изображений.

Имя человека обладает такими же магическими свойствами, как его тень или изображение. Духов, демонов и умерших заставляют появляться, торжественно называя их по имени, причем часто повторяют его неоднократно, как этого требует церемония. Ведь говорится же в «Фаусте»: «Ты должен сказать это трижды».

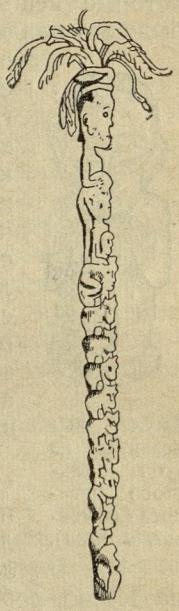
Страх, что знание имени человека может сделать его жертвой злых чар, побудил некоторые австралийские племена к тому, чтобы давать общеизвестные имена только детям, еще слишком юным, чтобы иметь врагов. По достижении же человеком половой зрелости имя его больше не произносится, и его называют лишь «отцом», «братом», «дядей» и т. д.

В Гипсленде, в одной из областей юго-восточной Австралии, имена людей строго охраняются как тайна племени, с тем чтобы никто из посторонних не мог колдовством причинить вред их владельцам. Большинство американских индейцев также избегают произносить имена и лишь шевелят губами, обращенными к тому человеку, о котором говорят. Иногда вместо настоящих имен, ради безопасности их обладателей, употребляют прозвища — обычай, принятый и в современном воровском мире. В Эфиопии ни один колдун не имеет власти над человеком, настоящего имени которого он не знает. У многих племен по той же причине запрещается произносить имя вождя или правителя, а на Борнео больному ребенку дают другое имя, чтобы этим влить в него новые жизненные силы.

С магией имени тесно связана магия слова в самом широком значении этого понятия. Так, угрожающий жест по адресу отсутствующего врага часто подкрепляется произнесением проклятья или словами: «Ты умрешь!», «Я убиваю тебя!» Магия слова в наиболее яркой своей форме проявляется тогда, когда угрожающего жеста вовсе не делают и он заменяется исключительно живой речью.

Отсюда же ведут свое начало все торжественные заверения, клятвы и проклятия; и даже в наше время суды требуют от свидетелей произнесения формулы: «Клянусь богом!», подкрепляющей их показания. С этим сходно происхождение и так называемых ордалий: бог или сверхъестественные силы должны на общественном испытании доказать, сказал ли человек правду, или нет,

невинен ли он, или виновен. Во время ордалии заподозренному дают в руки какой-нибудь предмет, например кусок раскаленного металла, заставляют принять яд или пройти через огонь, чтобы доказать этим свою невиновность. Иногда принятый в таких случаях «яд» в действительности совсем безвреден, и только нечистая совесть преступника и его твердая вера в непогрешимость испытания вызывают у него требуемую реакцию. В тех же случаях, когда принимают настоящий яд, рвота рассматривается как доказательство невиновности, в то время как виновный, который не может извергнуть из себя смертельный напиток, должен умереть. Часто вынесению подобных судебных решений способствуют поразительные знания в области медицины.



Магический жезл батаков (*Борнео*).

Начертанное имя человека используется магией так же, как и изображение человека или его имя, произнесенное вслух. Так, например, индусы, чтобы подкрепить волшебную силу магического изображения, надписывают имя жертвы на ее отлитой фигурке, а на острове Бали человека «убивают» тем, что пишут его имя на гробу или саване и хоронят их вместо него. Точно так же можно символически повесить или сжечь имя, написанное на клочке бумаги, и уничтожить этим того, кому это имя принадлежит.

Употребление магических предметов в сочетании с написанием священных или нечестивых слов привело к появлению амулетов, талисманов и всего того, что «приносит счастье». Обычай носить с собой мистические изречения особенно распространен в мусульманском мире, где такого рода талисманы состоят в большинстве из изречений из корана или графических символов, изображенных на полоске бумаги. Один туземец Верхней Гвинеи показал однажды исследователю такой амулет: клочок бумаги, на котором на немецком языке было написано предостережение относительно его владельца, где указывалось, что «он является самым большим жуликом в стране».

Для подкрепления волшебной силы написанного слова мусульмане иногда смывают надпись водой, которую затем выпивают, либо же пьют из металлической чаши с выгравированными на ней священными словами.

Когда врач в древнем Китае не мог достаточно быстро достать какого-нибудь лекарства, он писал иногда его название на полоске бумаги, которую затем мочил в воде. Когда тушь растворялась, больной выпивал этот раствор в качестве заменителя лекарства. Иногда такие рецепты сжигались, и пациенты проглатывали

оставшуюся от них золу. У древних японцев было в обычае записывать текст клятвы на полоске бумаги, которую клявшийся сжигал, а золу съедал. Японцы верили, что в случае клятвопреступления проглоченная зола подействует как яд и лжец умрет.

К наиболее сильно действующим магическим веществам принадлежат некоторые части человеческого тела и его выделения, которые используются недоброжелателем для околдования их бывшего владельца. Волосы, ногти с рук и ног, слюна и лоскуты, оторванные от одежды человека, который должен быть околдован, рассматриваются как части самого человека, в которых заключены частицы его духовной субстанции, вследствие чего магическое проклятие может быть обращено и на них. Это верование распространено во всем мире. Так, например, на Молуккских островах врага убивают тем, что собирают выплюнутую им жвачку бетеля, его волосы и кусок ткани от его одежды и набивают этой смесью три бамбуковых цилиндрика, из которых один закапывают под каким-нибудь гробом, второй зарывают под ступенькой, ведущей в дом жертвы, а третий бросают в море. Считают, что это наверняка приведет человека к смерти.

Амулет, вырезанный из зуба нильского бегемота (*маньема, Конго*).

Из этого верования возник обычай сразу же уничтожать все выделения человеческого тела, чтобы предупредить таким образом злонамеренное околдование. Если один из могущественных повелителей Центральной Африки, Муата-Ямво, сплевывает на землю, раб тотчас же засыпает плевок землей и выравнивает место, для того чтобы его нельзя было найти. В Океании за вождем всегда следует провожатый с плевательницей, содержимое которой зарывается в тайном месте. В южной Чехии до сих пор еще считают «опасным» оставлять кухонные отбросы около дома, потому что злые ведьмы могут таким образом узнать, что делается в доме и причинить вред его обитателям. В Моравии тотчас же сжигают все остриженные волосы, а в Шотландии существует народный обычай бросать обрезанные ногти и волосы в огонь.

Вследствие того, что такие «заколдованные» человеческие отбросы считаются причиной многих болезней, заболевшие часто пытаются выкупить их у предполагаемого чародея. Знахари на Ново-Гебридских островах, например, зарабатывают немалые деньги, собирая такие отбросы и затем продавая их бывшим владельцам. На острове Тана каждый туземец носит при себе корзиночку, куда он собирает свои отбросы и содержимое которой он «топит», если ему случается проходить мимо проточной воды. Австралийские нарриньери собирают обглоданные кем-нибудь кости, веря, что они таким образом приобретают власть над тем,

кто их обглодал; в случае раздора они затем легко смогут «уничтожить» этого человека при помощи таких костей.

Многие виды распространенной по всему миру любовной магии также часто бывают связаны с употреблением частиц тела или имущества возлюбленного с целью вновь воспламенить угасшую страсть. В большинстве случаев такие предметы зашиваются или завязываются в маленький узелок, и магическое действие им придается волшебными наговорами. Биглхол описывает, как совершаются такие колдовские действия у индейцев хопи:

«Человек, страстно влюбленный в девушку, выкрадывает несколько ее волосков, ее слюну или кусочек ее шали, либо же вытаскивает несколько волокон из ее тканого пояса. Вещи эти он завязывает вместе с «молитвенным пером» в маленький пакетик, молится, чтобы девушка возжелала его, и засовывает узелок себе за пояс или в сумку. После этого у девушки начинает «жечь под пупком», и пока он носит узелок при себе, она приходит к нему каждую ночь. Эти любовные чары все же очень опасны, потому что мужчина и девушка могут впасть от них в любовное бешенство и убить друг друга. Когда страсть мужчины к девушке утихнет, он закапывает узелок и делает себе новый, если полюбит другую».

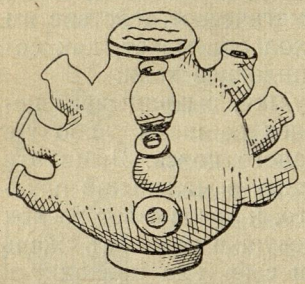
Своеобразный вид заразительной магии представляет собой магическое использование следов человека. Следы эти выкапывают и землю сушат в сосуде. Если земля сохнет, то «сохнет» и здоровье околдованного. Малайцы делают из такой «земли со следами ног» маленьких кукол, изображающих врага, оставившего следы, и поджариваемых на огне или «убиваемых» вместо него иным образом. Любящие также используют землю со следами ног, чтобы добиться ответной страсти. У южных славян девушки выкапывают следы ног своих неприступных возлюбленных и сажают в эту землю «вечно цветущие» ноготки, после чего страсть возлюбленного начинает расти, как цветок, и никогда не отцветает.

Чем примитивнее культура, тем сильнее такие магические представления, которые у земледельцев отступили назад перед ярко выраженной верой в магическую силу мертвых и их душ, но у народов древних высоких культур достигли нового расцвета.

Несмотря на нашу научную просвещенность, и в нашей современной цивилизации все еще сохраняются первобытные магические представления, особенно в моменты опасности или возбуждения чувств. Еще во время второй мировой войны многие фронтовые солдаты приписывали свое спасение маленьким амулетам или талисманам, с которыми они не разлучались. Избиравшиеся для этой цели предметы часто были сходны или даже одинаковы с талисманами самых примитивных народов.

Хотя в культурах собирателей и охотников также отражена вера в духов умерших и представление, что мертвые продолжают

жить, все же эти представления у них не настолько сильно развиты, чтобы вытеснить преобладающий у них чисто магический элемент. Впервые это наблюдается только в культурах земледельческих народов. Их форма хозяйства и их оседлый образ жизни, не допускающие ни физического, ни духовного бегства от «враждебных» магических сил, сделали центром всей их жизни и всего их мировоззрения почитание мертвых и их сил.



Горшок-фетиш (*Западная Африка*).

В представлении первобытных народов смерть человека это — не естественное явление, а «несчастье», вызванное силами магии. Мистическая сила, более могущественная, чем умерший, одолела его и лишила его жизненной силы.

Эта жизненная сила, находящаяся в живом теле и покидающая его при появлении смерти, и является так называемой душой человека. У различных народов представления об этой «душе» в корне различаются между собой: «душа» может «обитать» в дыхании, в теплоте тела, в сердце, в крови, в печени, в почках, в тени или в отражении человека. Но во всех случаях она всегда отождествляется с чем-то телесным и рассматривается как причина жизнеспособности человека. То, что эта магическая вещь, то есть душа все же отделяется иногда от тела, доказывается, повидимому, человеческими снами. Потому что чем же другим могут быть сны, как не приключениями души, которая улетает, пока тело спит, чтобы самостоятельно побродить по миру? И то, что душа обладает способностью существовать вне тела, считается твердо установленным.

Отсюда же логически вытекает представление о том, что в момент смерти душа навсегда покидает тело. У народов тех культур, где верят в существование загробного мира, туземцы, отвечая на вопрос о причине смерти, часто говорят, что душа устала от жизни на земле и отошла в другой мир. Но это толкование вторичного порядка. У народов наиболее примитивных культур разлучение тела и души объясняется только магическими влияниями. Эти магические влияния — результат колдовства, которое всегда считается преступлением. Эти представления вызвали к жизни многие обычаи, цель которых заключается в том, чтобы опознать и наказать виновного колдуна.

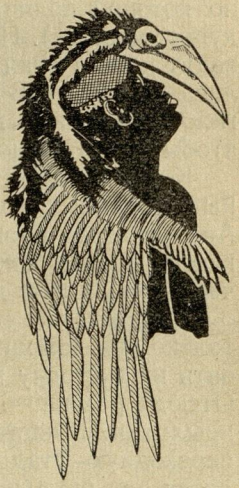
Каковы же действия и какова сущность этого духа жизни или души? И куда она направляется после смерти?

Чрезвычайно широко распространено верование, что душа витает тенью вблизи могилы — часто лишь в течение определенного времени. Иногда считают, что она продолжает находиться среди живых на территории племени. В качестве параллели можно ука-

зать, что даже у народов примитивнейших культур, например у племен Центральной Австралии, существует верование, что душа отправляется во вполне определенное, специально отведенное для нее место. Если должен родиться ребенок, душа покидает место своего пребывания и входит в чрево матери. Когда же ребенок вырастает, становится взрослым, а затем умирает, душа возвращается в страну духов, чтобы в дальнейшем, возможно, вновь возродиться.

Это первобытное верование, касающееся кругооборота жизни и смерти, которое встречается уже у самых примитивных племен, стало началом веры в перевоплощение, получившей наибольшее развитие в высокой культуре Индии.

Нить этой древней идеи тянется дальше благодаря множеству сопутствующих представлений. Если человека убивает крокодил или тигр, душа его продолжает жить в этих животных. Если человек тонет, он превращается в водяного духа; если на его могиле вырастает растение, то в этом растении живет душа погребенного. Живущие вблизи от трупа черви, бабочки, жуки, стрекозы, птицы, и особенно ящерицы и змеи считаются новыми воплощениями души умершего. Умирающий может иногда сам подыскать себе существо, в котором он желал бы возродиться.



Магическая шкурка птицы сарыч, ношение которой обеспечивает власть и влияние (*зулусы, Южная Африка*).

Очень часто проводится резкое различие между поведением души до погребения тела и после него. До того как состоялось погребение, душа пребывает поблизости от тела в виде опасного духа и может даже являться живым в виде страшного образа. Там, где в обычае совершать два следующих друг за другом погребения, душа остается при теле до тех пор, пока не состоится последнее и окончательное погребение. Человек, которого по какой-либо причине не похоронили по всем правилам, оказывается обреченным на постоянное блуждание в виде беспокойного духа, который пугает живых. Освободить его может лишь окончательное, совершенное по всем правилам погребение. Только тогда, согласно представлению верящих в это племен, душа получает свободу и отправляется в страну теней. Иногда эта страна отождествляется с той страной, откуда пришли предки. И хотя кочевое племя и покинуло страну своих предков в незапамятные времена, она попрежнему остается его духовной родиной.

Часто также местонахождение загробного мира непосредственно связывается с движением солнца. Солнечное божество

является предводителем, который ведет души умерших на их новую родину. На Соломоновых островах души вместе с заходящим солнцем отправляются в океан. Это представление тесно связано с верованием, что солнце, восходя по утрам, рождается, а вечером умирает. Один полинезийский миф заканчивается утверждением, что если бы не умирал бог солнца Мауи, то и родившиеся после него люди были бы бессмертны.

Иногда само солнце причиняет человеку смерть; при этом солнечное божество поражает смертных с неба своими копьями (солнечными лучами) и поднимает их наверх. Там, где солнце представляют себе в виде паука, сидящего в паутине из лучей, оно является ведьмой, заманивающей людей в паутину, чтобы их проглотить. Мексиканские боги мертвых всегда изображались поэтому в виде пауков. Там, где солнечное божество поднимается на небо при помощи веревки или лестницы (лучей), души умерших следуют за ним тем же путем в страну небесного покоя. Из этого представления возникла приснившаяся Иакову лестница, по которой поднимались и спускались ангелы (олицетворенные души умерших). На Новой Зеландии в страну мертвых (Гаваики) ведут побеги лиан — те самые побеги, по которым предки поднялись на землю. В старом царстве Конго жрецу солнца не полагалось умирать естественной смертью. Он должен был вешаться, чтобы иметь возможность подняться по веревке наверх к солнцу.

К солнцу может вести также мост, или же появляется воздушный корабль, чтобы отвезти души умерших в страну солнца. Аналогичного происхождения и перевозчик Харон, который, согласно мифам античной Греции, в своем челноке переправлял через реку Стикс души умерших в подземный мир.

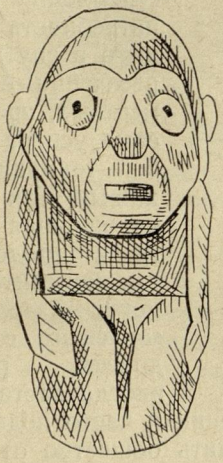
Однако души могут переправляться на свою новую родину не только при помощи лодок и мостов; часто, для того чтобы отправить их в страну мертвых, избирают животных и особенно птиц. Отсюда развилось представление о том, что сами души обладают крыльями. В частности древнеегипетские верования являют собой переходную стадию развития, когда человеческий образ мыслится как бы слитым с птицей в одно существо. Изображаемый в виде сокола бог Гор без труда обнаруживает свое происхождение от солнца. Гор был титулом всех царей династического и додинастического Египта. Власть их сосредоточивалась в городе солнца Гелиополисе, царь которого носил титул Гарахте (Гор, который живет на горизонте), и сочетание в его образе птицы и солнца символизировало его власть над людьми и их душами. В представлении христиан крылья птиц-душ стали атрибутом ангелов.

Само солнце изображается иногда в виде птицы. Старым пережитком этого представления является сказка для маленьких детей о том, что новорожденного приносит аист, который вытаскивает его из пруда. Во многих странах древнего мира солнце

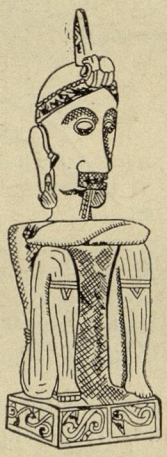
вставало из-за моря, и красноногий аист находился в родстве с огнем, а вместе с этим и с солнцем.

Все разнообразные формы погребения тесно связаны с представлениями о переселении душ и либо основываются на первобытном страхе перед душами мертвецов, либо, как у земледельческих народов, имеют целью использовать силу душ покойников

ФИГУРКИ ПРЕДКОВ



Гаити.



Индонезия.

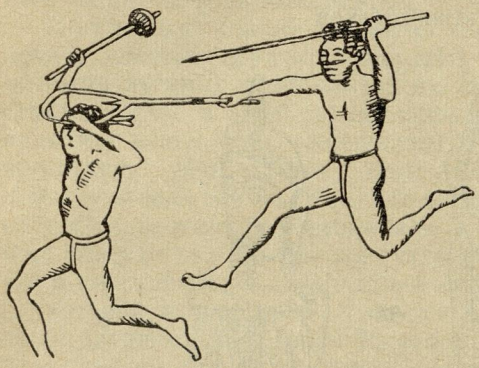
к выгоде живых людей. Иногда души запугивают шумом и угрозами, чтобы они оставили свои «злые намерения», или же их задабривают пищей и подарками, чтобы они оставались на своем месте и не возвращались к живым.

У народов с более развитой культурой страх перед душами мертвых привел к тому, что вместе с умершим хоронят не только его одежду, оружие и украшения, но и дают ему спутниками в загробный мир убиваемых в его честь при погребении домашних, верховых и вьючных животных и даже рабов и жен. При этом убивают как можно больше людей и животных, чтобы умерший утешился и не почувствовал себя одиноким. Ведь в противном случае он мог бы, к ужасу живых, возвратиться на землю.

Так как в отношении всех душ предполагается, что они тоскуют по обществу, им предпочитают подыскивать попутчиков заранее, потому что в противном случае они могли бы вернуться и выбрать себе спутников из числа живых.

Для того чтобы удовлетворить эту потребность души покойника в общении с людьми, некоторые племена убивают военнопленных или даже посторонних людей, на которых они коварно

нападают. Этот обычай положил начало пользующейся дурной славой практике так называемого «*Koppensnellen*» (голл. — «охота за головами»), широко распространенной на архипелагах Ост-Индии. Жертвами «охоты за головами» бывают в большинстве случаев безобидные искатели меда или люди, пришедшие к месту водопоя, которых убивают из засады при помощи «гора» или палки с петлей. Все эти обычаи основаны на стремлении удовлетворить потребность души умершего в спутниках при переселении ее в царство мертвых, прежде чем она сама успеет забрать с собой товарищей из рядов живых. Так как при этом наибольшая опасность грозит родственникам и так как считается, что они могут «заразить» своим «опасным состоянием» и других, родственников иногда заставляют проводить определенное время в уединении и часто подвергают церемонии очищения, чтобы предохранить общество от приставшего к ним «яда мертвого».



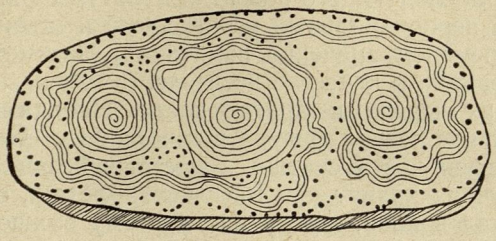
Охота за головами („Koppensnellen“) (*Новая Гвинея*).

Еще одна мера предосторожности заключается в том, чтобы не произносить имени мертвого, ибо, как мы уже видели, произнесение имени какого-нибудь существа может вызвать его нежелательное появление.

Вера в могущество душ мертвых развилась из страха перед мертвыми. Однако это могущество побуждает живых извлекать из него пользу, подобно тому как люди пытаются извлекать выгоду из могущества сил природы. Считают, что этого можно добиться, если держать души усопших в самой непосредственной близости, в виде так называемых фигурок предков.

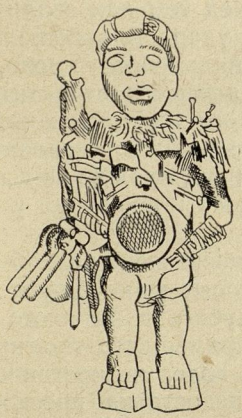
В Центральной Австралии сразу же после рождения детей изготовляют плоские куски дерева или камни, которые являются символами их душ, с тем чтобы у каждого туземца имелось деревянное или каменное вместилище его души, известное под названием тьюрунга (чуринга). Хотя душа человека после его смерти отправляется в страну мертвых, все же верят, что тьюрунга, или чуринга, продолжает и после этого сохранять частицу его души. Поэтому живые в течение многих поколений сохраняют деревянные или каменные вместилища душ умерших сородичей, считая это своим самым священным имуществом. На племенной территории в тщательно скрытых тайниках хранятся целые собрания

таких каменных воплощений душ. Во время священных церемоний чуринги извлекаются из тайников, чтобы во время обрядов инициации или при магии плодородия привести в действие их объединенные магические силы к выгоде живых.

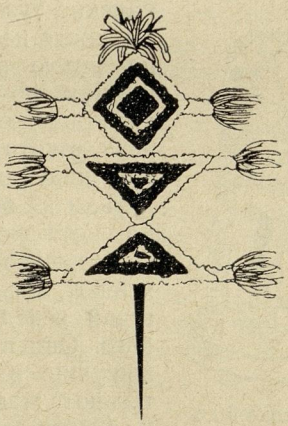


Камень души, или тьюрунга (чуринга) (*аранта, Центральная Австралия*).

Такое же значение имеют и так называемые нуртунья и ванинга обитателей Северной и Центральной Австралии. Они представляют собой щитообразные символы, состоящие из нескольких копий, связанных вместе человеческими волосами и украшенных красно-белыми перьями. К их верхушкам подвешивают по нескольку чуринг.



Фигурка фетиша (*Западное Конго*).



Священная „ванинга" членов тотема паука (*аранта, Центральная Австралия*).

Эти деревянные и каменные вместилища душ австралийских собирателей и охотников с развитием культуры превратились у земледельческих народов постепенно в фигурки предков. К числу таких фигурок принадлежат прежде всего широко известные

фетиши. Однако подобные изображения предков изготовляют не при рождении и вообще не при жизни какого-нибудь человека, а лишь после его смерти. Они не вполне отождествляются с душой живого, а содержат в себе его вторую душу или «душу мертвого». В ходе последующего развития культуры фигурки предков утратили свой первоначальный религиозный и магический смысл, получив со временем значение памятника. Помимо резных изображений умерших, в качестве носителей их душевных сил почитают также их черепа и другие кости. Иногда роль фигуры предка выполняет резная фигура в сочетании с его черепом.

Так как череп часто считается местопребыванием души, его во многих случаях хранят как магический фетиш, особенно если он принадлежал вождю, жрецу или другому важному лицу. Но культ черепов не ограничивается только черепами собственных предков, а распространяется на любой череп друга или недруга, который только можно раздобыть.

Из культа мертвых и черепов получил свое развитие культ масок с его танцами и драматическими представлениями. Отныне уже не черепа, а вырезанные маски символизируют души мертвых, духов или магических демонов. Но мистические духовные силы присущи не только человеческим существам. При так называемом анимистическом мировоззрении растения и животные, небесные тела, горы, реки и облака выступают как одухотворенные существа, наделенные магическими силами. Так, многие африканские туземцы, перед тем как свалить дерево, после первого же удара торжественно льют на землю немного пальмового масла, чтобы умиротворить душу дерева и отвратить ее от «нападающего». Такого же происхождения и речи, с которыми обращаются североамериканские индейцы к кореньям, прежде чем их выкопать, и их обычай просить прощения у убитого на охоте зверя.

Череп предка в деревянном „корваре“ (*Голландская Новая Гвинея*).

В частности, эскимосы очень подробно разъясняют, почему они испытывают благоговейный страх перед душой убитого на охоте животного. Они верят, например, что тюлень и кит, живущие в соленой воде, непрестанно испытывают жажду от недостатка пресной воды и разрешают поэтому охотнику убить себя, если только он в благодарность за это угостит их глотком пресной воды. Если же охотник когда-либо забудет о своей обязанности и не вольет в глотку убитого животного пресной воды, живые тюлени сразу же узнают об этом и станут избегать обманщика. Несколько иначе обстоит дело с белыми медведями: медведи лижут снег и поэтому у них не бывает жажды. Но им хочется обладать

орудиями, изготовленными руками человека; самцы были бы рады завладеть такими орудиями, как охотничий нож и сверло для луков, а самки мечтают о женских ножах, о скреблах для шкур и костяных иглах. Вот что пишет исследователь Вильялмур Стефанссон в своих заметках:

«Если охотник убьет белого медведя, то душа медведя сопровождает снятую с него шкуру до самого дома охотника и остается там в течение нескольких дней. Все это время шкура висит позади охотничьего жилища вместе с теми орудиями, которые мог желать медведь в зависимости от своего пола. На четвертый или пятый день душу медведя прогоняют при помощи магической формулы, причем душа медведя забирает с собой души преподнесенных ей орудий, которыми она затем и пользуется».

Эскимосские охотники и их жены заботятся о том, чтобы ублажать таким образом души убитых на охоте зверей. Если они пренебрегают своими обязанностями, то пользуются дурной славой не только среди животных, на которых охотятся (и которые не дают им себя убивать), но и среди людей. «Из-за этой своей дурной черты характера, — пишет Стефанссон, — многие женщины известны всему племени, и если у какой-нибудь из них умирает муж, то из-за ее пренебрежительного отношения к душам животных она не может найти себе другого супруга».

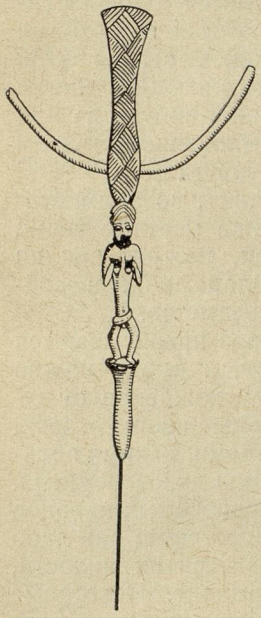
В соответствии с этой верой в «души орудий», по анимистическому мировоззрению, душами обладают даже мертвые вещи. Поэтому на мастеров, производящих эти вещи, смотрят как на таинственных, а иногда и опасных людей, обладающих способностью влиять на души изготовляемых ими предметов.

Даже хорошие или плохие свойства характера приписываются наличию живущих в человеческой душе духов, и всюду можно встретить демонов болезни, ведущих свое происхождение от духов мертвых. Им родственны эльфы и кобольды наших сказок, которых приходится улещивать теми же средствами, какими пользуются народы примитивных культур в отношении духов мертвых.

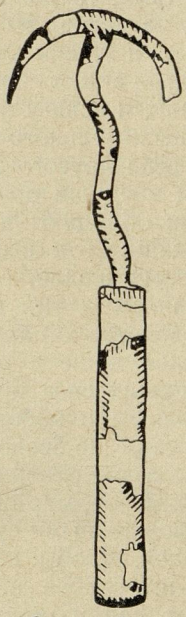
Как явствует из всех этих примеров, мир первобытных народов населен невидимыми духами и волшебными существами; они либо друзья, либо враги живых людей. Чтобы добиться их милости, человеку приходится уделять им особое внимание. Некоторые особо знающие люди обладают даром понимать желания этих существ и разъяснять их обществу. Потому что полет птицы, течение воды, внутренности животных, то, как падает брошенная палка или двигается животное-оракул, — все это открывает сведущему человеку волю немых и все же очень могущественных духов, и люди стараются поступать в соответствии с этой волей. Из веры в такого рода символические предзнаменования получили свое развитие игры в карты и кости. Гаданье на картах, на спитом чае и на кофейной гуще имеют, по сути дела, то же самое происхождение.

Вера в могущество душ находит свое отражение в древнейших мифологических преданиях, где небо, земля и силы природы изображаются в точном соответствии с житейским опытом людей. Эта вера достигла своего наивысшего развития в убеждении, что должны существовать сверхъестественные существа, более могущественные, чем люди. Многочисленные, повелевающие смертными боги человечества, из которых многие обладают вполне определенными функциями и свойствами, почти все без исключения ведут свое происхождение из представлений более примитивных культур.

Прежде всего необходимо отметить, что самые могущественные боги древних высоких культур сохраняют в своей внешности некоторые атрибуты животных. Особенно яркие примеры в этом отношении мы находим в иерархии египетских богов. Бог солнца Гор с головой сокола был обладателем изрыгающей огонь змеи — молнии, которая уничтожала его врагов. У бога луны Тота была голова ибиса; у бога мертвых Анубиса — голова собаки. Часто первоначальный животный характер божества можно установить по тому животному, на котором бог ездит верхом, тогда как само божество имеет человеческий образ. Древний индийский бог Шива, некогда изображавшийся в виде быка, ездит теперь в образе человека на рыжем быке. Будучи богом солнца, Шива выводит стада света из хлева ночи.



Скипетр с фетишем (*уруа, Южное Конго*).



Символ бога огня (*Того*).

В ритуал многих высококультурных религий в качестве привилегии богов перешел также и танец — эта древнейшая форма религиозного обряда. Все мексиканские боги были танцорами — их изображали с бубенцами на ногах и всегда в сопровождении музыкантов.

Близкое родство между молитвой, особенно ее канонической формулоподобной разновидностью, и древними магическими заклинаниями совершенно очевидно. В тибетском ламаизме вера в магическое повторение определенных священных фраз привела к созданию настоящих молитвенных мельниц, при помощи которых

для благодати верующих механизируется священная формула *Om mani padme hum*. Любопытной особенностью таких молитвенных формул является то, что сами священные слова не имеют никакого отношения к желаниям возносящего молитву, который верит, что произнесение молитвы-формулы немедленно привлекает внимание бога к молящемуся, после чего бог автоматически исполнит просьбы верующего. В тибетских молитвенных мельницах укреплены полоски бумаги с написанными на них священными словами. Каждый поворот ручки мельницы заменяет однократное произнесение молитвы, которую повторяют, вращая ручку, тысячи раз. Этот прибор примерно соответствует примитивной магической трещотке, и его вращение сочетается со столь же древним магическим монотонным пением. Молитвенные мельницы достигают колоссальных размеров. В Японии некоторые из таких мельниц бывают настолько велики, что привести их в движение может только группа «молящихся». Другие приводятся во вращение силой ветра или воды.

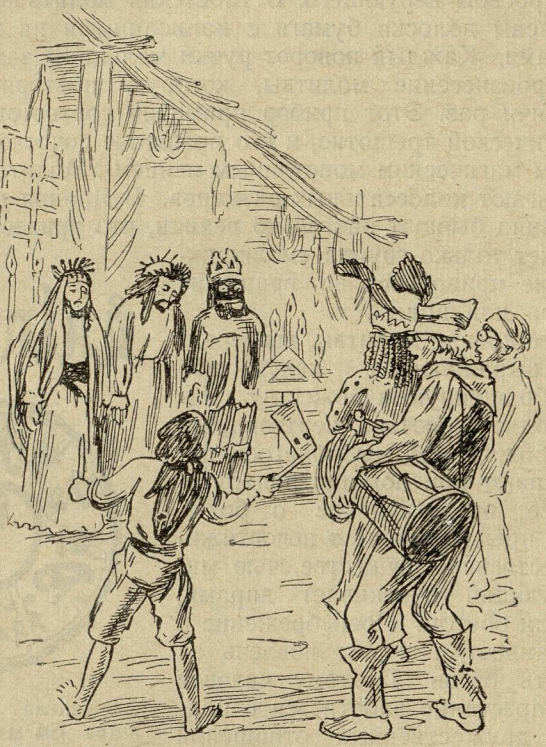
Священная тибетская молитва **OM MANI PADME HUM** в различных написаниях.

Не менее древни молитвы, непосредственно выражающие какую-либо просьбу, обращенную к божеству. Часто они «подкрепляются» жертвенными дарами небожителям, чью благосклонность покупают при помощи подарков. Древнейшее представление о божестве — это представление о непостижимо могущественном существе, чью милость верующий снискивает дарами, жертвой или обетом. Пренебрежение к этим обязанностям может повлечь за собой месть богов. Поэтому человек должен непрестанно заботиться о поддержании дружественных отношений между видимым миром смертных и невидимым миром богов. Более этические в нашем понимании представления впервые появляются в религиях лишь там, где от верующих требуют нравственного образа жизни и соблюдения определенных моральных принципов.

По самым различным представлениям о рае у разных народов, в раю имеется одно и то же древо познания добра и зла, но плоды его обладают разными свойствами. Понятия «добра» и «зла» отнюдь не абсолютны. И различные культуры нередко вкладывают в эти понятия различный смысл. «Познание» же остается постоянным постольку, поскольку, в зависимости от культурного уровня данного народа или племени, оно точно указывает на то, какие поступки следует считать «хорошими», а какие «дурными». Соответствующий бог или боги строго следят за

соблюдением действующего морального кодекса. Но представления об этой морали различны у разных племен и народов земли, и устойчивость их зависит от культурного и исторического развития.

Более развитые культуры распространили влияние божества и на загробную жизнь. Моральное поведение человека при жизни



Пасхальная мистерия индейцев кичé (*Гватемала*).

делается мерилом для его последующей награды или последующего наказания на том свете. К вере в справедливость и мстительность богов христианская религия прибавила только одну идею — идею всепрощающей любви.

Человек создал себе богов по своему подобию. Они обладают человеческими желаниями и страстями, но одарены при этом силами, намного превосходящими силы смертных. Как и в больших мировых религиях, у первобытных народов религиозное убеждение основано на вере. Эта вера привела к предположению, что боги создали человека.

В современном мире учение миссионеров часто подчиняло своему влиянию или совсем вытесняло верования в старых богов

и его магические силы, но даже и в этом случае принимались лишь те элементы христианства, которые подходили к традиционному мировоззрению данного племени. Так, например, старания христианских миссионеров обратить индейские племена Южной и Центральной Америки в свою веру привели лишь к возникновению примитивно-христианской смешанной религии, и во время *Semana Santa*, или святой недели, там разыгрывается своеобразная мистерия, героем которой бывает не Христос, а Иуда. В Южной Америке большинство церквей стоит на месте бывших храмов, но часто даже христианские алтари служат прибежищем старых богов. Так, например, над главным порталом церкви в Ла-Пас изображен, оставаясь, насколько мне известно, незамеченным, высеченный индейским каменотесом индейский бог. Так же обстоит дело, например, и у мусульман с представлением о мадонне, совершенно непостижимым для мусульманского мира, организованного на патриархальных началах. В современном Алжире до сих пор еще совершается больше переходов христиан в ислам, чем наоборот, так как учение Магомета лучше всего подходит к экономическим условиям страны и духовным запросам ее жителей.

Первобытными народами были переняты только те вероисповедания и признаны те боги, в духовном существе которых уже содержалась часть их традиционных убеждений, потому что своих богов создал сам человек.

Глава XIV

«ДАВНЫМ-ДАВНО...»

Как мы знаем, человек даже в самой безлюдной пустыне чувствует себя окруженным различными духами, чьи добрые и злые силы находятся в тесной связи с его собственной участью, с его делами и надеждами. Его соседи, друзья, его предки, животные и растения, звезды окружают его; его боги, живущие на солнце, луне, в вулканах и реках, вездесущи, и его постоянное соприкосновение с излучаемыми ими таинственными силами превращают его жизнь в захватывающее и опасное приключение.

Первобытные народы не в состоянии еще письменно излагать свои верования и приключения в священных или светских книгах в поучение и назидание будущим поколениям. Поэтому они облегчают свою душу живой речью, которая приобретает у них несравненно более глубокое значение, чем у цивилизованных народов. Ночные собрания у костра стоянки, в хижинах или в общественном доме становятся центрами духовного общения, значение которого выходит далеко за рамки простого развлечения. Здесь передаются древние племенные предания. Люди нового поколения подхватывают их и, в свою очередь, передают своим детям и внукам.

Недаром эти древние истории часто начинаются со слов: «Так нам передавали» или «Так рассказывали старики». Мифы первобытных народов заменяют им библию и учебник истории, прописные правила приличия и энциклопедию. Рассказы их можно сравнить с сундуками сокровищ, наполненными тысячелетней мудростью, откровениями глубочайшего человеческого знания и прежде всего остроумием и весельем. Все эти истории «доподлинны», и если даже в них рассказывается о самых необыкновенных приключениях фантастических существ, то все же и для тех, кто их рассказывает, и для тех, кто слушает, они представляют собой истинную правду.

Созданные фантазией бесписьменных народов и сохранившиеся до наших дней мифы представляют собой океан, полный жемчужин, и те немногие жемчужины, которые удалось до сих пор извлечь на поверхность, составляют лишь крошечную частицу того, что существует в действительности.

Главной отличительной чертой этих примитивных мифов является то, что в них не делается никакой разницы между человеком и окружающей его природой. Люди, животные, растения, небесные тела, легендарные герои и боги — все они разговаривают и действуют так, как это принято в данном племени. Первобытные народы, не обладая подлинным знанием объективно существующих физических и психологических связей между одушевленными и неодушевленными предметами, измеряют свойства последних мерилом собственных мыслей и чувств и приписывают даже неодушевленным предметам привычки и ощущения, в точности подобные человеческим. Поэтому в их рассказах орудия и предметы, растения, животные, небесные тела, облака, горы и воды думают и разговаривают так же, как люди, и это-то как раз и объясняет, почему так увлекательны, богаты содержанием и интересны сказки и мифы первобытных народов [1].

Рассказчик в Сахаре.

«Старейшины» у животных, так же как и их собратья-люди, торжественно заседают в совете, курят трубку мира и серьезно обсуждают проблемы животного царства. Собака является владелицей плантации; дикая свинья докладывает совету о причиненной ей несправедливости и просит наказать злодея; маисовая мука является священной говорящей пудрой богов; убитого на охоте медведя почтительно молят о прощении. Бразильский индеец ударяет «подлый» камень, о который он споткнулся, и «злую» стрелу, которая в него попала. Дерево, падая с которого человек разбивается насмерть, срубают с соблюдением соответствующих церемоний. За «убийство» человека, совершенное тигром, должен поплатиться смертью другой член того же тигрового «рода».

[1] Не следует смешивать, как это автор делает здесь и в других местах, мифы со сказками. Те и другие принадлежат не только к разным «жанрам» народного творчества, но и корни их совсем различны. Миф рождается из потребности объяснить себе происхождение того или иного явления; в мифы обычно верят, и они тесно связаны с религией; напротив, сказка — продукт чисто поэтической фантазии народа; сказки имеют обычно развлекательное значение, и в истинность содержания сказки народ не верит. Большая часть примеров, которые приводит в этой главе Липс, относится к области мифов. — *Прим. ред.*

Подобного рода обычаи продолжают существовать еще и в наши дни. Современный американский суд, например, привлекает к ответственности собаку за ущерб, причиненный какому-нибудь человеку. Греческий суд, заседавший в пританее, приговаривал «виновный» в смерти человека камень или кусок дерева к тому, чтобы его публично перебросили через границу страны. Маленькие дети нашего собственного цивилизованного мира бранят «гадкий» стул или стол, если они ударятся об их ножку, и все к тем же древним корням восходят детские разговоры с куклами, мишками, мячиками и другими игрушками. Южноафриканские бушмены верят, что страусы, точно так же как и они сами, ходят на охоту с луком и стрелами, а австралийцы осторожным шопотом передают друг другу важные и секретные вести, чтобы их не подслушал какой-нибудь зверь, который мог бы разболтать новость.

Такие важные явления и силы природы, как смена дня и ночи, солнце и луна, гром, дождь, буря и тому подобное, рассматриваются первобытными народами как проявления деятельности духов, имеющих в соответствии с представлениями людей человекоподобный облик. Солнце, например, ходит на охоту, луна попадает в силок; облака — это дым от трубок, которые курят боги. Это персонифицированное представление о силах природы до сих пор еще находит свое отражение в нашем языке: так, мы говорим, что солнце «всходит», «светит», «заходит», что ветер «дует» или «свистит»; что буря «воет», снег «падает», вода «стоит» или «течет», — короче говоря, мы употребляем все эти глаголы так, как если бы говорили о живом человеке. Даже терминология нашей современной физики пестрит такими аналогиями. Мы ведем счет в «лошадиных силах»; скорость «увеличивается» и даже атом «распадается» [1].

Скрытые в «телах» явлений природы «живые духи» принимают у первобытных народов всевозможные образы. Так, например, у индейцев северо-западного побережья Северной Америки гром вызывается громовой птицей, гигантские крылья которой производят шум грозы и вой ветра. Четыре громовые птицы племени тлинкитов были вначале четырьмя братьями, чья сестра отдалась улитке. Поступок сестры так рассердил их, что они унеслись в небо, приняв образ громовых птиц. «Когда они двигают крыльями, — говорят индейцы, — ты слышишь гром, а когда они мигают, ты видишь молнию».

Члены вымирающего племени альсеа на тихоокеанском побережье принимают строгие меры предосторожности, «если гром

[1] Конечно, неправильно рассматривать приведенные примеры, взятые из нашего обычного языка, как следы веры в духов, с которой они не имеют ничего общего. Это одно из проявлений той же ошибочной тенденции преувеличивать роль верований в жизни народов, видеть их там, где их нет и в помине. См. прим. к стр. 334. — *Прим. ред.*

находится поблизости», и стараются успокоить его словами: «Посторонись-ка, дружище!» Если грозовая туча находится над каким-нибудь определенным домом, они принимаются танцевать и бить дом палками (для того, чтобы этого не сделала молния) и выливают также ведра воды, чтобы доставить грому удовольствие. Когда гроза достигает наибольшей силы, то поднимается кто-либо из стариков и торжественно говорит своим соплеменникам: «Мир не делает зла; природа поступает так без злого умысла».

В представлении африканских пангве молния является черным шаром, который оставляет свои «экскременты» на деревьях в виде смолы. Эту смолу почитают как священную. Племена бамум и тикар в Камеруне различают три вида молнии: «топор», который раскалывает деревья, «белую обезьяну», которая, как настоящая обезьяна, уничтожает плантации, и «петуха», который убивает воров. В Австралии считают, что связанные друг с другом явления — землетрясение — гроза — дождь — часто восходят к одному источнику — к человекообразной змее с отсохшими руками и ногами, которая живет в пещере и может являться смертным также в виде угря или игуаны. Убийство священной змеи может вызвать землетрясение. Рассказывают, что некогда одна женщина вышла замуж за То Увалун (змею-вулкан) и родила сына, который пребывает в горé, где он сидит и курит, сплевывая время от времени на окружающую окрестность огонь и камни. Змея-землетрясение — это огромное существо с петушиным гребнем на голове, которое, однако, остается невидимым для людей.

Солнце представляется богом, героем, человеком или костром. Лучи его — это стрелы, пускаемые богом солнца, или лески, крючками которых землю поднимают из моря. У солнца могут быть два дома, из которых один находится на земле, а другой на небе. Поэтому солнце (как верят в это, например, зуньи) совершает свои ежедневные путешествия из одного дома в другой.

Луна тоже может быть богом, героем, мужчиной или женщиной. Многие мифы касаются в первую очередь лунных гор, причем «человек на луне» может быть также девушкой или, как верят в это на Рио Атагуайя, жабой, или (по легендам некоторых североамериканских индейцев) лягушкой. На острове Доминика луна считается бежавшим на небо юношей, который совершил кровосмешение со своей сестрой. На его «грязном лице» (лунные кратеры) до сих пор еще сохраняются следы черного растительного сока, которым ему натерли лицо в одно из ночных посещений его возлюбленной.

Затмения солнца и луны происходят оттого, что эти небесные тела проглатывает какой-нибудь зверь. Во время затмения луны индейцы кламат говорят: «Медведь гризли ест». Живущие в Калифорнии майду объясняют затмение солнца тем, что за солнцем гоняется лягушка, дети которой им проглочены, и во время затмения

настигает его и проглатывает. У альсеа «луну убивает ворона, но иногда это делает орел, сокол или сова. Прежде чем убить луну, собираются все птицы», но «если даже ее и съедают, ей удается спустя некоторое время вновь появиться, как и раньше». Если солнце «убивают» в стране альсеа, то это означает, что его преследует разбойник, который стремится завладеть его драгоценным сокровищем из денежных раковин *Dentalia*. В то время как все это происходит на небе, надлежит опорожнить и перевернуть вверх дном все ведра, «потому что вода не должна стать кровавой, когда убивают солнце». У зуньи луна каждый месяц рождается вновь и «через две недели достигает зрелости, после чего начинает медленно умирать».

Солнце может быть также белой лошадью, которая, как мы уже видели, у высококультурных народов часто является верховой лошадью бога солнца — верование, от которого ведет свое происхождение обычай в Индии приносить лошадь в жертву. В Ганновере до сих пор сохраняется древний обычай, восходящий к этим же представлениям. На рождество здоровый молодой человек разъезжает по улицам, сидя верхом на белой лошади, и собирает у жителей подарки. Это символ возвращающегося бога солнца, а подарки — пережиток древних жертвенных даров. Такого же происхождения и поныне еще соблюдаемый во многих местах Европы обычай объезжать верхом поля в день св. Стефана 26 декабря. При объезде к возвращающемуся солнцу обращаются с просьбой обеспечить урожай на полях в наступающем году. И даже предваряющий появление младенца-Христа святой Николай, рождественский дед, известный во Франции под названием *Père Noël*, в Англии — *Father Christmas*, а в Америке — *Santa Claus*, является не чем иным, как древним богом солнца.

Во время оно небо и земля не были отделены друг от друга, и в большинстве преданий первобытных народов, касающихся сотворения мира, дается подробное описание «отделения неба от земли». Так, например, по рассказам индейцев уитото, мир был сотворен старым отцом Найнуэма, когда он был погружен в глубокое раздумье. «Покуривая и мечтая, взял он пустую землю, утрамбовал ее ногами и затем отделил небо от земли». Зуньи рассказывают о первобытном состоянии мира традиционной вступительной фразой их древних мифов: «Давным-давно, когда земля была еще мягкой...»

В Египте небо было отделено от земли богом солнца Шу, и на некоторых древних изображениях этого события можно видеть Геба, бога земли, в образе мужчины, над которым стоит Нут, богиня неба, в то время как их обоих поддерживает их общий отец Шу. По телу Нут плавают в своих лодках боги.

Мы уже видели, что представление о солнце, переправляющемся через небесное море в лодке, знакомо многим народам. А так как небо и земля кажутся сросшимися на горизонте, то

часто считают, что на западе ежедневно происходит их соединение и разделение и что солнцу каждый вечер приходится протискиваться через образующуюся между ними щель. Это очень опасное предприятие, и солнце в результате этого часто оказывается раненым: у него защемляется либо хвост, либо нога. К этому представлению восходит греческий миф о Симплегадах; скалы эти якобы сближались и раздвигались. У австралийского бога солнца только одна здоровая нога, другая же представляет собой культяпку, потому что ее нижняя часть оказалась защемленной во время путешествия солнца по небу. Мексиканский бог солнца тоже калека, и на некоторых древних кодексах показана кровь, льющаяся из его левой ноги-обрубка. Но у мексиканцев сближающиеся скалы заменены рыбой, что привело к смешению мифа о Симплегадах с мифом о рыбе, которая ночью пожирает солнце, чтобы утром вновь его выплюнуть. Мы хорошо знаем этот миф: это миф об Ионе — действительно весьма древняя история. Ночь «съедает» заходящее солнце, чтобы вновь «изрыгнуть» его утром, когда шарообразное светило начинает восходить в своем новом блеске. Этот миф известен во всем мире во многих десятках вариантов. У индейцев хайда, живущих в северо-западной Америке, кит проглатывает ворона (мистическое олицетворение солнца). Хайда очень любят изображать эту сцену на своих обрядовых предметах. Зулусы верят, что солнце каждый вечер проглатывается живущим в их реке чудовищем и что во время «смерти» солнца небо окрашивается в кровавые цвета вечерней зари.

Там, где поблизости нет океана или большой реки, небесное светило съедает слон или волк. Таким образом, сказка «о красной шапочке» является не чем иным, как одним из вариантов мифа об Ионе: ее красная шапочка представляет собой солнечный шар, а волк — ночь. В других местах ночь представляют себе в виде гигантской змеи, которая проглатывает дневной свет. В дальнейшем змея эта превратилась в чудовищного дракона, который в Китае поднимает солнце из моря. Китайский император, сын солнца [1], сидел на золотом троне в образе дракона, и на его знамени был также изображен дракон с яркокрасным солнечным шаром.

Согласно мифу многих народов, жизнь на земле началась в тот день, когда солнце впервые вышло из черного, как ночь, брюха большой рыбы, сухопутного чудовища или ящика, плававшего в море. Вместе с солнцем из этой темницы освободились и все живые существа, которые укрылись в ящике или в лодке, чтобы спастись от великого потопа. В этом мифе нетрудно узнать легенду о ковчеге Ноя, потомка древнего бога солнца.

---

[1] Официальный титул китайского императора был «сын неба» (тянь-цзы), а не «сын солнца». — *Прим. ред.*

История о великом потопе принадлежит к древнейшим мифам человечества. Она имеется в сказаниях Индии, Персии, Греции и у скандинавских народов; она была хорошо известна мексиканцам и до сих пор еще рассказывается арктическими и субарктическими охотничьими племенами, индейцами Северной и Южной Америки, меланезийцами и другими народами. Но традиционная гипотеза о распространении сказаний о потопе по всей земле не подтверждается новейшими исследованиями. Легенда о всемирном потопе неизвестна в Китае и Японии и ее не удалось обнаружить в буддийских рукописях и в преданиях египтян и арабов. Все же халдейское предание о великом потопе и аналогичный библейский рассказ восходят примерно к 2000 году до н. э. Различные варианты легенды о великом потопе принадлежат к самым увлекательным мифам человечества. Этими сказаниями наполнены целые тома, и наука непрестанно занималась этой историей, посредством которой первобытные народы так часто объясняют происхождение всей жизни и спасение людей и животных от следовавших один за другим «концов мира». В качестве примера многих сотен таких сказаний мы приводим в сокращенном виде сказание восточных атапасков о потопе.

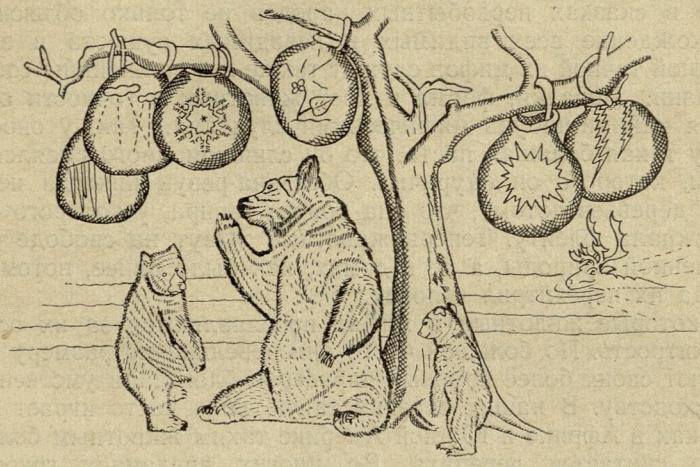
РАССКАЗ О ВЕЛИКОМ ПОТОПЕ[1]

Уже в древнейшие времена, точно так же как и теперь, на земле жили люди. Но в одну из зим произошло нечто необычное: выпало столько снега, что он покрыл собою весь мир, и из-под снежного покрова торчали только вершины самых высоких гор. Все животные, жившие в то время вместе с людьми, стали карабкаться на небо, ища тепла. Проворнее всех оказалась белка, которая влезла на верхушку самой высокой ели, прогрызла в небе дырку и через нее пролезла в небесные края. Этой дыркой является солнце. Все остальные животные последовали за белкой и протиснулись через ту же дырку. При этом белку прижали так близко к источнику тепла, что она опалила себе шкурку, которая и по сей день остается красной.

Но хозяином неба был медведь, и ему не понравилось, что через проделанную дырку небесный свет и небесное тепло начали струиться на землю. Он закрыл солнечное отверстие шкурами, так что на земле стало опять холодно и темно. После этого медведь и его сыновья собрали все небесное тепло в большой кожаный мешок, который они повесили на огромное дерево. На этом же дереве в других мешках висели и другие разновидности погоды: в одном мешке был дождь, в других — снег, вёдро, гроза, еще в одном находился холод, а в последнем, стало быть, тепло. Медведь с сыновьями уселись под большим деревом, чтобы сторожить мешок с теплом, и сказал медведь другим животным: «Посмейте мне только украсть этот мешок!» — А у кого же из них было столько силы, чтобы тягаться с могущественным медведем! Животные едва не впали в полное отчаяние. Они устроили тайное совещание, и северный олень, который может бегать быстрее всех, предложил свою помощь. Он подплыл к медведю сзади (охраняемое дерево с погодами находилось на небесном острове) и ему удалось схватить мешок с теплом, прежде чем медведь успел этому помешать. Медведь притащил свою лодку, но едва он начал грести, как переломилось весло, по-

[1] По Петитó.

тому что мышь тайком надгрызла его, чтобы способствовать общему благу. Так животные убежали вместе с мешком, в котором находилось тепло. Мешок был очень тяжел, и они несли его попеременно на жерди. Во время долгого путешествия между небом и землей им приходилось каждую ночь устраивать стоянку. Однажды вечером, когда они только что разбили лагерь, мышь, у которой в дороге совершенно изорвалась обувь, вырезала из мешка с теплом крошечный кусочек кожи, чтобы ее починить, и этот безрассудный поступок повлек за собой большое несчастье. Тепло начало выходить из



Медведь со своими сыновьями под деревом погоды.

дырки в мешке с такой огромной силой, что толстый снежный покров, покрывавший землю, растаял в несколько секунд и началось страшное наводнение, причем вода поднималась все выше и выше, пока не покрыла вершины даже самых высоких гор.

Один старый, убеленный сединами индеец на земле предвидел наступление этого бедствия и предупредил о нем своих соплеменников еще до того, как начал таять снег «Мы построим большую лодку, для того чтобы все могли спастись», — сказал он; но все подняли его насмех. «Если и в самом деле будет такое наводнение, — говорили они, — то мы можем всегда успеть взобраться на вершины гор, до которых вода не доберется». Однако они ошиблись. Потоп был так велик, что потонули все люди, за исключением одного человека. С ними потонули и вее животные, которые оставались на земле, и от этого потопа погиб весь мир.

Спастись удалось только одному индейцу, дедушке Эцье, который несмотря на возражения построил лодку и взял с собой по паре животных всех видов. Все они долгое время плавали в лодке Эцье. Но потом они начали испытывать недостаток в пище, которой они мало захватили с собой, всем им опротивел вид воды, и они стали тосковать по земле. Но нигде не было видно ни клочка земли, а вода и не думала уходить. Все водяные животные ныряли под воду, чтобы достать до дна, но это им никак не удавалось. В поисках твердой земли летал орел, но он ничего не нашел. Попробовал счастья и голубь, который отсутствовал два дня, после чего вернулся назад совершенно обессилевший. Все-таки он принес в клюве две веточки ели, так как обнаружил несколько верхушек деревьев, выступивших из воды. Это подбодрило других животных, и они с новыми силами принялись за поиски земли. Мускусная крыса чуть не утонула, когда попробовала нырять. Выдра

тоже так долго пробыла под водой, что едва не сдохла. «Нет ничего!» — простонала она, перед тем как упасть без чувств. Наконец, счастья попробовала маленькая утка-трубач. Когда она вынырнула из воды, между перепонками на ее лапах оказалось немного земли. Она вновь ринулась под воду, и ей чудом удалось поднять наверх землю. Ей мы обязаны тем, что земля вновь принадлежит всем, кто живет на ней сейчас. Это умнейшее из животных.

Но в сказках первобытных народов не только объясняется происхождение всех видимых и невидимых существ и вещей. Исходной точкой их мифов служат также все важнейшие события их жизни. Повадки, форма и цвет животных в точности объясняются какими-нибудь мифическими случаями. Так, у опоссума потому такая большая пасть, что он слишком много смеялся над оленем, которого он одурачил. Обезьяна-ревун никогда не слезает с деревьев потому, что она боится тапира, у которого однажды украла флейту. Теперь животные живут на свободе среди девственной природы, а не в домах, как было ранее, потому что некогда их перехитрил человек.

Некоторые животные в мифах прославляются за их особый ум и хитрость. По большей части они невелики по размеру и побеждают своих более крупных партнеров благодаря умственному превосходству. В наших сказках такую роль часто играет лиса, тогда как в Африке и Южной Америке таким животным большей частью считается черепаха. Во многих преданиях говорится о том, что некоторые животные ранее были людьми, но были столь скупы и своекорыстны, что от этого «у них скрючились руки». Чаще, впрочем, предполагается, что животные были предками человека.

Существуют и «плохие» животные, к которым, в первую очередь, следует отнести североканадскую росомаху. Эта росомаха расстраивает западни, выкрадывает из них приманку и даже выслеживает и пожирает тщательно припрятываемые индейцами драгоценные связки пушнины. У африканских пангве преступником или «нсёмом» считается ихневмон, пожирающий куриные яйца.

В противоположность этим «злым» животным, других животных почитают за их «благородные» качества. Так, многие африканские племена считают священным животным варана, который убивает крокодилов. Пангве относятся к нему как к равному себе и украшают его изображением многие предметы обихода. В Арктике особенным уважением пользуется медведь, на которого смотрят как на существо, равное человеку или даже превосходящее его. Охотник, который был «вынужден» убить его, засовывает ему в пасть трубку мира и запрещает женщинам и детям унижать своими взглядами убитого «вождя». Наскапи верят, что все животные живут вместе племенами, как и индейцы. Только медведь составляет исключение, потому что каждый медведь является «самостоятельным вождем».

Иногда рассказы первобытных народов заканчиваются моралью, особенно, если они служат средством воспитания или предостерегают от пренебрежительного отношения к исполнению религиозных обязанностей, либо от воровства, или же призывают не смеяться над старыми и немощными людьми. Необоснованные желания людей и животных изображаются в карикатурном виде, и индейская сказка о кролике, который захотел ловить рыбу так же, как выдра, и чуть не погиб при попытке нырнуть в ледяную воду по ее примеру, содержит в себе вполне ясный урок.

В сказках первобытных народов часто очень ярко отражены их находчивость и общая жизнерадостность. Гротескные описания некоторых забавных подробностей часто бывают невероятно смешны. Некоторые из популярнейших рассказов более чем рискованны, другие же кажутся настоящими «житиями святых». В Африке особенно любят рассказывать перед собравшимся судом басни о животных, чтобы подчеркнуть какой-нибудь юридический момент или обелить обвиняемого. В других местах рассказывают серьезные истории с задней мыслью склонить к чему-нибудь духов или богов. Мифы первобытных народов столь же развлекательны, сколь и поучительны, представляя собой замену печатных нравоучений церкви и школьных лекций и веселя людей не хуже кино и юмористической книги. При всем разнообразии содержания, они никогда не бывают скучны и от начала до конца захватывают слушателей. Иногда рассказ прерывается песнями или стихами, нарочитые паузы увеличивают напряжение, и применяются все искусственные приемы риторики, чтобы поддерживать интерес публики.

Право рассказывать древние предания часто является «собственностью» только одной группы или одного человека. Рассказчиком в большинстве случаев бывает почтенный старец, носящий иногда титул «хозяина истории».

Даяки на Борнео различают три различных вида устного творчества: язык людей, язык душ и язык богов. Индонезийские эстеты четко разграничивают между собой народный и художественный стили изложения. Мастер-рассказчик — это так называемый рентас, слова которого «слушают с восхищением». В задачу его входит развлекать людей по ночам в общественном доме, когда они плетут свои цыновки. Героями его историй являются боги, духи, люди, растения, животные, цветы из драгоценных камней «лучшего мира», вампиры, у которых скелет состоит не из костей, а из ножей, и в мифах рассказывается о подвигах героя Абира, о проделках карликов и о знаменитом процессе, на котором было решено вознаграждать за благоухающий аромат жареной рыбы приятным звуком барабанных ударов. Чтобы преподносимая даякам история понравилась, она должна обладать тремя свойствами: правдивостью, занимательностью и логическим

развитием событий, и удовлетворить взыскательных слушателей бывает отнюдь не легко.

От африканских рассказчиков требуют, чтобы они говорили так, как если бы они «разговаривали с огнем». Эскимосы и старые индейцы в лабрадорских палатках являются такими замечательными мастерами-рассказчиками, что, когда они, исполненные достоинства, пользуясь лишь скупыми жестами, раскрывают тайны девственной природы, слушателю кажется, что они претворяют в слова волшебное мерцание северного сияния. Самая обыкновенная птица в их рассказах является вестником могущественного шамана; ночь оказывается населенной духами и разными образами. Звезды и луна, медведь и бобер, сани и ледяные глыбы говорят человеческими голосами, и все, кто слушает увлекательные слова, произносимые проникновенным голосом рассказчика, ощущают непосредственное присутствие одухотворенных небесных тел, духов, животных и растений, переживающих неслыханные события.

Но лучше всякого описания сами эти истории, из которых приведем несколько образцов. Соответственно содержанию настоящей книги они подбирались с особой точки зрения: все они касаются происхождения вещей.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЛНЦА

Австралийская сказка [1]

Во время оно не было солнца. На небе были только луна и звезды. Не было также людей, а было лишь несколько птиц и млекопитающих, которые все были гораздо больше тех, каких мы знаем теперь.

Однажды Диневан, эму, и Бральгах, журавль, отправились вместе на прогулку. Но у них возникло какое-то разногласие, и они начали спорить. Бральгах потерял всякое самообладание, подбежал к гнезду Диневана, схватил одно из его яиц и в бешенстве швырнул его со всей силой на небо, где оно ударилось о вязанку дров и разбилось. Желток разлился по дровам и воспламенил их, так что весь мир внезапно озарился светом горящего костра. До тех пор в мире всегда были только сумерки, и поэтому люди на земле были ослеплены мощным сиянием огня.

Живущему на небе доброму духу понравилось новое освещение, и ему пришло в голову, что было бы неплохо каждый день зажигать такой же огонь. Поэтому он ввел этот новый обычай. С тех пор он каждую ночь приказывает прислуживающим ему духам собирать дрова и сооружать из них огромный костер. Когда костер бывает готов, добрый дух посылает утреннюю звезду возвестить о том, что огонь вскоре будет зажжен.

Он заметил, однако, что одного появления утренней звезды недостаточно, для того чтобы разбудить спящих на земле, и поэтому стал подыскивать такой подходящий звук, который бы сопровождал световой сигнал. Но ему очень долго не удавалось найти подходящего для этого звука.

Однажды вечером он услыхал смех Гургургаги, петуха. «Вот то, что я искал!» — сказал он сам себе и возложил на эту птицу обязанность каждое утро громко смеяться, прежде чем будет зажжен небесный огонь. Если же петух не выполнит своей обязанности, то костер зажигаться не станет.

---

[1] По К. Лангло-Паркер.

С тех пор каждое утро, точно, в условленный час, раздается смех Гургургаги. Насмеявшись, он трижды выкрикивает свое имя: «Гургургага! Гургургага! Гургургага!»

Рано утром, когда прислуживающие небесные духи зажигают костер, бывает еще не очень тепло. Но к полудню, когда пылает вся охапка дров, становится ужасно жарко. После полудня жар начинает снова спадать, а к вечеру от костра остается лишь груда мерцающих красным светом углей, которые быстро превращаются в серую золу. В течение ночи небесные духи сохраняют только несколько тлеющих головешек, старательно завернутых в облаках, чтобы утром при их помощи можно было быстро зажечь новый костер.

Гургургага очень обидчив. Если бы кто-нибудь осмелился его высмеять, он тотчас же перестал бы смеяться по утрам — и на земле снова стало бы темно.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛУНЫ

Новогвинейская сказка [1]

Однажды в нашей деревне Вотрейенг дома оказались только брат и сестра. Проголодавшись, они стали искать кусок саго, чтобы сварить себе поесть. Они сняли крышку с большого глиняного горшка, в котором мать их обычно хранила саго, и нашли там только один кусок. Кусок этот был совершенно круглым и так великолепно сверкал, что дети позабыли о голоде и принялись играть на улице перед хижиной куском саго вместо мяча.

Находившийся на небе бог солнца Вунекау заметил их игру и опустился несколько ниже, чтобы лучше рассмотреть блестящий мяч из саго. Затем он прикрыл себе лицо большим листом, чтобы не обжечь детей, и, приблизившись к ним, попросил их: «Подбросьте ваш мяч повыше, чтобы я мог его разглядеть».

Когда же они это сделали, он поймал мяч из саго и поднялся с ним на небо, не обращая внимания на плакавших детей. В то время его образ жизни был очень утомителен, потому что ему приходилось и днем и ночью находиться на небе. Он взял мяч из саго и сделал из него луну, которую он назначил ночным сторожем. С тех пор бог солнца отдыхает и спит всю ночь, пока луна совершает свой обход.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ «ЧЕЛОВЕКА НА ЛУНЕ»

Так, как рассказывал об этом Томо Как'ва из племени монтанье-наскапи на Лабрадоре [2]

В старые времена не было ночи. Солнце и луна все время находились на небе вместе, и был один непрерывный день.

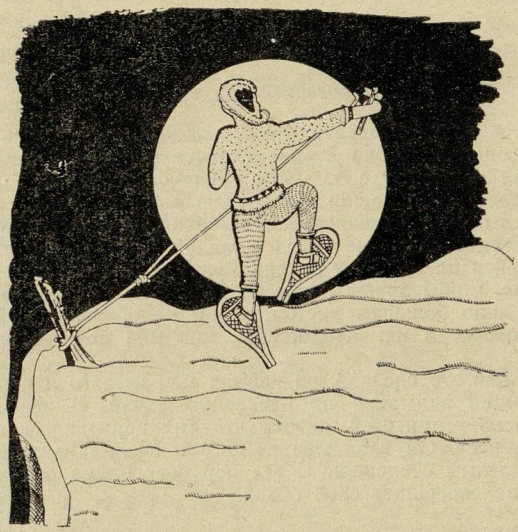
В то время жил индеец по имени Цегабек. По его мнению, на земле было слишком светло. Он часто говорил: «Если бы мы могли хоть ненадолго сделать так, чтобы было темно! Если бы нам удалось это, у нас была бы ночь. Индейцы и животные могли бы отдыхать, если бы на дворе хотя бы несколько часов была темнота». Он был просто одержим этой мыслью и попытался даже поймать луну в силок, с тем, чтобы в мире хоть немного стало темнее. Его сестра дала ему заколдованный волос, при помощи которого можно поймать что угодно, если только вплести этот волос в силок. Когда это ему, наконец, удалось, он осторожно положил силок на

[1] По П. Х. Мейеру.

[2] Записано Юлиусом Липсом на Лабрадоре.

тропу, по которой в то время имела обыкновение прохаживаться луна. У него хватило терпения подстерегать ее снова и снова, и наконец ему и в самом деле посчастливилось поймать луну в силок.

Таким образом он создал себе ночь — часы, в течение которых солнце спало. Но когда сразу стало совсем темно, Цегабек испугался и начал плакать. Дома у него в большом мешке находилось множество зверей — крыс, кротов, мышей и других мелких зверюшек, которых он поймал в свои силки. Цегабек выпустил их всех из мешка и попросил их помочь ему снова вытащить луну из силка. Но луна попала в заколдованный силок, и с ним надо было обращаться очень осторожно. Первым попытался освободить луну крот, но у него ничего не вышло. Бобер вообще отказался участвовать в этом деле. В конце концов маленькой мышке удалось перегрызть силок. Луна тотчас же выскочила из силка и кинулась бежать за солнцем. Но солнце ушло очень далеко и ей не удалось его нагнать. С того дня они светят



Как Цегабек поднялся на луну.

каждый в отдельности так, как мы это видим сейчас. Совершенной темноты, какую хотел ввести Цегабек, не бывает, но бывает день и ночь, как мы видим это с детства.

Но Цегабек не успокоился, так как не мог забыть своего злоключения с луной. Однажды он отправился к сестре, чтобы взять у нее еще один заколдованный волос.

— Куда ты собрался? — спросила она его.

— Поймать пару белых зайцев, — ответил он. — Но ведь для этого не нужно никаких заколдованных волос! — Он снова прямиком направился к краю мира, где восходит луна, и прежде чем кто-нибудь успел его предостеречь, опять поставил там свой силок. Луна взошла на небо, как обычно, и на полпути вновь попалась в заколдованный силок! И уж как обрадовался тогда этот дерзкий парень Цегабек! Он хорошенько рассмотрел луну вблизи и уже больше ее не боялся. Луна была желтая и огромная. Цегабек был прямо-таки в упоении от ее вида. Он сам перерубил силок своим топором из бобрового зуба, вскарабкался на луну и отправился вместе с ней на небо. Там он находится и по сей день. Каждую ночь, когда становится темно, он

смотрит вниз на других индейцев и, наверное, думает, какой он все-таки хитрый. Его могут видеть все люди, даже белые, которые называют его «человеком на луне».

Другое племя североамериканских индейцев — хайда — верит, что Роонг, месяц, увидел однажды на земле человека, который ему понравился. Так как ему было скучно, то он послал на землю свои лучи, приказав доставить человека на небо. Но пойманному индейцу хотелось попрежнему жить на земле вместе со своей семьей, и он попытался удержаться при помощи ведра с водой, которое он в это время нес, но безуспешно. С тех пор он стоит там наверху, на небе, в качестве человека на луне. Когда он опрокидывает ведро, которое он попрежнему держит в руке, то идет дождь.

Человек на луне. Рисунок индейцев хайда.

Как пишут Хамбрух и Брандейс, видимый в Микронезии на луне «человеческий образ» является не мужчиной, а красивой девушкой с атолла Науру, где она некогда жила с бабушкой под огромным высоким деревом. Эдживаноко (так звали девушку) была так красива, что бабушка ни одного из смертных не считала достойным ее руки и подыскивала себе зятя среди богов. Однажды она принарядила девушку цветами, натерла ее благовонными маслами и дала ей волшебного зелья, после чего наказала девушке влезть на дерево как можно выше, так, чтобы достать до неба. До того времени еще никому не удавалось это сделать.

Эдживаноко сделала, как советовала ей бабушка. Когда она оказалась наверху, между облаками, она увидала там старую слепую женщину, которая на горячих камнях варила сироп из пальмового вина в тридцати калебасах из кокосовых орехов. Девушке очень хотелось пить и она отпила понемногу из нескольких сосудов. Хотя старуха и была слепа, все же она заметила то, что случилось, и пригрозила, что прикажет убить ее двум своим сыновьям, когда они вечером возвратятся домой. Эдживаноко стала просить у нее прощения, но напрасно. Под конец, объятая страхом, она попыталась исцелить старухе глаза, чтобы она опять могла видеть. Ей это удалось к ее собственному великому удивлению. Едва она коснулась невидящих глаз старухи, как оттуда начали выскакивать ящерицы, жуки и другие гадкие звери, и к старухе снова вернулось зрение. В радости она обняла девушку и спрятала ее под огромной раковиной тридакна, потому что сыновья ее имели обыкновение всегда убивать любого чужеземца. Когда вернулся домой ее первый сын Игуан, то он заметил, что мать при виде его закрыла глаза. Это был бог солнца,

и никто не мог смотреть на него, чтобы потом не ослепнуть. Пока он спрашивал мать, кто вернул ей зрение, вернулся домой ее второй сын. Это был Мерриман, месяц. Тогда мать рассказала им обо всем, что произошло, и оба они пожелали видеть девушку. Она вышла из-под раковины и была так красива, что оба тотчас же пожелали на ней жениться. Они предоставили ей право выбирать и оба обещали, что отвергнутый не станет ревновать. Старуха спросила девушку, которого из двух она желает взять в мужья, и Эдживаноко сказала: «Я не могу выйти замуж за Игуана. Он слишком горяч и я не могу на него смотреть. Мерриман же выглядит таким нежным. Мне хотелось бы выйти за него». Мерриман, услышав это, схватил ее в свои объятья и унесся с нею в небо, где мы и сейчас еще можем видеть их обоих в ясные ночи.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДНЯ И НОЧИ

Сказка индейцев крик[1]

Животные устроили собрание, на котором председательствовал медведь Нокози. Решался вопрос об отделении дня и ночи.

Некоторые из собравшихся выражали желание, чтобы всегда был день, другие предпочитали вечный мрак. После долгих препирательств бурундук Чу-тлок-чу сказал:

— Посмотрите на Вотко, на енота. У него красивый с кольцеобразной раскраской хвост, на котором темные кольца правильно чередуются со светлыми. Мне кажется, что и ночь должна была бы регулярно чередоваться с днем, как кольца на хвосте Вотко.

Звери подивились его мудрости. Они приняли предложение Чу-тлок-чу и постановили, чтобы день и ночь следовали друг за другом через одинаковые промежутки времени, подобно кольцам на хвосте Вотко.

Нокози, медведь, позавидовал мудрости Чу-тлок-чу и царапнул его лапами по спине. Поэтому и сейчас еще у всех бурундуков полосатые спинки.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОГНЯ

Как рассказывали об этом индейцы крик[2]

Однажды все люди нашего племени собрались и сказали: «Как бы нам раздобыть огня?»

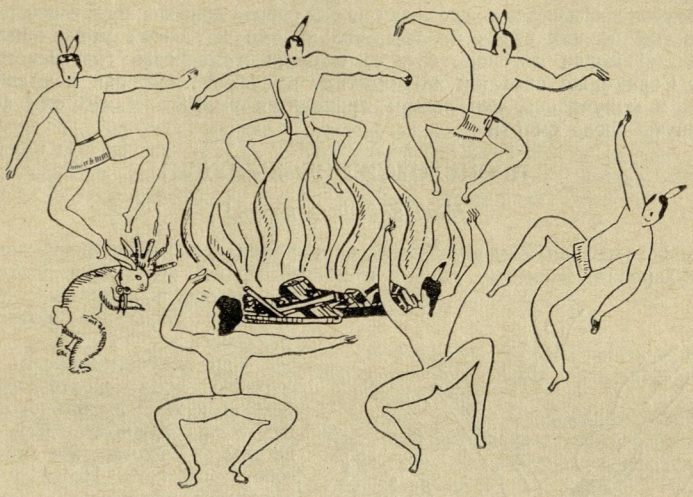
В конце концов поручили кролику достать огонь для людей. Он собрался в путь и направился на восток через большую воду. Когда он прибыл к людям, у которых имелся огонь, они приняли его очень радушно и устроили торжественную пляску. Кролик занял место в кругу танцующих. Он был красиво разодет, и на голове у него была смешная шапочка, украшенная четырьмя смоляными палочками.

Танцуя, люди все ближе придвигались к священному огню, который пылал внутри хоровода. Кролик в танце тоже все ближе придвигался к огню. Под конец танцоры начали кланяться огню, каждый раз все ниже и ниже. Кролик тоже танцевал и кланялся. Когда он поклонился совсем близко от огня, четыре смоляные палочки на его шапке вспыхнули и начали ярко гореть.

---

[1] По Джону Р. Суонтону.
[2] Там же.

Танцоры пришли в бешенство от бесстыдства чужеземца, который осмелился прикоснуться к их священному огню. Они хотели его схватить, но кролик бежал быстрее, чем его преследователи. Он добежал до большой воды и бросился в нее, в то время как люди остались стоять на берегу.



Как кролик достал огонь.

С огнем, попрежнему горевшим у него на голове, плыл он домой к своему народу и принес индейцам огонь, добытый на востоке.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СМЕРТИ

Легенда камба, одного из племен банту в Восточной Африке [1]

Большой старик наверху, на небе, однажды сказал: «Вот я создал людей. Но они должны будут умереть. Однако мне не хочется, чтобы они всегда оставались мертвыми. Пусть они воскресают».

Он переселил созданных им людей в отдаленную часть мира, а сам остался дома, на небе. Там как-то в течение трех дней гостили у него хамелеон и птица-ткач. При этом старик заметил, что птица-ткач крайне болтлива и говорит то правду, то ложь. Хамелеон же был умным и любил правду. Поэтому старик сказал ему:

— Пойди туда, где живут люди, которых я создал. Передай им от меня: если они будут умирать и даже будут совсем-совсем мертвыми, то все равно они воскреснут. Каждый человек должен быть в состоянии вновь воскреснуть после своей смерти.

Когда хамелеон отправился в путь, чтобы исполнить поручение, птица-ткач оставалась еще у большого старика. Хамелеон тем временем прибыл к людям, но он забыл все, что должен был им передать. Поэтому хамелеон лишь твердил заикаясь: «Мне поручено... мне поручено...», а дальше у него ничего не получалось.

Тем временем птица-ткач сказала большому старику: «Я полечу вслед за хамелеоном, чтобы составить ему компанию», — и старик сказал ей:

[1] По Брутцеру.

«Лети!» Птица-ткач прилетела как раз в тот момент, когда хамелеон говорил людям: «Мне поручено...»

Она тотчас же прервала его и сказала: «Нам поручено сказать, что люди после своей смерти сгниют так же, как корни алоэ». Но хамелеон тут же вспомнил весть, которую он должен был передать и сказал: «Нет! Нам поручено вам сказать, что люди после смерти должны будут воскреснуть!»

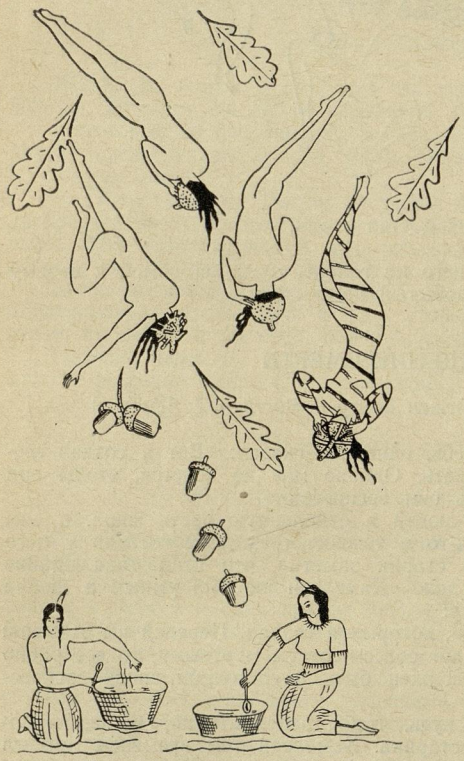
Каждый из них стоял на том, что именно его слова правильны, и так как они не могли договориться, то позвали в качестве третейского судьи сороку. Сорока же сказала: «Птица-ткач права. А хамелеон неправ!»

Так и получилось, что людям приходится умирать и что они не могут воскреснуть после смерти.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЖЕЛУДЕЙ

Миф индейцев карук[1]

Раньше желуди были людьми. Они принадлежали к индейскому племени икхарейяв, жившему до нас в нашей стране; это племя позднее превратилось в животных, в скалы, вещи и праздники, которые мы любим.



Как желуди упали с неба.

Три девушки-желудя: желудь черного дуба, желто-коричневый желудь и желудь свайного дуба — захотели однажды иметь новые шляпы и тотчас же принялись себе их плести. Но в то время икхарейяв жили еще на небе. Пока девушки сидели там рядышком и плели шляпы, они заметили, что происходит что-то необыкновенное. И они сказали друг дружке: «Нам лучше уйти. В мир идут люди!» — Готовясь в путь, они осмотрели свои шляпы и оказалось, что у девушки-желудя черного дуба шляпа еще не готова. У желто-коричневого желудя нехватило времени на то, чтобы вплести внутрь торчавшие из шляпы концы стеблей, поэтому девушка надела шляпу наизнанку. Только желудь свайного дуба успела доделать шляпу, очень красивую на вид. Когда они собрались совсем уже уходить, к ним присоединилась их подружка, желудь дуба *Quercus chrisolepis*, у которой была очень красивая шляпа.

Земля сразу же ушла у них из-под ног и все они упали с неба прямо туда, где жили люди. Они сразу поняли, какая их ожидает судьба, и плача сказали друг другу: «Люди будут есть нас своими ложками!» — Когда они еще падали, у них закружились головы, и, закрыв глаза, они спрятали лица в свои шляпы.

[1] По Джону П. Харрингтону.

Когда они очутились на земле, они воспылали друг к другу ревностью. Желто-коричневый желудь желала всякого зла желудям свайного и дуба *Quercus chrisolepis* только за то, что у них были более красивые шляпы. Но и те, со своей стороны, желали ей зла, и им очень хотелось, чтобы их подружка почернела. Все их желания исполнились, и получилось так, что люди не могут есть желуди свайного дуба, да и желуди дуба *Quercus chrisolepis* очень нехороши на вкус, потому что их трудно толочь. Суп, который варят из них, получается невкусным.

Перед тем как упасть с неба, девушки-желуди намазались и раскрасились. Желудь черного дуба расписала себя полосами. Эти полосы мы можем видеть еще и сейчас, поднимая с земли желуди черного дуба. Но желто-коричневый желудь не успела подкраситься, потому что ее шляпа еще не была готова. Так как все они, падая, натянули на лица шляпы, лица желудей до сих пор еще остаются закрытыми шляпками.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАКОВИННЫХ ДЕНЕГ

Меланезийская сказка с полуострова Газели[1]

Уже в старое время были у нас раковинные деньги, всего в четырех днях пути. А теперь нам требуется шесть месяцев, чтобы раздобыть их. Почему же так произошло? А вы вот послушайте.

Однажды мужчины взобрались в лодки, чтобы предпринять небольшое путешествие в страну денег, и на берегу собралась вся деревня, чтобы поглядеть на их отплытие. Когда они прощались, один старик сказал: «Будьте только повежливее со всяким, кого вы встретите!»

Проплыв небольшое расстояние, встретили они рака-отшельника, который приветливо пожелал им доброго утра. Мужчины в лодках посмотрели на него и сказали друг другу: «Что за безобразное лицо у этого парня! Ведь верно, что он отвратителен!» — и они проехали мимо, не поприветствовав рака-отшельника.

И рак-отшельник сказал: «Поезжайте, поезжайте! Вы все равно не найдете раковинных денег! Раковины уйдут в другое отдаленное место! Такие люди, как вы, недостойны того, чтобы их найти».

И действительно, когда они прибыли в страну раковин, им не удалось найти ни одной раковины. Опечаленные, с пустыми руками вернулись они домой. И вскоре на нашем полуострове Газели ни у кого не осталось денег.

Однажды один маленький мальчик, проголодавшись, попросил у родителей поесть, но они не дали ему ничего и принялись его бранить. «Лопай грязь!» — сказали они ему. Печальный, пошел он на берег моря, где в воде лежал старый ствол дерева.

— Что с тобой? — спросил его ствол дерева. — Почему ты такой печальный?

— Отец и мать сердятся на меня, — сказал мальчик, — и я не знаю, что мне делать.

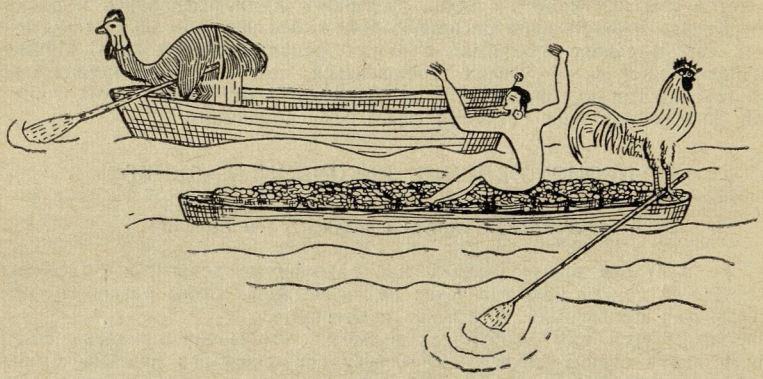
— Влезай в меня, — сказал ствол дерева, и мальчик увидел тогда, что это была однодеревка. И тогда вместе они поплыли в открытое море. В лодке же оказались кокосовые орехи, так что мальчик смог поесть и попить. Они плыли очень быстро и наконец пристали к Наканаи, к тому берегу, где теперь находят раковинные деньги. Ствол дерева посоветовал мальчику сплести тридцать корзин и выставить их затем в ряд на берегу.

— Отойди назад, — сказал ствол дерева, и мальчик повиновался. Внезапно поднялась огромная волна, полная денежных раковин. Она перекинулась через корзины, наполнила их и затем откатилась в море.

---

[1] По П. Дж. Мейеру.

Но теперь мальчик и ствол дерева были уже не одни на берегу, потому что рядом с ними к берегу пристала другая лодка. Ее рулевым был петух, который дружески предложил мальчику отвезти его в своей лодке домой. Мальчик перенес все тридцать корзин с денежными раковинами в лодку петуха, и они поплыли назад в его родную деревню. По дороге они встретили казуара, плывущего на однодеревке. После вежливого обмена взаимными приветствиями каждый поплыл дальше своим путем.



Как юноша достал раковины-деньги.

Наконец достигли они деревни мальчика, который тотчас же побежал к дому родителей, в то время как петух остался на берегу сторожить раковины. Подойдя к хижине родителей, мальчик увидел, что возле нее была устроена могила и около собрались плакальщики, чтобы присутствовать на похоронах.

— Все это было для тебя, — сказали родители плача, после того как они заключили его в свои объятия. — Мы думали, что ты умер, и израсходовали наши последние деньги на приготовление твоих похорон.

Мальчик взял из хижины большой пакет со съестными припасами, попросил родителей следовать за ним и пошел назад на берег моря. Там отблагодарил он петуха, дал ему еды и выгрузил из его лодки тридцать корзин с деньгами. Петух прыгнул в свою лодку и поплыл назад на Наканаи.

— Что же мы будем делать со всеми этими раковинами? — спросили родители, потому что их прежние деньги выглядели иначе.

— Просверлите в них отверстия и нанижите на шнуры, — сказал мальчик, и они сделали так, как он им сказал. Мальчик связал шнуры в большое кольцо и отдал его родителям.

— Возьмите это в возмещение тех расходов, которые вы понесли из-за меня, — сказал он, и довольные родители вернулись к себе в хижину. Мальчик же взял остальные деньги, — а их было очень много, — построил себе собственную хижину и стал самым богатым человеком во всей деревне.

С тех пор мужчины нашей деревни совершают под его руководством дальние путешествия к Наканаи, хозяевами которого являются петух и казуар. Но ни разу им не удалось найти столько раковин, сколько имеет первый друг этих птиц. Они встречают хозяев острова с величайшим почтением, и все же им приходится тратить на путешествие, которое мальчик совершил в несколько дней, шесть долгих месяцев, да и деньги, которые находят на Наканаи, всегда зависят от доброй воли раковин, лодок, петуха и казуара.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОНЧАРНОГО ИСКУССТВА

Сказка племени акамба, Восточная Африка[1]

У древнейших людей, вышедших в первобытные времена из гнезда термитов, были все съестные припасы, но им приходилось есть их сырыми, неварены́ми.

Однажды одна женщина вышла из деревни на реку: она хотела принести воды в нескольких свернутых листьях. На берегу она нашла камень странного вида, пустой внутри. Она наполнила его водой и отнесла к своему очагу. Готовя ужин для семьи, она насыпала немного маиса и бобовой муки в полый камень и сварила их в нем, и все нашли, что это великолепно на вкус и несравненно лучше обычной сырой пищи.

На другое утро в гости к ней пришла соседка. Камень привел ее в восхищение, и она спросила женщину, нет ли у нее другого такого же, чтобы подарить ей.

— Нет, — сказала первая женщина, — я нашла его на реке и там был только один такой.

— Пойдем, — сказала другая, — сходим туда вместе и посмотрим, не найдем ли мы еще одного.

Они отправились в путь и стали искать на реке такой же камень. Но такого же камня там не оказалось. Зато они увидели там жирную мягкую глину и, взяв ее немного и смешав с водой, попытались придать ей форму полого камня. Пять дней подряд занимались они этим делом и слепили много маленьких сосудов, которые они назвали глиняными горшками. Они обожгли их на огне, и горшки стали твердыми и крепкими как камень. Дома они поставили горшки на очаг и позвали к себе всех других женщин.

— Идите, посмотрите! Мы сделали из земли сосуды и можем теперь кипятить на очаге в них воду, которая из них не вытекает.

Они сварили в новых горшках также пюре, которое оказалось очень вкусным. Другие женщины пытались подражать их искусству, но у них ничего не выходило, и всем, кто хотел иметь «ньюн'гу» (глиняный горшок), приходилось покупать их у этих двух женщин, которым платили за них великолепными голубыми бусами.

Потом женщины позвали мужчин, и был устроен большой пир, чтобы отпраздновать изобретение глиняных горшков. Мужья же обеих женщин пригласили мудрых старцев, которые поплевали женщинам в руки, чтобы их благословить.

— Пт, пт, пт, — плевали старики и приговаривали: — Вы большие умницы! Вы сделали глиняные горшки!

И они посоветовали женщинам никогда не разрешать ни одному мужчине смотреть на то, как они делают глиняные горшки. Женщины же в точности следовали их совету.

Так пришло к людям искусство изготовления глиняных горшков, и наш народ с тех пор счастливо обладает ими.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛЫЖ

Миф индейцев каррьер, Британская Колумбия[2]

Белая куропатка и индеец каррьер сидели рядышком и дружески беседовали, и так как белая куропатка была в хорошем настроении, она показала индейцу, как делают лыжи, которыми животные испокон веков пользуются, чтобы ходить по снегу. Белая куропатка рассказала все подробно, и когда

---

[1] По Герхарду Линдблому.
[2] По Дайамонду Дженнессу.

мужчина научился изготовлять круглую раму, они позвали его жену, и белая куропатка показала ей, как нужно обтягивать раму полосками кожи. Так эта женщина обтянула первую пару лыж. Муж и жена поблагодарили за это белую куропатку, которая вскоре с ними распрощалась, чтобы отправиться домой.

Но едва она успела пройти небольшое расстояние, как замертво упала на землю, потому что слишком много говорила.

Так индейцы каррьер научились изготовлять лыжи. Но мы никогда не должны слишком много говорить, хотя бы с наилучшими намерениями.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ «КИТА-КАСАТКИ»

Сказка индейцев тлинкитов [1]

Один человек, который принадлежал к тюленьему роду и был искусным резчиком, решил, что индейцы были бы гораздо счастливее, если бы у них был кит-касатка, и немедленно принялся за его изготовление.

Сначала он попробовал вырезать кита из красного кедрового дерева, потом из цикуты и из различных других сортов дерева. Сделав одного кита, он относил его на морской берег и заставлял его плавать, но ни один из них не погружался в воду. Все они плавали только на поверхности. Наконец он попытался вырезать кита из желтого кедрового дерева, и когда он положил его на воду, тот сразу же погрузился и уплыл в море. Тогда он сделал из этой же древесины несколько разновидностей китов. Одному он нарисовал индейским мелом белые линии от углов пасти до затылка и сказал при этом: «Это будет беломордый кит!»

Он пустил своих китов в воду и направил их головы так, чтобы они плыли к заливу. При этом он говорил им, чтобы они ели тюленей, камбалу и других морских рыб, но никогда не ели бы человека. Кроме того, он сказал им:

— Когда вы будете приплывать в залив, люди будут вас просить: «Дайте нам что-нибудь поесть!»

Киты делали так, как он им приказал, и с тех пор они пригоняют морскую рыбу к берегу, так что индейцы могут ее ловить.

До того времени китов-касаток не было.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОБРА

Миф индейцев каррьер [2]

Чета молодоженов покинула озеро Фрэзер, чтобы поохотиться в южных горах, где они разбили свою стоянку близ небольшой речки. Так как мужа не бывало в палатке с утра до позднего вечера, молодая жена его стала чувствовать себя очень одинокой. Чтобы как-нибудь провести время, она соорудила через реку маленькую земляную плотину. Но муж по возвращении нашел, что вода из-за этого стала слишком глубока для перехода ее вброд, и ногой разрушил плотину. Жена заплакала и сказала: «Почему ты разрушил мою работу? Мне было скучно, когда тебя не было, и поэтому я построила плотину, чтобы убить время».

На следующий день, когда муж снова ушел, жена построила новую плотину, которую он тоже разрушил. Это повторялось до тех пор, пока жена очень сильно не рассердилась.

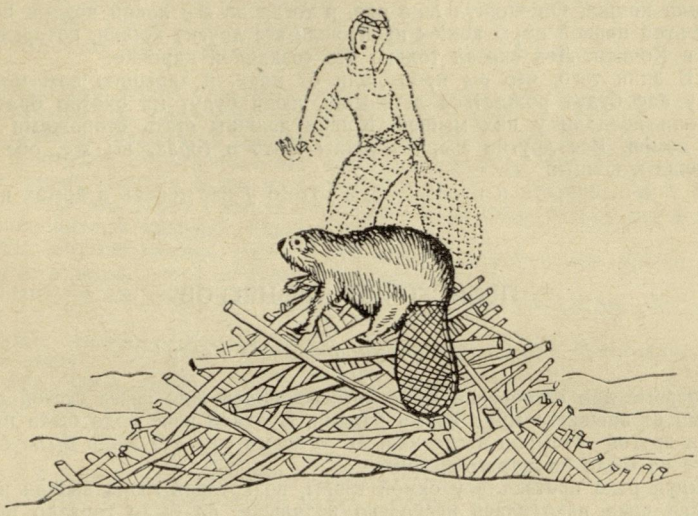
Однажды вечером, вернувшись с охоты, мужчина увидел очень большую плотину, которая пересекала всю реку и посреди которой находился домик

---

[1] По Джону Р. Суонтону.

[2] По Дайамонду Дженнессу.

бобра. Он увидел и жену на берегу, но когда она заметила его приближение, то обвязалась набедренной повязкой и протащила конец ее между ног, так что он стал похож на хвост бобра. Потом она вошла в воду и спряталась в домике бобра. Муж, как обычно, разрушил плотину, но нигде не мог найти свою жену. Поэтому он пошел домой и лег спать один.



Как жена индейца превратилась в бобра.

На другое утро он снова пошел на охоту и по возвращении застал жену за тем, что она работала над домиком бобра. Плотину она вновь исправила. По виду жена еще больше стала походить на бобра, и мужу не удалось ее поймать. Тогда он испугался, что семья жены может подумать, что он ее убил, если она больше не покажется, и он пошел и привел всех ее родственников, и все они собрались на берегу.

Стоя там, они увидели, как из домика вышел большой бобер и встал на верхушку строения. Это была жена, набедренная повязка которой тем временем совершенно превратилась в большой плоский бобровый хвост. Жена крикнула своим родным:

— Муж меня не убивал, но я превратилась в бобра. Идите домой. Я не могу больше жить с людьми.

Вот почему живот и внутренности у бобра такие же, как и у человека, и почему теперь на свете имеются бобры.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОШКИ

Сказка индейцев кочити, Новая Мексика[1]

Вблизи «Расписанной пещеры» находилась деревня, и однажды из этой деревни вышли олень, медведь, лев, рысь и дикая кошка. Они сказали:

— Мы отправимся на восток и будем там кормиться, как сумеем. — Но прежде чем отправиться в путь, они сказали друг другу:

[1] По Рут Бенедикт.

— Среди нас есть все виды животных, но нет домашней кошки. Где бы нам получить кошку?

Посреди собравшихся стоял лев, а вокруг него сидели старейшины из зверей и курили. И лев сказал им:

— Ну что ж, я готов.

Он сделал глубокий вздох, а потом чихнул. И вот, из его правой ноздри выскочила кошка. Он чихнул еще раз, и тогда из его левой ноздри появился кот. От этой первой пары кошек произошли все другие кошки, которые живут сейчас в Кочити. Лев сказал только что созданной парочке:

— В знак того, что вы произошли от меня, я завещаю вам мое лицо. Когда у вас будут рождаться детеныши, люди будут их охотно брать себе, чтобы они поедали у них мышей. Кошки должны стать сторожами человеческих домов. Все другие звери должны жить в горах, вы же, обе кошки, идите вниз к кочити.

Все так в точности и произошло, и оттого у нас теперь в домах имеются кошки.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕГРОВ

Сказка фьорт, Французское Конго [1]

В первые дни сотворения мира четверо людей шли через густой лес, отрезанный от внешнего мира двумя реками. В одной реке вода была прозрачная, а в другой — темная и грязная. В то время еще все люди были белые и на свете не было ни одного негра.

Темная река протекала у самой тропы, по которой люди вышли из лесу, а светлая река находилась несколько подальше, но было гораздо приятнее идти бродом через чистую воду. Посоветовавшись между собой, люди решили перейти через мутную реку, и двое из них тотчас же так и поступили. Но двое других заколебались и побежали прочь. Двое в грязной реке стали им кричать, чтобы они последовали за ними, но их товарищи продолжали упорно бежать к прозрачной реке, чтобы перейти вброд через прозрачную, чистую воду. Когда же они, перейдя ее, оказались на другом берегу, то увидели, к своему ужасу, что они почернели и что светлыми у них остались только те части тела, которыми они прежде касались мутной воды, а именно губы, подошвы ног и ладони.

Когда четверо людей вновь сошлись вместе, они решили разлучиться. Достигнув цели своего путешествия, черные нашли там только хижины и женились на живших в них черных женщинах. Белые же, перешедшие вброд мутную реку, нашли большие дома с живущими в них белыми женщинами, на которых они и женились.

Вот отчего одни люди являются белыми, а другие черными.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЕСНИ ДАУЗИ

Миф мандинго, Западная Африка [2]

Жил некогда великий герой по имени Гассире. Он побивал всех своих врагов, грабил их дома и думал, что слава его подвигов никогда не будет забыта.

---

[1] По Р. Э. Деннетту.

[2] По Лео Фробениусу.

Возвращаясь однажды домой после яростного сражения, он заметил в траве куропатку, которая сидела там и пела. И он стал прислушиваться к словам ее песни.

— Нет такого человека, владеющего самым острым мечом, который не был бы забыт. Преходящи, о Гассире, твои военные подвиги, потому что их порождает грубая сила. Даже обо мне, поющей эту песню, когда-нибудь забудут, но моя песня будет продолжать жить. Я благодарю богов, давших мне петь эту песню, которая называется Даузи! Герои, и города, и страны — все они когда-нибудь будут забыты, но не Даузи — песня, которая будет жить вечно!

Услышав эту песню куропатки, герой Гассире впал в задумчивость и принялся размышлять. Он отправился за советом к одному мудрому старцу. Старик сказал: «Куропатка права! Преходящи подвиги, совершенные мечом! Герои, и города, и страны — все они когда-нибудь будут забыты, но не Даузи — песня, которая будет жить вечно!»

Выслушав это, герой Гассире отправился к кузнецу, потому что в Африке все ценное делают кузнецы. Гассире сказал:

— Сделай мне лютню, чтобы я мог играть на ней песню Даузи, потому что Даузи — песня, которая будет жить вечно.

Кузнец сказал ему: — Лютню я тебе сделаю, но лютня не сможет петь!

Гассире ответил: — Кузнец, делай свою работу. А что будет дальше, это уж мое дело!

Кузнец сделал лютню и принес ее Гассире. Гассире ударил по струнам и попытался играть на ней. Но лютня не желала петь. И Гассире спросил кузнеца:

— В чем дело? Почему не поет лютня?

Кузнец сказал: — Я тебя уже предупреждал об этом.

— Сделай так, чтобы лютня пела, — сказал Гассире.

Но кузнец ответил: — Я сделал свою работу. А дальше уж твое дело.

— Что же мне делать? — спросил Гассире.

Кузнец ответил ему: — Лютня — это всего лишь кусок дерева. Она не может петь, потому что у нее нет сердца. Твое дело — дать ей сердце. Дерево должно отправиться в бой на твоей спине. Оно должно впитать в себя твое дыхание и твои слезы. Твои заботы должны стать его заботами, а твоя слава — его славой. Оно должно перестать быть частицей того дерева, из которого его вырезали. Оно должно стать частью твоей судьбы.

Гассире призвал к себе после этого своих восьмерых сыновей и обратился к ним с такими словами:

— Сегодня мы все отправимся в бой. Но то, что мы совершим нашими мечами, не должно быть позабыто. Звон наших мечей должен пребывать в веках. Я сам и вы, мои восемь сыновей, все мы будем продолжать жить в песне, которая называется Даузи.

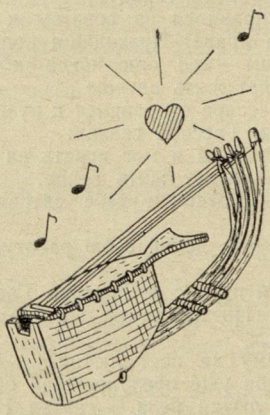
Они отправились в бой и бились как герои. На спине у Гассире висела лютня. Биение его бесстрашного сердца отзывалось на древесине лютни, и когда Гассире победоносно возвращался домой, на лютню падали капли пота, который покрывал его уставшее тело.

Восемь дней подряд ходил он в бой со своими восемью сыновьями, и лютня все время висела у него на спине. Но в каждый из этих восьми дней падал сраженным один из его сыновей. Гассире относил домой их тела на спине, и кровь их капала на лютню. Когда же у него не осталось ни одного сына, он заплакал впервые в жизни, и его слезы оросили лютню.

Настала ночь, и все люди уснули. Только Гассире сидел одинокий у своего огня. Он думал о своих героических делах и понял, что все они были напрасны. И он снова горько заплакал в своем одиночестве.

Вдруг рядом он услышал голос. Казалось, он исходил из самой глубины его собственного сердца. Гассире прислушался. И его охватила дрожь, потому что он услышал, как поет лютня. Она пела Даузи — песню, которая никогда не умрет. Лютне дали сердце не его подвиги, а его слезы. Поэтому она и запела.

Прошло уже много столетий с тех пор, как умер Гассире. Звон его меча забыт. Но мы попрежнему продолжаем петь песню его сердца — Даузи, песню, которая всегда будет жить. И те, которые родятся после нас, будут тоже продолжать ее петь.



Глава XV

ЦАРСТВО МЕРТВЫХ

Наше отношение к тому несомненному для нас факту, что придет день, когда перестанет биться и наше собственное сердце, зависит от нашей личной жизненной философии и от тех взглядов, которые примиряют нас с фактом неизбежности смерти. Осужденный на казнь в одном из произведений Виктора Гюго утешал себя под сенью гильотины такими словами: «Все люди приговорены к смерти, неизвестен только день казни». Размышления о неизбежной смерти обычны у людей высокой культуры; но это находится в резком противоречии с миром представлений первобытных народов. Хотя первобытные люди постоянно сталкиваются со смертью, неотвратимость которой гораздо более очевидна среди девственной природы, чем в цивилизованном мире, и хотя им приходится поддерживать свое существование главным образом за счет охоты на зверей, все же тот факт, что рано или поздно и они сами также должны будут умереть, не воспринимается первобытными людьми как неумолимый закон природы. Примитивный человек не убежден в неизбежности смерти.

Большинству первобытных народов смерть представляется несчастьем, вызванным сверхъестественными силами и прежде всего колдовством. Смертельная болезнь свидетельствует о действии злого умысла, и даже несчастные случаи являются следствием заговора враждебных духов. В Австралии, в Южной и Северной Америке, в Меланезии, в Африке, на Мадагаскаре и в других местах смерть — лишь следствие «сверхъестественных» причин, которым противостоит человек, полный страха и сомнений. Как следует из различных древних мифов, смерть может быть вызвана и вследствие «ошибок» сверхъестественных сил. Очень многие племена убеждены также в прямой связи между половыми сношениями и смертью и в том, что «изобретение» физической половой связи привело к «возникновению» смерти. Но они вовсе не задумываются над неизбежностью их собственной смерти, наступление которой, по их верованиям, совсем не обязательно. Первобытные люди твердо убеждены в возможности спастись от смерти. Для этого, по их мнению, нужно лишь обладать умом, проявлять осторожность и жить в мире с духами. Так, например,

многие африканские племена, в том числе кпелле, питают величайшее уважение к старикам за то, что они проявили достаточно ловкости, чтобы в течение долгих десятилетий противостоять покушениям колдунов, демонов и ревнивых духов предков.

Но что бы ни думали различные народы о смерти, ясно одно: у всех племен на земле имеется вполне определенное представление о том, чего должны ожидать умершие после своей смерти. В большинстве случаев они представляют себе вполне определенное место, где мертвые продолжают существовать точно таким же образом, как и на земле, и все народы хоронят своих умерших в точном соответствии с этими своими представлениями.

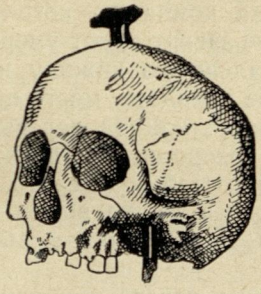
Даже у народов самых примитивных культур виды погребения отличались таким разнообразием, что были бы тщетны все попытки установить, какие из них являются наидревнейшими формами. Уже в Тасмании и Австралии мертвых сжигали на костре либо хоронили в могилах. Многие племена Северной и Западной Австралии хоронят мертвых в дуплах деревьев, кладут их на высокие помосты или хоронят в пещерах, как, например, в штате Виктория. Иногда трупы сначала высушивают на солнце или на огне, а потом уже кладут на ветви или в дупло дерева. На острове Сан-Кристобаль известен двадцать один способ погребения — начиная с погребений в земле, в море, в расселинах скал, на деревьях, помостах или в мешках и кончая сожжением и мумификацией.

Все эти способы погребения и большая тщательность, с какой они совершаются, порождены не только заботой о покойнике, но и прежде всего страхом, как бы человек, вырванный из общества вследствие «несчастного случая» — смерти, не вышел вновь из своего состояния неподвижности и не напугал оставшихся в живых или не причинил бы им вреда. Представление о ревнивой мстительности мертвых проходит красной нитью через похоронные обряды человечества, начиная с доисторических времен и кончая нашей современной цивилизацией. Камни, которые наваливались на тасманийскую могилу, связанные мумии Египта и забитые гвоздями гробы наших дней — все это восходит к одному и тому же атавистическому страху.

Приемы, которыми пользуются для того, чтобы заставить трупы оставаться в своих могилах, отличаются чрезвычайным разнообразием. В Австралии дуплистое дерево, служащее в качестве гроба, пронзается иногда еще копьем, чтобы прочно «пришпилить» шею мертвого, в иных случаях все дерево сжигается после погребальной церемонии. Тасманийцы перед погребением связывали трупы по рукам и ногам, чтобы пресечь всякую попытку с их стороны освободиться. В доисторической Испании прибивание мертвых гвоздями к доскам, на которые их клали в могилу, было традиционным погребальным обычаем. Были обнаружены целые кладбища, где скелеты похороненных людей

носили все признаки «повторного убийства». Чаще всего это были черепа, пробитые огромными гвоздями. Обычай этот существовал в течение очень длительного времени и позднее сохранился лишь у некоторых групп населения.

Так, первобытные народы во всем мире принимают меры к тому, чтобы лишить возможности немого пленника покинуть его могилу и направить свои магические силы против общества. Многие формы существования, в которых продолжают жить мертвые, делают их появление вновь особенно опасным. В юго-восточной Австралии они пребывают на небе в виде звезд и иногда тайком



Череп, пробитый гвоздем (*Пуиг Кастельяр, Испания*).

Череп, раскрашенный белой, красной и желтой красками (*племя копабинга, земля Арнгем, Австралия*).

встречаются с колдунами племени. Даже менее просвещенные члены племени слышат по временам их голоса и видят по утрам следы их ног на земле. Само тело также может продолжать свое существование, хотя бы и в несколько измененном виде. В различных местностях Австралии, Африки и Южной Америки первые белые, проникавшие на племенную территорию, принимались за духов умерших членов племени.

Для того чтобы умерший оставался на месте своего погребения, его друзья и близкие стараются устроить ему его новый дом как можно уютнее. Иногда лицо и тело предохраняют от непосредственного соприкосновения с землей, в других случаях труп кладут в нишу в скале, которая защищает его от ненастья. Както австралийское племя виммера похоронило в земле одного красивого юношу. Но когда начались ноябрьские дожди, соплеменники решили, что ему «очень неуютно» в его могиле. Поэтому труп выкопали и похоронили снова в дуплистом дереве, тщательно заделав дупло.

Кроме того, мертвым оказывают почести, произнося над ними речи и давая обещания. Однако, доказав покойнику таким образом свою преданность, живые спешат скорее уйти подальше от

могилы, чтобы умерший не догнал их. Но и у отсталых народов мы уже встречаем обычай просто бросать трупы на произвол судьбы в каком-нибудь отдаленном месте. Этот обычай, хотя и по другим причинам, типичен для народов арктических культур и для скотоводов. Иногда люди не хотят тратить времени даже на то, чтобы подождать момента наступления смерти, и убегают от страшного духа мертвого, прежде чем умирающий успел испустить последнее дыхание.

Когда у живущих в Восточной Боливии индейцев мохос кто-то утонул в результате несчастного случая, они немедленно покинули свои жилища и бежали в леса, чтобы помешать таким образом мертвому взять с собой за компанию кого-нибудь из товарищей. Обитающие там же неозе завертывают умерших в циновки и сооружают над трупом маленькую хижину из листьев мотаку, после чего как можно скорее покидают место погребения. Там, где мертвых хоронят на помостах или на деревьях, позже часто подбирают кости, чтобы их похоронить, и носят с собой в качестве амулетов части скелета, чтобы заверить мертвого в том, что память о нем хранится, и в то же время использовать к своей выгоде свойственную этим останкам магическую силу.

Австралийцы раскрашивают кости и черепа покойников красной и желтой охрой и хранят их как магические фетиши. Андаманцы, которые хоронили своих мертвых в земле в сидячем на корточках положении или в лежачем положении на деревянных помостах, скрытых в кронах деревьев, собирали затем их кости, и друзья и родственники носили эти кости в виде украшений.

Тасманийцы западной части острова тщательно собирали остававшиеся на месте тлеющего костра кости умершего, завязывали их в куски кожи и носили с собой в качестве амулетов, оберегающих их от болезни или несчастья. Этот обычай существует и по сие время в современной Японии, где собирают кости мертвых, преданных сожжению. Оплакивающие своих детей отцы, например, выбирают их кости из золы, чтобы хранить их в каком-нибудь освященном месте.

Еще одним страшным напоминанием о мертвых является жидкость, капающая с трупов, похороненных на деревьях или помостах. Ей тоже приписываются магические свойства, которые живые стараются использовать к своей выгоде. В Восточном Квинсленде, например, у племени куинмурбурра, которое хоронит тела своих героев на помостах, юноши становились так, чтобы эта жидкость стекала по их телам, вливая в них храбрость мертвого. Туземцы области Беленденкер натирались этой жидкостью, чтобы быть сильными, а нарриньери собирали ее в сосуды и употребляли во время своих магических обрядов. Жители Центральной Азии натирают себе ноги могильной землей, чтобы «не уставать при долгих переходах».

Это стремление использовать магические силы предков к выгоде живущих особенно сильно выражено у земледельческих народов. Так как они ведут оседлую жизнь и не могут покинуть места, где произошла смерть, им пришлось думать о том, как поддерживать особо дружеские отношения с умершими. Поэтому все их взгляды на явления жизни и смерти порождены их представлениями о прочных связях с мертвыми предками и подчинены им, причем, как они думают, души предков живут с ними рядом, в теснейшей связи. Хотя души и не представляются бессмертными, в отличие от учения наших религий, все же они продолжают и впредь существовать в некоторых частях тела, но в другом виде. По истечении некоторого промежутка времени после физической смерти души начинают «стареть» и постепенно исчезают.

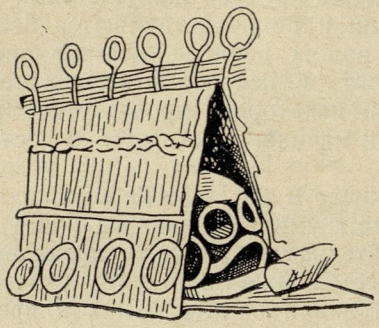
Во многих местах, в том числе и на Ново-Гебридских островах, туземцы считают, что души умирают дважды или трижды, прежде чем они умрут окончательно. Часто духи предков могут, повидимому, продолжать существование лишь в том случае, если их связывает с живыми постоянная память о них и преподносимые им жертвенные дары. Многие земледельческие народы верят в ряд последовательных возрождений, хотя вера эта и не связана с этическими представлениями, которые характеризуют идею возрождения у народов высоких культур. Так, даяки Борнео верят, что душа живет на том свете в семь раз дольше, чем на земле, что затем она вновь возвращается на землю и возрождается там в виде гриба, плода, травы или цветка. Если человек съедает такое растение, то у него родится ребенок, в котором продолжает жить душа умершего.

Во времена крайней нужды и опасности живые обращаются к мертвым, умоляя их о защите и помощи. Такими призывами о помощи являются магические формулы или молитвы, с которыми обращаются к мертвым, сопровождая их подарками. Этот постоянный контакт с мертвыми совершенно чужд взглядам и обычаям собирателей и охотников, которые не приносят мертвым никаких жертв.

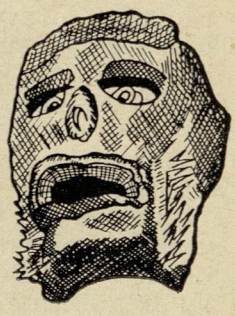
Душа человека живет, как мы уже видели, в определенных частях его тела — в сердце, мозгу, крови, печени, почках, дыхании — либо в его тени. Но в большинстве случаев местопребыванием души является его голова. Поэтому у народов этих культур голова приобретает совершенно особое значение как центральный орган мистических сил. Часто выкопанные из земли черепа не только расписывают красками и украшают, но и придают им при помощи глины живое портретное сходство, что является признаком наивысшего почитания. Вместо глаз им вставляют раковины. Выкопанные из земли черепа, находящиеся в хижине, общественном доме или в специальном домике для черепов, чтутся как святыни. Военные советы и судебные заседания проводятся в их

священном присутствии, и все важные решения принимаются с их «помощью».

Желание использовать присущие черепам магические силы в интересах общества выражается не только в ритуальном хранении черепов предков, но и в стремлении захватить как можно больше черепов, хотя бы они и принадлежали чужим. Поэтому случается, что мужчин, женщин и детей других племен убивали



Домик для черепа (*Восточная Меланезия*).



Череп, облепленный глиной и раскрашенный, с вставленными вместо глаз раковинами (*Меланезия*).

с единственной целью заполучить их черепа. К местностям, где распространена была охота за головами, принадлежат прежде всего Новая Гвинея и некоторые места северной части Южной Америки. С аналогичными же представлениями связана и охота за скальпами у североамериканских индейцев; скальпы пользовались очень большим почетом как магические фетиши. Чем большим могуществом и значением обладает жертва, тем могущественнее магические силы ее головы или черепа.

Тщательно мумифицируют, впрочем, не только черепа, но и мягкие части головы. Особое развитие этот обычай получил при препарировании знаменитых головных трофеев индейцев хиваро.

Привилегией изготовлять такие трофеи пользовались только воины, убившие врага и обагрившие свое копье его кровью. Препарирование человеческой головы производилось следующим образом: тщательно разделив волосы жертвы на пробор, делали надрез от лба до затылка и сдирали с черепа кожу, оставляя только язык и глаза. После этого мускулы сшивали растительными волокнами, а губы плотно скалывали бамбуковыми щепочками. Открытым оставалось только затылочное отверстие. Такие мешки из кожи нагревали затем в воде, и вынимали их прежде,

чем закипит вода. После этого они съеживались до трети своей первоначальной величины. Знахари племени, которые придирчиво следили за всем процессом изготовления трофеев, подавали знак, что теперь можно приступать к окончательному препарированию голов. Кожи с голов наполнялись через шейные отверстия горячим песком, затем набитые головы очень медленно, примерно в течение сорока восьми часов, «разглаживались», пока кожа не станет гладкой, твердой и прочной и не приобретет свойства прочной кожи животных.

Голова врага — военный трофей хиваро.

«Вся голова, — пишет Уп де Графф, который дает наиболее подробное описание этого процесса, — оказывается после этого величиной с апельсин средней величины. Выражение лица сохраняется поразительно похожим на живой прообраз. Фактически эти съежившиеся головы представляют собой в миниатюре точную копию былых черт лица. Каждая линия, каждый волос и каждый рубец — все это вплоть до выражения лица сохраняется без изменения». Волосы сохраняют свою первоначальную длину и поэтому кажутся длинной гривой, эффектно обрамляющей препарированную, но сохранившую врожденное сходство голову. Тот, кто видел эти трофеи в музеях, не может, несмотря на их страшное происхождение, отделаться от впечатления, что эти головы как бы живые.

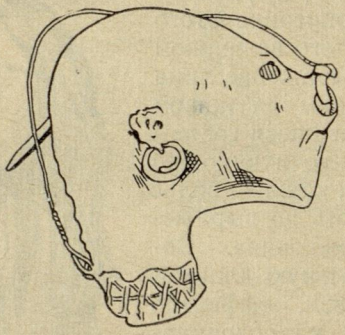
С точки зрения сходства с живыми, набитые головы Новой Гвинеи не идут ни в какое сравнение с трофеями хиваро. Охотники за головами племени дорро, которые главным образом занимались изготовлением таких голов, набивали их корой и волокнами кокосового ореха, удаляли с головы волосы и заполняли глазные впадины глиной.

Вера земледельческих народов в магические силы головы привела к развитию резных масок, являющихся изображением духов мертвых. Смысл танцев, во время которых надевают эти маски, заключается не только в стремлении почтить души предков, но и прежде всего в желании использовать в интересах общества силы душ мертвых.

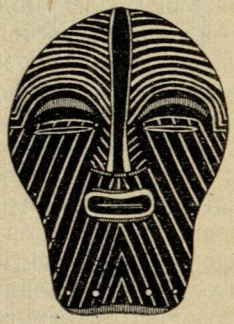
Замечательные по своей выразительности маски земледельческих народов представляют высочайшую ступень их художественного творчества. Некоторые африканские образцы выглядят как готические святые. Другие, главным образом океанийские, представляют собой расположенные друг над другом изображе-

ния животных, людей или духов. К таким принадлежат, например, знаменитые «малаганы»[1] некоторых меланезийских островов, символические изображения душ умерших, называемые именами умерших. Основанием вырезанного в виде колонны ряда изображений часто служит голова свиньи — почетный дар умершим от родственников.

Примером тесной связи между почитанием черепов и костей и резными масками служит один из обычаев папуасов нор на Новой Гвинее; они тотчас же после похорон кладут на обычное место мертвого маску, воздавая ей вместо него почести до тех пор,



Набитая человеческая голова (*Новая Гвинея*).



Деревянная танцевальная маска (*Южное Конго*).

пока не станет возможным выкопать из земли его нижнюю челюсть. Близкие хранят эту челюсть как талисман и смотрят на нее как на связующее звено между миром смертных и миром духов предков.

Но странствуют не только души мертвых. Души живых тоже не всегда бывают привязаны к месту своего пребывания — к голове человека. Доказательством этому служат якобы сны, то есть приключения блуждающей души, когда душа живого может в любое время покинуть тело на более или менее продолжительное время. Это верование до сих пор еще живет в сказаниях и суеверных представлениях всех народов, начиная со времен Греции и Рима и кончая сказаниями обитателей отдаленных стран цивилизованного мира; там в старых сказках рассказывается о том, как мышь, шмель, пчела и другие существа выползают изо рта спящего, чтобы отвезти душу в царство снов, откуда она возвращается перед пробуждением.

---

[1] «Малаган» (точнее «ма́лангане») — резные и раскрашенные деревянные маски, употребляемые главным образом на острове Новая Ирландия. — *Прим. ред.*

При помощи колдовства в тело спящего человека может проникнуть и чужая душа — отсюда то особое душевное состояние, которое мы называем помешательством.

Только когда человек умирает, душа навсегда покидает его тело, в большинстве случаев потому, что ее прогоняет злой колдун. Поэтому у земледельческих народов поиски «виновного», причинившего смерть ближнему, играют очень важную роль. Но чаще всего до погребения душа мертвого пребывает поблизости от трупа и отправляется в страну душ лишь после второго окончательного погребения, когда сгниет тело похороненного. Часто также души приходят с того света в качестве своего рода «приемной комиссии», чтобы надежно препроводить нового согражданина в страну мертвых. У апачей они принимали образ сов, которые уводили души усопших на «счастливые охотничьи угодья».

Иногда тело умершего торжественно прощается с оставшимися в живых друзьями и родными. Так, на острове Понапе мертвого перед похоронами носят от одной хижины к другой, с тем чтобы у каждого жилища собрать дань слезами и причитаниями. Мужчина берет с собой в могилу весло, а женщина — ткацкий станок. Над могилой сооружается маленькая хижина, в которой ближайший родственник проводит пять-шесть ночей. После этого хижину разрушают, и оплакивающие покойника с обрезанными в знак траура волосами возвращаются к своей обычной жизни.

Поисками «виновника» смерти с особенным усердием, как указывает Тессман, занимаются у пангве. Сама церемония позволяет им установить, не был ли умерший и сам колдуном, виновным в смерти других. В этом случае в его внутренностях оказывается «эву», какая-нибудь гадость, свидетельствующая о том, что покойник был злым колдуном и он недостоин того, чтобы его похоронили так, как хоронят «хороших людей», являющихся «сыновьями света». Для того чтобы установить, к какой категории относится покойник, в качестве важнейшего участника похорон выступает знахарь или «мот а лен» («человек, который разрезает»). Но прежде чем он приступит к своим обязанностям, из группы близких покойника выходит старик, чтобы произнести длинную речь, заканчивающуюся призывом к кровной мести в случае, если бы удалось опознать «виновника», вызвавшего смерть. После этого приносят тело и кладут его на кусок коры. С мертвого снимают одежду и украшения и тело его уносят на огород позади хижины, где его кладут на землю рядом со свежевыкопанной обложенной листьями могилой. Теперь наступает важный момент, когда знахарь решает, был ли покойник «сыном света» или злым колдуном. Он разрезает тело, осматривает внутренности и сообщает данные осмотра. В зависимости от результатов — «хорошего» покойника заботливо хоронят в гробу из коры, а злого чародея поспешно закапывают.

Родственники умершего в знак траура носят передники из листьев вместо обычной одежды, бреют себе головы, воздерживаются от половых сношений и сидят в хижинах. Иногда они окрашивают себе лица в белый цвет — цвет смерти.

Душа умершего пангве продолжает скитаться среди живых в образе дикого зверя, чтобы отомстить человеку, умертвившему ее тело. С другой стороны, душа может быть и доброй. Если, например, умирает отец, оставляя любимого, но бедного сына, то он может пожертвовать ему свою жизнь на том свете, превратившись в тигра, который позволяет сыну его убить (а вместе с этим и душу отца). Этой жертвой он дает сыну возможность продать ценную шкуру и кости тигра и на вырученные деньги приобрести жену.

Прежде чем умерший пангве последует приглашению душ предков отправиться вместе с ними в страну Нсамбе (он узнает об их присутствии во время агонии и приветствует их словами: «Вот они!»), он часто остается еще на некоторое время в тени деревьев, где по ночам можно слышать его шопот. Примерно через год родственники полагают, что он уже приготовился к тому, чтобы отправиться в страну Нсамбе. Перед его хижиной торжественно выставляют напоказ его лучшие одежды, и в честь покойного устраивают танцы и пир.

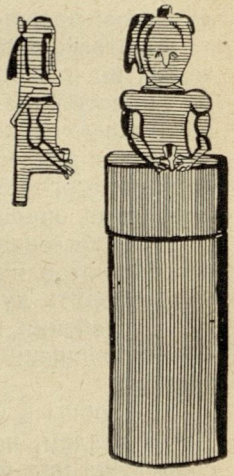
Управляемая Нсамбе, богом-творцом, страна душ представляет собой счастливое место, где живут так же, как и на земле, но только без человеческих забот. Нсамбе дарит живущим там душам большие плантации, животных и топливо, и всем членам этой блаженной страны предоставляется в распоряжение столько пищи и женщин, сколько они захотят. «Злые люди» получают там прощение, и каждый находящийся там мертвый безмятежно счастлив. Однако души тоже стареют и не могут оставаться на небе до бесконечности. Когда они становятся совсем дряхлыми, Нсамбе, «который не терпит ничего безобразного», выбрасывает их вон из страны мертвых. Они падают вниз на землю пангве, где продолжают существовать, слабые и невидимые. Только некоторые животные, особенно термиты, чувствуют их присутствие и воздвигают свои гнезда над «трупами» этих старых слабых душ. Когда гнездо термитов под конец распадается в пыль, это означает, что и души вновь превратились в свое исходное состояние, то есть в пыль, из которой образовались не только солнце, луна и мир, но и все живые существа.

Мертвый продолжает жить теперь только в своем черепе, который его семья выкапывает, чтобы положить вместе с другими более старыми черепами в барабан для черепов, хранящийся в хижине. Во времена нужды, когда Нсамбе насылает на пангве болезнь или неурожай, черепа вынимают из барабана и носятся с ними в священном танце, прося их замолвить перед богом племени словечко за живых. Если эта просьба о помощи остается

втуне, то черепа впадают в немилость, им угрожают, их ругают и на долгое время упрятывают подальше.

Так как в гнездах термитов содержится частица магического вещества душ мертвых, куски этих гнезд собирают и носят их в качестве амулетов. Верование в то, что термиты являются носителями вещества человеческой души, распространено и в других местах, особенно в Океании.

Обычай устраивать пляски в честь отправления душ в страну мертвых общепринят среди земледельческих народов как в Африке, так и в Океании, и в Америке. В большинстве случаев пляски устраивают примерно через год после смерти.



Барабан для хранения черепов у пангве.

Для того чтобы доставить мертвым удовольствие, часто вместе с ними закапывают их имущество или симоволические изображения этого имущества, с тем чтобы во время путешествия в страну душ они были снаряжены надлежащим образом. Некоторые племена уничтожают все земное имущество умершего, чтобы показать ему, что оставшиеся в живых не собираются его «грабить», и чтобы одновременно уничтожить всех носителей «смертельной заразы».

Племена алгонкинов в Новой Англии убивали дорогих собак умирающего, чтобы они успели попасть на тот свет до него. Смертельно больной сам произносил свою надгробную речь, в которой перечислял свои добрые дела, давал указания семье, хвалил друзей и в заключение торжественно со всеми прощался. Тем временем его друзья засыпали его подарками, ели его запасы пищи и дикими криками выражали ему свою скорбь. Когда же он, наконец, умирал, они плотно заворачивали его тело в кожи, «пригнув колени к животу и положив голову на колени так, как он лежал в утробе матери», и хоронили его в этом положении вместе со всем его имуществом — луком, стрелами, сумками, собаками и множеством подарков, которые преподнесли ему оплакивавшие его смерть.

Деревянные фигуры предков земледельческих народов часто воспроизводят это типичное положение трупов, как бы сидящих на корточках. В этой же позе было найдено очень много доисторических скелетов. Индейцы хопи моют волосы умерших экстрактом из пальмовой лилии и придают телу покойника желаемую позу сидящего на корточках, связывая его, если это требуется, шнурами из волокон. Затем его украшают молитвенными перьями, кладя по одному перу в каждую руку мертвого и одно на пупок, «место, где пребывает дыхание человека». Выкопав глубокую могилу, труп кладут так, чтобы его лицо было обращено к западу.

Как пишет Биглхол, «могилу быстро засыпают» и «над ней устанавливают палку, которая служит проводником для дыхания, когда оно отправляется на запад».

Это же стремление обеспечить душе возможность покидать могилу и вновь возвращаться в нее находит свое выражение в существующем на Новой Гвинее обычае втыкать около головы похороненного бамбуковую палку, которая выступает над могилой. Потому что, хотя его предки и его тотемное животное приходят сразу же после смерти, чтобы отнести его в лучшую страну мертвых, все же у него может возникать по временам желание посетить свое прежнее тело в могиле.

Мертвых в позе сидящих на корточках хоронят не только в земле, но и в больших глиняных урнах, корзинах и тому подобных вместилищах. Так, тупи в Южной Америке помещают трупы в огромные глиняные сосуды, чтобы предохранить их от соприкосновения с землей и одновременно быть в полной уверенности, что «дух мертвого не сможет возвратиться». Часто впоследствии кости обмывают, очищают, раскрашивают и хранят в особых корзинах. Бороро обклеивают кости мертвецов разноцветными перьями и устраивают в их честь большие празднества. При этом, «чтобы умиротворить духов», в роли покойников выступают актеры. Такие погребения в урнах в качестве первых или вторых похорон (после очищения костей) в обычае и у чиригуано и у других племен.

Похороны в урне у дусунов Борнео особенно хорошо описаны Дж. Стаалем, побывавшим в маленькой хижине, которая была сооружена над покойником сразу же после его смерти:

«На хижину и вокруг нее кладутся украшения из латуни и дорогие ткани. Приходят друзья и соседи, чтобы оплакать утрату друга, который был добрым соседом и умел пить так хорошо, что, даже будучи пьяным, оставался приветливым и миролюбивым. На ночь у тела покойника остаются двое мужчин, которые, чтобы не заснуть, бьют в гонги и для храбрости пьют свое «шампанское». На третий день тело кладут в глиняную урну. Глядя на эти урны, просто не представляешь себе, как может там поместиться взрослый человек. Однако такую урну разрезают острыми ножами на высоте ее самого широкого диаметра. Затем в ее нижнюю часть засовывают тело ногами вниз, сгибают его колени и втискивают туловище. Голова покоится на коленях или между ними. После этого надевается верхняя часть урны, скрепляемая с нижней смолой и глиной. Жрица размахивает над урной чадящим куском дерева и поет при этом песню, состоящую из непонятного набора слогов. Это делается с целью помешать душам присутствующих прыгнуть в урну».

Так как ни во время полнолуния, ни накануне новолуния похорон не устраивают, урна часто в течение длительного времени остается стоять в доме, где жил умерший. Обитателей дома

нисколько не беспокоит ни «ужаснейшее зловоние», ни слетающиеся мухи, они продолжают быть веселыми, «едят, пьют, болтают и спят» до тех пор, пока, наконец, урна не будет предана земле.

Африканцы джур хоронят в положении на корточках только тех покойников, которые пали «в бою с человеком или животным». Детей же и людей, умерших в постели, хоронят в горизонтальном положении. Могилы окружают оградой и держат их в чистоте и порядке до тех пор, пока термиты не съедят труп. После этого о могиле больше уже не заботятся.

С погребениями в урнах сходны погребения в так называемых «*mound*» (курганах) американских индейцев в долине верхнего течения Миссисипи и в других местах. Но эти курганы могут насчитывать самое большее двести лет, потому что среди тысяч найденных в них предметов культуры, лежавших в урнах или в могилах с намогильными плитами, были обнаружены вещи, несомненно принадлежавшие к культуре белых завоевателей. Китинг объясняет расположение этих погребений тем, что могилы устраивались в курганах прерий, которые представляли собой самые высокие возвышенности на равнине и, следовательно, лучше всего были защищены от наводнений.

Желание по возможности предохранить трупы от действия воды и холода и даже от разложения привело к изобретению различных способов консервации, после применения которых труп уже не претерпевает больше никаких изменений. Древнейшие формы мумификации — сушение и копчение трупов — известны уже многим племенам-собирателям урожая. На островах Гильберта мумифицированные трупы в течение долгого времени остаются в кругу семьи, их всюду носят с собой, они принимают участие в танцах и им оказывают почести, которыми в других местах окружают почетного гостя.

Племени бабвенде в Бельгийском Конго известен крайне сложный способ мумификации, который был подробно описан Манкером. Если умирает вождь или другой выдающийся член этого племени, то тело его подготовляют к погребению, изготовляя так называемый ньомбо. Как только наступает смерть, близкие покойника одеваются в лохмотья, раскрашивают себе лицо красной и черной красками и подвешивают труп на веревке в хижине умершего, где днем и ночью поддерживают огонь. Бдение у трупа и процесс сушки продолжается в течение нескольких месяцев, пока из тела покойника не исчезнет последний след влаги.

За это время друзья и родственники покойного успевают накопить целые горы цыновок из луба, хлопчатобумажных тканей и тому подобных материй, «чтобы он вступил в потусторонний мир не как жалкий и презренный нищий». В хижину призывают мастера-профессионала по изготовлению ньомбо, и он является с уже готовой головой будущего ньомбо, над которой мастер работал с момента смерти высокого сановника. Голова эта

представляет собой произведение искусства, сделанное из красной хлопчатобумажной материи и набитое травой и другими материалами. «Черты лица ее очень живы, щеки мягко округлены, рот с толстыми губами приоткрыт и в нем виднеются заостренные зубы. Глаза эффектно обведены черными и красными кругами. Подбородок украшает борода. Мастер, изготовляющий ньомбо, обвертывает затем черное ссохшееся тело покойника сотнями метров материи, так что получается гигантский сверток. К свертку приставляются руки, ноги и ступни, поддерживаемые искусно сооруженным внутренним каркасом. В заключение грудь фигуры расписывается татуировкой покойника. Готовый ньомбо превышает размеры хижины».

Ньомбо западноафриканского племени бабвенде.

В день похорон вся деревня принимает участие в большом пиршестве, после которого группа мужчин, неся на себе ньомбо, начинает исполнять с ним погребальную пляску. Ньомбо кружится в танце, возвышаясь над хижинами. Но внезапно дикие движения прекращаются и участники погребальной церемонии выстраиваются молчаливой процессией, чтобы торжественно, как на параде, отнести раскрашенную в красный цвет гигантскую фигуру к месту погребения. Когда ньомбо в стоячем положении опускают, наконец, в могилу, все близкие покойника высоко подпрыгивают в воздух. Если кто-либо не захочет или не сможет прыгнуть, он должен будет вскоре последовать за ньомбо. Все присутствующие помогают затем забросать землей огромную могилу, на которую возлагают под конец инструменты и другое имущество покойного, а его хижина сжигается.

Куда же отправляется после этого умерший? Так как он был уважаемым и влиятельным человеком, он отправляется в страну вечного блаженства. Никто не сомневается в том, что щедрость его друзей и родных, которые столь великолепным образом снарядили его в путь, не преминет произвести глубокое впечатление на его новых сограждан в стране душ.

Как нам уже известно по обычаям пангве, страна мертвых в верованиях земледельческих народов отнюдь не является

местом ужасов. Души живут там так же, как и на земле, только без всяких забот и страданий. Их общественная жизнь похожа на общественную жизнь племени, которое они покинули. Они сажают или сеют и собирают урожай, сражаются и борются, но делают все это в идеальных условиях. Земледельческие народы точно знают, что ожидает их на том свете. В соответствии с их мировоззрением у них нет никаких мучительных сомнений.

От этой философии весьма отличны связанные с явлением смерти представления пастушеских народов и полинезийских племен; у них личности придается гораздо большее значение, чем у живущих общинами земледельческих народов. В связи с этим и у пастушеских народов и у полинезийцев значительно слабее выражена вера в то, что все души мертвых продолжают жить, и их представления о жизни на том свете обусловлены их классовыми и кастовыми отношениями. В то время как знать и вожди могут надеяться, что они и после смерти будут пользоваться теми привилегиями, которыми они пользовались на земле, простому народу начисто отказывается в бессмертии. Так, например, на островах Тонга бессмертны только владыки, тогда как простые члены племени перестают существовать с момента их смерти [1].

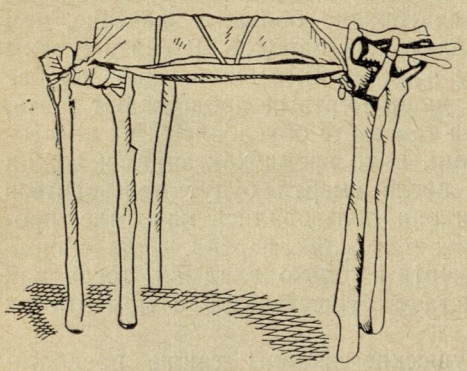
Многие африканские пастушеские народы также предоставляют право на дальнейшее существование после смерти только вождям и жрецам. Народ же в целом, и особенно женщины, лишены всякой надежды на продолжение жизни на том свете. Вообще смерть у этих племен означает уничтожение человека, и дальнейшее существование предполагается лишь в исключительных случаях.

Следы этого мировоззрения обнаруживаются уже у некоторых народов-собирателей урожая, например у австралийских племен аранда и лоритья, у которых душа после смерти, хотя и попадает на тот свет, но очень скоро там совсем погибает. У арабов до принятия ими ислама и у древних иудеев вера в дальнейшее существование души также была очень ограниченной. С усилением же значения личности при жизни, увеличивалось, повидимому, и убеждение, что смерть безвозвратно кладет конец делам и мыслям человека.

Характерное для патриархальных народов почитание солнца привело у них к образованию обычая хоронить своих покойников на вершинах деревьев или на специально сооруженных помостах, с тем чтобы умершие оставались как можно дольше под

[1] Не совсем точно. Вера в то, что лишь одни души знатных живут после смерти, а души простых погибают, — была известна только на одном из архипелагов Полинезии — на островах Тонга (пример, приводимый автором); в других местах такое представление не отмечалось. Сейчас островитяне Тонга (христианизированные в 1840-х годах) совершенно забыли прежнюю религию. — *Прим. ред.*

благословенными лучами священного светила[1]. Поэтому многие племена североамериканских индейцев хоронят своих мертвецов на деревьях или на помостах, укрепленных на сучьях с развилинами. В лесных районах восточнее и западнее долины Миссисипи имеются настоящие индейские кладбища, где тщательно завернутые в цыновки, кожи или бересту трупы покоятся на высоких деревьях или помостах. Такие воздушные могилы бывают украшены черепами животных, луками со стрелами и жертвенными дарами, например табаком. Несмотря на влияние постепенно распространяющегося христианства, многие из этих племен все же продолжают придерживаться своих древних погребальных обычаев. Подобно старому индейцу по имени Пятнистый хвост (*Spotled Tail*) из племени сичангу, они верят, что индеец после смерти «должен идти не туда, куда идет белый человек, а туда, куда с незапамятных времен шел красный человек».

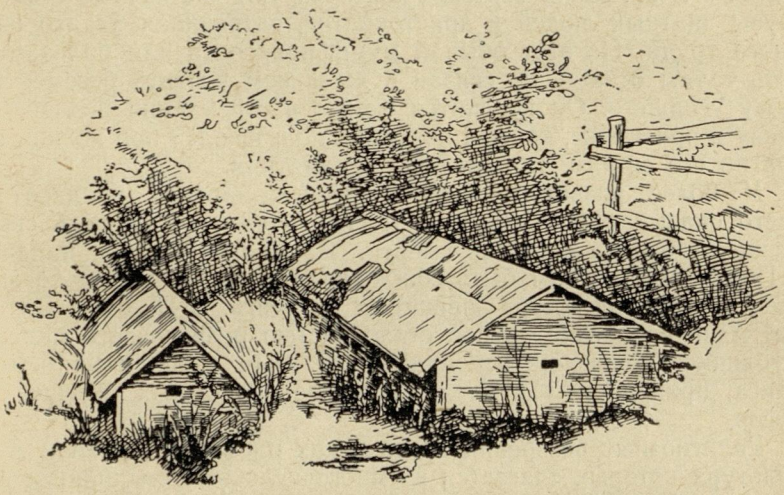


Могила на помосте у индейцев кроу („воронов").

Промежуточную форму между погребением на помосте и погребением в земле представляют собой нынешние могилы индейцев оджибве, которые все еще продолжают придерживаться своих старых верований и все мировоззрение которых попрежнему подчинено религиозному учению мидевивин. Хотя они и хоронят сейчас своих мертвых в земле, но сооружают над могилой ящикообразный домик с крышей. Это ящикообразное сооружение, строящееся над могилой во всю ее длину, располагается в направлении с севера на юг, и мертвый бывает обращен лицом к югу. У намогильного домика имеется похожее на окно отверстие, через которое мертвому подают пищу, питье и украшенные бисерной вышивкой подарки — кисеты для табака и талисманы. Еще в 1947 году я видел у оджибве очень много таких могил, рядом с которыми иногда устанавливают тотемные столбы, обвитые разноцветной материей. Этот погребальный обычай развился, повидимому, из древнего обычая погребения на помосте, который был запрещен в резервациях нынешними законодателями.

[1] Весьма мало правдоподобное объяснение обычая «воздушного погребения». Трудно было бы доказать на фактах связь между культом солнца и воздушным погребением. Последнее было широко распространено и у народов (например, у австралийцев), у которых заведомо не было никакого культа солнца. — *Прим. ред.*

Иногда форма погребения у первобытных народов определяется обстоятельствами, при которых умирает человек. Так, например, миссисауга хоронят умершего охотника на очень высоком помосте, в то время как павших на войне сжигают. Пепел их относят затем к месту погребения поблизости от деревни. Обычай чейенов хоронить мертвых на платформах в корзинах-волокушах является отражением кочевой жизни этих индейцев прерий.



Могилы с ящикообразными домиками у индейцев оджибве. *Слева*: могила ребенка (*озеро Нетт, Миннесота*).

Погребение на помостах оказало также глубокое влияние на погребальные обычаи высококультурных народов. Так, зороастрийские парсы Индии считают, что тело умершего не должно соприкасаться с землей, и поэтому хоронят своих мертвых на «башнях молчания», где на трупы набрасываются стаи коршунов, которые пожирают их мясо, оставляя голые скелеты. Благодаря этому плоть мертвых избавляется от процесса гниения, а земля и прежде всего священный огонь не оскверняются трупами.

Такую же цель преследовали и так называемые «трупопожирающие» гробы Ассоса. Как пишет о них Плиний, «тела покойников пожирались в них в течение четырех дней». До сих пор еще такие гробы высятся на пьедесталах Ассоса. Современная наука доказала, что они обмазывались содержащей алюминий известью и закрывались не настолько плотно, чтобы помешать проникновению к ним мясных мух, о которых Линней писал: «Потомство трех мясных мух съедает дохлую лошадь скорее, чем лев».

Согласно взгляду многих пастушеских племен и родственных им групп народов, труп человека представляет собой не имеющую никакого значения мертвую оболочку. Следствием этого явился обычай оставлять тело покойника там, где он умер; этот обычай особенно широко распространен в Восточной Африке. В Полинезии трупы иногда относят в пещеры, где они и остаются без всякого попечения, предоставленные своей собственной судьбе.

Любопытно, что именно народы, обычно очень мало заботящиеся о телах своих мертвых, консервируют «на вечные времена» трупы знатных людей и аристократов, затрачивая на это очень много труда. Но этот обычай мумифицировать или бальзамировать трупы отнюдь не связан с желанием почтить бессмертную душу усопшего. Он коренится скорее в стремлении подчеркнуть славу и признание, какими покойник пользовался при жизни, превратив его самого, так сказать, в памятник.

У более развитых патриархальных народов предпочтение часто оказывается сожжению трупов — обычаю, который символизирует окончательность смерти. Во многих местах, например в Полинезии, правом быть сожженным пользуются только знатные, причем род костра зависит от их ранга. В Индии и Восточной Азии сожжение трупов стало частью религиозного ритуала. Публичное сожжение покойников, главным образом на берегах Ганга, принадлежит к числу наиболее священных обычаев индусов.

Религиозные воззрения арктических племен Америки и Азии, культура которых слагается из многочисленных смешанных комплексов, более близки к анимистическим верованиям земледельческих народов, чем к напоминающим вероучения эпохи феодализма взглядам патриархальных народов. У них не только человек и животное, но и дерево, облако, скала и река — все без исключения имеют свои души (называемые, например, у наскапи — «мистапео»), и даже в мертвом теле живут магические силы, которые могут оказывать благотворное или дурное влияние на судьбы живых. Вследствие гетерогенного характера их культуры арктические народы заимствовали у других обществ самые различные формы захоронения. У них встречаются и захоронения в земле с заваливанием могилы камнями, и выбрасывание трупа на растерзание зверям, и сожжение, и погребение на помостах. Гиляки и чукчи сжигают своих покойников [1], собирают золу и сооружают над ней маленькие хижины, за которыми с благоговением ухаживают близкие покойного. В отличие от них

[1] Обычай кремации трупов более характерен для коряков, чем для чукчей. У чукчей он практиковался только в местностях, более богатых лесом, которого вообще на Чукотке мало. Преобладающая форма погребения у чукчей — оставление покойника в тундре на земле. У гиляков (нивхов) обычай трупосожжения — одна из особенностей, отличающих их от соседей. — *Прим. ред.*

монголы спокойно взирают на то, как собаки сжирают труп того, кто за час до этого был еще живым человеком.

В этой связи интересно кратко ознакомиться с погребальными обычаями начезов (начей) — того необыкновенного вымершего народа, который некогда жил в долине нижнего течения Миссисипи. В сообщениях старых писателей нет никаких указаний на то, чтобы проявлялась какая-либо забота об умерших членах низшей касты — стинкардах, зато точно известно, что похороны «солнца», благородного властителя, были событием первостепенного значения. Иезуит Гравье и Пенико дали захватывающее описание таких похорон. Во время погребальной церемонии приходилось умирать многим ни в чем не повинным людям, включая не только поваров и слуг, которые должны были продолжать выполнение своих обязанностей и на том свете, но и маленьких детей, специально избиравшихся для этого их собственными родителями.

В 1704 году умерла женщина-«солнце», муж которой, происходивший из класса стинкардов, был немедленно удавлен, чтобы сопровождать покойницу в Великую Деревню. Оба были уложены на установленный в их доме великолепный катафалк, а на деревенской площади были сооружены четырнадцать помостов, перед каждым из которых стоял в ожидании празднично разряженный мужчина — *morituri* (идущий на смерть), — еще при жизни покойницы пожертвовавший ей по обету свою жизнь. Каждый из четырнадцати сам сплел себе шнур, которым его должны были удавить, лица их были выкрашены красной киноварью и к каждому было приставлено по пять рабов для услуг. «Спустя четыре дня после смерти великого «солнца», — рассказывает писатель, бывший современником покойницы, — началась церемония, называемая «маршем трупов». В честь умершей отцы и матери двенадцати детей моложе трех лет собственноручно удавили их и «украсили» их маленькими телами катафалк. Когда выстроилась погребальная процессия, впереди нее шли отцы со своими мертвыми детьми на руках. В заключение родственники умершего «солнца», затянув песню, удавили четырнадцать разряженных мужчин».

Обычай убивать людей в честь умерших является по преимуществу обычаем народов высоких культур. Он развился из представления о том свете как о точной копии жизни на земле. Так, у древних китайцев небо и преисподняя были населены целой чиновничьей иерархией, выполнявшей те же функции, что и земные их прообразы. И действительно, ни один народ не может представить себе такой потусторонний мир, где общие жизненные условия и блага не соответствовали бы в основном земным образам. Когда папа во время торжественной церемонии канонизирует нового святого, он публично обращается «ко всем членам небесного судилища».

Представление о загробной жизни получило развитие главным образом из анимистического мировоззрения земледельческих народов, с которым в дальнейшем смешались этические представления различных высококультурных религий. Классовый и кастовый строй пастушеских народов находит свое отражение в стремлении как можно великолепнее снарядить отбывающую душу для путешествия на тот свет.

Обычай связывать мертвых, как мы уже видели, столь же древен, как и сама смерть, и едва ли была найдена хотя бы одна доисторическая могила, которая не свидетельствовала бы о вполне очевидных усилиях, принимавшихся для того, чтобы воспрепятствовать возможному возвращению мертвого назад. Часто несколько костей скелета убиралось и прикладывались другие кости, чтобы «сбить мертвого с толку»; иногда голову покойника поворачивали лицом вниз или причиняли ему какие-либо замысловатые увечья. Точно так же и в наши дни первобытные народы связывают руки трупа позади у затылка, огораживают могилу баррикадами, обезглавливают покойника перед погребением, прокладывают дороги, ведущие якобы к деревне, а на деле куда-нибудь в глушь, либо крепко опутывают труп веревками, чтобы он не мог освободиться.

Особенно предусмотрительными в этом отношении были древние египтяне, и страх их перед Аху или Ху — привидением-покойником — заставлял их принимать самые удивительные меры предосторожности. Во время церемонии похорон жрецы описывали страну мертвых как место безграничного блаженства, однако никто из присутствующих не верил всерьез в то, что эта страна может с радостью приютить у себя египтян, и потому прибегали к самым жестоким средствам, чтобы помешать возвращению Аху. Мертвых обезглавливали, применяли всякие хитрости и вынимали из их тел такие жизненно важные органы, как сердце и мозг.

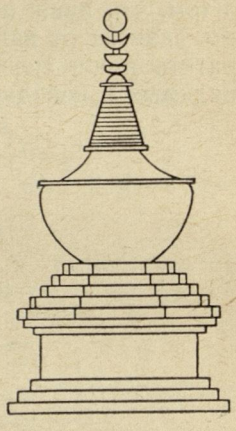
Из древнего обычая опутывать тело веревками, завязав их узлами, получил развитие обычай искусного обвивания мумифицированного трупа очень длинными бинтами, концы которых ловко связывались и часто даже прикрывались страшными изображениями, чтобы путем запугивания отбить у трупа всякую охоту вернуться назад.

Точно подогнанный к формам человеческого тела гроб преследовал прежде всего цель служить защитной броней; кроме того, он был снабжен сложными замками, которые невозможно было открыть изнутри. В качестве еще одной меры предосторожности на самих саркофагах делались надписи, в которых прелести потустороннего мира расписывались столь радужными красками, что покойник, быть может, уже и приготовившийся к бегству, после прочтения их должен был наверняка отказаться от своих планов.

Инки Перу мумифицировали своих владык и надевали на них парадные одежды. После этого их завязывали в позе сидящего

на корточках в четырехугольный сверток. Иногда в таких свертках было по нескольку трупов, которым приставляли искусственную голову, чтобы создать впечатление, что это одна только мумия. Считалось, что такие законсервированные тела обладают магическими свойствами, и их брали с собой в походы в качестве талисманов. В храме солнца в Куско были обнаружены сидящими на золотых стульях вокруг изображения солнца мумии бывших владык с золотыми масками и драгоценными украшениями на руках и в волосах. Ацтеки также мумифицировали своих наиболее чтимых покойников, к которым относились павшие в бою воины и умершие от родов женщины. Одни только эти избранные были бессмертны; души их начинали жить новой жизнью на солнце.

Чибча хоронили своих умерших владык в скрытых могилах, где они лежали окруженные телами убитых в их честь жен и слуг, а рядом с ними лежали мешки, полные бобов какао, и стояли кувшины, наполненные чичей (маисовой водкой). «Скрытой» могиле у древних египтян соответствовали ложные ходы и лабиринты внутри пирамид, которые должны были не только предохранять мумии от грабителей могил, но и затруднять мертвым возвращение назад.



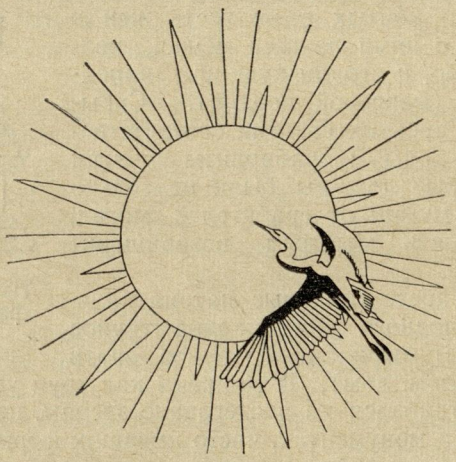
Тибетский чортен, где хранится пепел ламы.

В старом Тибете типичные патриархальные приемы полного уничтожения трупов сочетались с мумификацией трупов знати (главным образом, лам). В то время как труп умершего из низшего класса отдавался на растерзание зверям, пепел или мумию ламы хранили в монументах, часто имевших форму храма. Когда на брошенное тело набрасывались звери, то в случае, если это были птицы, которые его клевали или уносили с собой куски его мяса, считалось, что душа покойного отправляется на небо. Если же труп сжирали свиньи или собаки, то душе предстояло вновь возродиться на земле. Хорошего человека звери поедали быстро, а дурной, которого на том свете ждало наказание, долго оставался несъеденным. Трубы и барабаны лам, изготовленные из человеческих костей, представляют собой пережиток древних анимистических представлений примитивных племен, заимствованных высокой культурой. К таким же пережиткам принадлежит и обычай произносить надгробные речи, так как считалось, что умершие прекрасно могут слышать то, что им говорят, хотя и не в состоянии ответить.

Столь же древен и обычай носить в случае смерти определенные знаки траура. Уже первобытные народы раскрашивают себе

лица черной, белой или другими красками, чтобы умерший поверил, что и они являются духами, а не живыми существами, которые могли бы вызвать у покойников чувство зависти к себе. Лишения, которым подвергают себя оставшиеся в живых, имеют целью утешить горе и ревность покойника и заставить его отказаться от желания вновь вернуться к живым.

Современного цивилизованного человека, несмотря на его знания и образование, смерть часто настигает столь же неподготовленным, как и дикаря, полагающего, что он умирает, будучи жертвой злой магии. Радуемся ли мы, или печалимся при мысли о том, что наше пребывание на земле ограничено во времени, — это зависит от нашего мировоззрения, от того, как мы умеем обратить наши способности на пользу ближним, и от следов тех видимых и невидимых трудов, которые мы оставляем после себя.



БИБЛИОГРАФИЯ

К главе I

Aymard A., Les Touareg, Paris, 1911.

Bastian A., Die Vorstellungen von Wasser und Feuer, Berlin, 1869.

Behn F., Das Haus in vorrömischer Zeit, Mainz, 1928.

Bent T., The Ruined Cities of Mashonaland, London, 1892.

Best E., Maori Store-houses and Kindred Structures, «New Zealand Dominion Museum Bulletin», 5. Wellington, 1916.

Biasutti R., Abitazione, «Enciclopedia Italiana», 1929.

Birket-Smith K., The Caribou Eskimos, Report V, Kopenhagen, 1929.

Bouyssonie J., Delsol H., Station préhistorique de la «Coumba» du Pré-Neuf à Noailles (Corrèze), «Revue d'Anthropologie», XXX, Paris, 1920.

Brown A. R., The Andaman Islanders, Cambridge, 1932.

Buschan G., Australien und Ozeanien, «Illustrierte Völkerkunde», herausgegeben von G. Buschan, Band II, Stuttgart, 1923.

Bushnell D. I., Jr., Native Villages and Village Sites East of the Mississippi, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 69, Washington, 1919.

Cavalier Z. S., Parsee Women, «India» (The British Empire Series, I), London, 1899.

Childe V. G., The Danube in Prehistory, Oxford, 1929.

Codrington R. H., The Melanesians, Oxford, 1891.

Crawley, Fire, Firegods, «Encyclopedia of Religion and Ethics», VI, New York, Edinburgh, 1913.

Curr E. M., The Australian Race, 4 vols., Melbourne, 1886—1887.

Daigre, Rév., Les Bandas de l'Oubangui-Chari (Afrique Equatoriale Française), «Anthropos», XXVI, Wien, 1931.

Decorse J., L'habitation et le village au Congo et au Chari, «L'Anthropologie», XVI, Paris, 1905.

Evans A., The Palace of Minos, London, 1921.

Fergusson J., History of Indian and Eastern Architecture, London, 1910.

Fewkes J. W., The Cave Dwellings of the Old and New Worlds, «Bureau of American Ethnology», Washington, 1911.

Fornander A., An Account of the Polynesian Race, its Origin and Migrations, and the Ancient History of the Hawaiian People, 3 vols., London, 1877—1885.

Forrer R., Rhinocéros de Merck et outillage de bois découverts dans un abri paléolithique ancien a Spichern près Forbach, «Cahiers d'archéologie et d'historie d'Alsace», XVIII, Straßbourg, 1927.

Gennep A., van, Mythes et Légendes d'Australie, Paris, 1905.

Gifford E. W., The Kamia of Imperial Valley, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 97, Washington, 1931.

Giraud E., Une station précampignienne de la forêt de Montmorency, «Institut International d'Anthropologie (IIIe session, Amsterdam), Paris, 1928.

Graebner F., Ethnologie, «Die Kultur der Gegenwart», herausgegeben von Paul Hinneberg, Leipzig, Berlin, 1923.

Gusinde M., Das Feuerland und seine Bewohner, «Hochland», herausgegeben von Karl Muth, II, Heft. München and Kempten, 1929.

Haddon A. H., The Kabiri or Girara District, Fly River, Papua, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», XLVI, July—September, London, 1916.

Hall H. R., Woolley C. L., Ur Excavations, I, Oxford, 1927.

Hellwald F. v., Haus und Hof in ihrer Entwicklung mit Bezug auf die Wohnsitten der Völker, Leipzig, 1888.

Hoernes M., The Earliest Forms of Human Habitation and their Relation to the General Development of Civilization, «Bureau of American Ethnology», Washington, 1914.

Irle J., Die Herero, Gütersloh, 1906.

Krickeberg W., Mexikanisch-peruanische Parallelen, «Festschrift für P. W. Schmidt», Wien, 1928.

Krieger H. W., Indian Villages of South-east Alaska, «Bureau of American Ethnology», Washington, 1928.

Lehmann O., Die Pfahlbauten der Gegenwart, «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», XXXIX, Wien, 1904.

Lehner H., Der Festungsbau der jüngeren Steinzeit, «Prähistorische Zeitschrift», II, Berlin, 1910.

Lips J. E., Die Geschichte der Völker ohne geschriebene Geschichte, «Geschichte unserer Welt», herausgegeben von Fritz Karsen, Band I, Berlin, 1948.

Lips J. E., Einleitung in die Vergleichende Völkerkunde, Leipzig, 1928.

Lips J. E., Naskapi Economy, «Ethnos», 1—2, Stockholm, 1947.

Maciver R., Mediaeval Rhodesia, London, 1906.

Mahler, Siedlungsgebiete und Siedlungsplätze in Ozeanien, «Internationales Archiv für Ethnographie», II, Leiden, 1898.

Mathiassen T., Archeology of the Central Eskimos, «Report on the Fifth Thule Expedition», IV. Kopenhagen, 1927.

Menghin O., Weltgeschichte der Steinzeit, Wien, 1931.

Messikommer H., Die Pfahlbauten von Robenhausen, Zürich, 1913.

Müller P. F., Beiträge zur Ethnographie der Guarani-Indianer im östlichen Waldgebiet von Paraguay, «Anthropos», XXIX, XXX, Wien, 1934—1935.

Passarge S., Die Buschmänner der Kalahari, «Mitteilungen aus den deutschen Schutzgebieten», Berlin, 1905.

Reagan A. B., Notes on the Indians of the Fort Apache Region, «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», XXXI, Part V, New York, 1930.

Roth W. E., North Queensland Ethnography, «Records of the Australian Museum», Bulletins 1—12, Brisbane, 1899—1909.

Sandschejew G., Weltanschauung und Schamanismus der Alaren Burjaten (Aus dem Russischen übersetzt.), «Anthropos», XVIII, Wien, 1928.

Sarfert E., Haus und Dorf bei den Eingeborenen Nordamerikas, Archiv für Anthropologie, XXXV, 1909.

Schachtzabel A., Die Siedlungsverhältnisse der Bantuneger, «Internationales Archiv für Ethnographie», Suppl.-Band 20, Leiden, 1912.

Schlitz A., Der Bau vorgeschichtlicher Wohnanlagen, «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», XXXIII, Wien, 1903.

Schmidt P. J., Die Ethnographie der Nor-Papua (Murik-Kapu-Karau) bei Dallmannhafen, Neu-Guinea, «Anthropos», XVIII bis XIX, XXI; Wien, 1923—1924, 1926.

Schmidt M., Völkerkunde, Berlin, 1924.

Schmidt W., Koppers W., Völker und Kulturen, Erster Teil, Gesellschaft und Wirtschaft der Völker, Regensburg, 1924.

Speiser F., Schlange, Phallus und Feuer in der Mythologie Australiens und Melanesiens, «Verhandlungen der Naturforschenden Gesellschaft in Basel», XXXVIII, Basel, 1927.

Stefansson V., My Life with the Eskimo, New York, 1929.

Stow G. W., The Native Races of South Africa, London, 1905.

Tessmann G., Die Pangwe, 2 Bde, Berlin—Leipzig, 1913.

Thomas N. W., The Natives of Australia, London, 1906.

Waterman T. T., Native Houses of Western North America, «Indian Notes and Monographs», II, New York, 1921.

Waterman T. T., North American Indian Dwellings, «Bureau of American Ethnology», Washington, 1925.

Wauters A. D., L'état indépendant du Congo, Brüssel, 1899.

Wegner R. N., Ostbolivianische Urwaldstämme, «Ethnologischer Anzeiger», Bd. II, Heft 8, Berlin, 1932.

Weule K., Leitfaden der Völkerkunde, Leipzig und Wien, 1912.

Woolley C. L., Asia Minor, Syria and the Aegean, «Liverpool Annals», Liverpool, 1922.

Woolley C. L., Excavations at Ur of the Chaldees, «The Antiquity Journal», III, Liverpool, 1923.

Woolley C. L., The Sumerians, Oxford, 1928.

К главе II

Adair J., The History of the American Indians, London, 1775.

Ahlfeld F., Wegner R. N., Über die Herkunft der im Bereich altperuanischer Kulturen gefundenen Schmuckstücke aus Sodalith, «Zeitschrift für Ethnologie», 63 Jahrgang, Berlin.

Balfour H., Some Ethnological Suggestions in Regard to Easter Island, «Folk-lore», Oxford, 1917.

Beaglehole E., Beaglehole P., Hopi of the Second Mesa, «Memoirs of the American Anthropological Association», 44, Menasha, Wisconsin, 1935.

Bernatzik H. A., Gari-Gari, Wien, 1930.

Best E., The Whare kohanga and its Lore, «Dominion Museum Bulletin», 13, Wellington, 1929.

Conzemius E., Ethnological Survey of the Miskito and Sumu Indians of Honduras and Nicaragua, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 106, Washington, 1932.

Daigre, Rev., Les Bandas de l'Oubangui-Chari (Afrique Equatoriale Française), «Anthropos», XXVI, 5, 6, Wien, 1931.

Danzel T. W., Codex Hammaburgenses, eine neuentdeckte Bilderhandschrift des Hamburgischen Museums für Völkerkunde, «Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde in Hamburg», XI, Hamburg, 1926.

Déchelette J., Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, 5 vols. Paris, 1908—1931.

Divatia K. B., Hindu Women, «India» (The British Empire Series), London, 1899.

Foy W., Schemelartige Kokosnußschaber, «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», XXXIV, Wien, 1904.

Gifford E. W., The Kamia of Imperial Valley, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 97, Washington, 1931.

Gusinde M., Das Feuerland und seine Bewohner, «Hochland», II. Heft August, 1929, München und Kempten, 1929.

Haddon A. H., The Kabiri of Girara District, Fly River, Papua, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», XLVI, July—September, London, 1916.

Harrison J. E., Fragments of a Vase presumably by Euphronios, «Journal of Hellenic Studies», London, 1888.

Hornbostel E. v., Chinesische Ideogramme, «Anthropos», XXV, Wien, 1930.

Karsten R., Body-Painting and Tattooing in South America, «Ipek», Leipzig, 1925.

Krieger H. W., Indian Villages of South-east Alaska, «Bureau of American Ethnology», Washington, 1928.

Lindblom G., Kamba Tales of Supernatural Beings and Adventures, «Archives d'Etudes Orientales», 2, Leipzig und Lund, 1935.

Lips J. E., The Savage Hits Back, London and New Haven, 1937.

Luschan F. v., Alterthümer von Benin, «Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft», Sitzung vom 19, März, Berlin, 1898.

McCarthy F. D., Australian Aboriginal Decorative Art, Published by the Australian Museum, Sydney, 1938.

Mötefindt H., Studien über die Geschichte und Verbreitung der Barttracht, «Anthropos», XXIII, Wien, 1928.

Mountford C. P., Harvey A., A Survey of Australian Aboriginal Pearl and Baler Shell Ornaments, «Records of the South Australian Museum», VI, 2. Adelaide, 1938.

Nimuendaju K., Wortliste der Sipaia-Sprache, «Anthropos», XXIV, Wien, 1929.

O'Connell J. F., A Residence of Eleven Years in New Holland and the Caroline Islands, being the Adventures of James F. O'Connell, edited from his verbal narration, Boston, 1836.

Plischke H., Die technisch-wirtschaftliche Ausnutzung des Bodens bei den Naturvölkern, «Handbuch der Bodenlehre», 10 Band, Berlin, 1932.

Reagan A. B., Notes on the Indians of the Fort Apache Region, «Anthropological Papers of the American Museum of National History», XXXI, part V, New York, 1930.

Ross W., Ethnological Notes on Mt-Hagen Tribes (Mandated Territory of New Guinea), «Anthropos», XXXI, Wien, 1936.

St. Périer, Comte de, Les oeuvres d'art paléolithique de la vallée de la cave à Lespugue (Haut-Garonne), «Ipek», Leipzig, 1925.

Schmidt J., Die Ethnographie der Nor-Papua (Murik-Kaup-Karau) bei Dallmannhafen, Neuguinea, «Anthropos», XVIII—XIX, XXI, Wien, 1923—1924, 1926.

Schmidt J., Neue Beiträge zur Ethnographie der Nor-Papua (Neuguinea), «Anthropos», XXVIII, Wien, 1933.

Schmidt W., Koppers W., Völker und Kulturen, Regensburg, 1924.

Schulien P. M., Kleidung und Schmuck bei den Atchwabo in Portugiesisch-Ostafrika, «Anthropos», XXI, Wien, 1926.

Spencer B., Gillen F. J., The Native Tribes of Central Australia, London, 1899.

Spencer B., Gillen F. J., The Northern Tribes of Central Australia, London, 1904.

Staal J., The Dusuns of North Borneo, «Anthropos», XVIII—XIX, XX, Wien, 1923—1924, 1925.

Streit C., Unbewegliche Körperzier in vorgeschichtlicher Zeit, «Anthropos», XXX, Wien, 1935.

Swanton J. R., Social Organization and Social Usages of the Indians of the Creek Confederacy, «Bureau of American Ethnology», 42nd Annual Report, Washington, 1928.

Teit J. A., Tattooing and Face and Body Painting of the Thompson Indians, British Columbia, «Bureau of American Ethnology», 45th Annual Report, Washington, 1930.

Tessmann G,. Die Pangwe. 2 Bde, Berlin — Leipzig, 1913.

Voegelin E. W., Tübatulabal Ethnography. «Anthropological Records» II, 1, University of California Press, Berkeley, 1928.

Wegner R. N., Ostbolivianische Urwaldstämme, «Ethnologischer Anzeiger», Bd. II, Heft 8, Berlin, 1932.

Weule K., Negerleben in Ostafrika, Leipzig, 1909.

К главе III

Alcalde del Rio H., Breuil H., Sierra L., Les cavernes de la région cantabrique (Espagne), Monaco, 1911.

Avelot R. et Gritty H., La chasse et la pêche dans les forêts de l'Ogoué (Congo Français), «L'Anthropologie», Paris, 1913.

Boas F., The Central Eskimo, «Bureau of American Ethnology», 6th Annual Report, Washington, 1888.

Bogoras W., The Chukchee, «Memoirs of the American Museum of Natural History», VII, New York, 1904—1905.

Breuil H., Obermaier H., Vernier W., La Pileta, Monaco, 1915.

Cabré J., El arte rupestra en España, Madrid, 1915.

Capitan L., Breuill H., Peyrony D., La caverne de Font-de-Gaume, Monaco, 1910.

Cartailhac E., Breuil H., La caverne d'Altamira, Monaco, 1906.

Cartailhac E., Breuil H., Les peintures et gravures murales des cavernes pyrénéennes, «L'Anthropologie», 19, Paris, 1908.

Déchelette J., Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, Paris, 1924.

Hauser O., Der Mensch vor 100 000 Jahren, Leipzig, 1917.

Hoffman W. J., The Menomini Indians, «Bureau of American Ethnology», 14th Annual Report, Washington, 1896.

Horwitz H. Th., Die Armbrust in Ostasien, «Zeitschrift für historische Waffenkunde».

Hose C., McDougall, The Pagan Tribes of Borneo, London, 1912.

Hulsius L., Siebende Schiffahrt. In das goldreiche Königreich Guinea, in Afrika gelegen, Frankfurt am Main, 1628.

Kapart J., Primitive Art in Egypt (translated by A. S. Griffith), London, 1905.

Koch-Grünberg Th., Zwei Jahre unter den Indianern. 2 Bde. Berlin, 1909.
Kolb P., Beschreibung des Vorgebürges der Guten Hoffnung und derer darauf wohnenden Hottentotten, Frankfurt, Leipzig, 1745.
Krauss H., Tierfang bei den Wasaramo, «Globus», Band 92, Braunschweig, 1927.
Lindblom G., Jakt- och Fangstmetoder bland Afrikanska Folk, Del I. Stockholm, 1925.
Lindblom G., The Spiked Wheel Trap and its Distribution, «Geografiska Annaler», Stockholm, 1935.
Lindner K., Die Jagd der Vorzeit, Berlin und Leipzig, 1937.
Lips J. E., Fallensysteme der Naturvölker, Leipzig, 1927.
Lips J. E., Notes on some Ojibwa Traps (Metagama Band), «Ethnos 6, Statens Etnografiska Museum», Stockholm, 1937.
Lips J. E., Paläolithische Fallenzeichnungen und das ethnologische Vergleichsmaterial, «Tagungsberichte der Deutschen Anthropologischen Gesellschaft», Leipzig, 1928.
Lips J. E., Trap Systems among the Montagnais-Naskapi Indians of Labrador Peninsula, «Smärre Meddelanden», No 13, Statens Etnografiska Museum, Stockholm, 1936.
Mason O. T., Traps of the Amerinds, A Study in Psychology and Invention, «American Association for the Advancement of Science», Proceedings, 49, Washington, 1900.
Middendorff A. Th., Sibirische Reise, Bd. IV, Übersicht über die Natur Nord und Ostsibiriens. Teil II, Die Eingeborenen Sibiriens, St. Petersburg, 1875.
Modigliani E., Un viaggio a Nias., Milano, 1890.
Nelson E. W., The Eskimo about Bering Strait, «Bureau of American Ethnology», Part I, 1896—1897, Washington, 1899.
Obermaier H., Trampas cuaternarias para espiritos Malignos, «Boletin de la Real Sociedad española de Historia natural», Madrid, 1908.
Pallas P. S., Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches. (Zweiter Teil, erstes Buch vom Jahr 1770.) St. Petersburg, 1773.
Payne-Gallwey R., Projectile-throwing Engines, New York, Bombay, Calcutta, 1907.
Roth W. E., An Introductory Study of the Arts, Crafts and Customs of the Guiana Indians, «Bureau of American Ethnology», 38th Annual Report, Washington, 1924.
Schäfer, Altägyptischer Vogelfang, «Amtliche Berichte aus den preußischen Kunstsammlungen», 40. Jahrgang, Berlin, 1918 bis 1919.
Sörgel W., Die Jagd der Vorzeit, Jena, 1922.
Torday E., Joyce T. A., Notes ethnographiques sur les peuples communément appelés Balluba, ainsi que sur les peuples apparentés les Boushongo, «Annales du Musée du Congo Belge», Série II, Tome II, Fasc. I, Brüssel, 1910.
Vinaccia G., Les signes d'obscure signification dans l'art paléolitique, «L'Anthropologie», XXXVI, Nos. 1—2, Paris, 1926.
Wilkinson I. G., The Manners and Customs of the Ancient Egyptians, 2 vols. London, 1878.

К главе IV

Anucin D. N., Über die Hunderassen der Steinzeit an den Ufern des Ladogasees, 5. Anthropological Congress in Tiflis, 1881.

Arndt P. P., Die Religion der Nad'a, «Anthropos», XXVI, Wien, 1931.
Bégouin H., et Breuil H., Les ours déguisés de la caverne Trois Fréres (Ariège), «Festschrift für P. W. Schmidt», Wien, 1928.
Best E., Maori Store-houses and Kindred Structures, «New Zealand Dominion Museum Bulletin», 5. Wellington, 1916.
Boule M., Les hommes fossiles, Masson, 1921.
Brough Smythe R., The Aborigines of Victoria, London, 1878.
Brunton G., The Beginnings of Egyptian Civilization, «Antiquity», London, 1929.
Bücher K., Die Wirtschaft der Naturvölker, Dresden, 1898.
Buckland A. W., Primitive Agriculture, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», VII, London, 1877.
Burns M. L. (formerly Acting Superintendent, Consolidated Chippewa Agency, Duluth, Minnesota, U.S.A.), Unveröffentlichte Papiere über «Wild Rice».
Drake Francis S. (editor), The Indian Tribes of the United States, London, Philadelphia, 1885.
Gifford E. W., The Kamia of Imperial Valley, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 97, Washington, 1931.
Gilmore M. R., Uses of Plants by the Indians of the Missouri River Region, «Bureau of American Ethnology», 33rd Annual Report, Washington, 1919.
Grosse F., Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft, Leipzig, 1896.
Grubb W. B., An Unknown People in an Unknown Land, London, 1911.
Hahn E., Die Wirtschaftsformen der Erde, «Petermanns Geographische Mitteilungen», Band 38, Gotha, 1892.
Hahn E., Von der Hacke zum Pflug, Leipzig, 1914.
Harshberger J. W., The Use of Plants among Ancient Peruvians, «Free Museum of Science and Art», University of Pennsylvania Bulletin 1. Philadelphia, 1897.
Koch-Grünberg Th., Zwei Jahre unter den Indianern. 2 vols. Berlin, 1909.
Kromer B., Vom neuen Afrika, Düsseldorf, 1931.
Lips J. E., Die Anfänge des Rechts an Grund und Boden bei den Naturvölkern und der Begriff der Erntevölker, «Festschrift für P. W. Schmidt», Wien, 1928.
Lips J. E., Naskapi Trade, A Study in Legal Acculturation, «Journal de la Société des Américanistes», Nouvelle Série, Tome XXXI, Paris, 1939.
Lips J. E., Notes on Montagnais-Naskapi Economy (Lake St. John and Lake Mistassini Bands), «Ethnos», 1—2, The Ethnographical Museum of Sweden, Stockholm, 1947.
Loew O., Züge aus dem Seelen- und Familienleben der nordamerikanischen Indianer, «Zeitschrift für Ethnologie», Band 9, Berlin, 1877.
Lumholtz K., Unter Menschenfressern, Eine vierjährige Reise in Australien, Hamburg, 1892.
Marshall W. E., A. Phrenologist amongst the Todas, or the Study of a Primitive Tribe in South India, London, 1873.
Menghin O., Weltgeschichte der Steinzeit, Wien, 1931.
Meyer P. H., Wunekau, oder Sonnenverehrung in Neuguinea, «Anthropos», XXVIII, 1, 2. Wien. 1933.
Mortillet G. de, Origines de la chasse, de la pêche et de l'agriculture, Paris, 1890.

Much M., Vorgeschichtliche Nähr- und Nutzpflanzen Europas, «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», XXXVIII, 4, Wien, 1904.

Nordenskiöld E., Indianerleben, Leipzig 1913.

Nordenskiöld E., Indianer und Weiße in Nordostbolivien, Stuttgart, 1922.

Petermann A., Hassenstein B., Inner-Afrika. I. Abteilung, II. Theodor Kotschy's Reise nach Kordofan, 1839. (Nach des Reisenden unveröffentlichten Tagebüchern.) Ergänzungsheft 7 zu Petermann's Geographischen Mitteilungen, Gotha, 1867.

Piette E., Etudes d'ethnographie préhistorique, II, Les plantes cultivées de la période de transition au Mas d'Azil, «L'Anthropologie», VII, Paris, 1896.

Pumpelly R., Explorations in Turkestan, Washington, 1908.

Quin J. I., Our Animals as Food Producers, «South African Journal of Science», Johannisburg, vol. 46, No 9, April, 1950.

Radin P., The Winnebago Tribe, «Bureau of American Ethnology», 37th Annual Report, Washington, 1923.

Roemer Th., Scheffer F., Grundriß des Ackerbaues, Berlin und Hamburg, 1950.

Rosen, Graf Eric v., Vom Kap nach Kairo (Forschungen und Abenteuer der schwedischen Rhodesia — Kongo-Expedition), Stuttgart, 1924.

Schebesta P. P., Erste Mitteilungen über die Ergebnisse meiner Forschungsreise bei den Pygmäen in Belgisch-Kongo, «Anthropos», XXVI, Heft 1—2, Wien, 1931.

Schmidt Max, Völkerkunde, Berlin, 1924.

Schütte O., Reisen im südwestlichen Becken des Congo, Berlin, 1881.

Schweinfurth G., Über wild gesammelte Arten von Reis in Afrika, «Berichte der Deutschen Botanischen Gesellschaft», 44, Jahrgang, XLIV, Berlin — Dahlem, 1926.

Seiwerth P. J., Die Bagielli, ein Pygmäenstamm des Kameruner Urwaldes, «Anthropos», XXI, Wien, 1926.

Seligmann C. G., Seligmann B. Z., The Veddas, Cambridge, 1911.

Smith Adam, An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations, 2 vols. London, 1776.

Spencer B., Gillen F. J., The Native Tribes of Central Australia, London, 1899.

Spencer B., The Native Tribes of the Northern Territory of Australia, London, 1904.

Stoll, Der Spelz, seine Geschichte, Kultur und Züchtung, 1902.

Teit J., The Thompson Indians of British Columbia, «Memoirs of the American Museum of Natural History», II (Publications of the Jessup North Pacific Expedition), New York, 1900.

The Indian Tribes of the United States (Francis S. Drake, editor), London, Philadelphia, 1885.

U. S. Department of the Interior, Indians at Work (A News Sheet for Indians and the Indian Service), VII, October, 1939, No 2. Washington, 1939.

Vanoverbergh M., Negritos of Northern Luzon (Conclusion), «Anthropos», XX, Wien, 1925.

Voegelin E. W., Tübatulabal Ethnography, «Anthropological Records», 2 : 1, University of California Press, Berkeley, 1938.

Von den Steinen K., Durch Zentralbrasilien, Berlin, 1894.

Werth W., Zur Naturgeschichte und Kulturgeschichte der Banane, «Festschrift für Eduard Hahn», Berlin, 1919.

Westgarth W., Australia Felix, Edinburgh, 1848.

Andree R., Die Metalle bei den Naturvölkern, mit Berücksichtigung, prähistorischer Verhältnisse, Leipzig, 1884.

Barba A., Arte de los metales, Madrid, 1640.

Barbeau M., Assomption Sash, «National Museum of Canada» (Department of Mines and Resources), Bulletin, 93, Anthropological Series No 24, Ottawa.

Beck L., Die Geschichte des Eisens. 3 Bde. Braunschweig 1891—1897.

Belck W., The discoveries in the Art of Iron Manufacture, «Bureau of American Ethnology», Washington, 1912.

Best E., The Whare Kohanga and its Lore, «New Zealand Dominion Museum Bulletin», 13, Wellington, 1929.

Blümner H., Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei den Griechen und Römern, 1912.

Brigham W. T., Mat and Basket Weaving of the Ancient Hawaiians described and compared with the Basketry of the other Pacific Islands, «Memoirs of the Bernice Pauahi Bishop Museum», Honolulu, 1906.

Chapple E. D., Coon C. S., Principles of Anthropology, New York, 1942.

Cline W., Mining and Metallurgy in Negro Africa, Menasha, Wisconsin, 1937.

Créqui-Montfort F. de, Rivet P., Contribution à l'étude de l'archéologie et de la métallurgie colombienne, «Journal de la Société des Américanistes de Paris», II, Paris, 1919.

David J., Notizen über die Pygmäen des Ituriwaldes, «Globus», LXXXVI, Braunschweig, 1904.

Dixon R. B., Basketry Designs of the Indians of Northern California, «Bulletin of the American Museum of Natural History», XVII, Washington, New York, 1902.

Dixon R. B., Basketry Designs of the Maidu Indians of California, «American Anthropologist», II, 1900, Washington, New York, 1902.

Dutt R., Bengal, «India» (The British Empire Series), London, 1899.

Ephraim H., Über die Entwicklung der Webetechnik und ihre Verbreitung außerhalb Europas, «Mitteilungen des Städtischen Museums für Völkerkunde in Leipzig», I, 1, Leipzig, 1905.

Ferguson J. C., An Examination of Chinese Bronzes (Translation of an account written in 1767 by Liang T'ung-shu), «Bureau of American Ethnology», Report for 1914, Washington, 1915.

Flinders Petrie W. M., History in Tools, «Bureau of American Ethnology», Report for 1918, Washington, 1920.

Forstmann C., Himatschal, Berlin, 1926.

Foy W., Fadenstern und Fadenkreuz, «Ethnologica», II, 1, Leipzig, 1913.

Foy W., Zur Geschichte der Eisentechnik, insbesondere des Gebläses, «Ethnologica», I, Leipzig, 1909.

Foy W., Zur Geschichte der Tanzkeulen von den Santa-Cruz-Inseln, «Ethnologica», II, 2, Leipzig, 1916.

Foy W., Zur Geschichte des Gebläses und zur Herkunft der Eisentechnik, «Globus», XCVII, 9. Braunschweig, 1910.

Franchet L., Céramique primitive, Paris, 1911.

Friend J. N., Iron in Antiquity, London, 1926.

Gallardo C. R., Tierra del Fuego: Los Onas, Buenos Aires, 1910.

Gennep A. van, Netting without a Knot, «Man», London, 1909.

Gowland W., The Metals in Antiquity, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», vol. 42, London, 1912.

Graebner F., Gewirkte Taschen und Spiralwulstkörbe in der Südsee, «Ethnologica», II, 1, Leipzig, 1913.

Graebner F., Völkerkunde der Santa-Cruz-Inseln, «Ethnologica», I, Leipzig, 1909.

Graebner F., Zur Kulturgeschichte der Melville-Insel, «Ethnologica», II, 1, Leipzig, 1913.

Haberlandt A., Afrika, «Illustrierte Völkerkunde», herausgegeben von Dr. Georg Buschan, 1, Stuttgart, 1922.

Harrison H. S., Analysis and Factors of Invention, «Man», London, 1927.

Harrison H. S., Inventions, Obtrusive, Directional and Independent, «Man», XXVI, No 7, London, 1926.

Hiroa Te Rangi, Samoan Material Culture, «Bernice P. Bishop Museum Bulletin», 75, Honolulu, 1930.

Hooper L., The Loom and Spindle, Past, Present and Future, «Bureau of American Ethnology», Report for 1914, Washington, 1915.

Horwitz H. T., Beiträge zur Geschichte der außereuropäischen Technik, «Jahrbuch des Vereins Deutscher Ingenieure» (Herausgegeben von C. Matschoss), XV, Berlin, 1926.

Horwitz H. T., Systematik und Ökonomie bei technisch-geschichtlicher Forschung, «Geschichtsblätter für Technik und Industrie», XI, 1. Berlin, 1927.

Horwitz H. T., Über den Gebrauch von Werkzeugen im Tierreich, «Geschichtsblätter für Technik und Industrie», XI, 1. Berlin, 1927.

Kandt R., Gewerbe in Ruanda, Zeitschrift für Ethnologie, XXXVI, Berlin, 1904.

Kimakowicz-Winnicki M. v., Spinn- und Webewerkzeuge, Würzburg, 1910.

Krickeberg W., Amerika, «Illustrierte Völkerkunde» (Herausgegeben von Dr. Georg Buschan), I, Stuttgart, 1922.

Kroeber A. L., Handbook of the Indians of California, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 78, Washington, 1925.

Kromer B., Vom neuen Afrika, Düsseldorf, 1931.

Lindblom K. G., The Use of the Hammock in Africa, «Smärre Meddelanden» Nr. 7 (Riksmuseets Etnografiska Avdelning), Stockholm, 1928.

Lindblom K. G., Wire-Drawing, especially in Africa, «Smärre Meddelanden», Nr. 15 (Statens Etnografiska Museum), Stockholm, 1939.

Lips J. E., Einleitung in die Vergleichende Völkerkunde, Leipzig, 1928.

Lips J. E., Führer durch das Rautenstrauch-Joest-Museum der Stadt Köln, Köln, 1927.

Lothrop S. K., The Indians of Tierra del Fuego, «Museum of the American Indian», Heye Foundation, New York, 1928.

Luschan F. v., Eisentechnik in Afrika, «Zeitschrift für Ethnologie», Band 41, Berlin, 1909.

McCarthy F. D., Australian Aboriginal Decorative Art, «The Australian Museum», Sydney, 1938.

Maes J., La métallurgie chez les populations du Lac Léopold II, Lukenie, «Ethnologica», IV, Leipzig, 1930.

Markwith C., Farewell to Bikini, «National Geographic Magazine», XC, No 1, July, Washington, 1946.

Martin R., Die Inlandstämme der Malayischen Halbinsel, Jena, 1905.

Mason O. T., Aboriginal American Basketry, «Report of the U. S. National Museum», Washington, 1902.

Mason O. T., Aboriginal Skin Dressing, «Report of the U. S. National Museum», 1889, Washington, 1891.

Meinhof K., Die afrikanischen Religionen, «Archiv für Religionswissenschaft», VIII, XI, Jena, 1904, 1908.

Menghin O., Weltgeschichte der Steinzeit, Wien, 1931.

Montandon G., La vannerie de la civilisation aïnou, «L'ethnographie», Paris, 1933.

Montandon G., Traité d'ethnologie culturelle, Paris, 1934.

Morgan J. de, Observations sur les origines des arts céramiques dans le bassin méditerranéen, «Revue de l'Ecole d'Anthropologie», Paris, 1907.

Myres J. L., The Early Pot Fabrics of Asia Minor, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», London, 1903.

Noiré L., Das Werkzeug und seine Bedeutung, Mainz, 1880.

Nordenskiöld E. v., Modifications in Indian Culture through Inventions and Loans, Göteborg, 1930.

Nordenskiöld E. v., The American Indian as an Inventor, «Journal of the Royal Anthropological Society of Great Britain and Ireland», Juli—December, vol. LIX, London, 1929.

Nordenskiöld E. v., The Copper and Bronze Ages in South America. «Comparative Ethnographical Studies», Göteborg and Oxford University Press, v. 4, Oxford, 1921.

Pfeiffer, Beitrag zur steinzeitlichen Fellbearbeitung, «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1910.

Pistorius E., Frühformen der Gerbtechnik, «Ledertechnische Rundschau», 12. Jahrg., Nr. 22, Berlin, 1920.

Plischke H., Die technisch-wirtschaftliche Ausnutzung des Bodens bei den Naturvölkern, «Handbuch der Bodenlehre», 10. Berlin, 1932.

Pöch R., Südafrikanische Steinwerkzeuge aus verschiedenen Perioden, «Sitzungsberichte der Anthropologischen Gesellschaft Wien», Wien, 1912.

Reagan A. B., Notes on the Indians of the Fort Apache Region, «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», XXXI, Part V, New York, 1930.

Rickard T. A., Man and Metals, London, 1933.

Sandschejew G., Weltanschauung und Schamanismus der Alaren-Burjaten (Übersetzung aus dem Russischen), «Anthropos», XXII, XXIII, Wien 1927, 1928.

Schmidt W., Koppers W., Völker und Kulturen, Erster Teil; Gesellschaft und Wirtschaft der Völker, Regensburg, 1924.

Schurtz H., Das afrikanische Gewerbe, Leipzig, 1900.

Schurtz H., Wertvernichtung durch den Totenkult, «Zeitschrift für Sozialwissenschaft», I, Berlin, 1898.

Speiser F., Völkerkundliches von den Santa-Cruz-Inseln (Mit Beiträgen von W. Foy), «Ethnologica», II, 2, Leipzig, 1916.

Stuhlmann F., Handwerk und Industrie in Ostafrika, «Abhandlungen des Hamburgischen Kolonialinstituts», I, Hamburg, 1910.

Tessmann G., Die Pangwe, 2 Bde, Berlin und Leipzig, 1913.

Thorbecke F., Im Hochland von Mittel-Kamerun (3 Teil), «Abhandlungen des Hamburgischen Kolonialinstituts», XXXXI, Hamburg, 1919.

Wegner R. N., Altperuanische Bildweberei und Ziergewerbe in vorcolumbischer Zeit, Frankfurt, 1932.

Wegner R. N., Ostbolivianische Urwaldstämme, «Ethnologischer Anzeiger», II, 8, 1932.

Williams M. O., Bahrein, Port of Pearls and Petroleum, «National Geographic Magazine», LXXXIX, 2. February, Washington, 1946.

Wray L., The Malayan Pottery of Perak, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», London, 1903.

К главе VI

Angulo J. de, Benson W. R., The Creation Myth of the Pomo Indians, «Anthropos», XXVII, Wien, 1932.

Bancroft H. H., History of Mexico, New York, 1914.

Barruffaldi G., La Tabaccheide, Ferrara, 1716.

Bernatzik H. A., Gari-Gari, Wien, 1930.

Birket-Smith K., Drinking Tube and Tobacco Pipe in North America, «Ethnologische Studien», Leipzig, 1929.

Blégny G. de, Le bon usage du thé, du café et du chocolat pour la préservation et pour la guérison des maladies, Lyon, 1687.

Blondel S., Le tabac. Le livre des fumeurs et priseurs, Paris, 1891.

Breitkopf P. E., Beiträge zur Ethnologie der Kpando-Leute (Togo), «Anthropos», XXII, Wien, 1927.

Brooks J. E., Tobacco, its History, Illustrated by the Books, Manuscripts and Engravings in the Library of George Arents, Jr. 1698—1783, 4 vols, New York, 1937, 1943.

Césard R. P., Proverbes et contes Haya, «Anthropos», XXIII, Wien, 1928.

Conte Corti E. C., Die trockene Trunkenheit, Leipzig, 1930.

Cortes, Don Fernando, Drei Berichte an Kaiser Karl V (Aus dem Spanischen übersetzt von C. W. Koppe), Berlin, 1843.

Culin S., Games of the North American Indians, «Annual Report of the Bureau of American Ethnology», 24, Washington, 1907.

Densmore F., Papago Music, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 90, Washington, 1929.

Forstmann C., Himatschal, Berlin, 1926.

Foy W., Schemelartige Kokosnußschaber, «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», XXXIV, Wien, 1904.

Gifford E. W., The Kamia of Imperial Valley, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 97, Washington, 1931.

Gomara F. L. de, Historia de las conquistas de Hernando Cortés, Mexico, 1826.

Gusinde M., Das Feuerland und seine Bewohner, «Hochland», 11, München, Kempten, 1929.

Hartwich C., Die menschlichen Genußmittel, Leipzig, 1911.

Höltker G., Das Sündenbewußtsein bei den Azteken im alten Mexico, «Anthropos», XXXI, Wien, 1936.

Höltker G., Einige Metaphern im Aztekischen des P. Sahagun, «Anthropos», XXVII, Wien, 1932.

Horwitz H. T., Geschichte der Schokolade und der Schokoladenindustrie, «Beiträge zur Geschichte der Technik und Industrie, Jahrbuch des Vereins deutscher Ingenieure», XIII, Berlin, 1923.

Karsten R., Ceremonial Games of the South American Indians, «Societas Scientiarum Fennica», Commentationes Humanarum Litterarum III, 2, Helsingfors, 1930.

Kayser P. A., Spiel und Sport auf Náoero, «Anthropos», XVIII bis XIX, Wien, 1923—1924.

Koch-Grünberg Th., Zwei Jahre unter den Indianern, 2 Bde. Berlin, 1909.

Krämer-Bannow E., Bei kunstsinnigen Kannibalen der Südsee, Berlin, 1916.

Krieger H. W., Indian Villages of Southeast Alaska, «Bureau of American Ethnology», Report for 1927, Washington, 1928.

Kroeber A. L., Handbook of the Indians of California, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 78, Washington, 1925.

Landa D. de, Relation de choses de Yucatan, Paris, 1864.

Lewin, Über Areca Catechu, Chavuca Betel und das Betelkauen, 1889.

Leyder J., Le jeu des dés chez les Bwaka (Ubangi), Brüssel, 1933.

Lindblom G., Tubular Smoking Pipes, especially in Africa, «Smärre Meddelanden», Nr. 21, Statens Ethnografiska Museum, Stockholm, 1947.

Lumholtz K., Unter Menschenfressern, Eine vierjährige Reise in Australien, Hamburg, 1892.

McGuire J. D., Pipes and Smoking Customs of the American Aborigines, based on Material in the U. S. Museum, «Bureau of American Ethnology», 1. Washington, 1899.

Maier H. W., Der Kokainismus, 1926.

Mason J. A., Use of tobacco in Mexico and South America, «Field Museum of Natural History Anthropological Leaflet», 16, Chicago, 1924.

Métraux A., La civilisation matérielle des tribus Tupi-Guarani, Paris, 1928.

Morel-Fatio A., Comer Barro, Berlin, 1912.

Müller P. F., Beiträge zur Ethnographie der Guarani-Indianer in östlichen Waldgebiet von Paraguay, «Anthropos», XIX, XXX, Wien, 1934, 1935.

Nordenskiöld E. v., Modifications in Indian Culture through Inventions and Loans, Göteborg, 1930.

Nordenskiöld E. v., The American Indian as an Inventor, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», LIX, London, 1929.

Nordenskiöld E. v., Von Chorotiindianerinnen in Ton modellierte Tier- und Menschenfiguren, «Ymer», Stockholm, 1910.

Piette L., Speise und Trank der Eingeborenen im tropischen Afrika, Köln, 1927.

Plischke H., Die technisch-wirtschaftliche Ausnutzung des Bodens bei den Naturvölkern, «Handbuch der Bodenlehre», 10. Berlin, 1932.

Preuss K. Th., Der Feuergott als Ausgangspunkt zum Verständnis der mexikanischen Religionen in ihrem Zusammenhange, «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», 33, Wien, 1903.

Reagan A. B., Notes on the Indians of the Fort Apache Region, «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», XXXI, Part V, New York, 1930.

Redlich F., Rauschgifte und Suchten, 1929.

Reko Victor A., Magische Gifte, Rausch- und Betäubungsmittel der neuen Welt, Stuttgart, 1949.

Rossillon P., Moeurs et coutumes du peuple Kui, Indes Anglaises, «Anthropos», VI, Wien, 1911.

Safford W. E., Daturas of the Old World and New, «Bureau of American Anthropology», Report for 1920, Washington, 1922.

Safford W. E., Narcotic Plants and Stimulants of the Ancient Americans, «Bureau of American Anthropology», Report for 1916, Washington, 1917.

Schweitzer A., Zwischen Wasser und Urwald, München, 1926.
Seler E., Gesammelte Abhandlungen zur amerikanischen Sprach- und Altertumskunde, Berlin, 1902.
Staal J., Dusun Drinking and Love Songs, «Anthropos», XXI, Wien, 1926.
Staal J., The Dusuns of North Borneo, «Anthropos», XVII, XIX, XX, XXI, Wien, 1923—1924, 1925, 1926.
Stahl G., Zigarre, Wort und Sache, «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1930.
Stahl G., Zur Frage des Ursprungs des Tabakrauchens, «Anthropos», XXVI, Wien, 1931.
Stefansson V., My Life with the Eskimo, New York, 1929.
Stephens J. L., Incidents of Travel in Central America, Chiapas and Yucatan, London, 1841.
Swanton J. R., Contributions to the Ethnography of the Haida, «Memoirs of the American Museum of Natural History», V, Leyden, New York, 1905—1909.
Swanton J. R., Social Organization and Social Usages of the Indians of the Greek Confederacy, «Bureau of American Ethnology», 42nd Report, Washington, 1928.
Tessmann G., Die Pangwe, 2 Bde. Berlin—Leipzig, 1913.
Thomas H., Betäubungsmittel und Rauschgifte, 1929.
Vogel H., Eine Forschungsreise im Bismarckarchipel, Hamburg, 1911.
Wagner G., Entwicklung und Verbeitung des Peyote—Kultes, Hamburg, 1931.
Wiedemann A., Das Spiel im alten Ägypten, «Zeitschrift des Vereins für Rheinische und Westfälische Volskunde», 9, Jahrgang, Drittes Heft, 1912.
Wildemann E. de, Les plantes tropicales, Brüssel, 1902.
Ziegler J. J., Tabak oder von dem gar heilsamen Wunderkraute Nicotiana, Zürich, 1616.

К главе VII

Alexander A. B., Notes on the Boats, etc., of the South Sea Islands, «U. S. Commission of Fish and Fisheries», Part XXVII, Report of the Commissioner for 1901, Washington, 1902.
Bärthold A., Eine Wohnstätte bei Halberstadt mit einfacher Bandkeramik, «Prähistorische Zeitschrift», IV, Berlin, 1912.
Boas F., Invention, «General Anthropology», edited by Franz Boas, Boston, 1938.
Bushnell D. I., Jr., The Choctaw of Bayou Lacomb, St. Tammany Parish, Louisiana, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 48, Washington, 1909.
Byhan A., Nord-, Mittel- und Westasien, «Illustrierte Völkerkunde», herausgegeben von Dr. Georg Buschan, II. Stuttgart, 1923.
Chapple E. D., Coon C. S., Principles of Anthropology, New York, 1942.
Des Noëttes L., La force motrice à travers les âges, Paris, 1924.
Forestier G., La roue, Paris, 1900.
Gifford E. W., The Kamia of Imperial Valley, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 97, Washington, 1931.
Gusinde M., Das Feuerland und seine Bewohner, «Hochland», 11. München, Kempten, 1929.

Haberlandt M., Ostasien, «Illustrierte Völkerkunde», herausgegeben von Dr. Georg Buschan, II. Stuttgart, 1923.

Haddon A. C., The Outrigger Canoes of Torres Straits and North Queensland, «Essays and Studies Presented to William Ridgeway», Cambridge, 1913.

Haddon A. C., The Outriggers of Indonesian Canoes, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland (reprint)», London.

Hahn E., Die Haustiere und ihre Bedeutung zur Wirtschaft des Menschen, 1896.

Hambruch P., Die Schiffahrt der Südsee, «Der Erdball» (Separatabzug, ohne Datum).

Hatt G., Notes on Reindeer Nomadism, «Memoirs of the American Anthropological Association», VI, 1919.

Heine-Geldern R., Südostasien, «Illustrierte Völkerkunde», herausgegeben von Dr. Georg Buschan, II. Stuttgart, 1923.

Hersey J., Ricksha No 34, «Life Magazine», June 3rd, New York, 1946.

Hornell J., South American Balanced Canoes, «Man», 102. London, 1928.

Hornell J., The Origins and Ethnological Significance of Indian Boat Designs, «Memoirs of the Asiatic Society of Bengal», VII, Kalkutta, 1920.

Horwitz H. T., Die Entwicklung der Drehbewegung, Beiträge zur Geschichte der Technik und Industrie, «Jahrbuch des Vereins Deutscher Ingenieure», 10, Berlin, 1920.

Krickeberg W., Amerika, «Illustrierte Völkerkunde», herausgegeben von Dr. Georg Buschan, I, Stuttgart, 1922.

Krieger H. W., Indian Villages of South-east Alaska, «Bureau of American Ethnology», Report for 1927, Washington, 1928.

La Pérouse J. F., Atlas du voyage de la Pérouse, London, 1798.

Lips J. E., Fallensysteme der Naturvölker, Leipzig, 1927.

Lips J. E., Notes on Montagnais-Naskapi Economy (Lake St. John and Lake Mistassini Bands), «Ethnos», 1—2, The Ethnographical Museum of Sweden, Stockholm, 1947.

Luther C. J., Geschichte des Eissports, «Geschichte des Sports aller Völker und Zeiten» (Herausgegeben von Bogeng), 2, 1927.

Mager H., Le monde polynésien, Paris, 1902.

Man E. H., Aboriginal Inhabitants of the Andaman Islands, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», London, 1932.

Manninen I., Zur Ethnologie des Einbaumes, «Eurasia Septentrionalis, Antiqua», I, 1927.

Mason O. T., Primitive Travel and Transportation, «Report of the U. S. Museum of Natural History for 1894», Washington, 1896.

Mason O. T., The Human Beast of Burden, «Report of the U. S. National Museum for 1886—1887», Washington, 1888.

Middendorff A. Th., Reise in den äußersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844, 4 Bände, St.-Petersburg, 1847—1875.

Mills L. A., Britain and Ceylon (British Information Services), London, New York, 1946.

Montandon G., Traité d'Ethnologie culturelle, Paris, 1934.

Mötefindt H., Entstehung des Wagens und des Wagenrades, «Mannus», 10, Berlin, 1918.

Mountford C. P., Brown Man and Red Sand, Melbourne, 1948.
Nordenskiöld E. v., Modifications in Indian Culture through Inventions and Loans, Göteborg, 1930.
Nordenskiöld E. v., The American Indian as an Inventor, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», LIX, London, 1929.
Reinhardt L., Kulturgeschichte der Nutztiere, 1912.
Schück A., Die Stabkarten der Marshall-Insulaner, Hamburg, 1902.
Sirelius O., Über einige Prototype des Schlittens, «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XXX, Paris, 1913—1918.
Sirelius U. T., Zur Geschichte des prähistorischen Schlittens, «Festschrift für P. W. Schmidt», Wien, 1928.
Smith V. A., The Early History of India, 3rd edition, Oxford, 1914.
Voegelin E. W., Tübatulabal Ethnography, «Anthropological Records», 2, 1, University of California Press, Berkeley, 1938.
Vojnich O., The Island World of the Pacific, Budapest, 1909.
Volz W., Süd- und Ostasien, «Illustrierte Völkerkunde», herausgegeben von Dr. Georg Buschan II. Stuttgart, 1923.
Weiße Väter, Die Fischerei bei Utinta am Tanganyka, «Anthropos», XXVIII, Wien, 1933.
Weule K., Leitfaden der Völkerkunde, Wien, 1912.

К главе VIII

Andree R., Aggriperlen, «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1895.
Armstrong, Shell Money from Rossel Island, «Man», XXIV, London, 1924.
Catlin G., Illustrations of the Manners, Customs and Condition of the North American Indians, 8th edition, 2 vols, London, 1851, Edinburgh, 1903.
Chapple E. D., Coon C. S., Principles of Anthropology, New York, 1942.
Chevalier F., L'Afrique Centrale Française, Paris, 1908.
Codrington, The Melanesians, Oxford, 1891.
Coote, The Western Pacific, being a Description of the Groups of Islands in the North and the East of the Australian Continent, London, 1883.
DelMar A., History of Monetary Systems, Chicago, 1896.
Finsch, Samoafahrten, Leipzig, 1888.
Firth R., Primitive Currency, «Encyclopaedia Britannica», 14th edition, vol. 6, London, 1937.
Haddon A. H., The Kabiri or Girara District, Fly River, Papua, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», XLVI, July—December, London, 1916.
Heine-Geldern R., Urheimat und früheste Wanderungen der Austronesier, «Anthropos», XXVII, Wien, 1932.
Jackson J. W., Shells as Evidence of the Migration of Early Culture, Manchester, 1917.
Jeffreys M. D. W., The Diffusion of Cowries and Egyptian Culture in Africa, «American Anthropologist», vol. 50, No 1, part 1, January—March, Menasha, Wisconsin, 1948.
Johnston H. H., British Central Africa, London, 1897.
Leenhardt, Notes d'ethnologie Neo-Calédonienne, Paris, 1930.

Letourneau C., L'évolution du commerce, Paris, 1897.
Luschan F. v., Beiträge zur Ethnographie von Neuguinea, Berlin, 1899.
Luschan F. v., Eisentechnik in Afrika, «Zeitschrift für Ethnologie», XVI, Berlin, 1909.
Luschan F. v., Ethnographisches aus der Südsee, «Mitteilungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft», Berlin, 1892.
Malinowski B., Argonauts of the Western Pacific, London, 1922.
Meinicke K. E., Die Inseln des Stillen Ozeans, Leipzig, 1875.
Müller-Wismar W., Yap, «Hamburger Wissenschaftliche Stiftung», 1 Halbband, Bd. 2, Hamburg, 1917.
Münsterberg O., Chinesische Kunstgeschichte, 2 Bde. Eßlingen, 1910, 1912.
Murray, John P., The Papua of British New Guinea, London, 1912.
Netherlands News, volume V, January 11, January 25, New York, 1943.
O'Ferral, Native Stories from Santa Cruz and Reefs Islands, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», XXXIV, London, 1904.
Petri H., Die Geldformen der Südsee, «Anthropos», XXXI, Wien, 1936.
Pfeiffer L., Die steinzeitliche Muscheltechnik und ihre Beziehungen zur Gegenwart, Jena, 1914.
Polo, Marco (1254—1325) Marco Polo, il Milione (Luigi Foscolo Benedetto, Herausgeber), 1932.
Ridgeway W., The Origin of Metallic Currency and Weight Standards, London, 1892.
Rivers W. H. R., The History of the Melanesian Society, 2 vols. Cambridge, 1914.
Schmeltz J. D. E., Schnecken und Muscheln im Leben der Völker Indonesiens und Ozeaniens, Leyden, 1894.
Schmidt P. J., Die Ethnologie der Nor Papua (Murik-Kaup-Karau) bei Dallmannhafen, Neu-Guinea, «Anthropos», XVIII—XIX, XXI, Wien, 1923—1924, 1926.
Schurtz H., Grundriß einer Entstehungsgeschichte des Geldes, Weimar, 1898.
Schweitzer A., Zwischen Wasser und Urwald, München, 1926.
Senfft, Das Geld der Yaper, «Deutsches Kolonialblatt», Berlin, 1901.
Speiser F., Völkerkundliches aus den Santa-Cruz-Inseln, «Ethnologica», II, Leipzig, 1916.
Stokes J. F. G., Notes on Polynesian Featherwork, «Journal of the Polynesian Society», London, 1925.
Temple, R., The Beginnings of Currency, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», London, 1899.
Tessmann G., Die Pangwe, 2 Bde. Berlin, Leipzig, 1913.
Thilenius G., Primitives Geld, «Archiv für Anthropologie», Berlin, 1920.
Thurnwald R., Forschungen auf den Salomoninseln und im Bismarckarchipel, Berlin, 1912.
Weule K., Die Urgesellschaft und ihre Lebensfürsorge, Stuttgart, 1912.
Williams and Calvert, Fiji and the Fijians, London, 1870.
Wirz P., Résultats des expéditions scientifiques à la Nouvelle Guinée, Leyden, 1924.
Woodford A., Notes on the Manufacture of the Malaita Shell-bead Money, «Man», VIII, London, 1908.

Adair J., The History of the American Indians, London, 1775.

Andree R., Merkzeichen und Knotenschrift, «Ethnographische Parallelen und Vergleiche», I. Stuttgart, 1878.

Byhan A., Nord-, Mittel- und Westasien, «Illustrierte Völkerkunde», herausgegeben von Dr. Georg Buschan, II, Stuttgart, 1923.

Chapple E. D., Coon C. S., Principles of Anthropology, New York, 1942.

Corbett J., Man-Eaters of Kumaon, Bombey, New York, 1944.

Dahl A., Geschichte des Buches, 1928.

Daigre Rev., Les Bandas de l'Oubangi-Chari (Afrique Equatoriale Française), «Anthropos», XXVI, Wien, 1931.

Etudes de la Société Royale Eguptienne de Papyrologie, Kairo, 1922 (und folgende).

Danzel T. W., Die Anfänge der Schrift, Leipzig, 1912.

Evans A. J., Die europäische Verbreitung primitiver Schriftmalerei und ihre Bedeutung fur den Ursprung der Schreibschrift, «Die Anthropologie und die Klassiker», Heidelberg, 1910.

Hives F., Gascoigne Lumley, Ju-Ju and Justice in Nigeria.

Hoffman W. J., The Graphic Art of the Eskimo, «Report of the U. S. National Museum», Washington, 1897.

Karmarsch, Geschichte der Technologie seit der Mitte des 18. Jahrhunderts, 1872.

Koch-Grünberg Th., Vom Roroima zum Orinoco, Berlin, 1916, 1917.

Koch-Grünberg Th., Zwei Jahre unter den Indianern, 2 Bde., Berlin, 1909.

Krickeberg W., Amerika, «Illustrierte Völkerkunde», herausgegeben von Dr. Georg Buschan, I, Stuttgart, 1922.

Lindblom G., Die Stoßtrommel, insbesondere in Afrika, «Ethnos», I, Stockholm, 1945.

Lips J. E., Public Opinion and Mutual Assistance among the Montagnais-Naskapi, «American Anthropologist», Vo. 39, Vol. 2, 1937.

Mallery G., Pictographs of the North American Indians, «Bureau of American Ethnology», 4th Annual Report, Washington, 1893.

Mitteis L., Wilcken U., Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, 2 Bde, 1912.

Obermaier H., Der Mensch der Vorzeit, «Der Mensch aller Zeiten», I, Berlin, 1912.

Reagan A. B., Notes on the Indians of the Fort Apache Region, «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», XXXI, Part V, New York, 1930.

Schmidt M., Völkerkunde, Berlin, 1924.

Schmidt P. J., Die Ethnographie der Nor-Papua (Murik-Kaup-Karau) bei Dallmannhafen, Neu-Guinea, «Anthropos», XVIII bis XIX, XXI, Wien 1923—1924, 1926.

Schmidt P. J., Neue Beiträge zur Ethnographie der Nor-Papua (Neuguinea), «Anthropos», XXVIII, Wien, 1933.

Schneider H., Der kretische Ursprung des «phönikischen» Alphabets. Leipzig, 1913.

Steindorff G., Ägypten, «Amtlicher Führer durch die Halle der Kultur der Internationalen Ausstellung für Buchgewerbe und Graphik», Leipzig, 1914.

Stübe R., Grundlinien zu einer Entwicklungsgeschichte der Schrift, «Graphologische Monatshefte», München, 1907.

Swanton J. R., Social Organization and Social Usages of the Indians of the Creek Confederacy, «Bureau of American Ethnology», 1924—1925, Washington, 1928.

Vanoverbergh M., Negritos of Northern Luzon, «Anthropos», XX, XXIV, Wien, 1925, 1929.

Verworn M., Die Technik der paläolithischen Knochen- und Steinzeichnungen, «Korrespondenzblatt der Deutschen Geselschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», Berlin, 1914.

Weiss, Der Weg der 1000-jährigen Papiermacherei, «Archiv für Buchgewerbe», Leipzig, 1926.

Weule K., Vom Kerbstock zum Alphabet, Stuttgart, 1915.

Wundt W., Völkerpsychologie, Leipzig, 1905—1917.

Wuttke H., Die Entstehung der Schrift, die verschiedenen Schriftsysteme und das Schrifttum der nichtalphabetisch schreibenden Völker, Leipzig, 1872.

К главе X

Bernatzik H. A., Gari-Gari, Wien, 1930.

Breitkopf P. E., Beiträge zur Ethnographie der Kpando-Leute (Togo), «Anthropos», XXII, Wien, 1927.

Bunzel R. L., Introduction to Zuñi Ceremonialism, «Bureau of American Ethnology», 47th Annual Report, Washington, 1932.

Bunzel R. L., Zuñi Katcinas, «Bureau of American Ethnology», 47th Annual Report, Washington, 1932.

Catlin G., The O-kee-pa Ceremony of the Pawnee, London, 1867.

Clavigero D. F. X., Geschichte von Mexico, aus spanischen und mexikanischen Geschichtsschreibern, Handschriften, Gemälden der Indianer zusammengetragen und durch Charten und Kupferstiche erläutert, nebst einigen kritischen Abhandlungen über die Beschaffenheit des Landes, der Tiere und Einwohner von Mexico (Aus dem Italienischen des Abts Franz Xaver Clavigero durch Ritter Carl Cullen ins Englische, und aus diesem ins Deutsche übersetzt), Leipzig, 1789.

Conzemius E., Ethnological Survey of the Miskito and Sumu Indians of Honduras and Nicaragua, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 106, Washington, 1932.

Densmore F., Chippewa Customs, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 86, Washington, 1929.

Duran Diego (gest. 1588), Historia de las Indias de Nueva España y Islas de Tierra Firme, La publica con un atlas de estampas, notas e illustraciones, México, 1867.

Frobenius L., Die Masken und Geheimbünde Afrikas, Halle, 1898.

Gusinde M., Männerzeremonien auf Feuerland und deren kulturhistorische Wertung, «Zeitschrift für Ethnologie», Jahrgang 1926, Heft 3—4, Berlin, 1926.

Höltker P. G., Die Familie bei den Azteken in Altmexiko, «Anthropos», XXV, Wien, 1930.

Howitt A. W., The Native Tribes of South-East Australia, London, 1904.

Kromer B., Vom neuen Afrika, Düsseldorf, 1931.

MacLeod W. C., The Nature, Origin, and Linkages of the Rite of Hookswinging: with special references to North America, «Anthropos», XXIX, Wien, 1934.

Müller P. F., Beiträge zur Ethnographie der Guarani-Indianer im östlichen Waldgebiet von Paraguay, «Anthropos», XXIX, Wien, 1934.

Müller W., Die ältesten amerikanischen Sintfluterzählungen, Bonn, 1930.

Parker K. L., The Euahlayi Tribe, London, 1905.

Reagan A. B., Notes on the Indians of the Fort Apache Region, «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», New York, 1930.

Sahagun, Fray Bernardino de, Einige Kapitel aus dem Geschichtswerk des Fray Bernardino de Sahagun (aus dem Aztekischen übersetzt von Eduard Seler, herausgegeben von Cäcilie Seler-Sachs), Stuttgart, 1927.

Schmidt P. J., Die Ethnographie der Nor-Papua (Murik-Kaup-Karau) bei Dallmannhafen, Neu-Guinea, «Anthropos», XXI, Wien, 1926.

Speiser F., Die eleusinischen Mysterien als primitive Initiation, «Zeitschrift für Ethnologie», 60 Jahrgang, Heft 4—6.

Speiser F., Schlange, Phallus und Feuer in der Mythologie Australiens und Melanesiens, «Verhandlungen der Naturforschenden Gesellschaft in Basel», XXXVIII, Basel, 1927.

Speiser F., Über die Initiationen in Australien und Melanesien, «Verhandlungen der Naturforschenden Gesellschaft in Basel», XXXX, Basel, 1929.

Stefansson V., My Life with the Eskimo, New York, 1929.

Swanton J. R., Social Organization and Social Usages of the Indians of the Greek Confederacy, «Bureau of American Ethnology», 42nd Annual Report, Washington, 1928.

Tessmann G., Die Pangwe, 2 Bde., Berlin und Leipzig, 1913.

Turquetil A., Notes sur les Esquimaux de la Baie Hudson, «Anthropos», XXIII, Wien, 1928.

Voegelin E. W., Tübatulabal Ethnography, «Anthropological Records», 2, 1. University of California Press, Berkeley, 1938.

К главе XI

Ademollo A., Corilla Olimpica, 1887.

Arbesmann R., Das Fasten bei den Griechen und Römern, «Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten», Bd. 21, Heft I, Gießen, 1929.

Bégouin H., et Breuil H., Les ours déguisés de la caverne Trois Frères (Ariège), «Festschrift für P. W. Schmidt», Wien, 1928.

Bernatzik H. A., Gari-Gari, Wien, 1930.

Bunzel R. L., Introduction to Zuñi Ceremonialism, «Bureau of American Ethnology», 47th Annual Report, Washington, 1932.

Bunzel R. L., Zuñi Katcinas, «Bureau of American Ethnology», 47th Annual Report, Washington, 1932.

Capello H., Ivens R., From Benguella to the Territory of Yacca, London, 1882.

Catlin G., Illustration of the Manners, Customs and Condition of the North American Indians, 2 vols., London, 1851.

Césard E., Les Muhaya (L'Afrique Orientale), «Anthropos», XXXI, Wien, 1936.

Christ W. v., Geschichte der griechischen Literatur, «J. v. Müller's Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft» (herausgegeben von W. Schmidt und O. Stählin), 1912—1929.

Crusius O., Untersuchungen zu den Mimiamben des Herondas, 1892.

Daigre, Rev, Les Bands de l'Oubangui-Chari (Afrique Equatoriale Française), «Anthropos», XXVI, Wien, 1931.

Densmore F., Papago Music, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 90, Washington, 1929.

Densmore F., Yuman and Yaqui Music, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 110, Washington, 1932.

Fewkes J. W., Fire Worship of the Hopi Indians, «Bureau of American Ethnology», Report for 1920, Washington, 1922.

Fewkes J. W., The Katcina Altars Hopi Worship, «Bureau of American Ethnology», Report for 1920, Washington, 1922.

Forstmann C., Himatschal, Berlin, 1926.

Frobenius L., Die Masken und Geheimbünde Afrikas, Halle, 1898.

Génin A., Notes on the Dances, Music, and Songs of the Ancient and Modern Mexicans, «Smithsonian Report for 1920», Washington, 1922.

Gifford E. W., The Kamia of Imperial Valley, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 97, Washington, 1931.

Hastings M., Shangri-la Invaded by Paratroop Rescuers, «News Release», International News Special Service, New York, 1945.

Herzog R., Herondea, Leipzig, 1926.

Hornbostel E. M. v., Musik, In: G. Tessman, Die Pangwe, Band 2, Berlin und Leipzig, 1913.

Julleville P. de, Les comédiens en France en moyen âge, Paris, 1885.

Kern F., Die griechischen Mysterien der klassischen Zeit, Berlin, 1927.

Koppers W., Unter Feuerland-Indianern, Stuttgart, 1924.

Leo F., Geschichte der römischen Literatur, I. Leipzig, 1913.

Lindblom G., The Use of Stilts, especially in Africa and America, «Smärre Meddellanden», No 3, Riksmuseets Etnografiska Avdelning, Stockholm, 1927.

Lips J. E., Die Anfänge des Theaters bei den Naturvölkern, «Tagungsberichte der Deutschen Anthropologischen Gesellschaft», Leipzig, 1928.

Meyer P. H., Wunekau, oder Sonnenverehrung in Neuguinea, «Anthropos», XXVII, XXVIII, Wien, 1932, 1933.

Mountford C. P., Harvey, Alison, A Survey of Australian Aboriginal Pearl and Baler Shell Ornaments, «Records of the South Australian Museum», VI, No 2, Adelaide, 1938.

Pastor W., The Music of Primitive Peoples and the Beginning of European Music, «Smithsonian Report for 1912», Washington, 1913.

Preuss K. Th., Der Unterbau des Dramas, «Vorträge der Bibliothek Warburg», VII, 1927—1928, Leipzig, 1930.

Reagan A. B., Notes on the Indians of the Fort Apache Region, «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», XXXI, Part V, New York, 1930.

Reich H., Der Mimus, Berlin, 1903.

Sachs C., The Rise of Music in the Ancient World, East and West, New York, 1943.

Sachs C., World History of the Dance, New York, 1937.

Schmidt P. J., Neue Beiträge zur Ethnographie der Nor-Papua (Neuguinea), «Anthropos», XXVIII, Wien, 1933.

Schütt O., Reisen im südwestlichen Becken des Congo, Berlin, 1881.

Speiser F., Die eleusinischen Mysterien als primitive Initiation, «Zeitschrift für Ethnologie», 60, Jahrgang, Heft 4—6.

Speiser F., Über die Initiationen in Australien und Melanesien, «Verhandlungen der Naturforschenden Gesellschaft in Basel», Basel, 1929.
Stefansson V., My Life with the Eskimo, New York, 1929.
Tessmann G., Die Pangwe, 2 Bde, Berlin—Leipzig, 1913.
Weselovsky A. N., Works, St.-Petersburg, 1913.

К главе XII

Amundsen R., The Northwest Passage, 2 Bde., London, 1908.
Bastian A., Der Fetisch an der Küste Guineas, Berlin, 1884.
Bieber F. J., Kaffa, 1923.
Bindung K., Die Normen und ihre Übertretung, Leipzig, 1890.
Bischofs P. J., Die Niol-Niol, ein Eingeborenenstamm Nordwest-Australiens, «Anthropos», III, Wien, 1908.
Boas F., Property Marks of Alaskan Eskimo, «American Anthropologist», I., Washington, New York, 1899.
Boas F., The Central Eskimo, «Bureau of American Ethnology», 6th Annual Report, Washington, 1888.
Bogoras W., The Chukchee, «Jesup Expedition», VII, 1904—1909.
Bonwick J., Daily Life and Origin of the Tasmanians, London, 1870.
Buchholz R., Land und Leute in Westafrika, Berlin, 1876.
Buchner M., Kamerun, Leipzig, 1887.
Byhan A., Die Polarvölker, Leipzig, 1909.
Consten H., Weideplätze der Mongolen, Berlin, 1920.
«Das Eingeborenenrecht», Sitten und Gewohnheitsrechte der Eingeborenen der ehemaligen deutschen Kolonien in Afrika und in der Südsee (Herausgegeben von E. Schultz-Ewerth und L. Adam), 2 Bde, Stuttgart, 1929—1930.
Dawson J., Australian Aborigines, Melbourne, 1881.
Densmore F., Uses of Plants by the Chippewa Indians, «Bureau of American Ethnology», 44th Annual Report, Washington, 1928.
Ellis, Fifty-four Years' Recollections of Men and Events in Wisconsin, «Wisconsin Historical Collections», XXXVII, 1923.
Fraser J., The Aborigines of New South Wales, Sydney, 1892.
Graebner F., Das Weltbild der Primitiven, München, 1924.
Grosse E., Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft, Freiburg, Leipzig, 1896.
Gutmann B., Das Recht der Dschagga, München, 1926.
«Handbook of the American Indians North of Mexico», «Bureau of American Ethnology», XXX, Washington, 1910.
Hoffman W. J., The Menomini Indians, «Annual Report of the Bureau of American Ethnology», XIV, Washington, 1896.
Hogbin H. J., Law and Order in Polynesia, «A Study of Primitive Legal Institutions», London, 1934.
Howitt A. W., The Native Tribes of South-east Australia, London, 1904.
Howitt F. G. S., Notes on Australian Message Sticks and Messengers, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», XVIII, London, 1888.
Jenks A. E., The Wild-Rice Gatherers of the Upper Lakes: a Study in American Primitive Economics, «Bureau of American Ethnology», 19th Annual Report, Washington, 1900.

Jenness D., The Life of the Copper Eskimo, «Report of the Arctic Expedition», 1913—1918, Ottawa, 1922.

Karutz R., Unter Kirgisen und Turkmenen, Leipzig, 1911.

Krafft M., Die Rechtsverhältnisse der Ovakuanjama und der Ovandonga, «Mitteilungen aus den deutschen Schutzgebieten», XXVII, Berlin, 1914.

Leuschner S., Steinmetz R., Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Afrika und Ozeanien, Berlin, 1903.

Lips J. E., Die Anfänge des Rechts an Grund und Boden bei den Naturvölkern und der Begriff der Erntevölker, Festschrift für P. W. Schmidt, Wien, 1928.

Lips J. E., Einleitung in die Vergleichende Völkerkunde, Leipzig, 1928.

Lips J. E., Ethnopolitics and the Indians, «Commonweal», March 15, New York, 1935.

Lips J. E., Government, «General Anthropology», edited by Franz Boas, Boston, 1938.

Lips J. E., Kamerun, «Das Eingeborenenrecht», II, Stuttgart, 1930.

Lips J. E., Naskapi Law, Law and Order in a Hunting Society «Transactions of the American Philosophical Society», New Series, Volume 37, Part 4, Philadelphia, 1947.

Lips J. E., Public Opinion and Mutual Assistance among the Montagnais-Naskapi, «American Anthropologist», XXXIX, No 2, 1937.

Lowie R. H., Primitive Society, New York, 1920.

Malinowski B., Crime and Custom in Savage Society, London, 1926.

Mansfeld A., Urwalddokumente, Berlin, 1908.

Mathew J., Two Representative Tribes of Queensland, London, 1910.

Menghin O., Die weltgeschichtliche Rolle der ural-altaischen Völker, Archaeologiau Ertesitö, XVII, Budapest, 1928.

Morgan L., League of the Ho-de-no-sau-nee, or Iroquois, New York, 1904.

Nachtigal G., Sahara und Sudan, Berlin, 1879—1889.

Nelson N. C., The Eskimo about Bering Strait, «Bureau of American Ethnology», 18th Annual Report, Washington, 1899.

Nordenskiöld E. v., Indianerleben, El Gran Chaco, Leipzig, 1913.

Oppenheimer R. H., System der Soziologie, Jena, 1929.

Palmer E., Notes on some Australian Tribes, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», XIII, London, 1883.

Passarge S., Adamaua, Berlin, 1895.

Passarge S., Die Buschmänner der Kalahari, Berlin, 1907.

Peron d'Arc H., Aventures d'un voyageur en Australia, Paris, 1870.

Radcliffe-Brown A. R., Primitive Law, «Encyclopaedia of the Social Sciences», IX, New York, 1933.

Radcliffe-Brown A. R., Three Tribes of Western Australia, «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», XLIII, London, 1913.

Ridley W., Kamilaroi an other Australian Languages, Sydney, 1875.

Roth W. E., Ethnological Studies among Northwest-Central-Queensland Aborigines, Brisbane, London, 1897.

Sarasin O., Sarasin F., Die Veddas von Ceylon, Wiesbaden, 1893.

Schmidt W., Koppers W., Völker und Kulturen, Erster Teil; Wirtschaft und Gesellschaft der Völker, Regensburg, 1924.

Schrenck L., v., Reisen und Forschungen im Amur-Lande, St.-Petersburg, 1891.

Seligmann C. G., Seligmann B. Z., The Veddas, Cambridge, 1911.
Spencer B., Gillen F. J., Across Australia, London, 1912.
Stow G. W., The Native Races of South Africa, London, 1905.
Strehlow C., Die Aranda- und Loritjastämme in Zentralaustralien, «Veröffentlichungen aus dem städtischen Völkermuseum», Frankfurt, 1907, 1915.
Struempell K., Die Geschichte Adamauas nach mündlichen Überlieferungen, «Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg XXVI», Hamburg, 1912.
Swanton J. R., The Indian Tribes of the Lower Missisippi and Adjacent Coasts of the Gulf of Mexico, «Bureau of American Ethnology», XLIII, Washington, 1911.
Taplin G., The Folk-lore, Manners, Customs, and Language of the South Australian Aborigines, Adelaide, 1898.
Trenk, Die Buschleute der Namib, «Mitteilungen aus den deutschen Schutzgebieten», XXIII, 1910.
Tschopik H., Jr., Highland Communities of Central Peru, Smithsonian Institution, Institute of Social Anthropology, Publication, No 5, Washington, 1947.
Vinogradoff P., Outlines of Historical Jurisprudence, 2 vols, London, New York, 1920—1922.
West J., The History of Tasmania, Launceston, Tasmania, 1852.
Westgarth W., Australia Felix, Edinburgh, 1848.
Wheeler G. C., The Tribe and Intertribal Relations in Australia, London, 1910.
Wied M., Prinz zu, Reise nach Brasilien, Frankfurt, 1821.
Wigmore J., Jottings on Comparative Legal Ideas and Institutions, «Tulane Law Review», VI, New Orleans, 1931.
Wollaston A. F. R., Pygmies and Papuas, London, 1912.
Wundt W., Völkerpsychologie, Band 9, «Das Recht», Leipzig, 1918.

К главе XIII

Bayer W., Die Religion der ältesten ägyptischen Inschriften, «Anthropos», XXIII,Wien, 1928.
Beaglehole E., Beaglehole P., Hopi of the Second Mesa, «Memoirs of the American Anthropological Association», 44, Menasha, Wisconsin, 1935.
Benedict R., Religion, «General Anthropology», Edited by Franz Boas, Boston, 1938.
«Berosi Chaldaeorum fragmenta» from 260 B. C.) (Herausgegeben von Richter), Leipzig, 1825.
Buck P. H. (TeRangi Hiroa) Anthropology and Religion, New Haven, 1939.
Codrington R. H., The Melanesians, Studies in their Anthropology, and Folk-lore, Oxford, 1891.
Ehrenreich P., Die allgemeine Mythologie und ihre ethnologischen Grundlagen, Leipzig, 1910.
Frazer J. G., The Belief in Immortality and the Worship of the Dead, London, 1913, 1922.
Frazer J. G., The Colden Bough, 3 vols. London, 1907—1915.
Frazer J. G., Totemism and Exogamy, 4 vols. London, 1910.
Frobenius L., Das Zeitalter des Sonnengottes, I, Berlin, 1904.
Graebner F., Das Weltbild der Primitiven, München, 1924.

Hobley C. W., Bantu Beliefs and Magic, London, 1922.
Howitt A. W., Native Tribes of South-east Australia, London, 1904.
Lévy-Bruhl L., L'âme primitive, Paris, 1927.
Lévy-Bruhl L., La mentalité primitive, Paris, 1922.
Lévy-Bruhl L., La mythologie primitive, Paris, 1935.
Lévy-Bruhl L., L'expérience mystique et les symboles chez les primitifs, Paris, 1938.
Lowie R. H., Primitive Religion, New York, 1924.
McCarthy F. D., Australian Aborginal Decorative Art, «Australian Museum Bulletin», Sydney, 1938.
Mountford C. P., Brown Men and Red Sand, Melbourne, 1948.
Nuoffer O., Ahnenfiguren von der Geelvinkbai, Holländisch-Neuguinea, Abhandlungen und Berichte des Zoologischen und Anthropologisch-Ethnographischen Museums zu Dresden, No 2.
Peekel P. G., Die Ahnenbilder von Nord-Neumecklenburg, «Anthropos», XXI, Wien, 1926.
Petitot Abbé, Monographie des Dènè-Dindjié, Paris, 1876.
Preuss K. Th., Der Ursprung der Menschenopfer in Mexico, «Globus», Bd. 86, Braunschweig, 1904.
Preuss K. Th., Der Ursprung von Religion und Kunst, «Globus», LXXXVI, Braunschweig, 1904.
Preuss K. Th., Die Schicksalsbücher der alten Mexikaner, «Globus», Bd. 79, Braunschweig, 1901.
Schmidt P. W., Der Ursprung der Gottesidee, 6 Bde, Münster 1912 bis 1935.
Spencer B., Gillen F. J., The Native Tribes of Central Australia, London, 1899.
Stefansson V., My Life with the Eskimo, New York, 1929.
Strehlow C., Die Aranda- und Loritjastämme in Zentralaustralien, «Veröffentlichungen aus dem städtischen Völkermuseum», Frankfurt 1907, 1915.
Turner S. S., Turner's Gesandtschaftreise an den Hof des Teschoo Lama, Hamburg, 1801.
Tylor E. B., Primitive Culture, 2 vols., London, 1903.
Vierkandt A., Die Anfänge der Religion und Zauberei, «Globus», XCII, Braunschweig, 1907.
Wiedemann A., Der Geisterglaube im alten Ägypten, «Anthropos», XXI, Wien, 1926.

К главе XIV

Andree R., Die Flutsagen, Braunschweig, 1891.
Angulo J. de, Benson W. R., The Creation Myth of the Pomo Indians, «Anthropos», XXVII, Wien, 1932.
Benedict R., Tales of the Cochiti Indians, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 98, Washington, 1931.
Brandeis A., Artikel, «Ehtnologisches Notizblatt», III 3,, Berlin, 1904.
Brandstetter R., Die Kunst des Erzählens bei den Dayaken, 1930.
Brutzer, Der Geisterglaube bei den Kamba, Leipzig, 1905.
Bunzel R. L., Introduction to Zuñi Ceremonialism, «Bureau of American Ethnology», 47th Annual Report, Washington, 1932.

Bushnell D. I., Jr., The Choctaw of Bayou Lacomb, St. Tammany Parish, Louisiana, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 48, Washington, 1909.

Conzemius E., Ethnographical Survey of the Miskito and Sumu Indians of Honduras and Nicaragua, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 106, Washington, 1932.

Dennett R. E., Notes on the Folk-lore of the Fjort (French-Congo), London, 1898.

Frachtenberg L. J., Alsea Texts and Myths, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 67, Washington, 1920.

Frobenius L., Erlebte Erdteile, Band VI in «Monumenta Africana», Frankfurt, 1929.

Hambruch P., Nauru, I, II, Hamburg, 1914, 1915.

Harrington J. P., Karuk Indian Myths, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 107, Washington, 1932.

Harrington J. P., Helen H. Roberts, Picuris Children's Stories, with Texts and Songs, «Bureau of American Ethnology», 43rd Annual Report, Washington, 1928.

Hewitt J. N. B., Iroquoian Cosmology, «Bureau of American Ethnology», 43rd Annual Report, Washington, 1928.

Jenness D., Myths of the Carrier Indians of British Columbia, «The Journal of American Folk-lore», XLVII, Nos. 184—185, New York, 1934.

Karutz R., Aus amerikanischer Mysteriensprache, «Die Drei», Jahrgang VI, Stuttgart, 1926.

Karutz R., Mensch und Tier, «Das Goetheanum», V. Nr. 27, Stuttgart, 1926.

Koch-Grünberg Th., Indianermärchen aus Südamerika, Jena, 1920.

Krickeberg W., Indianermärchen aus Nordamerika, Jena, 1924.

Kroeber A. L., Yuki Myths, «Anthropos», XXVII, Wien, 1932.

Lindblom G., Kamba Tales of Supernatural Beings and Adventures, «Archives d'Etudes Orientales» (published by J. A. Lundell), XX, 2. Leipzig und Lund, 1935.

Lips J. E., Tents in the Wilderness, Philadelphia, 1942, London, 1944.

Lips J. E., Zelte in der Wildnis, Wien, 1946, Zürich, 1947.

Meier P. J., Mythen und Erzählungen der Küstenbewohner der Gazelle-Halbinsel (Neu-Pommern), Münster, 1906.

Meyer P. H., Wunekau oder Sonnenverehrung in Neuguinea, «Anthropos», XXVII, XXVIII, Wien, 1932, 1933.

Müller W., Die ältesten amerikanischen Sintfluterzählungen, Bonn, 1930.

Neuhauss Richard G., Deutsch-Neuguinea, III, Berlin, 1911.

Parker K. L., More Australian Legendary Tales, collected from Various Tribes, London, 1898.

Petitot E., Traditions indiennes du Canada Nord-Ouest, Paris, 1886.

Reagan A. B., Waters L. V. W., Tales from the Hoh and Quileute, «The Journal of American Folk-lore», XLVI, No 182, New York, 1934.

Reiter P. F., Trois récits Tongiens, «Anthropos», XXVIII, Wien, 1933.

Speiser F., Schlange, Phallus und Feuer in der Mythologie Australiens und Melanesiens, «Verhandlung der Naturforschenden Gesellschaft in Basel», Band XXXVIII, Basel, 1927.

Swanton J. R., Haida Texts and Myths, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 29, Washington, 1905.

Swanton J. R., Myths and Tales of the South-eastern Indians, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 88, Washington, 1929.

Swanton J. R., Tlingit Myths and Texts, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 39, Washington, 1909.

Tardy L., Contribution à l'étude du folklore Bantou, «Anthropos», XXVIII, Wien, 1933.

Tattevin S. M., Mythes et Légendes du Sud de l'île Pentecôte (Nouvelles Hébrides), «Anthropos», XXIV, Wien, 1929.

Tessmann G., Die Pangwe, 2 Bde, Berlin und Leipzig, 1913.

Thorbecke F., Im Hochland von Mittel-Kamerun, 3. Teil, «Abhandlungen des Hamburgischen Kolonialinstituts», XXXXI, Hamburg, 1919.

Wassén H., The Frog in Indian Mythology and Imaginative World, «Anthropos», XXIX, Wien, 1934.

Wesselski A., Versuch einer Theorie des Märchens, 1932.

К главе XV

Beaglehole E., Beaglehole P., Hopi of the Second Mesa, «Memoirs of the American Anthropological Association», 44, Menasha, Wisconsin, 1935.

Beninger E., Die Leichenzerstückelung als vor- und frühgeschichtliche Bestattungssitte, «Anthropos», XXVI, Wien, 1931.

Bernatzik H. A., Gari-Gari, Wien, 1930.

Biard Père P., Relation of New France, 1616, «Jesuit Relations and Allied Documents», III, Cleveland, 1897.

Bushnell D. I., Jr., Burials of the Algonquian, Siouan and Caddoan Tribes West of the Mississippi, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 83, Washington, 1927.

Bushnell D. I., Native Cemeteries and Forms of Burial East of the Mississippi, «Bureau of American Ethnology», Bulletin 71, Washington, 1920.

Charlevois P. F. X., de, Journal of a Voyage to North America, 2 vols. London, 1761.

Consten H., Weideplätze der Mongolen, Berlin, 1920.

Doerr E., Bestattungsformen in Ozeanien, «Anthropos», XXX, Wien, 1935.

Gleed C. S., Eugene Fitch Ware: Address before the State Historical Society at Topeka, Topeka, Kansas, 1915.

Gravier Père J., Journal of the Voyage of 1700, «Jesuit Relations and Allied Documents», LXV, 1900.

Haddon A. C., Stuffed Human Heads from New Guinea, «Man», Nos. 18, 19, 20, London, 1923.

Keating W. H., Narrative of an Expedition to the Sources of St. Peter's River, 2 vols. Philadelphia, 1824.

Krickeberg W., Amerika, «Illustrierte Völkerkunde», herausgegeben von Dr. Georg Buschan, I, Stuttgart, 1922.

Manker E., Niombo. Die Totenbestattung der Babwende, «Zeitschrift für Ethnologie», 64, Jahrgang.

Moore V., Ho for Heaven! New York, 1946.

Obermaier H., Leichennagelung in Altspanien, Festschrift für P. W. Schmidt, Wien, 1928.

Palavecinok E., Von den Pilagá-Indianern im Norden Argentiniens, «Anthropos», XXVIII, Wien, 1933.

Peekel P. G., Die Ahnenbilder von Neumecklenburg, «Anthropos», XXI, Wien, 1926.

Pénicaut in Margry P., Découvertes et établissements des Français dans l'ouest et dans le sud de l'Amérique Septentrionale, 1614 bis 1754, Mémoires et documents originaux, 6 Bde., Paris, 1875, bis 1886.

Preuss K. Th., Religion der Uitoto, Göttingen 1921—1923.

Preuss K. Th., Tod und Unsterblichkeit im Glauben der Naturvölker, Sammlung gemeinverständlicher Vorträge und Schriften aus dem Gebiet der Theologie und Religionsgeschichte, Nr. 146, Tübingen, 1930.

Radin P., The Road of Life and Death, New York, 1946.

Reagan A. B., Notes on the Indians of the Fort Apache Region, «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», XXXI, Part V, New York, 1930.

Schmidt P. J., Neue Beiträge zur Ethnographie der Nor-Papua (Neuguinea), «Anthropos», XXVIII, Wien, 1933.

Staal J., The Dusuns of North Borneo, «Anthropos», XVIII, XIX, XX, Wien 1923—1924, 1925.

Stülpner K., Der Tote im Brauch und Glauben der Madagassen, Leipzig, 1929.

Swanton J. R., The Indian Tribes of the Lower Mississippi and Adjacent Coasts of the Guld of Mexico, «Bureau of American Ethnology», XLIII, Washington, 1911.

Tessmann G., Die Pangwe, 2 Bde., Berlin und Leipzig, 1913.

Up de Graff F. W., Bei den Kopfjägern des Amazonas, Leipzig, 1924.

Wegner R. N., Ostbolivianische Urwaldstämme, «Ethnologischer Anzeiger», II, Heft 8, Berlin, 1932.

Westermann D., Die Kapelle, Göttingen, 1921.

Wiedemann A., Der Geisterglaube im alten Ägypten, «Anthropos», XXI, Wien, 1926.

БИБЛИОГРАФИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Общие работы

Маркс К., Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», Архив Маркса и Энгельса, т. IX.

Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 7—153.

Ленин В. И., О государстве, Соч., т. 29, стр. 433—451.

Сталин И. В., О диалектическом и историческом материализме, Госполитиздат, 1950.

Сталин И. В., Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953.

Сталин И. В., Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1953.

К главе I

Анучин Д. Н., Открытие огня и способов его добывания, Москва, 1923.

Ащепков Е., Русское народное зодчество в Западной Сибири, Москва, 1950.

Брюсов А. Я., Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, Москва, 1952.

Воронин Н. Н., Жилище, «История культуры древней Руси», т. I, Москва, 1948.

Воронина В. Л., Народные традиции архитектуры Узбекистана, Москва, 1951.

Гаджиева С., Народное жилище каякентских кумыков, «Советская Этнография», № 3, 1953.

Едемский М., О крестьянских постройках на севере России, «Живая старина», т. 22, вып. 1—2, 1913.

Ильина М., Древнейшие типы жилищ Закавказья, Москва, 1946.

Ионова О. В., Жилые и хозяйственные постройки у якутов, «Сибирский этнографический сборник», I, Труды Института этнографии, т. 18, Москва, 1952.

Кандауров Л. Н., Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, Москва—Ленинград, 1940.

Лавров Л. И., Формы жилища у народов С. З. Кавказа до середины XVIII в., «Советская Этнография», № 4, 1951.

Монгайт А. Л., Древнерусские жилища XI—XIII вв., «Советская Этнография», № 4, 1948.

Попов А. А., Кочевая жизнь и типы жилищ у долган, «Сибирский этнографический сборник», т. I, Москва, 1952.

Толстов С. П., Русские крестьянские постройки, «Этнография», № 1, 2, 1927.

Харузин А. Н., Славянское жилище в северо-западном крае, Вильно, 1907.

Харузин Н., История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, Москва, 1896.

Харузин Н., Очерк истории развития жилища у финнов, Москва, 1895.

Чернецов В. Н., Чум, «Советская Этнография», № 6, 1936.

К главе II

Адлер Б. Ф., Возникновение одежды, С.-Петербург, 1893.

Арциховский А. В., Одежда, История культуры древней Руси, т. I, Москва, 1948.

Богданов В., Из истории женского южновеликорусского костюма, «Этнографическое обозрение», CI—CII, № 1—2, 1914.

Горбачева Н. П., К вопросу о происхождении одежды, «Советская Этнография», № 3, 1950.

К главе III

Богатырев Н., Об ореховом и зверовом промыслах Кумандинских инородцев Бийского уезда, «Алтайский сборник», т. 9, стр. 1—31, 1908.

Бутурлин С. А., Как охотятся на Севере, «Советский север», Москва, 1929.

Кисляков Н. А., Охота таджиков долины реки Хингоу — в быту и в фольклоре, «Советская Этнография», № 4, 1937.

Попов А. А., Нганасаны (в. I, Материальная культура), Труды Института этнографии, т. 3, Москва—Ленинград, 1948.

Силантьев А. А., Обзор промысловых охот в России, С.-Петербург, 1898.

Третьяков П. Н., Первобытная охота в Северной Азии, «Из истории родового общества на территории СССР», сб., М.—Л., 1934.

К главе IV

Богданов Е., Происхождение домашних животных, 1923.

Букасов С. М. и Шарина Н. Е., История картофеля, Москва, 1938.

Вавилов Н., Центры происхождения культурных растений, Москва, 1926.
Зеленин Д. К., Русская соха, ее история и виды, Вятка, 1908.
Кагаров Е. Г., Исторические наслоения в земледельческой технике Испании, «Советская Этнография», т. I, 1938.
Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна р. Хингоу, «Советская Этнография», № 1, 1947.
Клинген И., Среди патриархов земледелия (Часть I. Введение. Египет; часть II. Индия, Цейлон; часть III. Китай), С.-Петербург, 1898—1899.
Ковалевский Г. В., Человеческие племена и растительные культуры, «Человек», № 2—4, 1928.
Лекомцев И. М., Хлеборубы восточных островов Азиатского архипелага, «Советская Этнография», № 3, 1935.
Максимов А., Скотоводство малокультурных народов, Ученые записки Института истории, т. 2, 1927.
Максимов А. Н., Накануне земледелия, Ученые записки Института истории, т. 3, 1929.
Максимов А. Н., Накануне земледелия, Ученые записки Института истории, Москва, 1952.
Никольская З. А. и Шиллинг Е. М., Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана, «Советская Этнография», № 4, 1952.
Никольский В. К., Изобретение хлеба, «Красная Новь», № 19, 1923.
Потапов Л. П., Этнографический очерк земледелия у алтайцев, «Советская Этнография», Сб. I, Москва, 1952.
«Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», вып. I, АН СССР, Труды лаборатории генетики, Ленинград, 1953.
«Северное оленеводство» (Под ред. П. С. Жигунова и проф. Ф. А. Терентьева), Сельхозгиз, 1948.
Советов А., О системах земледелия, С.-Петербург, 1867.
Танфильев Г., Очерк географии и истории главнейших культурных растений, ГИЗ Украины, 1923.
Третьяков П. Н., Подсечное земледелие в Восточной Европе, Ленинград, 1932.
Филиппченко Ю., Происхождение домашних животных, Ленинград, 1924.
Шлыков, Интродукция растений, Сельхозгиз, 1937.

К главе V

Арциховский А. В., Введение в археологию, Изд. 3-е, Москва, 1947.
Богаевский Б. Л., История техники, т. I, ч. 1, Техника первобытно-коммунистического общества, Москва—Ленинград, 1936.
Бронштейн И.. Хрестоматия по истории материальной культуры, Изд. 2-е, доп., ГИЗ, 26.
Глемжайте М. Н., Народное прядение и ткачество литовцев, Институт этнографии АН СССР, Краткие сообщения, XV, 1952.
Гущин А. С., Памятники древнерусского художественного ремесла, Ленинград, 1936.
Ефименко П. П., Первобытное общество, Изд. 3-е, Киев, 1953.
Зеленин Д. К., Примитивная техника гончарства «налепом», «Этнография» № 1, 1927.

Котляревский А., Металлы и их обработка в доисторическую эпоху у индо-европейских племен. Соч., т. 2, С.-Петербург, 1889.

Маслова Г. С., Узорное тканье на русском Севере, Институт этнографии АН СССР, Краткие сообщения, XI, 1950.

«Очерки по истории техники докапиталистических формаций» (Под ред. В. Миткевича), Москва—Ленинград, 1936.

Покровский Ю. М., Очерки по истории металлургии, Москва—Ленинград, 1936.

Попов А. А., Техника у долган, «Советская Этнография», № 1, 1937.

Рыбаков Б. А., Ремесло древней Руси, Москва, 1948.

Рыбаков Б. А., Ремесло, «История культуры древней Руси», т. I, 1948.

Толстов С. П., Древний Хорезм, Москва, 1948.

К главе VI

Булгавский Д. Г., Вино на Руси по памятникам народного творчества, С.-Петербург, 1902.

Васильев Б. А., Медвежий праздник, «Советская Этнография», № 4, 1948,

Винников И. Н., Неопубликованная рукопись Л. Г. Моргана о плясках индейцев, «Советская Этнография», № 1, 1938.

Воблов И. К., Эскимосские праздники, «Сибирский этнографический сборник», I, Труды Института этнографии АН СССР, т. 18, Москва, 1952.

Волков Н., Русская масленица и исторические данные о ней, Владикавказ, 1897.

Тиандер К. Ф., Культовое пьянство и древнейший алкогольный напиток человечества, С.-Петербург, 1908.

К главе VII

Антропова В. В., Из истории транспорта у народов Сибири, Институт этнографии АН СССР, Краткие сообщения, XV, 1952.

Арциховский А. В., Лыжи на Руси, Труды Института этнографии, новая серия, I, 1947.

Боголюбов Н., История корабля, т. 1—2, Москва, 1879—1880.

Василевич Г. и Левин М., Типы оленеводства и их происхождение, «Советская Этнография», № 1, 1950.

Веселаго В., Очерк русской морской истории, т. I, С.-Петербург, 1875.

Воронин Н. Н., Средства и пути сообщения, «История культуры древней Руси», т. I, 1948.

Загоскин Н. П., Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси, Казань, 1909.

Левин М. Г., О происхождении и типах упряжного собаководства, «Советская Этнография», № 4, 1946.

Шерешевский Э. И., Петряев П. А. и Голубев В. Г., Ездовое собаководство, Москва—Ленинград, 1946.

К главе VIII

Билибин Н. Н., Обмен у коряков, Ленинград, 1934.

Блинов А. И., Партнерство, Труды Института этнографии, новая серия, т. 2, 1947.

Зибер Н. И., Очерки первобытной экономической культуры, Изд. 3-е, Москва, 1937.

Ильин А. А., Топография кладов серебряных и золотых слитков, Петроград, 1921.

Ильин А. А., Топография кладов древних русских монет, Ленинград, 1924.

Казанский П. С., Исследование о древней русской монетной системе XI—XIII вв., «Записки Археологического общества», т. 2, С.-Петербург, 1851.

Кондаков Н. П., Русские клады, С.-Петербург, 1896.

Косвен М. О., Происхождение обмена и меры ценности, Москва, 1927.

Кулишер М. И., Очерки сравнительной этнографии и культуры, С.-Петербург, 1887.

Марков А., Топография кладов восточных монет, С.-Петербург, 1910.

Орешников А. О., Денежные знаки домонгольской Руси, Труды Государственного Исторического музея, вып. 6, Москва, 1936.

Орешников А. О., Классификация древнейших русских монет по родовым знакам, «Известия Отделения гуманитарных наук АН СССР», № 2, 1930.

Прозоровский Д. И., Монета и вес в России до конца XVIII столетия, С.-Петербург, 1865.

Романов Б. А., Деньги, денежное обращение, «История культуры древней Руси», т. I, 1948.

Токарев С. А., Родовой строй в Меланезии, «Советская Этнография», № 2—6, 1933.

Черепнин Л. В., Русская метрология, Москва, 1944.

К главе IX

Богораз В. Г., Луораветланский (чукотский) язык. (Языки и письменность Севера), т. 3, Москва—Ленинград, 1934.

Вильчинский О., О происхождении письма, 1892.

Иохельсон В. И.. Одульский (юкагирский) язык. (Языки и письменность народов Севера), т. 3, Москва—Ленинград, 1934.

Кельсиев А. И., Цифры у разных народов, древних и новых, Москва, 1880.

Кнорозов Ю. В., Древняя письменность Центральной Америки, «Советская Этнография», № 3, 1953.

Рабинович М. Г., Военная сигнализация и связь по данным археологии и этнографии, Институт этнографии АН СССР, Краткие сообщения, т. III, 1947.

К главе X

Муратхин В. П., Обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка у сирийцев СССР, «Советская Этнография», № 4, 1937.

Покровский Е. А., Русские детские подвижные игры, Москва, 1892.

Покровский Е. А., Детские игры, преимущественно русские, Изд. 2-е, Москва, 1895.

Покровский Е. А., Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно в России, Москва, 1884.

Сенигов И., Народное воззрение на учение и воспитание, С.-Петербург, 1896.

Элашвили В. И., Фехтование в системе военно-физического воспитания хевсур, Институт этнографии АН СССР, Краткие сообщения, VIII, 1949.

К главе XI

Аракишвили Д., Грузинская музыка (Краткий исторический обзор), Кутаис, 1925.

Богатырев П., Чешский кукольный и русский народный театр, Берлин—Петербург, 1923.

Галунов Р. А., Народный театр Ирана, «Советская Этнография», № 4—5, 1936.

Глускина А. Е., Японский теневой театр, «Советская Этнография», 1936, № 3.

Крупянская В. Ю., Народная драма «Лодка», ее генезис и литературная история, Институт этнографии АН СССР, Краткие сообщения, III, 1947.

Лащилин Б. С., Возрождение народного театра на Дону, Институт этнографии АН СССР, Краткие сообщения, XI, 1950.

Линева Евгения, Всеобщая перепись народных песен в России, «Этнографическое обозрение», № 3—4, 1913.

Маслов А. А., Иллюстрированное описание музыкальных инструментов, хранящихся в Дашковском этнографическом музее в Москве (Материалы и исследования по изучению народных песен и музыки). Труды музыкально-этнографической комиссии, т. 2, Москва, 1908.

Мельгунов Ю. Н., Русские песни, вып. 1—2, Москва, 1879.

Мирон, Южнорусская пасхальная драма, Киев, 1896.

Нурджанов Н., Истоки народного театра у таджиков, Институт этнографии АН СССР, Краткие сообщения, XVIII, 1953.

«Песни разных народов» (Перевод Н. Берга), Москва, 1854.

Петров Н. А., Китайский народный театр на пути к реализму, «Советская Этнография», № 3, 1949.

Петухов М. О., Народные музыкальные инструменты С.-Петербургской консерватории, С.-Петербург, 1884.

Привалов Н. И., Гудок, древнерусский народный музыкальный инструмент, С.-Петербург, 1908.

Рабинович М. Г., Музыкальные инструменты в войске древней Руси и народные музыкальные инструменты, «Советская Этнография», № 4, 1946.

Сокальский П. П., Русская народная музыка в ее строении мелодическом и ритмическом.

Степанов Н. П., Народные праздники на святой Руси, С.-Петербург, 1900.

«Танцы, их история и развитие с древнейших времен до наших дней», С.-Петербург, 1903.

Фаминцын А. С., Скоморохи на Руси, С.-Петербург, 1889.

Фаминцын А. С., Гусли — русский народный музыкальный инструмент, С.-Петербург, 1890.

Харузина В. Н., Примитивные формы драматического искусства, «Этнография», №№ 1, 2, 1927, №№ 1, 2, 1928.

К главе XII

Бахрушин С. В., Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., Ленинград, 1935.

Гальперин С., Очерки первобытного права, С.-Петербург, 1893.

Гродеков Н., Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, Юридический быт, I, Ташкент, 1889.

Золотаревская И. А., Конфедерация крик, Москва, 1952.

Ислями С., Семейная община албанцев в период ее распада, «Советская Этнография», № 3, 1953.

Кагаров Е. Г., Маркс и Энгельс о древнекельтском обществе, «Советская Этнография», № 6, 1936.

Кагаров Е. Г., Общественный строй греков в гомеровскую эпоху, «Советская Этнография», № 4, 1937.

Косвен М. О., Преступление и наказание в догосударственном обществе, Москва—Ленинград, 1925.

Косвен М. О., Матриархат, История проблемы, Москва—Ленинград, 1948.

Косвен М. О., Очерки истории первобытной культуры, Москва—Ленинград, 1952.

Леонтович Ф., Адаты кавказских горцев, т. 1—2, Одесса, 1882—1883.

«Родовое общество. Этнографические материалы и исследования», Труды Института этнографии АН СССР, т. 14, Москва, 1951.

Рыдзевская Е. А., О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы, «Советская Этнография», № 2—3, 1936.

Самоквасов Д., Сборник обычного права сибирских инородцев, Вятка, 1876.

Тихомиров М. Н., Пособие для изучения «Русской Правды», Москва, 1953.

Токарев С. А., Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., Якутск, 1945.

Токарев С. А., Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX в., «Сибирский этнографический сборник», 1, Москва, 1952.

Харузин Н., Очерки первобытного права, Москва, 1898.

Якушкин Е. И., Обычное право русских инородцев (Материалы для библиографии), Москва, 1899.

Якушкин Е. И., Обычное право (Материалы для библиографии), I—IV, 1875—1909, Изд. 2-е, Москва, 1910.

К главе XIII

Анисимов А. Ф., К вопросу об анимативме и антропоморфизме, Институт этнографии АН СССР, Краткие сообщения, VIII, 1949.

Аничков Е. В., Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, ч. I, С.-Петербург, 1903.

Анохин А. В., Материалы по шаманству у алтайцев, Сборник музея антропологии и этнографии, т. IV, Ленинград, 1924.

Антонович В. Б., Колдовство, Документы, процессы, исследования, С.-Петербург, 1887.

Анучин В. И., Очерк шаманства у енисейских остяков, С.-Петербург, 1914.

Афанасьев А. Н., Поэтические воззрения славян на природу, т.т. 1—3, Москва, 1865—1869.

Богораз В. Г., Чукчи. II. Религия, Ленинград, 1939.

Булатов Г. О., Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях, вып. I, Киев, 1909.

Ветухов А., Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова, вып. 1—2, Варшава, 1907.

Гондатти Н. Л., Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири, Москва, 1888.

Добровольский В., Смоленский этнографический сборник, 1891.

Довнар-Запольский М., Чародейство в северо-западном крае в XVII—XVIII вв., Исследования и статьи, т. I, Киев, 1909.

Елеонская Е., К изучению заговора и колдовства в России, Москва, 1917.

Елеонская Е. Н., Сельскохозяйственная магия, Москва, 1929.

Ефименко П. С., Сборник малороссийских заклинаний, Москва, 1874.

Зеленин Д. К., Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, Сборник Музея антропологии и этнографии, VIII, Ленинград, 1929.

Золотарев А., Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939.

Кагаров Е. Г., К вопросу о классификации народных обрядов, Доклады Академии наук, № 10, 1928.

Кагаров Е. Г., Религия древних славян, Москва, 1918.

Канторович Я., Средневековые процессы о ведьмах, Изд. 2-е, С.-Петербург, 1899.

Краинский Н. В., Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни, Новгород, 1900.

Крушевский, Заговоры как вид русской народной поэзии, 1875.

Майков Л. Н., Сборник великорусских заклинаний, Записки Русского Географического общества по отделению этнографии, т. 2.

Максимов С. В., Нечистая, неведомая и крестная сила, С.-Петербург, 1903.

Михайловский В. М., Шаманство, т. 1, Москва, 1892.

Никольский В. К., Происхождение религии, Москва, 1940.

Никольский Н. М., Дохристианские верования и культы днепровских славян, Москва, 1929.

Новомбергский Н., Колдовство в Московской Руси XVII столетия, С.-Петербург, 1906.

Познанский Н., Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул, Петроград, 1917.

Попов А. А., Материал для библиографии русской литературы по изучению шаманства североазиатских народов, Ленинград, 1923.

«Религии народностей СССР» (Сборник под ред. В. К. Никольского и С. Л. Урсыновича), т. 1—2, Москва, 1931.

«Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов» (Под ред. С. А. Токарева и Е. М. Шиллинга), Москва, 1940.

Романов Е., Белорусский сборник, вып. 5, 1891.

Степанов-Скворцов И. М., Очерк развития религиозных верований.

Сумцов Н. Ф., Очерк истории колдовства в Западной Европе, Харьков, 1878.

Сумцов Н. Ф., Колдуны, ведьмы и упыри (Библиографический указатель), Харьков, 1891.

Трощанский В. Ф., Эволюция черной веры (шаманства) у якутов, Казань, 1902.

Ушаков Д., Материалы по народным верованиям великоруссов, «Этнографическое обозрение», кн. 29—30.

Харузина В. Н., К вопросу о почитании огня, «Этнографическое обозрение», № 3—4, 1906.

Шахнович М. И., От суеверий к науке, Ленинград, 1948.

Шимкевич П. П., Материалы для изучения шаманства у гольдов, Записки Приамурского Отд. ИРГО, т. I, вып. 1, Хабаровск, 1896.

Штернберг Л. Я., Первобытная религия в свете этнографии, Ленинград, 1936.

Щапов А. П., Исторические очерки народного миросозерцания и суеверия, «Журнал Министерства народного просвещения», 1863.

Ярославский Е. М., Как родятся, живут и умирают боги и богини, Москва, 1930.

К главе XIV

«Абхазские сказки», Сухуми, 1940.

Авдеев, Песни народа манси, Омск, 1936.

«Адыгейские сказки», Москва, 1947.

Андреев Н. П., Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Ленинград, 1929.

«Армянские сказки», Ленинград, 1930, (Москва, 1933).

Астахова А. М., Северные былины, Ленинград, 1940.

Афанасьев А. Н., Народные русские сказки, Москва, 1855—1859.

«Башкирские сказки», Уфа, 1943.

Богораз В. Г., Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I, Образцы народной словесности чукч, С.-Петербург, 1900.

«Вепсские сказки», Петрозаводск, 1941.

Веселков Г. Н., Туркменское народное творчество, Ашхабад, 1945.

Гиппиус Е. В., Проблема музыкального фольклора, «Советская музыка», № 6, 1933.

Гиппиус Е. и Чичеров В., Советская фольклористика за 30 лет, «Советская Этнография», № 4, 1947.

«Грузинские сказки», Москва, 1937.

«Давид Сасунский», Армянский народный эпос.

«Долганский фольклор», «Советский писатель», 1937.

Долгих Б. О., Легенды и сказки нганасанов, Красноярск, 1938.

Дыренкова Н. П., Шорский фольклор, Москва—Ленинград, 1940.

Затаевич А., 1000 песен киргизского народа, Оренбург, 1925.

Иохельсон В., Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, ч. I, С.-Петербург, 1900.

Калевала, Карело-финский эпос, Москва, 1949.

«Киргизские народные сказки», Фрунзе, 1944.

Колмачевский Л., Животный эпос на западе и у славян, Казань, 1882.

Корш Ф. Е., О русском народном стихосложении, вып. 1, Изд. 2-е, С.-Петербург, 1897.

«Крестьянская лирика» (Сборник), Москва—Ленинград, 1935.

Куприянова З. Н., Основные жанры ненецкого (юрако-самоедского) фольклора, «Вестник Ленинградского университета», № 7, 1947.

Орлов А. С., Казахский героический эпос, Москва—Ленинград, 1945.

«Осетинские нартские сказания», «Советский писатель», 1949.

Пиксанов Н. К., Горький и фольклор, Ленинград, 1935.

Пиксанов Н. К., Горький о фольклоре, «Советский фольклор», № 2—3, 1935.

Пропп В., Морфология сказки, Ленинград, 1928.

Рыбников П. Н., Песни (ч. 1—2, Москва, 1861—1862; ч. 3, Петрозаводск, 1869; ч. 4, С.-Петербург, 1867).

Скафтымов А., Поэтика и генезис былин, Саратов, 1924.

«Славянский фольклор», Материалы и исследования по истории народной поэзии славян, Труды Института этнографии, новая серия, т. 13, Москва, 1951.

Соколов Б. М., Сказители, Москва, 1924.

Соколов Ю. М., Очередные задачи изучения русского фольклора, «Художественный фольклор», I, 1926.

Соколов Ю. М., Обзор работ по фольклору за революционный период, «Этнография», № 1—2, 1926.

Соколов Ю. М., Русский фольклор, Москва, 1938.

Харузина В. Н., Время и обстановка рассказывания повествовательных произведений народной словесности, Ученые записки Института истории, т. 3, 1929.

Четкарев К. А., Марийские сказки, Йошкар-Ола, 1941.

Чичеров В. И., Традиция и авторское начало в фольклоре, «Советская Этнография», № 2, 1946.

Штернберг Л. Я., Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора, т. I, ч. 1, Образцы народной словесности, С.-Петербург, 1908.

Юсуров Х., Дунганские сказки, Алма-Ата, 1946.

«Якутский фольклор» (под ред. А. А. Попова), Москва—Ленинград, 1936

К главе XV

Анучин Д. Н., Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда, Москва, 1890.

Бартенев В., Погребальные обычаи у остяков, «Живая старина», вып. 2—3, 1895.

Богданов В. В., Древние и современные обряды погребения животных в России, «Этнографическое обозрение», № 3—4, 1916.

Зеленин Д. К., Очерки русской мифологии, вып. 1, Петроград, 1916.

Котляревский А., О погребальных обычаях языческих славян, Соч., т. 3, С.-Петербург, 1893.

Окладников А. П., О значении захоронения неандертальцев для истории первобытной культуры, «Советская Этнография», № 3, 1952.

ПЕРЕЧЕНЬ И ОБЪЯСНЕНИЕ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр

Ветровой заслон тасманийцев (*по Ю. Липсу*) 19
Ветровой заслон андаманцев (*по А. Р. Брауну*) 20
Ульевидная, или полусферическая хижина (*по фон ден Штейнен*) . . . 21
Прямоугольный дом индейцев квакиутль (*по Кригеру*) 22
Палатка индейцев прерий 23
Главные типы примитивных палаток (*по Монтандону*) 25
Хранилища для желудей, индейцы мивок, Калифорния (*по Шмидт-Копперсу*) 26
Глиняные дома мусгу, Камерун, Западная Африка (*по Бушану*) . . . 28
«Тукуль» (дом с Верхнего Нила) (*по Бернатцику*) 29
Дом с остроконечной крышей у батаков, Суматра (*по Жандро*) . . . 29
Живописное украшение дома индейцев цимшиан (*по Боасу*) 30
Высеченные в скалах дома индейцев хопи (*Американский музей естественной истории в Нью-Йорке*) 31
Дом племени банда, Французская Экваториальная Африка (*по Дегр*) 32
Резной столб дома маори, Новая Зеландия (*Музей народоведения в Кельне*) 33
Огнивное сверло 35
Огнивная пила, Индонезия 35
Огнивный плуг, о-ва Самоа 35
Огнивное сверло с луком для добывания огня 35
Футляр для трута, индейцы тапьете и тоба, Южная Америка (*по Норденшельду*) 36
Деревянная головная скамейка, Гельвинк-бай, Новая Гвинея (*по Вуду*) 38
Головная скамейка с о-вов Санта-Крус (*по Вуду*) 38
Головная скамейка кафров, Южная Африка (*по Вуду*) 38
Головная скамейка из Мамберамо, Новая Гвинея (*по Вуду*) 39
Скамейка из кедрового дерева в форме ягуара, индейцы гуарани, Восточный Парагвай (*по Мюллеру*) 40
Трон африканского вождя, Камерун (*Музей народоведения в Кельне*) 40
Деревянная миска, о-ва Санта-Крус (*Музей народоведения в Кельне*) 40
Масляные лампы (*по Габерландту*) 41
Сосуды для воды, о-ва Санта-Крус (*Музей народоведения в Кельне*) 42
Питьевой ковш из бересты, индейцы монтанье-наскапи, Лабрадор (*коллекция Ю. Липса*) 42
Сосуд из коры для варки пищи, Никобарские о-ва (*по Вейле*) 44

Стр

Веер пангве для раздувания огня, Западная Африка *(по Тессману)* . . 44
Формы ложек пангве *(по Тессману)* 46
Флейты из слоновой кости (подражание формам европейских ключей), Бельгийское Конго *(Королевская консерватория в Брюсселе)* . . 47
Вырезанная из одного куска дерева копия сломанной и затем починенной при помощи шурупа европейской разливательной ложки, Конго *(Государственный этнографический музей в Стокгольме)* . . 48
«Восстание вещей», Валье де Чикама, Перу *(по Крикебергу)* 48
Любимая жена негритянского вождя из Конго *(Американский музей естественной истории в Нью-Йорке)* 51
Скамейка для скобления кокосовых орехов с Марковых о-вов *(по Паркинсону)* 53
Западноафриканская палитра с красками для татуировки *(Музей народоведения в Кельне)* 54
Доисторические изображения женщин:
Фигурка женщины из грота Лепюг *(по де Сен-Перье)* 58
«Виллендорфская Венера» *(Государственный музей естественной истории в Вене)* 58
Танцующие женщины. Наскальное изображение в Когуле, Испания . . 58
Татуированная девушка чороти *(по Карстену)* 59
Татуировка рубцами у яо, Восточная Африка *(по Вейле)* 59
Раскраска лица у индейцев р. Томпсон *(по Тейту)* 59
Западноафриканская татуировка рубцами на резной человеческой фигурке *(Музей народоведения в Кельне)* 60
Голова маори со спиральной татуировкой *(Музей народоведения в Кельне)* 60
Западноафриканская шлемовидная прическа *(по Кромеру)* 64
Камерунская прическа *(по Плишке)* 64
Прически замужних зулусок *(по Карлу фон Гофману)* 66
Гребни первобытных народов:
Западноафриканские гребни *(по Тессману)* 67
Полинезийский гребень *(Музей народоведения в Кельне)* 67
Приклеенный к голове остроконечный головной убор, кабири, Новая Гвинея *(по Хэддону)* 68
Нагрудное украшение мужчин, Новая Ирландия *(Музей народоведения в Кельне)* 70
Доисторическое раковинное ожерелье из грота Кроманьон 72
Ожерелье каменного века из выгравированных галек 72
Украшение из раковин с нацарапанным орнаментом, Виндхам, северо-западная Австралия *(по Маккарти)* 73
Золотое кольцо для носа, Чиму, Перу *(по Антце)* 74
Женский костюм. Озеро Леопольда II, Бельгийское Конго *(по Мэсу)* 75
Ловчая яма для слонов у готтентотов *(по Петеру Кольбу)* 81
Ловчая яма для жирафов, кафры, Южная Африка *(по Вуду)* 83
Ловушка давящего типа, индейцы талтан, Северная Америка *(по Эммонсу)* 84
Ловчая петля лабрадорских индейцев *(по Ю. Липсу)* 85
«Самолов», Камерун *(по Линдблому)* 86

Стр

Вздергивающая ловушка у яунде, Западная Африка *(по Тессману)* . . 86
Вздергивающая ловушка для сурков, эскимосы *(по Нельсону)* 87
Ловушка для рыб, бангонго, Западная Африка *(по Тордей-Джойсу)* . . 87
Пусковые механизмы вздергивающих ловушек 88
Крутильная ловушка, эскимосы, Нортон-Саунд *(по Ю. Липсу)* 89
Изображения ловушек давящего типа, относящиеся к ледниковому периоду. Ловушки давящего типа аналогичной конструкции, употребляемые первобытными народами в наше время *(по Ю. Липсу)* 90
Изображение бизона с ловушками давящего типа, рисунок ледникового периода из грота Фон-де-Гом *(по Капарту)* 91
Газели, попавшие в ловушку *(по Капарту)* 92
Охотничий фетиш, Северное Борнео *(Музей народоведения в Кельне)* . 93
Охота индейцев на бизонов *(Американский музей естественной истории в Нью-Йорке)* 96
Австралийский охотник 97
Охотник, замаскированный под страуса, подкрадывающийся к стае страусов. Рисунок бушменов *(по Стоу)* 97
Палки-копалки 98
Австралийское растение нарду *(по Броу Смиту)* 104
Плод бунья-бунья — растения, собираемого австралийскими племенами-собирателями урожая *(по Броу Смиту)* 104
Калифорнийские индианки с сосудами для воды и семян травы *(по Френсису Дрэку)* 106
Индейцы племени оджибве во время жатвы дикого водяного риса *(по фотографии Ю. Липса)* 106
Неолитические топоры: находка из Сигерслева, Дания *(по Дешелетту)* 109
Каменный валиковый топор *(по Менгину)* 109
Железная мотыга с деревянной рукояткой, Камерун 110
Каменная мотыга с деревянной рукояткой, Новая Гвинея 110
Африканские женщины за обработкой поля *(по фотографии в Кельнском музее народоведения)* 111
Ломка кукурузы (маиса) у ирокезов *(Американский музей естественной истории в Нью-Йорке)* 112
Амбар на озере Хоро-Венуа, Новая Зеландия *(по Тейлору)* 113
Сосуды для съестных припасов, овамбо, Африка *(по фотографии в Кельнском музее народоведения)* 114
Примитивный плуг 117
Деревянный плуг кабилов *(по фотографии в Кельнском музее народоведения)* 117
Древнеегипетский плуг с рабами, служащими тягловой силой *(по Трейдлер и Геродоту)* 118
Палица «лиль-лиль», западная часть Нового Ю. Уэльса, Австралия *(по Маккарти)* 124
Деревянное корыто для толчения листьев кассавы, Западная Африка *(по Тессману)* 124
Деревянная миска для еды, о-в Трук, Каролинские о-ва *(Музей народоведения в Кельне)* 124
Деревянный кубок в форме головы, Южное Конго *(Музей народоведения в Кельне)* 125

Стр

Деревянная миска для еды, Южное Конго *(Музей народоведения в Кельне)* 125
Резной деревянный крючок для платья, Океания *(Музей народоведения в Кельне)* 125
Деревянный черпак, Золотой Берег, Африка *(Этнографическая коллекция Цюрихского университета)* 126
Корзина из коры, о-в Батерст, Австралия *(по Маккарти)* 126
Берестяной короб для пеммикана, украшенный выскобленным орнаментом, индейцы монтанье-наскапи, Лабрадор *(коллекция Ю. Липса)* 127
Тапа (материя из коры), о-ва Фиджи *(Музей народоведения в Кельне)* 127
Колотушки для изготовления материи из коры: слева: Центральный Целебес *(по Норденшельду)* 128
справа: О-ва Санта-Крус *(Музей народоведения в Кельне)* . . 128
Костяные ножи индейцев сирионо, Восточная Боливия *(по Вегнеру)* . . 129
Нож для раскалывания кокосовых орехов, Меланезия *(по Фробениусу)* 129
Нижнепалеолитический деревянный наконечник копья *(по Хаззелдайн Уоррену)* 129
Палеолитический костяной кинжал *(по Ларте-Кристи)* 129
Костяные орудия огнеземельцев *(по Вейле)* 130
Неолитическая костяная игла и костяное шило *(по Менгину)* 130
Скребок для обработки шкур из бедреной кости карибу, индейцы монтанье-наскапи, Лабрадор *(коллекция Ю. Липса)* 130
Обсидиановый нож для человеческих жертвоприношений, Мексика *(Британский музей в Лондоне)* 130
Верхнепалеолитические ножевидные пластинки *(по Менгину)* 131
Нижнепалеолитические ручные рубила *(по Менгину)* 131
Нижнепалеолитический наконечник копья *(по Менгину)* 131
Верхнепалеолитический наконечник копья *(по Менгину)* 131
Неолитические орудия труда *(по Менгину)* 131
Женщина племени мору, растирающая семена дурры или негритянского проса *(по Бернатцику)* 132
Выдалбливание каменных сосудов. Рельеф в Фивах, 650 г. до н. э. *(по Штейндорфу)* 132
Плетеный веер из листьев кокосовой пальмы, о-ва Санта-Крус *(Музей народоведения в Кельне)* 132
Плетеная сумка, р. Аллигатор, Земля Арнгем, Австралия *(по Маккарти)* 133
Плетение петлями, Огненная Земля *(по Монтандону)* 133
Образец плетения жгутовым способом и шило *(по Шмидту)* 133
Плетеная корзина, юроки, Калифорния *(по Креберу)* 134
Корзина с крышкой, йоруба, Африка *(Музей на Линденштрассе в Штуттгарте)* 134
Техника плетения, Голландская Ост-Индия *(по Ламстеру)* 136
Неолитическое пряслице из Кносса *(по Менгину)* 138
Доисторическое пряслице *(по Менгину)* 138
Прядущая индианка из племени чимане, Боливия *(по Норденшельду)* . 139
Индианка племени навахо, ткущая ковер *(Музей естественной истории в Нью-Йорке)* 140

Стр

Грубовылепленный глиняный сосуд из кургана близ Лоди, Калифорния (*по Норденшельду*) 142
Спирально-жгутовая техника изготовления гончарных изделий, юго-восточный берег Новой Гвинеи (*по Хёрли*) 144
Изготовление сосуда из глиняных колец, байла, Северная Родезия . . 144
Кувшин для воды, Перу (*Музей народоведения в Кельне*) 145
Основные формы неолитической керамики (*по Дешелетту*) 146
Древнеегипетский золотоплавильщик (*по Розеллини*) 149
Крылатый горный козел, ручка серебряной вазы, IV в. до н. э. (Лувр, Париж) 150
Доменная печь, Танганьика, Восточная Африка (*по Шмидт-Копперсу*) 152
Африканские ножи (*Музей на Линденштрассе, Штуттгарт, Косарь по Вейле*) 153
Древнеегипетские орудия труда (*по Петри*) 154
Женщины племени банту за приготовлением муки и теста (*по Хаберландту*) 162
Коробочка для бетеля, Тимор (*по Хамбруху*) 166
Наркотическое растение датура (*по Саффорду*) 167
Колючая коробочка куста «джемстаун» (*по Саффорду*) 167
Церемония «черного напитка» у индейцев Флориды. Рисунок XVI в. (*по Ле-Муан, 1564 г.*) 168
Индеец тукано с сигарой и подставкой для сигары 169
Трубки для курения табака: деревянная трубка пангве (*по Тессману*) 169
Черная каменная трубка чероков (*Музей естественной истории в Нью-Йорке*) 169
Трубка якутов (*Музей народоведения в Гамбурге*) 169
Глиняная трубка пангве (*по Тессману*) 169
Пачка сигар и пепельница (*рисунок из Флорентинского кодекса, Мексика*) 170
Мексиканский курильщик (*рисунок из Венского кодекса*) 170
Курящий жрец майя, рельеф из храма Паленке (*по аббату Брассер-де-Бурбур*) 171
Деревянная головка трубки, индейцы хайда (*Музей народоведения в Берлине*) 172
Глиняная головка трубки, Северный Камерун (*Музей народоведения в Кельне*) 172
Кальян, или хука, Африка (*Музей народоведения в Лейпциге*) 173
Перегонный аппарат для пальмового вина, Молуккские о-ва (*по Мартину*) 173
Женщины, занятые пивоварением, Бельгийское Конго (*Американский музей естественной истории в Нью-Йорке*) 174
Пивная в Европе, средневековый рисунок (*по Гансу Шпореру, 1948 г.*) 175
Перегонный аппарат киргизов (*по Вейле*) 175
Мешок для кумыса из лошадиной кожи, якуты (*по Бихану*) 175
Деревянная птица, «танцующая» на тетиве. Игрушка с о-вов Санта-Крус (*по фон Шпейзеру*) 178
Куклы первобытных народов:
Куклы из коры вяза и ивовых ветвей, индейцы оджибве, Северная Америка (*по Денсмору*) 178

Стр.

Глиняные куклы индейцев чороти, Рио Пилькомайо, Боливия *(по Норденшельду)* 178
Еж (игрушка) из развалин города Сузы, 2000 г. до н. э. *(Лувр, Париж)*
Игральная доска пангве, Западная Африка *(по Тессману)* 179
Хоккейные клюшки и мячи индейцев моно *(Колумбийский краеведческий музей)* 183
Хоккейные клюшки индейцев пассамакводди *(Колумбийский краеведческий музей)* 183
Ножной мяч индейцев мандан 183
Канатный мост, Перу *(по Вейле)* 188
Мост из лиан, Гватемала *(по Сапперу)* 188
Свайный мост племени чибча *(по Болиндеру)* 189
Приспособления для переноски тяжестей у ацтеков (*Кодекс Мендосы*) 189
Амфора из Куско, воспроизводящая способ переноски этого же сосуда *(по Бесслеру)* 190
Головная лямка, Северная и Южная Америка 190
Головная лямка, Аляска и Мексика 190
Головная лямка, Бельгийское Конго *(Американский музей естественной истории в Нью-Йорке)* 190
Коромысло мексиканских индейцев *(по Овиедо)* 191
Китайский бамбуковый паланкин *(по Вейле)* 192
Лыжи, обтянутые шкурой северного оленя, восточные якуты *(по Бихану)* 193
Рамные лыжи (снегоступы):
Слева: индейцы монтанье-наскапи, Лабрадор *(по Ю. Липсу)* 194
В центре: Европейские Альпы *(по Монтандону)* 194
Справа: эскимосы (Баффинова земля) *(по Боссу)* 194
Тобогган, или плоские сани индейцев монтанье-наскапи, Лабрадор *(по Ю. Липсу)* 195
Волокуша («travois») черноногих индейцев *(Американский музей естественной истории в Нью-Йорке)* 197
Египетская повозка, 1400 г. до н. э. *(Музей в Каире)* 198
Китайская тачка с парусом *(по Хаберландту)* 199
Плоты из корней, Новая Гвинея *(по Вейле)* 201
Однодеревка 201
Бальса, озеро Титикака 203
Надутая воздухом лодка из шкуры, Северная Индия *(по Вейле)* . . . 203
Нос «сшитого» из бересты челнока, индейцы монтанье-наскапи, Лабрадор *(по Ю. Липсу)* 204
Лодка «мон» без балансира, Соломоновы о-ва *(по Хамбруху)* 205
Лодка с балансиром и парусом, Мадурский пролив, Индонезия *(по Притчетту)* 205
Весло, Соломоновы о-ва *(Музей народоведения в Кельне)* 206
Резной кошелек из рога лося и «монета» — головка дятла у индейцев хупа *(Музей народоведения в Берлине)* 208
Раковины каури 208
Раковинные денежные снизки «бакьау» и «саписапи», юго-восточная Новая Гвинея *(по Петри)* 211

Стр.

Сверло для изготовления раковинных денег, Новая Гвинея *(по Петри)* . 211
Раковинные деньги тамбу (диварра) с п-ва Газели *(по Петри)* 211
Часть снизки свиных денег, Меланезия *(Музей народоведения в Кельне)* 213
Денежное кольцо из раковины *Tridacna gigas* с желтыми крапинами, Соломоновы о-ва *(по Петри)* 214
Деньги из перламутровой раковины или «джар», о-в Яп *(по Вейле)* . 214
Деньги-феи с о-ва Яп 215
Денежное кольцо из кабаньего клыка, Новая Гвинея *(по Вейле)* . . . 218
Мелкая разменная монета из перьев и рулон из денег-перьев, о-ва Санта-Крус *(Музей народоведения в Кельне)* 218
Ожерелье из денег-перьев, о-ва Банкса *(Музей народоведения в Кельне)* 219
Деньги из каменной соли, Эфиопия *(по Вейле)* 219
Деньги из кирпичного чая с знаком «му» (дерево, древесина) в качестве штемпеля, Китай *(по Вейле)* 220
Металлические деньги, выставленные во время торговых переговоров, Конго *(Американский музей естественной истории в Нью-Йорке)* 222
Африканское железное копье, служащее в качестве денег, Северное Конго *(Музей народоведения в Кельне)* 223
Медная «монета», Конго *(Музей народоведения в Кельне)* 223
Наконечники копий, служащие в качестве денег у племени фанг, Западная Африка *(по Тессману)* 223
Купец с денежным кольцом («манилья»). Бронзовая плита XVI в., Бенин, Западная Африка *(Музей народоведения в Штуттгарте)* . . 224
Древнекитайские бронзовые деньги *(по Мостербергу)* 225
Фигурка вождя квакиутль со священной денежной медной пластинкой в руке *(по Вольфгангу Паалену)* 225
Гравированная медная денежная пластинка племени хайда *(Музей народоведения в Берлине)* 225
Сигнальный барабан племени бансса, Камерун, Западная Африка *(по Максу Шмидту)* 235
Барабан племени авангура, Бельгийское Конго *(Американский музей естественной истории в Нью-Йорке)* 235
Военный барабан с колотушкой из сердцевины пальмы рафия, пангве, Западная Африка *(по Тессману)* 235
Сигнальный барабан индейцев тукано. Южная Америка *(по Кох-Грюнбергу)* 236
Сигнальные столбы индейцев монтанье-наскапи, Лабрадор *(по Ю. Липсу)* 241
Жезл вестника, Кимберлей, Западная Австралия *(по Маккарти)* . . . 243
Любовное письмо юкагирки *(по Вейле)* 244
«Зимний отчет» вождя «Одинокая собака», нарисованный на шкуре бизона, индейцы сиу *(Американский музей естественной истории в Нью-Йорке)* 245
Охота на тюленей. Пиктографическое письмо эскимосов *(по Вейле)* . . 247
Изображение брачной церемонии в древнемексиканском кодексе . . . 248
Древнемексиканские календарные символы, имевшие также значение письменных знаков *(по Данзелю)* 249
Развитие буквы «D» *(по Вейле)* 249
От пиктограммы к букве: египетские иероглифы *(по Меллеру)* . . 250—251

Стр.

Китайское слоговое письмо *(по Визе)* 252
Клинопись *(по Брюннову)* 253
Индейский ребенок на спине у бабушки, индейцы монтанье-наскапи, Лабрадор *(по фотографии Ю. Липса)* 258
«Духи» в масках, пугающие посвященных во время обряда инициации, селк'нам, Огненная Земля *(по Гузинде)* 266
Инициация у индейцев хопи. Бичевание посвящаемого *(по Дорсей-Вот)* 268
Выкрашенные в белый цвет посвящаемые во время обряда инициации с ксилофонами для предупредительных сигналов, пангве, Западная Африка *(по Тессману)* 269
Церемония инициации девушек у племени ваньемба, Нгонго, Центральная Ангола (*Краеведческий музей естественной истории в Чикаго*) 271
Маска послушницы тайного общества Бунду, Западная Африка (*Музей народоведения в Кельне*) 273
Ведьма Бунду, Западная Африка *(Музей народоведения в Кельне)* . . 274
Древние маски плодородия, фумбам, Западная Африка *(фотография из музея народоведения в Кельне)* 282
Танцующие шаманы в масках животных, «Грот трех братьев», Арьеж, Франция *(по Бегуэн-Брейль)* 283
Танцевальная палица с о-вов Санта-Крус *(Музей народоведения в Кельне)* 286
Меланезийская танцевальная маска *(Музей народоведения в Кельне)* . 286
Маска «бусла-матла», северо-западная часть Америки *(Музей народоведения в Кельне)* 287
Танец медведей гризли, индейцы сиу *(по Кетлину)* 288
Бог солнца Паутива спускается вниз, чтобы созвать маски качина, индейцы пуэбло *(по Фьюксу)* 289
Маска койемчи, индейцы пуэбло *(по Фьюксу)* 290
Серьезная маска качина со свитой из масок койемчи. Рисунок индейцев пуэбло *(по Фьюксу)* 290
Окихеде, бизоний демон, появляющийся во время весеннего праздника у индейцев мандан *(по Кетлину)* 291
Клоун мукиш, Западная Африка 292
Мукиш на ходулях, вачивоке, Западная Африка *(по Капелло и Ивенсу)* 292
Расписанная кукла с изображением Алозаки (идола рогатых жрецов), индейцы хопи *(по Фьюксу)* 295
Домашняя корзина индейцев юма, служащая в качестве резонатора, с двумя звучащими палочками из канадского тополя *(по Денсмору)* 299
Африканский барабанщик *(по Бернатцику)* 300
Мирлитоны пангве *(по Тессману)* 300
Арфа пангве *(по Тессману)* 301
Музыкальный лук *(п-в Газели)* 301
Деревянная труба пангве *(по Тессману)* 302
Флейтист племени ньямбара, Верхний Нил *(по Бернатцику)* 303
Поединок у ботокудов для разрешения вопроса о нарушении границы *(по Максу Виду)* 307
Щит из юго-восточной Австралии, р. Маррамбиджи *(по Маккарти)* . . 309
Австралийское копье *(по Маккарти)* 310
Австралиец с копьеметалкой 311

Стр.

Магическая связка племени пауни, Оклахома *(по фотографии в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке)* 319
Военный совет племени мангбету, Бельгийское Конго *(по фотографии в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке)* . . . 323
Скамейка для военного совета, бамум, Камерун *(Музей народоведения в Лейпциге)* 324
Ручка жезла вождя, сонго, Португальское Конго *(Музей народоведения в Берлине)* 325
Воины племени шиллуков *(по Бернатцику)* 328
Африканский воин. Резьба из слоновой кости, XVI в., Бенин, Западная Африка *(Музей народоведения в Кельне)* 330
Воин джур, Северная Африка *(по Бернатцику)* 330
Судья по имени «Волчье перо», черноногие индейцы *(по фотографии в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке)* 332
Куклы, употребляемые для магических действий, зулусы, Южная Африка *(Музей народоведения в Кельне)* 341
Чумная маска, которую носят для предохранения от заболевания, Либерия *(Музей народоведения в Кельне)* 341
Магический жезл батаков, Борнео *(Музей народоведения в Кельне)* . . 345
Амулет, вырезанный из зуба нильского бегемота, маньема, Конго *(Музей на Линденштрассе в Штуттгарте)* 346
Горшок-фетиш, Западная Африка *(Музей народоведения в Кельне)* . . 348
Магическая шкурка птицы сарыч, ношение которой обеспечивает власть и влияние, зулусы, Южная Африка *(по Карлу фон Гофману)* . . 349
Фигурки предков с Гаити и из Индонезии *(по фон Зюдову)* 351
«Koppensnel!en» (охота за головами), Новая Гвинея *(по Чалмерс-Вейле)* 352
Камень души, или тьюрунга (чуринга), арунта, Центральная Австралия *(по Маккарти)* 353
Фигурка фетиша, Западное Конго *(Музей народоведения в Кельне)* . . 353
Священная «ванинга» членов тотема паука, арунта, Центральная Австралия *(по Маккарти)* 353
Череп предка в деревянном «корваре», Голландская Новая Гвинея *(по Нуофферу)* 354
Скипетр с фетишем, уруа, Южное Конго *(Музей народоведения в Кельне)* 356
Символ бога огня, Того *(Музей народоведения в Кельне)* 356
Священная тибетская молитва: **OM MANI PADME HUM** в различных написаниях *(по Форстману)* 357
Пасхальная мистерия индейцев кичé, Гватемала *(акварель, Музей народоведения в Кельне)* 358
Рассказчик в Сахаре *(фотография Ю. Липса)* 361
Медведь со своими сыновьями под деревом погоды 367
Как Цегабек поднялся на луну 372
Человек на луне. Рисунок индейцев хайда 373
Как кролик достал огонь 375
Как желуди упали с неба 376
Как юноша достал раковины-деньги 378
Как жена индейца превратилась в бобра 381

Стр.

Череп, пробитый гвоздем, Пуиг Кастельяр, Испания *(по Обермайеру)* 387
Череп, раскрашенный белой, красной и желтой красками, племя копабинга, Земля Арнгем, Австралия *(по Маккарти)* 387
Домик для черепа, Восточная Меланезия *(Музей народоведения в Кельне)* 390
Череп, облепленный глиной и раскрашенный, с вставленными раковинами вместо глаз, Меланезия *(Музей народоведения в Кельне)* . 390
Голова врага — военный трофей хиваро *(по Вейле)* 391
Набитая человеческая голова, Новая Гвинея *(по Хэддону)* 392
Деревянная танцевальная маска, Южное Конго *(Музей народоведения в Кельне)* 392
Барабан для хранения черепов у пангве *(по Тессману)* 395
Ньомбо западноафриканского племени бабвенде *(по Манкету)* 398
Могила на помосте у индейцев кроу («воронов») *(по Бушнеллу)* . . . 400
Могилы с ящикообразными домиками у индейцев оджибве, озеро Нетт, Миннесота *(по фотографии Ю. Липса)* 401
Тибетский чортен, где хранится пепел ламы *(по Форстману)* 405

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абуль Гази, хивинский хан, историк — 176
Адейр, исследователь индейцев — 52, 239
Акоста, испанец, патер — 295
Анакреон, греческий поэт — 177
Анкерман, Бернгард, немецкий этнограф — 4
Аристотель, греческий философ и ученый — 120, 338
Арсандо, французский ученый — 150
Архимед, греческий математик — 93
Афанасьев А. Н., русский фольклорист — 337

Бальфур, английский этнограф — 66
Банзель, американский этнограф — 288, 296
Ибн Батута, арабский географ — 209
Бенедикт, Рут, американский этнограф — 381
Бест, Элсдон, новозеландский этнограф — 51, 157
Биглхол, английский этнограф — 347, 396
Биркет-Смит, Кай, датский этнограф — 193, 194
Би Шен, китайский изобретатель книгопечатания — 254
Боас, Франц, американский антрополог, этнограф — 5, 320
Богораз, В. Г., русский этнограф, писатель — 320
Бодлер, Шарль, французский поэт — 167
Брандейс, немецкий этнограф — 373
Брантон, историк Египта — 110
Браун, путешественник — 216
Брейткопф, этнограф, миссионер — 176, 270
Брутцер, немецкий этнограф — 375

Вагнер-Яурегг, врач — 122
Вановерберг, этнограф, миссионер — 101, 233
Ваугелин, Э., исследователь калифорнийских индейцев — 262
Вегнер, этнограф Ю. Америки — 39, 141
Вейле, К., немецкий этнограф — 3, 243
Верт, В., немецкий ученый — 110

Гейне, Генрих, немецкий поэт — 343
Герод, греческий драматург — 281
Геродот, греческий историк — 103
Герон Александрийский, греческий ученый — 93
Гете, Иоганн Вольфганг, немецкий поэт — 119, 294
Гиллен, Фр., исследователь австралийцев — 73, 317
Гобль, Джонатан, миссионер — 199
Городцов, В. А., советский археолог — 22
Гравье, миссионер-иезуит — 403

Граний, Лициан, средневековый писатель — 252
Гребнер, Ф., немецкий этнограф — 4, 9, 72
Гроссе, Эрнст, немецкий этнограф — 100
Гузинде, М., миссионер, этнограф — 42, 133, 160, 202, 264
Гутенберг, Иоганн, изобретатель книгопечатания — 254
Гюго, Виктор, французский писатель — 385

Дайамонд Дженнесс, исследователь Аляски, археолог-этнограф — 379
Даусон, исследователь австралийцев — 312
Дешелетт, французский археолог — 54
Дженкс, американский этнограф — 315
Джонсон, С., изобретатель спичек — 37
Дэвид, Дж., исследователь африканских пигмеев — 133

Ефименко, П. П., советский археолог — 18

Зейверт, исследователь пигмеев Африки — 98
Зелигман, английский этнограф — 99
Золотарев, А. М., советский этнограф — 193

Иохельсон, В. И., русский этнограф — 243
Ицкуатль, король Мексики — 275

Кайзер, П. А., миссионер, этнограф — 180
Карстен Р., шведский этнограф — 180
Кашинг, американский этнограф — 289
Кейссер, исследователь папуасов — 323
Кёрр, исследователь австралийцев — 313, 314
Кетлин, американский художник-этнограф — 315
Китинг, американский путешественник — 397
Клавихеро, испанский историк — 276
Кодамосто, итальянский путешественник — 209
Колумб, Христофор, известный мореплаватель — 141, 155
Кольб, Петер, путешественник, исследователь Мыса Доброй Надежды — 181
Коньетти де Мартиис, итальянский экономист — 100
Конэлл, американский моряк — 52, 61, 171
Корбетт, исследователь Индии — 234
Коропчевский, Д. А., русский этнограф — 3
Кортес, Фернандо, испанский завоеватель — 186, 295
Котчи, исследователь Африки — 103
Кребер, американский этнограф — 133, 134
Кремер-Баннов — 162
Кригер, исследователь Аляски — 201
Крикеберг, немецкий этнограф — 49
Кук, Джемс, английский мореплаватель — 218
Кун, американский этнограф — 139
Кун, Адальберт, немецкий филолог — 337
Куэ — 122
Кэн, американский художник — 343

Лаберий, Децим, римский писатель — 281
Лавеле, бельгийский экономист — 100
Ла-Мартиньер, французский путешественник — 193
Ламли, путешественник по Африке — 235
Левин-Дорш, немецкий историк техники — 3
Лейдер, исследователь народов Африки — 179
Лесаж, Ален Рене, французский писатель — 68
Лессинг, Готгольд Эфраим, немецкий писатель — 294
Ливингстон, Д., известный исследователь Африки — 114

Линдблом, Гернхард, шведский ученый — 70, 92, 168, 379
Линней, известный шведский биолог — 401
Липперт, Ю., австрийский этнограф — 3
Липс, Юлиус, немецкий этнограф — 3—15 и др.
Липс, Ева, немецкий этнограф — 5, 14, 15, 26, 107
Лист, Фридрих, немецкий этнограф — 100
Ли Тай-пе (Ли Тай-бо), китайский поэт — 177
Лушан, Ф., немецкий антрополог, этнограф — 151

Маклеод, американский этнограф — 268
Максимов, А. Н., советский этнограф — 12
Малиновский, Бр., английский этнограф (поляк по национальности) — 99
Манизер, Г. Г., русский этнограф, путешественник — 97
Манкер, немецкий этнограф — 397
Мартин, Р., немецкий этнограф, антрополог — 99
Маунтфорд, исследователь австралийцев — 297
Медичи, Екатерина, правительница Флоренции — 169
Мейер, П. Дж., миссионер, этнограф (архипелаг Бисмарка) — 377
Мейер, П. Х., миссионер, исследователь Новой Гвинеи — 371
Менгин, Освальд, немецкий археолог — 15, 18, 109
Метефиндт, этнограф — 62
Миддендорф, А. Ф., русский ученый, путешественник — 202
Миклухо-Маклай, Н. Н., русский путешественник — 8
Мортилье, французский археолог — 100
Мэзон, американский этнограф — 192
Мэн, исследователь андаманцев — 156
Мюллер, Макс, известный лингвист, филолог — 337

Нико, Жан, французский исследователь свойств табака — 169
Норденшельд, Э., шведский этнограф, американист — 121, 142, 155, 168, 191, 196

Палмер, исследователь австралийцев — 309
Пассарге, З., немецкий этнограф — 99
Пенико, французский исследователь индейцев Америки — 403
Пенн, Вилльям, основатель колонии Пенсильвании — 245
Петито, исследователь индейцев Канады — 366
Петри, Х., немецкий этнограф — 210, 213, 216
Платон, греческий философ — 388
Плиний, римский писатель—географ — 401
Плишке, немецкий этнограф — 143, 164
Покагон, вождь племени потаватоми — 315
Поло, Марко, известный венецианский путешественник — 122, 167, 176, 186, 209, 227
Помпелли, американский археолог — 116
Прейс, Конрад Теодор, немецкий этнограф — 282
Птолемей, Клавдий, географ, II в. н. э. — 186

Рентген, Вильгельм Конрад, немецкий физик — 120
Риве, Поль, французский лингвист, этнограф — 5, 150
Риген, американский этнограф — 161, 240
Риккерт, Генрих, немецкий философ — 4
Росс, этнограф, исследователь папуасов — 66
Рот, Х. Л. — 99
Руссо, Ж. Ж., известный французский мыслитель — 100

Саагун Б., испанский историк Мексики — 295
Санжеев, Г., советский лингвист, этнограф — 34, 156
Саразин, братья, этнографы — 309

Семирамида, легендарная царица Вавилонии — 114
Скулкрафт, исследователь индейских племен — 315
Смит, Адам, английский экономист — 100
Спенсер, Болдуин, австралийский этнограф — 73, 317
Стааль, Дж., исследователь даяков — 69, 176, 396
Стефанссон, Вильялмур, путешественник по Арктике — 22, 160, 259, 355
Суон, исследователь индейцев — 262
Суонтон, американский этнограф — 234, 240

Тацит, римский историк — 59
Тессман, немецкий этнограф — 28, 55, 64, 69, 158, 174, 259, 260, 269, 393
Турнвальд, Р., немецкий этнограф — 212
Тэйлор, Э., английский этнограф — 100
Тюркетиль, исследователь эскимосов — 262

Уотерман, американский этнограф — 23
Уп де Графф, исследователь Ю. Америки — 391

Файзон, английский этнограф, миссионер — 310
Финш, О., немецкий путешественник, натуралист — 200
Флиндерс, Петри, английский археолог-собиратель — 154
Фой, немецкий этнограф — 4
Форрер, археолог — 19
Фрезер, Дж., английский этнограф — 307
Фробениус, Л., немецкий этнограф — 9, 92

Хайвс, путешественник по Африке — 235
Хамбрух, немецкий этнограф — 207, 373
Хан, Эдуард, немецкий географ и этнограф — 100
Харрингтон, Джон П., американский этнограф — 376
Харузина, В. Н., русский советский этнограф — 337
Харшбергер, археолог, исследователь древнего Перу — 105
Хастингс, Маргарет — 233
Хауитт, австралийский этнограф — 99, 264, 267, 310
Хейне-Гельдерн, австрийский археолог — 109
Хёльткер, исследователь ацтеков — 275, 276
Хорнбостель, немецкий исследователь-музыковед — 298, 299

Хоутен ван, голландец — 166
Хупер, американский этнограф — 138

Цай-Лунь, изобретатель бумаги — 253
Цезарь, Юлий Гай, римский полководец, диктатор — 240

Челлини, Бенвенуто, итальянский скульптор — 151
Чернецов, В. Н., советский этнограф — 24
Чэппл, американский этнограф — 139

Шаргородский, С. М., русский исследователь — 243
Швейнфурт, немецкий путешественник, этнограф — 104
Швейцер, Альберт, путешественник по Африке — 37, 171, 220
Шебеста, Пауль, миссионер, этнограф — 102
Шейх-аль-Джебель — 167
Шмидт, Вильгельм, патер, австрийский этнограф — 4, 10, 69, 217
Шмидт, Иозеф, миссионер, этнограф — 236, 296
Шоу, Джордж Бернард, английский писатель — 249, 250
Шпейзер, Феликс, швейцарский этнограф — 218, 262
Шренк, Л. И., русский ученый, натуралист, этнограф — 318
Шталь, немецкий историк культуры — 169

Штрелов, этнограф, миссионер — 315, 317
Штульман, немецкий этнограф 153
Шульен, патер — 75

Эдисон, американский изобретатель — 120
Элькин, А. П., австралийский этнограф — 296
Энепэн, французский миссионер — 105

Ян-ди, китайский император — 187
Яо, китайский император — 149

УКАЗАТЕЛЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН

Адонис, бог у древних семитов — 283
Аттис, бог у древних фригийцев — 283

Деметра, богиня у древних греков — 283
Дионис, бог у древних греков — 282, 283

Зевс, бог у древних греков — 34, 62

Качина, сверхъестественные существа и маски индейцев пуэбло — 287—291, 296
Кецалькоатль, бог в древней Мексике — 62
Коко, боги дождя у индейцев зуньи — 287, 288

Марумба, бог у индейцев помо (Калифорния) — 161, 162
Мауи, бог солнца у полинезийцев — 350

Нсамбе, бог, страна предков у пангве — 394

Озирис, бог у древних египтян — 283
Окихеде, демон у индейцев манданов — 291

Паутива, бог солнца у индейцев хопи — 288
Прометей, мифический герой древних греков — 34

Таммуз, бог у древних вавилонян — 283
Тексистекатль, бог у мексиканцев — 62
То Увалун, мистическая змея у австралийцев — 363

Хàлпен, дух у огнеземельцев — 266
Харон, перевозчик душ умерших у древних греков — 350

Шипе, бог у ацтеков — 177
Шо'орте, дух у огнеземельцев — 265, 266

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абиссиния — 192, 223
Абу Шахрейн, местность в Месопотамии — 46
Австралия — 38, 59, 73, 90, 94, 99, 104, 120, 121, 124, 137, 182, 186, 197, 200, 230, 243, 261, 297, 303, 304, 309—314, 316, 335, 363, 365, 385—387
Центральная Австралия — 73, 349, 352, 353
Южная Австралия — 73, 99, 308
Западная Австралия — 108
Адамауа — 151, 329
Адмиралтейские о-ва — 234
Азия — 85, 87, 92, 96, 104, 116, 127, 140, 141, 155, 164, 189, 191, 195, 196, 200, 202, 204, 318, 326, 328, 329
Восточная Азия — 29, 86, 109, 116, 124, 182, 186, 192, 193, 196, 402
Малая Азия — 63, 151, 196, 198
Южная Азия — 96, 109, 110, 124, 151, 182
Центральная Азия — 109, 115, 147, 148, 186, 220, 326, 388
Средняя Азия — 110
Передняя Азия — 186
Алеутские о-ва — 204, 320
Алжир — 343, 359
Алтайские горы — 115
Аляска — 30, 40, 61, 68, 160, 190, 201, 204, 210, 318, 320
Амазонка (р.) — 187, 236
Амбоси (плоскогорье в Камеруне) — 216
Америка — 38, 68, 85, 109, 110, 115, 133, 138, 139, 144, 150, 168, 170, 179, 182, 186, 193, 195, 196, 200, 216, 225, 226, 326, 327, 364, 368, 385, 387, 402
Северная Америка — 11, 39, 59, 65, 84, 88, 105, 108, 121, 126, 130, 140, 144, 170, 171, 189, 190, 194, 224, 228, 233, 242, 243, 245, 271, 287, 313, 315, 320, 322, 324, 335, 342, 354, 363, 366, 390, 395, 400
Южная Америка — 39, 65, 88, 96, 97, 105, 121, 122, 127, 129, 132, 135, 145, 164, 165, 170, 180, 188, 189, 190, 191, 203, 227, 232, 234, 236, 242, 244, 322—324, 359, 366, 387, 389, 396
Центральная Америка — 150, 165, 166, 359
Амур (р.) — 25, 92, 318
Анатолия — 28
Анау (местность близ Ашхабада) — 47, 110, 116, 138
Англия — 5, 255, 281, 342, 364
Ангола — 227, 271
Андийская область — 150
Аравия — 62, 165, 171, 222, 327, 340
Аргентина — 94
Арктика — 36, 90, 99, 104, 120, 122, 140, 147, 193, 195, 196, 204, 318, 368, 388
Арно (о-в, Маршалловы о-ва) — 207
Арьеж (Франция) — 19, 283
Ассам — 137, 164, 203, 219
Ассос (Египет) — 62, 401
Аугсбург — 254
Африка — 11, 38—40, 67, 73, 75, 85, 87, 92, 96, 103, 104, 110, 114, 116, 122, 126, 127, 130, 134, 135, 141, 144, 147, 151—153, 155, 157, 162—165, 171, 174, 178, 179, 182, 188, 191, 197, 202, 209, 216, 219, 221, 226, 232, 235, 270, 273, 291, 293, 302, 303, 326—329, 333, 341, 354, 363, 368, 369, 385—387, 391, 395
Восточная Африка — 59, 113, 114, 116, 166, 171, 222, 223, 327, 375, 379
Западная Африка — 5, 39, 44, 54, 60, 63, 64, 67, 86—88, 124, 144, 169, 179, 209, 220, 223, 224, 234,

235, 260, 269, 271, 300, 302, 324, 325, 330, 348, 382
Северная Африка — 5, 116, 178, 196, 222, 327, 330
Центральная Африка — 116
Южная Африка — 90, 92, 97, 140, 147, 349
Ашхабад — 116

Бавария — 343
Багдад — 186, 253
Бали (о-в) — 345
Банкса (о-ва) — 212, 217, 219
Барабинская степь — 115
Баранова (о-в) — 201
Басра — 186
Бахрейнские о-ва — 122
Бахчисарай — 30, 31
Беленденкер (местность в Австралии) — 388
Бенин (Зап. Африка) — 74, 151, 223, 224, 330
Берингов пролив — 79, 109, 321
Бинус (р., Африка) — 222
Бирма — 94
Бискайя (провинция) — 89
Бисмарка архипелаг — 324
Боливия — 37, 57, 128, 129, 149, 150, 160, 166, 178, 388
Бонье (легендарная страна в Африке) — 216
Борнео (о-в) — 29, 36, 59, 69, 79, 86, 93, 174, 176, 219, 344, 369, 389, 396. См. также Индонезия
Борну (гос-во) 229
Бразилия — 97, 182, 361
Британская Колумбия. См. Колумбия Британская
Бугенвиль, остров и пролив — 212, 217
Буин (местность, о-ва Бугенвиль) — 212
Буреть (местность в Вост. Сибири) — 22

Вавилон — 192, 196, 203
Ванкувер (р.) — 210
Васкулин (Новая Гвинея) — 217
Ватам (Новая Гвинея) — 217
Везер (р.) — 19
Великобритания — 145, 209. См. также Англия
Венеция — 180
Веттис (Швейцария) — 18
Византия — 76, 141
Виктория (Австралия) — 386
Виллаумез (о-в) — 219
Вольта (р.) — 120

Гавайи (о-ва) — 32
Газель (полуостров, Архипелаг Бисмарка) — 54, 55, 210, 211, 236, 301, 324, 372
Гаити (о-в) — 351
Галле (г.) — 186
Ганг (р.) — 402
Ганновер — 364
Гаронна (р.) — 89
Гаронна Верхняя (департамент) — 19
Гватемала — 33, 165, 188
Гвиана — 88
Гельвинк-Бай (залив, Новая Гвинея) — 38
Геркулесовы столпы — 186
Германия — 5, 29, 59, 143, 164, 255
Гиераконполис — 92
Гильберта (о-ва) — 217, 397
Гиндукуш (горы) — 186
Гоби (пустыня) — 186
Голландия — 145, 229, 230
Гондурас — 56, 186, 260
Гран Чако — 59, 98, 105
Грегори (р., Австралия) — 314
Гренландия — 204
Греция — 76, 99, 138, 147, 149, 281, 302, 350, 366, 392
Гуандун (провинция в Китае) — 220
Гудзонов залив — 262
Гурма (Африка) — 153

Дагомея — 209
Дальманхафен (Новая Гвинея) — 217, 236
Дарфур (Африка) — 216
Джалуит (о-в) (Маршалловы о-ва) — 207
Доминика о-в (Вест-Индия) — 363
Дордонь (р., Франция) — 19, 89
Драхенлох — 18
Дунай (р.) — 186

Европа — 86, 92, 115, 116, 127, 139, 143, 145, 149, 151, 155, 165, 169, 186, 192, 193, 195, 196, 200, 202, 204, 209, 225, 253, 302, 338, 340, 364
Евфрат (р.) — 187
Египет — 33, 56, 71, 76, 94, 116, 127, 139, 141, 143, 145, 149, 151, 177, 182, 186, 192, 196, 251, 350, 364, 386

Замбези (р.) — 114
Золотой Берег — 126, 224, 272
Зондский архипелаг — 112. См. также Индонезия

Изабель (о-в) (Соломоновы о-ва) — 215

Индийский океан — 209
Индия — 28, 33, 36, 43, 56, 70, 116, 129, 139, 145, 171, 182, 188, 203, 209, 216, 224, 234, 251, 303, 342, 349, 364, 366, 401, 402
Индокитай — 29, 215, 402
Индонезия — 35, 110, 126, 135, 162, 164, 188, 205, 206, 230, 351, 369. См. также Борнео, Суматра, Ява
Инкерман — 31
Иокогама — 199
Иран — 116, 171
Испания — 41, 76, 164, 165, 386, 387
Италия — 29, 145, 165, 254

Йола (Африка) — 329

Кавказ — 115, 182
Казахстан — 115
Кайруан (Тунис) — 340
Калахари (пустыня) — 21, 98, 192
Калифорнийский залив — 181
Калифорния — 26, 44, 73, 105, 128, 129, 134, 137, 142, 147, 161, 164, 170, 194, 203, 212, 222, 257, 262, 297, 363
Камерун — 5, 28, 31, 40, 64, 86, 98, 135, 136, 140, 144, 153, 157, 172, 189, 202, 216, 234, 239, 273, 323—324, 363
Камчатка — 340
Канада — 94, 171, 242
Кано (Африка) — 186
Каппадокия — 31
Каракорум — 92
Каролинские о-ва — 124, 207, 214, 219, 246
Карпентария (залив, Австралия) — 104
Каспийское море — 186
Каффа (Абиссиния) — 165
Квинсленд — 73, 388
Кельн — 45
Керменчик (Крым) — 30, 31
Кимберлей (Австралия) — 243
Киргизия — 176
Кис (Новая Гвинея) — 217
Китай — 33, 56, 71, 76, 87, 109, 146, 149, 150, 164, 191, 199, 209, 215, 216, 219, 223, 224, 227, 244, 303, 345, 365, 366, 402
Клактон-он-Си — 129
Кносс, селение (о-в Крит) — 138
Колорадо (р.) — 187, 203
Колумбия Британская — 30, 98, 149, 166, 189, 236, 379
Кольский п-ов — 24
Конго — 47, 48, 51, 64, 86, 102, 113, 125, 153, 174, 187, 190, 222, 223, 291, 325, 346, 350, 353, 356, 382, 392, 397
Кордофан — 104, 216, 229
Корея — 56, 402
Крит (о-в) — 143, 150
Кросс-ривер — 323
Крым — 30, 31
Куско — 190, 405
Кюль-Тепе — 197

Лабрадор — 6, 24, 42, 43, 75, 84, 85, 126—128, 130, 137, 147, 161, 170, 194, 195, 204, 206, 226, 241, 319, 370, 371
Лаврентия (р.) — 187
Ламбарене (Африка) — 171, 220
Ланчжоу (Китай) — 186
Лапландия — 219
Ледовитый океан — 202
Либерия — 216, 341
Лоанго (Африка) — 220, 233
Лондон — 37
Луара (р.) — 186
Луизиана (штат) — 187
Лурд (гор. и монастырь во Франции) — 343
Лусон, остров — 233
Лхаса — 153

Мадагаскар — 126, 385
Мадурский пролив — 205
Маккензи (область в Канаде) — 260
Макондское плато — 92
Малабарское побережье (Индия) — 176
Малайский полуостров (Малакка) — 96, 99, 166, 299, 339, 341
Малакка, п-ов — см. Малайский п-ов
Маланта, о-в (Соломоновы о-ва) — 217
Маледивские о-ва — 209
Мамберамо (Новая Гвинея) — 39
Мангуп (Крым) — 30
Маррамбиджи (р., Австралия) — 309
Марианские о-ва — 213
Маршалловы о-ва — 207
Мас д'Азиль — 19
Матту Гроссу — 314
Мбамленд (Африка) — 31
Мекка — 228
Мексика — 117, 145, 149, 170, 181, 189, 190, 191, 219, 236, 247, 275, 276, 337, 381
Меланезия — 55, 109, 113, 122, 129, 139, 157, 162, 166, 189, 213, 217, 226, 286, 322, 324, 325
Мелле, гос-во (Африка) — 209
Мельвиль, о-в (Австралия) — 137
Месопотамия — 116, 198, 203
Мехико (озеро) — 114

Микронезия — 36, 45, 166, 213
Миннесота, штат — 170, 315, 401
Миссисипи (р.) — 187, 397, 400, 403
Миссури (р.) — 187
Могемог (о-в), Океания — 207
Молуккские о-ва — 173, 176, 346
Монте-Карло — 228
Моравия — 346
Мортлок, о-в (Каролинские о-ва) — 182, 213
Муруа (Новая Гвинея) — 215

Наканай (Архипелаг Бисмарка) — 210, 377, 378
Нассакама (область в Африке) — 229
Науро, о-в (Меланезия) — 180, 181
Невольничий берег (Африка) — 272
Нетт (оз. в Сев. Америке) — 401
Ниас (Индонезия) — 219, 220
Нигер (р.) — 28, 186, 328
Нигерия — 151, 235, 273
Никарагуа — 56
Никобарские о-ва — 44, 219
Нил (р.) — 29, 94, 186, 187, 203, 269
Нильгири (горы в Индии) — 116
Ниуафу (о-в в Полинезии) — 32
Новая Англия — 114, 395
Новая Гвинея — 30, 32, 36, 39, 56, 66, 68, 104, 108, 143, 144, 167, 170, 182, 200, 201, 206, 211, 215, 217, 218, 232—234, 236, 259, 269, 270, 292, 293, 296, 302, 371, 390, 391, 392, 396
Новая Зеландия — 33, 60, 113, 350
Новая Ирландия — 70, 213, 392
Новая Каледония — 137
Ново-Гебридские о-ва — 215, 346, 389
Нортон-Саунд — 88, 89
Нубия — 203
Нью-Йорк — 5, 74, 75, 326

Огненная Земля — 38, 42, 66, 71, 75, 97, 121, 133, 147, 160, 266
Океания — 53, 60, 68, 73, 75, 108, 110, 125, 130, 132, 135, 162, 163, 171, 180, 191, 197, 200, 206, 208, 210, 212, 218, 224, 280, 346, 395
Ориноко (р.) — 187, 236
Ориньяк — 19
Ост-Индия — 166, 219, 229, 352. См. также Индонезия

Пайпстоун — 170
Палау (о-в в Микронезии) — 214, 216, 246
Паленке — 171
Памирское плато — 186
Папао (о-в) — 228
Папуа (залив) — 215
Парагвай — 40, 42, 44, 162, 164
Париж — 5
Пасхи (о-в в Полинезии) — 32, 66
Пекин — 186
Пенсильвания — 246
Персия — 28, 141, 145, 149, 366
Перу — 49, 55, 74, 76, 117, 139, 145, 150, 155, 166, 188, 191, 244, 327
Пиренеи — 89
Пиренейский п-ов — 145
Полинезия — 32, 36, 38, 45, 104, 105, 108, 122, 125—127, 140, 179, 182, 206, 218, 332, 402
Полуат, о-в (Каролинские о-ва) — 207
Померун (р. в Южн. Америке) — 88
Помпея — 41
Понапе, о-в (Каролинские о-ва) — 32, 45, 52, 61, 171, 212, 214, 393
Понтчартрейн (оз.) (Сев. Америка) — 187
Потоси (плоскогорье в Ю. Америке) — 150
Пьюджет-Саунд — 210

Рейхенхаль — 186
Рим — 41, 147, 192, 392
Рио Атагуайя — 363
Рио Негро (р.) — 187
Родезия — 144
Ропер (р. в Австралии) — 313
Россия — 164, 202

Салага — 228
Самарканд — 186
Самоа (о-ва) — 32, 67, 226
Сан-Кристобаль (о-в, Соломоновы о-ва) — 217, 386
Санта-Крус (о-в в Меланезии) — 38, 40, 42, 128, 132, 135, 136, 157, 206, 218, 286
Сан-Хоакин (р. в Калифорнии) — 105
Сахара (пустыня в Африке) — 43, 52, 92, 225, 361
Саянские горы — 156
Севастополь — 31
Сенегалия — 104
Сенегамбия — 227
Сепик (р. в Новой Гвинее) — 56
Сескло (местность в Сев. Греции) — 138
Сиам — 94, 176
Сибирь — 22, 176, 202, 220, 233, 327
Симпсон (порт в Сев.-Зап. Америке) — 201
Сирия — 116
Скандинавия — 52, 196, 302
Скина (р. в Зап. Америке) — 201
Соединенные Штаты Америки — 5, 6, 331

Сокото (гос-во в Африке) — 186, 328
Соломоновы о-ва — 66, 205, 206, 212, 214, 343
Сомали (Сев.-Вост. Африка) — 25, 62
Сонгай (гос-во в Африке) — 209
Средиземное море — 186
Стенли Пул — 223
Стикс (мифологич. река) — 350
Страсбург — 254
Судан — 39, 130, 147, 148, 153, 164, 186, 200, 202, 222, 226, 234, 330, 332
Суматра (о-в) — 29, 96, 117, 219, 226. См. также Индонезия
Сьерра-Мадре (гора в Мексике) — 181

Табел Бал (Африка) — 92
Табор (округ в Африке) — 221
Талили бухта (Архипелаг Бисмарка) — 210
Тана (о-в, Нов. Гебриды) — 346
Танганьика (оз.) — 152, 202
Тасмания — 99, 386
Телемаркен (горы в Норвегии) — 193
Тибет — 25, 115, 122, 141, 148, 153, 176, 196, 209, 219, 223, 226, 228, 243, 275, 356, 405
Тибетское плоскогорье — 115
Тибурон (о-в в Калифорнии) — 181
Тигр (р.) — 187
Тимбукту (Африка) — 186, 209
Тимор (о-в) — 166
Титикака (оз. в Ю. Америке) — 203
Тлалтелолко (Мексика) — 295
Того — 151, 153, 157, 176, 220, 240, 270, 356
Толоман (Китай) — 209
Томпсон (р. в Сев. Америке) — 59
Тонга (о-ва в Полинезии) — 182, 399
Трук, о-в (Каролинские о-ва) — 124, 213
Тумлео (о-в, Микронезия) — 214
Тунис — 30, 340
Туркестан — 115, 253

Убанги — 60, 153, 179
Уганда — 41, 216
Украина — 29
Улеай, о-в (Каролинские о-ва) — 207
Уньяньембе (область в Вост. Африке) — 221
Ур (древний) — 33, 76, 149
Урал — 186
Уссинджа (Африка) — 221
Учичи (Африка) — 216
Уэльс — 124
Уэнрайт-Инлет — 22

Фабриано (Италия) — 254
Фессалия (Греция) — 138
Феццан — 92
Фиджи (о-ва) — 127, 182, 206, 217
Финк (Австралия) 304
Финляндия — 182, 195, 202
Флорес (Индонезия) — 112
Фон-де-Гом (Франция) — 19, 91, 92
Франция — 41, 89, 143, 145, 165, 255, 281, 283, 364

Хаген гора (Новая Гвинея) — 66, 68
Хайнань (о-в) — 220
Хартум (Судан) — 60
Хикалано (Центр. Америка) — 186
Хиндустан — 86
Хоро-Венуа (оз., Новая Зеландия) — 113
Хуанхэ (р.) — 187

Цейлон (о-в) — 19, 62, 96, 156, 176, 233
Целебес — 128, 224
Цзянси (Китай) — 146

Чад (оз. в Африке) — 25, 71, 186
Чако (область в Ю. Америке) — 21, 197, 314. См. также Гран Чако
Чехия — 346
Чинуба (Сев. Америка) — 187
Чукотка — 402
Чуфут-кале (Крым) — 30

Шакамахон (Сев. Америка) — 246
Шари (оз., Африка) — 328
Швейцария — 29, 110, 129
Шингу (р. в Ю. Америке) — 73, 135
Шире (р. в Вост. Африке) — 113
Шотландия — 346
Штирия — 342

Эквадор — 70, 180, 244
Эльба (р.) — 186
Эльзас — 19
Эски-Кермен (Крым) — 30
Эстония — 202
Эфиопия — 219, 330, 332, 344
Эцингол — 92

Юкатан — 70
Юкон — 79

Ява — 165, 176
Яп (о-в в Микронезии) — 214, 215
Япония — 141, 165, 182, 197, 209, 220, 227, 357, 366, 388, 402

УКАЗАТЕЛЬ ПЛЕМЕН И НАРОДОВ

Абиссинцы — 223, 228

Австралийцы — 10, 12, 40, 42, 73, 121, 123, 230, 233, 242, 256, 264, 267, 292, 308, 309
жилище — 20; пища — 26; огонь — 34, 35; утварь — 43; прическа — 63; раскрашивание тела — 57; одежда — 75; охота — 97; собирательство — 99, 104; кочевой быт — 99; сбор урожая — 108; палица — 124; изготовление корзин — 128, 133; плащи — 147; разделение труда — 156; гостеприимство — 161; наркотики — 167; игры — 179; спорт — 181, 182; танцы — 283—285, 338; шуты — 285; музыка — 299, 300; социальные организации — 306; война — 306; копьеметалка — 311; наказание — 311; магия — 335, 337, 339, 388; имя — 344; верования — 362—363, 399; мифология — 365; сказки — 370; погребения — 386, 388, 400.
См. также: аранда, бангеранг, виммера, вудтхаурунг, вурунджери, каби, копабинга, куинмурбурра, курнаи, лоритья, нарриньери, юалайи

Авунгура, племя в Бельгийском Конго — 235

Аймара, народ в Ю. Америке — 188

Айны, народ в Сев. Японии — 220

Акамба, народ в Вост. Африке — 70.
См. также камба

Алгонкины, народ в Америке
жилище — 24; поселения — 108; обычное право — 320; управление — 333; погребения 395

Альсеа, племя в Сев. Америке — 362—364

Андаманцы — 20, 99
жилище — 21; разделение труда — 156, 157; погребения — 388; магия — 388

Апачи, племя в Сев. Америке
жилище — 21; прически — 65, плетение — 134, 135; праздники — 161; пища — 161; пивоварение — 175; сигнализация — 241; посвящения — 271; шуты — 293; вера в души умерших — 393

Арабы — 165, 253
знаки собственности — 242; мифология — 366; культ предков — 399

Араваки, группа племен в Ю. Америке — 88, 97

Аранда (арунта), племя в Центр. Австралии — 313, 353
собирательство — 315; личная собственность — 316; обычное право — 317; вера в души умерших — 399

Арауканы, народ в Ю. Америке — 25, 105

Арунта. См. аранда

Ассамцы — 219

Ассирийцы — 179
детские игрушки — 179; письменность — 248, 249, 251—253

Атхуабо, племя в Порт. Вост. Африке — 55

Ацтеки, народ в Мексике — 62, 177, 274, 276, 277
жилище — 33; символика цветов — 55; раскрашивание тела — 59; каменные ножи — 129; вино — 174; игры — 183; театр — 295; мумификация — 405; погребения — 405

Ачвабы, племя в Порт. Вост. Африке — 75

Ашанти, народ на Золотом Береге — 74, 224, 229

Ашлуслай, племя в Боливии — 242

Бабвенде, племя в Бельг. Конго — 397

Бадага, племя в Индии — 342

База, племя в Камеруне
тайные союзы — 324; судопроизводство — 325
Базонго, племя в Вост. Африке — 222
Байла, племя в Сев. Родезии — 144
Байянси, племя в Африке — 153
Бакаири, племя в Бразилии — 111
Баквири, народ в Камеруне — 323
Бакози, племя в Камеруне — 324, 325
Бакоко, племя в Африке — 273
Бамум, племя в Камеруне — 324, 363
Бамбути (вамбути), племя в Конго — 102, 103, 133
Бангеранг, племя в Австралии — 313
Бангонго, племя в Зап. Африке — 87
Банда, племя в Французской Экваториальной Африке
жилище — 31, 32; татуировка — 60; сигнализация — 233
Бансса, племя в Камеруне — 235
Банту, группа племен в Африке — 375.
раскрашивание тела — 57; удобрение земли — 114; рудники — 153; приготовление муки — 162; деньги — 222, 224; сигнализация — 234
Бассари, племя в Зап. Африке — 209, 228
Басуто, народ в Южной Африке — 343
Батаки, народ, о-в Борнео — 29, 70, 117, 345
Батанга, племя в Зап. Африке — 323
Бороро, племя в Бразилии
собирательство — 101; охота — 101; погребения — 396; вера в духов — 396
Ботокуды (боруны), племя в Юж. Америке — 97
мосты — 188; социальные организации — 306; поединок — 307; распределение пищи — 309; наказания — 311
Бритты, древ. народ в Британии — 58
Бубока, племя в Зап. Африке — 209
Бугре, племя в Вост. Бразилии — 97
Буряты — 34, 35, 154, 155
Бушмены, племя в Южной Африке — 120, 121, 151, 181
жилище — 20, 21; огонь — 36; хозяйственный уклад — 90; ловушки — 92; дикорастущие овощи — 95; охота — 97; собирательство — 98; ветровой заслон — 99; разделение труда — 156; обувь — 192; танцы — 283; социальная организация — 306; распределение пищи — 309; верования — 362
Бушонго, народ в Зап. Африке — 88
Вавилоняне — 248, 251, 253
Вакатими, племя в Новой Гвинее — 108
Валараи, племя в Австралии — 307
Ваньемба, племя в Анголе — 271
Васандави, племя в Вост. Африке — 222
Васекеле, африканское племя — 101
Ватусси, народ в Вост. Африке — 182
Вачивоке, племя в Зап. Африке — 292
Вашамба, племя в Вост. Африке — 79
Ведды, народ на о-ве Цейлоне — 63, 96, 99
жилище — 19, 20; собирательство — 98; разделение труда — 156; сигнализация — 233; танцы — 283; социальная организация — 306; распределение пищи — 309
Вей, племя в Африке — 273
Виммера, племя в Австралии — 387
Виннебаго, племя в Сев. Америке — 88, 297, 315
Вудтхаурунг, племя в Южн. Австралии — 308
Вукчами, племя в Калифорнии — 170
Вурунджери, племя в Южной Австралии — 99, 308
Вуте, племя в Камеруне
жилище — 31; сигнализация — 234; войны — 329

Гайда. См. хайда
Галлы, древний народ в Зап. Европе — 240
Гангуелла, племя в Африке — 155
Гарии, племя древних германцев — 59
Гаучо, этническая группа в Южной Америке — 203
Гашову, племя в Калифорнии — 170
Гереро, народ в Южной Африке, огонь — 34; совет старейшин — 327; война — 327
Германцы, древний народ в Европе — 34, 59
Гиляки, народ в Азии
сани — 196; охота — 318; погребения — 402
Голландцы — 166
Готтентоты, народ в Южной Африке — 81, 181
Греки — 239
ловушка — 88; письменность — 249, 253; театр — 281; право убежища — 333; культ предков — 350; мифология — 365
Гуарани, группа племен в Южной Америке — 40, 162, 164

Гуари, племя в Южной Америке — 188
Гуато, племя в Южной Америке — 39, 200
Гунны, древний народ — 330
Гуроны, группа племен в Сев. Америке
сигнализация — 234; управление — 333

Дагомейцы — 209
Дакота, группа племен в Сев. Америке — 6
Даяки, народ на о-ве Борнео — 70
раскрашивание тела — 59; татуировка — 59; охота — 79; сказания — 369; культ предков — 389
Делавар, индейцы в Сев. Америке — 246
Джур, племя в Африке — 330, 397
Диегуэнья, племя в Камеруне — 161
Дорро, племя в Новой Гвинее — 391
Дуала, народ в Зап. Африке — 323
Дусуны, племя на о-ве Борнео — 69, 176, 396, 397

Евреи
головной убор — 68; железо — 154; магия — 342
Европейцы — 121, 125, 144, 150, 151, 155, 169, 170, 183, 209, 245, 285, 293
Египтяне — 63, 150, 196, 198, 274
ловушки — 93; собирательство — 103; орудия труда — 155; детские игрушки — 178, 179; спорт — 183, 184; письменность — 248, 251, 252; религия — 350, 356, 404; мифология — 364, 366; погребения — 386, 404, 405

Же (жес), группа народов в Вост. Бразилии — 97

Зулу, народ в Южной Африке — 229. См. также зулусы
Зулусы
прическа — 66; куклы — 341; магия — 341, 349; мифология — 365; деньги — 229
Зуньи, племя в Сев. Америке
наркотики — 167; спорт — 182; фетишизм — 257; посвящения — 267; игры — 287, 294; театр — 289, 290, 293, 360; «авторское право» — 297; маски — 296; вера в духов — 363, 364

Ибо, племя в Зап. Африке — 209
Игороты, племя на Суматре — 219
Индейцы — 6, 21, 23, 25, 39, 66, 71, 73, 107, 117, 121, 126, 137, 140, 144, 155, 161, 165, 170, 171, 174, 191—194, 197, 203, 216, 222, 262, 320, 321, 361, 390
жилище — 24, 30; пища — 26; огонь — 36, 37; понятие красоты — 51; раскрашивание тела — 59; татуировка — 61; прически — 65; символика цветов — 56; головной убор — 68; одежда — 75; охота — 79, 96; ловчая петля — 85; ловушки — 92; собирательство — 106—108; земледелие — 113; удобрение — 114; очки — 122; тапа — 127; каменные ножи — 129; плетение — 133, 135; гончарство — 143; окраска кожи — 148; наркотики — 167; курительные трубки — 168; игры — 179, 180; спорт — 182, 183; сани — 196; деньги — 209—212, 226, 228; письменность — 233, 244—246; сигнализация — 236, 239, 240; знаки собственности — 242; средства связи — 243; ношение детей — 257, 258; шуты — 291; магия — 335, 342; искусство — 337; имена — 344; анимизм — 354; мифология — 366; почитание животных — 368; сказания — 369, 370; погребения — 397, 400, 401.
См. также: аймара, апачи, араваки, арауканы, ацтеки, ашлуслай, бакаири, бороро, ботокуды, виннебаго, вукчами, гашову, гуарани, гуари, гуато, гуроны, дакоты, делавары, диегуэнья, зуньи, инки, ирокезы, калифорнийцы, каинганги, камиа, кампа, караибы, кара, карук, квакиутль, каррьер, кечуа, кламат, кочити, кри, крики, лассик, ленапе, ленни, майду, майя, мака, макуши, манданы, мбайя, меномини, мивок, мискито, миссисауга, мистассини, мохос, навахо, начезы, неозе, ниттинат, нутльматль, огнеземельцы, омаха, пайягуа, пань, папаго, пассамакводдн, патагонцы, перуанцы, помо, потаватоми, пуэбло, пуэльче, ранкеле, саки, селиш, селкнамы, семинолы, сери, сибику, сипайя, сирионо, сиу, сичангу, суэве, талтан, тарахумара, тачи, техуэльчи, тирини'е, тюбатулабал, тукано, тупи-гуарани, уитото, фоксы, хайда, хопи, хьяньям, цимшиан, цонека, чероки, чама,

Чейены, чибча, чикасоу, чимане, чиригуано, чирипа, чороти, чукчанси, шаванты, шошоны, юма, юроки, яганы, яуданги, яудельмани
Индонезийцы
деньги — 229, 230; сказания 369.
См. также: батаки, даяки, дусуны, кубу, малайцы, над'а, негритосы, оранг-бенуа, тоала
Инки, древний народ Америки
кастовый строй — 274; переноска тяжестей — 190; мумификация — 404—405; магия — 405; культ предков — 405; погребения — 405
Ирокезы, группа племен Сев. Америки
ломка кукурузы — 112; сигнализация — 234; игры — 287; шуты — 292; земельное право — 324; матриархат — 324; союз племен — 326; управление — 333
Испанцы — 386
Иудеи — 399. См. также евреи
Йоруба, народ в Зап. Африке
плетение — 134; плавка металла — 153; шуты — 293

Каби, племя в Австралии — 314
Кабилы, народ в Сев. Африке — 117
Кабири, племя в Новой Гвинее — 68
Кавирондо, племя в Африке — 171
Казахи, народ в Средней Азии — 197, 198
Каи — племя в Новой Гвинее — 323
Каинганги — племя в Вост. Бразилии — 97
Калифорнийцы — 12
собирательство — 105; плетение корзин — 133; гончарство — 144; деньги — 212, 222; шуты — 293
Камба — 375, 379. См. также акамба
Камиа, племя в Сев. Америке — 73
татуировка — 61; прически — 65; обмен продуктов — 161; плоты — 203; песни — 297
Кампа, индейцы Перу — 155
Кара, племя в Эквадоре — 236, 244
Караибы, группа племен в Южной Америке — 97, 216, 234
Кариссме, племя в Африке — 153
Каррьер, индейцы в Британской Колумбии — 379—381
Карук (карок), индейцы в Калифорнии — 376, 377
Каффичо, племя в Африке
госуд. управление — 330; война — 330; земля — 330; преступления — 330; наказание — 330, 331
Квакиутль, индейцы Америки
жилище — 22; вздергивающие ловушки — 88; деньги — 224
Кеты, народ в Сибири — 24
Кечуа, индейцы Южной Америки — 180, 188
Киатексамют, племя эскимосов — 240
Киргизы, народ Средней Азии — 175, 197, 327
Китайцы
символика цветов — 55; плуги — 117; ткачество — 141; керамика — 146; рикши — 199; деньги — 215, 216, 219, 220, 223, 224; письменность — 244, 248; изобретение бумаги — 127, 253; магия — 345; мифология — 365; вера в загробную жизнь — 403
Кламат, племя в Сев. Америке — 363
Копабинга, племя в Австралии — 387
Корейцы — 56, 141
Коряки — 402
Кочити, племя в Новой Мексике — 381, 382
Кпандо, племя в Того — 176, 270
Кпелле, племя в Африке — 386
Кри, индейцы Сев. Америки — 257, 258
Крики, группа племен в Сев. Америке — 52, 262
сигнализация — 234; сказки — 374
Кубу, племя на о-ве Суматра — 96
Куинмурбурра, племя в Вост. Квинсленде — 388
Курнаи, племя в Южной Австралии — 99, 264
Кхонды, народ в Индии — 174

Ламуты, народ в Сев. Азии — 24
Лапландцы, см. лопари
Лассик, племя в Калифорнии — 134
Ленапе, племя в Сев. Америке — 246
Ленни, племя в Сев. Америке — 246
Лопари
жилище — 24, 25; лыжи — 193; сани — 195; лодки — 204; сигнализация — 242; знаки собственности — 319; магия — 340
Лоритья, племя в Австралии — 315, 399
Луцзу, племя в Вост. Тибете — 243

Майду, племя в Южной Калифорнии — 134, 137, 363
Майя, группа народов в Центральной Америке — 33, 70, 171, 186
Мака, племя в Сев. Америке — 183, 287, 295
Макуши, племя в Южной Америке — 88
Малайцы, народ в Индонезии
огонь — 36; бамбуковые сосуды — 42; магия — 342, 343, 347

Мангбету, народ в Бельгийском Конго — 64, 323
Мандинго, народ в Зап. Африке
краски — 148; плавка металла — 153; мифология — 382—384
Манданы, племя в Сев. Америке — 183, 267—269, 287, 291
Манси, народ в Сев. Азии — 24
Маньема, племя в Конго — 346
Маори, народ в Новой Зеландии
жилище — 32, 33; огонь — 34; понятие красоты — 51; татуировка — 60, 61; носовые украшения — 70; скипетры — 130; ремесла — 157
Мачако, племя в Зап. Африке — 70
Мбайя, племя в Парагвае — 242, 271
Мединины, племя в Тунисе — 30
Мексиканцы
бронза — 150; какао — 165; поминовение умерших — 180; деньги — 219, 225; письменность — 247—249; театр — 282; право убежища — 333; культ предков — 350; танцы — 356; мифология — 365, 366
Меланезийцы
мореплавание — 206; деньги — 210, 213, 217, 226, 228; земельное право — 324; мифология — 366; сказки — 377, 378; маски — 392; культ предков — 392
Меномини, племя в Сев. Америке — 315
Мивок, племя в Калифорнии — 26
Микронезийцы — 206
деньги — 213; сказки — 373
Мискито, индейцы в Ц. Америке — 56, 57, 260
Миссисауга, племя в Сев. Америке — 401
Мистассини, племя в Лабрадоре — 320
Монголы, народ в Центр. Азии — 330
Моно, индейцы Америки — 183
Монтанье-наскапи, индейцы Лабрадора — 6
жилище — 13, 24; берестяной короб — 42, 127; раскрашивание тела — 57; скребок для обработки шкур — 130; обработка и окраска кож — 147, 148; плетение — 137; пища — 160; лыжи — 194; сани — 195; лодки — 204; сигнализация — 241, 242; ношение детей — 258; обычное право — 319; власть — 320; судопроизводство — 321; почитание животных — 368; сказки — 371; верования — 402
Мору, племя в Африке — 132
Мохос, индейцы Вост. Боливии — 388
Мурик, племя в Новой Гвинее — 68, 71, 296
Мусгу, племя в Камеруне — 28

Навахо, индейцы в Сев. Америке
жилище — 28; ткачество — 140; шуты — 290; магия солнца — 336
Над'а, племя, о-в Флорес — 112, 113
Нарриньери, племя в Австралии — 346, 347, 388
Наскапи, индейцы Лабрадора. См. монтанье-наскапи
Начи (начезы), народ в Сев. Америке — 331, 402, 403
Нгариго, племя в Южной Австралии — 309
Негритосы, группа племен о-ва Лусон: жилище — 20; кочевничество — 101; сигнализация — 233, 234
Негры — 183. См. также басуто, бушонго, зулу, пангве и др.
Ненцы — 24
Неозе, племя в Вост. Боливии — 37, 57, 175, 388
Ниттинат, племя в Сев.-Зап. Америке — 295, 296
Нор, племя в Новой Гвинее
украшение — 71; деньги — 217; сигнализация — 236—238; одежда — 259; посвящение — 269; маски — 296, 392; культ предков — 392
Нубийцы, народ Африки — 178
Нутльматль, индейцы Америки — 290
Нуэр, народ в Африке — 69, 171, 269
Ньямньям, народ Ц. Африки — 243

Оботос, племя в Новой Гвинее — 108
Огнеземельцы, группа племен в Южной Америке — 264
костяные орудия — 130; плетение — 133; разделение труда — 156; пища — 160; лодки — 202; инициации — 261—277; танцы — 283; социальная организация — 306
Оджибве, племя в Сев. Америке — 6, 11
жатва дикого риса — 106, 108, 313, 315; детские игрушки — 178; магия — 339; погребение — 400, 401
Океанийцы — 40, 207
жилище — 29; палица — 130; мореплавание — 207; деньги — 210, 212; маски — 391—392.
См. также меланезийцы, микронезийцы, маори, папуасы, полинезийцы
Омаха, племя в Сев. Америке — 148
Оранг-бенуа, племя в Индонезии — 339

Пайягуа, племя в Южной Америке — 200
Пангве, народ в Зап. Африке — 44, 69, 258, 260, 261, 395.
жилище — 28; обстановка — 45; огонь — 45; символика цветов — 55; татуировка — 60; прическа — 64; вздергивающие ловушки — 86—88; плетение — 136; плавка металла — 155; разделение труда — 157; трубки для курения — 158; курение — 169, 171; вино — 174; игрушки для детей — 177—179; переноска тяжестей — 192; деньги — 219, 221, 228; сигнализация — 235; чувство стыда — 259; музыка — 301, 302; тайные союзы — 324; вера в духов — 363; почитание животных — 368; погребение и культ умерших — 394, 398, 399
Пань, племя в Парагвае — 44
Папаго, индейцы Северной Америки — 57, 174, 299
Папуасы, племена в Новой Гвинее — 8, 65, 71, 233
жилище — 30; постель — 39; раскрашивание тела — 56; символика цветов — 56; прически — 64; обмен — 217; цветы — 114; гончарство — 143; деньги — 217; сигнализация — 236—238; театр — 280; погребение — 392
Парсы
огонь — 34; погребения — 401
Пассамакводди, племя в Сев. Америке — 183
Патагонцы, группа племен в Южной Америке — 25
Пауни, племя в Сев. Америке — 319
Персы — 55, 56
Перуанцы — 303
собирательство — 105; мосты — 188; письменность — 244
Пигмеи, группа племен в Центральной Африке — 63, 96, 120, 151
охота — 98; собирательство — 102; разделение труда — 156; деньги — 222; сигнализация — 233
Полинезийцы — 66, 71, 398
прически — 65—66; собирательство — 105; лодки — 206; украшения — 219; деньги — 218, 219; сословное деление — 333; верования о загробной жизни — 350, 399
Помо, племя в Калифорнии — 134, 161, 162
Португальцы — 227
Потаватоми, племя в Сев. Америке — 315
Пуэбло, группа племен в Сев. Америке — 293
жилище — 28, 30; ткачество — 140; гончарство — 144; игры — 287; маски — 289, 290; шуты — 290, 291; театр — 295
Пуэльче, группа племен в Южной Америке — 233, 240

Ранкеле, племя в Южной Америке — 240
Римляне
огонь — 36, 239; ловушки — 88; письменность — 252; магия — 342

Саами, народ в Сев. Европе — 319. См. также лопари
Саки, племя в Сев. Америке — 24
Самоеды, ненцы, народ крайнего Севера
сани — 196; сигнализация — 242; знаки собственности — 242
Селиш, группа племен Северной Америки — 290
Селк'намы, племя огнеземельцев — 264, 265, 267
Селькупы, народ в Сибири — 24
Семанги, племя на Малайском полуострове — 96
Семинолы, племя в Сев. Америке — 240
Сенои, племя на Малайском п-ове — 96
Сери, племя в Северной Америке — 181
Сибику, племя в Америке — 240
Сингальцы, народ на о-ве Цейлон — 62, 190
Сипайя, племя в Америке — 55
Сирионо, группа племен в Вост. Боливии — 129, 160, 188
Сиу, группа племен в Сев. Америке
собирательство — 106; поселения — 108; письменность — 245, 247; танцы — 288, 297
Сичангу, индейцы Америки — 400
Славяне южные — 347
Сончо, племя в Конго — 325
Спартанцы — 277
Суму, племя в Центральной Америке — 56, 57
Суэве, племя в Колумбии — 234, 236

Тавгийцы, народ в Сев. Азии — 24
Талтан, племя в Сев. Америке — 92, 84
Тапьете, индейцы в Ю. Америке — 96
Тарахумара, племя в Мексике — 181
Тасманийцы — 10, 123
жилище — 19, 20; раскрашивание

лица — 233; социальная организация — 306; война — 306; наказания — 311; погребения — 386; магия — 388
Тачи, племя в Калифорнии — 170
Техуэльчи, группа племен в Южной Америке — 25
Тибетцы
жилище — 25; символика цветов — 56; деньги — 219, 223, 226; шуты — 293; мумификация — 405; погребения — 405
Тикар, племя в Камеруне
жилище — 31; обувь — 125; плетение веревок — 136; ткачество — 140; сигнализация — 239; война — 329; вера в духов — 363
Тирини'е, племя в Вост. Боливии — 57
Тлинкиты, народ в Сев. Америке
жилище — 30; деньги — 226; вера в духов — 363; сказки — 380
Тоала, племя на Целебесе — 19
Тоба, индейцы в Ю. Америке — 36
Тода, племя в Южной Индии — 116
Туареги, народ в Сев. Африке — 5, 130
Тукано, группа племен в Южной Америке — 169, 170, 236
Тунгусы (эвенки), народ в Сев. Азии — 104
сигнализация — 240, 241; знаки собственности — 242; охота — 318
Тупи-гуарани, группа племен в Южной Америке — 97
маниока — 111; вера в духов — 396; магия — 396; погребения — 396
Тюбатулабал, племя в Калифорнии — 61, 203, 262

Уитото, племя в Южной Америке — 364
Улед-наил, племя в Зап. Сахаре — 225
Уруа, племя в Южном Конго — 356

Фанг, племя в Зап. Африке — 223
Фиджийцы — 217
Финикийцы, древний народ Передней Азии — 249, 250
Фоксы, племя в Сев. Америке — 24
Фульбе, народ Судана
жилище — 31; плавка металла — 153; скотоводство — 328; войны — 328, 329; рабство — 329; крепостные — 329; государственное управление — 329, 330; судопроизводство — 329
Фумбам, племя в Зап. Африке — 282
Фьорт, племя в Конго — 382

Хабеши, племя в Африке — 330
Хайда, племя в Сев. Америке — 172
обмен — 224; мифология — 365; сказки — 373
Хайя, народ в Африке — 176
Хамиты — 153
Ханты, народ в Сибири — 24
Хауса, народ в Судане
ткачество — 140, 141; краски — 148; деньги — 217
Хиваро, племя в Эквадоре — 236, 390, 391
Хопи, племя индейцев пуэбло — 295
понятие красоты — 51; гончарство — 144; танцы — 288; шуты — 293; игры — 294; магия — 347; погребения — 395
Хупа, племя в Сев. Америке — 208
Хьяньям, племя в Бразилии — 314

Цимшиан, племя в Сев.-Зап. Америке — 30
Цонека, индейцы Южной Америки — 25

Чама, индейцы Перу — 55
Чейены, племя в Сев. Америке — 401
Чероки, индейцы в Сев. Америке — 169, 326
Чибча, племя в Колумбии
ювелиры — 150; наркотики — 166; календарь — 184; мосты — 189; переноска тяжестей — 191; погребения — 405
Чикасоу, индейцы Сев. Америки — 258
Чимане, племя в Боливии — 139
Чиппевеи, индейцы в Сев. Америке
жилище — 24; собирательство — 106; деньги — 226; воспитание детей — 258; магия — 343. См. также оджибве
Чиригуано, племя в Южной Америке — 242, 396
Чирипа, племя в Парагвае — 44
Чороти, племя в Южной Америке — 59, 178
Чукчанси, племя калифорнийских индейцев — 170
Чукчи, народ Сев.-Вост. Азии
ловушки — 88, 104; собирательство — 105; власть вождя — 320; рабство — 320; оленеводство — 320; судопроизводство — 321; погребения — 402

Шаванты, племя в Вост. Бразилии — 97
Шиллуки, народ на Верхнем Ниле — 163
Шошоны, группа племен Сев. Америки — 240
Шумерийцы, древний народ Передней Азии — 248

Эве, народ в Зап. Африке
деньги — 229; сигнализация — 240; государственное управление — 330
Эвенки, народ в Сев. Азии — 24. См. также тунгусы
Экои, племя в Камеруне — 324
Эскимосы, народ арктической Америки — 25, 41, 43, 88, 120, 170, 194, 262, 295, 370
жилище — 22; огонь — 36; прически — 65; охота — 79; крутильная ловушка — 87, 89; очки — 122; каменные ножи — 129; окраска кожи — 148; орудия труда — 155; пища — 160, 161; спорт — 183; коньки — 193; сани — 196; лодки — 204; сигнализация — 122, 240; знаки собственности — 242; письменность — 247; чистоплотность — 258; шуты — 287; власть вождя — 320; поединок — 321; наказания — 321; верования — 354, 355

Юалайи, племя в Вост. Австралии — 261—262
Юкагиры, народ в Сев. Азии
жилище — 24; средства связи — 243, 244; пиктографическое письмо — 243, 244
Юма, индейцы в Калифорнии — 299
Юроки, индейцы в Сев. Калифорнии.
плетение — 133; табак — 170

Яванцы — 281
Яганы, племя огнеземельцев — 133, 285. См. также яманы
Якуты, народ в Сев. Азии — 104
трубки для курения табака — 169; кумыс — 175; лыжи — 193
Яманы, индейцы Огненной земли — 202, 259.
См. также яганы, огнеземельцы
Яо, племя в Вост. Африке — 59
Японцы — 146, 230
татуировка — 61; плуги — 117; деньги — 226; магия — 340, 346, 388; погребения — 388
Яуданги, племя в Калифорнии — 170
Яудельмани — племя в Калифорнии — 170
Яунде, племя в Зап. Африке — 60, 86

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Автомобиль — 200
«Авторское право» — 313, 314, 333
австралийцы — 296, 297; виннебаго — 297; камия — 297; сиу — 297; чиппевеи — 297
Агава — 172, 174, 175
Азбука — 249. См. также письменность
Азильская эпоха — 19
Алкоголь — 159, 172, 173, 174, 175, 176. См. также вино, водка, пиво
Альпака — 121, 196, 327
Амбары — 26, 113, 313
Амулеты и талисманы — 43, 146, 202, 228, 257, 345—347, 388, 392, 395, 400, 405. См. также магия
Ананасы — 220
Анимизм и анимистические верования — 385, 404, 405
австралийцы — 363; альсеа — 362—364; бамум — 363; бороро — 396; индейцы — 362, 363; зуньи — 363, 364; кламат — 363; кпелле — 386; майду — 363, 364; наскапи — 402; пангве — 363; тикар — 363; тлинкиты — 362; тупи — 396
Арбалет — 86, 87
Артишок — 121
Арфы — 298, 301
Ашельская эпоха — 18

Баллисты — 88, 199
Бамбук — 43, 188
Бананы — 102, 103, 105, 110, 140, 141, 163, 219
Барабаны — 123, 125, 177, 224, 232, 234—236, 271, 298, 300, 301, 394, 395
Бататы — 105, 110
Береста и изделия из нее — 42, 43, 127, 204, 205
Бетель — 166, 171, 346
Библия — 154, 297
Бизоны — 23, 94, 96, 98
Бобры — 119
Бобы — 110, 114, 121
Боги — 356—359, 373, 374. См. также Указатель мифологических имен
Бокс — 182
Бола — 79
Болезни — См. знахари, магия
Борода — 62—63
Бортничество
андаманцы — 157; ведды — 309
Борьба, вид спорта — 182
Браслеты — 71, 74, 130, 137, 151, 152, 180, 213, 214, 217, 223, 270
Брачные правила — 311, 331
Бронза — 149, 150, 155, 223, 225, 299, 302
Бронзовый век — 123, 143, 150, 193
Буддизм — 153, 175, 274, 356, 405
Бумага — 127, 253
Бумеранг — 124, 182, 243, 316
Бусы — 40, 71—73, 152, 216, 221, 224
Быки — См. рогатый скот

Ведьмы — 346, 350
Веер — 130, 132, 152
Верблюды, верблюдоводство — 115, 197, 198, 327, 329
Веревки — 136, 137
Веретено — 41, 138, 139
Верования — 91, 155, 161, 296, 349, 350. См. также анимизм, боги, ведьмы, гадание, жертвоприношения, жрецы
Ветровой заслон — 19—22, 25, 99, 120, 123, 126, 157
Взаимопомощь — 309, 319, 324
Вино — 172—177. См. также алкоголь
Виолончель — 87, 301
Виски — 172
Власть, организация
у первобытных охотников и собирателей — 306—312;
у народов-собирателей урожая — 316—318;

70

у арктических народов — 320—322; у земледельческих народов — 323—326; у скотоводческих народов — 327—330; у народов высокой культуры — 331—336
Вода — 164
Водка — 172, 176
Водные пути — 187
Воздушное погребение — 386, 388, 399—401. См. также погребения
Возрастные классы — 324. См. также тайные союзы
Вожди — 316, 320, 323, 324, 327, 399
Войлок — 148
Война — 260, 312
австралийцы — 306; гереро — 327; каффичо — 330; тасманийцы — 306; фульбе — 328, 329; хабеши — 330
Волокуша — 197, 198, 401
Волосы и уход за ними — 61, 62. См. также борода, прически
Воспитание — 255—262; 275—278
Времяисчисление — 249

Гадание — 355
Газеты — 254
Гамак — 39, 44, 120, 121, 191
Гарпун — 79, 128, 202, 204, 247, 321
Гашиш — 167
Гигиена тела — 51, 52
Гитары — 225, 298, 301
Глазурь — 144
Головная скамейка — 38
Головные уборы — 67
евреи — 68; индейцы — 68; кабири — 68; мурик — 68
Гонги — 224, 233, 396
Гончарный круг — 143, 144
Гончарство — 117, 142, 145, 146, 209
андаманцы — 157; байла — 144; индейцы — 143—145; папуасы — 143. См. также посуда
Город — 33
Горох — 110
Гостеприимство — 159—161, 313, 314
Государство — 325—333
Гребни — 66, 67. См. также прически, шпильки
Грим — См. косметика
Грот — См. пещеры
Губная помада — См. косметика

Дань — 329
Движимая собственность — См. собственность
Деньги — 165, 179, 214, 230, 246, 377
абиссинцы — 223, 228; айны — 220; ассамцы — 219; ашанти — 224, 229; бассари — 209, 228; базонго — 224; банту — 222, 224; бубока — 209; васандави — 222; дагомейцы — 209; зулу — 229; ибо — 209; игороты — 219; индейцы — 209, 212, 226, 228; индонезийцы — 229; калифорнийцы — 212, 222; квакиутль — 224; китайцы — 215, 216, 219, 220, 223—225; мексиканцы — 219, 225; меланезийцы — 210, 213, 217, 226, 228; микронезийцы — 213, 224; пангве — 219, 221, 222, 228; полинезийцы — 218, 219; пигмеи — 222; тибетцы — 219, 223, 226; тлинкиты — 226; фиджийцы — 217; хайда — 224; хауса — 217; чиппеваи — 226; хупа — 208; эве — 229; японцы — 226
Деревенская община — См. сельская община
Деревня — См. сельская община
Дети, воспитание — 257—262
переноска — 257, 258
Долговое право — 319, 329
Дома — См. жилище
Домашние животные — См. животные
Доменные печи — 149, 152. См. также железо
Дороги — 185—187, 200
Драма — 283, 284, 286, 303. См. также театр
Дубление кожи — 147
Дудки — См. духовые инструменты
Дурра — 110, 132
Ду́хи — См. анимизм
Духи́ — См. косметика
Духовые инструменты — 234, 301
Душа — См. анимизм
Дуэль — 182. См. также поединок

Жатва — 106, 107, 314, 315
Жевательная резинка — 166
Жезл — знак достоинства, полномочия — 242, 243, 325, 345
Железный век — 123
Железо — 125, 149, 151—156, 221, 224, 228, 229, 299, 302. См. также доменные печи, кузнецы
Желуди — 105, 376, 377
Женские союзы — См. тайные союзы
Жертвоприношения — 357, 389, 400
Живопись — 89, 91, 92, 335
Животноводство — См. скотоводство
Животные и их приручение — 181, 368
Жилище — 17, 18, 27, 40, 41, 45—47, 107, 123, 157, 305
австралийцы — 20; алгонкины — 24; апачи — 21; ацтеки — 33; анда-

манцы — 21; банда — 31, 32; бушмены — 20; ведды — 19, 20; вуте — 31; индейцы — 24, 30; кеты — 24; ламуты — 24; лопари — 24; майя — 33; маори — 32; мединины — 30; мусгу — 28; квакиутль — 22; навахо — 28; негритосы — 20; ненцы — 24; манси — 24; океанийцы — 29; пангве — 28; пань — 44; папуасы — 30; пуэбло — 28, 30; саки — 24; селькупы — 24; тавгийцы — 24; тасманийцы — 19, 20; техуэльчи — 25; тибетцы — 25; тикар — 31; тлинкиты — 30; тоала — 19; фоксы — 24; фульбе — 31; ханты — 24; цонека — 25; чиппевеи — 24; чирипа — 44; эскимосы — 22; юкагиры — 24; эвенки — 24
Жрецы — 171, 251, 272, 273, 277, 289, 296, 350, 396, 399, 404

Западни для зверей — См. ловушки охотничьи
Заслон ветровой — См. ветровой заслон
Звероловство — См. охота
Зебу — 197
Земельное право — 313, 322—324
Земледелие — 27, 95, 97, 99—103, 108, 109, 111, 113, 115, 116, 142, 145, 157, 263, 286, 322, 327, 328, 331, 353, 389, 391, 393, 395, 398, 399
Землекопалка — См. палка-копалка
Землетрясение, поверия о нем — 363
Земля как пища — 163, 164
как драгоценность — 217
мифологическ. понятие — 364
Землянка — 22, 26. См. также жилище
Зернотерка — 130
Зернохранилище — 105
Знаки собственности — 242
Знахари — 112, 122, 155, 174, 215, 283, 335, 339, 340, 346, 391, 393
Золото — 149, 224, 225, 227, 229, 293, 405
Зубры — 95, 115
Зубы, уход за ними, уродование — 69, 70, 217

Иглы — 41, 128, 130, 132, 137, 139, 222
Игрушки детские — 177—179. См. также куклы
Игры — 177, 184, 284, 288, 305, 355
австралийцы — 179; индейцы — 180, 287, 294, 314. См. также куклы
Иероглифическое письмо — 248—251
Имбирь — 164
Имена, верования о них — 344, 352
Индюки — 121
Инициации — 242, 261—273, 276, 285, 291, 296, 300, 311, 312, 314, 317, 353: австралийцы — 264, 267; апачи — 271; ваньемба — 271; зуньи — 267; кпандо — 270; мандан — 267—269; мбайя — 271; нор — 269; нуэры — 269; пангве — 269; селк'намы — 264—267. См. также крещение
Искусство — 38, 39, 40, 41, 43, 45—49, 54, 130, 131, 325. См. также резьба
Ислам — 274, 328, 329, 345
Исполнительная власть — См. власть

Казнь смертная — См. смертная казнь
Казуары — 219
Какао — 165, 219
Кактус — 148, 167
Калебасы — 43, 45, 173, 176, 206, 299. См. также посуда, утварь
Кальян — 171, 173. См. также курение
Каменные деньги — См. деньги
Каменные орудия — 41, 129, 275. См. также ножи, палеолит, неолит
Каменный век — 95, 123. См. также палеолит, неолит
Каналы, судоходные — 187
Капканы — 88. См. также ловушки
Карета — 200
Карибу (олень) — 24, 43, 94, 195, 196, 205
Картофель — 105, 110, 121, 174
Карты игральные — 355
Кассава — 124
Касты — 275
Катапульты — 88, 199
Каури — 40, 72, 179, 208, 209, 220, 228, 229. См. также раковины
Каучук — 220
Кедровый орех — 105
Керамика — 40, 42, 142. См. также гончарство, гончарный круг, посуда
Кесарево сечение — 122
Кирпич, сырец — 28—47
Классы общественные — 275, 320, 329 и др.
Клинопись — 249, 253
Клоуны — См. шуты
Книги, книгопечатание — 253, 254, 275
Кожа, обработка и употребление — 126, 147, 226, 252
Козы — 115
Кокаин — 121, 166
Кокосовая пальма — 105, 108
Колдовство — См. магия
Колдуны — 170, 348, 387, 393

Колесница — 199, 200
Колесо — 89, 117, 143, 198, 199
Кольца, украшение — 72, 144, 180, 214, 215, 217, 218, 223, 226
Коляска — 200
Комедия — 281, 286, 287, 303. См. также театр
Коневодство — 115, 327, 329
Конница — 329
Конопля — 136, 140
Коньки — 192, 193
Коньяк — 176
Копра (сушеная мякоть кокосового ореха) — 215
Копьеметалки — 141, 311
Копья — 98, 124, 129, 131, 137, 154, 182, 202, 203, 221, 223, 242, 243, 310, 311, 316, 335, 339, 353
Корзины — 46, 105—107, 120, 126, 128, 130, 132—135, 162, 190, 203, 256, 299, 396, 401
Корнеплоды и клубневые — 110
Короли — 331, 332
Коромысло — 191
Косметика — 52—54, 76. См. также раскрашивание тела
«Костяная культура» — 18
Кочевничество — 97, 99—101, 142, 148, 160, 309, 401. См. также пастушеские народы
Кофе — 165
Крапива — 140
Краски — 128, 140, 148
Красота, представление о ней — 51
Кремация трупов — 388, 402, 403
Крепостные — 329
Крещение, обряд — 341
Крито-микенская эпоха — 62
Кровная месть — 321, 327, 329, 330
Ксилофоны — 269, 302
Кузнецы — 152—156, 226. См. также доменные печи, железо
Кукольный театр — 281
Куклы — 177 — 179, 341
Кукуруза — См. маис
Кулачный бой — См. бокс
Культ огня — См. огня культ
Культ предков — См. предков культ
Культурно-историческая школа — 4, 6, 9, 18
Кумыс — 175, 176
Курение — 167—172. См. также опиум, табак
Курительные трубки — См. трубки курительные
Куры — 115

Лазание — 181
Лама — 121, 196, 327
Ламаизм — 55, 153, 274, 356. См. также буддизм
Лампы — См. масляные лампы
Лассо — 79
Легенды — См. мифология, сказания, сказки
Ледниковый период — 89—93, 95, 98, 115, 120
Лен — 110
Лечебная магия — См. магия, знахари
Лилии, съедобные корни их — 104, 161, 175, 313
Лира — 301
Лирика — 303, 304
Личная собственность — См. собственность
Ловушки охотничьи — 80—93, 96, 260
араваки — 88; виннебаго — 88; готтентоты — 81; греки — 88; квакиутль — 88; бушонго — 88; макуши — 88; пангве — 88; талтан — 84; эскимосы — 87; монтанье-наскапи — 84
Лодки — 106, 107, 108, 123, 126, 157, 200, 202—206, 215
ассамцы — 203; гаучо — 203; индейцы — 203—205; лапландцы — 204; монтанье-наскапи — 204; огнеземельцы — 204; полинезийцы — 206; эскимосы — 204; яманы — 202
Локальная группа — 306, 309, 311—318, 320, 332, 333
Лопата — 117
Лотос — 103
Лошади — 115, 196, 197. См. также коневодство
Лук, растение — 105, 164
Лук, оружие — 86, 87, 98, 125, 157, 177, 247, 265, 400
Луна, верования о ней — 363, 364, 371—373
Лыжи — 193—195, 379
«Лыжная культура» — 193
Лютня — 301

Магия — 91, 334, 348, 385, 393, 406
австралийцы — 335, 337—339, 353, 387, 388; андаманцы — 388; бадага — 342; басуто — 343; евреи — 342; зулусы — 341, 349; индейцы — 342, 390, 391; инки — 405; куин-мурбурра — 388; китайцы — 345; лапландцы — 340; малайцы — 342, 343, 347; навахо — 336, 337; наскапи — 402; нарриньери — 346, 388,

347; оджибве — 339; папуасы нор— 392; пауни — 319; римляне — 342; тасманийцы — 388; тупи — 396; славяне южные — 347; хопи — 347; чиппеваи — 343; японцы — 340, 346
Мадленская культура — 18, 41
Маис — 110, 112, 121, 174, 175, 243
Мак — 110, 167
Малярия — 122
Мамонты — 95
Маниока — 101, 110, 111, 113, 114, 121, 162, 163, 174, 219
Маски — 91, 263, 266, 267, 273, 282—283, 286—289, 291—293, 295, 296, 354, 391, 392, 405
Масляные лампы — 41
Материнское право — 323
Матриархат — 271, 274
баквири — 323; батанга — 323; дуала — 323; ирокезы — 324
Мед — 156, 175
Медведи — 18, 95
Медицина — 345. См. также знахари, трепанация черепа
Медь — 149, 150, 209, 223, 224, 226
Международное право — 333
Мезолит — 10, 115
Металлургия — См. бронза, железо, золото, медь, плавка металла
Меха, кузнечные и плавильные — 86, 152, 156
Микенская культура — См. Критомикенская культура
Мим, греческая сатирическая комедия — 281, 282, 284, 285, 293, 294
Мистерии — 282, 294, 359
Мифология — 316, 360, 361, 363, 369
альсеа — 364; арабы — 366; атапаски — 366; австралийцы — 365; греки — 365; египтяне — 364, 366; зуньи — 364; индейцы — 366; зулусы — 365; карук — 376, 377; каррьер — 379—381; китайцы — 365; мандинго — 382—384; мексиканцы — 365, 366; меланезийцы — 366; уитото — 364; хайда — 365
Мокасины — 147, 148, 192, 194
Молитвы — 356, 357
Молитвенные мельницы — 356, 357
Молоко — 164, 172, 173, 176
Молотьба — 107
Мораль — 258, 259, 261, 265, 276—277, 357, 358
Мосты — 187—189, 200
Мотыга — 101, 110, 117, 128, 157, 221
Мужские союзы — См. тайные союзы
Музыка — 163, 298—303
Музыкальные инструменты — 298, 302.
См. также: арфы, барабаны, виолончель, гитары, гонги, ксилофоны, лира, лютня, орга́н, трещотки, трубы, флейта, цимбалы, цитра
Музыкальный лук — 298, 301
Мумификация — 386, 402
египтяне — 390, 404, 405; ацтеки — 405; бабвенде — 397, 398; инки — 405; тибетцы—405; хиваро—390, 391
Мустьерская эпоха — 19
Мясо — 94—96, 133, 160, 161, 163. См. также пища
Мяч — 121, 183

Нагота — 258, 259
Наказания — 312, 316, 327
австралийцы — 311; ботокуды — 311; каффичо — 330, 331; монтаньенаскапи — 321; тасманийцы — 311; чукчи — 321; эскимосы — 321. См. также штрафы
Напитки — См. алкоголь
Наркотики — 166, 168
австралийцы — 167; зуньи — 167; индейцы — 167; мексиканцы — 167; См. также: алкоголь, бетель, нюхательный табак, опиум, табак
«Народы-собиратели урожая» — 12, 26, 75, 103, 104, 107, 108, 115, 116, 130, 159, 161, 309, 312—318, 327, 333, 397, 399
Наследование — 316, 323, 328
Неандертальцы — 10, 25
«Немой обмен» — 222. См. также обмен
Неолит — 10, 22, 27, 29, 42, 46, 54, 103, 109, 110, 115, 128, 130, 131, 138, 145, 146, 150, 196, 215
Нефрит — 216
Ногти — 70. См. также: косметика, украшение
Ножи — 128, 129, 146, 153, 162, 221, 222. См. также каменные орудия
Номады — См. кочевничество, пастушеские народы
Носильщики — 191, 192, 199
Нюхательный табак — 168

Обмен — 104, 161, 186, 187, 220, 222, 305, 308, 313, 315, 324.
См. также деньги, «немой обмен»
Обрезание — 129, 269
Обувь — 124, 125, 135, 148, 192. См. также: мокасины, сандалии
Община — См. сельская община
Общинная собственность — См. собственность
Обычное право — 315, 317, 319 и др. См. также правовые нормы

Овощи — 94
Овцы — 115, 116, 197, 221
Огнивная пила — 35, 36
Огнивная терка — 36
Огнивное сверло — 35, 36
Огнивный плуг — 35, 36
Огня культ — 337
Огонь — 33, 43, 99, 202, 206, 240, 337, 374, 375, 401
австралийцы — 34, 35; буряты — 34, 35; бушмены — 36; гереро — 34; германские племена — 34; индейцы — 36, 37; малайцы — 36; маори — 34; пангве — 45; парсы — 34; римляне — 36; тапьете — 36; тоба — 36; эскимосы — 36
Одежда — 74, 75, 147, 270, 310, 351
Одеяла — 137
Однодеревка — 200—202. См. также лодки
Ожерелье — 152, 270
Окраска кожи — См. кожа и ее обработка
Оленеводство — 104, 319, 320
Олень — 94, 95, 196, 197, 368
Опера, оперетта — 284, 286, 298
Опиум — 167, 220
Опоссум — 137, 217, 368
Опрятность — См. чистоплотность
Орга́н — 302
Ориньякский период — 41, 145
Орнамент — 126, 127, 140, 144, 145, 201, 206, 337
Оросительные сооружения — 118
Орудия труда — 46, 78, 79, 121, 123, 125, 127, 128, 131, 151, 152, 154, 157, 260, 310. См. также иглы, мотыга, палка-копалка, скребла, сверла, топоры, шило, щипцы
Оружие — 41, 46, 87, 95, 97, 123, 124, 152, 157, 260, 310, 339, 351. См. также арбалет, бола, бумеранг, гарпун, копьеметалки, лассо, палица, лук и стрелы, панцыри, щиты
Освещение — См. масляные лампы
Оседлость — 100, 103, 138, 313. См. также кочевничество
Ослы — 197
Отопление — 47
Отравляющие вещества — См. яды
Охота — 23, 80, 81, 95, 99, 100, 102, 108, 157, 260, 263, 286, 293, 312—317, 319, 320, 335, 341, 347, 389
австралийцы — 97, 123, 156, 267, 309, 311, 353; андаманцы — 21, 156; бороро — 101; ботокуды и др. — 97, 309; бушмены — 21, 90, 91, 97, 156, 309; васекеле — 101; вашамба — 79; ведды — 96, 156, 309; даяки — 79; же — 97; индейцы — 75, 79, 96, 161; кубу — 96; огнеземельцы — 160; пигмеи — 96, 98, 103, 107; селк'намы — 266; семанги, сенои — 96; сирионо — 160; тунгусы — 318; эскимосы — 79
«Охота за головами» — 352, 390
Очищения, обряды — 340, 341, 352
Очки — 122

Паланкин — 191, 192, 199, 200
Палатка — 23—25, 43. См. также жилище
Палеолит — 10, 19, 22, 32, 54, 66, 76, 89, 95, 96, 103, 123, 128—131, 145, 196, 283, 321. См. также: каменные орудия, каменный век
«Палимпсест» — соскребанный пергамент — 252
Палица — 79, 80, 98, 124, 130, 286
Палка-копалка — 97, 98, 101, 110, 117, 123, 132, 256
Панданус — 105, 206, 211
Пантомимы — 283—286, 335, 338, 339
Панцыри — 329
Папирус — 127, 202, 251—253, 275
Папоротник, съедобный — 105
Пастбище — 115, 327
Пастушеские народы — 115, 116, 147, 328, 399, 402, 404. См. также кочевничество, скотоводство
Патриархальная семья — 323, 327
Патриархат — 323, 399, 402
Первобытно-общинный строй — 310, 319 и др.
Пергамент — 252, 275
Переноска тяжестей — 189—191
«Песенные поединки» — 321. См. также поединок
Песни — 112, 176, 236, 270, 272, 277, 284, 285, 288, 296—300, 303, 304, 336, 339, 369, 403. См. также музыка
Пещерная живопись — См. живопись
Пещеры — 18, 19, 29, 89—92, 283, 402. См. также жилище
Пиво, пивоварение — 172—175, 177
Пиктографическое письмо — 245—248
Пилы — 129, 155
Пинцеты — 155, 165
Пирамиды египетские — 33
Писанг — 163
Письменность — 275
ассирийцы — 248, 249, 252, 253; вавилоняне — 248, 251, 253; греки — 249, 253; египтяне — 248, 249, 251; индейцы — 244, 246; кара — 244; китайцы — 244, 248, 252; мексиканцы — 249; перуанцы — 244; фини-

кийцы — 249—250; юкагиры — 243, 244; шумерийцы — 248.
См. также иероглифическое письмо, клинопись, пиктографическое письмо, узелковое письмо, унциальное письмо
Пища — 20, 21, 94—96, 99, 101, 103, 104, 106—108, 126, 133, 153, 157, 159, 230, 262, 263, 265, 288, 307, 311, 312, 315, 318, 319, 324, 332, 333, 335, 339, 400
австралийцы — 26, 161; банту — 162; гуарани — 162; индейцы — 26; апачи — 161; наскапи — 160; огнеземельцы — 160; шиллуки — 163; эскимосы — 160—161
Плавание, спорт — 183
Плавильные печи — 86, 150, 152, 153. См. также доменные печи
Плавка металла — 149—152, 155
Плащи — 75, 120, 147
Племя — 306, 308, 309, 311, 313—315, 317, 318, 320, 325, 327, 333.
См. также союзы племен
Плетение — 131, 138, 139, 141, 187, 272
австралийцы — 132; апачи — 134, 135; бамбути — 133; калифорнийцы — 133, 134; майду — 134, 137; наскапи — 137; пангве — 136; помо — 134; тикар — 136; йоруба — 134; огнеземельцы — 133; юроки — 133, яганы — 133
Плоты — 201—203, 215
Плуги — 110, 116—118, 154
Пляски — См. танцы
Повозка — 117, 198, 199
Погребения — 179, 195, 213, 235, 349, 351, 352
австралийцы — 386, 388, 400; алгонкины — 395; андаманцы — 388; ацтеки — 405; бабвенде — 397, 398; бороро — 396; виммера — 387; гиляки — 402; дусуны — 396, 397; джур — 397; индейцы — 397, 400, 401; инки — 405; испанцы — 386; калифорнийцы — 293; коряки — 402; куинмурбурра — 388; миссисауга — 401; мохос — 388, начезы — 403; оджибве — 400, 401; папуасы — 392; пангве — 393; парсы — 401; тасманийцы — 386, 388; тупи — 396; тибетцы — 405; хопи — 395; чейены — 401; чибча — 405; чиригуано — 396; чукчи — 402; японцы — 388
Подражательная магия — 340, 341. См. также магия
Подсечное земледелие — 112. См. также земледелие
Подсолнечник — 121
Поединок — 182, 306, 307, 321
Поминальные обряды — 180. См. также погребения
Портулак — 105
Посвящения — См. инициации
Поселения — 108. См. город, сельская община
Постель — 38, 39
Постройки — См. амбары, жилище, свайные постройки
Посуда — 42, 43, 114, 125, 144. См. также утварь, калебасы
Пояса — 75, 137
Правовые нормы — 309—312, 314, 317—319, 322, 327, 331, 332.
См. также: долговое право, земельное право, международное право, убежища право
Праздники — 159, 161, 163, 174, 176, 177, 184, 199, 218, 242, 265, 267, 270, 279, 282, 289, 291, 304, 305, 314, 317, 336, 337, 340.
Предания — См. мифология, сказки, сказания
Предков культ — 34, 261, 263, 267, 347, 348, 349, 354, 360, 391
апачи — 393; греки — 350; даяки — 389; египтяне — 350, 404; индейцы — 354; мексиканцы — 350; меланезийцы — 392; пангве — 394; полинезийцы — 350; эскимосы — 354, 355
Преступления — 311, 316, 317, 321 и др.
Приветствия — 259, 260
Приручение животных. См. скотоводство
Прически
австралийцы — 63; апачи — 65; зулусы — 66; индейцы — 65; камиа — 65; мангбету — 64; пангве — 64; папуасы — 65; полинезийцы — 65; эскимосы — 65
Проволока — 153
Промыслы — См. охота
Просо — 110, 114
Протонеолит — 10
Прядение — 138, 139, 272. См. также плетение, ткачество
Прялки — 139
Пряслице — 138, 145
Птицы, приручение их — 179, 180, 181
Пчеловодство — См. бортничество
Пшеница — 94, 110, 116

Рабство — 275, 351
начезы — 331, 402; фульбе — 329; чукчи — 320

Разделение труда:
австралийцы — 156; андаманцы — 156, 157; бушмены — 156; ведды — 156; маори — 157; меланезийцы — 157; пангве — 157, 158; пигмеи — 156; огнеземельцы — 156
Ракеты — 254
Раковины — 40, 72, 123, 208, 209—214, 229, 230, 246, 377. См. также каури
Раскрашивание тела — 53, 54, 403
австралийцы — 57; ацтеки — 59; банту — 57; бритты — 58; германцы — 59; даяки — 59; мискито — 57; монтанье-наскапи — 57; неозе — 56—57; папаго—57; папуасы—56; племена Гран Чако — 59; суму — 56—57; тасманийцы — 233; тиринге — 57
Расы — 63
Резьба по дереву — 46, 201, 202
по слоновой кости — 330
Религия — 153. 167, 232, 263, 274, 282, 284, 286, 287, 293, 294, 316, 356, 357, 358, 404
См. также анимизм, боги, гадание, жертвоприношения, жрецы, магия, мистерии, молитвы, предков культ, фетишизм, шаманы
Ремесла — 122, 142, 261 и др. См. также гончарство, кузнецы, резьба, ткачество, ювелиры
Рикша — 199, 200
Рис — 94, 104, 105, 108, 110, 113, 164, 219, 315, 317
Рисунки — 89—91. См. также живопись, искусство, пиктографическое письмо
Ритм — 236—238, 298. См. также музыка
Рога (сигнальные и т. п.) — 234, 302
Рогатый скот — 114, 115, 196. См. также скотоводство
Род — 312, 315 и др. См. также локальная группа, матриархат, первобытно-общинный строй, племя
Ротанг — 213
Рубила, ручные — 128. См. также палеолит, каменные орудия
Рубцевание — См. татуировка
Рудники — 153
Рупия, индийская — 223, 228
Рыболовство — 84, 94, 156, 157, 161, 163, 180, 206, 228, 236, 260
Рыболовные снаряды — 87
Рынки — 185. См. также деньги, обмен

Саго, саговая пальма — 104, 105, 163, 214, 217, 219
Садоводство — 110, 114, 117
Сандалии — 192. См. также обувь
Сани — 126
гиляки — 196; индейцы — 195, 196; лапландцы — 195; лопари — 195; наскапи — 195; самоеды — 196; эскимосы — 196
Саркофаг — 404
Сахар, сахарный тростник — 101, 173, 174
Свайные постройки — 26, 28, 29, 110, 129, 167
Сверла — 41, 155, 211, 213
Свиньи — 115, 162, 163, 174, 214, 215, 218
«Свиные деньги» — См. деньги
Седла — 148
Сельская община — 322, 323, 325
Семья — 306, 315, 323, 332. См. также патриархальная семья, род
Серебро — 209, 227, 229
Серпы — 155
Сети, охотничьи и пр. — 79, 80, 136, 139
Сигареты, сигары — 168—171
Сигнализация — 233—242
Силки — 84, 85, 136. См. также ловушки, охота, сети
Символика цветов — 55—56
Сирена (сигнальная) — 254
Сказания — 360, 366
атапаски — 366—368; даяки — 369; индейцы — 369—370; индонезийцы—369; эскимосы — 370
Сказители — 303
Сказки — 361
австралийцы — 370, 371; камба — 379; кочити — 381, 382; крики — 374—376; монтанье-наскапи — 371—373; меланезийцы — 377, 378; микронезийцы — 373—374; тлинкиты—380; фьорт — 382; хайда — 373
Скальные жилища — 30
Скамейка головная — См. головная скамейка
Скипетры — 130, 356
Скотоводство — 23, 95, 99, 100, 108, 115, 116, 288, 322, 327, 328, 331, 332, 388. См. также верблюды, козы, коневодство, овцы, рогатый скот, свиньи
Скребла — 41, 128, 130, 146, 147
Скрипка — 301
Сладкий картофель. См. бататы
Слоновая кость — 217, 330
Слоны — 98, 119, 197
Смертная казнь — 311, 312, 316, 321, 331
Смерть — 375, 376, 385, 386

Снегоступы — См. лыжи
Сны (верования) — 348, 392
Собака — 115, 196, 197
Собирательство — 97, 100—104, 107, 108, 123, 164, 263, 286, 293, 309, 312, 313, 315—319, 341, 347, 353, 389
австралийцы — 99, 267; андаманцы — 157; арауканы — 105; бушмены — 98; ведды — 98; перуанцы — 105; селк'намы — 266; сиу — 106; племена Чако — 314; хьяньям — 314; чукчи — 105; чиппеваи — 106
Собственность — 296, 306, 309—319, 327, 333. См. также знаки собственности
Совет старейшин — 323, 327
Солнце, культ и верования о нем — 336—337, 363—366, 370, 399
Соль — 160, 164, 219, 221
Сословное деление — 320, 328, 329, 331, 333
Союзы племен — 326
Спорт — 177, 184, 193
австралийцы — 181, 182; бушмены — 181; готтентоты — 181; ватусси — 182; египтяне — 183, 184; европейцы — 183; индейцы — 182, 183; негры — 183; тарахумара — 181
См. также борьба, бокс, дуэль, плавание, хоккей, футбол
«Спички Люцифера» — 37
Средства передвижения — См. водные пути, волокуша, дороги, колесо, колесница, носильщики, паланкин, переноска тяжестей, плоты, повозка, сани, тачка
Сталь — 149, 156
Старейшины — См. вожди, совет старейшин
Стрелы — 79, 98, 125, 157, 243, 247, 265, 335, 339, 400. См. также лук
Струнные инструменты — 86, 87, 299
Ступки — 46, 130, 134, 165
Судопроизводство — 311, 312, 320, 322, 326, 327, 331, 345, 362, 369
база — 325; бакози — 325; монтанье-наскапи — 321; фульбе — 329; чукчи — 321
Суеверия — См. верования
Сцена — 295, 297
Сыр — 162

Табак — 159, 168—171, 217, 220, 243, 344, 400. См. также нюхательный табак
Табу — 256, 263, 281, 317. См. также магия
Тайные союзы — 107, 271—274
база — 324, 325; бакози — 324, 325; пангве — 324; экои — 324, 325
Талер Марии Терезии — 222, 223, 229
Талисманы — См. амулеты
Танцы — 91, 112, 124, 161, 163, 174, 177, 179, 184, 226, 236, 257, 270, 271, 277, 286, 287, 293, 297, 299, 335, 354, 356, 391, 394, 395, 397.
австралийцы — 283—285, 338; бушмены — 283; ведды — 283; огнеземельцы — 283, 285: мексиканцы — 356; навахо — 336, 337; пангве — 394; сиу — 288, 297; тасманийцы — 285; тибетцы — 293; хопи — 288; чиппеваи — 297
Тапа — 46, 126, 127
Таро — 110, 162, 163
Татуировка — 65, 157
бабвенде — 398; банда — 60; даяки — 59; индейцы — 61; камиа — 61; маори — 60, 61; пангве — 60; тюбатулабал — 61; чороти — 59, 178, яо — 59; японцы — 61; яунде — 60
Тачка — 198, 199
Театр — 279, 280, 295—298
австралийцы — 304, 314; ацтеки — 295; греки — 281, 294; зуньи — 296; китайцы — 303; мексиканцы — 282; маки — 295; ниттинат — 295—296; огнеземельцы — 295; папуасы — 280; перуанцы — 303; пуэбло — 295; эскимосы — 287; яванцы — 281.
См. также драма, комедия, кукольный театр, мим, опера, пантомимы, сцена, трагедия
Театр теней — 281
Телеграф — 231, 236
Телефон — 122
Теория культурных кругов — 4. См. культурно-историческая школа
Террасовое земледелие — 117. См. также земледелие
Ткани — 131, 139, 140, 141, 149, 186, 209, 220, 221, 226, 227, 229, 396, 397
Ткацкий стан — 86, 131, 139, 140—142, 393
Ткачество — 127, 131, 137—141, 218
греки — 141; китайцы — 141; индейцы — 140; корейцы — 141; меланезийцы — 141; навахо — 140; перуанцы — 139, 141; тикар — 140; хауса — 140
Топоры — 109, 120, 128, 131, 154, 209, 215, 222, 308
Торговля — См. обмен
Тотем, тотемизм — 201, 304, 316, 353, 400
Тотемическая группа — 315, 316

Трагедия — 281, 304
Траур — 394, 405
Трепанация черепа — 122
Трещотки — 298, 299
Трипольская культура — 29
Троглодизм — 18
Трубки курительные — 145, 168, 171, 172, 221
пангве — 169; чероки — 169; якуты — 169. См. также кальян
Трубы — 234, 298, 302
Трупосожжение — См. кремация трупов
Тыквы — 46, 52, 98, 122, 164, 171, 299. См. также калебасы
Тягловая сила — 196

Убежище — 317
Убор головной — См. головные уборы
Уголовное право — 329
Удобрение — 112, 114, 118
Ужовка — См. каури
Узелковое письмо — 244
Украшение — 47, 127, 130, 141, 150, 151, 157, 166, 201, 224, 236, 310, 396, 405. См. также браслеты, бусы, кольца, ожерелье, орнамент, пояса
Украшение лица — 70, 71
Украшение дома — 22, 28—30, 32, 33, 40, 41, 45, 46
Унциальное письмо — 252
Уродование зубов — См. зубы
Утварь — 43—47, 121, 124—126, 132, 135, 146, 149, 150, 153, 190
Утки мускусные — 121

Фарфор — 146
Фетиши и фетишизм — 93, 209, 257, 348, 353, 354, 388, 390
Флейта — 47, 234, 238, 298, 301, 302
Фокусники — 291
Фольклор — См. песни, сказания, сказки
Фонетическое письмо — См. письменность
Фрегат (птица) — 180, 181
Фрукты — 94, 110
Фургоны — 199
Футбол — 183

Хижина — 225, 305, 322, 360. См. также жилище
Хлеб — 94, 103, 104, 162—164. См. также пища
Хлебное дерево — 105, 108, 163
Хлебные злаки — 110. См. также дурра, маис, просо, пшеница, рис, эммер, ячмень
Хлопок — 121, 140
Хоккей — 183
Холодная ковка металла — См. кузнецы

Цвета — См. символика цветов
Цветы — 114
Це-це муха — 94
Цимбалы — 300
Цитра — 301, 302
Цыновка — 29, 38, 44, 45, 107, 132, 134, 135, 139, 141, 157, 206, 226, 227, 299, 388, 397, 400

Чай — 164, 165, 219, 220
Частная собственность — См. собственность
Черепа — 354, 387, 389, 390, 392, 394, 395, 400. См. также трепанация черепа
«Черный напиток» — 168
Чеснок — 105
Чечевица — 110
Чистоплотность — 51, 52, 258
Чум — 24

Шаманы — 283, 335, 339, 370
Шелк — 141
Шерсть — 140, 148, 149
Шило — 12, 130, 132, 137
Школа культурных кругов — См. культурно-историческая школа
Школы — 255, 265, 266, 277
Шоколад — 165, 166
Шпильки — 66
Штрафы — 209, 212, 215, 224, 330, 331. См. также наказания
Шуты — 281, 282, 285, 294

Щипцы — 152, 154
Щиты — 124, 268, 309

Эгейская культура — См. Крито-микенская эпоха
Экипаж — См. карета, коляска, повозка.
Эммер, вид пшеницы — 110
Эоловый орга́н — 302

Ювелиры — 150
Юрта — 25

Яблоня — 110
Яды — 121
Яки — 25, 115, 116, 148, 187, 196, 197
Ямс — 104, 105, 108, 110
Ячмень — 110, 116
Яшма — 216

ГЛОССАРИЙ
(СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ)

Абуг (камерунск.), жемчуг — 216
Агбуигбе (зап. африканск.), тайный жаргон — 272
Аггри (камерунск.), бусы — 216
Акори (Бенин), «голубой коралл» — 74
Алкали (фульбе), судья — 329
Альгароби (Южн. Америка), рожки — 105
Амбач (Судан), пробковое дерево — 203
Арака (тюркск.), молочная водка — 176
Атамаойя (эскимосск.), табак — 170
Аудоут (о. Палау), вид денег — 216
Ашама (Лабрадор), лыжи — 194

Байу (о. Бугенвиль), зубы дельфина — 217
Бакиау (Новая Гвинея), раковинные деньги — 211
Бальса (Южн. Америка), плот — 203
Баннок (Лабрадор), вид пищи — 43
Бебин (пангве), «хороший» — 260
Богаду (бакаири), рыба — 111
Бонгус (пангве), «плохой» — 260
Босье (бушмены), навес — 21
Бунья-бунья (австрал.), плоды — 95, 104, 161, 313

Вакан (сиу), сверхъестественная сила — 334
Вампум (Сев. Америка), деньги из раковин в виде пояса — 212, 244, 246
Ванинга (Ц. Австрал.), обрядовый предмет — 353
Вара (маори), общественный дом — 32
Васм (арабск.), знак собственности — 242
Вежа (лопарск.), вид жилища — 24
Вигвам (алгонкины), вид жилища — 24
Викьюпы (апачи), вид жилища — 21
Виччина (индейцы хопи), шуты — 290
Воагён (Н. Гвинея), барабан — 236

Гаваики (полинезийцы), страна мертвых — 350
Галамида (фульбе), должностное лицо — 329
Ганкабарет (Н. Гвинея), вид барабанного сигнала — 237
Гашаш (Кордофан), вид денег — 229
Гоатта (лопари), временная постройка — 24

Дархаты (монгольск.), кузнецы — 154
Дёбён (Н. Гвинея), барабан — 236
Джар (Каролинские о-ва), вид денег — 214
Джин, рикша — См. рикша
Диварра (меланез.), раковинные деньги — 210—212, 214, 224, 228

Дигба (Нигерия), послушницы тайного об-ва — 273
Дуквалли (индейск.), игры — 287

Иглу (эскимосск.), снеговая хижина — 21, 22, 43, 247
Иевхе (Зап. Африка), женский союз — 272, 273

Казба (Алжир), поселок — 343
Казу (Африка), музыкальный инструмент — 300
Кайгамма (фульбе), премьер-министр — 329
Какахтли (Мексика), приспособление для ношения груза на спине — 189
Камайох (перуанск.), правительственный чиновник — 244
Канк (пангве), кушанье — 219
Каяк (эскимосск.), лодка — 204, 242, 247
Квипу — См. Кипу
Кережка (лопарск.), бесполозные сани — 195
Кинникиник (индийск.), горький табак — 170
Кипу (Перу), узелковое письмо — 244
Киран (Н. Гвинея), вид травы — 39
Клокетен (огнеземельск.), посвящаемый — 265
Койемчи (индейцы зуньи), клоуны — 260, 289, 290, 291, 293, 296
Корита (племена р. Колорадо), паром — 203
Корробори (австрал.), пляски — 284, 314
Куахауг (Сев. Америка), раковины — вид денег — 212
Кука (Убанги, Африка), игра — 179
Кураре (Южн. американск.), яд — 121
Куркум (Каролинск. о-ва), корень — вид денег — 219
Кюйт (лопарск.), временная постройка — 24

Ламидо (фульбе), вассалы — 329
Леенемаа (эстонск.), однодеревка — 202
Линга (банда, Ц. Африка), барабаны 235
Лувеан (Архипелаг Бисмарка), «бедняга» — 212
Лулуаи (Архипелаг Бисмарка), вождь, господин — 212
Лур (скандинавск.), музыкальный инструмент — 302

Малагане (Новая Ирландия), деревянные маски — 392
Мана (Океания), сверхъестественная сила — 334
Манито (алгонкинск.), сверхъестественная сила — 106, 170, 334
Манкала (Африка), азартная игра — 179
Маномин (Сев. Америка), дикий рис — 106
Марихуана (Центр. Америка), нюхательный табак — 168
Марува (гималайские племена), пиво — 175
Мате (парагвайск.), вид чая — 164
Мегинакан (о-в Борнео), праздник — 174.
Мекапальи (мексиканск.), головная лямка — 189
Мёрёб (Новая Гвинея), вид сигнала — 237
Мескаль (Мексика), растение — 105, 161, 175
Меса (испанск.), древнее скальное жилище пуэбло — 30
Микиреко (каффичо, Судан), сановники — 330
Мистапео (наскапи, Лабрадор), душа — 402
Мон (Соломоновы о-ва), лодка — 205, 206
«Мот а лен» (пангве), «человек, который разрезает» — 393
Мотаку (Боливия), растение — 388
Мукиш (Конго), клоун — 291, 292

Набоарём (Н. Гвинея), барабанный сигнал — 237
Наргиле (персидск.), курит. трубка — 172
Нарду (австрал.), растение — 95, 104, 161, 313
Насса (меланезийск.), раковинные деньги — 210, 212

Насси (о-в Борнео), рисовая водка — 174
Нететекитпан (ацтекск.), время самобичевания — 276
Нонда (Новая Гвинея), гриб — 167
Нуртунья (австрал.) обрядовый предмет — 353
Ньомбо (бабвенде), способ мумификации — 397, 398

Озон (пангве), стыд — 259
Окипа (манданы), обряд — 291
Окпоро (банда), вид барабана — 235
Октли (ацтекск.), напиток — 174
Оренда (ирокезы), сверхъестественная сила — 334

Палатамбу (Архипелаг Бисмарка), вид моллюска — 210
Памюрти (хопи, С. Америка), обряд — 288
Патуан (Архипелаг Бисмарка), вождь, господин — 212
Пейотль (мексиканск.), вид кактуса — 167
Пеле (Архипелаг Бисмарка), денежные снизки — 212
Пелота (Южн. Америка), лодка — 203
Пеммикан (алгонкинск.), сушеный мясной препарат — 43, 126, 127
Пики (Бразилия), вид дерева — 101
Питьюри (Австрал.), растение, наркотич. вещество — 167, 243, 308
Погатован (Сев. Америка), игра в мяч — 183
Попис (гуарани), кушанье из маниоки — 162
Похк-хонг (манданы), обряд посвящения — 267
Пульке (ацтекск.), напиток — 174, 177

Реки (о-в Бугенвиль), вид денег — 217
Рентас (индонез.), рассказчик — 369

Сагуаро (Мексика), плоды — 174
Саписапи (Н. Гвинея), раковинные деньги — 211
Сафари (суахили), путешествие — 186, 235, 303
Саламма (фульбе), должностное лицо — 329
Саррика-н-казуа (фульбе), должностное лицо — 329
Сарики-н-лефидда (фульбе), военачальник — 329
Стинкарды (начезы), простонародье — 331
Сумотора (японск.), борец — 182

Тамбу (меланез.), раковинные деньги — 210, 211
Тарасун (бурятск.), молочн. напиток — 176
Тато (каффичо, Африка), король, законность — 330
Таураи (австрал.) — 307
Тенгри (бурятск.), небеса, добрые духи — 156
Тепонатцли (мексиканск.), барабан — 236
Тессо (Вост. Африка), орудие обработки дерева — 202
Тибо (нанд'а), палка для гадания — 112, 113
Типи (индийск.), палатка — 23, 24
Типити (Ю. Америка), пресс для маниоки — 135
Типитча (Парагвай), метла — 45
Тобогган (канадск. индейцев), бесполозные сани — 195
Толоачи (Мексика), наркотик — 167
Тос (юкагирск), пиктографическое письмо — 243
Тукуль (Судан), вид построек — 29
Тукума (Ю. Америка), растение — 39
Тус (апачи), кувшин — 135
Туска (Ю. Америка), растение — 105
Тьюрунга. См. Чуринга

Умакарере (гереро), совет старейшин — 327

Умиак (эскимосск.), лодка — 204
Уткусиксалигмиут (эскимосск.), жировая лампа — 44

Феи (о-в Яп), каменные деньги — 214, 215

Хадак (тибетск.), шелковая ткань — 227
Ха'ин (Огненная Земля), большая хижина — 265, 266
Хили'идака (калифорн.), клоун — 293
Хо'и (зуньи), живые существа — 257
Хука (арабск.), курительная трубка — 172, 173

Цянь (китайск.), лопата — деньги — 224

Чуринга (австралийск.), обрядовый предмет — 352, 353

Шовиальтове (зуньи), игра — 182

Эдук (пангве), отхожее место — 259
Эртнатулунга (аранда) — тайник для обрядовых предметов — 317
Эттветьирин (чукчи), байдарная артель — 318

Ян-че (китайск.), иностранная повозка — 199

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Глава I. ДОМ И ОЧАГ 17

Глава II. В САЛОНЕ КРАСОТЫ ДИКАРЕЙ 50

Глава III. ПЕРВЫЕ МАШИНЫ 78

Глава IV. ПЛОДЫ ЗЕМЛИ 94

Глава V. ИЗОБРЕТЕНИЯ И РЕМЕСЛА 119

Глава VI. ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ 159

Глава VII. О ДОРОГАХ, МОСТАХ, ПОВОЗКАХ И СУДАХ 185

Глава VIII. ОТ РАКОВИН-ДЕНЕГ ДО ЧЕКОВОЙ КНИЖКИ 208

Глава IX. ОТ СИГНАЛЬНОГО БАРАБАНА ДО ГАЗЕТЫ 231

Глава X. ШКОЛЫ БЕЗ УЧЕБНИКОВ 255

Глава XI. ПЕРВЫЙ ТЕАТР 279

Глава XII. ОТ ПЛЕМЕНИ К ГОСУДАРСТВУ 305

Глава XIII. СИЛЫ МАГИИ И МИР ДУХОВ 334

Глава XIV. „ДАВНЫМ-ДАВНО..." 360

Глава XV. ЦАРСТВО МЕРТВЫХ 385

БИБЛИОГРАФИЯ 407

БИБЛИОГРАФИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ 434

ПЕРЕЧЕНЬ И ОБЪЯСНЕНИЕ ИЛЛЮСТРАЦИЙ 444

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 454

УКАЗАТЕЛЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН 459

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 460

УКАЗАТЕЛЬ ПЛЕМЕН И НАРОДОВ 465

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 473

ГЛОССАРИЙ (СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ) 483

Юлиус Липе
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Редактор *Л. З. ПОЛЯКОВА*

Художник *Б. В. Грозевский*

Технический редактор
Е. С. Герасимова
Составитель указателей и глоссария
С. Л. Милявская

Сдано в производство 8/IV 1954 г.
Подписано к печати 28/VI 1954 г.
Т-04921. Бумага 60×92¼.—15,2 бум. л.
30,5 печ. л.
Уч.-издат. л. 34,2. Изд. № 6/2319.
Цена 22 р. 55 к. Заказ № 1346.

Издательство иностранной литературы
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

4-я тип. им. Евг. Соколовой Союзполиграфпрома Главиздата Министерства культуры СССР. Ленинград, Измайловский пр., 29.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
56	9 сверху	№ I	N I
92	подпись к рисунку	Газели, попавшие в наступательную ловушку.	Газели, попавшие в ловушку „самолов“
100	2 снизу	Эрнста Гросса	Эрнста Гроссе
150	18—17 снизу	находилось пять тысяч плавильных печей. В Китае, в период династии Шан (1766—1122 годы до н. э.)[1]	находилось пять тысяч плавильных печей[1]. В Китае, в период династии Шан (1766—1122 годы до н. э.)
152	22 снизу	этот исследователь	В. Фой
193	6 снизу	вид для спорта	вид лыж для спорта
398	8 сверху	матери	материи
436	18—19 сверху	Максимов А. Н., Накануне земледелия, Ученые записки Института истории, Москва, 1952.	Материалы по истории земледелия СССР, сборник 1, АН СССР, Институт истории, Москва, 1952.
455	7 сверху	Дайамонд Дженнес	Дженнес, Дайамонд
456	6 сверху	Лист, Фридрих, немецкий этнограф	Лист, Фридрих, немецкий экономист

Юлиус Липс. Зак. 1346.

20-00

2-

М-28
2-00

76768/971

4538/961

ЦУНБ
им. Н.А. Некрасова
2 000001 606711

22 P 55